зала 18
шкафъ 2968.
полка 5.
№ 1. /12

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Е. САЛТЫКОВА, т. XII.

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

зала 18
шкафъ 268.
полка 5.
№ 1.
112

[1887 — 1889 гг.]

БРУСИНЪ

[1849 г.]

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

4/8934/к

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1895.

Гос.
Публичная
Б...а
в
Ленинграде

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА

[Н. ЩЕДРИНА]

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

—

1895.

М. Е. Салтыковъ

[Н. Щедринъ]

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

[1887 — 1889 гг.]

БРУСИНЪ

[1849 г.]

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1895.

2357

СОДЕРЖАНІЕ.

Пошехонская старина.

	стр.
Введеніе	1
I.—Гнѣздо	4
II.—Мое рожденіе и раннее дѣтство.—Воспитаніе физическое	12
III.—Воспитаніе нравственное	22
IV.—День въ помѣщичьей усадьбѣ	37
V.—Первые шаги на пути къ просвѣщенію	63
VI.—Дѣти.—По поводу предыдущаго	78
VII.—Портретная галерея.—Тетеньки-сестрицы	88
VIII.—Тетенька Анфиса Порфирьевна	108
IX.—Заболотье	138
X.—Тетенька-сластёна	156
XI.—Братецъ Ѳедотъ	171
XII.—Поѣздки въ Москву	186
XIII.—Московская родня.—Дѣдушка Павелъ Борисовичъ	197
XIV.—Житье въ Москвѣ	235
XV.—Сестрицыны женихи.—Стриженый	253
XVI.—Продолженіе матримоніальной хроники: Есперъ Клещевиновъ.—Недолгій сестрицынъ романъ.—Женихи-мелкота	271
XVII.—Крѣпостная масса	287
XVIII.—Аннушка	294
XIX.—Мавруша-Новоторка	311
XX.—Ванька-Каинъ	321
XXI.—Продолженіе портретной галереи домочадцевъ.—Кононъ	331
XXII.—Безсчастная Матренка	342
XXIII.—Сатиръ-скиталецъ	352
XXIV.—Добро пожаловать!	361
XXV.—Смерть Ѳедота	370

стр.

XXVI.—Помѣщичья среда 378
XXVII.—Предводитель Струнниковъ 389
XXVIII.—Образцовый хозяинъ 437
XXIX.—Валентинъ Бурмакинъ 461
XXX.—Словущенскія дамы и проч. 492
XXXI.—Заключеніе 515

Брусинъ, разсказъ . . . . . 531—588

I.

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

[1887—1889 гг.]

ВВЕДЕНІЕ *).

Я, Никаноръ Затрапезный, принадлежу къ старинному пошехонскому дворянскому роду. Но предки мои были люди смирные и уклончивые. Въ пограничныхъ городахъ и крѣпостяхъ не сидѣли, побѣдъ и одолѣній не одерживали, кресты цѣловали по чистой совѣсти, кому прикажутъ, безпрекословно. Вообще, не покрыли себя ни славою, ни позоромъ. Но зато ни одинъ изъ нихъ не былъ битъ кнутомъ, ни одному не выщипали по волоску бороды, не урѣзали языка и не вырвали ноздрей. Это были настоящіе помѣстные дворяне, которые забились въ самую глушь Пошехонья, безъ шума собирали дани съ кабальныхъ людей и скромно плодились. Иногда ихъ расплодилось множество, и они становились въ ряды захудалыхъ: но, по временамъ, словно моръ настигалъ Затрапезныхъ, и въ рукахъ одной какой-нибудь пощаженной отрасли сосредоточивались имѣнія и мастности остальныхъ. Тогда Затрапезные вновь расцвѣтали и играли въ своемъ мѣстѣ видную роль.

Дѣдъ мой, гвардіи сержантъ Порфирій Затрапезный, былъ однимъ изъ взысканныхъ фортуною и владѣлъ значительными помѣстьями. Но такъ какъ отъ него родилось много дѣтей—сынъ и девять дочерей, то отецъ мой, Василій Порфирычъ, за выдѣломъ сестеръ вновь

---

*) Прошу читателя не принимать Пошехонья буквально. Я разумѣю подъ этимъ названіемъ вообще страну, аборигены которой, по мѣткому выраженію русскихъ пословій, въ трехъ соснахъ заблудиться способны. Прошу также не смѣшивать мою личность съ личностью Затрапезнаго, отъ имени котораго ведется разсказъ. Автобіографическаго элемента въ моемъ настоящемъ трудѣ очень мало; онъ представляетъ собой, просто-на-просто, сводъ жизненныхъ наблюденій, гдѣ чужое перемѣшано съ своимъ, а въ то же время дано мѣсто и вымыслу.—*Авторъ*.

спустился на степень дворянина средней руки. Это заставило его подумать о выгодномъ бракѣ, и, будучи уже сорока лѣтъ, онъ женился на пятнадцатилѣтней купеческой дочери Аннѣ Павловнѣ Глуховой, въ чаяніи получить за нею богатое приданое.

Но разсчетъ на богатое приданое не оправдался; по купеческому обыкновенію, его обманули, а онъ, въ свою очередь, выказалъ при этомъ непростительную слабость характера. Напрасно сестры уговаривали его не ѣхать въ церковь для вѣнчанія, покуда не отдадутъ договоренной суммы полностью; онъ довѣрился льстивымъ обѣщаніямъ и обвѣнчался. Вышелъ такъ-называемый неравный бракъ, который, впослѣдствіи, сдѣлался источникомъ безконечныхъ укоровъ и семейныхъ сценъ самаго грубаго свойства.

Бракъ этотъ былъ неравенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Отецъ былъ, по тогдашнему времени, порядочно образованъ; мать—круглая невѣжда; отецъ вовсе не имѣлъ практическаго смысла и любилъ разводить на бобахъ; мать, напротивъ того, необыкновенно цѣпко хваталась за дѣловую сторону жизни, никогда вслухъ не загадывала, и дѣйствовала молча и навѣрняка; наконецъ, отецъ женился уже почти старикомъ и притомъ никогда не обладалъ хорошимъ здоровьемъ, тогда какъ мать долгое время сохраняла свѣжесть, силу и красоту. Понятно, какое должно было оказаться, при такихъ условіяхъ, совмѣстное житье.

Тѣмъ не менѣе, благодаря необыкновеннымъ пріобрѣтательнымъ способностямъ матери, семья наша начала быстро богатѣть, такъ что въ ту минуту, когда я увидалъ свѣтъ, Затрапезные считались чуть не самыми богатыми помѣщиками въ нашей мѣстности. О матери моей всѣ сосѣди въ одинъ голосъ говорили, что Богъ послалъ въ ней Василію Порфирычу не жену, а кладъ. Самъ отецъ, видя возрастаніе семейнаго благосостоянія, примирился съ неудачнымъ бракомъ, и хотя жилъ съ женой несогласно, но, въ концѣ концовъ, вполнѣ подчинился ей. Я, по крайней мѣрѣ, не помню, чтобы онъ когда-нибудь въ чемъ-нибудь проявилъ въ домѣ свою самостоятельность.

Затѣмъ, приступая къ пересказу моего прошлаго, я считаю не лишнимъ предупредить читателя, что въ настоящемъ трудѣ онъ не найдетъ сплошного изложенія *всѣхъ* событій моего житія, а только рядъ эпизодовъ, имѣющихъ между собою связь, но въ то же время

представляющихъ и отдѣльное цѣлое. Главнымъ образомъ, я предпринялъ мой трудъ для того, чтобъ возстановить характеристическія черты такъ-называемаго добраго стараго времени, память о которомъ, благодаря рѣзкой чертѣ, проведенной упраздненіемъ крѣпостного права, все больше и больше сглаживается. Поэтому я и въ формѣ веденія моего разсказа не намѣренъ стѣсняться. Иногда буду вести его лично отъ себя, иногда—въ третьемъ лицѣ, какъ будетъ для меня удобнѣе.

I.—Гнѣздо.

Дѣтство и молодые годы мои были свидѣтелями самаго разгара крѣпостного права. Оно проникало не только въ отношенія между помѣстнымъ дворянствомъ и подневольною массою — къ нимъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и прилагался этотъ терминъ,—но и во всѣ вообще формы общежитія, одинаково втягивая всѣ сословія (привилегированныя и непривилегированныя) въ омутъ унизительнаго безправія, всевозможныхъ изворотовъ лукавства и страха передъ перспективою быть ежечасно раздавленнымъ. Съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя: какъ могли жить люди, не имѣя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ иныхъ воспоминаній и перспективъ, кромѣ мучительнаго безправія, безконечныхъ терзаній поруганнаго и ни откуда не защищеннаго существованія? — и, къ удивленію, отвѣчаешь: однакожъ, жили! И что̀ еще удивительнѣе, объ руку съ этимъ сплошнымъ мучительствомъ шло такъ-называемое пошехонское „раздолье“, къ которому и понынѣ не безъ тихой грусти обращаютъ свои взоры старички. И крѣпостное право, и пошехонское раздолье были связаны такими неразрывными узами, что когда рушилось первое, то, вслѣдъ за нимъ, въ судорогахъ покончило свое постыдное существованіе и другое. И то, и другое одновременно заколотили въ гробъ и снесли на погостъ, а какое иное право и какое иное раздолье выросли на этой общей могилѣ—это вопросъ особый. Говорятъ, однакожъ, что выросло нѣчто —не особенно важное.

Ибо хотя старая злоба дня и исчезла, но нѣкоторые признаки убѣждаютъ, что, издыхая, она отравила своимъ ядомъ новую злобу дня, и что, несмотря на измѣнившіяся формы общественныхъ отношеній, сущность ихъ остается нетронутою. Конечно, свидѣтели и со-

временники старыхъ порядковъ могутъ, до извѣстной степени, и въ одномъ упраздненіи формъ усматривать существенный прогрессъ, но молодыя поколѣнія, видя, что исконныя жизненныя основы стоятъ, по прежнему, незыблемо, не легко примиряются съ однимъ измѣненіемъ формъ и обнаруживаютъ нетерпѣніе, которое получаетъ тѣмъ болѣе мучительный характеръ, что въ него уже въ значительной мѣрѣ входитъ элементъ сознательности...

Мѣстность, въ которой я родился и въ которой протекло мое дѣтство, даже въ захолустной пошехонской сторонѣ, считалась захолустьемъ. Какъ будто она самой природой предназначена была для мистерій крѣпостного права. Совсѣмъ гдѣ-то въ углу, среди болотъ и лѣсовъ, вслѣдствіе чего жители ея, по простонародному, назывались „заугольниками“ и „лягушатниками“. Тѣмъ не менѣе, по части помѣщиковъ и здѣсь было людно (селеній, въ которыхъ жили такъ-называемые экономическіе крестьяне, почти совсѣмъ не было). Изстари, болѣе сильные люди захватывали мѣстности по берегамъ большихъ рѣкъ, куда ихъ влекла цѣнность угодій: лѣсовъ, луговъ и проч. Мелкая сошка забивалась въ глубь, гдѣ природа представляла, относительно, очень мало льготъ, но за то никакой глазъ туда не заглядывалъ, а слѣдовательно крѣпостныя мистеріи могли совершаться вполнѣ безпрепятственно. Мужицкая спина съ избыткомъ вознаграждала за отсутствіе цѣнныхъ угодій. Во всѣ стороны отъ нашей усадьбы было разбросано достаточное количество дворянскихъ гнѣздъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, отдѣльными подгнѣздками ютилось по нѣскольку помѣщичьихъ семей. Это были семьи, по преимуществу, захудалыя, и потому около нихъ замѣчалось особенное крѣпостное оживленіе. Часто четыре-пять мелкопомѣстныхъ усадьбъ стояли о-бокъ или черезъ дорогу; поэтому круговое посѣщеніе сосѣдей сосѣдями вошло почти въ ежедневный обиходъ. Появилось раздолье, хлѣбосольство, веселая жизнь. Каждый день гдѣ-нибудь гости; а гдѣ гости, тамъ вино, пѣсни, угощенье. На все это требовались ежели не деньги, то даровой припасъ. Поэтому, ради удовлетворенія цѣлямъ раздолья, неустанно выжимался послѣдній мужицкій сокъ, и мужики, разумѣется, не сидѣли сложа руки, а кишѣли, какъ муравьи, въ окрестныхъ поляхъ. Вслѣдствіе этого оживлялся и сельскій пейзажъ.

Равнина, покрытая хвойнымъ лѣсомъ и болотами—таковъ былъ общій видъ нашего захолустья. Всякій, сколько-нибудь предусмо-

тительный, помѣщикъ-аборигенъ захватилъ столько земли, что не въ состояніи былъ ее обрабатывать, несмотря на крайнюю растяжимость крѣпостного труда. Лѣса горѣли, гнили на корню и загромождались валежникомъ и буреломомъ; болота заражали окрестность міазмами; дороги не просыхали въ самые сильные лѣтніе жары; деревни ютились около самыхъ помѣщичьихъ усадьбъ, а особнякомъ проскакивали рѣдко на разстояніи пяти-шести верстъ другъ отъ друга. Только около мелкихъ усадьбъ прорывались свѣженькія проталины, только тутъ *всю* землю старались обработать подъ пашню и луга. За то непосильною барщиною мелкопомѣстный крестьянинъ до того изнурялся, что даже по наружному виду можно было сразу отличить его въ толпѣ другихъ крестьянъ. Онъ былъ и испуганнѣе, и тощѣе, и слабосильнѣе, и малорослѣе. Однимъ словомъ, въ общей массѣ измученныхъ людей былъ самымъ измученнымъ. У многихъ мелкопомѣстныхъ мужикъ работалъ на себя только по праздникамъ, а въ будни—въ ночное время. Такъ что лѣтняя страда этихъ людей просто-на-просто превращалась въ сплошную каторгу.

Лѣса, какъ я уже сказалъ выше, стояли нетронутыми, и лишь у немногихъ помѣщиковъ представляли не то чтобы доходную статью, а скорѣе средство добыть большую сумму денегъ (этотъ порядокъ вещей, впрочемъ, сохранился и доселѣ). Вблизи отъ нашей усадьбы было устроено два стеклянныхъ завода, которые, въ немного лѣтъ, безъ толку истребили громадную площадь лѣсовъ. Но на болота никто еще не простиралъ алчной руки, и они тянулись безъ перерыва на многіе десятки верстъ. Зимой по нимъ пролагали дороги, а лѣтомъ объѣзжали, что удлиняло разстоянія почти вдвое. А такъ какъ, несмотря на объѣзды, все-таки приходилось захватить хоть краешекъ болота, то въ такихъ мѣстахъ настилались безконечные мостовники, память о которыхъ не изгладилась во мнѣ и до-днесь. Въ самое жаркое лѣто воздухъ былъ насыщенъ влажными испареніями и наполненъ тучами насѣкомыхъ, которыя не давали покою ни людямъ, ни скотинѣ.

Текучей воды было мало. Только одна рѣка Перла; да и та не важная, и еще двѣ рѣчонки: Юла и Вопля *). Послѣднія еле-еле брели среди топкихъ болотъ, по мѣстамъ образуя стоячіе бочаги, а

*) Само собою разумѣется, названія эти вымышленныя.

по мѣстамъ и совсѣмъ пропадая подъ густой пеленой водяной заросли. Тамъ-и-сямъ виднѣлись небольшія озерки, въ которыхъ водилась немудреная рыбёшка, но къ которымъ, въ лѣтнее время, не возможно было ни подъѣхать, ни подойти.

По вечерамъ, надъ болотами поднимался густой туманъ, который всю окрестность окружалъ снизу, клубящеюся пеленой. Однакожъ, на вредное вліяніе болотныхъ испареній, въ гигіеническомъ отношеніи, никто не жаловался, да и вообще, сколько мнѣ помнится, повальныя болѣзни въ нашемъ краю составляли рѣдкое исключеніе.

И лѣса, и болота изобиловали птицей и звѣремъ, но по части ружейной охоты было скудно, и тонкой красной дичи, въ родѣ вальдшнеповъ и дупелей, я положительно не припомню. Помню только большихъ кряковныхъ утокъ, которыми, отъ времени до времени, чуть не задаромъ, одѣлялъ всю округу единственный въ этой мѣстности ружейный охотникъ, экономическій крестьянинъ Лука. Псовыхъ охотниковъ (конечно, помѣщиковъ), впрочемъ, было достаточно, и такъ какъ отъ охоты этого рода очень часто страдали озими, то онѣ служили источникомъ безпрерывныхъ раздоровъ и даже тяжбъ между сосѣдями.

Помѣщичьи усадьбы того времени (я говорю о помѣщикахъ средней руки) не отличались ни изяществомъ, ни удобствами. Обыкновенно онѣ устраивались среди деревни, чтобъ было сподручнѣе наблюдать за крестьянами. Сверхъ того, мѣсто для постройки выбиралось непремѣнно въ лощинкѣ, чтобы было теплѣе зимой. Дома почти у всѣхъ были одного типа: одноэтажные, продолговатые, на манеръ длинныхъ комодовъ; ни стѣны, ни крыши не красились; окна имѣли старинную форму, при которой нижнія рамы поднимались вверхъ и подпирались подставками. Въ шести-семи комнатахъ такого четырехугольника, съ колеблющимися полами и нештукатуренными стѣнами, ютилась дворянская семья, иногда очень многочисленная, съ цѣлымъ штатомъ дворовыхъ людей, преимущественно дѣвокъ, и съ наѣзжавшими, отъ времени до времени, гостями. О паркахъ и садахъ не было и въ поминѣ; впереди дома раскидывался крохотный палисадникъ, обсаженный стриженными акаціями и наполненный, по части цвѣтовъ, барскою спесью, царскими кудрями и бурожелтыми бураками. Сбоку, поближе къ скотнымъ дворамъ, выкапывался небольшой прудъ, который служилъ скотскимъ водопоемъ и поражалъ своею неопрят-

постью и вонью. Сзади дома устраивался незатѣйливый огородъ, съ ягодными кустами и наиболѣе цѣнными овощами: рѣпой, русскими бобами, сахарнымъ горохомъ и проч., которые, еще на моей памяти, подавались въ небогатыхъ домахъ послѣ обѣда въ видѣ десерта. Разумѣется, у помѣщиковъ болѣе зажиточныхъ (между прочимъ, и у насъ) усадьбы были обширнѣе. Но общій типъ для всѣхъ существовалъ одинъ и тотъ же. Не о красотѣ, не о комфортѣ и даже не о простотѣ тогда думали, а о томъ, чтобъ имѣть теплый уголъ и въ немъ достаточную степень сытости.

Только одна усадьба сохранилась въ моей памяти, какъ исключеніе изъ общаго правила. Она стояла на высокомъ берегу рѣки Перлы, и изъ большого каменнаго господскаго дома, утопавшаго въ зелени обширнаго парка, открывался единственный въ нашемъ захолустьѣ красивый видъ на поёмные луга и на дальнія сёла. Владѣлецъ этой усадьбы (называлась она, какъ и слѣдуетъ, „Отрадой“) былъ выродившійся, совсѣмъ разслабленный представитель старинаго барскаго рода, который по зимамъ жилъ въ Москвѣ, а на лѣто пріѣзжалъ въ усадьбу, но съ сосѣдями не якшался (таково ужъ несконное свойство пошехонскаго дворянства, что бѣдный дворянинъ отъ богатаго никогда ничего не видитъ, кромѣ пренебреженія и притѣсненія). Объ отрадинскихъ цвѣтникахъ, оранжереяхъ и прочей роскоши ходили между обитателями нашего захолустья почти фантастическіе разсказы. Были тамъ пруды съ каскадами, гротами и чугунными мостами; были бесѣдки съ гипсовыми статуями; былъ конскій заводъ съ манежемъ и обширнымъ обгороженнымъ кругомъ, на которомъ происходили скачки и бѣга; былъ свой театръ, оркестръ, нѣвчіе. И всѣмъ этимъ выродившійся аристократъ пользовался самъ-другъ съ второстепенной французской актрисой Селиной Архиповой Бульмишъ, которая особенныхъ талантовъ по драматической части не предъявила, но за то безошибочно могла отличать la grande cochonnerie отъ la petite cochonnerie. Самъ-другъ съ нею, онъ слушалъ домашнюю музыку, созерцалъ лошадиную случку, наслаждался конскими ристалищами, ѣлъ фрукты и нюхалъ цвѣты. Съ теченіемъ времени онъ женился на Селинѣ, и, по смерти его, имѣніе перешло къ ней.

Не знаю, жива ли она теперь, но, послѣ смерти мужа, она долгое время каждое лѣто появлялась въ Отрадѣ, въ сопровожденіи

француза съ крутыми бедрами и дугообразными, словно писанными, бровями. Жила она, какъ и при покойномъ мужѣ, изолированно, съ сосѣдями не знакомилась, и преимущественно занималась тѣмъ, что придумывала, вмѣстѣ съ крутобедрымъ французомъ, какую-нибудь новую ѣду, которую они и проглатывали съ глазу на глазъ. Но и ее, и крутобедраго француза крестьяне очень любили за то, что они вели себя по-дворянски. Не шильничали, сами по грибы въ лѣсъ не ходили, а другимъ собирать въ своихъ лѣсахъ не препятствовали. И на деньги были чивы, за все платили безъ торга; принесутъ имъ лукошко ягодъ или грибовъ, спросятъ двугривенный — слова не скажутъ, отдадутъ, точно двугривенный и не деньги. А дѣвкѣ такъ и ленту, сверхъ того, подарятъ. И когда объявлено было крестьянамъ освобожденіе, то и съ уставной грамотой Селина первая въ уѣздѣ покончила, безъ жалобъ, безъ гвалта, безъ судоговореній: что слѣдуетъ отдала, да и себя не обидѣла. Дворовыхъ тоже не забыла: молодыхъ распустила, не выжидая срока. старикамъ — выстроила избы. отвела огороды и назначила пенсіи.

Въ сентябрѣ, съ отъѣздомъ господъ, сосѣдніе помѣщики наѣзжали въ Отраду, и за ничтожную мзду садовнику и его подручнымъ запасались тамъ сѣменами, корнями и прививками. Такимъ образомъ, появились въ нашемъ уѣздѣ первыя георгины, штокрозы и проч., а матушка даже нѣкоторыя куртины въ нашемъ саду распланировала на манеръ отрадненскихъ.

Что касается до усадьбы, въ которой я родился и почти безвыѣздно прожилъ до десятилѣтняго возраста (называлась она „Малиновецъ“), то она, не отличаясь ни красотой, ни удобствами, уже представляла нѣкоторыя претензіи на то и другое. Господскій домъ былъ трехъ-этажный (третьимъ этажемъ считался большой мезонинъ). просторный и теплый. Въ нижнемъ этажѣ, каменномъ, помѣщались мастерскія, кладовыя и нѣкоторыя дворовыя семьи; остальные два этажа занимала господская семья и комнатная прислуга, которой было множество. Кромѣ того, было нѣсколько флигелей, въ которыхъ помѣщались застольная, приказчикъ. ключникъ, кучера, садовники и другая прислуга, которая въ горницахъ не служила. При домѣ былъ разбитъ большой садъ. вдоль и поперекъ раздѣленный дорожками на равныя куртинки, въ которыхъ были насажены вишневыя деревья. Дорожки были окаймлены кустами мелкой сирени и цвѣточ-

ными рабатками, наполненными большимъ количествомъ розъ, изъ которыхъ гнали воду и варили варенья. Такъ какъ въ то время существовала мода подстригать деревья (мода эта проникла въ Пошехонье... изъ Версаля!), то тѣни въ саду почти не существовало, и весь онъ раскинулся на солнечномъ припекѣ, такъ что и гулять въ немъ охоты не было.

Еще въ большемъ размѣрѣ были разведены огороды и фруктовый садъ съ оранжереями, теплицами и грунтовыми сараями. Обиліе фруктовъ и въ особенности ягодъ—было такое, что съ конца іюня до половины августа господскій домъ положительно превращался въ фабрику, въ которой съ утра до вечера производилась ягодная эксплоатація. Даже въ парадныхъ комнатахъ всѣ столы были нагружены ворохами ягодъ, вокругъ которыхъ сидѣли группами сѣнныя дѣвушки, чистили, отбирали ягоду по сортамъ, и едва успѣвали справиться съ одной грудой, какъ на смѣну ей появлялась другая. Нынче одна эта операція стоила бы большихъ денегъ. Въ это же время, въ тѣни громадной старой липы, подъ личнымъ надзоромъ матушки, на разложенныхъ, въ видѣ четырехугольниковъ, кирпичахъ, варилось варенье, для котораго выбирались самыя лучшія ягоды и самый крупный фруктъ. Остальное утилизировалось для наливокъ, настоекъ, водицъ и проч. Замѣчательно, что въ свѣжемъ видѣ ягоды и фрукты даже господами употреблялись умѣренно: какъ будто опасались, что вотъ-вотъ недостанетъ въ прокъ. А „хамкамъ“ и совсѣмъ ничего не давали (я помню, какъ матушка безпокоилась, во время сбора ягодъ, что вотъ-вотъ подляпки ее объѣдятъ); развѣ ужъ когда, что называется, ягодѣ обору нѣтъ, но и тутъ непремѣнно дождутся, что она, отъ долговременнаго стоянія на погребѣ, начнетъ плесневѣть. Эта масса лакомства привлекала въ комнаты такія несмѣтныя полчища мухъ, что онѣ положительно отравляли существованіе.

Для чего требовалась такая масса заготовокъ—этого я никогда не могъ понять. Можно назвать это явленіе особымъ терминомъ: „алчностью будущаго“. Благодаря ей, хоть цѣлая гора съѣдобнаго матеріала лежитъ передъ глазами человѣка, а все ему кажется мало. Утроба человѣческая ограничена, а жадное воображеніе приписываетъ ей размѣры несокрушимые, и въ то же время рисуется въ будущемъ грозная перспектива. Въ самомъ расходованіи заготов-

ленныхъ припасовъ, въ теченіе года, наблюдалась экономія, почти скупость. Думалось, что хотя „часъ“ еще и не наступилъ, но непремѣнно наступитъ, и тогда разверзется таинственная прорва, въ которую придется валить, валить и валить. Отъ времени до времени производилась ревизія погребовъ и кладовыхъ, и всегда оказывалось порченнаго запаса почти на половину. Но даже и это не убѣждало: жаль было и испорченнаго. Его подваривали, поправляли, и только уже совсѣмъ негодное рѣшались отдать въ застольную, гдѣ, послѣ такой подачки, нѣсколько дней сряду „валялись животами“. Строгое было время, хотя нельзя сказать, чтобы особенно умное.

И вотъ, когда все было поварено, насолено, настѣно и наквашено, когда, вдобавокъ къ лѣтнему запасу, присоединялся запасъ мороженой домашней птицы, когда болота застывали и устанавливался санный путь—тогда начиналось пошехонское раздолье, то раздолье, о которомъ нынче знаютъ только по устнымъ преданіямъ и разсказамъ.

Къ этому предмету я возвращусь впослѣдствіи, а теперь познакомлю читателя съ первыми шагами моими на жизненномъ пути и той обстановкой, которая дѣлала изъ нашего дома нѣчто типичное. Думаю, что многіе изъ моихъ сверстниковъ, вышедшихъ изъ рядовъ осѣдлаго дворянства (въ отличіе отъ дворянства служебнаго, кочующаго) и видѣвшихъ описываемыя времена, найдутъ въ моемъ разсказѣ черты и образы, отъ которыхъ на нихъ повѣетъ чѣмъ-то знакомымъ. Ибо общій укладъ пошехонской дворянской жизни былъ вездѣ одинаковъ, и разницу обусловливали лишь нѣкоторыя частныя особенности, зависѣвшія отъ интимныхъ качествъ тѣхъ или другихъ личностей. Но и тутъ главное отличіе заключалось въ томъ, что одни жили „въ свое удовольствіе“, то-есть слаще ѣли, буйнѣе пили и проводили время въ безусловной праздности; другіе, напротивъ, сжимались, ѣли съ осторожностью, усчитывали себя, ухичивали, скопидомствовали. Первые обыкновенно страдали тоской по предводительствѣ, достигнувъ котораго, разорялись въ прахъ; вторые держались въ сторонѣ отъ почестей, подстерегали разорявшихся, издалека опутывая ихъ, и, при помощи темныхъ оборотовъ, оказывались, въ концѣ концовъ, людьми не только состоятельными, но даже богатыми.

II. — Мое рожденіе и раннее дѣтство. — Воспитаніе физическое.

Родился я, судя по разсказамъ, самымъ обыкновеннымъ пошехонскимъ образомъ. Въ то время барыни наши (по нынѣшнему, представительницы правящихъ классовъ) не ѣздили, въ предвидѣніи родовъ, ни въ столицы, ни даже въ губернскіе города, а довольствовались мѣстными, подручными средствами. При помощи этихъ средствъ увидѣли свѣтъ всѣ мои братья и сестры; не составилъ исключенія и я.

Недѣли за три передъ тѣмъ, какъ матушкѣ приходилось родить, послали въ городъ за бабушкой-повитухой, Ульяной Ивановной, которая привезла съ собой мыльца отъ раки преподобнаго (въ городскомъ соборѣ почивали мощи) да банку моренковской мази. Въ этомъ состоялъ весь ея родовспомогательный снарядъ, ежели не считать усердія, опытности и „легкой руки“. Въ крайнемъ случаѣ, во время родовъ, отворяли въ церкви царскія двери, а домъ нѣсколько разъ обходили кругомъ съ иконой. Помощь Ульяны Ивановны обходилась баснословно дешево. А именно: все время, покуда она жила въ домѣ (иногда мѣсяца два-три) ее кормили и поили за барскимъ столомъ; кровать ея ставили въ той же комнатѣ, гдѣ спала роженица, и слѣдовательно ея кровью питали приписанныхъ къ этой комнатѣ клоповъ; затѣмъ, по благополучномъ разрѣшеніи, ей уплачивали деньгами десять рублей на ассигнаціи и посылали зимой въ ея городской домъ возъ или два разной провизіи, разумѣется, со всячинкой. Иногда, сверхъ того, отпускали къ ней на полгода или на годъ въ безвозмездное услуженіе дворовую дѣвку, которую она, впрочемъ, обязана была, въ теченіе этого времени, кормить, поить, обувать и одѣвать на собственный счетъ.

Тѣмъ не менѣе, когда въ ней больше ужъ не нуждались, то и этотъ ничтожный расходъ не проходилъ ей даромъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, практиковалось въ нашемъ домѣ. Обыкновенно ее называли „подлянкой и прорвой“. до слѣдующихъ родовъ. когда она вновь превращалась въ „голубушку Ульяну Ивановну“.

— Это ты подлянкѣ индюшекъ-то послать собралась?—негодовала матушка на ключницу, видя приготовленныхъ къ отправкѣ

въ сѣняхъ пару или двѣ замороженныхъ индеекъ:—будетъ съ нея, и старыми курами прорву себѣ затянетъ.

Добрая была эта Ульяна Ивановна, бойкая, веселая, словоохотливая. И хотя я узналъ ее, уже будучи восьми лѣтъ, когда родные мои были съ ней въ ссорѣ (думали, что услугъ отъ нея не потребуется), но она такъ тепло меня приласкала и такъ привѣтливо назвала умницей и погладила по головкѣ, что я невольно расчувствовался. Въ нашемъ семействѣ не было въ обычаѣ по головкѣ гладить —можетъ быть, поэтому ласка чужого человѣка такъ живо на меня и подѣйствовала. И не на меня одного она производила пріятное впечатлѣніе, а на всѣхъ восемь нашихъ дѣвушекъ—по числу матушкиныхъ родовъ—бывшихъ у нея въ услуженіи. Всѣ онѣ отзывались о ней съ восторгомъ и возвращались тучныя (одна даже съ приплодомъ). Щи у нея ѣли такія, что не продуешь, въ кашу лили масло коровье, а не льняное. Называла она всѣхъ именами ласкательными, а не ругательными, и никогда ни на кого господамъ не жаловалась.

Жила она въ собственномъ ветхомъ домикѣ на краю города, одиноко, и питалась плодами своей профессіи. Былъ у нея и мужъ, но въ то время, какъ я зазналъ ее, онъ уже лѣтъ десять какъ пропадалъ безъ вѣсти. Впрочемъ, кажется, она знала, что онъ куда-то сланъ, и по этому случаю въ каждый большой праздникъ возила въ тюрьму калачи.

— Благой у меня былъ мужъ,—говорила она:—не было промежъ насъ согласія. Портнымъ ремесломъ занимался и хорошія деньги зарабатывалъ, а въ домъ кошѣчки щербатой никогда не принесъ— все въ кабакъ. Были у насъ и дѣти, да такъ и перемерли ангельскія душеньки, и всѣ не настоящей смертью, а либо съ лавки свалится, либо кипяткомъ себя ошпаритъ. Мое дѣло такое, что все въ уѣздѣ да въ уѣздѣ, а мужъ—день въ кабакѣ, ночь—либо въ канавѣ, либо на съѣзжей. Прислуга тоже съ бору да съ сосенки. Присмотрѣть-то за дѣточками и некому. А наконецъ, возвращаюсь я однажды съ родовъ домой, а меня прислуга встрѣчаетъ: „вѣдь Прохоръ-то Семенычъ—это мужъ-то мой—ужъ съ недѣлю дома не бывалъ“! Не бывалъ да не бывалъ, да такъ съ тѣхъ поръ словно въ воду и канулъ. Осталась я одна; по началу жутко сдѣлалось, думаю: ну, теперь пропала! А вышло, напротивъ того, еще лучше прежняго зажила.

И вотъ, какъ разъ въ такое время, когда въ нашемъ домѣ за Ульяной Ивановной окончательно утвердилась кличка „подлянки“, матушка (она уже лѣтъ пять не рожала), сверхъ ожиданія, сдѣлалась въ девятый разъ тяжела, и такъ какъ годы ея были уже серьезные, то она задумала ѣхать родить въ Москву. Пришлось звать Ульяну Ивановну для сопровожденія. Послали въ городъ меня—тутъ-то я съ нею и познакомился. И добрая женщина не только не попомнила зла, но когда, по пріѣздѣ въ Москву, былъ призванъ ученый акушеръ и явился „съ щипцами, ножами и долотами“, то Ульяна Ивановна просто не допустила его до роженицы, и съ помощью мыльца въ девятый разъ вызволила свою паціентку и поставила на ноги. Но эта послуга обошлась ужъ роднымъ моимъ „въ копѣечку“. Повитушкѣ, вмѣсто красной, дали бѣленькую деньгами, да одинъ возъ провизіи послали по первопуткѣ, а другой къ масляницѣ. А дѣвка въ услуженіе—сама по себѣ.

Итакъ, появленіе мое на свѣтъ обошлось дешево и благополучно. Столь же благополучно совершилось и крещеніе. Въ это время у насъ въ домѣ гостилъ мѣщанинъ-богомолъ Дмитрій Никонычъ Бархатовъ, котораго въ уѣздѣ считали за прозорливаго.

Между прочимъ, и по моему поводу, на вопросъ матушки, что у нея родится, сынъ или дочь, онъ запѣлъ пѣтухомъ и сказалъ: „пѣтушокъ, пѣтушокъ, востёръ ноготокъ“! А когда его спросили, скоро ли совершатся роды, то онъ началъ черпать ложечкой медъ—дѣло было за чаемъ, который онъ пилъ съ медомъ, потому что сахаръ скоромный—и, остановившись на седьмой ложкѣ, молвилъ: „вотъ теперь въ самый разъ“! „Такъ по его и случилось: какъ разъ на седьмой день маменька распросталась“,—разсказывала мнѣ впослѣдствіи Ульяна Ивановна. Кромѣ того онъ предсказалъ и будущую судьбу мою,—что я многихъ супостатовъ покорю, и буду дѣвичьимъ разгонникомъ. Вслѣдствіе этого, когда матушка бывала на меня сердита, то, давая шлепка, всегда приговаривала: „а вотъ я тебя высѣку, супостатовъ покоритель“!

Вотъ этого-то Дмитрія Никоныча и пригласили быть моимъ воспріемникомъ вмѣстѣ съ одною изъ тетенекъ-сестрицъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Кстати скажу: не разъ я видалъ впослѣдствіи моего крестнаго отца, идущаго, съ посохомъ въ рукахъ, въ толпѣ народа, за крест-

нымъ ходомъ. Онъ одѣвался въ своеобразный костюмъ, въ родѣ поповскаго подрясника, подпоясывался широкимъ, вышитымъ шерстями, поясомъ и ходилъ съ распущенными по плечамъ волосами. Но познакомиться мнѣ съ нимъ не удалось, потому что родители мои уже разошлись съ нимъ и называли его шалыганомъ. Вообще, по мѣрѣ того, какъ семейство мое богатѣло, старые фавориты незамѣтно исчезали изъ нашего дома. Но, сверхъ того, надо сказать правду, что Бархатовъ, несмотря на прозорливость и званіе „богомола“, черезъчуръ часто заглядывалъ въ дѣвичью, а матушка этого не долюбливала и неукоснительно блюла за нравственностью „подлянокъ“.

Кормилица у меня была своя, крѣпостная, Домна, къ которой я впослѣдствіи любилъ бѣгать украдкой въ деревню. Она готовила для меня яичницу и подливала сливками; и тѣмъ, и другимъ я съ жадностью насыщался, потому что дома насъ держали впроголодь. Въ кормилицы бабы шли охотно, потому что это, во-первыхъ, освобождало ихъ на время отъ барщины; во-вторыхъ, исправная выкормка барченка или барышни обыкновенно сопровождалась отпускомъ на волю кого-нибудь изъ кормилкиныхъ дѣтей. Впрочемъ, отпускали исключительно дѣвочекъ, такъ какъ увольненіе мальчика (будущаго тяглеца) считалось убыточнымъ; дѣвка же, и по достиженіи совершенныхъ лѣтъ, продавалась на выводъ не дороже пятидесяти рублей ассигнаціями. Моей кормилицѣ не повезло въ этомъ случаѣ. Домъ ея былъ изъ бѣдныхъ, и „вольную“ ея дочь Дашутку не удалось выдать замужъ на-сторону за вольнаго человѣка. Поэтому она вошла въ семью своего же однодеревенца, и такимъ образомъ закрѣпостилась вновь.

Нянекъ я помню очень смутно. Онѣ мѣнялись почти безпрерывно, потому что матушка была вообще гнѣвлива и, сверхъ того, держалась своеобразной системы, въ силу которой крѣпостные, не изнывавшіе съ утра до ночи на работѣ, считались дармоѣдами.

— Зажирѣла въ нянькахъ, ишь мясищи-то нагуляла!—говорила она, и, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, опредѣляла няньку въ прачки, въ ткачихи, или засаживала за пяльцы и пряжу.

Замѣчательно, что между многочисленными няньками, которыя нѣстовали мое дѣтство, не было ни одной сказочницы. Вообще, весь нашъ домашній обиходъ стоялъ на вполнѣ реальной почвѣ, и сказочный элементъ отсутствовалъ въ немъ. Дѣтскому воображенію при-

ходилось искать пищи самостоятельно, создавать свой собственный сказочный міръ, не имѣвшій никакого соприкосновенія съ народной жизнью и ея преданіями, но зато наполненный всевозможными фантасмагоріями, содержаніемъ для которыхъ служило богатство, а еще болѣе—генеральство. Послѣднее представлялось высшимъ жизненнымъ идеаломъ, такъ какъ всѣ въ домѣ говорили о генералахъ, даже объ отставныхъ, не только съ почтеніемъ, но и съ боязнью.

Я помню, однажды отецъ получилъ отъ предводителя письмо съ приглашеніемъ на выборы, и на конвертѣ было написано: „его превосходительству“ (отецъ въ молодости служилъ въ Петербургѣ и дослужился до коллежскаго совѣтника, но многіе изъ его бывшихъ товарищей пошли далеко и занимали видныя мѣста). Догадкамъ и удивленію конца не было. Отецъ съ недѣлю носилъ конвертъ въ карманѣ и всѣмъ показывалъ.

— А кто знаетъ, взяли да въ превосходительные и произвели! —говорилъ опъ.—Бывали же прежде такіе случаи—отчего жъ не случиться и теперь? Сижу я въ своемъ Малиновцѣ, ничего не знаю, а *тамъ*, можетъ быть, кто-нибудь изъ старыхъ товарищей взялъ да и шепнулъ...

Впрочемъ, я не могу сказать, чтобы фактическая сторона моихъ дѣтскихъ воспоминаній была особенно богата. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ у меня было много старшихъ сестеръ и братьевъ, которые уже учились въ то время, когда я ничего не дѣлалъ, а только прислушивался и приглядывался, то память моя все-таки сохранила нѣкоторыя достаточно яркія впечатлѣнія. Припоминается безпрерывный дѣтскій плачъ, раздававшійся за класснымъ столомъ; припоминается цѣлая свита гувернантокъ, слѣдовавшихъ одна за другой и съ непонятною для нынѣшняго времени жестокостью сынавшихъ колотушками направо и налѣво. Помнится родительское равнодушіе. Какъ во снѣ проходитъ передо мной и Каролина Карловна, и Генріетта Карловна, и Марья Андреевна, и француженка Даламберша, которая ничему учить не могла, но пила ерофичъ и ѣздила верхомъ по-мужски. Всѣ опѣ безчеловѣчно дрались, а Марью Андреевну (дочь московскаго нѣмца-сапожника) даже строгая наша мать называла фуріей. Такъ что во все время ея пребыванія уши у дѣтей постоянно бывали покрыты болячками.

Внѣшней обстановкой моего дѣтства, въ смыслѣ гигіены, опрят-

ности и питанія, я похвалиться не могу. Хотя въ нашемъ домѣ было достаточно комнатъ, большихъ, свѣтлыхъ и съ обильнымъ содержаніемъ воздуха, но это были комнаты парадныя; дѣти же постоянно тѣснились: днемъ—въ небольшой классной комнатѣ, а ночью—въ общей дѣтской, тоже маленькой, съ низкимъ потолкомъ и въ зимнее время, вдобавокъ, жарко натопленной. Тутъ было поставлено четыре—пять дѣтскихъ кроватей, а на полу, на войлокахъ, спали няньки. Само собой разумѣется, не было недостатка ни въ клопахъ, ни въ тараканахъ, ни въ блохахъ. Эти насѣкомыя были какъ бы домашними друзьями. Когда клопы уже черезъ-чуръ донимали, то кровати выносили и обваривали кипяткомъ, а таракановъ по зимамъ морозили.

Лѣтомъ мы еще сколько-нибудь оживлялись подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха, но зимой насъ положительно закупоривали въ четырехъ стѣнахъ. Ни единой струи свѣжаго воздуха не доходило до насъ, потому что форточекъ въ домѣ не водилось, и комнатная атмосфера освѣжалась только при помощи топки печей. Катанье въ саняхъ не было въ обычаѣ, и только по воскресеньямъ насъ вывозили въ закрытомъ возкѣ къ обѣднѣ въ церковь, отстоявшую отъ дома саженяхъ въ пятидесяти, но и тутъ закутывали до того, что трудно было дышать. Это называлось *изнѣженнымъ* воспитаньемъ. Очень возможно, что, вслѣдствіе такихъ безмысленныхъ гигіеническихъ условій, всѣ мы, впослѣдствіи, оказались хилыми, болѣзненными и не особенно устойчивыми въ борьбѣ съ жизненными случайностями. Печально существованіе, въ которомъ жизненный процессъ равносиленъ непрерывающейся невзгодѣ, но еще печальнѣе жизнь, въ которой сами живущіе какъ бы не принимаютъ никакого участія. Съ больною душою, съ тоскующимъ сердцемъ, съ неокрѣпшимъ организмомъ, человѣкъ всецѣло погружается въ призрачный міръ имъ самимъ созданныхъ фантасмагорій, а жизнь проходитъ мимо, не прикасаясь къ нему ни одной изъ своихъ реальныхъ усладъ. Что такое блаженство? въ чемъ состоитъ душевное равновѣсіе? почему оно наполняетъ жизнь отрадой? въ силу какого злого волшебства міръ живыхъ, полный чудесъ, для него одного превратился въ пустыню?—вотъ вопросы, которые ежеминутно мечутся передъ нимъ, и на которые онъ тщетно будетъ искать отвѣта...

Объ опрятности не было и помина. Дѣтскія комнаты, какъ я уже сейчасъ упоминалъ, были переполнены насѣкомыми и нерѣдко

оставались по нѣсколько дней неметеными, потому что ничей глазъ туда не заглядывалъ; одежда на дѣтяхъ была плохая и чаще всего перешивалась изъ разнаго старья или переходила отъ старшихъ къ младшимъ; бѣлье перемѣнялось рѣдко. Прибавьте къ этому прислугу, одѣтую въ какую-то вонючую, заплатанную рвань, распространявшую запахъ, и вы получите ту невзрачную обстановку, среди которой коношились съ утра до вечера дворянскія дѣти.

То же можно сказать и о питаніи: оно было очень скудное. Въ семействѣ нашемъ царствовала не то чтобы скупость, а какое-то непонятное скопидомство. Всегда казалось мало, и всего было жаль. Грошъ прикладывался къ грошу, и когда образовывался гривенникъ, то помыслы устремлялись къ цѣлковому. „Ты думаешь, какъ состоянія-то наживаются?“ —эта фраза раздавалась во всѣхъ углахъ съ утра до вечера, оживляла всѣ сердца, давала тонъ и содержаніе всему обиходу. Это было своего рода исповѣданіе вѣры, которому всѣ безусловно подчинялись. Даже дворовые, насчетъ которыхъ собственно и происходилъ процессъ прижиманія гроша къ грошу —и тѣ внимали афоризмамъ стяжанія не только безъ ненависти, но даже съ какимъ-то благоговѣніемъ.

Утромъ намъ обыкновенно давали по чашкѣ чая, приправленнаго молокомъ, непремѣнно снятымъ (синеватымъ), несмотря на то, что на скотномъ дворѣ стояло болѣе трехсотъ коровъ. Къ чаю полагался крохотный ломоть домашняго бѣлаго хлѣба; затѣмъ завтрака не было, такъ что съ восьми часовъ до двухъ (время обѣда) дѣти буквально оставались безъ пищи. За обѣдомъ подавались кушанья, въ которыхъ главную роль играли вчерашніе остатки. Иногда чувствовался и запахъ лежалаго. Въ особенности ненавистны намъ были соленые полотки изъ домашней живности, которыми въ лѣтнее время, изъ опасенія, чтобы совсѣмъ не испортились, насъ кормили чуть не ежедневно. Кушанье раздавала дѣтямъ матушка, но при этомъ (за исключеніемъ любимцевъ) одѣляла такими микроскопическими порціями, что сѣнныя дѣвушки, которыхъ семьи содержались на мѣсячинѣ *), нерѣдко изъ жалости приносили подъ фартуками ватру-

*) Существовало два способа продовольствовать дворовыхъ людей. Однимъ (исключительно, впрочемъ, семейнымъ и служившимъ во дворѣ, а не въ горницѣ) дозволяли держать корову и пару овецъ на барскомъ корму, отводили крошечный огородъ подъ овощи и отсыпали на каждую душу

шекъ и ленешекъ, и тайкомъ давали намъ поѣсть. Какъ сейчасъ помню процедуру *приказыванья* кушанья. Въ дѣвичьей, на обѣденномъ столѣ, красовались вчерашніе остатки, не исключая похлебки, и матушкою, совмѣстно съ поваромъ, обсуждался вопросъ, что̀ и какъ „подправить“ къ предстоящему обѣду. Затѣмъ, если вчерашнихъ остатковъ оказывалось недостаточно, то прибавлялась свѣжая провизія, которой предстояла завтра та же участь, то-есть быть подправленной на завтрашній обѣдъ. Такимъ образомъ дѣло шло изо дня въ день, такъ что совсѣмъ свѣжій обѣдъ готовился лишь по большимъ праздникамъ да въ тѣ дни, когда наѣзжали гости. На случай нечаянныхъ пріѣздовъ нѣсколько кушаньевъ *получше* приготовлялись особо и хранились на погребѣ. Пріѣдетъ нечаянный гость—бѣгутъ на погребъ и несутъ оттуда какое-нибудь заливное или легко разогрѣваемое: вотъ, дескать, мы каждый день такъ ѣдимъ!

Но даже мы, не избалованные сытнымъ и вкуснымъ столомъ, приходили въ недоумѣніе при видѣ пирога, который по воскресеньямъ подавался на закуску попу съ причтомъ. Начинка этого пирога представляла смѣшеніе всевозможныхъ отбросковъ, накоплявшихся въ теченіе недѣли, и наполняла столовую своеобразнымъ запахомъ лежалой солонины. Пирогъ этотъ такъ и назывался „поповскимъ“, да и посуда къ закускѣ подавалась особенная, поповская: сѣрыя, прыщеватыя тарелки, ножи съ сточенными лезвеями, поломанныя вилки, стаканы и рюмки зеленаго стекла. Впрочемъ, надо сказать правду, что и попъ у насъ былъ совсѣмъ особенный, *таковскій*, какъ тогда выражались.

Однакожъ, при матушкѣ ѣда все-таки была сноснѣе: но когда она уѣзжала, на болѣе или менѣе продолжительное время, въ Москву или въ другія вотчины, и домовничать оставался отецъ, тогда наступало сущее бѣдствіе. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ отцу оставлялась сторублевая ассигнація, на все про все, а за тѣмъ призывался церковный староста, которому наказывалось, чтобы, въ случаѣ

извѣстную пропорцію муки и крупъ. Это и называлось мѣсячиной. Другихъ кормили въ застольной. Первые считали себя, относительно, счастливыми. Я еще помню мѣсячину; но такъ какъ этотъ способъ продовольствія считался менѣе выгоднымъ, то съ теченіемъ времени онъ былъ въ нашемъ домѣ окончательно упраздненъ, и всѣ дворовые были повернаны въ застольную. Я помню ропотъ и даже слезы по этому поводу.

ежели оставленныхъ барину денегъ будетъ недостаточно, то давать ему заимообразно изъ церковныхъ суммъ. Отецъ не былъ жаденъ, но, желая угодить матушкѣ, старался изъ всѣхъ силъ сохранить довѣренную ему ассигнацію въ цѣлости. Поэтому онъ доводилъ экономію до самыхъ безобразныхъ размѣровъ. Даже сосѣди это знали, и никогда къ намъ, въ отсутствіе матушки, не ѣздили. Результаты такихъ экономическихъ усилій почти всегда сопровождались блестящимъ успѣхомъ: отцу удавалось возвратить оставленный капиталъ неприкосновеннымъ; ибо ежели и случался неотложный расходъ, то онъ скорѣе рѣшался занять малость изъ церковныхъ суммъ, нежели размѣнять сторублевую. Тѣмъ не менѣе, хотя мы и голодали, но у насъ оставалось утѣшеніе: при отцѣ мы могли роптать, тогда какъ при матушкѣ малѣйшее слово неудовольствія сопровождалось немедленнымъ и жестокимъ возмездіемъ.

Какъ ни вредно отражалось на дѣтскихъ организмахъ недостаточное питаніе, но въ нравственномъ смыслѣ еще болѣе вредное вліяніе оказывалъ самый способъ распредѣленія пищи. Въ этомъ отношеніи господствовало совершенное неравенство и пристрастіе. Дѣти въ нашей семьѣ (впрочемъ, тутъ я разумѣю, по преимуществу, матушку, которая давала тонъ всему семейству) раздѣлялись на двѣ категоріи: на любимыхъ и постылыхъ, и такъ какъ высшее счастіе жизни полагалось въ ѣдѣ, то и преимущества любимыхъ надъ постылыми проявлялись главнымъ образомъ за обѣдомъ. Матушка, раздавая кушанья, выбирала для любимчика кусокъ и побольше, и посвѣжѣе, а для постылаго—непремѣнно какую-нибудь разогрѣтую и выдѣтрившуюся чурку. Иногда, одѣливъ любимчиковъ, она говорила постылымъ: „а вы сами возьмите“! И тогда происходило постыдное зрѣлище борьбы, которой предавались голодные постылые.

Матушка исподлобья взглядывала, наклонившись надъ тарелкой и выжидая, что будетъ. Постылый, въ большинствѣ случаевъ, чувствуя устремленный на него ея пристальный взглядъ и сознавая, что предоставленіе выбора куска есть не что иное, какъ игра въ кошку и мышку, самоотверженно бралъ самый дурной кусокъ.

— Что же ты получше куска не выбралъ? вонъ сбоку, смотри, жирный какой!—заговаривала матушка притворно ласковымъ голосомъ, обращаясь къ несчастному постылому, у котораго глаза были полны слезъ.

— Я, маменька, сытъ-съ!—отвѣчалъ постылый, стараясь быть развязнымъ и нервно хихикая.

— То-то сытъ! а губы зачѣмъ надулъ? смотри ты у меня! я вѣдь насквозь тебя, тихоня, вижу!

Но иногда постылому приходила несчастная мысль побравировать, и онъ начиналъ тыкать вилкой по блюду, выбирая кусокъ получше. Какъ вдругъ раздавался окрикъ:

— Ты что это разыгрался, мерзавецъ! ишь новую моду завелъ, вилкой по блюду тыкать! Подавай сюда тарелку!

И постылому накладывалась на тарелку уже дѣйствительно совсѣмъ подожженная и непмѣвшая ни малѣйшей питательности щепка.

Вообще, весь процессъ насыщенія сопровождался тоскливыми заглядываніями въ тарелки любимчиковъ и очень часто разрѣшался долго сдерживаемыми слезами. А за слезами неизбѣжно слѣдовали шлепки по затылку, приказанія продолжать обѣдъ стоя, лишеніе блюда, и непремѣнно любимаго, и т. д.

То же самое происходило и съ лакомствомъ. Зимой намъ давали полакомиться очень рѣдко; по лѣту ягодъ и фруктовъ было такое изобиліе, что и дѣтей ежедневно одѣляли имп. Обыкновенно, для вида, всѣхъ вообще одѣляли поровну, но любимчикамъ клали особо въ потаенное мѣсто двойную порцію фруктовъ и ягодъ, и, конечно, посвѣжѣе, чѣмъ постылымъ. Происходило шушуканье между матушкой и любимчиками, и постылые легко догадывались, что ихъ постигла обида...

Существовалъ и еще пріемъ, который чувствительно отзывался на постылыхъ. Обыкновенно матушка сама собирала фрукты, т.-е. персики, абрикосы, шпанскія вишни, сливы и т. п. Уходя въ оранжерею, она очень часто брала съ собой кого-нибудь изъ любимчиковъ и давала ему тамъ фрукты *прямо съ дерева*. Можете себѣ представить, какія картины рисовало воображеніе постылыхъ, покуда происходила процедура сбора фруктовъ и въ воротахъ сада показывалась процессія съ лотками, горшками и мисками, наполненными массою спѣлыхъ персиковъ, вишенъ и проч.! И въ этой процессіи, слѣдомъ за матушкой, рѣзвясь и играя, возвращался любимчикъ...

Да, мнѣ и теперь становится неловко, когда я вспоминаю объ этихъ дѣлежахъ, тѣмъ больше, что раздѣленіе на любимыхъ и постылыхъ не остановилось на рубежѣ дѣтства, но прошло, впослѣдствіи,

черезъ всю жизнь и отразилось въ очень существенныхъ несправедливостяхъ...

— Но вы описываете не дѣйствительность, а какой-то вымышленный адъ!—могутъ сказать мнѣ. Что описываемое мною похоже на адъ—объ этомъ я не спорю; но въ то же время утверждаю, что этотъ адъ не вымышленъ мною. Это „пошехонская старина“—и ничего больше. И, воспроизводя ее, я могу, положа руку на сердце, подписаться: съ подлиннымъ вѣрно.

Я не отрицаю, впрочемъ, что встрѣчалась и тогда другого рода дѣйствительность, мягкая и даже сочувственная. Я и ея, впослѣдствіи, не обойду. Въ настоящемъ „житіи“ найдется мѣсто для всего разнообразія стихій и фактовъ, изъ которыхъ составлялся порядокъ вещей, называемый „стариною“.

III.—Воспитаніе нравственное.

Вообще, весь тонъ воспитательной обстановки былъ необыкновенно суровый и, что̀ всего хуже, въ высшей степени низменный. Но нравственно-педагогическій элементъ былъ даже ниже физическаго. Начну съ взаимныхъ отношеній родителей.

Какъ я уже упоминалъ, отецъ мой женился сорока лѣтъ на дѣвушкѣ, еще не вышедшей изъ ребяческаго состоянія. Это былъ первый и главный исходный пунктъ будущихъ несогласій. Затѣмъ, отецъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду (Затрапезный—шутка сказать!), а мать была по рожденію купчиха, при выдачѣ которой замужъ, вдобавокъ, не отдали полностью договореннаго приданаго. Ни въ характерахъ, ни въ воспитаніи, ни въ привычкахъ супруговъ не было ничего общаго, и такъ какъ матушка была изъ Москвы привезена въ деревню, въ совершенно чуждую ей семью, то въ первое время послѣ женитьбы положеніе ея было до крайности безпомощное и приниженное. И ей съ необыкновенною грубостью и даже жестокостью давали чувствовать эту приниженность.

Въ особенности донимали ее на первыхъ порахъ золовки, которыя всѣ жили неподалеку отъ отцовской родовой усадьбы, и которыя

встрѣтили молодую хозяйку въ высшей степени враждебно. А такъ какъ всѣ онѣ были „чудихи“, то приставанія ихъ имѣли удивительно нелѣпыя и досадныя формы. Примутся, напримѣръ, безъ всякой причины, хохотать между собой и при этомъ искоса взглядывать на матушку. Или, при появленіи ея, шепчутъ: „кунчиха! кунчиха! кунчиха!“—и при этомъ опять такъ и покатываются со смѣха. Или обращаются къ отцу съ вопросомъ: „а скоро ли вы, братецъ, имѣніе на приданое молодой хозяюшки купите? „Такъ что отецъ, несмотря на свою вялость, по временамъ гнѣвался и кричалъ: „язвы вы, язвы! какъ у васъ языкъ не отсохнетъ!“ Что же касается матушки, то она, натурально, возненавидѣла золовокъ, и впослѣдствіи доказала не безъ жестокости, что память у нея относительно обидъ не короткая.

Впрочемъ, въ то время, какъ я началъ себя помнить, роли уже перемѣнились. Командиршею въ домѣ была матушка; золовки были доведены до безмолвія и играли роль приживалокъ. Отецъ тоже стушевался: однакожъ, сознавалъ свою приниженность и отплачивалъ за нее тѣмъ, что при всякомъ случаѣ осыпалъ матушку безсильною руганью и укоризнами. Въ теченіе цѣлаго дня они почти никогда не видались: отецъ сидѣлъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ и перечитывалъ старыя газеты; мать, въ своей спальнѣ, писала дѣловыя письма, считала деньги, совѣщалась съ должностными людьми и т. д. Сходились только за обѣдомъ и вечернимъ чаемъ, и тутъ начинался настоящій погромъ. Къ несчастію, свидѣтелями этихъ сценъ были и дѣти. Инициатива брани шла всегда отъ отца, который, какъ человѣкъ слабохарактерный, не могъ выдержать, и первый, безъ всякой наглядной причины, начиналъ семейную баталію. Раздавалась брань, припоминалось прошлое, слышались намеки, непристойныя слова. Матушка почти всегда выслушивала молча, только верхняя губа у нея сильно дрожала. Все притихало; люди ходили на цыпочкахъ; дѣти опускали глаза въ тарелки: однѣ гувернантки не смущались. Онѣ открыто принимали сторону матушки и какъ будто про себя (но такъ, чтобы матушка слышала) шептали: „страдалица!“

Такія сцены повторялись почти каждый день. Мы ничего не понимали въ нихъ, но видѣли, что сила на сторонѣ матушки, и что, въ то же время, она чѣмъ-то кровно обидѣла отца. Но вообще мы хладнокровно выслушивали возмутительныя выраженія семейной свары,

и она не вызывала въ насъ никакого чувства, кромѣ безотчетнаго страха передъ матерью и полнаго безучастія къ отцу, который не только кому-нибудь изъ насъ, но даже себѣ никакой защиты дать не могъ. Скажу больше: мы только по имени были дѣтьми нашихъ родителей, и сердца наши оставались вполнѣ равнодушными ко всему, что касалось ихъ взаимныхъ отношеній.

Да оно и не могло быть иначе, потому что отношенія къ намъ родителей были совсѣмъ неестественныя. Ни отецъ, ни мать не занимались дѣтьми, почти не знали ихъ. Отецъ—потому что былъ устраненъ отъ всякаго дѣятельнаго участія въ семейномъ обиходѣ! мать—потому что всецѣло была погружена въ процессъ благопріобрѣтенія. Она являлась между нами только тогда, когда, по жалобѣ гувернантки, ей приходилось карать. Являлась гнѣвная, неумолимая, съ закушенною нижнею губою, рѣшительная на руку, злая. Родительской ласки мы не знали, ежели не считать лаской тѣ безнравственныя подачки, которыя кидались любимчикамъ, на зависть постылымъ. Былъ, впрочемъ, и еще одинъ видъ родительской ласки, о которомъ стоитъ упомянуть. Когда матушка занималась „дѣлами“, то всегда затворялась въ своей спальнѣ. Тутъ она выслушивала старостъ и бурмистровъ, тутъ принимала оброчную сумму, запродавала хлѣбъ, тальки, полотна и прочія произведенія; тутъ же происходило и ежедневное подсчитываньe денежной кассы. Матушка не любила производить свои денежныя операціи при свидѣтеляхъ, но любимчики составляли въ этомъ случаѣ исключеніе. Замѣтивъ, что матушка „затворилась“, они тихонько бродили около ея спальни, и материнское сердце, почуявъ ихъ робкіе шаги, растворялось.

— Кто тамъ?—раздавался голосъ изъ спальни.

— Это я, маменька, Гриша...

— Ну, войди. Войди, посмотри, какъ мать-старуха хлопочетъ. Вонъ сколько денегъ Максимушка (бурмистръ изъ ближней вотчины) матери привезъ. А мы ихъ въ ящикъ уложимъ, а потомъ, вмѣстѣ съ другими, въ дѣло пустимъ. Посиди, дружокъ, посмотри, поучись. Только сиди смирно, не мѣшай.

Гриша садился и застывалъ на мѣстѣ. Онъ былъ безконечно счастливъ, ибо понималъ, что маменькино сердце раскрылось и маменька любитъ его.

Разумѣется, любимчикъ передавалъ о слышанномъ и видѣнномъ

прочимъ братьямъ и сестрамъ, и тогда между дѣтьми происходили своеобразныя собесѣдованія.

— И куда она такую прорву деньжищъ копитъ!—восклицалъ кто-нибудь изъ постылыхъ.

— Все для нихъ вотъ, для любимчиковъ этихъ, для Гришки да для Надьки!—отзывался другой постылый.

— Ты бы, Гришка, сказалъ матери: вы, маменька, не все для насъ копите, у васъ и другія дѣти есть...

— Да,—скажетъ онъ!

И т. д., и т. д.

Таковы были единственныя выраженія, въ которыхъ родительская ласка исчерпывалась вполнѣ.

Такимъ образомъ, къ отцу мы, дѣти, были совершенно равнодушны, и какъ и всѣ вообще домочадцы, за исключеніемъ, быть можетъ, старыхъ слугъ, помнившихъ еще холостые отцовскіе годы; матушку, напротивъ, боялись какъ огня, потому что она являлась послѣднею карательною инстанціей, и притомъ не смягчала, а, наоборотъ, всегда усиливала мѣру наказанія.

Вообще, тѣлесныя наказанія во всѣхъ видахъ и формахъ являлись главнымъ педагогическимъ пріемомъ. Къ сѣченію прибѣгали не часто, но колотушки, какъ болѣе сподручныя, сыпались со всѣхъ сторонъ, такъ что „постылымъ“ совсѣмъ житья не было. Я, лично, росъ отдѣльно отъ большинства братьевъ и сестеръ (старше меня было три брата и четыре сестры, причемъ между мною и моей предшественницей-сестрой было три года разницы), и потому менѣе другихъ участвовалъ въ общей оргіи битья; но, впрочемъ, когда и для меня подосиѣла пора ученья, то, на мое несчастье, пріѣхала вышедшая изъ института старшая сестра, которая дралась съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто мстила за прежде вытерпѣнные побои. Благодаря этому педагогическому пріему, во время классовъ раздавались неумолкаемые дѣтскіе стоны; зато въ неклассное время дѣти сидѣли смирно, не шевелясь, и весь домъ погружался въ такую тишину, какъ будто вымиралъ. Словомъ сказать, это былъ подлинный дѣтскій мартирологъ, и въ настоящее время, когда я пишу эти строки и когда многое въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми настолько измѣнилось, что малѣйшая боль, ощущаемая ребенкомъ, заставляетъ тоскливо сжиматься родительскія сердца, подобное мучительство по-

кажется чудовищнымъ вымысломъ. Но сами созидатели этого мартиролога отнюдь не сознавали себя извергами—да и въ глазахъ постороннихъ не слыли за таковыхъ. Просто говорилось: „съ дѣтьми безъ этого нельзя“. И допускалось въ этомъ смыслѣ только одно ограниченіе: какъ бы не застукать совсѣмъ! Но кто можетъ сказать, сколько „не до конца застуканныхъ“ безвременно снесено на кладбище? кто можетъ опредѣлить, сколькимъ изъ этихъ юныхъ страстотерпцевъ была застукана и изуродована вся послѣдующая жизнь?

Но ежели несправедливыя и суровыя наказанія ожесточали дѣтскія сердца, то поступки и разговоры, которыхъ дѣти были свидѣтелями, развращали ихъ. Къ сожалѣнію, старшіе даже на короткое время не считали нужнымъ сдерживаться передъ ними, и безъ малѣйшаго стѣсненія выворачивали ту интимную подкладку, которая давала ключъ къ уразумѣнію цѣлаго жизненнаго строя.

Нормальныя отношенія помѣщиковъ того времени къ окружающей крѣпостной средѣ опредѣлялись словомъ „гнѣваться“. Это было какъ бы естественное право, которое нынче совсѣмъ пришло въ забвеніе. Нынче всякій такъ-называемый „господинъ“ отлично понимаетъ, что гнѣвается ли онъ, или нѣтъ, результатъ все одинъ и тотъ же: „наплевать!“; но при крѣпостномъ правѣ выраженіе это было обильно и содержаніемъ, и практическими послѣдствіями. Господа „гнѣвались“; прислуга имѣла свойство „прогнѣвлять“. Это былъ, такъ сказать, волшебный кругъ, въ которомъ обязательно вращались всѣ тогдашнія несложныя отношенія. По крайней мѣрѣ, всякій разъ, когда намъ, дѣтямъ, приходилось сталкиваться съ прислугой, всякій разъ мы видѣли испуганныя лица и слышали одно и то же шушуканье: барыня изволятъ гнѣваться“, „баринъ гнѣваются“...

За обѣдомъ, прежде всего гнѣвались на повара. Поваръ у насъ былъ старый (были и молодые, но ихъ отпускали по оброку), полуслѣпой и довольно нечистоплотный. Ежели кушанье оказывалось черезъ-чуръ посоленнымъ, то его призывали и объявляли, что недосолъ на столѣ, а пересолъ на спинѣ; если въ супѣ отыскивали таракана—повара опять призывали и заставляли таракана разжевать. Иногда матушка не доискивалась куска, который утромъ, заказывая обѣдъ, собственными глазами видѣла—опять повара за бока: куда дѣвалъ кусокъ? любовницѣ отдалъ? Словомъ сказать, рѣдкій обѣдъ

проходилъ, чтобы несчастный старикъ чѣмъ-нибудь да не прогнѣвилъ господъ.

Кромѣ повара, гнѣвались и на лакеевъ, прислуживавшихъ за столомъ. Мотивы были самые разнообразные: не такъ ступилъ, не такъ подалъ, не такъ взглянулъ. „Что фордыбакой-то смотришь, или ужъ намеднешнюю баню позабылъ?“ — „Что словно во снѣ веревки вьешь — или по намеднешнему напомнить надо?“ — Такіе вопросы и ссылки на недавнее прошлое сыпались безпрерывно. Драться во время ѣды было неудобно; поэтому отецъ, какъ человѣкъ набожный, нерѣдко прибѣгалъ къ наложенію эпитиміи. Прогнѣвается на какого-нибудь „не такъ ступившаго“ верзилу, да и поставитъ его возлѣ себя на колѣни, а не то такъ прикажетъ до конца обѣда земные поклоны отбивать.

Однако, не всегда же домашнія встрѣчи ознаменовывались семейными сварами, не всегда господа гнѣвались, а прислуга прогнѣвляла. Отъ времени до времени выпадали дни, когда воюющія стороны встрѣчались мирно, и свара уступала мѣсто обыкновенному разговору. Увы! разговоры эти своимъ пошлымъ содержаніемъ и формой засоряли дѣтскіе мозги едва ли не хуже, нежели самая жестокая брань. Обыкновенно они вращались или около средствъ наживы и сопряженныхъ съ нею разнообразнѣйшихъ формъ объегориванія, или около половыхъ проказъ родныхъ и сосѣдей.

— Ты знаешь ли, какъ онъ состояніе-то пріобрѣлъ?—вопрошалъ одинъ (или одна), и тутъ же объяснялись всѣ подробности стяжанія, въ которыхъ торжествующую сторону представлялъ человѣкъ, пользовавшійся кличкой не то „шельмы“, не то „умницы“, а угнетенную сторону — „простофиля“ и „дуракъ“.

Или:

— Ты что глаза-то вытаращилъ?—обращалась иногда матушка къ кому-нибудь изъ дѣтей.—Чай, думаешь, скоро отецъ съ матерью умрутъ, такъ мы, дескать, живо спустимъ, что они хребтомъ да потомъ, да кровью нажили! Успокойся, мерзавецъ! Умремъ, все вамъ оставимъ, ничего въ могилу съ собой не унесемъ!

А иногда къ этому прибавлялась и угроза:

— А хочешь, я тебя, балбесъ, въ Суздаль-монастырь сошлю? да, возьму и сошлю! И никто меня за это не осудитъ, потому что я мать: что хочу, то надъ дѣтьми и дѣлаю! Сиди тамъ да и жди, пока

мать съ отцомъ умрутъ, да имѣніе свое тебѣ, шельмецу, предоставятъ!

Что касается до оцѣнки дѣйствій родныхъ и сосѣдей, то она почти исключительно исчерпывалась фразами:

— И легъ, и всталъ у своей любезной!

Или:

— Любовники-то настоящіе бросили, такъ она за нона принялась...

И все это говорилось безъ малѣйшей тѣни негодованія, безъ малѣйшей попытки скрыть гнусный смыслъ словъ, какъ будто рѣчь шла о самомъ обыденномъ фактѣ. Въ словѣ „шельма“ слышалась не укоризна, а скорѣе что-то ласкательное, въ родѣ „молодца“. Напротивъ, „простофиля“ не только не встрѣчалъ ни въ комъ сочувствія, но возбуждалъ нелѣпое злорадство, которое и формулировалось въ своеобразномъ афоризмѣ: „такъ и надо учить дураковъ!“

Но судаченіемъ сосѣдей дѣло ограничивалось очень рѣдко: въ большинствѣ случаевъ оно перерождалось въ взаимную семейную перестрѣлку. Начинали съ сосѣдей, а потомъ постепенно переходили къ самимъ себѣ. Возникали бурныя сцены, сыпались упреки, выступали на сцену откровенія...

Впрочемъ, виноватъ: кромѣ такихъ разговоровъ, иногда (преимущественно по праздникамъ) возникали и богословскіе споры. Такъ, напримѣръ, я помню въ Преображеньевъ день (нашъ престольный праздникъ), по поводу словъ тропаря: *Показавый ученикомъ своимъ славу твою, яко же можаху*,—спорили о томъ, что̀ такое „жеможаха“? сіяніе, что ли, особенное? А однажды помѣщица-сосѣдка, изъ самыхъ почетныхъ въ уѣздѣ, интересовалась узнать: что̀ это за „жезаный“ такіе?—И когда отецъ замѣтилъ ей:—Какъ же вы, сударыня, Богу молитесь, а не понимаете, что тутъ не одно, а три слова: же, за, ны... „за насъ“ то-есть...

То она очень развязно отвѣчала:

— Толкуй, троесловъ! Еще неизвѣстно, чья молитва Богу угоднѣе. Я вотъ и однимъ словомъ молюсь, а моя молитва доходитъ, а ты и тремя словами молишься, анъ Богъ-то тебя не слышитъ, и проч. и проч.

Разговоры старшихъ, конечно, полагались въ основу и нашихъ дѣтскихъ интимныхъ бесѣдъ, любимою темою для которыхъ служили

маменькины благопріобрѣтенія, и наши предположенія, кому что̀ по смерти ея достанется. Объ отцовскомъ имѣніи мы не помнили, потому что оно, сравнительно, представляло небольшую часть общаго достоянія, и притомъ всецѣло предназначалось старшему брату Порфирію (я въ дѣтствѣ его почти не зналъ, потому что онъ въ это время воспитывался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, а оттуда прямо поступилъ на службу); прочія же дѣти должны были ждать награды отъ матушки. Въ этомъ пунктѣ матушка вынуждена была уступить отцу, хотя Порфирій и не былъ изъ числа любимчиковъ. Тѣмъ не менѣе, не всѣ изъ насъ находили это распоряженіе справедливымъ, и не совсѣмъ охотно отдавались на милость матушки.

— Малиновецъ-то вѣдь золотое дно, даромъ-что въ немъ только триста-шестьдесятъ-одна душа!—претендовалъ братъ Степанъ, самый постылый изъ всѣхъ:—въ прошломъ году одного хлѣба на десять тысячъ продали, да пустоша въ кортому отдавали, да масло, да яйца, да талыкп. Лѣсу-то сколько, лѣсу! Тамъ *она* дастъ или не дастъ, а тутъ *свое, законное*. Нельзя изъ родового законной части не выдѣлить. Вотъ Заболотье—и велика Ѳедора, да дура,—что̀ въ немъ!

— Ну, нѣтъ, и Заболотье недурно,—резонно возражалъ ему любимчикъ Гриша:—а притомъ папенькино желанье такое, чтобъ Малиновецъ въ цѣломъ составѣ перешелъ къ старшему въ родѣ Затрапезныхъ. Надо же уважить старика.

— Что̀ отецъ! только слава, что отецъ! Вонъ мнѣ, небось, Малиновца не подумалъ оставить, а вѣдь и я чѣмъ не Затрапезный? Вотъ увидите: отвалитъ *она* мнѣ вологодскую деревнюшку въ сто душъ, и скажетъ: ней, ѣшь и веселись! И манже, и буаръ, и сортиръ —все тутъ!

— А мнѣ въ Меленкахъ деревнюшку выброситъ,—задумчиво отзывалась сестра Вѣра:—съ такимъ приданымъ кто меня замужъ возьметъ?

— Нѣтъ, Меленковская деревушка—Любкѣ, а съ тебя и въ ветлужскомъ уѣздѣ сорока душъ будетъ!

— А можетъ, вдругъ, расщедрится—скажетъ: и Меленковскую, и Ветлужскую деревни Любкѣ отдать! Вѣдь это ужъ въ своемъ родѣ кусъ!

— Кому-то она Бубново съ деревнями отдастъ! вотъ это такъ

кусъ! Намедніись мы ѣхали мимо: скирдовъ-то, скирдовъ-то наставлено! Кучеръ Алёмпій говоритъ: „точно Украйна!“

— Разумѣется, Бубново—Гришкѣ! Недаромъ онъ матери на насъ шпіонитъ. Тебѣ, что-ли, Гришка-шпіонъ?

— Я всѣмъ буду доволенъ, что милость маменьки назначитъ мнѣ,—кротко отвѣчаетъ Гриша, потупивъ глазки.

— Намедніись, мы съ Вѣркой считали, что̀ *она* доходовъ съ имѣній получаетъ. Считали-считали, до пятидесяти тысячъ насчитали... ей Богу!

— И куда она экую прорву деньжищъ копитъ?

— Намедніись. Петръ Дормидонтовъ изъ города пріѣзжалъ. Заперлись. завѣщанье писали. Я, было, у двери подслушать хотѣлъ. да только и успѣлъ услышать: „а *его* за неповиновеніе“... Въ это время, слышу: потихоньку кресло отодвигаютъ—я какъ дамъ стрекача, только пятки засверкали. Да, что-жъ, впрочемъ, подслушивай не подслушивай, а *его*—это непремѣнно означаетъ меня! Унлетъ она меня къ тотемскимъ чудотворцамъ, какъ пить дастъ!

— Кому-то она Заболотье отдѣлитъ? — безпокоится сестра Софья.

— Тебѣ, Сонька, тебѣ, кроткая дѣвочка... дожидайся! — острнтъ Степанъ.

— Да вѣдь не унесетъ же она его, въ самомъ дѣлѣ, въ могилу!

— Нѣтъ, господа! этого дѣла нельзя оставлять! надо у Петра Дормидонтыча досконально выпытать!

— Я и то спрашивалъ: что̀, молъ. кому и какъ? Смѣется, каналья: „все, говоритъ, вамъ, Степанъ Васильичъ! ни братцамъ. ни сестрицамъ ничего—все вамъ“!

И т. д.

Иногда Стёпка-балбесъ поднимался на хитрости. Доставалъ у дворовыхъ лàданки съ безсмысленными заговорами и подолгу носилъ ихъ. въ чаяньѣ приворожить сердце маменьки. А одинъ разъ поймалъ лягушку, подрѣзалъ ей лапки и еще живую зарылъ въ муравейникъ. И потомъ всѣмъ показывалъ бѣленькую косточку, увѣряя, что она принадлежитъ той самой лягушкѣ, которую объѣли муравьи.

— Мнѣ этотъ секретъ Ванька-портной открылъ. „Сдѣлайте. говоритъ: вотъ увидите, что маменька совсѣмъ другія къ вамъ

будутъ!“ А что ежели она вдругъ... „Стёпа,—скажетъ,—поди ко мнѣ, сынъ мой любезный! вотъ тебѣ Бубново съ деревнями“... Да деньжищъ малую толику отсыплетъ: катайся, каналья, какъ сыръ въ маслѣ!

— Дожидайся!—огорчался Гриша, слушая эти похвальбы, и даже принимался плакать съ досады, какъ будто у него и въ самомъ дѣлѣ отнимали Бубново.

Матушка, благодаря наушникамъ, знала объ этихъ *дѣтскихъ* разговорахъ, и хотя не часто (у нея было слишкомъ мало на это досуга), но временами обрушивалась на брата Степана.

— Ты опять, балбасъ безчувственный, надъ матерью надругаешься!—кричала она на него:—мало тебѣ, постылому сыну, намеднешней потасовки!—И вслѣдъ за этими словами происходила новая жестокая потасовка, которая даже у мало чувствительнаго „балбеса“ извлекала изъ глазъ потоки слезъ.

Вообще, нужно сказать, что система шпіонства и наушничества была въ полномъ ходу въ нашемъ домѣ. Наушничала прислуга, въ особенности должностная; наушничали дѣти, И не только любимчики, но и постылые, желавшіе хоть на нѣсколько часовъ выслужиться.

— Марья Андреевна! *онъ* васъ кобылой назвалъ!—слышалось во время классовъ, и, разумѣется, доносъ не оставался безъ послѣдствій для „виноватаго“. Марья Андреевна, съ истинно адскою хищностью, впивалась въ *его* уши и вострыми ногтями до крови ковыряла ушную мочку, приговаривая:

— Это тебѣ за кобылу! это тебѣ за кобылу! Гриша, поди сюда, поцѣлуй меня, добрый мальчикъ! Вотъ такъ. И впередъ мнѣ говори, коли что дурное про меня будутъ братцы или сестрицы болтать.

Выше я упоминалъ о формахъ, въ которыхъ обрушивался барскій гнѣвъ на прогнѣвлявшую господъ прислугу, но все сказанное по этому поводу касается исключительно мужского персонала, который подвертывался подъ руку, сравнительно, довольно рѣдко. Несравненно въ болѣе горькомъ положеніи была женская прислуга, и въ особенности сѣнныя дѣвушки, которыя на тогдашнемъ цинническомъ языкѣ назывались „дѣвками“ *).

*) Выраженіе это напоминаетъ мнѣ довольно оригинальный случай. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ мнѣ привелось провести зиму въ одной изъ такъ-называемыхъ stations d'hiver на берегу Средиземнаго моря. Узнавъ,

„Дѣвка“ была существо не только безотвѣтное, но и дешевое, что въ значительной степени увеличивало ея безотвѣтность. О „дѣвкѣ“ говорили: „дешевле пареной рѣпы“, или: „по грошу пара“—и соотвѣтственно съ этимъ цѣнили ея услуги. Дворовымъ человѣкомъ до извѣстной степени дорожили. Во-первыхъ, въ большинствѣ случаевъ, это былъ мастеровой или искусникъ, котораго не такъ-то легко замѣнить. Во-вторыхъ, если за нимъ и не водились ремесла, то онъ зналъ барскія привычки, умѣлъ подавать брюки, обладалъ сноровкой, разговоромъ и т. д. Въ-третьихъ, дворового человѣка можно было отдать въ солдаты, въ зачетъ будущихъ наборовъ, и квитанцію съ выгодою продать. Ничего подобнаго „дѣвки“ не представляли. Изъ нихъ былъ поводъ дорожить только ключницей, барыниной горничной, да, можетъ быть, какой-нибудь особенно искусной мастерицей, обученной въ Москвѣ на Кузнецкомъ Мосту. Всѣ прочія составляли безразличную массу, каждый членъ которой могъ быть безъ труда замѣненъ другимъ. Всѣ пряли, всѣ вязали чулки, вышивали въ пяльцахъ, плели кружева. И изъ-за взрослыхъ всегда выглядывалъ на смѣну контингентъ подростковъ.

Поэтому ихъ плохо кормили, одѣвали въ затрапезъ и мало давали спать, изнуряя почти непрерывной работой *). И было ихъ у всѣхъ помѣщиковъ великое множество.

Въ нашемъ домѣ ихъ тоже было не меньше тридцати штукъ. Всѣ онѣ занимались разнаго рода шитьемъ и плетеньемъ, покуда свѣтло, а съ наступленіемъ сумерекъ ихъ загоняли въ небольшую дѣвичью, гдѣ онѣ прили, при свѣтѣ сальнаго огарка, часовъ до одиннадцати ночи. Тутъ же онѣ обѣдали, ужинали и спали на полу, въ повалку, на войлокахъ.

Вслѣдствіе непосильной работы и худого питанія, дѣвушки очень часто недомогали, и всѣ имѣли унило-заспанный видъ и землистый цвѣтъ лица. Красивыхъ не было. Многія были удивительно терпѣ-

---

что въ городѣ имѣется пансіонъ, содержимый русской старушкой—барыней изъ Бронницъ, я, конечно, поспѣшилъ туда. И какъ же я былъ обрадованъ, когда на мой вопросъ о прислугѣ, милая старушка отвѣтила: „да скличьте дѣвку, вотъ и прислуга!“ Такъ на меня и пахнуло словно изъ печки.

*) Разумѣется, встрѣчались помѣщичьи дома, гдѣ и дворовымъ дѣвкамъ жилось изрядно, но въ большей части случаевъ тутъ примѣшивался гаремный оттѣнокъ.

ливы, кротки и горячо вѣрили, что смерть возвѣстить имъ тѣ радости и услады, въ которыхъ такъ сурово отказала жизнь. Въ послѣдніе дни страстной недѣли, подъ вліяніемъ ежедневныхъ службъ, эта вѣра въ особенности оживлялась, такъ что вся дѣвичья наполнялась тихими, сосредоточенными вздохами. Затѣмъ, наступившій Свѣтлый праздникъ былъ едва ли не единственнымъ днемъ, когда лица рабовъ и рабынь расцвѣтали и крѣпостное право какъ бы упразднялось.

Но что̀ было всего циничнѣе и возмутительнѣе—это необыкновенно настойчивое выслѣживаніе „дѣвокъ“.

У большинства помѣщиковъ было принято за правило не допускать браковъ между дворовыми людьми. Говорилось прямо: „разъ вышла дѣвка замужъ —она ужъ не слуга; ей вздору дѣтей родить, а не господамъ служить“. А иные къ этому цинично прибавляли: „на нихъ, кобылъ, и жеребцовъ не напасешься“. Съ дѣвки всегда спрашивалось больше, нежели съ замужней женщины, и линяя талька пряжи, и линяй вершокъ кружева и т. д. Поэтому былъ прямой разсчетъ, чтобы дѣвичье цѣломудріе не нарушалось.

Процедура выслѣживанья была омерзительна до послѣдней степени. Устраивали засады, подстерегали по ночамъ, рылись въ грязномъ бѣльѣ и проч. И когда, наконецъ, улики были налицо, начинался цѣлый адъ. Иногда, не дождавшись разрѣшенія отъ бремени, виновную (какъ тогда говорили: „съ кузовомъ“) выдавали за крестьянина дальней деревни, непремѣнно за бѣднаго и притомъ вдовца съ большимъ семействомъ. Словомъ сказать, трагедіи самыя несомнѣнныя совершались на каждомъ шагу, и никто и не подозрѣвалъ, что это трагедія, а говорили резонно, что съ „подляшками“ иначе поступать нельзя.

И мы, дѣти, были свидѣтелями этихъ трагедій, и глядѣли на нихъ не только безъ ужаса, но совершенно равнодушными глазами. Кажется, и мы не прочь были думать, что съ „подляшками“ иначе нельзя...

Были, впрочемъ, и либеральные помѣщики. Эти не выслѣживали дѣвичьихъ беременностей, но замужъ выходить все-таки не позволяли, такъ что, сколько бы ни было у „дѣвки“ дѣтей, ее продолжали считать „дѣвкою“ до смерти, а дѣти ея отдавались въ дальнія деревни, *въ дѣти* крестьянамъ. И все это хитросплетеніе допускалось ради лишней талькн пряжи, ради лишняго вершка кружева.

Люди позднѣйшаго времени скажутъ мнѣ, что все это было и быльемъ поросло, и, что, стало быть, вспоминать объ этомъ не особенно полезно. Знаю я и самъ, что фабула этой были дѣйствительно поросла быльемъ; но почему же, однако, она и до сихъ поръ такъ ярко выступаетъ передъ глазами отъ времени до времени? Не потому ли, что, кромѣ фабулы, въ этомъ трагическомъ прошломъ было нѣчто еще, что̀ далеко не поросло быльемъ, а продолжаетъ и доднесь тяготѣть надъ жизнію? Фабула исчезла, но въ характерахъ образовалась извѣстная складка, въ жизнь проникли извѣстныя привычки... Спрашивается: исчезли ли, вмѣстѣ съ фабулой, эти привычки, эта складка?

Въ заключеніе, не могу не упомянуть здѣсь и еще объ одномъ существенномъ недостаткѣ, которымъ страдало наше нравственное воспитаніе. Я разумѣю здѣсь совершенное отсутствіе общенія съ природой.

Бываютъ счастливыя дѣти, которыя съ пеленокъ ощущаютъ на себѣ прикосновеніе тѣхъ безконечно разнообразныхъ сокровищъ, которыя мать-природа на всякомъ мѣстѣ расточаетъ передъ каждымъ, имѣющимъ очи, чтобъ видѣть, и уши, чтобъ слышать. Мнѣ было уже за тридцать лѣтъ, когда я прочиталъ „Дѣтскіе годы Багрова внука“, и, признаюсь откровенно, прочиталъ почти съ завистью. Правда, что природа, лелѣявшая дѣтство Багрова, была богаче и свѣтомъ, и тепломъ, и разнообразіемъ содержанія, нежели бѣдная природа нашего сѣраго захолустья; но вѣдь для того, чтобы и богатая природа осіяла душу ребенка своимъ свѣтомъ, необходимо, чтобы съ самыхъ раннихъ лѣтъ создалось то стихійное общеніе, которое, захвативъ человѣка въ колыбели, наполняетъ все его существо и проходитъ потомъ черезъ всю его жизнь. Если этого общенія не существуетъ, если между ребенкомъ и природою нѣтъ никакой непосредственной и живой связи, которая помогла бы первому заинтересоваться великою тайною вселенской жизни, то и самыя яркія и разнообразныя картины не разбудятъ его равнодушія. Напротивъ того, при наличности общенія, ежели дѣти не закупорены наглухо отъ вторженія воздуха и свѣта, то и скудная природа можетъ пролить радость и умиленіе въ дѣтскія сердца.

Что касается до насъ, то мы знакомились съ природою случайно и урывками—только во время переѣздовъ на долгихъ въ Москву

или изъ одного имѣнія въ другое. Остальное время все кругомъ насъ было темно и безмолвно. Ни о какой охотѣ никто и понятія не имѣлъ, даже ружья, кажется, въ цѣломъ домѣ не было. Раза два-три въ годъ матушка позволяла себѣ нѣчто въ родѣ partie de plaisir и отправлялась всей семьей въ лѣсъ по грибы или въ сосѣднюю деревню, гдѣ былъ большой прудъ и происходила ловля карасей.

Караси были диковинные и по вкусу, и по величинѣ, но ловля эта имѣла характеръ чисто хозяйственный и съ природой не имѣла ничего общаго. А кромѣ того мы даже въ смыслѣ лакомства черезъчуръ мало пользовались плодами ея, потому что почти все наловленное немедленно солилось, вялилось и сушилось въ прокъ, и потомъ непзвѣстно куда исчезало. Затѣмъ, ни звѣрей, ни птицъ въ живомъ видѣ въ нашемъ домѣ не водилось; вообще ничего сверхштатнаго, что̀ потребовало бы лишняго куска на прокормъ. И звѣрей, и птицъ мы знали только въ соленомъ, вареномъ и жареномъ видѣ. Исключеніе составлялъ рыжій Васька-котъ, котораго, впрочемъ, очень кстати плохо кормили, чтобы онъ усерднѣе ловилъ мышей. Да еще я помню двухъ собакъ: Плутонку и Трезорку, которыхъ держали на цѣпи около застольной, а въ домъ не пускали.

Вообще, въ нашемъ домѣ избѣгалось все, что̀ могло давать пищу воображенію и любознательности. Не допускалось ни одного слова лишняго, всѣ были на счету. Даже предразсудки и примѣты были въ пренебреженіи, но не вслѣдствіе свободомыслія, а потому что слѣдованіе имъ требовало возни и безплодной траты времени. Такъ что ежели, напримѣръ, староста докладывалъ, что хорошо было бы съ понедѣльника рожь жать начать, да день-то тяжелый, то матушка ему непзмѣнно отвѣчала: „начинай-ка, начинай! тамъ что̀ будетъ, а коли, чего добраго, съ понедѣльника рожь сыпаться начнетъ, такъ кто намъ за убытки заплатитъ?“ Только чорта боялись; о немъ говорили: „кто его знаетъ, не то онъ есть, не то его нѣтъ — а ну, какъ есть?!“ Да о домовомъ достовѣрно знали, что онъ живетъ на чердакѣ. Эти два предразсудка допускались, потому что отъ нихъ никакое дѣло не страдало.

Религіозный элементъ тоже сведенъ былъ на степень простой обрядности. Ходили къ обѣднѣ аккуратно каждое воскресенье, а наканунѣ большихъ праздниковъ служили въ домѣ всенощныя и молебны съ водосвятіемъ, причемъ строго слѣдили, чтобы дѣти усердно

крестились и клали земные поклоны. Отецъ каждое утро запирался въ кабинетъ и, выходя оттуда, раздавалъ намъ по кусочку зачерствѣлой просвиры. Но во всемъ этомъ царствовала полная машинальность, и не чувствовалось ничего, что напоминало бы возгласъ: „горѣ имѣемъ сердца“! Колѣни пригибались, лбы стукались объ полъ, но сердца оставались нѣмы. Только въ Свѣтлый праздникъ домъ своей тишиной нѣсколько напоминалъ объ умиротвореніи и умиленіи сердецъ...

Попы въ то время находились въ полномъ повиновеніи у помѣщиковъ, и обхожденіе съ ними было полупрезрительное. Церковь, какъ и все остальное, была крѣпостная, и попъ при ней—крѣпостной. Захочетъ помѣщикъ—у попа будетъ хлѣбъ, не захочетъ—попъ безъ хлѣба насидится. Нашъ попъ былъ полуграмотный, выслужившійся изъ дьячковъ; это былъ домовитый и честный старикъ, который пахалъ, косилъ, жалъ и молотилъ на ряду со всѣми крестьянами. Обыкновенно онъ велъ трезвую жизнь, но въ большіе праздники напивался до безобразія. Обращались съ нимъ нехорошо (даже въ глаза называли Ванькой). Я помню, что нерѣдко, во время чтенія евангелія, отецъ черезъ всю церковь поправлялъ его ошибки. Помню также ежегодно повторявшійся скандалъ на вечернѣ Свѣтлаго праздника. Попъ порывался затворить царскія врата, а отецъ не допускалъ его, такъ что дѣло доходило между ними до борьбы. А по окончаніи службы попъ выходилъ на амвонъ, становился на колѣни и кланялся отцу въ ноги, прося прощенія. Разумѣется, соотвѣтственно съ такимъ обращеніемъ соразмѣрялась и плата за требы. За всенощную платили двугривенный, за молебенъ съ водосвятіемъ—гривенникъ. Самыя монеты, назначавшіяся въ вознагражденіе причту, выбирались до того слѣпыя, что даже „пятышекъ“ не было видно.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на почти совершенное отсутствіе религіозной подготовки, я помню, что когда я въ первый разъ прочиталъ евангеліе, то оно произвело на меня потрясающее дѣйствіе. Но объ этомъ я разскажу впослѣдствіи, когда пойдетъ рѣчь объ ученіи.

IV.—День въ помѣщичьей усадьбѣ.

Іюнь въ началѣ; шестой часъ утра. Окно въ дѣвичьей поднято, и въ комнату со двора врывается свѣжая струя воздуха. Рои мухъ такъ и кишатъ въ воздухѣ, и въ особенности скучиваются подъ потолкомъ, откуда слышится непстовое гудѣніе. Женская прислуга уже встала, убрала съ полу войлоки, собралась около стола и завтракаетъ. На этотъ разъ на столѣ стоитъ чашка съ толокномъ, и деревянныя ложки усиленно работаютъ. Черезъ десять минутъ завтракъ кончепъ; дѣвицы скрываются въ рабочую комнату, гдѣ разставлены пяльцы и подушки для кружевъ. Въ дѣвичьей остается одна деньщица, обыкновенно изъ подростковъ, которая убираетъ посуду, мететъ комнату и принимается вязать чулокъ, чутко прислушиваясь, не раздадутся ли въ барышиной спальнѣ шаги Анны Павловны Затрапезной.

Рабочій день начался, но работа покуда идетъ вяло. До тѣхъ поръ, пока не заслышится грозный барынинъ голосъ, у нѣкоторыхъ дѣвушекъ слипаются глаза, другія ведутъ праздные разговоры. И иглы, и коклюшки двигаются медленно.

Хотя время еще раннее, но въ рабочей комнатѣ солнечные лучи уже начинаютъ исподволь нагрѣвать воздухъ. Впереди предвидится жаркій и душный день. Бесѣда идетъ о томъ, какое барыня сдѣлаетъ распоряженіе. Хорошо, ежели пошлютъ въ лѣсъ за грибами или за ягодами, или нарядятъ въ саду ягоды обирать: но бѣда ежели на цѣлый день за пяльцы да за коклюшки засадятъ; хоть умирай отъ жары и духоты.

— Сказываютъ, во ржахъ солдатъ бѣглый притаился,—сообщаютъ другъ другу дѣвушки:—намедпись Дашутка, съ села, въ лѣсъ по грибы ходила, такъ онъ какъ прыснетъ изъ-за ржи, да на нее. Хлѣбъ съ ней былъ, молочка малость—отпялъ и отпустилъ.

— Смотри, не съозорничалъ ли?

— Нѣтъ, говоритъ, ничего не сдѣлалъ: только, что взяла съ собой поѣсть, то отпялъ. Да и солдатъ-то, слышь, здѣшній, изъ Великановской усадьбы Сережка фалетуръ.

— А въ Лому медвѣдь проявился. Вотъ коли туда пошлютъ, да онъ въ гости къ себѣ позоветъ!

— Меня онъ въ одинъ глотокъ съѣстъ!—отзывается карлица Полька.

Это—несчастная и вѣчно-больная дѣвушка, лѣтъ двадцати-пяти, ростомъ аршинъ съ четвертью, съ кошачьими глазами и выпятившимся клиномъ животомъ. Однакожъ, ее заставляютъ работать наравнѣ съ большими, только пяльцы устроили низенькія и дали низенькую скамеечку.

— А правда ли,—повѣствуетъ одна изъ собесѣдницъ:—въ Москалевѣ одну бабу медвѣдь въ берлогу увелъ да цѣлую зиму у себя тамъ и держалъ?

— Какъ же! въ кухаркахъ она у него жила!—смѣются другія.

Въ эту минуту въ рабочую, комнату, какъ угорѣлая, вбѣгаетъ деньщица и шопотомъ возглашаетъ:

— Барыня! барыня идетъ!

Дѣвичій гомонъ мгновенно стихаетъ; головы наклоняются къ работѣ, иглы проворно мелькаютъ, коклюшки стучатъ. Въ дверяхъ показывается заспанная фигура барыни, нечесанной, немытой, въ засаленной блузѣ. Она зѣваетъ и креститъ ротъ; иногда такъ постоитъ и уйдетъ, но въ иной день заглянетъ и въ работы. Въ послѣднемъ случаѣ рѣдко проходитъ, чтобы не раздалось, для начала дня, двухъ-трехъ пощечинъ. Въ особенности достается подросткамъ, которые еще учатся и очень часто портятъ работу.

На этотъ разъ, однакожъ, все обходится благополучно. Анна Павловна, постоявъ нѣсколько секундъ, грузными шагами направляется въ дѣвичью, гдѣ, заложивъ руки за спину, ее ожидаетъ старикъ-поваръ въ рваной курткѣ и засаленномъ передникѣ. Тутъ же, въ глубинѣ комнатѣ, притулилась ключница. Барыня садится на ларь къ столу, на которомъ разложены на блюдахъ остатки „вчерашняго“, и между прочимъ, въ кострюлькѣ, вчерашняя похлебка. Сбоку лежитъ немного свѣжей провизіи: солонина, гусиный полотокъ, телячья головка, коровье масло, яйца, нѣсколько кусковъ сахару, пшеничная мука и т. п. Барыня начинаетъ приказывать.

— Супецъ-то у насъ, кажется, ужъ третій день?—спрашиваетъ она, заглядывая въ кострюлю.

— Да, ужъ третій денекъ-съ. Прокисъ-съ.

— Ну, такъ и быть, сегодня новый завари. Говядина-то есть ли?

— Говядину послѣднюю извели.

— Какъ? кусочекъ, кажется, остался? Еще ты говорилъ: старому барину на котлетки будетъ.

— Третьяго-дня они двѣ котлетки и скушали.

— И куда такая пропасть выходитъ говядины? Покупаешь-покупаешь, а какъ ни спросишь—все нѣтъ да нѣтъ... Дѣлать нечего, курицу зарѣжь... Или лучше вотъ что: щецъ съ солониной свари, а курица-то пускай походитъ... Да за говядиной въ Мялово сегодня же пошлите, чтобы нуда два... Ты смотри у меня, старый хрычъ. Говядинка-то нынче кусается... четыре рублика (ассигнаціями) за пудъ... Побережай, не швыряй зря! Ну, горячее готово; на холодное что?

— Вчерашняго галантиру малость осталось, да тоже одно званіе...

Анна Павловна разсматриваетъ остатки галантира. Клейкая масса расползлась по блюду, и изъ нея торчатъ обрывки мозговъ и телячьей головки.

— А ты съумѣй подправить; на то ты поваръ. Старый-то галантиръ въ формочки влей, а изъ новой головки свѣжаго галантирцу сдѣлай.

Барыня откладываетъ въ сторону телячью голову и продолжаетъ.

— Соусу вчерашняго тоже, кажется, не осталось... или нѣтъ, стой! печонка, что-ли, вчера была?

— Печонка-съ.

— Сама собственными глазами видѣла, что два куска на блюдѣ остались! Куда они дѣвались?

— Не знаю-съ.

Барыня вскакиваетъ и приближается къ самому лицу повара.

— Сказывай! куда печонку дѣвалъ?

— Виноватъ-съ.

— Куда дѣвалъ? сказывай!

— Собака съѣла... не досмотрѣлъ-съ...

— Собака! Василисушкѣ своей любезной скормилъ? Хоть роди да подай мнѣ вчерашнюю печонку!

— Воля ваша-съ.

Поваръ стоитъ и смотритъ барынѣ въ глаза. Анна Павловна съ минуту колеблется, но, наконецъ, примиряется съ совершившимся фактомъ.

— Ну, такъ соусу у насъ нынче не будетъ,—рѣшаетъ она.—

Такъ и скажу всѣмъ: старый хрѣнъ любовницѣ соусъ скормилъ. Вотъ ужо̀ баринъ за это тебя на колѣнки поставитъ.

Очередь доходитъ до жаркого. Передъ барыней лежитъ на блюдѣ баранья нога, до такой степени изскобленная, что даже намека на мякоть нѣтъ.

— Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ. Вчера Андрюшка изъ Москалева зайца привезъ; видно, его придется изжарить.

— Позвольте, сударыня, вамъ посовѣтовать. На погребѣ ужъ пять дней жареная телячья нога, на случай пріѣзда гостей, лежитъ, такъ вотъ ее бы сегодня подать. А заяцъ и повисѣть можетъ.

Анна Павловна облизываетъ указательный палецъ и показываетъ повару шишъ.

— Натко!

— Помилуйте, сударыня, отъ телятины-то ужъ запашо̀къ пошелъ.

— Какъ запашо́къ! На льду стоитъ всего пятый день, и ужъ запашо̀къ! Льду, что-ли, у тебя нѣтъ?—строго обращается барыня къ ключницѣ.

— Ледъ есть, да сами изволите знать, какая на дворѣ жарынь, —оправдывается ключница.

— Жарынь да теплынь... только и словъ отъ васъ! Вотъ я тебя, старая псовка, за индейками ходить пошлю, такъ ты и будешь знать, какъ барское добро гноить! Ну, ин̀ь быть такъ: телячью ногу разогрѣть на сегодняшнее жаркое. Такъ оно и будетъ! посидимъ безъ соуса, зато телятинки побольше поѣдимъ. А на случай гостей, новую ногу зажарить. Ахъ, ужъ эти мнѣ гости! обопьютъ, объѣдятъ, да тебя же и обругаютъ! Да еще хамовъ да хамокъ съ собой навезутъ— всѣхъ-то напой, всѣхъ-то накорми! А что̀ добра на лошадей ихнихъ изойдетъ! Пріѣдутъ шестерикомъ... И сѣна-то имъ, и овса-то!

— Это ужъ извѣстно...

— Да ты смотри, Тимошка, старую баранью ногу все-таки не бросай. Еще найдутся обрѣзочки, на винегретъ пригодятся. А хлѣбеннаго (пирожнаго) ничего отъ вчерашняго не осталось?

— Ничего-съ.

— Ну, бабу изъ клубники сдѣлай. И то сказать, безъ пути на погребѣ ягода плесневѣетъ. Сахару кусочка три возьми да яичекъ парочку... Ну-ну, не ворчи! будетъ съ тебя!

Анна Павловна велитъ отрубить кусокъ солонины, отдѣляетъ два яйца, три куска сахару, проводитъ пальцемъ черту на комкѣ масла и долго споритъ изъ-за лишняго золотника, который выпрашиваетъ поваръ.

По уходѣ повара, она направляется къ мѣдному тазу, надъ которымъ утвержденъ мѣдный же рукомойникъ съ подвижнымъ стержнемъ. Ключница стоитъ сзади, покуда барыня умывается. Мыло, которое она при этомъ употребляетъ, пахнетъ прокислымъ; полотенце простое, изъ домашняго холста.

— Что̀? Какъ оказалось? Липка тяжела?—спрашиваетъ барыня.

— Не могу еще навѣрно сказать,—отвѣчаетъ ключница:—должно быть, по видимостямъ, что такъ.

— Ужъ если... ужъ если она... ну, за самаго что ни на есть нищаго отдамъ! Съ Прошкой связалась, что-ли?

— Видали ихъ вмѣстѣ. Да что̀, сударыня, вчерась бѣглаго солдата во ржахъ запримѣтили.

При словахъ: „бѣглый солдатъ“—Анна Павловна блѣднѣетъ. Она прекращаетъ умыванье и съ мокрымъ лицомъ обращается къ ключницѣ:

— Солдатъ? гдѣ? когда? отчего мнѣ не доложили?

— Да тутъ недалечко, во ржахъ. Сельская Дашутка по грибы въ Лисьи-Ямы шла, такъ онъ ее ограбилъ, хлѣбъ, слышь, отнялъ. Дашутка-то его признала. Бывшій великановскій Сережка—фалетуръ... помните, еще старосту ихняго убить грозился.

— Что жъ ты мнѣ не доложила? Кругомъ бѣглые солдаты бродятъ, всѣ знаютъ, я одна вѣдать не вѣдаю...

Барыня съ простертыми длaнями подступаетъ къ ключницѣ.

— Что-жъ мнѣ докладывать—это старостино дѣло! Я и то ему говорила: доложи, говорю, барынѣ. А онъ: что̀ зря барынѣ докладывать. Стало быть, обезпокоить васъ поопàсился.

— Безпокоить! безпокоить! ахъ, нѣжности какія? А ежели солдатъ усадьбу сожжетъ—кто тогда отвѣчать будетъ? Сказать старостѣ, чтобъ непремѣнно его изловить! чтобъ къ вечеру же былъ представленъ! Взять Дашутку и все поле осмотрѣть, гдѣ она его видѣла!

— Народъ на сѣнокосѣ, кто же ловить будетъ?

— Сегодня братъ на брата работаютъ. Своихъ, которые на барщинѣ, не трогать, а которые на себя сѣнокосничаютъ—пусть не прогнѣваются. Зачѣмъ бѣглыхъ разводятъ!

Анна Павловна на-скоро вытирается полотенцемъ и, слегка успокоенная, вновь начинаетъ бесѣду съ Акулиной.

— Куда сегодня кобылъ-то наряжать? или дома оставить?—спрашиваетъ она.

— Малина, сказываютъ, поспѣвать начала.

— Ну, такъ въ лѣсъ, за малиной. Вотъ въ Лисьи-Ямы и пошли, пускай солдата по дорогѣ ловятъ.

— Пообѣдавши идти?

— Дай имъ по ломтю хлѣба съ солью, да фунта три толокна. на всѣхъ — будетъ съ нихъ. Воротятся ужо, ужинать будутъ... успѣютъ налопаться! Да за Липкой слѣди... ты мнѣ отвѣтишь, ежели что...

Покуда въ дѣвичьей происходятъ эти сцены, Василій Порфирычъ Затрапезный заперся въ кабинетѣ и возится съ просфорами. Онъ совершаетъ проскомидію, какъ настоящій іерей: шепчетъ молитвы, воздѣваетъ руки, кладетъ земные поклоны. Но это не мѣшаетъ ему, отъ времени до времени, посматривать въ окна, не прошелъ ли кто по двору и чего-нибудь не пронесъ ли. Въ особенности зорко слѣдитъ его глазъ за воротами, которыя ведутъ въ плодовый садъ. Теперь время ягодное—какъ разъ кто-нибудь проползетъ.

— Куда, куда, шельмецъ, пробираешься?—раздается черезъ открытое окно его окрикъ на мальчишку, который больше чѣмъ положено приблизился къ тыну, защищающему садъ отъ хищниковъ. —Вотъ я тебя! чей ты? сказывай, чей?

Но мальчишка, при первомъ же окрикѣ, исчезъ, словно сквозь землю провалился.

Баринъ дѣлаетъ полуоборотъ, чтобы снова стать на молитву, какъ взоръ его встрѣчаетъ жену старшаго садовника, которая выходитъ изъ садовыхъ воротъ. Руки у нея заложены подъ фартукъ: значитъ, навѣрное, что-нибудь несетъ. Баринъ ужъ готовъ испустить крикъ, но садовница во-время замѣтила его въ окнѣ и высвобождаетъ руки изъ-подъ фартука; оказывается, что онѣ пусты.

Василій Порфирычъ слыветъ въ околоткѣ умнымъ и образованнымъ. Онъ знаетъ по-французски и по-нѣмецки, хотя многое пере-

забылъ. У него есть библіотека, въ которой на первомъ планѣ красуется старый нѣмецкій „Conversations-Lexicon“, цѣлая серія академическихъ календарей, Брюсовъ календарь, „Часы благоговѣнія“ и, наконецъ, „Тайны природы“, Эккартсгаузена. Послѣднія составляютъ его любимое чтеніе, и знакомство съ этой книгой въ особенности ставится ему въ заслугу. Сверхъ того, онъ слыветъ набожнымъ человѣкомъ, заправляетъ всѣми церковными службами, знаетъ, когда нужно класть земные поклоны и умиляться сердцемъ, и усердно подтягиваетъ дьячку за обѣдней.

Бьетъ восемь; на дворѣ начинаетъ чувствоваться зной. Дѣти собрались въ столовой, размѣстились на опредѣленныхъ мѣстахъ и пьютъ чай. Передъ каждымъ стоитъ чашка жидкаго чая, предварительно подслащеннаго и подбѣленнаго снятымъ молокомъ. и тоненькій ломоть бѣлаго хлѣба. Разумѣется, у любимчиковъ и чай послаще, и молоко погуще. За столомъ предсѣдательствуетъ гувернантка, Марья Андреевна, и уже спозаранку выискиваетъ, кого бы ей наказать.

— У меня, Марья Андреевна, совсѣмъ сахару нѣтъ,—объявляетъ Степка-балбесъ, несмотря на то, что впередъ знаетъ, что голосъ его будетъ голосомъ, вопіющимъ въ пустынѣ.

— Въ такомъ случаѣ оставайся совсѣмъ безъ чаю,—холодно отрѣзываетъ Марья Андреевна.

— Да вы попробуйте! вы не за тѣмъ къ намъ наняты, чтобы оставлять безъ чая, а затѣмъ, чтобы выслушивать насъ!—протестуетъ Степанъ сквозь слезы.

— А! такъ я „напята“! еще грубить смѣетъ!.. безъ чаю!

— Безъ чаю да безъ чаю! только вы и знаете! А я вотъ возьму да и выпью!

— Не смѣешь! Еслибы ты попросилъ прощенія, я, можетъ быть, простила бы, а теперь... безъ чаю!

Степанъ отодвигаетъ чашку и смиряется.

— Позвольте хоть хлѣбъ съѣсть!—проситъ онъ.

— Хлѣбъ... можешь!

Такимъ образомъ, день только-что начался, а жертва уже найдена.

Выпивши чай, дѣти скрываются въ классную и садятся за ученье. Имъ и въ лѣтніе жары не дается отдыха.

Анна Павловна, между тѣмъ, въ той же замасленной блузѣ, нечесанная, сидитъ въ своей спальнѣ и тоже кушаетъ чай. Она любитъ пить чай одна, потому что кладетъ сахару вдоволь, и при этомъ ей подается горшочекъ съ густыми топленными сливками, на поверхности которыхъ запеклась румяная пѣнка. Комната еще не выметена, горничная взбиваетъ пуховики; въ воздухѣ летаютъ перья, пухъ; мухи не даютъ покоя; но барыня привыкла къ духотѣ; ей и теперь не душно, хотя на лбу и на открытой груди выступили капли пота. Перестилая постель, горничная рапортуетъ:

— Что Липка съ кузовкомъ—это вѣрно: и про солдата правду говорили: Сережка отъ Великановыхъ. Кирюшка столяръ вчера ночью именины справлялъ, пьянъ напился и Мароу кухарку напоилъ. Пѣсни пѣли, барыню толстомясой честили...

— Гдѣ водку взяли? кто принесъ? откуда? сейчасъ же пойди, призови обоихъ: и Кирюшку, и Марѳушку!

Горничная удаляется; Анна Павловна остается одна и предается размышленіямъ. Всѣ-то живутъ въ спокоѣ да въ холѣ—она одна цѣлый день какъ въ котлѣ кипитъ. За всѣмъ-то она присмотри! всѣмъ-то приказ, обо всемъ-то подумай! Еще восемь часовъ только, а ужъ какую пропасть она дѣлъ придѣлала! И кушанье заказала, и насчетъ дѣвокъ распоряженіе сдѣлала, всѣхъ выслушала, всѣмъ отвѣтъ дала. Даже хамкамъ—и тѣмъ не въ примѣръ вольнѣе! Вотъ хоть бы Акулька-ключница, чѣмъ ей не житье? Сбѣгала на погребъ, въ кладовую, что слѣдуетъ—выдала, что слѣдуетъ—приняла... Потомъ опять сбѣгала. Или дѣвки опять... Убѣжали теперь въ лѣсъ по-малину, дерутъ тамъ пѣсни, да аукаются, или съ солдатомъ амурничаютъ... и горюшка мало! Въ лѣсу имъ прохладно, ни вѣтерокъ не вѣетъ, ни мушка не тронетъ... словно въ раю! А устанутъ—сядутъ и отдохнутъ! Хлѣбца поѣдятъ, толокопца разведутъ... сытёхоньки! А она цѣлый день все на ногахъ да на ногахъ. И туда пойди, и тамъ побывай, и того выслушай, и тѣмъ распорядись! И все одна, все одна. У другихъ хоть мужъ помога—вотъ у Александры Ѳедоровны—а у нея только слово, что мужъ! Сидитъ запершись въ кабинетѣ или бродитъ по корридору да по ляжкамъ себя хлопаетъ! Глядитко-те, солдатъ бѣглый проявился, а имъ никому и горя нѣтъ. А что, ежели онъ въ усадьбу заберется, да подожжетъ или убьетъ... вѣдь на то онъ солдатъ! Или опять Кирюшка—подлецъ! Пьянъ на-

питься изволилъ! И гдѣ они вино достаютъ? Безпремѣнно это раскрыть надо.

Сидитъ Анна Павловна и все больше и больше проникается сожалѣніемъ къ самой себѣ и, наконецъ, начинаетъ даже разсуждать вслухъ.

— И добро бы я кого-нибудь обидѣла,—говоритъ она:—кого бы нибудь обокрала, наказала бы занапрасно или изувѣчила, убила... ничего за мной этакого нѣтъ! За что только Богъ забылъ меня — ума приложить не могу! Родителей я всегда чтила, а кто чтитъ родителей—тому это въ заслугу ставится. Только мнѣ одной — шишъ вмѣсто награды! Что чти, что не чти—все одно! Получила я отъ нихъ, какъ замужъ выдавали, грошъ мѣдный, а теперь, смотри, какое имѣньице взбодрила! А все какъ?—все шеей, да грудью, да хребтомъ! Сюда забѣжишь, тамъ хвостомъ вильнешь... въ опекунскомъ-то совѣтѣ со сторожами табакъ нюхивала! передъ какимъ-нибудь ледащимъ приказнымъ чуть не въ присядку плясала: „только справочку, голубчикъ, достань!“ Вотъ какъ я имѣнья-то пріобрѣтала! И кому все это я припасаю? Кто меня за мои труды отблагодаритъ? Такъ, прахомъ, всѣ хлопоты пойдутъ... послѣ смерти и помянуть-то никто не вздумаетъ! И умру я одна-одинёшенька, и похоронятъ меня... гроба-то, пожалуй, настоящаго не сдѣлаютъ, такъ, колоду какую-нибудь... Намедни спрашиваю Стёнку: радъ будешь, Стёнка, ежели я умру?.. Смѣется... Такъ-то и всѣ. Иной, пожалуй, и скажетъ: я, маменька, плакать буду... а кто его знаетъ, что у него на душѣ!..

Неизвѣстно, куда бы завели Анну Павловну эти горькія мысли, еслибы не воротилась горничная и не доложила, что Кирюшка съ Марушкой дожидаются въ дѣвичьей.

Черезъ минуту въ дѣвичьей происходитъ обмѣнъ мыслей.

Прежде всего Анна Павловна начинаетъ иронизировать.

— Такъ вотъ вы какъ, Кириллъ Филатычъ! винцо покупиваете! —говоритъ она, держась, впрочемъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ обвиняемаго.

Но Кирюшка не изъ робкихъ. Онъ принадлежитъ къ числу „закоснѣлыхъ“, и знаетъ, что барыня давно уже готовитъ его подъ красную шапку.

— Пилъ-съ,—спокойно отвѣчаетъ онъ, какъ будто это такъ и быть должно.

— Именины изволили справлять?

— Такъ точно, былъ именинникъ.

— И Марѳѣ Васильевнѣ поднесли?

— И ей поднесъ. Тетка она мнѣ...

— А гдѣ, позвольте узнать, вы вина достали?

— Стало-быть, сорока на хвостѣ принесла.

Лицо Анны Павловны мгновенно зеленѣетъ: губы дрожатъ, грудь тяжело дышетъ, руки трясутся. Въ одинъ прыжокъ она подскакиваетъ къ Кирюшкѣ.

— Не извольте драться, сударыня! — твердо предупреждаетъ послѣдній, отстраняя барынины руки.

— Сказывай, подлецъ, гдѣ вино взялъ?—кричитъ она на весь домъ.

— Гдѣ взялъ, тамъ его ужъ нѣтъ.

Съ минуту Анна Павловна стоитъ словно ошеломленная. Кирюшка, напротивъ, не только не изъявляетъ намѣренія попросить прощенія, но продолжаетъ смотрѣть ей прямо въ глаза.

— Хорошо, я съ тобой справлюсь! — наконецъ изрекаетъ барыня.—Иди съ моихъ глазъ долой! А съ тобой,—обращается она къ Марѳѣ,—расправа короткая! Сейчасъ же собирайся на скотную, индеекъ пасти! Тамъ тебѣ вольготнѣе будетъ съ именинниками винцо распивать...

Аудіенція кончена. Дѣловой день въ самомъ разгарѣ, весь домъ приходитъ въ обычный порядокъ. Василій Порфирычъ роздалъ дѣтямъ по микроскопическому кусочку просфоры, напился чаю и засѣлъ въ кабинетъ. Дѣти зубрятъ уроки. Анна Павловна тоже удалилась въ спальню, забывъ, что голова у нея осталась нечесанною.

Она запираетъ дверь на ключъ, присаживается къ большому письменному столу и придвигаетъ денежный ящикъ, который постоянно стоитъ на столѣ, противъ изголовья барынниной постели, такъ, чтобы всегда имѣть его въ глазахъ. Въ денежномъ ящикѣ, кромѣ денегъ, хранится и дѣловая корреспонденція, которая содержится Анной Павловной въ большомъ порядкѣ. Переписка съ каждой вотчиной завязана въ особенную пачку; такія же особыя пачки посвя-

щены перепискѣ съ судами, съ опекунскимъ совѣтомъ, съ старшими дѣтьми, и т. д.

Прежде всего Анна Павловна пересчитываетъ кассу и убѣждается, что вся сума налицо. Потомъ начинаетъ развязывать пачки съ перепискою. Провѣряется, не забыто ли что̀, не требуется ли на что-нибудь отвѣтъ или приказъ. Все это занимаетъ много времени и выполняется безъ задержки. Въ этомъ отношеніи Анна Павловна смѣло можетъ поставить себя въ образецъ. У нея день очищается днемъ, и независимо отъ громадной памяти, сохраняющей всякую мелочь, на всякое распоряженіе имѣется оправдательный документъ. И старосты, и приказчики знаютъ это, и никогда не осмѣливаются опровергать то, что̀ она утверждаетъ. Весь ходъ тяжебныхъ дѣлъ, которыхъ у нея достаточно, она помнитъ такъ твердо, что даже повѣренный ея сутяжныхъ тайнъ, Петръ Дормидонтычъ Могильцевъ, приказный изъ мѣстнаго уѣзднаго суда, ни разу не рѣшался продать ее противной сторонѣ, зная, что она чутьемъ угадаетъ предательство.

Вообще, Могильцевъ не столько руководитъ ее въ дѣлахъ, сколько выслушиваетъ ея внушенія, облекаетъ ихъ въ законную форму и указываетъ, гдѣ, кому и въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ вручить взятку. Въ послѣднемъ отношеніи она слѣпо ему повинуется, сознавая, что въ тяжебныхъ дѣлахъ лучше переложить, чѣмъ не доложить.

На этотъ разъ дѣло оказывается достаточно, такъ какъ имѣются въ виду „оказіи“ и въ Москву, и въ одну изъ вотчинъ.

Анна Павловна беретъ листъ сѣро-желтой бумаги и разрѣзываетъ его на четвертушки. Бумагу она жалѣетъ, и всю корреспонденцію ведетъ, по возможности, на лоскуткахъ. Избѣгаетъ она и почтовыхъ расходовъ, предпочитая отправлять письма съ оказіей. И тутъ, какъ вездѣ, наблюдается самая строгая экономія.

Перо ея быстро бѣгаетъ по четвертушкѣ. Лишнихъ словъ не допускается; всякая мысль выражена въ приказательной формѣ, кратко и опредѣленно, такъ, чтобы все нужное умѣстилось на лицевой сторонѣ четвертушки. Затѣмъ письмо складывается на манеръ узелка и въ свое время отправляется по назначенію, незапечатанное. Сургучъ, какъ вещь покупная, употребляется только въ крайнихъ случаяхъ. Ухитряются даже свой собственный сургучъ приготовлять, вырѣзывая

сургучныя печати изъ получаемыхъ писемъ и перетапливая ихъ; но вѣдь и его не наготовишься, если зря тратить.

— Состоянія-то и все такъ составляются,—проповѣдуетъ Анна Павловна: —тутъ копѣечку сбережешь, въ другомъ мѣстѣ урвешь—смотришь, и гривенничекъ!

А Василій Порфирычъ идетъ даже дальше; онъ не только вырѣзываетъ сургучныя печати, но и самые конверты сберегаетъ: можетъ быть, внутренняя, чистая сторона еще пригодится коротенькое письмецо написать.

Наконецъ, всѣ нужныя дѣла прикончены. Анна Павловна припоминаетъ, что она еще что-то хотѣла сдѣлать, да не сдѣлала, и наконецъ догадывается, что до сихъ поръ сидитъ нечесаная. Но въ эту минуту за дверьми раздается голосъ садовника:

— Скоро ли персики собирать будете? Сегодня наданцевъ два горшка набралъ.

При этомъ напоминаніи, мелькнувшая на мгновеніе мысль о необходимости причесаться—вновь оставляетъ Анну Павловну.

— Фу ты пропасть!—восклицаетъ она:—то туда, то сюда! вздохнуть не дадутъ! Ступай, Сергѣичъ; сейчасъ, слѣдомъ же за тобой иду.

Садовникомъ Анна Павловна дорожитъ и обращается съ нимъ мягче, чѣмъ съ другими дворовыми. Во-первыхъ, онъ—хранитель всей барской сласти, а во-вторыхъ, она его *купила* и заплатила довольно дорого. Поэтому ей не разсчетъ, ради минутнаго каприза, „ухлопать“ затраченный капиталъ.

Выше уже было упомянуто, что Анна Павловна, отправляясь въ оранжереи для сбора фруктовъ, почти всегда беретъ съ собою кого-нибудь изъ любимчиковъ. Такъ поступаетъ она и теперь.

— Ну что, Марья Андреевна, какъ сегодня у васъ Гриша?—спрашиваетъ она, входя въ классъ.

Дѣти шумно отодвигаютъ табуретки и наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ подойти къ маменькиной ручкѣ.

— Сегодня мы похвастаться не можемъ,—жеманится Марья Андреевна: — изъ катехизиса — слабо, а изъ „Поэзіи“*)—даже очень...

---

*) Былъ особый предметъ преподаванія, „Поэзіей“ называемый.

— Ну, вотъ видишь, а я иду въ ранжереи, и тебя хотѣла взять. А теперь...

— О, нѣтъ!—поправляется Марья Андреевна, видя, что аттестація ея не понравилась Аннѣ Павловнѣ: — я надѣюсь, что мы исправимся. Гриша! вѣдь ты къ вечеру скажешь мнѣ свой урокъ изъ „Поэзіи“?

— Скажу-съ, — весь красный и съ глазами полными слезъ бормочетъ Гриша.

— Въ такомъ случаѣ можешь отправиться съ мамашей.

Гриша бросаетъ на мамашу умоляющій взглядъ.

— Что-жъ, ежели Марья Андреевна... встань и поцѣлуй у нея ручку! скажи: mercі, Марья Андреевна, что вы такъ милостивы... вотъ такъ!

И черезъ двѣ минуты балбесы и постылые уже видятъ въ окно, какъ Гриша, подскакивая на одной ножкѣ, спѣшитъ за маменькой черезъ красный дворъ въ обѣтованную землю.

Оранжереи довольно обширны. Два корпуса и въ каждомъ нѣсколько отдѣленій, по сортамъ фруктовъ: персики, абрикосы, сливы, реиклоды (по тогдашнему, „венгерки“). Теплица и грунтовые сараи стоятъ особнякомъ. Сверхъ того, при оранжереѣ имѣется обширное и плотно обгороженное подстриженными елями пространство, называемое „выставкой“ и наполненное рядами горшковъ, тоже съ фруктами всѣхъ сортовъ. Рамы въ оранжереяхъ сняты и воздухъ пропитанъ теплымъ, душистымъ паромъ созрѣвающихъ плодовъ. Отъ этого пара занимается духъ. А солнце такъ и обливаетъ сверху лучами, словно огнемъ. Сердце Анны Павловны играетъ; фруктовъ уродилось множество, и все отличные. Садовникъ подаетъ ей два горшка съ падалицами, которые она пересчитываетъ и перекладываетъ въ другіе порожніе горшки. Фруктамъ въ Малиновцѣ ведется строгій счетъ. Какъ только персики начнутъ выходить „въ косточку“, такъ ихъ тщательно пересчитываютъ, и затѣмъ уже всякій плодъ, хотя бы и неуспѣвшій дозрѣть, долженъ быть сохраненъ садовникомъ и поданъ барынѣ для учета. При этомъ, конечно, допускается и уронъ, но самый незначительный.

Отдѣливъ помятые падалицы, Анна Павловна даетъ одинъ персикъ Гришѣ, который не ѣстъ его, а въ одинъ мигъ всасываетъ въ себя и выплевываетъ косточку.

— Ахъ, маменька, какъ вкусно!—восклицаетъ онъ въ упоеніи, цѣлуя у маменьки ручку:—какъ эти персики называются?

— Это персикъ ранжевый, а вотъ по отдѣленіямъ пойдемъ, тамъ и другихъ персиковъ поѣдимъ. Кто меня любитъ — и я тѣхъ люблю; а кто не любитъ—и я тѣхъ не люблю.

— Ахъ, маменька, васъ всѣ любятъ!

— Я знаю, что ты добрый мальчикъ и готовъ за всѣхъ заступаться. Но не увлекайся, мой другъ! впослѣдствіи, ой-ой, какъ можешь раскаяться!

Къ шпалерамъ съ задней стороны приставляются лѣстницы, и садовникъ съ двумя помощниками влѣзаютъ наверхъ, гдѣ персики зрѣлѣе, чѣмъ внизу. Начинается сборъ. Анна Павловна, сопровождаемая ключницей и горничной, съ горшками въ рукахъ, переходитъ изъ отдѣленія въ отдѣленіе; совсѣмъ спѣлые фрукты кладетъ особо: посырѣе (для варенья) особо. Работа идетъ медленно, за то фруктовъ набирается масса.

— Вотъ эти бѣлобокіе—съ кваскомъ, а эти, съ кранниками, я въ Отрадѣ прививочковъ достала да развела, — поучаетъ Анна Павловна Гришу.

Сборъ кончился. Нѣсколько лотковъ и горшковъ нагружено верхомъ румяными, сочными и ароматическими плодами. Процессія изъ пяти человѣкъ возвращается во-свояси, и у каждаго подъ мышками и на головѣ драгоцѣнная ноша. Но Анна Павловна не спѣшитъ: она заглядываетъ и въ малинникъ, и въ гряды клубники, и въ смородину. Все уже созрѣваетъ, а клубника даже къ концу приходитъ.

— Малину-то хоть завтра обирай!—говоритъ она, всплескивая руками.

— Сегодня бы надо, а вы въ лѣсъ дѣвокъ угнали!—отвѣчаетъ садовникъ.

— Какъ мы со всей этой прорвой управимся?—тоскуетъ она. —И обирать, и чистить, и варить, и солить!

— Богъ милостивъ, сударыня; дѣвокъ побольше нагоните, разомъ очистятъ.

— Хорошо тебѣ, старый хрѣнъ, говоритъ: у тебя одно дѣло. а я цѣлый день и туда и сюда! Нѣтъ! силъ моихъ нѣтъ! Брошу все и уѣду въ Хотьковъ, Богу молиться!

— Ахъ, маменька! —восклицаетъ Гриша, и двѣ слезинки навертываются на его глазахъ.

Но Анна Павловна уже вступила въ колею чувствительности и продолжаетъ ронтать. Непремѣнно она броситъ все и уѣдетъ въ Хотьковъ. Построитъ себѣ келейку, огородецъ разведетъ, коровушку купитъ и будетъ жить да поживать. Смирнёхонько, тихохонько; ни она никого не тронетъ, ни ее никто не тронетъ. А то нàтко! такая прорва всего уродилась, что и въ два мѣсяца врядъ справиться, а у ней всего недѣли двѣ впереди. А кромѣ того, сколько еще другихъ дѣлъ —и вездѣ она поспѣвай, всѣ къ ней за приказаніями бѣгутъ! Нѣтъ, будетъ съ нея! надо и объ душѣ подумать, уѣдетъ она въ Хотьковъ...

Все это она объясняетъ вслухъ и съ удовольствіемъ убѣждается, что даже купленный садовникъ Сергѣичъ сочувствуетъ ей. Но въ самомъ разгарѣ сѣтованій въ воротахъ сада показывается запыхавшаяся дѣвчонка, и объявляетъ, что баринъ „гнѣваются“, потому что два часа ужъ пробило, а обѣдъ еще не поданъ.

Анна Павловна ускоряетъ шагъ, потому что Василій Порфирычъ на этотъ счетъ очень пунктуаленъ. Онъ ѣстъ всего одинъ разъ въ сутки и требуетъ, чтобы обѣдъ былъ поданъ ровно въ два часа. По настоящему, слѣдовало бы ожидать съ его стороны цѣлой бури (такъ какъ четверть часа уже перешло за положенный срокъ), но при видѣ массы благоухающихъ плодовъ сердце стараго барина растворяется. Онъ стоитъ на балконѣ и издали креститъ приближающуюся процессію; наконецъ, сходитъ на крыльцо и встрѣчаетъ жену тамъ. Да, это все *она* завела! Когда онъ былъ холостой, у него былъ крохотный садъ, съ нѣсколькими десятками ягодныхъ кустовъ, между которыми были разсажены яблони самыхъ незатѣйливыхъ сортовъ. Теперь— „заведеніе“ господъ Затрапезныхъ чуть не первое въ уѣздѣ, и онъ совершенно законно гордится имъ. Поэтому онъ не только не встрѣчаетъ Анну Павловну словами: „купчиха“, „вѣдьма“, „чортъ“ и проч., но, напротивъ, ласково креститъ ее и прикладывается щекой къ ея щекѣ.

— Этакую ты, матушка, махину набрала! — говоритъ онъ, похлопывая себя по ляжкамъ: — ну, и урожай же нынче! Такъ и быть, и я передъ чаемъ полакомлюсь, и мнѣ удѣлите персичекъ... вонъ хоть этотъ!

Онъ выбираетъ самый помятый персикъ, изъ числа падалицевъ, и бережно кладетъ его на порожній подоконникъ.

— Да возьми получше персикъ, — убѣждаетъ его Анна Павловна: — этотъ до вечера на половину сгніетъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, будетъ съ меня! А ежели и попортится, такъ я порченое мѣстечко вырѣжу... Хорошіе-то и на варенье пригодятся.

Обѣдъ, сверхъ обыкновенія, проходитъ благополучно. И повару, и прислугѣ какъ-то удается не прогнѣвить господъ; даже Степанъ-балбесъ ускользаетъ отъ наказанія, хотя отсутствіе соуса вызываетъ съ его стороны ироническое замѣчаніе: — „соусъ-то нынче, видно, курица украла". — Легкомысленное это изреченіе сопровождается не наказаніемъ, а сравнительно мягкой угрозой:

— Только рукъ сегодня марать не хочется, — говоритъ Анна Павловна: — а ужъ когда-нибудь я тебя, балбесъ, за такія слова отшлепаю!

И только.

Послѣ обѣда Василій Порфирычъ ложится отдохнуть до шести часовъ вечера; дѣти бѣгутъ въ садъ но не надолго: черезъ часъ они опять засядутъ за книжки и будутъ учиться до шести часовъ. Сама Анна Павловна удаляется въ спальню и, усталая, грузно валится на постель. Но нынѣшній день ужъ такой выдался, что видно ей и отдохнуть не придется. Не прошло часу, какъ чуткое ея ухо уже заслышало шумъ, и она, какъ встрепанная, выпрыгнула изъ пуховиковъ. Отъ села шла цѣлая толпа народа, впереди которой вели связаннаго человѣка. Это былъ пойманный бѣглый солдатъ. Анна Павловна проворно выскочила на дѣвичье крыльцо.

Солдатъ изможденъ и озлобленъ. На немъ нестрядные, до колѣнъ истрепанные порты и почти истлѣвшая рубашка, изъ-за которой видиѣется черное, какъ голенище, тѣло. Блѣдное лицо блеститъ крупными каплями пота; впалые глаза безпокойно бѣгаютъ; связанныя сзади въ локтяхъ руки безсильно сжимаются въ кулаки. Онъ идетъ, понуждаемый толчками, и кричитъ:

— Я казенный человѣкъ — не смѣете вы меня бить!.. Я самъ, коли захочу, до начальства дойду... Не смѣете вы! и безъ васъ есть кому меня бить!

Но провожатые, озлобленные, что у нихъ пропала, благодаря

бѣглецу, лучшая часть дня для сѣнокоса, не убѣждаются его воплями и продолжаютъ награждать его тумаками.

— Добро, добро!—раздается въ толпѣ:—ужо барыня тебя на всѣ четыре стороны пуститъ, а теперь поповеливайся-ко, посѣвай!

Барыня, между тѣмъ, уже вышла на крыльцо и ждетъ. Всѣ наличные домочадцы высыпали на дворъ: даже дѣти выглядываютъ изъ окна дѣвичьей. Вдали, по направленію къ конюшнямъ, бѣжитъ дѣвчонка съ приказаніемъ нести скорѣе колодки.

— Ну-ка, иди, казенный человѣкъ!—по обыкновенію начинаетъ иронизировать Анна Павловна.—Фу ты, какой франтъ! да никакъ и вирямь это великановскій Сережка... извините, не знаю, какъ васъ по отчеству звать... Поверните-ка его... вотъ такъ! какъ разъ по послѣдней модѣ одѣтъ!

— Я казенный человѣкъ!—продолжаетъ безсмысленно орать солдатъ:—не смѣете вы меня...

— Знаемъ мы, что ты казенный человѣкъ, затѣмъ и сторожу къ тебѣ приставили, что казенное добро беречь велѣно. Ужо, одѣнемъ мы тебя какъ слѣдуетъ въ колодки, нарядимъ подводу, да и отправимъ въ городъ по холодку. А оттуда тебя въ полкъ... да скрозь строй... да розочками, да палочками... какъ это въ пѣснѣ у васъ поется?..

— „Пройдись, пройдись, молодецъ, скрозь зеленые лѣса!“ — отвѣчаетъ изъ толпы голосъ отставного солдата.

— Слышишь? Ну, вотъ, мы такъ и сдѣлаемъ: нарядимъ тебя, милый дружокъ, въ колодки, да вечеркомъ по холодку...

— Я казен...—начинаетъ опять солдатъ, но голосъ его внезапно прерывается. Напоминаніе о „скрозь строѣ“, повидимому, вноситъ въ его сердце нѣкоторое смущеніе. Быть можетъ, онъ уже имѣетъ довольно основательное понятіе объ этомъ угощеніи, и повтореніе его (въ усиленной пропорціи за вторичный побѣгъ) не представляетъ въ будущемъ ничего особенно лестнаго.

— Матушка ты моя, заступница!—не кричитъ, а какъ-то безобразно мычитъ онъ, рухнувшись на колѣни:—смилуйся ты надъ солдатомъ! Вѣдь я... вѣдь мнѣ... ахъ, Господи! да что-жъ это будетъ! Матушка! да ты посмотри! ты на спину-то мою посмотри! вотъ онъ, скулы-то мои... Ахъ ты, Господи милосливый!

Но Анна Павловна не разъ уже была участницей подобныхъ

сценъ, и знаетъ, что онѣ представляютъ собой одну формальность, въ концѣ которой стоитъ неизбѣжная развязка.

— Не властна я, голубчикъ, и не проси! — резонно говоритъ она: — кабы ты самъ ко мнѣ не пожаловалъ, и я бы тебя не ловила. И жилъ бы ты поживалъ тихохонько да смирёхонько въ другомъ мѣстѣ... вотъ хоть бы ты у экономическихъ... Тебѣ бы тамъ и хлѣбца, и молочка, и яишенки... Они люди вольные, сами себѣ господа, что хотятъ, то и дѣлаютъ. А я, мой другъ, не властна! я себя помню, и знаю, что я тоже слуга! И ты слуга, и я слуга, только ты невѣрный слуга, а я—вѣрная.

— Матушка! да взгляни ты...

— Нѣтъ, ты пойми, что ты сдѣлалъ! Вѣдь ты, легко сказать, съ царской службы бѣжалъ! Съ царской! Что ежели вы всѣ разбѣжитесь, а тутъ вдругъ французъ или турокъ... глядь-поглядь, а солдатушки-то у насъ въ бѣгахъ! Съ кѣмъ мы тогда навстрѣчу лиходѣямъ нашимъ пойдемъ?

— Заступница!

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ... Или опять то возьми: видишь, сколько мужичковъ тебя ловить согнали, а вѣдь они черезъ это цѣлый день работы потеряли! А время теперь горячее, сѣнокосъ! Цѣлый день ловили тебя, а вечеромъ еще подводу подъ тебя наряжать надо, да двоихъ провожатыхъ!.. Опять у мужичковъ цѣлыя сутки пропали, а не то такъ и двое! Какое ты, подлецъ ты этакой, право имѣлъ всю эту кутерьму затѣвать? — вдругъ раздражается она гнѣвно: — Эй! что тамъ конаются! забить ему руки-ноги въ колодки! Ишь мерзавецъ! на спину его взгляни! Да коли ты казенный человѣкъ—стало-быть, и спина у тебя казенная, вотъ и вся недолга!

Подбѣгаютъ два конюха, валятъ солдата на землю и начинаютъ набивать ему колодки на руки и на ноги. Колодки разсохлись и мучительно сжимаютъ солдату кости.

— Колодки! колодки забиваютъ!— раздаются изъ оконъ дѣтскіе голоса.

— Ишь печальникъ нашелся! — продолжаетъ поучать Анна Павловна: — ужъ не на всѣ ли четыре стороны тебя отпустить? Сдѣлай милость, воруй, голубчикъ, поджигай, грабь! Вотъ ужо въ городѣ тебѣ покажутъ... Скажите на милость! цѣлое утро словно въ котлѣ кипѣла, только-что отдохнуть собралась — не тутъ-то было! солдата

нелегкая принесла, съ нимъ валандаться изволь! Прочь съ моихъ глазъ... поганецъ! Уведите его, да накормите, а не то еще издохнетъ, чего добраго! А часамъ къ девяти приготовить подводу—и съ Богомъ!

Сдѣлавши это распоряженіе, Анна Павловна возвращается восвояси, въ надеждѣ хоть на короткое время юркнуть въ пуховики; но часы уже показываютъ половину шестого; черезъ полчаса воротятся изъ лѣсу „дѣвки“, а тамъ чай, потомъ староста... Не до спанья!

— Брысь, пострѣлята! Еще ученье не кончилось, а они патко куда забрались! вотъ я васъ!—кричитъ она на дѣтей, все еще скучившихся у окна въ дѣвичьей и смотрящихъ, какъ солдата, едва ступающаго въ колодкахъ, ведутъ по направленію къ застольной.

Она уходитъ въ спальню и садится къ окну. Ей предстоитъ цѣлыхъ полчаса праздныхъ, но на этотъ разъ ее выручаетъ котъ Васька. Онъ тихо-тихо подкрадывается по двору за какой-то добычей, и затѣмъ въ одинъ прыжокъ настигаетъ ее. Въ зубахъ у него замерла крохотная птица.

— Ишь вѣдь, мерзавецъ, все птицъ ловитъ—нѣтъ чтобы мышь! —ропщетъ Анна Павловна.—Отъ мышей спасенья нѣтъ, и въ амбарахъ, и въ погребѣ, и въ кладовыхъ тучами ходятъ, а онъ все птицъ да птицъ. Нѣтъ, надо другого кота завести!

Несмотря, однакожъ, на негодованіе, которое возбуждаетъ въ ней Васька своимъ поведеніемъ, она не безъ интереса смотритъ на игру, которую котъ заводитъ съ изловленной птицей. Онъ несетъ свою жертву въ зубахъ на край дороги и выпускаетъ ее изо рта. Птица еще жива, но ужъ совсѣмъ безнадежно киваетъ головой и елеле шевелитъ помятыми крылышками. Васька то отбѣжитъ въ сторону, и начинаетъ умывать себѣ морду лапкой, то опять подскочитъ къ своей жертвѣ, какъ только она сдѣлаетъ какое-нибудь движеніе, куснетъ ее слегка за крыло и опять отбѣжитъ. Маневръ этотъ повторяется нѣсколько разъ сряду, пока Васька, какъ бы изъ опасенія, чтобы птица въ самомъ дѣлѣ не издохла, не рѣшается перекусить ей горло. Начинается процессъ ощипыванія.

— Ахъ, злецъ! ахъ, подлецъ!—шепчетъ Анна Павловна:—ишь вѣдь что дѣлаетъ... мучитель! А что вы думаете, вѣдь и изъ людей такіе же подлецы бываютъ! То подскочитъ, то отбѣжитъ; то куснетъ, то отдохнуть дастъ. Я помню, одинъ палатскій секретарь со

мной вотъ этакъ же игралъ.—„Вы, говоритъ, полагаете, что ваше дѣло правое, сударыня.“ —Правое, говорю.—„Такъ вы не безпокойтесь: коли ваше дѣло правое, мы его въ вашу пользу и рѣшимъ. Наведайтесь черезъ недѣльку!“ А черезъ недѣльку опять:—„Такъ вы думаете“... Третъ да мнетъ. Водилъ онъ меня, водилъ, сколько деньжищъ изъ меня въ ту пору вызудилъ... Я было къ столоначальнику: что, молъ, это за игра такая? А онъ въ отвѣтъ: „да ужъ потерпите; это у него характеръ такой!.. не можетъ безъ того, чтобъ спервоначалу не измучить, а потомъ вдругъ возьметъ да въ одночасье и рѣшитъ ваше дѣло“.—И точно, рѣшилъ... въ пользу противной стороны! Я къ нему.—Что же вы, Иванъ Иванычъ, со мной сдѣлали?—А онъ только хохочетъ... наглецъ!—„Успокойтесь, сударыня, говоритъ, я такое рѣшеніе написалъ, что сенатъ безпремѣнно его отмѣнитъ!“—Такъ вотъ какіе люди бываютъ! Свяжутъ тебя по рукамъ, по ногамъ, да и бьютъ сколько вздумается!

Наконецъ, Васька ощипалъ птицу и съѣлъ. Вдали показываются дѣвушки съ лукошками въ рукахъ. Онѣ поютъ пѣсни, а нѣкоторыя, не подозрѣвая, что глазъ барыни ужъ запримѣтилъ ихъ, черпаютъ въ лукошкахъ и ѣдятъ ягоды.

— Ишь жрутъ!—ворчитъ Анна Павловна.—Кто бы это такая? Аришка долговязая—такъ и есть. А вотъ и другая! такъ и уписываетъ за обѣ щеки, такъ и уписываетъ!.. безпремѣнно это Наташка... Вотъ я васъ ужо... ошпарю!

Черезъ десять минутъ дѣвичья полна и производится пріемъ ягодъ. Принесено немного; кто принесъ поль-лукошка, а кто и совсѣмъ на донышкѣ. Только карлица Полька принесла полное лукошко.

— Что такъ, красавицы? Всего-на-все только десять часовъ по лѣсу бродили, а какую пропасть принесли?

— Совсѣмъ еще ягоды мало поспѣло,—оправдываются дѣвушки.

— Такъ. А Полька отчего же полное лукошко набрала?

— Стало-быть, ей посчастливилось.

— Такъ, такъ. А путко, открой хайло, дохни на меня, долговязая!

Аришка подходитъ къ барынѣ и дышетъ ей въ лицо.

— Что-то малиной попахиваетъ! Путко, и ты, Наташка! Подходи, голубушка, подходи!

Наташка дѣлаетъ то же, что и Аришка.

— Чудо! Для господъ ягода не поспѣла, а отъ нихъ малиной такъ и разитъ!

— Ей Богу, сударыня...

— Не божитесь. Сама изъ окна видѣла. Видѣла собственными глазами, какъ вы, идучи по мосту, въ хайло себѣ ягоды пихали! Вы думаете, что барыня далеко, анъ она—вотъ она! Вотъ вамъ за это! вотъ вамъ! Завтра цѣлый день за пяльцами сидѣть!

Раздается трескъ пощечинъ. Затѣмъ малина высыпается въ одно лукошко и сдается на погребъ, а часть отдѣляется для дѣтей, которыя уже отъучились и бѣгаютъ по длинной террасѣ, выстроенной вдоль всей лицевой стороны дома.

Бьетъ семь часовъ. Дѣтей одѣлили лакомствомъ. Василію Порфирычу тоже поставили на чайный столъ давешній персикъ и немножко малины на блюдечкѣ. Въ столовой кипитъ самоваръ; начинается чаепитіе тѣмъ же порядкомъ, какъ и утромъ, съ тою разницей, что при этомъ присутствуютъ и баринъ съ барыней. Анна Павловна освѣдомляется, хорошо ли учились дѣти.

— Сегодня у насъ счастливый день выдался. — аттестуетъ Марья Андреевна:—даже Степанъ Васильичъ, и тотъ хорошо уроки отвѣчалъ.

— Ну, пей чай!—обращается Анна Павловна къ балбесу:—пейте чай всѣ... живо! Надо васъ за прилежаніе побаловать: сходите съ ними, голубушка Марья Андреевна, погуляйте по селу! Пускай деревенскимъ воздухомъ подышутъ!

Анна Павловна и Василій Порфирычъ остаются съ глазу на глазъ. Онъ медленно проглатываетъ малинку за малинкой и приговариваетъ:—„Новая новинка, въ первый разъ въ нынѣшнемъ году! раненько поспѣла!“—Потомъ такъ же медленно берется за персикъ, вырѣзываетъ загнившій бокъ и, разрѣзавъ остальное на четыре части, не торопясь, кушаетъ ихъ одну за другой, приговаривая:—„Вотъ хоть и подгнилъ маленько, а сколько еще хорошаго мѣста осталось!“—У Анны Павловны сердце такъ и кипитъ, видя, какъ онъ копается.

Старикъ, очевидно, въ духѣ, и собирается покалякать о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Но Анну Павловну такъ и подмываетъ уйти. Она не любитъ празднословія мужа, да ей и некогда. Того гляди, староста придетъ, надо докладъ принять, на завтра распоря-

женіе сдѣлать. Поэтому она сидитъ какъ на иголкахъ, и въ ту минуту, какъ Василій Порфирычъ произноситъ:

— Разно бываетъ: иной годъ на малину урожай, иной на клубнику. А иногда яблоковъ уродится столько, что обору нѣтъ... какъ Богу угодно...

Она грузно встаетъ съ кресла, чтобъ удалиться.

— Что, ужъ и поговорить-то со мной не хочешь!—обижается старикъ:—ахъ, дьяволъ! именно дьяволъ!

— Некогда мнѣ тебя слушать!—равнодушно отвѣчаетъ Анна Павловна, уходя:—у меня дѣловъ по горло, не время съ тобой на бобахъ разводить!

— Чортъ! дьяволъ!—гремитъ ей вслѣдъ Василій Порфирычъ, но сейчасъ же стихаетъ и обращается уже къ лакею Коняшкѣ, который стоитъ за его стуломъ въ ожиданіи приказаній.

— Такъ-то, братъ!—говоритъ онъ ему:—прошлаго года рожь хорошо родилась, а нынче рожь похуже, зато на овесъ урожай. Конечно, овесъ не рожь, а все-таки лучше, что хоть что-нибудь есть, нежели ничего. Такъ ли я говорю?

— Точно такъ, сударь!

Василій Порфирычъ самъ заваритъ чай въ особливомъ чайникѣ, и начинаетъ пить, переговариваясь съ Коняшкой, за отсутствіемъ другихъ собесѣдниковъ.

Дѣти, тѣмъ временемъ, сгруппировавшись около гувернантки, степенно и чинно бредутъ по поселку. Поселокъ опустѣлъ, рабочій день еще не кончился; за молодыми барами издали слѣдуетъ толпа деревенскихъ ребятишекъ.

Дѣти перекидываются замѣчаніями.

— Вонъ Антипка какую избу взбодрилъ, а теперь она пустая стоитъ!—разсказываетъ Степанъ:—бѣдный былъ и пилъ здорово, да икону откуда-то добылъ,—съ тѣхъ поръ и пошелъ разживаться. И пить пересталъ, и деньги проявились. Шире да шире, четверку лошадей завелъ, одна другой лучше, коровъ, овецъ, избу эту самую выстроилъ... Наконецъ, на оброкъ выпросился, торговать сталъ... Мать только дивилась: откуда на Антипку попло-поѣхало? Вотъ и скажи ей кто-то: такая, молъ, у Антипки икона есть, которая ему счастье приноситъ. Она взяла да и отняла. Антипка-то въ ту пору въ ногахъ валялся, деньги предлагалъ, а она одно твердитъ: „тебѣ

все равно, какой иконѣ Богу ни молиться“... Такъ и не отдала. Съ тѣхъ поръ Антинка опять захудалъ. Сталъ пить, тосковать, день ото дня хуже да хуже... Теперь хорошій-то домъ пустуетъ, а онъ съ семействомъ сзади въ хибаркѣ живетъ. Съ нынѣшняго года опять на барщину посадили, а съ недѣлю тому назадъ ужъ и на конюшнѣ наказывали...

— А вотъ Катькина изба!—отзывается Любочка:—я вчера ее изъ-за садовой рѣшетки видѣла, съ сѣнокоса идетъ: черная, худая. —Что, Катька, спрашиваю: сладко за мужикомъ жить? — „Ничего, говоритъ, буду-таки за вашу маменьку Бога молить. По смерти ласки ея не забуду!“

— Изба-то у нея... посмотрите! бревна живого нѣтъ!

— И подѣломъ ей, — рѣшаетъ Сонечка: — ежели бы всѣ дѣвушки...

Въ такихъ разговорахъ проходитъ вся прогулка. Нѣтъ ни одной избы, которая не вызвала бы замѣчанія, потому что за всякой числится какая-нибудь исторія. Дѣти не сочувствуютъ мужичку и признаютъ за нимъ только право терпѣть обиду, а не роптать на нее. Напротивъ, поступки мамаши, по отношенію къ крестьянамъ, встрѣчаютъ ихъ безусловное одобреніе. Они называютъ ее „молодцомъ“, говорятъ, что у нея „губа не дура“, и что, еслибы не она, сидѣли бы они теперь при отцовскихъ трехстахъ-шестидесяти душахъ. Даже голосъ постылаго „балбеса“ сливается въ общемъ хвалебномъ хорѣ —до такой степени всѣ поражены цифрою три тысячи душъ, которыми теперь владѣютъ Затрапезные.

— Этакую махинищу соорудила! — восторженно восклицаетъ Степанъ.

— И мы должны вѣчно ее за это благодарить! — отзывается Гриша.

— Что бы мы безъ нея были! —продолжаетъ восторгаться балбесъ:—такъ, какіе-то Затрапезные! „Сколько у васъ душъ, господинъ Затрапезный?“ —Триста шестьдесятъ-съ... Ахъ, ты!

— Вотъ теперь вы правильно разсуждаете,—одобряетъ дѣтей Марья Андреевна: — я и маменькѣ про ваши добрыя чувства разскажу. Ваша маменька—мученица. Папенька у васъ старый, ничего не дѣлаетъ, а она съ утра до вечера о васъ думаетъ, чтобы вамъ лучше было, чтобъ будущее ваше было обезпечено. И, можетъ быть,

скоро Богъ увѣнчаетъ ея старанія новымъ успѣхомъ. Я слышала, что продается Никитское, и маменька уже начала по этому поводу переговоры.

Извѣстіе это производитъ фуроръ. Дѣти прыгаютъ, бьютъ въ ладоши, визжатъ.

— Вѣдь въ Никитскомъ-то съ деревнями пятьсотъ душъ! — восклицаетъ Степанъ.—Ай да мамахенъ!

— Четыреста-восемьдесятъ-три, — поправляетъ брата Гриша, которому уже нѣчто извѣстно объ этихъ переговорахъ, но который, покуда, еще никому не выдавалъ своего секрета.

Солнце уже догорѣло; въ домъ проникаютъ сумерки, а въ дѣвичьей даже порядочно темно. Дѣвушки сошлись около стола и хлебаютъ пустыя щи. Тутъ же, на ларѣ, поджавши ноги, присѣла Анна Павловна и бесѣдуетъ со старостой Ѳедотомъ. Ѳедоту уже лѣтъ подъ-семьдесятъ, но онъ еще бодръ, и ежели вѣрить мужичкамъ, то рука у него порядочно-таки тяжела. Онъ чинно стоитъ передъ барыней, опершись на клюку, и неторопливо отвѣчаетъ на ея вопросы. Анна Павловна любитъ старосту; она знаетъ, что онъ не потатчикъ, и что клюка въ его рукахъ не бездѣйствуетъ. Сверхъ того, она знаетъ, что онъ изъ немногихъ, которые сознаютъ себя во истину крѣпостными, не только за страхъ, но и за совѣсть. Въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ она уважаетъ его опытность и нерѣдко измѣняетъ свои распоряженія, согласно съ его совѣтами. Короче сказать, это два существа, которыя вполнѣ сошлись сердцами, и между которыми очень рѣдко встрѣчаются недоумѣнія.

— Что, кончили въ Пиловѣ?—спрашиваетъ Анна Павловна.

— Остатній стогъ дометывали, какъ я уходилъ. Наказалъ: безъ того не расходиться, чтобы не кончить.

— Хорошо сѣно-то?

— Сѣно нынѣче за рѣдкость: сухое, звонкое. Не слишкомъ только много его, а ужъ уборка такая—изъ годовъ вонъ!

— Боюсь, достанетъ ли до весны!

— Какъ сказать, сударыня... какъ будемъ кормить... Ежели зря будемъ скотинѣ кормъ бросать — мало будетъ, а ежели съ разсчетомъ, такъ достанетъ. Коровамъ-то можно и яровой соломки подавывать, благо нынѣче урожай на овесъ хорошъ. Упреждалъ я васъ въ ту пору съ пустошами погодить, не всѣ въ кортому сдавать...

— Ну, ужъ прости, Христа ради! Какъ-нибудь обойдемся... На завтра какое распоряженіе сдѣлаешь?

— Мужиковъ-то во Владыкино бы косить надо нарядить, а бабъ безпремѣнно въ Игумново рожь жать послать.

— Жать? что больно рано?

— Годъ нонѣ ранній. Все сразу. Прежде объ эту пору еще и званія малины не было, а нонче всѣ малинники усыпаны спѣлой ягодой.

— А мнѣ мои фрелины на донышкѣ въ лукошкахъ принесли.

— Не знаю; нужно бы по цѣлому, да и то не убрать.

— Слышите? — обращается Анна Павловна къ дѣвицамъ. — Стало-быть, мужикамъ завтра — косить, а бабамъ — жать? все, что-ли?

Староста мнется, словно не рѣшается говорить.

— Еще что-нибудь есть?—встревоженно спрашиваетъ барыня.

— Есть дѣльце... да нужно бы его промежъ себя разсудить...

Анна Павловна заранѣе блѣднѣетъ и чуть не бѣгомъ направляется въ спальню.

— Что тамъ еще? сказывай! говори!

— Да мертвое тѣло на нашей землѣ проявилось, — неохотно докладываетъ Ѳедотъ.

— Вотъ такъ денекъ выбрался! Давеча бѣглый солдатъ, теперь мертвое тѣло... Кто видѣлъ? гдѣ? когда?

— Да Антонъ мяловскій видѣлъ. „Иду я, говоритъ, — ужъ солнышко книзу пошло—лѣсомъ около великановской межи, а *она* на березовомъ суку виситъ.

— Висѣльникъ?

— Стало-быть, висѣльникъ.

— А другіе знаютъ объ этомъ?

— Зачѣмъ другимъ сказывать! Я Антону строго-на-строго наказывалъ, чтобъ никому ни-гугу. Да не угодно ли самимъ Антона разспросить. Я на всякій случай его съ собой захватилъ...

— Не нужно. Такъ вотъ что ты сдѣлай. Ты говоришь, что мертвое тѣло въ лѣсу около великановской межи виситъ, а лѣсъ тутъ одинаковый, что у насъ, что у Великановыхъ. Такъ возьми сейчасъ Антошку, да еще на подмогу ему Михайлу сельскаго, да сейчасъ же втроемъ этого висѣльника съ нашей березы снимите да и перевѣсьте

за великановскую межу, на ихнюю березу. А завтра, чуть свѣтъ, опять сходите, и ежели окажутся слѣды ногъ, то все какъ слѣдуетъ сдѣлайте, чтобъ не было замѣтно. Да и днемъ посматривайте: пожалуй, великановскіе замѣтятъ, да и опять на нашу березу перенесутъ. Да смотри у меня: ежели кто-нибудь провѣдаетъ, ты въ отвѣтѣ! Усталъ ты, поди, старикъ, день-то маявшись — ну, да ужъ нечего дѣлать, постарайся!

— Ничего, сударыня, день работали, и ночку поработаемъ! Съ устатку-то любёхонько!

Докладъ конченъ; ключница подаетъ старостѣ рюмку водки и кусокъ хлѣба съ солью. Анна Павловна нѣсколько времени стоитъ у окна спальни и вперяетъ взоръ въ сгустившіяся сумерки. Черезъ полчаса она убѣждается, что приказъ ея отчасти уже выполненъ, и что съ села пробираются три тѣни по направленію къ великановской межѣ.

Наконецъ, въ столовой раздается лязганье тарелокъ и ложекъ.

Докладываютъ, что ужинъ готовъ. Ужинъ представляетъ собой повтореніе обѣда, за исключеніемъ непрожаго, которое не подается. Анна Павловна зорко слѣдитъ за каждымъ блюдомъ и замѣчаетъ, сколько уцѣлѣло кусковъ. Къ великому ея удовольствію, телятины хватитъ на весь завтрашній день, щецъ тоже порядочно осталось, но съ галантиромъ придется проститься. Ну, да вѣдь и то сказать — третій день галантиръ да галантиръ! можно и полоточкомъ полакомиться, покуда не испортились.

Рабочій день кончился. Дѣти цѣлуютъ у родителей ручки и проворно взбѣгаютъ на мезонинъ въ дѣтскую. Но въ дѣвичьей еще слышно движеніе. Дѣвушки, словно заколдованныя, сидятъ въ темнотѣ и не ложатся спать, покуда голосъ Анны Павловны не сниметъ съ нихъ чары.

— Ложитесь!—кричитъ она имъ, проходя въ спальню.

На сонъ грядущій, она отпираетъ денежный ящикъ и удостовѣряется, все ли въ немъ лежитъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ она всегда привыкла укладывать. Потомъ она припоминаетъ, не забыла ли чего.

— Никакъ я сегодня не причесывалась? — спрашиваетъ она горничную.

— Не причесывались и есть...

— Вотъ такъ оказія! А впрочемъ, и то сказать, цѣлый день туда да сюда. Но-невольѣ замотаешься! Какъ бы и завтра не забыть! Напомни.

Она снимаетъ съ себя блузу, чехолъ и исчезаетъ въ пуховикахъ. Но тутъ ее настигаетъ еще одно воспоминаніе:

— Ахъ, да вѣдь я и лба-то сегодня не перекрестила! ахъ, грѣхъ какой! ну, на этотъ разъ Богъ проститъ! Сашка! подтычь одѣяло-то... плотнѣе... вотъ такъ!

Черезъ четверть часа весь домъ спитъ мертвымъ сномъ.

Такъ проходитъ лѣтній день въ господской усадьбѣ. Зимой, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, картина видоизмѣняется, но, въ сущности, крѣпостная страда не облегчается, а, напротивъ, даже усиливается. Краски сгущаются, мракъ и духота доходятъ до крайнихъ предѣловъ.

Кто повѣритъ, что было время, когда вся эта смѣсь алчности, лжи, произвола и безсмысленной жестокости, съ одной стороны, и придавленности, доведенной до поруганія человѣческаго образа, съ другой,—называлась... жизнью?!

V.—Первые шаги на пути къ просвѣщенію.

Какъ начали ученье старшіе братья и сестры—я не помню. Въ то время, когда наша домашняя школа была уже въ полномъ ходу, между мною и непосредственно предшествовавшей мнѣ сестрой было разницы четыре года, такъ что, волей-неволей, пришлось воспитывать меня особо.

Дѣти въ нашей семьѣ раздѣлялись на три группы. Старшіе братъ и сестра составляли первую группу и были уже отданы въ казенныя заведенія. Вторую группу составляли два брата и три сестры-погодки, и хотя старшему брату, Степану, было уже четырнадцать лѣтъ въ то время, когда сестрѣ Софьѣ минуло только девять, но и первый, и послѣднія учились у однѣхъ и тѣхъ же гувернантокъ. Не-

сомнѣнно, что предметы преподаванія были у нихъ разные, но какъ ухитрялись согласовать эту разноголосицу за однимъ и тѣмъ же классным столомъ—рѣшительно не понимаю.

Братъ Степанъ былъ чѣмъ-то въ родѣ изгоя въ нашемъ обществѣ. Съ нимъ не только обращались сурово, но даже не торопились отдать въ заведеніе (старшаго брата отдали въ московскій университетскій пансіонъ по двѣнадцатому году), чтобъ не платить лишнихъ денегъ за его воспитаніе. Къ счастію, у него были отличныя способности, такъ что когда матушка, наконецъ, рѣшилась везти его въ Москву, то онъ выдержалъ экзаменъ въ четвертый классъ того же пансіона. Съ нимъ вмѣстѣ отдали въ одинъ изъ московскихъ институтовъ и двухъ сестеръ постарше: Вѣрочку и Любочку. Затѣмъ, черезъ годъ, тѣмъ же порядкомъ исчезли изъ дома Григорій и Софья.

Осталась дома третья группа, или, собственно говоря, двое одиночекъ: я —да младшій братъ Николай, который былъ совсѣмъ еще малъ, и на котораго матушка, съ отъѣздомъ Гриши, перенесла всю свою нѣжность. Что же касается до меня лично, то я, не будучи „постылымъ“, не состоялъ и въ числѣ любимчиковъ, а былъ, какъ говорится, ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ. Вообще, я прожилъ дѣтство какъ-то незамѣтно и не любилъ попадаться на глаза, такъ что когда матушка случайно встрѣчала меня, то и она словно недоумѣвала, какимъ образомъ я очутился у нея на дорогѣ.

Я помню, что когда уѣхали послѣднія старшія дѣти, отъѣздъ этотъ произвелъ на меня гнетущее впечатлѣніе. Домъ вдругъ словно помертвѣлъ. Прежде хоть плачъ слышался, а иногда и дѣтская возня; мелькали дѣтскія лица, происходили судбища, расправы—и вдругъ все разомъ опустѣло, замолчало и, что̀ еще хуже, наполнилось какими-то таинственными шопотами. Даже для обѣда не раздвигали стола, потому что собиралось всего пять человѣкъ: отецъ, мать, двѣ тетки и я.

Нѣсколько дней сряду я ходилъ по опустѣлымъ комнатамъ, гдѣ прежде игрались братья и сестры, и заглядывалъ во всѣ углы. И долго мнѣ чудилось, что кто-то меня зоветъ, и я озирался кругомъ, въ надеждѣ встрѣтить знакомое лицо. Но это было своего рода марево, которое только увеличивало тоску одиночества. Становилось жутко въ этихъ замолчавшихъ комнатахъ, потому что безмолвіе рас-

пространилось не только на дѣтскія помѣщенія, но и на весь домъ. Не говоря объ отцѣ, который продолжалъ вести свою обычную замкнутую жизнь, даже матушка какъ-то угомонилась съ отъѣздомъ дѣтей и, затворившись въ спальнѣ, или щелкала на счетахъ и писала, или раскладывала гран-пасьянсъ.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ я былъ дворянскій сынъ и притомъ мнѣ минуло уже семь лѣтъ, то, волей-неволей, приходилось подумать о моемъ ученьи.

Но я росъ одинъ, а для одного матушкѣ изъяниться не хотѣлось. Поэтому она рѣшилась не нанимать гувернантки, а, въ ожиданіи выхода изъ института старшей сестры, начать мое обученіе съ помощью домашнихъ средствъ.

Считаю, впрочемъ, не лишнимъ оговориться. Болтать по-французски и по-нѣмецки я выучился довольно рано, около старшихъ братьевъ и сестеръ, и, помнится, гувернантки, въ дни именинъ и рожденій родителей, заставляли меня говорить поздравительные стихи; одни изъ этихъ стиховъ и теперь сохранились въ моей памяти. Вотъ они:

On dit assez communément
Qu'en parlant de ce que l'on aime,
Toujours on parle éloquemment.
Je n'approuve point ce système;
Car moi qui voudrai en ce jour
Vous prouver ma reconnaissance,
Mon cœur est tout brûlant d'amour,
Et ma bouche est sans éloquence.

Но ни читать, ни писать, ни по-каковски, даже по-русски, я не умѣлъ.

И вотъ, вскорѣ послѣ отъѣзда старшихъ дѣтей, часовъ въ десять утра, отслужили молебенъ и приказали мнѣ идти въ классную. Тамъ меня ждалъ нашъ крѣпостной живописецъ Павелъ, которому и поручили обучить меня азбукѣ.

Какъ сейчасъ вижу я передъ собой этого Павла. То былъ высокій, худой и, кажется, чахоточный человѣкъ, съ блѣднымъ, осунувшимся лицомъ и свѣтлыми, желтоватыми волосами на головѣ. Ступалъ онъ бережно, говорилъ чуть слышно, никогда никому не

прекословилъ и отличался чрезвычайною набожностью. Обучался онъ живописи въ Суздалѣ, потомъ ходилъ нѣкоторое время по оброку и работалъ по монастырямъ; наконецъ, матушка разсудила, что въ четырехъ-пяти церквахъ, которыя находились въ разныхъ ея имѣніяхъ, и своей работы достаточно. Вслѣдствіе этого Павелъ былъ взятъ въ домъ, гдѣ постоянно писалъ образа, а по временамъ ему поручали писать и домашніе портреты, которые онъ, впрочемъ, потрафлялъ очень неудачно. Отецъ любилъ его чрезвычайно, частенько захаживалъ къ нему въ мастерскую и руководилъ его работами. Матушка тоже его „не трогала“. Жена его, происхожденіемъ изъ мѣщанокъ (рѣшилась закрѣпоститься ради Павла), была тоже добрая, кроткая и хворая женщина. И ее „не трогали“ и не угнетали работой, но такъ какъ она умѣла печь бѣлый хлѣбъ, то опредѣлили пекаршей при домѣ и просвирней при церкви. Вообще, имъ жилось легче, чѣмъ другимъ; даже когда мѣсячина была нарушена, за ними сохранили ее и отвели имъ особую комнату въ нижнемъ этажѣ дома.

Павелъ явился въ классъ иріодѣтый, въ желтомъ фризовомъ сюртукѣ и въ бѣломъ галстукѣ на шеѣ. Въ рукахъ у него была азбука и красная „указка“. Училъ онъ меня по-старинному: „азами“. На первой страницѣ „азы“ были напечатаны крупнымъ шрифтомъ, и каждая буква была снабжена соотвѣтствующей картинкой: Азъ — арбузъ, Буки — баринъ, Вѣди — Вавило, и т. д. На слѣдующихъ страницахъ буквы были напечатаны все болѣе и болѣе мелкимъ шрифтомъ; за буквами слѣдовали склады, одногласные, двугласные, трехгласные, потомъ слова и, наконецъ, цѣлыя изреченія нравоучительнаго свойства. Этимъ азбука оканчивалась, а вмѣстѣ съ нею оканчивалась и Павлова „наука“.

Азбуку я усвоилъ быстро; отчетливо произносилъ склады даже въ такомъ родѣ, какъ *мря*, *пря*, *иря*, *чря* и т. д., а недѣли черезъ три уже бойко читалъ нравоученія.

Павелъ доложилъ матушкѣ, что я готовъ, и я въ ея присутствіи съ честью выдержалъ свой первый экзаменъ. Матушка осталась довольна, но затѣмъ послѣдовалъ вопросъ:

— А дальше какъ?

— Дальше ужъ какъ угодно.

— Да вѣдь писать, чай, надо?

Оказалось, что Павелъ хоть и зналъ гражданскую печать, но ни-

сать по-гражданскому не разумѣлъ. Онъ могъ писать лишь полууставомъ, насколько это требовалось для надписей къ образамъ...

Весь этотъ день я былъ радостенъ и гордъ. Не сидѣлъ, по обыкновенію, притаившись въ углу, а бѣгалъ по комнатамъ и громко выкрикивалъ: „мря, иря, цря, чря“! За обѣдомъ матушка давала мнѣ лакомые куски, отецъ погладилъ по головѣ, а тетеньки-сестрицы, гостившія въ то время у насъ, подарили цѣлую тарелку съ яблоками, турецкими рожками и пряниками. Обыкновенно, онѣ дѣлывали это только въ дни именинъ..

Но матушка задумалась. Она мечтала, что приставитъ ко мнѣ Павла, дастъ книгу въ руки, и ученье пойдетъ само собой—и вдругъ, на первомъ же шагу, разсчеты ея рушились...

Тѣмъ не менѣе, какъ женщина изобрѣтательная, она нашлась и тутъ. Вспомнила, что отъ старшихъ дѣтей остались книжки, тетрадки, а въ томъ числѣ и прописи, и немедленно перебрала весь учебный хламъ. Отыскавъ прописи, она сама разлиновала тетрадку и, усадивъ меня за столъ въ смежной комнатѣ съ своей спальней, указала, насколько могла, какъ слѣдуетъ держать въ рукахъ перо.

— Видишь, вотъ палки... съ нихъ и копируй!—Сначала по палкамъ выучись, а потомъ и дальше пойдешь,—сказала она, уходя.

Я помню, что этотъ первый опытъ писанія самоучкой былъ очень для меня мучителенъ. Перо вертѣлось между пальцами, а по временамъ и вовсе выскользало изъ нихъ; чернилъ зачерпывалось больше, чѣмъ нужно; не прошло четверти часа, какъ разлинованная четвертушка уже была усѣяна кляксами; даже верхняя часть моего тѣла какъ-то неестественно выгнулась отъ напряженія. Сверхъ того, я слышалъ по близости шорохъ, который производила матушка, продолжая рыться въ учебныхъ программахъ, и—при одной мысли, что вотъ-вотъ она сейчасъ нагрянетъ и увидитъ мои проказы, у меня душа уходила въ пятки.

Цѣлый часъ я проработалъ такимъ образомъ, стараясь утвердить пальцы и вывести хоть что-нибудь похожее на палку, изображенную въ лежавшей передо мною прописи; но пальцы отъ чрезмѣрныхъ усилій все меньше и меньше овладѣвали перомъ. Наконецъ, матушка вышла изъ своего убѣжища, взглянула на мою работу и сверхъ ожиданія, не разсердилась, а только сказала:

— Вотъ такъ огородъ нагородилъ! Ну, ничего, и всегда такъ

начинаютъ. Вотъ она палочка-то! кажется, мудрено ли ее черкнуть, а выходитъ, что привычка да привычка нужна! Главное, старайся не тискать перо между пальцами, держи руку вольно, да и самъ сиди вольнѣе, не пригибайся. Ну, ничего, ничего, не конфузься! Богъ милостивъ! ступай, побѣгай!

Недѣли съ три каждый день я, не разгибая спины, мучился часа по два сряду, покуда, наконецъ, не достигъ кой-какихъ результатовъ. Перо вертѣлось уже не такъ сильно; рука почти не ёрзала по столу; кляксъ становилось меньше; рядъ палокъ уже не представлялъ собой расшатавшейся изгороди, а шелъ довольно ровно. Словомъ сказать, я уже началъ мечтать о конированіи палокъ съ закругленными концами.

Какъ и прочихъ братьевъ, матушка предположила помѣстить меня въ московскій университетскій пансіонъ, состоявшій изъ восьми классовъ и одного приготовительнаго. Требованія для поступавшихъ въ приготовительный классъ были самыя ограниченныя. Изъ закона Божія—ветхій завѣтъ до „царей“ и знаніе главнѣйшихъ молитвъ; изъ русскаго языка—правильно читать и писать и элементарныя понятія о частяхъ рѣчи; изъ ариѳметики—первыя четыре правила. Ни географіи, ни исторіи, ни иностранныхъ языковъ при испытаніи не требовалось. Въ головѣ матушки мелькнула мысль, не отдать ли меня въ приготовительный классъ? Для этого слѣдовало только пригласить изъ сосѣдняго села Рябова священника, который, въ теченіе времени, оставшагося до пріемныхъ экзаменовъ, конечно, успѣетъ приготовить меня.

Но когда она вспомнила, что при такомъ оборотѣ дѣла ей придется платить за меня, въ теченіе девяти лѣтъ по шестисотъ рублей ассигнаціями въ годъ, то испугалась. Высчитавши, что платежи эти составятъ, въ общей сложности, круглую сумму въ пять тысячъ четыреста рублей, она гнѣвно щелкнула счетами и даже съ негодованіемъ отодвинула ихъ отъ себя.

— Держи карманъ!—крикнула она:—и безъ того семь балбесовъ на шеѣ сидятъ, каждый годъ за нихъ слишкомъ четыре тысячи рубликовъ вынь да положь, а тутъ еще восьмой явится!

Руководясь этимъ соображеніемъ, она рѣшилась до времени ничего окончательнаго не предпринимать, а ограничиться, въ ожиданіи

пріѣзда старшей сестры, приглашеніемъ рябовскаго священника. А тамъ—что̀ будетъ.

— Вотъ тебѣ книжка,—сказала она мнѣ однажды, кладя на столъ „Сто-двадцать-четыре исторіи изъ ветхаго завѣта“:—завтра рябовскій попъ придетъ, я съ нимъ переговорю. Онъ съ тобой займется, а ты все-таки и самъ просматривай книжки, по которымъ старшіе учились. Можетъ быть и пригодятся.

Рябовскій священникъ пріѣхалъ. Довольно долго онъ совѣщался съ матушкой, и результатомъ этого совѣщанія было слѣдующее: три раза въ недѣлю онъ будетъ наѣзжать къ намъ (Рябово отстояло отнасъ въ шести верстахъ) и посвящать мнѣ по два часа. Плата за ученье была условлена въ такомъ размѣрѣ: деньгами восемь рублей въ мѣсяцъ, да два пуда муки, да въ дни уроковъ обѣдать за господскимъ столомъ.

Опять отслужили молебенъ и принялись уже за настоящую науку.

Отецъ Василій слѣдовалъ въ обученіи той же методѣ, какъ и всѣ педагоги того времени. Въ концѣ урока онъ задавалъ двѣ-три страницы изъ ветхаго завѣта, два-три параграфа изъ краткой русской грамматики, и, по пріѣздѣ черезъ день, „спрашивалъ“ заданное. Толковать приходилось только ариѳметическія правила. Оказалось, впрочемъ, что я многое уже зналъ, прислушиваясь, въ классные часы, къ ученью старшихъ братьевъ и сестеръ, а молитвы и заповѣди съ малолѣтства заставляли меня учить наизусть. Поэтому двухъ часовъ, въ продолженіе которыхъ, по условію, батюшка долженъ былъ „просидѣть“ со мною, было даже черезъ-чуръ много, такъ что послѣдній часъ обыкновенно посвящался разговорамъ. Преимущественно шли разспросы о томъ, сколько у отца Василія въ приходѣ душъ, деревень, какъ послѣднія называются, сколько онъ получаетъ за требы, за славленіе въ Рождество Христово, на Святой и въ престольные праздники, часто ли служитъ сорокоусты, какъ дѣлятся доходы между священникомъ, дьякономъ и причетниками, и т. п. Почему все это меня интересовало, объяснить не могу, но, вѣроятно, тутъ оказывало свое дѣйствіе общее экономическое направленіе семьи.

Отецъ Василій былъ доволенъ своимъ приходомъ: онъ получалъ съ него до пяти сотъ рублей въ годъ и, кромѣ того, обрабатывалъ свою часть церковной земли. На эти средства въ то время можно было прожить хорошо, тѣмъ больше, что у него было всего двое дѣ-

тей-сыновей, изъ которыхъ старшій уже кончалъ курсъ въ семинаріи. Но были въ уѣздѣ и лучше приходы, и онъ не безъ зависти указывалъ мнѣ на нихъ.

— Вотъ, у Николы-на-Воплѣ, отецъ Семенъ однѣхъ свадебъ до пятидесяти въ прошломъ году повѣнчалъ. Сочти-ко, ежели по пяти рублей за свадьбу, сколько тутъ денегъ будетъ! Приходъ у него тысяча-двѣсти душъ въ одномъ клину, да все экономическіе. Народъ исправный, вольный; да и земли у причта, кромѣ указной, жертвованной много; озеро рыбное есть, щуки вотъ экія водятся. Волостной голова, писарь, сельскій старшина—все пріятели. Это чтобъ онъ самъ въ поле съ сохой выѣхалъ—ни въ жизнь никогда! Шепнетъ старшинѣ наканунѣ, а на другой день къ вечеру готово. Развѣ что по чарочкѣ обпесетъ, такъ и вино у него не купленное, а откупщиково положеніе, потому у Николы кабакъ. Конечно, иной разъ и онъ съ косой позабавиться выйдетъ, два-три прокоса сдѣлаетъ, для примѣра, да и домой. А сверхъ того, пчелъ водитъ, лошадьми торгуетъ, деньги подъ проценты даетъ. Въ прошломъ году пятую дочь замужъ выдалъ, однѣми деньгами пятьсотъ рублей въ приданое далъ, да коврову, да разнаго тряпья женскаго. Да въ губернію съѣздилъ, тамъ рублей двѣсти истрясъ, чтобъ зятя въ городъ въ священники опредѣлили. Вотъ опъ, отецъ Семенъ, какъ живетъ!

— Зато у васъ помѣщиковъ восемь семействъ въ приходѣ считается!—возразилъ я.

— Что помѣщики! помѣщики-помѣщики, а какой въ нихъ прокъ? Твоя маменька и богатая, а много ли она на попа расщедрится. За всенощную двугривенный, а не то и весь пятналтынный. А попъ, между тѣмъ, отягощается, часа полтора на ногахъ стоитъ. Придетъ усталый съ работы,—цѣлый день либо пахалъ, либо косилъ,—а тутъ опять полтора часа стой да пой! Нѣтъ, я отъ своихъ помѣщиковъ подальше. Первое дѣло, прибытокъ отъ нихъ пустой, а во-вторыхъ опъ же тебя жеребцомъ или шалыганомъ обозвать норовитъ.

Такимъ образомъ, я мало-по-малу узналъ подробности церковнослужительскаго быта того времени. Какъ обучались въ семинаріяхъ, какъ доставались священническія и дьяконскія мѣста, какъ происходило посвященіе въ попы, что представлялъ собой благочинный, духовное правленіе, консисторія и т. д.

— Чтобъ мѣсто-то получить, надо либо на отцово мѣсто про-

ситься, или въ домъ къ старому попу, у котораго дочь-невѣста, войти, — повѣствовалъ отецъ Василій.—Въ консисторіи и списки приходамъ ведутся, въ которыхъ у поповъ-стариковъ невѣсты есть. Мой-то отецъ причетникомъ былъ, онъ бы хоть сейчасъ мнѣ свое мѣсто предоставилъ, такъ я изъ первенькихъ въ семинаріи курсъ кончилъ, въ причетники-то идти не хотѣлось. Года четыре я по губерніи шатался, все невѣсты искалъ. Что я тутъ нужды натерпѣлся, этого и въ сказкахъ не сказать. У самого грошъ въ карманѣ, а вездѣ, что ни шагъ, деньги подавай. Народъ все завистливый, жадный. Заплатишь въ консисторіи что требуется, поѣдешь къ невѣстѣ, анъ либо она съ изъяномъ, либо приходъ такой, что и старики-то еле-еле около него пропитываются. Наконецъ ужъ Богъ въ Рябово привелъ. Ничего, живемъ съ женой согласно, не нуждаемся.

— Сыну, что-ли, вы мѣсто свое передать хотите?

— Покуда еще намѣренія такого не имѣю. Я еще и самъ, слава Богу... Развѣ лѣтъ черезъ десять что будетъ. Да старшій-то сынъ у меня и пристрастія къ духовному званію не имѣетъ, хочетъ по гражданской части идти. Урокъ, вишь, у какого-то начальника нашелъ, такъ тотъ его обнадеживаетъ.

— А меньшой сынъ?

— Меньшой — въ монахи ладитъ. Не всякому монахомъ быть лестно, однако, ежели кто можетъ вмѣстить, такъ и тамъ не безъ пользы. Коли черезъ академію пройдетъ, такъ либо въ профессора, а не то такъ въ ректоры въ семинарію попадетъ. А бываетъ, что и въ архіереи, яко велбудъ сквозь игольное ушко, проскочитъ.

— Вотъ кабы къ намъ въ губернію!

— Что-жъ, милости просимъ! буду сынка съ колокольнымъ звономъ встрѣчать!

— А правда ли, батюшка, что когда посвящаютъ въ архіереи, то они отца съ матерью проклинаютъ?

— Ну, ужъ и проклинаютъ! Такъ, малую толику... всѣхъ партикулярныхъ вообще...

На одномъ изъ подобныхъ собесѣдованій насъ застала однажды матушка и порядочно-таки разсердилась на отца Василія. Но когда послѣдній объяснилъ, что я ужъ почти всю науку произошелъ, а вслѣдъ затѣмъ неожиданно предложилъ, не угодно ли, молъ, по-латыни немножко барчука подъучить, то гнѣвъ ея смягчился.

— Ахъ, вотъ это безподобно!—воскликнула она:—по программѣ хоть въ приготовительный классъ и не требуется, а все-таки...

— А мы его въ первый классъ подготовимъ; пожалуй, и въ другихъ предметахъ дальше пойдемъ. Напримѣръ, дроби и все такое...

— Безподобно! безподобно!

Отецъ Василій надѣялся на меня, и, нужно сказать правду, не ошибался въ своихъ ожиданіяхъ. Я дѣйствительно былъ прилеженъ. Кромѣ урочныхъ занятій, которыя мнѣ почти никакихъ усилій не стоили, я, по собственному почину, перечитывалъ оставшіеся послѣ старшихъ дѣтей учебники, и скоро почти зналъ наизусть „Краткую всеобщую исторію“, Кайданова, „Краткую Географію“, Ивановскаго, и проч. Даже въ синтаксисъ заглядывалъ и не чуждался риторики. Все это, конечно, усвоилось мною безпорядочно, безъ всякой системы; тѣмъ не менѣе запасъ фактовъ накопился, и я не разъ удивлялъ родителей, разсказывая за обѣдомъ такіе исторические эпизоды, о которыхъ они и понятія не имѣли. Только ариѳметика давалась плохо, потому что тутъ я самъ себѣ помочь не могъ; а отецъ Василій по части дробей тоже былъ не особенно силенъ. Зато латынь пошла отлично, и я черезъ три-четыре недѣли такъ отчетливо склонялъ „mensa“, что отецъ Василій въ восторгѣ хлопалъ меня по лбу ладонью и восклицалъ:

— Башка!

Замѣчу здѣсь мимоходомъ: несмотря на обиліе книгъ и тетрадей, которыя я перечиталъ, я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о существованіи русской литературы. По части русскаго языка у насъ были только учебники, т.-е. грамматика, синтаксисъ и риторика. Ни хрестоматіи, ни даже басенъ Крылова не существовало, такъ что я, въ буквальномъ смыслѣ слова, почти до самаго поступленія въ казенное заведеніе не зналъ ни одного русскаго стиха, кромѣ тѣхъ немногихъ обрывковъ, безъ начала и конца, которые были помѣщены въ учебникѣ риторики, въ качествѣ примѣровъ фигуръ и троповъ...

Матушка видѣла мою ретивость и радовалась. Въ головѣ ея зрѣла коварная мысль, что я и безъ посторонней помощи, руководствуясь только программой, съумѣю приготовить себя, года въ два, къ одному изъ среднихъ классовъ пансіона. И мысль, что я *одинъ* изъ всѣхъ дѣтей почти ничего не буду стоить подготовкою даже сдѣлала ее нѣжною.

Такимъ образомъ прошелъ цѣлый годъ, въ продолженіе котораго я всѣхъ поражалъ своими успѣхами. Но не были ли эти успѣхи только кажущимися—это еще вопросъ. Настоящаго руководителя у меня не было, системы въ усвоеніи знаній—тоже. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ я сейчасъ упомянулъ, вмѣсто всякой системы, у меня была программа для поступленія въ пансіонъ. Матушка дала мнѣ ее, сказавъ:

— Вотъ, смотри! тутъ все написано, въ какой классъ что̀ требуется. Такъ и приготовляйся.

Такъ я и приготовлялся; но, будучи предоставленъ самому себѣ, переходилъ отъ одного предмета къ другому, смотря по тому, что̀ меня въ данную минуту интересовало. Я быстро усвоивалъ, но усвоиваемое накоплялось безъ связи, въ формѣ одиночныхъ фактовъ, не вытекавшихъ одинъ изъ другого. Самой собой разумѣется, что такого рода работа, какъ бы она по наружности ни казалась успѣшною, не представляла устойчивыхъ элементовъ, изъ которыхъ могла бы выработаться способность къ логическому мышленію. Къ концу года у меня образовалось такое смѣшеніе въ головѣ, что я съ невольнымъ страхомъ заглядывалъ въ программу, не имѣя возможности опредѣлить, въ состояніи ли я выдержать серьезное испытаніе въ другой классъ, кромѣ приготовительнаго. Я чувствовалъ, что мнѣ недостаетъ чего-то *средняго*, какого-то связующаго звена, и что, благодаря этому недостатку, самое умѣренное требованіе объясненія, самый легкій вопросъ въ сторону отъ текста учебника поставитъ меня въ тупикъ.

Въ этомъ смыслѣ ученіе мое шло даже хуже, нежели ученіе старшихъ братьевъ и сестеръ. Тѣхъ мучили, но въ ученьи ихъ все-таки присутствовала хоть какая-нибудь послѣдовательность, а кромѣ того ихъ было пятеро, и они имѣли возможность провѣрять другъ друга. Эта провѣрка установлялась сама собою, по естественному ходу вещей, и несомнѣнно помогала имъ. Меня не мучили, но за то и помощи я ни откуда не имѣлъ.

Вообще, одиночество и отсутствіе надзора предоставляли мнѣ, сравнительно, бо́льшую сумму свободы, нежели старшимъ дѣтямъ, но эта свобода не привела за собой ничего похожаго на самостоятельность. По наружности, я дѣлалъ все, что̀ хотѣлъ, но, въ дѣйствительности, надо мной тяготѣла та же невидимая сила, которая тяготѣла надъ всѣми домочадцами, и которой я, въ свою очередь, под-

чинялся безусловно. Этой силой была не чья-нибудь рука, непосредственно придавливающая человѣка, но вообще весь домашній укладъ. Весь онъ такъ плотно сложился и до того пропиталъ атмосферу, что невозможно было, при такой силѣ давленія, выработать что-нибудь свое. Предстояло жить, какъ живутъ всѣ, дышать, какъ всѣ дышутъ, идти по той же стезѣ, по какой всѣ идутъ. Только внезапное появленіе сильнаго и горячаго луча можетъ, при подобныхъ условіяхъ, разбудить человѣческую совѣсть и разорвать цѣпи той вѣковѣчной неволи, въ которой обязательно вращалась цѣлая масса людей, начиная съ всевластныхъ господъ и кончая какимъ-нибудь постылымъ Кирюшкой, котораго не нынче—завтра ожидала „красная шапка“.

Такимъ животворнымъ лучомъ было для меня Евангеліе.

Роясь въ учебникахъ, я отыскалъ „Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ“; а такъ какъ книга эта была въ числѣ учебныхъ руководствъ и знакомство съ ней требовалось для экзаменовъ, то я принялся и за нее наравнѣ съ другими учебниками.

Выказывалъ, ли я до тѣхъ поръ задатки религіозности—это вопросъ, на который я могу отвѣтить скорѣе отрицательно, нежели утвердительно.

Я понимаю, что религіозность самая горячая можетъ быть доступна не только начетчикамъ и богословамъ, но и людямъ, не имѣющимъ яснаго понятія о значеніи слова: „религія“. Я понимаю, что самый неразвитый, задавленный ярмомъ простолюдинъ имѣетъ полное право называть себя религіознымъ, несмотря на то, что приноситъ въ храмъ, вмѣсто формулированной молитвы, только измученное сердце, слезы и переполненную вздохами грудь. Эти слезы и вздыханія представляютъ собой безсловную молитву, которая облегчаетъ его душу и просвѣтляетъ его существо. Подъ напгіемъ ея онъ искренно и горячо вѣритъ. Онъ вѣритъ, что въ мірѣ есть нѣчто высшее, нежели дикій произволъ, которому онъ отъ рожденія отданъ въ жертву по волѣ рокового, ничѣмъ необъяснимаго колдовства; что есть въ мірѣ Правда, и что въ нѣдрахъ ея кроется Чудо, которое придетъ къ нему на помощь и изведетъ его изъ тьмы. Пускай каждый новый день удостовѣряетъ его, что колдовству нѣтъ конца; пускай вериги рабства съ каждымъ часомъ все глубже и глубже впиваются въ его изможденное тѣло—онъ вѣритъ, что злосчастіе его не безсрочно, и что наступитъ минута, когда Правда осіяетъ

его, наравнѣ съ другими алчущими и жаждущими. И вѣра его будетъ жить до тѣхъ поръ, пока въ глазахъ не изсякнетъ источникъ слезъ и не замретъ въ груди послѣдній вздохъ. Да! колдовство рушится, цѣпи рабства падутъ, явится свѣтъ, котораго не побѣдитъ тьма! Ежели не жизнь, то смерть совершитъ это чудо. Недаромъ, у подножія храма, въ которомъ онъ молится, находится сельское кладбище, гдѣ сложили кости его отцы. И они молились тою же безсловной молитвой, и они вѣрили въ то же чудо. И чудо совершилось: пришла смерть и возвѣстила имъ свободу. Въ свою очередь, она придетъ и къ нему, вѣрующему сыну вѣровавшихъ отцовъ, и, свободному, дастъ крылья, чтобы летѣть въ царство свободы, навстрѣчу свободнымъ отцамъ...

Въ этомъ горячемъ душевномъ настроеніи замыкается весь смыслъ, вся сила молитвы; но—увы!—ничего подобнаго я лично за собою не помнилъ. Я зналъ очень много молитвъ, отчетливо произносилъ ихъ въ урочные часы, молился и стоя, и на колѣняхъ, но не чувствовалъ себя ни умиленнымъ, ни умиротвореннымъ. Я поступалъ въ этомъ случаѣ, какъ поступали всѣ въ нашемъ домѣ, то-есть совершалъ извѣстный обрядъ. Всѣ въ домѣ усердно молились, но главное значеніе молитвы полагалось не въ сердечномъ просвѣтленіи, а въ тѣхъ вещественныхъ результатахъ, которые она, по общему корыстному убѣжденію, приносила за собой. Говорили: будешь молиться — и дастся тебѣ все, о чемъ просишь; не будешь молиться—насидишься безо всего. Самое Евангеліе вовсе не считалось краеугольнымъ камнемъ, на которомъ создался храмъ, въ которомъ крестились и клали земные поклоны,—а немногимъ чѣмъ выше всякой другой книги церковно-служебнаго круга. Большинство даже разумѣло подъ этимъ словомъ извѣстный церковно-служебный моментъ. Говорилось: „мы пришли къ обѣднѣ, когда еще Евангеліе не отошло“; или: „это случилось, когда звонили ко второму Евангелію“, и т. д. Внутреннее содержаніе книги оставалось закрытымъ и для наиболѣе культурныхъ людей. И не потому, чтобы это содержаніе представляло собой обличеніе, а просто вслѣдствіе общей инзменности жизненнаго строя, который весь сосредоточивался около запросовъ утробы...

Когда я въ первый разъ познакомился съ Евангеліемъ, это чтеніе пробудило во мнѣ тревожное чувство. Мнѣ было не по себѣ. Прежде всего, меня поразили не столько новыя мысли, сколько новыя слова,

которыхъ я никогда ни отъ кого не слыхалъ. И только повторительное, все болѣе и болѣе страстное чтеніе объяснило мнѣ дѣйствительный смыслъ этихъ повыхъ словъ и сняло темную завѣсу съ того міра, который скрывался за ними.

Все это очень кстати случилось какъ разъ во время великаго поста, и хотя великопостные дни, въ смыслѣ крѣпостной страды и заведенныхъ порядковъ, ничѣмъ не отличались въ нашемъ домѣ отъ обыкновенныхъ дней, кромѣ того, что господа кушали „грибное“, но все-таки какъ будто становилось посмирѣе. Ради говѣльщиковъ-крестьянъ (господа и вся дворня говѣли на страстной недѣлѣ, а отецъ съ тетками, сверхъ того, на первой и на четвертой), въ церкви каждый день совершались службы, а это, въ свою очередь, тоже напоминало ежели не о покаяніи, то о сдержанности. Даже матушка, какъ бы сознавая потребность тишины, сидѣла, затворившись въ спальнѣ, и только въ крайнихъ случаяхъ выходила изъ нея творить судъ и расправу.

Для меня эти дни принесли полный жизненный переворотъ. Я не говорю ни о той восторженности, которая переполнила мое сердце, ни о тѣхъ совсѣмъ новыхъ образахъ, которые вереницами проходили передъ моимъ умственнымъ взоромъ—все это было въ порядкѣ вещей, но въ то же время играло второстепенную роль. Главное, что̀ я почерпнулъ изъ чтенія Евангелія, заключалось въ томъ, что оно посѣяло въ моемъ сердцѣ зачатки общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, *свое*, благодаря которому господствующій жизненный укладъ уже не такъ легко порабощалъ меня. При содѣйствіи этихъ новыхъ элементовъ я пріобрѣлъ болѣе или менѣе твердое основаніе для оцѣнки какъ собственныхъ дѣйствій, такъ и явленій и поступковъ, совершавшихся въ окружавшей меня средѣ. Словомъ сказать, я уже вышелъ изъ состоянія прозябанія и началъ сознавать себя человѣкомъ. Мало того: право на это сознаніе я переносилъ и на другихъ. Доселѣ я ничего не зналъ ни объ алчущихъ, ни о жаждущихъ и обремененныхъ, а видѣлъ только людскія особи, сложившіяся подъ вліяніемъ несокрушимаго порядка вещей; теперь эти уничиженные и оскорбленные встали передо мной, осіянные свѣтомъ, и громко вопіяли противъ прирожденной несправедливости, которая ничего не дала имъ, кромѣ оковъ. То „свое“, которое внезапно заговорило во мнѣ, напомнило мнѣ, что и *другіе* обла-

дают такимъ же, равносильнымъ „своимъ“. И возбужденная мысль невольно переносилась къ конкретной дѣйствительности, въ дѣвичью, въ застольную, гдѣ задыхались десятки поруганныхъ и замученныхъ человѣческихъ существъ.

Я не хочу сказать этимъ, что сердце мое сдѣлалось очагомъ любви къ человѣчеству, но несомнѣнно, что съ этихъ поръ обращеніе мое съ домашней прислугой глубоко измѣнилось, и что подлая крѣпостная номенклатура, которая дотолѣ оскверняла мой языкъ, исчезла навсегда. Я даже могу съ увѣренностью утверждать, что моментъ этотъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на весь позднѣйшій складъ моего міросозерцанія.

Въ этомъ признаніи человѣческаго образа тамъ, гдѣ, по силѣ общеустановившагося убѣжденія, существовалъ только поруганный образъ раба, состоялъ главный и существенный результатъ, вынесенный мною изъ попытокъ самообученія, которымъ я предавался въ теченіе года.

. . . . . .

Весной (мнѣ былъ уже девятый годъ) пріѣхала изъ Москвы сестра, и я поступилъ въ ея распоряженіе. Она привезла изъ института множество тетрадокъ и принялась за меня очень строго. Надежды матушки, что подъ ея руководствомъ я буду въ состояніи, въ теченіе года, приготовиться ко второму или третьему классу пансіона, и что, слѣдовательно, за меня не придется платить лишнихъ денегъ, —оживились. Но я не считаю себя въ правѣ сказать, что педагогическіе пріемы сестры были толковѣе, нежели тѣ, которые я выработалъ для себя самъ. Одинъ только пріемъ былъ для меня вполнѣ ощутителенъ, а именно тотъ, что отнынѣ знанія усвоивались мною не столько при помощи толкованій и объясненій, сколько при помощи побоевъ и тѣлесныхъ истязаній. Однимъ словомъ, для меня возобновилась та же ученическая страда, которая тяготѣла и надъ старшими братьями и сестрами.

VI.—Дѣти.—По поводу предыдущаго.

И вотъ теперь, когда со всѣхъ сторонъ меня обступило старчество, я вспоминаю дѣтскіе годы, и сердце мое невольно сжимается всякій разъ, какъ я вижу дѣтей. Пускай, впрочемъ, читатель не пугается: я не поведу его по этому поводу въ область отвлеченностей и обобщеній. Не стану, напримѣръ, доказывать, что отношусь тревожно къ дѣтскому вопросу, потому что съ разрѣшеніемъ его тѣсно связано благополучіе или злополучіе страны; не буду ссылаться на то, что мы съ школьной скамьи научились провидѣть въ дѣтяхъ устроителей грядущихъ историческихъ судебъ. Нѣтъ, я просто, безъ околичностей, говорю: мнѣ жаль дѣтей, не ради какихъ-нибудь соціологическихъ обобщеній, а ради ихъ самихъ.

Тѣмъ не менѣе, прошу читателя не думать, что я считаю отвлеченности и обобщенія пустопорожнею фразой. Нѣтъ, я вѣрилъ и теперь вѣрю въ ихъ живоносную силу; я всегда былъ убѣжденъ и теперь не потерялъ убѣжденія, что только съ ихъ помощью человѣческая жизнь можетъ получить правильные и прочные устои. Формулированію этой истины была посвящена лучшая часть моей жизненной дѣятельности, всего моего существа.—Не погрязайте въ подробностяхъ настоящаго,—говорилъ и писалъ я,—но воспитывайте въ себѣ идеалы будущаго; ибо это своего рода солнечные лучи, безъ оживотворяющаго дѣйствія которыхъ земной міръ обратился бы въ камень. Не давайте окаменѣть и сердцамъ вашимъ, вглядывайтесь часто и пристально въ свѣтящіяся точки, которыя мерцаютъ въ перспективахъ будущаго. Только недальнозоркимъ умамъ эти точки кажутся безпочвенными и оторванными отъ дѣйствительности; въ сущности же онѣ представляютъ собой не отрицаніе прошлаго и настоящаго, а результатъ всего лучшаго и человѣчнаго, завѣщаннаго первымъ и вырабатывающагося въ послѣднемъ. Разница заключается только въ томъ, что, создавая идеалы будущаго, просвѣтленная мысль отсѣкаетъ всѣ злыя и темныя стороны, подъ игомъ которыхъ изнывало и изнываетъ человѣчество.

Къ сожалѣнію, увѣты мои были голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Конечно, прорывались минуты, когда мнѣ казалось, что общество вступаетъ на стезю вѣрованій — и сердце мое оживлялось. Но это

было лишь кратковременное марево, которое немедленно же смѣнялось самою суровою дѣйствительностью. Умами снова овладѣвала „злоба дня“, общество снова погружалось въ безсодержательную суматоху; мракъ сгущался и безсрочно одолѣвалъ робкіе лучи свѣта, на мгновеніе озарившіе жизнь. И кто знаетъ, — можетъ быть, недалеко время, когда самыя скромныя ссылки на идеалы будущаго будутъ возбуждать только ничѣмъ не стѣсняющійся смѣхъ...

Но возвращаюсь къ дѣтямъ. Если дать вѣру общепризнанному мнѣнію, то нѣтъ возраста болѣе счастливаго, нежели дѣтскій. Дѣтство безпечно и не смущается мыслью о будущемъ. Ежели у него есть горе, то это горе дѣтское; слезы — тоже дѣтскія; тревоги — мимолетныя, которыя даже формулировать съ полною опредѣлительностью нельзя. Посмотрите на Гришу или Маню—ихъ личики еще не обсохли отъ слезъ, какъ уже снова расцвѣли улыбкой. Посмотрите, какъ дѣти беззаботно и весело рѣзвятся, всецѣло погруженныя въ свои насущныя радости и даже не подозрѣвая, что въ окружающемъ ихъ мірѣ гнѣздится какое-то злое начало, которое подтачиваетъ милліоны существованій. Жизнь ихъ течетъ, свободная и спокойная, въ одинѣхъ и тѣхъ же рамкахъ, сегодня какъ вчера, но самое однообразіе этихъ рамокъ не утомляетъ, потому что содержаніемъ для нихъ служитъ непрерывное душевное ликованіе. Всѣ дѣйствія дѣтей свидѣтельствуютъ о невозмутимомъ душевномъ равновѣсіи, благодаря которому они мгновенно забываютъ о чуть замѣтныхъ горестяхъ, встрѣчающихся на ихъ пути. Нужно только слѣдить, чтобы развитіе дѣтей шло правильно; нужно оградить ихъ отъ матеріальныхъ опасностей и зачатковъ нравственныхъ увлеченій, которые могутъ повредить имъ въ будущемъ. Эту задачу возьметъ на себя разумная педагогика и выполнитъ ее такъ, что дѣти и не почувствуютъ тяготѣющей надъ ними ферулы.

Такъ гласитъ общепризнанное мнѣніе. Такъ долгое время думалъ и я, забывая о своемъ личномъ прошломъ. Внѣшность оказывала на меня подкупающее дѣйствіе. Безпечно рѣзвиться, пребывать въ невѣдѣніи зла, ничего не провидѣть даже въ собственномъ будущемъ, всѣмъ существомъ отдаваться наслажденію насущной минутой — развѣ возможно представить себѣ болѣе завидный удѣлъ? О, дѣти, дѣти! Какую благодарную, воспріимчивую почву представляютъ ихъ сердца для руководительства! Скажутъ имъ: нужно любить ближняго съ ма-

менькой — они любятъ; прикинутъ сюда тётенекъ, дяденекъ, сестрицъ, братцевъ и даже православныхъ христіанъ — они и ихъ помянутъ въ молитвахъ своихъ. Таковы несложныя дѣтскія обязанности относительно присныхъ и ближнихъ, а рядомъ съ ними преподаются и житейскія правила, столь же простыя и удобныя для воспринятія. Рѣзвиться, но не шумѣть, за обѣдомъ сидѣть прямо и не вмѣшиваться въ разговоры старшихъ; смотрѣть весело вообще, и въ особенности при гостяхъ и т. д. Какой родитель, не исключая самаго заурядnаго, затруднится внѣдрить эти элементарныя правила въ воспріимчивое дѣтское сердце? И какое дѣтское сердце не понесется навстрѣчу такимъ необременительнымъ правиламъ? А когда ребенокъ вступитъ въ отроческій возрастъ и родителямъ покажется недосужно или затруднительно заниматься его воспитаніемъ, то на мѣсто ихъ появится разумная педагогика и напишетъ на порученной ей tabula rasa *свои* письмена. Она научитъ почитать старшихъ, избѣгать общества неблаговоспитанныхъ людей, вести себя скромно, не увлекаться вредными идеями и т. д. При помощи этихъ новыхъ правилъ сфера „воспитанія“ постепенно расширится, доведетъ до надлежащей мягкости восковое дѣтское сердце и въ то же время не дозволитъ червю сомнѣнія заползти въ тайники дѣтской души.

Сомнѣнія! — развѣ совмѣстима рѣчь о сомнѣніяхъ съ мыслью о вѣчно-ликующихъ дѣтяхъ? Сомнѣнія — вѣдь это отрава человѣческаго существованія. Благодаря имъ, человѣкъ впервые получаетъ понятіе о несправедливостяхъ и тяготахъ жизни; съ ихъ вторженіемъ онъ начинаетъ сравнивать, анализировать не только свои собственныя дѣйствія, но и поступки другихъ. И горе, глубокое, неизбывное горе западаетъ въ его душу; за горемъ слѣдуетъ ропотъ, а отсюда только одинъ шагъ до озлобленія...

О, нѣтъ! ничего подобнаго, конечно, не допустятъ разумные педагоги. Они сохранятъ дѣтскую душу во всемъ ея невѣдѣніи, во всей неначатости, и оградятъ ее отъ злыхъ вторженій. Мало того: они употребятъ всѣ усилія, чтобы продлить дѣтскій возрастъ до крайнихъ предѣловъ, до той минуты, когда сама собой вторгнется всеразрушающая сила жизни и скажетъ: отнынѣ начинается пора зрѣлости, пора искупленія неначатости и невѣдѣнія!

. . . . . .

Повторяю: такъ долгое время думалъ я, вслѣдъ за общепризнан-

нымъ мнѣніемъ о привилегіяхъ дѣтскаго возраста. Но чѣмъ больше я углублялся въ дѣтскій вопросъ, чѣмъ чаще припоминалось мнѣ мое личное прошлое и прошлое моей семьи, тѣмъ больше раскрывалась передо мной фальшь моихъ воззрѣній.

Прежде всего мнѣ представилась мысль о необычайной интенсивной силѣ злополучія, разлитого въ человѣческомъ обществѣ. Злополучіе такъ цѣпко хватается за все живущее, что только очень рѣдкіе индивидуумы ускользаютъ отъ него, но и они, въ большинствѣ случаевъ, пользуются незавидной репутаціей простодушныхъ людей. Куда вы ни оглянитесь, вездѣ увидите присутствіе злосчастія и массу людей, задыхающихся подъ игомъ его. Форма злосчастія разнообразна; разнообразна также степень сознательности, съ которою переноситъ человѣкъ настигающее его иго, но обязательность послѣдняго одинакова для всѣхъ. Неправильность устоевъ, на которыхъ зиждется общественный строй—вотъ гдѣ кроется источникъ этой обязательности, и потому она не можетъ миновать ни одного общественнаго слоя, ни одного возраста человѣческой жизни. Пропизывая общество сверху до низу, она не оставляетъ внѣ своего вліянія и дѣтей.

Говорятъ: посмотрите, какъ дѣти безпечно и весело рѣзвятся,—и отсюда дѣлаютъ посылку къ ихъ счастію. Но вѣдь рѣзвость, въ сущности, только свидѣтельствуетъ о потребности движенія, свойственной молодому, не надломленному организму. Это явленіе чисто физическаго порядка, которое не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на будущія судьбы ребенка, и которое, слѣдовательно, можно совершенно свободно исключить изъ счета элементовъ, совокупность которыхъ дѣлаетъ завиднымъ дѣтскій удѣлъ.

Затѣмъ вглядитесь пристальнѣе въ волнующуюся передъ вами дѣтскую среду, и вы безъ труда убѣдитесь, что *не всѣ* дѣти рѣзвятся, и что во всякомъ случаѣ не всѣ рѣзвятся *одинаково*. Одни рѣзвятся смѣло и искренно, какъ бы сознавая свое право на рѣзвость; другія—рѣзвятся робко, урывками, какъ будто возможность рѣзвиться составляетъ для нихъ нѣчто въ родѣ милости: третьи, наконецъ, угрюмо прячутся въ сторону и издали наблюдаютъ за играми сверстниковъ, такъ что даже когда ихъ случайно *заставляютъ* рѣзвиться, то они дѣлаютъ это вяло и неумѣло. Но этого мало: вы убѣдитесь, что существуетъ на свѣтѣ цѣлая масса дѣтей забытыхъ, приниженныхъ, брошенныхъ съ самыхъ пеленокъ.

Я знаю, что, въ глазахъ многихъ выводы, полученные мною изъ наблюденій надъ дѣтьми, покажутся жестокими. На это я отвѣчаю, что ищу не утѣшительныхъ (во что бы ни стало) выводовъ, а правды. И, во имя этой правды, иду даже далѣе и утверждаю, что изъ всѣхъ жребіевъ, выпавшихъ на долю живыхъ существъ, нѣтъ жребія болѣе злосчастнаго, нежели тотъ, который достался на долю дѣтей.

Дѣти ничего не знаютъ о качествахъ экспериментовъ, которые надъ ними совершаются—такова общая формула дѣтскаго существованія. Они не выработали ничего *своего*, что могло бы дать отпоръ попыткамъ извратить ихъ природу. Колея, по которой имъ предстоитъ идти, проложена произвольно, и всего чаще представляетъ собой дѣло случая.

Не всѣ родители обязательно опытны и разумны; не всѣ педагоги настолько проницательны, чтобы угадать природу ребенка, ввѣреннаго ихъ воспитанію. По бо́льшей части, въ этомъ дѣлѣ господствуетъ полное смѣшеніе, которое способно извратить даже наиболѣе счастливо одаренную дѣтскую природу. Но, кромѣ случайности, дѣтей преслѣдуетъ еще „система“. Система представляетъ собой плодъ временнаго общественнаго настроенія и на все живущее накладываетъ свою тяжелую руку. Она вырабатываетъ массу разнообразнѣйшихъ жизненныхъ формулъ, но бо́льшей части искусственныхъ и удовлетворяющихъ исключительно взглядамъ и требованіямъ минуты. Дѣти въ этомъ смыслѣ составляютъ самую легкую добычу, которою она овладѣваетъ вполнѣ безнаказанно, въ полной увѣренности, что восковое дѣтское сердце всякую педагогическую затѣю приметъ безъ противодѣйствія.

Припомните: развѣ исторія не была многократно свидѣтельницей мрачныхъ и жестокихъ эпохъ, когда общество, гонимое паникой, перестаетъ вѣрить въ освѣжающую силу знанія и ищетъ спасенія въ невѣжествѣ? Когда мысль человѣческая осуждается на бездѣйствіе, а дѣйствительное знаніе замѣняется массою безполезностей, которыя отдаютъ жизнь въ жертву неосмысленности; когда идеалы меркнутъ, а на вѣрованія и убѣжденія налагается безусловный запретъ?.. Гдѣ ручательство, что подобныя эпохи не могутъ повториться и впредь?

Мучительно жить въ такія эпохи, но у людей, уже вступившихъ на арену зрѣлой дѣятельности, есть, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что они сохраняютъ за собой право бороться и погибать. Это право избавитъ ихъ отъ душевной пустоты и наполнитъ ихъ сердца созна-

піемъ выполненнаго долга, — долга не только передъ самимъ собой, но и передъ человѣчествомъ.

Это послѣднее сознаніе въ особенности важно, ибо оно составляетъ не только преимущество, но и утѣшеніе. Для убѣжденной и вѣрующей мысли представленіе о человѣчествѣ является отнюдь не отдаленнымъ и индифферентнымъ, какъ объ этомъ гласитъ недальновидная „злоба дня“. Нѣтъ, между первымъ и послѣднею существуетъ неразрывная цѣпь, каждое звено которой обладаетъ передаточною силой, доведенной до крайнихъ предѣловъ чуткости. Съ помощью этой цѣпи, борьба настоящаго неизбѣжно откликнется въ тѣхъ глубинахъ, въ которыхъ таятся будущія судьбы человѣчества, и заронитъ въ нихъ плодотворное сѣмя. Не всѣ лучи свѣта погибнутъ въ перипетіяхъ борьбы, но часть ихъ прорѣжетъ мракъ и дастъ исходную точку для грядущаго обновленія. Эта мысль заставляетъ усиленнѣе биться сердца поборниковъ правды и укрѣпляетъ силы, необходимыя для совершенія подвига. Ибо это во истину сладчайшій изъ подвиговъ, и сознаніе, что онъ выполненъ бодро и безъ колебаній, во истину можетъ пролить утѣшеніе въ поруганныя и измученныя сердца.

Никакимъ подобнымъ преимуществомъ не пользуются дѣти. Они чужды всякаго участія въ личномъ жизнестроительствѣ; они слѣпо слѣдуютъ указаніямъ случайной руки, и не знаютъ, что̀ эта рука сдѣлаетъ съ ними. Поведетъ ли она ихъ къ торжеству, или къ гибели; укрѣпитъ ли ихъ настолько, чтобы они могли выдержать напоръ неизбѣжныхъ сомнѣній, или отдастъ ихъ въ жертву послѣднимъ? Даже пріобрѣтая знанія нерѣдко цѣною мучительныхъ усилій, они не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, дѣйствительно ли это знанія, а не безполезности...

Какъ я упомянулъ выше, дѣйствительное назначеніе дѣтей, какъ оно представлялось до сихъ поръ—это играть роль animae vilis, для производства всякаго рода воспитательныхъ опытовъ.

Начните съ родителей. Папаша желаетъ, чтобы Сережа шелъ по гражданской части; мамаша настаиваетъ, чтобы онъ былъ офицеромъ. Папаша говоритъ, что назначеніе человѣка — творить судъ и расправу. Мамаша утверждаетъ, что есть назначеніе еще болѣе высокое —защищать отечество противъ враговъ.

— А вотъ убьютъ его у тебя при первой же войнѣ!—угрожаетъ папаша.

— Не безпокойся, не убьютъ! Мы его тогда домой выпросимъ! —возражаетъ мамаша.

Неумные эти разговоры, съ незначительными видоизмѣненіями, возобновляются безпрерывно въ присутствіи самого Сережи, который чутко вслушивается и колеблется, къ какой сторонѣ пристать. Но родители у него не промахъ. Они смекаютъ, что настоять на своемъ они не могутъ иначе, какъ при содѣйствіи самого Сережи; и знаютъ, какъ добиться этого содѣйствія. Пускай онъ, хоть не понимаючи, скажетъ: „ахъ, папаша! какъ бы мнѣ хотѣлось быть прокуроромъ, какъ дядя Коля!“ или: „ахъ, мамаша! когда я сдѣлаюсь большой, у меня непремѣнно будутъ на плечахъ такіе же густые эполеты, какъ у дяди Паши, и такіе же душистые усы!“ Эти наивныя пожеланія навѣрное возымѣютъ свое дѣйствіе на родительскія рѣшенія.

— Вотъ видишь, онъ самъ свое призваніе чувствуетъ! — молвитъ папаша.

— Ахъ, Serge, Serge! а что ты вчера говорилъ! объ эполетахъ-то и позабылъ? —укоритъ Сережу мамаша.

И вотъ, чтобы получить Сережино содѣйствіе, съ обѣихъ сторонъ употребляется давленіе. Со стороны папаши оно заключается въ томъ, что онъ, отъ времени до времени, награждаетъ Сережу тычками и говоритъ:

— Вотъ, погоди ты у меня, офицеръ!

Со стороны мамаши давленіе имѣетъ болѣе привлекательныя формы. Она прикармливаетъ Сережу конфектами и пирожками, приговаривая:

— Будешь, Сережа, офицеромъ? да?

Въ концѣ концовъ, мамаша побѣждаетъ; Сережа надѣваетъ офицерскій мундиръ и, счастливый, самодовольный, мчится въ собственной пролеткѣ и на собственномъ рысакѣ по Невскому.

Но очарованіе въ нашъ разсчетливый вѣкъ проходитъ быстро. Черезъ три-четыре года Сережа начинаетъ задумываться и склоняется къ мысли, что папаша былъ правъ.

Да, въ наши дни истинное назначеніе человѣка именно въ томъ состоитъ, чтобы творить судъ и расправу. Большинство Сережиныхъ сверстниковъ уже съ успѣхомъ предается этой профессіи. Митя Потанчиковъ—товарищъ прокурора; Ѳедя Стригуновъ—членъ окружного суда, а Макаръ Полудинъ даже на чеку быть вице-губернаторомъ. А онъ, Сережа, все еще субалтернъ-офицеръ. Онъ не можетъ

пожаловаться, что служба его идетъ туго и что начальство равнодушно къ нему, но есть что-то въ самой избранной имъ карьерѣ, что̀ дѣлаетъ его жребій не вполнѣ удовлетворительнымъ. Внѣшніе враги примолкли, слухи о близкой войнѣ оказываются несостоятельными — слѣдовательно, не предвидится и случая для покрытія себя славою. Притомъ же, слава славой, а что̀ ежели убьютъ?

— Ah, sacrrrrebleu!

Остаются враги внутренніе, но борьба съ ними даже въ отличіе не вмѣняется. Какъ субалтернъ-офицеръ, онъ не играетъ въ этомъ дѣлѣ никакой самостоятельной роли, а лишь слѣдуетъ указаніямъ того же Мити Потанчикова.

— Я покуда разговаривать буду, — говоритъ Митя: — а ты тѣмъ временемъ постереги входы и выходы...

Сережѣ становится горько. Потребность творить судъ и расправу такъ широко развилась въ обществѣ, что начинаетъ подтачивать и его существованіе. Помилуйте! какой же онъ офицеръ! и здоровье у него далеко не офицерское, да и совсѣмъ онъ не такъ храбръ, чтобы летѣть на встрѣчу смерти, ради стяжанія лавровъ. Нѣтъ, надо какъ-нибудь это дѣло поправить! И вотъ, онъ больше и больше избѣгаетъ собесѣдованій съ маменькой, и чаще и чаще совѣщается съ папашей...

Въ одно прекрасное утро Сережа является домой въ штатскомъ платьѣ. Маменька падаетъ въ обморокъ, восклицая:

— Но я надѣюсь, что ты, по крайней мѣрѣ, будешь камеръ-юнкеромъ!

— Маменька! простите ли вы меня? — умоляетъ онъ, падая на колѣни.

Я знаю, что страданія и неудачи, описанныя въ сейчасъ приведенномъ примѣрѣ, настолько малозначительны, что не могутъ считаться особенно-убѣдительными. Но вѣдь дѣло не въ силѣ страданій, а въ томъ, что они падаютъ на голову неожиданно, что творцомъ ихъ является слѣпой случай, не признающій никакой надобности вникать въ природу воспитываемаго и не встрѣчающій со стороны послѣдняго ни малѣйшаго противодѣйствія.

Гораздо болѣе злостными оказываются послѣдствія, которыя влечетъ за собой „система“. Въ этомъ случаѣ, дѣтская жизнь подтачивается въ самомъ корнѣ, подтачивается безвозвратно и непоправимо,

потому что на помощь системѣ являются мастера своего дѣла,—педагоги, которые служатъ ей не только за страхъ, но и за совѣсть.

Въ согласность ея требованіямъ, они ломаютъ природу ребенка, погружаютъ его душу въ мракъ, и ежели не всегда съ полною откровенностью ратуютъ въ пользу полнаго водворенія невѣжества, то потому, что у нихъ есть подходящее средство обойти эту слишкомъ крайнюю мѣру общественнаго спасенія и замѣнить ее другою, не столь рѣзко возмущающею человѣческую совѣсть, но столь же дѣйствительною. Средство это, какъ я уже сказалъ выше, заключается въ замѣнѣ дѣйствительнаго знанія массою безполезностей, которыми издревле торгуетъ педагогика.

Спрашивается: что могутъ дѣти противопоставить этимъ попыткамъ искалѣчить ихъ жизнь? Увы! подавленныя игомъ фатализма, они не только не даютъ никакого отпора, но сами идутъ на встрѣчу своему злополучію и безропотно принимаютъ удары, сыплющіеся на нихъ со всѣхъ сторонъ. Бѣдныя, злосчастныя дѣти!

И вотъ, погруженныя въ невѣжество, съ полными руками безполезностей, съ единственнымъ идеаломъ въ душѣ: творить судъ и расправу, — они постепенно достигаютъ возмужалости и, наконецъ, являются на арену дѣятельности. Нѣтъ у нихъ мѣрила ни для оцѣнки поступковъ, ни для различенія добра отъ зла. Сердца ихъ поражены преждевременною дряблостью, умы не согрѣты стремленіемъ къ добру и человѣчности; понятіе о Правдѣ отсутствуетъ. Успѣхъ или неуспѣхъ въ уловленіи насущныхъ потребностей минуты—вотъ что становится предметомъ ихъ вожделѣній, вотъ что помогаетъ имъ изо дня въ день влачить безплодную жизнь.

Въ дѣтскомъ возрастѣ „система“ пользовалась невѣдѣніемъ дѣтей, чтобъ довести ихъ умы до ограниченности. Теперь, по мѣрѣ возмужалости, та же система является единственною руководительницею всѣхъ ихъ помысловъ и поступковъ. Покорно слѣдуя указаніямъ дѣтской традиціи, они все глубже и глубже погружаются въ мрачныя извилины случайнаго общественнаго настроенія и становятся послушнымъ орудіемъ его жестокихъ велѣній. Возмужалые, они продолжаютъ оставаться дѣтьми, съ тѣмъ же невѣдѣніемъ, съ тѣмъ же отсутствіемъ силы противодѣйствія, которое могло бы помочь имъ разобраться въ путаницѣ преходящихъ явленій.

Бѣдныя, злополучныя дѣти! вотъ что готовитъ вамъ въ будущемъ

слѣпая случайность, и вотъ тотъ удѣлъ, который общепризнанное мнѣніе называетъ счастливымъ!

Возраженія противъ изложеннаго выше, впрочемъ, очень возможны. Мнѣ скажутъ, напримѣръ, что я обличаю такія явленія, на которыхъ лежитъ обязательная печать фатализма. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, вооружить вѣдѣніемъ дѣтей, коль скоро ихъ возрастъ самою природою осужденъ на невѣдѣніе. Нельзя возложить на нихъ заботу объ устройствѣ будущихъ ихъ судебъ, коль скоро они не обладаютъ необходимымъ для этого умственнымъ развитіемъ.

Все это я отлично знаю и охотно со всѣмъ соглашаюсь. Но и за всѣмъ тѣмъ тщетно стараюсь понять, гдѣ же тутъ элементы, на основаніи которыхъ можно было бы вывести заключеніе о счастливыхъ преимуществахъ дѣтскаго возраста?

Правда, что дѣти не сознаютъ, куда ихъ ведутъ и что̀ съ ними дѣлается, и это освобождаетъ ихъ отъ массы сердечныхъ мукъ, которыя истерзали бы ихъ, если бы они обладали сознательностью. Но что̀ же значитъ это временное облегченіе въ виду тѣхъ угрозъ, которыми чревато ихъ будущее?

Вотъ почему я продолжаю утверждать, что, въ абсолютномъ смыслѣ, нѣтъ возраста болѣе злополучнаго, нежели дѣтскій, и что общепризнанное мнѣніе глубоко заблуждается, поддерживая противное. По моему мнѣнію, это заблужденіе вредное, потому что оно отуманиваетъ общество и мѣшаетъ ему взглянуть трезво на дѣтскій вопросъ.

Затѣмъ, я вовсе не отрицаю существенной помощи, которую можетъ оказать дѣтямъ педагогика, но не могу примириться съ тѣмъ педагогическимъ произволомъ, который, нагромождая систему на систему, ставитъ послѣднія въ зависимость отъ случайныхъ настроеній минуты. Педагогика должна быть прежде всего независимою; ея назначеніе — воспитывать въ нарождающихся отпрыскахъ человѣчества идеалы будущаго, а не подчинять ихъ смутѣ настоящаго. Ибо, повторяю: бываютъ эпохи, когда общество, гонимое паникой, отвращается отъ знанія и ищетъ спасенія въ невѣжествѣ. Ужели подобная задача, поставленная прямо или подъ какимъ бы то ни было прикрытіемъ, можетъ приличествовать педагогикѣ?

VII.—Портретная галерея.—Тетеньки-сестрицы.

Бьетъ четыре часа. Дѣти собрались на балконѣ, выходящемъ на красный дворъ, и вглядываются въ даль по направленію къ церкви и къ длинному-длинному мостовнику, ведущему отъ церкви вплоть до пригорка, на которомъ стоитъ деревенька Ильинка.

Цѣль ихъ пребыванія на балконѣ двоякая. Во-первыхъ, ихъ распустили сегодня раньше обыкновеннаго, потому что завтра, 6-го августа, главный престольный праздникъ въ нашей церкви, и наканунѣ будутъ служить въ домѣ особенно-торжественную всенощную. Въ шесть часовъ изъ церкви, при колокольномъ звонѣ, понесутъ въ домъ мѣстные образа, и хотя до этой минуты еще далеко, но дѣтскія сердца нетерпѣливы, и дѣтямъ уже кажется, что около церкви происходитъ какое-то приготовительное движеніе.

Во-вторыхъ, съ минуты на минуту ждутъ тетенекъ-сестрицъ (прислуга называетъ ихъ „барышнями“), которыя наканунѣ Преображеньева дня пріѣзжаютъ въ Малиновецъ, и съ этихъ поръ гостятъ въ немъ всю зиму, вплоть до конца апрѣля, когда возвращаются въ свое собственное гнѣздо „Уголокъ“, въ тридцати-пяти верстахъ отъ нашей усадьбы. Три подводы съ тетенькинымъ скарбомъ: сундуками, пуховиками, подушками и проч., еще вчера пришли вмѣстѣ съ горничной Лишкой, которая уже приготовила ихъ комнату, разставила въ двухъ кіотахъ образа, выварила клоповъ изъ кроватей и постлала постели.

Дѣйствительно, въ половинѣ пятаго у околицы на выѣздѣ Ильинки, показывается желтая четверомѣстная карета, которую трусцой спускаетъ съ пригорка четверка старыхъ, совсѣмъ бѣлыхъ лошадей. Затѣмъ карета въѣзжаетъ на мостовникъ и медленно ползетъ по немъ до самой церкви.

— Тетеньки! тетеньки!—раздается на балконѣ.

— Барышни ѣдутъ! — откликаются голоса въ дѣвичьей и въ коррридорахъ.

А братъ Степанъ, у котораго въ рукахъ подзорная трубка, слѣдитъ за каретой и сообщаетъ:

— Тетенька Марья Порфирьевна капоръ сняла, чепчикъ надѣваетъ... Смотрите! смотрите! выпула румяна... румянится! Сколько

онѣ пряниковъ, чернослива, изюму везутъ... страсть! А завтра дадутъ намъ по пятачку на пряники... И вдругъ расщедрятся, да по гривеннику... Онѣ по гривеннику да мать по гривеннику... на торгу пряниковъ, рожковъ накупимъ! Смотрите! да никакъ старикъ Силантій на козлахъ... еще не умеръ! Ишь ползутъ старушенціи! Да стегни же ты, старый хрѣнъ, правую-то пристяжную! видишь, совсѣмъ не везетъ!

По обыкновенію, рѣчь Степана не отличается связностью, но онъ безъ умолку продолжаетъ болтать все время, покуда карета ползетъ да ползетъ по мостовнику. Наконецъ она у церкви поворачиваетъ вправо и рысцой катится по направленію къ дому. Дѣти крестятся и спѣшатъ на парадное крыльцо.

Тамъ уже стоитъ старикъ-отецъ и ждетъ сестрицъ. Матушка на крыльцо не выходитъ и встрѣчаетъ сестрицъ въ раскрытыхъ дверяхъ лакейской. Этотъ обрядъ встрѣчи установился съ тѣхъ поръ, какъ власть въ домѣ отъ тетенекъ перешла безраздѣльно къ матушкѣ.

Тетеньки-сестрицы—старушки. Онѣ погодки: одной шестьдесятъ-два, другой шестьдесятъ-три года. Обѣ маленькаго роста. Старшая, Марья Порфирьевна, еще молодится. Она употребляетъ бѣлила и румяна, сурмитъ брови, носитъ бѣлый чепчикъ, изъ-подъ котораго выглядываютъ завитки изъ сырцоваго шолка, и выпавшіе зубы замѣняетъ восковыми. Ходитъ съ прискочкой, кокетничаетъ съ образами, посылая имъ воздушные поцѣлуи, и безпрестанно дуетъ налѣво, отгоняя отъ себя нечистаго. Вообще, это проказливая старуха, которая причиняетъ не мало досады сестрѣ и слыветъ въ семьѣ малоумною. Младшая сестра, Ольга Порфирьевна, смотритъ гораздо солидиѣе и слыветъ умною. Косметиковъ она не употребляетъ, но зубы у нея почти сплошь восковые, и какъ она ими орудуетъ—никто этого понять не можетъ. Молится она истово, какъ слѣдуетъ солидной старушкѣ, и хотя знаетъ, что съ лѣваго бока ее сторожитъ дьяволъ, но, во избѣжаніе соблазна, дуетъ на него лишь тогда, когда предполагаетъ, что никто этого не видитъ. Сверхъ того, она умѣетъ читать и писать, тогда какъ Марья Порфирьевна совершенно безграмотна. Мы называемъ ихъ тетеньками, отецъ и матушка—сестрицами; отсюда общая кличка: тетеньки-сестрицы.

Наконецъ, карета у крыльца. Тетеньки вылѣзаютъ изъ нея и кланяются отцу, касаясь рукой до земли, а отецъ въ это время кре-

стить ихъ; потомъ онѣ ловятъ его руку, а онъ ловитъ ихъ руки, такъ что никакого цѣлованія изъ этого взаимнаго ловленія не выходитъ, а происходитъ клеванье носами, которое кажется намъ, дѣтямъ, очень смѣшнымъ. Потомъ тетеньки цѣлуютъ всѣхъ насъ и торопливо суютъ намъ въ руки по прянику.

— Откушать! съ дорожки!—предлагаетъ отецъ, очень хорошо зная, что кушанье давно убрано и снесено на погребъ.

— И, братецъ! сытёхоньки! У Рождества кормили — такъ на постояломъ людскихъ щецъ похлебали!—отвѣчаетъ Ольга Порфирьевна, которая тоже отлично понимаетъ (церемонія эта, въ одномъ и томъ же видѣ, повторяется каждый годъ), что еслибы она и приняла братнино предложеніе, то изъ этого ничего бы не вышло.

Сестрицы, въ сопровожденіи отца, поднимаются по лѣстницѣ, блѣднѣя при одной мысли о предстоящей встрѣчѣ съ матушкой. И дѣйствительно, забѣжавъ впередъ, мы довольно явственно слышимъ, какъ послѣдняя сквозь зубы, но довольно внятно произноситъ:

— Притащились... дармоѣдки!

Происходитъ обрядъ цѣлованія, который заключается въ томъ, что обѣ стороны въ молчаніи прикладываются другъ къ другу щеками.

Затѣмъ матушка отходитъ къ сторонѣ и пропускаетъ тетенекъ, которыя взбираются по крутой и темной лѣстницѣ наверхъ въ мезонинъ, гдѣ находится отведенная имъ комната. За ними слѣдуетъ ихъ неизмѣнная спутница Аннушка, старая, старая дѣвушка, которая самихъ тетенекъ зазнала еще дѣтьми.

Комната тетенекъ, такъ-называемая боковушка, объ одно окно, узкая и длинная какъ корридоръ. Даже лѣтомъ въ ней царствуетъ постоянный полумракъ. По обѣимъ сторонамъ окна поставлены кіоты съ образами и висящими передъ ними лампадами. Нѣсколько поодаль, у стѣны, стоятъ двѣ кровати, другъ къ другу изголовьями; еще поодаль—большая изразцовая печка; за печкой, на пространствѣ полутора аршинъ, у самой двери, ютится Аннушка съ своимъ сундукомъ, войлокомъ для спанья и затрапезной, плоской, какъ блинъ, и отливающей глянцемъ подушкой.

Черезъ нѣсколько минутъ тетеньки-сестрицы уже вступаютъ во владѣніе своимъ помѣщеніемъ и сейчасъ же запираютъ дверь на крючокъ. Имъ нужно отдохнуть съ полчаса, чтобы потомъ, прибравшись и прибодрившись, идти на встрѣчу образамъ.

Оставлю однакожъ на время тетенекъ, чтобы дать короткое описаніе, какъ праздновался нашъ престольный праздникъ.

Дѣти опять скучились на балконѣ и на этотъ разъ убѣждаются, что около церкви дѣйствительно происходитъ движеніе. Вотъ прошелъ дьячокъ и громаднымъ ключомъ отперъ церковную дверь. Слѣдомъ за нимъ прошелъ пономарь и церковный староста, сопровождаемый нѣсколькими мужичками съ села. Всѣ они понесутъ образа и будутъ присутствовать въ „горницѣ“ при всенощной. Около шести часовъ проходитъ въ церковь священникъ, и изъ церкви выбѣгаетъ пономарь и становится у веревки, протянутой къ языку главнаго колокола. Колоколъ этотъ вѣситъ всего десять пудовъ, и сколько отецъ ни настаиваетъ, чтобы купили новый, но матушка, подъ всякими предлогами, уклоняется отъ исполненія его желанія. Точно также остаются невыполненными просьбы отца, чтобы обѣдня въ престольный праздникъ служилась соборне, или, по крайней мѣрѣ, хоть приглашали бы дьякона. Вообще матушка не любитъ отцовской усадьбы, и нерѣдко мечтаетъ, что, со смертью мужа, устроитъ себѣ новое гнѣздо въ одномъ изъ собственныхъ имѣній. Ровно въ шесть часовъ, по знаку изъ дома, ударяетъ нашъ жалкій колоколъ; у церковной ограды появляется толпа народа; раздается трезвонъ, и вслѣдъ за нимъ въ дверяхъ церкви показывается процессія съ образами, предшествуемая священникомъ въ облаченіи.

Всенощная идетъ въ образной комнатѣ и длится болѣе часа; за всенощной слѣдуетъ молебенъ съ водосвятіемъ и тремя-четырьмя акаѳистами, тоже продолжительный, такъ что все вмѣстѣ кончается, когда уже на землю спустились сумерки. Въ образной слушаютъ всенощную господа, въ сосѣдней комнатѣ и въ дѣвичьей—дворовые; въ палисадникѣ прислушивается къ богослуженію большая толпа, преимущественно ребятишки, которымъ не нашлось мѣста въ горницѣ. Всѣ молятся съ особеннымъ усердіемъ, потому что завтра—главный престольный праздникъ, котораго ждутъ цѣлый годъ. При пѣніи праздничнаго тропаря, отецъ становится на колѣни и кладетъ земные поклоны; за нимъ, съ шумомъ, то же самое дѣлаетъ и прочій молящійся людъ.

Наконецъ отошелъ и молебенъ. Процессія съ образами тѣмъ же порядкомъ обратно направляется въ церковь. Комнаты наполнены кадильнымъ дымомъ: молящіеся расходятся безшумно; чай и вслѣдъ

за нимъ ужинъ проходятъ въ той спеціальной тишинѣ, которая обыкновенно предшествуетъ большому празднику, а часовъ съ десяти огни вездѣ потушены, и только въ господскихъ спальняхъ да въ образной тускло мерцаютъ лампады.

Въ день праздника, съ ранняго утра свѣтитъ солнышко, но въ воздухѣ ужъ начинаетъ чувствоваться приближеніе осени. Въ домѣ поднимается обычная праздничная суматоха. Прихорашиваются, чистятся. Дѣти встали спозаранку и стоятъ у оконъ въ праздничныхъ казакинчикахъ и бѣлыхъ панталонцахъ. Сѣнныя дѣвушки, въ новыхъ холстинковыхъ платьяхъ, наполняютъ шумомъ и вѣтромъ дѣвичью и корридоръ; мужская прислуга, въ синихъ суконныхъ сюртукахъ, съ бѣлыми платками на шеяхъ, ждетъ въ лакейской удара колокола; два лакея въ ливреяхъ стоятъ у входныхъ дверей, выжидая появленія господъ. Чаю въ этотъ день до обѣдни не пьютъ даже дѣти, и такъ какъ всѣ приказанія отданы еще наканунѣ, то дѣлать рѣшительно нечего.

Отецъ, въ длиннополомъ сюртукѣ аглицкаго сукна, въ бѣломъ шейномъ платкѣ и въ козловыхъ сапогахъ, безпокойно бродитъ взадъ и впередъ по корридору, покрикивая: „бѣгите на конную! лошадей! проворнѣе!“ Даже матушка прифрантилась; на ней надѣтъ коричневый казимировый капотъ, обшитый домашними кружевами; на голову накинута тюлевая вышитая косынка. Въ этомъ нарядѣ она и теперь еще хоть куда. Она стоитъ, въ ожиданіи экипажа, въ комнатѣ, смежной съ спальней, и смотритъ въ окно на раскинутые передъ церковью бѣлые шатры съ разнымъ крестьянскимъ лакомствомъ и на вереницу разряженныхъ богомольцевъ, которая тянется мимо дома по дорогѣ въ церковь.

— Никакъ Архипъ-то съ утра пьянъ?—обращается она къ ключницѣ, которая на всякій случай стоитъ возлѣ нея:—смотри, какія мыслете выдѣлываетъ!

— И то пьянъ!—подтверждаетъ ключница.

— Ну, теперь пойдутъ сряду три дня деботирствовать! того и гляди, деревню сожгутъ! И зачѣмъ только эти праздники сдѣланы! Ты смотри у меня! чтобъ во дворѣ было спокойно! по очереди „гулять“ отпускай: сперва одну очередь, потомъ другую, а наконецъ и остальныхъ. Будетъ съ нихъ и по одному дню... налопаются винища! Да дѣвки чтобы отнюдь пьяныя не возвращались!

Матушка волнуется, потому что въ престольный праздникъ она чувствуетъ себя безсильною. Сряду три дня идетъ по деревнямъ гульба, въ которой принимаетъ дѣятельное участіе самъ староста Ѳедотъ. Онъ не является по вечерамъ за приказаніями, хотя матушка машинально всякій день спрашиваетъ, пришелъ ли Ѳедоткапьяница, и всякій разъ получаетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что староста „не годится“. А между тѣмъ овсы еще на половину несжатые въ полѣ стоятъ,—того гляди, сыпаться начнутъ; сѣнокосъ тоже не весь убранъ...

— Вотъ ужъ подлинно наказанье!—ропщетъ она:—нынь вѣдь, и погода, какъ нарочно, сухая да свѣтлая — жать бы да жать! И кому это вздумалось на Спасъ-Преображенье престольный праздникъ назначить! Ну что бы на Рождество Богородицы или на Покровъ! Любёхонько бы.

Наконецъ раздается первый ударъ колокола, и къ крыльцу подъѣзжаетъ старая-старая долгуша-трясучка, влекомая маленькой саврасовой лошадкой, у которой верхняя губа побѣлѣла отъ старости. Это экипажъ отца, который и усаживается въ немъ вмѣстѣ съ сестрицами, поспѣшая къ „Часамъ“. Вскорѣ послѣ этого, бѣшеная шестерня караковыхъ жеребцовъ мчитъ къ тому же крыльцу четверомѣстную коляску, въ которую, съ первымъ ударомъ трезвона, садится матушка съ дѣтьми и съ двумя ливрейными лакеями на запяткахъ. Пристяжные завиваются, дышловыя грызутся и гогочутъ, едва сдерживаемые сильною рукою кучера Алемпія; матушка труситъ и крестится, но не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи проѣхаться въ этотъ день на стоялыхъ жеребцахъ, которые въ одинъ мигъ домчатъ ее до церкви.

Утро проходитъ томительно. Прежде всего происходитъ обрядъ поздравленія. Въ лакейской собралась домашняя мужская прислуга и именитѣйшіе изъ дворовыхъ. Отецъ, съ полштофомъ въ одной рукѣ и рюмкой въ другой, принимаетъ поздравленія и по очереди подноситъ по рюмкѣ водки поздравляющимъ. Это одинъ изъ укоренившихся дѣдовскихъ обычаевъ, который матушка давно старается упразднить, но безуспѣшно. Въ дѣвичьей стоитъ самоваръ и дѣвушекъ поятъ чаемъ. Потомъ пьютъ чай сами господа (а въ томъ числѣ и тетеньки, которымъ въ другіе дни посылаютъ чай „на верхъ“), и въ это же время дѣтей надѣляютъ деньгами: матушка каждому даетъ по гри-

веннику, тетеньки — по свѣтленькому пятачку. Около полудня приходятъ „попы“, и происходитъ славленіе, послѣ котораго подается та самая поповская закуска, о которой упоминалось уже въ одной изъ первыхъ главъ. Изрѣдка пріѣзжаетъ къ престольному празднику кто-нибудь изъ сосѣдей, но матушка, вообще не отличающаяся гостепріимствомъ, въ этотъ день просто ненавидитъ гостей и говоритъ про нихъ: „гость не во-время хуже татарина“.

Въ особенности тоскливо дѣтямъ. Имъ надоѣло даже смотрѣть на бѣлѣющіе передъ церковью шатры и на снующую около нихъ толпу крестьянскихъ дѣвушекъ и парней. Они уходятъ до обѣда въ садъ, но въ праздничныхъ костюмчикахъ имъ и порѣзвиться нельзя, потому что, того гляди, упадешь и измараешь „хорошее“ платье. Поэтому они ходятъ чинно, избѣгая всякаго шума, чтобы неосторожнымъ движеніемъ не навлечь на себя гнѣва пристально слѣдящей за ними гувернантки и не лишиться послѣобѣденнаго гулянья. Послѣднее случается, впрочемъ, довольно рѣдко, потому что и гувернантка въ такой большой праздникъ признаетъ для себя обязательнымъ быть снисходительной.

Наконецъ отошелъ и обѣдъ. Въ этотъ день онъ готовится въ изобиліи и изъ свѣжей провизіи, и хотя матушка, по обыкновенію, сама накладываетъ кушанье на тарелки дѣтей, но на этотъ разъ одѣляетъ всѣхъ по ровну, такъ что дѣти *всѣ* сыты. Шумно встаютъ они, по окончаніи обѣда, изъ-за стола и хоть сейчасъ готовы бѣжать, чтобы растратить на торгу подаренные имъ капиталы, но и тутъ приходится ждать маменькина позволенія, а иногда она довольно долго не догадывается дать его.

Но вотъ вожделѣнный мигъ насталъ, и дѣти чинно, не смѣя прибавить шагу, идутъ къ церкви, сопровождаемыя въ догонку наставленіями матушки:

— Смотрите же, не пачкайте платьицевъ!—да къ шести часамъ чтобъ быть домой!

У шатровъ толпится народъ. Въ двухъ изъ нихъ разложены лакомства, въ третьемъ идетъ торгъ ситцами, платками, нитками, иголками и т. д. Мы направляемся прямо къ шатру стараго Агея, который изстари посѣщаетъ нашъ праздникъ и охотно намъ уступаетъ, зная, что дома не очень-то насъ балуютъ.

Главныя лакомства: мятый, мокрый черносливъ, бѣлый изюмъ,

тоже мятый и влажный, пряники медовые, изображающіе лошадей, коровъ и пѣтуховъ, съ налѣпленнымъ по мѣстамъ сусальнымъ золотомъ, цареградскіе рожки, орѣхи, изобилующіе свищами, мелкій крыжовникъ, который щелкаетъ на зубахъ, и т. д. Мы съ жадностью набрасываемся на сласти, и такъ какъ насъ пятеро, и въ совокупности мы обладаемъ довольно значительною суммою, то въ теченіе пяти минутъ въ нашихъ рукахъ оказывается масса всякой всячины. Съ какою жадностью мы пожирали эту всякую всячину! — теперь, при одномъ воспоминаніи о томъ, что̀ проскакивало въ этотъ знаменательный день въ мой желудокъ, мнѣ становится не по себѣ.

Въ село насъ гулять въ этотъ день не пускаютъ — боятся, чтобы картины мужицкой гульбы не повліяли вредно на дѣтскія сердца. Но до насъ доносятся пѣсни, и издали мы видимъ, какъ по улицѣ разряженные дѣвушки и парни водятъ хороводы, а мальчишки играютъ въ бабки. Мы сравниваемъ наше подневольное житье съ временною свободою, которою пользуется гуляющее простонародье, и завидуемъ. Во всякомъ случаѣ, мы не понимаемъ, почему насъ не пускаютъ въ село. Не для того, разумѣется, мы рвемся туда, чтобы участвовать въ крестьянскихъ увеселеніяхъ—упаси Боже Затрапезныхъ отъ такого общенія!—а просто хоть посмотрѣть.

Настоящая гульба, впрочемъ, идетъ не на улицѣ, а въ избахъ, гдѣ не сходитъ со столовъ всякаго рода угощеніе, подкрѣпляемое водкой и домашней брагой. Въ особенности чествуютъ старосту Ѳедота, котораго подъ руки, совсѣмъ пьянаго, водятъ изъ дома въ домъ. Вообще, всѣ поголовно пьяны; даже пастухъ распустилъ сельское стадо, которое забрело на господскій красный дворъ, и конюха то-и-дѣло убираютъ скотину на конный дворъ.

Вечеромъ матушка сидитъ запершись въ своей комнатѣ. Съ села доносится до нея густой гулъ, и она боится выйти, зная, что не въ силахъ будетъ поручиться за себя. Отпущенныя на праздникъ дѣвушки постепенно возвращаются домой... веселыя. Но ихъ сейчасъ же убираютъ по чуланамъ и укладываютъ спать. Матушка чутьемъ угадываетъ эту процедуру—и, ой-ой, какъ колотится у нея въ груди всевластное помѣщичье сердце!

Наконецъ, часамъ къ одиннадцати ночи, гулъ смолкаетъ, и матушка посылаетъ на село посмотрѣть, вездѣ ли потушены огни. По

полученіи извѣстія, что все въ порядкѣ, что было столько-то дракъ, но никто не изувѣченъ, она, измученная, кидается въ постель.

Первый день праздника кончился; завтра гульба возобновится, но уже по деревнямъ. По крайней мѣрѣ, хоть за глазами, и барское сердце будетъ меньше болѣть.

Извиняюсь передъ читателемъ за длинное отступленіе и возвращаюсь къ тетенькамъ-сестрицамъ.

Онѣ были старше отца и до самой его женитьбы жили вмѣстѣ съ нимъ, пользуясь въ Малиновцѣ правами полныхъ хозяекъ. Хотя Марья Порфирьевна имѣла собственную усадьбу „Уголокъ“, въ тридцати-пяти верстахъ отъ насъ, но домъ въ ней былъ такъ неуютенъ и ветхъ, что жить тамъ, въ особенности зимой, было совсѣмъ невозможно. Во всякомъ случаѣ, имѣніе отца и обѣихъ сестеръ составляло нѣчто нераздѣльное, находившееся подъ общимъ управленіемъ, какъ было при дѣдушкѣ Порфирьѣ Григорьичѣ. Доходы — впрочемъ, очень ограниченные — со всѣхъ имѣній получалъ отецъ, выдавая сестрицамъ по малости на самое необходимое. Братъ и сестры жили дружно; послѣднія даже благоговѣли передъ младшимъ братомъ и здоровались съ нимъ не иначе, какъ кланяясь до земли и цѣлуя его руку.

У Ольги Порфирьевны никогда не было жениховъ, и вообще за нею не числилось никакихъ амурныхъ исторій. Она была дурна собой и росла строго, какъ бы заранѣе осудивъ себя на всегдашнее дѣвство. Что касается до Марьи Порфирьевны, то она была миловиднѣе сестры, и, кажется, молодость ея прошла не столь безмятежно, какъ сестрина. По крайней мѣрѣ, матушка, отъ времени до времени, желая особенно больно кольнуть сестрицъ, приномнила *при всѣхъ* про какого-то драгунскаго офицера. Старушки при этомъ блѣдиѣли, а Марья Порфирьевна потихоньку произносила: „тьфу! тьфу!“ — словно отрицаясь отъ наваожденія. Даже старикъ-отецъ не выдерживалъ и выговаривалъ матушкѣ:

— И какъ тебѣ, сударыня, не стыдно!

Теперь, когда Марья Порфирьевна перешагнула уже за вторую половину седьмого десятилѣтія жизни, конечно, не могло быть рѣчи о драгунскихъ офицерахъ, но даже мы, дѣти, знали, что у старушки

надъ самымъ изголовьемъ постели висѣлъ образокъ Іосифа Прекраснаго, которому она особенно усердно молилась, и въ память котораго, 31-го марта, одѣвалась въ бѣлое каленкоровое платье и тщательнѣе, нежели въ обыкновенные дни, взбивала свои, сырцеваго шолка, кудри.

Такимъ образомъ спокойно и властно поживали тетеньки въ Малиновцѣ, какъ вдругъ отецъ, уже будучи сорока лѣтъ, вздумалъ жениться. Съ тѣхъ поръ значеніе сестеръ начало быстро падать. Хотя матушкѣ было только пятнадцать лѣтъ, когда она вышла замужъ, но молодость какъ-то необыкновенно скоро соскочила съ нея. Ходило въ семьѣ преданіе, что по началу она была веселая и разбитная молодка, называла горничныхъ подружками, любила играть съ ними пѣсни, побѣгать въ горѣлки и ходить веселой гурьбой въ лѣсъ по ягоды. Часто ѣздила въ гости и къ себѣ зазывала гостей и вообще не отказывала себѣ въ удовольствіяхъ. Очень возможно, что она и навсегда удержалась бы на этой стезѣ, еслибъ не золовки. Опѣ съ самаго начала вознамѣрились сдѣлать изъ нея нѣчто въ родѣ семейной потѣхи и всячески язвили ее колкостями, въ особенности допекая по поводу недоданнаго приданаго. Однакоже, отецъ, какъ человѣкъ слабохарактерный, не поддержалъ ихъ. На первыхъ порахъ онъ даже держалъ сторону молодой жены и защищалъ ее отъ золовокъ, и какъ ни коротко было время ихъ супружескаго согласія, но этого было достаточно, чтобы матушка рѣшилась дать золовкамъ серьезный отпоръ.

Года черезъ четыре послѣ свадьбы, въ ея жизни совершился крутой переворотъ. Изъ молодухи она какъ-то внезапно сдѣлалась „барыней“, перестала звать сѣнныхъ дѣвушекъ подруженьками, и слово „дѣвка“ впервые слетѣло съ ея языка, слетѣло самоувѣренно, грозно и безповоротно.

Борьба съ золовками началась, разумѣется, съ тѣхъ пустяковъ, которыми такъ богатъ инзменный домашній бытъ. Въ одно прекрасное утро матушка призвала къ себѣ повара и сама заказала ему обѣдъ, такъ что когда сестрица Ольга Порфирьевна узнала объ этомъ, то совершившійся фактъ уже былъ налицо. За обѣдомъ матушка сама разливала супъ, что тоже до тѣхъ поръ составляло одну изъ прерогативъ Ольги Порфирьевны. Послѣдняя угадала, что это только первые уколы, за которыми послѣдуютъ и другіе. И точно: вечеромъ,

матушка въ первый разъ принимала старосту, выслушивала его докладъ и отдавала приказанія.

— Да что ты, мать моя, бѣлены, что-ли, объѣлась!—не выдержала Ольга Порфирьевна.

А тетенька Марья Порфирьевна, не понимая, что въ домѣ произошло нѣчто весьма серьезное, хохотала и дразнилась:

— Ахъ, купчиха! ахъ, богатѣя! Покажи-ка сундуки, въ которыхъ приданое изъ Москвы привезла!

— Можетъ, другой кто бѣлены объѣлся,—спокойно отвѣтила матушка Ольгѣ Порфирьевнѣ:—только я знаю, что я здѣсь хозяйка, а не нахлѣбница. У васъ есть „Уголокъ“, въ которомъ вы и можете хозяйничать. Я у васъ не гащивала и куска вашего не ѣдала, а вы, по моей милости, здѣсь круглый годъ сыты. Поэтому, ежели желаете и впередъ жить у брата, то живите смирно. А вашихъ словъ, Марья Порфирьевна, я не забуду...

Этимъ сразу старинные порядки были покончены. Тетеньки пошептались съ братцемъ, но безъ успѣха. Всѣ дворовые почувствовали, что надъ ними тяготѣетъ не прежняя сутолока, а настоящая хозяйская рука, покамѣстъ молодая и неопытная, но обѣщающая въ будущемъ распорядокъ и властность. И хотя молодая „барыня“ еще продолжала играть пѣсни съ дѣвушками, но забава эта повторялась все рѣже и рѣже, а наконецъ дѣвичья совсѣмъ смолкла, и веселыя игры замѣнились цѣлодневнымъ вышиваніемъ въ пяльцахъ и перебираніемъ коклюшекъ.

Тетеньки, однакожъ, серьезно обидѣлись, и на другой же день въ „Уголокъ“ былъ посланъ нарочный съ приказаніемъ приготовить что нужно для пріятія хозяекъ. А черезъ недѣлю ихъ уже не стало въ нашемъ домѣ.

Проводы, разумѣется, были самые родственные. Всѣ домочадцы высыпали на крыльцо; сестрицы честь-честью перецѣловались, братецъ перекрестилъ отъѣзжавшихъ и сказалъ: „напрасно!“, а сестрицѣ Марьѣ Порфирьевнѣ даже пригрозилъ, вымолвивъ: „это все ты, смутьянка!“ Затѣмъ желтый рыдванъ покатился.

Увы! сестрицы не обладали даромъ предвидѣнія. Онѣ уѣзжали, когда лѣто было въ самомъ разгарѣ, и забыли, что осенью и зимой „Уголокъ“ представляетъ очень плохую защиту отъ стужи и непогодъ.

Дѣйствительно, не успѣлъ наступить сентябрь, какъ отъ Ольги Порфирьевны пришло къ отцу покаянное письмо съ просьбою пустить на зиму въ Малиновецъ. Къ этому времени матушка настолько уже властвовала въ домѣ, что отецъ не рѣшился отвѣчать безъ ея согласія.

— Пустишь, что-ли, сударыня?—спросилъ онъ нерѣшительно.

— Пускай живутъ! Отведу имъ наверху боковушку—тамъ и будутъ зиму зимовать,—отвѣтила матушка.—Только, чуръ, ни въ какія распоряженія не вмѣшиваться, а съ мая мѣсяца чтобъ на все лѣто отправлялись въ свой „Уголокъ“. Не хочу я ихъ видѣть лѣтомъ —мѣшаютъ. Прыгаютъ, егозятъ, въ хозяйствѣ ничего не смыслятъ. А я хочу, чтобъ у насъ все въ порядкѣ было. Что мы получали, покуда сестрицы твои хозяйничали? грошъ мѣдный! А я хочу...

Матушка уже начинала мечтать. Въ ея молодой головѣ толпились хозяйственные планы, которые должны были установить экономическое положеніе Малиновца на прочномъ основаніи. Къ тому же, у ней въ это время уже было двое дѣтей, и надо было подумать о нихъ. Разумѣется, въ основѣ ея плановъ лежала та же рутина, какъ и въ прочихъ сосѣднихъ хозяйствахъ, но ничего другого и перенять было неоткуда. Она желала добиться хоть одного: чтобы въ хозяйствѣ существовалъ вѣсъ, счетъ и мѣра.

Въ этомъ отношеніи малиновецкая экономія представляла верхъ безпорядочности. Зерно безъ мѣры принималось съ гумна и безъ мѣры же ссыпалось въ амбары.

— Никто не украдетъ! всѣ будутъ сыты!—говорили сестрицы и докладывали братцу, что молотьба кончилась, и сусѣки, слава Богу, до верху полны зерномъ.

Очень возможно, что дѣйствительно воровства не существовало, но всякій бралъ безъ счета, сколько нужно или сколько хотѣлъ. Особенно одолѣвали дворовые, которые плодились какъ грибы, и всѣ, за исключеніемъ одиночекъ, состояли на мѣсячинѣ. Къ концу года оставалась въ амбарахъ самая малость, которую почти задаромъ продавали мѣстнымъ прасоламъ, такъ что деньги считались въ домѣ рѣдкостью.

Въ такомъ же безпорядочномъ видѣ велось хозяйство и на конномъ и скотномъ дворахъ. Несмотря на изобиліе сѣнокосовъ, сѣна почти никогда недоставало, и къ веснѣ скотина выгонялась въ поле чуть живая. Молочнаго хозяйства и въ заводѣ не было. Каждое

утро посылали на скотную за молокомъ для господъ, и были вполнѣ довольны, если круглый годъ хватало достаточно масла на столъ. Это было счастливое время, о которомъ впослѣдствіи долго вздыхала дворня.

Матушка во всѣхъ отрасляхъ хозяйства ввела мѣру, вѣсъ и счетъ.

Она самолично простаивала цѣлые дни при молотьбѣ и вѣяніи и заставляла при себѣ мѣрять вывѣянное зерно и при себѣ же мѣрою ссыпать въ амбары. Кромѣ того, завела книгу, въ которую записывала приходъ и расходъ, и раза два въ годъ провѣряла наличность. Она уже не говорила, что у нея сусѣки наполнены вéрхомъ, а прямо заявляла, что умолотъ далъ столько-то четвертей, изъ которыхъ, по ея соображеніямъ, столько-то должно поступить въ продажу.

Затѣмъ она обратила вниманіе на мѣсячину. Сразу уничтожить ее она не рѣшалась, такъ какъ обычай этотъ существовалъ повсемѣстно, но сдѣлала въ ней очень значительныя сокращенія. Самое главное сокращеніе заключалось въ томъ, что нѣкоторыя дворовыя семьи держали на барскомъ корму по двѣ и по три коровы и по нѣскольку овецъ, и она сразу сократила число первыхъ до одной, а число послѣднихъ до пары, а лишнихъ, безъ дальнихъ разговоровъ, взяла на господскій скотный дворъ.

Словомъ сказать, вездѣ завелись новые и дотолѣ неслыханные порядки. Дворня до того была поражена, что въ теченіе двухъ-трехъ дней чувствовалось между дворовыми нѣчто въ родѣ волненія. Самъ отецъ не одобрялъ этихъ новшествъ. Онъ привыкъ, чтобы кругомъ было тихо и смирно, чтобы никто не жаловался и не роптать, а теперь пошли ежедневныя судбища, разбирательства, учеты. Въ особенности же сѣтовалъ онъ на то, что матушка смѣнила прежнихъ старосту и ключницу. Онъ даже попробовалъ заступиться за нихъ, но, по обыкновенію, сдѣлалъ это нерѣшительно и вяло, такъ что молодой хозяйкѣ почти не стоило никакого труда устоять на своемъ.

Въ результатѣ этихъ усилій оказалось, что года черезъ два Малиновецъ уже началъ давать доходъ.

Но годы шли, и вмѣстѣ съ ними росла наша семья.

Послѣ двѣнадцати лѣтъ брака, во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, она уже считала восемь человѣкъ дѣтей (я только-что родился), и матушка начала серьезно задумываться, какъ ей справиться съ

этой оравой. Въ домѣ завелись гувернантки; старшей сестрѣ уже минуло одиннадцать лѣтъ, старшему брату — десять; надо было везти ихъ въ Москву, помѣстить въ казенныя заведенія и воспитывать на свой счетъ. Въ предвидѣніи этого и чтобы получить возможность сводить концы съ концами, матушка съ каждымъ годомъ больше и больше расширяла хозяйство въ Малиновцѣ, поднимала новыя пашни, расчищала луга, словомъ сказать, извлекала изъ крѣпостного труда все, что онъ могъ дать. Но вѣдь и крѣпостной трудъ не безконечно растяжимъ, и триста-шестьдесятъ душъ отцовскихъ все-таки оставались тѣми же триста-шестидесятью душами, сколько ни налегали на нихъ.

Какъ бы то ни было, но съ этихъ поръ матушкой овладѣла та страсть къ скопидомству, которая не покинула ее даже впослѣдствіи, когда наша семья могла считать себя уже вполнѣ обезпеченною. Благодаря этой страсти, всѣ куски были на-счету, всѣ лишніе рты сдѣлались ненавистными. Въ особенности возненавидѣла она тетенекъ-сестрицъ, видя въ нихъ нѣчто въ родѣ хронической язвы, подтачивавшей благосостояніе семьи.

Тетеньки окончательно примолкли. По установившемуся обычаю, онѣ появлялись въ Малиновцѣ наканунѣ преображеньяго дня и исчезали въ „Уголокъ“ въ концѣ апрѣля, какъ только сливали рѣки и устанавливался мало-мальскій сносный путь. Но и тамъ, и тутъ, существованіе ихъ было самое жалкое.

Господскій домъ въ „Уголкѣ“ почти совсѣмъ развалился, а средствъ поправить его не было. Крыша протекала; стѣны въ комнатахъ были испещрены слѣдами водяныхъ потоковъ; половицы колебались; изъ оконъ и даже изъ стѣнъ проникалъ вѣтеръ. Владѣльцы никогда прежде не заглядывали въ усадьбу; имъ и въ голову не приходило, что онѣ будутъ вынуждены жить въ такой руинѣ, какъ вдругъ ихъ постигла невзгода.

Хозяйство въ „Уголкѣ“ велось такъ же безпорядочно, какъ и въ Малиновцѣ во время ихъ управленія. а съ прибытіемъ владѣльцъ элементъ безалаберности еще болѣе усилился.

Онѣ были не только лишены всякаго хозяйственнаго смысла, но, сверхъ того, были чудихи и отличались тою назойливостью. которая даже самыхъ усердныхъ слугъ выводила изъ терпѣнія. Въ особенности проказлива была Марья Порфирьевна, которой собственно и принадлежалъ „Уголокъ“.

Переѣзжая на лѣто къ себѣ, она чувствовала себя свободною и какъ бы спѣшила вознаградить себя за тѣ стѣсненія, которыя преслѣдовали ее во время зимы. Цѣлые дни она придумывала проказу за проказой. То мазала жеваннымъ хлѣбомъ кресты на стѣнахъ и окнахъ, то выбирала что ни на есть еле-живую половицу и скакала по ней, рискуя провалиться, то ставила среди комнаты аналой и ходила вокругъ него съ зажженной свѣчей, воображая себя невѣстой и посылая воздушные поцѣлуи Іосифу Прекрасному. Однажды даже нарисовала углемъ усы благовѣрной княгинѣ Ольгѣ, а преподобному Нестору вывела на лбу рога. И сестра, и прислуга неотступно слѣдила за нею, опасаясь, чтобы она не сожгла усадьбы, или чтобъ съ ней самой чего-нибудь не случилось.

Имѣньице было крохотное, всего сорокъ душъ, но сестрицы и эту ограниченную хозяйственную силу не стѣснялись сокращать почти на половину. Въ самую страдную пору онѣ разсылали нѣшкомъ крестьянъ по церквамъ и монастырямъ съ кутьею и поминальными книжками, или съ подводами, нагруженными провизіей, которая предназначалась разнымъ богомоламъ, пользовавшимся ихъ почитаніемъ. По временамъ, прослышавъ, что въ такомъ-то городѣ или селѣ (хотя бы даже за сто и болѣе верстъ) долженъ быть крестный ходъ, или принесутъ икону, онѣ собирались и сами на богомолье. Закладывалась извѣстная всему околотку желтая карета, и сестры на недѣлю и на двѣ пропадали, переѣзжая съ богомолья на богомолье. Эти поѣздки могли бы, въ хозяйственномъ смыслѣ, считаться полезными, потому что хоть въ это время можно было бы управиться съ работами, но своеобычныя старухи и заочно не угомонялись, безпрерывно требуя присылки подводъ съ провизіей, такъ что, не будучи въ собственномъ смыслѣ слова жестокими, онѣ до такой степени въ короткое время изнурили крестьянъ, что послѣдніе считались самыми бѣдными въ цѣломъ уѣздѣ.

Ни отецъ, ни матушка, въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, никогда не заглядывали въ „Уголокъ“. Матушка любила и поѣсть, и попить въ людяхъ, а сестрицамъ угощать было печѣмъ. Благодаря своей безалаберности, онѣ сами жили впроголодь, питаясь молокомъ, ягодами и хлѣбомъ, и еслибъ не возможность прожить зиму въ Малиновцѣ, то неизвѣстно, какъ бы онѣ извернулись. Къ счастью, у Ольги Порфирьевны были двѣ дальнія деревушки, около тридцати

душъ, которыя платили небольшой оброкъ. Эта ничтожная сумма, размѣненная на двугривенные и пятиалтынные, и выручала ихъ.

Зиму онѣ проводили въ Малиновцѣ, въ полномъ смыслѣ слова, затворницами. Однажды вступивъ во владѣніе „боковушкой“, онѣ выходили изъ нея только къ обѣду да въ праздники къ обѣднѣ. Въ мезонинѣ у насъ никто не жилъ, кромѣ сестрицъ, да еще дѣтей, которыя приходили въ свои дѣтскія только для спанья. Прочія комнаты стояли пустыя и раздѣлялись на двѣ половины длиннымъ темнымъ корридоромъ, въ который вела снизу крутая темная лѣстница. Днемъ у всѣхъ было своего дѣла по горло, и потому наверхъ рѣдко кто ходилъ, такъ что къ темнотѣ, наполнявшей корридоръ, присоединялась еще удручающая тишина. Малѣйшій шорохъ заставлялъ сестрицъ вздрагивать и посылать Аннушку поглядѣть, нѣтъ ли кого. Но въ особенности ихъ пугало, что корридоръ обоими концами упирался въ чердаки, которые, какъ извѣстно, составляютъ любимое мѣстопребываніе нечистой силы. Марья Порфирьевна пыталась ограждать себя отъ послѣдней тѣмъ, что мазала на дверяхъ чердаковъ кресты, но матушка, узнавъ объ этомъ, приказала вымыть двери и пригрозила сестрицамъ выпроводить ихъ изъ Малиновца.

Съ утра до вечера онѣ сидѣли одинѣ въ своемъ заключеніи. У Ольги Порфирьевны хоть занятіе было. Она умѣла вышивать шелками и дѣлала изъ разноцвѣтной фольги нѣчто въ родѣ окладовъ къ образамъ. Но Марья Порфирьевна ничего не умѣла и занималась только тѣмъ, что бѣгала взадъ и впередъ по длинной комнатѣ, производя искусственный вѣтеръ и намѣренно мѣшая сестрѣ работать.

Кормили тетенекъ болѣе чѣмъ скупо. Утромъ посылали наверхъ по чашкѣ холоднаго чаю безъ сахара, съ тоненькимъ ломтикомъ бѣлаго хлѣба; за обѣдомъ имъ первымъ подавали кушанье, предоставляя *право* выбирать самые худые куски. Помню, какъ робко онѣ входили въ столовую за четверть часа до обѣда, чтобы не заставить ждать себя, и становились къ окну. Когда появлялась матушка, онѣ приближались къ ней, но она почти всегда съ безпощадною жестокостью отвѣчала имъ, говоря:

— Ну, еще цѣловаться вздумали! не Богъ знаетъ сколько времени не видались!

Въ теченіе всего обѣда онѣ сидѣли, потупивъ глаза въ тарелки,

и безмолвствовали. Ѣли только супъ и пирожное, такъ какъ остальное кушанье было не по зубамъ.

Присутствіе матушки приводило ихъ въ оцѣпенѣніе, и что бы ни говорилось за столомъ, какія бы ни происходили бурныя сцены, онѣ ни однимъ движеніемъ не выказывали, что принимаютъ въ происходящемъ какое-нибудь участіе. Молча садились онѣ за обѣдъ, молча подходили послѣ обѣда къ отцу и къ матушкѣ и отправлялись наверхъ, чтобъ не сходить оттуда до завтрашняго обѣда.

Чѣмъ онѣ были сыты—это составляло загадку, надъ разрѣшеніемъ которой никто не задумывался. Даже отецъ не интересовался этимъ вопросомъ и, повидимому, былъ очень доволенъ, что его не безпокоятъ. По временамъ Анкушка, завтракавшая и обѣдавшая въ дѣвичьей, вмѣстѣ съ женской прислугой, отливала въ небольшую чашку людскихъ щецъ, толокна или кулаги и, крадучись, относила подъ фартукомъ эту подачку „барышнямъ“. Но однажды матушка узнала объ этомъ и строго-на-строго запретила.

— Онѣ дворянки,—сказала она язвительно:—а дворянкамъ не пристало холопскія щи ѣсть. Я купчиха—и то не ѣмъ.

Вообще сестрицы сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ живыхъ мумій: забитыя, брошенныя въ тѣсную конуру, лишенныя притока свѣжаго воздуха, онѣ даже перестали сознавать свою безпомощность, и въ безмолвномъ отупѣніи жили, какъ въ гробу, въ своемъ обязательномъ убѣжищѣ. Но и за это жалкое убѣжище онѣ цѣплялись всею силою своихъ костенѣющихъ рукъ. Въ немъ, по крайней мѣрѣ, было тепло... Что, ежели разсердится сестрица Анна Павловна и скажетъ: мнѣ и безъ васъ есть кого поить-кормить!—куда онѣ тогда дѣнутся?

Даже Марья Порфирьевна притихала и съёживалась, когда ей напоминали о возможности подобной катастрофы. Вообще она до того боялась матушки, что при упоминовеніи ея имени бросалась на постель и прятала лицо въ подушки.

Увы! предчувствіе не обмануло сестрицъ. Минуты, когда ворота малиновецкой усадьбы заперлись передъ ними навсегда, были сочтены.

Матушка въ это время уже могла считать себя богатою. Въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ она успѣла пріобрѣсти значительное имѣніе, верстахъ въ сорока отъ Малиновца и всего въ пяти верстахъ отъ Уголка. Это было большое торговое село Заболотье, заключавшее въ себѣ съ деревнями болѣе трехъ тысячъ душъ. Принадлежало оно

тронмъ владѣльцамъ, и часть одного изъ нихъ, около тысячи-двухсоть душъ, продавалось въ опекунскомъ совѣтѣ съ аукціона. Прослышавъ о предстоящей продажѣ, матушка рѣшила рискнуть своимъ небольшимъ приданнымъ капиталомъ и поѣхала въ Москву. Успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. На аукціонъ никто не явился, кромѣ подставного лица, и имѣніе осталось за матушкой, „съ переводомъ долга“ и съ самой небольшой прилатой изъ приданныхъ денегъ.

Имѣніе было малоземельное, но оброкъ съ крестьянъ получался исправно. А по тогдашнему времени это только и было нужно. Операція была настолько выгодна, что сразу дала матушкѣ лишнихъ пятнадцать тысячъ чистаго годового дохода, не считая уплаты процентовъ и погашенія. Сверхъ того, лѣтомъ изъ Заболотья наряжалась въ Малиновецъ такъ-называемая помочь, которая въ три-четыре дня оканчивала почти все жнитво и значительную часть сѣнокоса. Вслѣдствіе этого и Малиновецъ началъ давать все болѣе и болѣе серьезный доходъ. Благосостоянію семьи было положено прочное основаніе.

Но тутъ-то именно и случилось нѣчто въ высшей степени прискорбное для сестрицъ. Матушка, никогда не любившая Малиновца, начала, съ покупкой новаго имѣнія, положительно скучать въ родовомъ отцовскомъ гнѣздѣ. Въ Заболотьѣ былъ тоже господскій домъ, хотя тѣсный и плохо устроенный, но матушка была неприхотлива. Ей нравилась оживленная улица села, съ постоянно открытыми лавками, въ которыхъ, по ея выраженію, только птичьяго молока нельзя было достать, и съ еженедѣльнымъ торгомъ, на который съѣзжались толпы народа изъ сосѣднихъ деревень; нравилась заболотская пятиглавая церковь, съ пятисотъ-пудовымъ колоколомъ; нравилась новая кипучая дѣятельность, которую представляло оброчное имѣніе. Оброки собирались по мелочамъ, такъ что надо было наблюдать да и наблюдать, записывать да и записывать. Да и одинъ ли оброкъ? ежели къ такому имѣнію да приложить руки, такъ и другихъ полезныхъ статей не мало найдется. Обложить торговцевъ сборомъ, свои лавки построить, постоялый дворъ, трактиръ... Одно горе: имѣніе черезполосное; мужики остальныхъ двухъ частей, при заглазномъ управленіи, совсѣмъ взбольничались и, пожалуй, не скоро пойдутъ на затѣи новой помѣщицы. Но вѣдь и это представляло пищу для дѣятельности. Пойдутъ раз-

говоры, совѣщанія; иное уладится само собой, а иногда и до суда дойдетъ. Обо всемъ надо подумать, переговорить. Матушка о тяжбѣ начала помышлять безъ особеннаго страха.

Первые три года она только урывками наѣзжала въ Заболотье. Пробудетъ мѣсяцъ, другой, и опять воротится въ Малиновецъ. Но мысль ея все больше и больше склонялась къ тому, чтобы изъ Заболотья сдѣлать зимнюю резиденцію. Зимой въ Малиновцѣ рѣшительно нечего было дѣлать. Шла только молотьба (иногда до самой масляницы), но для наблюденія за нею былъ подъ рукой староста Ѳедотъ, которому можно было безусловно довѣрить барское дѣло. Господскій домъ оказывался слишкомъ обширнымъ и опустѣлымъ (почти всѣ дѣти ужъ были размѣщены по казеннымъ заведеніямъ въ Москвѣ), и отопленіе такой махины требовало слишкомъ много дровъ. Оставалось убѣдить отца; но вѣдь матушкѣ было не привыкать стать къ домашнимъ сценамъ. Побурлитъ старикъ, а она все-таки на своемъ поставитъ. А о томъ, что гдѣ-то наверху, въ боковушкѣ, словно мыши, скребутся сестрицы, она забыла и думать.

Участь тетепекъ-сестрицъ была рѣшена. Условлено было, что сейчасъ послѣ Покрова, когда по первымъ умолотамъ уже можно будетъ судить объ общемъ урожаѣ озимаго и ярового, семья переѣдетъ въ Заболотье. Часть дворовыхъ переведутъ туда же, а часть размѣстится въ Малиновцѣ по флигелямъ, и затѣмъ господскій домъ заколотятъ.

Сверхъ ожиданія, отецъ принялъ это рѣшеніе безъ особенныхъ возраженій. Его соблазняло, что при заболотской церкви состоятъ три попа и два дьякона, что тамъ каждый день служатъ обѣдню, а въ праздничные дни даже двѣ, раннюю и позднюю, изъ которыхъ послѣднюю—соборне.

Матушка сама извѣстила сестрицъ объ этомъ рѣшеніи. „Намъ это необходимо для устройства имѣній нашихъ,—писала она,—а вы и не увидите, какъ зиму безъ милыхъ сердцу проведете. Ухитите вашъ домичекъ соломкой, да жердочками сверху обрѣшетите—и будетъ у васъ и теплепько, и уютненько. А соскучитесь одинъ—въ Заболотье чайку попить милости просимъ. Всего пять верстъ—мигомъ лошадушки домчатъ“...

Въ половинѣ декабря уголковскій староста Осипъ явился въ Заболотье и просилъ доложить о себѣ матушкѣ.

— Барышня Ольга Порфирьевна у насъ плоха,—доложилъ онъ ей.

— Что съ нею?

— Да стужа въ домишкѣ-то... простудилась, стало быть.

— Я вѣдь писала, чтобы домъ соломой снаружи укрыть...

— Что солома! бревна сгнили... Стужа лютѣе, чѣмъ на дворѣ.

— А я тутъ при чемъ? что ты ко мнѣ присталъ? Я развѣ причина, что домъ у васъ сгнилъ?

— Я не къ тому... такъ, доложить пришелъ... Какъ бы потомъ въ отвѣтѣ не быть...

— Лежитъ она, что-ли?

— Пока еще бродитъ... кашель дюже одолѣлъ. Такъ бьётъ, такъ бьётъ, ни на что не похоже... на бокъ жалуется...

— Что-жъ я-то могу?.. Богъ милостивъ, отходится. За докторомъ, коли что, пошлите.

Съ тѣмъ староста и ушелъ. Матушка, впрочемъ, нѣсколько разъ порывалась велѣть заложить лошадей, чтобъ съѣздить къ сестрицамъ; но въ концѣ концовъ махнула рукой и успокоилась.

На святкахъ староста опять пріѣхалъ и объявилъ, что Ольга Порфирьевна ужъ кончается. Я въ это время учился въ Москвѣ, но на зимнюю вакацію меня выписали въ Заболотье. Матушка въ нѣсколько минутъ собралась и вмѣстѣ съ отцомъ и со мной поѣхала въ Уголокъ.

Домишко былъ, дѣйствительно, жалкій. Онъ стоялъ на юру, окутанный промерзлой соломой и не защищенный даже рощицей. Когда мы изъ крытаго возка перешли въ переднюю, насъ обдало морозомъ. Встрѣтила насъ тетенька Марья Порфирьевна, укутанная въ толстый ваточный капотъ, въ капорѣ и въ валеныхъ сапогахъ. Лицо ея осунулось и выражало младенческое отупѣніе. Завидѣвъ насъ, она машинально замахала руками, словно говорила: тише! тише! Сзади стояла старая Аннушка и плакала.

Ольга Порфирьевна уже скончалась, но ее еще не успѣли снять съ постели. Миніатюрная головка ея, сморщенная, съ обострившимися чертами лица, закрытыми глазами, безпомощно высовывалась изъ-подъ груды всякаго тряпья, наваленнаго ради тепла; у изголовья,

на стулѣ, стоялъ непочатый стаканъ малиноваго настоя. Въ углу, у образовъ, священникъ, въ ветхой ризѣ, служилъ панихиду.

Матушка заплакала. Отецъ, въ шубѣ и большихъ мѣховыхъ сапогахъ, закрывалъ рукою ротъ и носъ, чтобъ не глотнуть морознаго воздуха.

Когда кончилась панихида, матушка сунула священнику въ руку полтинникъ и сказала:—Ужъ вы, батюшка, постарайтесь!—Затѣмъ всѣ на минуту присѣли, дали Аннушкѣ и старостѣ надлежащія наставленія, поклонились покойницѣ и стали поспѣшно собраться домой. Марью Порфирьевну тоже взяли съ собой въ Заболотье.

Черезъ три дня Ольгу Порфирьевну схоронили на бѣдномъ погостѣ, къ которому Уголокъ былъ приходомъ. Похороны, впрочемъ, произошли честь-честью. Матушка выписала изъ города средненькій, но очень приличный гробикъ, средненькій, но тоже очень приличный покровъ, и пригласила изъ Заболотья старшаго священника, который и служилъ заупокойную литургію соборне. Мало того: она заказала два сорокоуста и внесла въ приходскую церковь сто рублей вклада на *вѣчныя* времена, для поминовенія души усопшей рабы божіей Ольги.

Спустя мѣсяцъ, тетеньку Марью Порфирьевну, вмѣстѣ съ Аннушкой, помѣстили въ ближайшій женскій монастырь. Матушка сама ѣздила хлопотать и купила въ монастырской оградѣ особую келью, чтобы старушкѣ жилось уютненько и тепленько.

Словомъ сказать, устроили дѣло такъ, чтобъ и душа покойной, глядючи съ небеси, радовалась, да и передъ людьми было не стыдно...

VIII.—Тетенька Анфиса Порфирьевна.

Тетенька Анфиса Порфирьевна была младшая изъ сестеръ отца (въ описываемое время ей было немногимъ больше пятидесяти лѣтъ) и жила отъ насъ недалеко.

Я не помню, впрочемъ, чтобъ до покупки Заболотья мы когда-нибудь ѣзжали къ ней, да и не помню, чтобы и она у насъ бывала, такъ что я совсѣмъ ее не зналъ. Уже въ семьѣ дѣдушки Порфирія

Васильича, когда она еще была „въ дѣвкахъ“, ее не любили, и называли варваркой; впослѣдствіи же, когда она вышла замужъ и стала жить на своей волѣ, репутація эта за ней окончательно утвердилась. Разсказывали почти чудовищные факты изъ ея помѣщичьей практики и нѣчто совсѣмъ фантастическое объ ея семейной жизни. Говорили, напримѣръ, что она, еще будучи въ дѣвушкахъ, защипала до смерти данную ей въ услуженіе дѣвчонку; что она находится замужемъ за покойникомъ и т. д. Отецъ избѣгалъ разговоровъ о ней, но матушка, которая вообще любила позлословить, называла ее не иначе, какъ тиранкой и распутницей. Вообще, и родные, и помѣщики-сосѣди чуждались Савельцевыхъ (фамилія тетеньки по мужу), такъ что они жили совершенно одни, всѣми оброшенные.

Разсказы эти передавались безъ малѣйшихъ прикрасъ и утаекъ, во всеуслышаніе, при дѣтяхъ, и, разумѣется, сильно дѣйствовали на дѣтское воображеніе. Я, напримѣръ, отъ роду не видавши тетеньки, представлялъ себѣ ее чѣмъ-то въ родѣ скелета (такую женщину я на картинкѣ въ книжкѣ видѣлъ), въ сѣро-пепельномъ хитонѣ съ простертыми впередъ руками, концы которыхъ были вооружены острыми когтями, вмѣсто пальцевъ, съ зіяющими впадинами вмѣсто глазъ и съ вьющимися на головѣ змѣями вмѣсто волосъ.

Но съ покупкой Заболотья обстоятельства измѣнились. Дѣло въ томъ, что тетенькино имѣніе, Овсецово, лежало какъ разъ на полъпути отъ Малиновца къ Заболотью. А такъ какъ пряжка въ сорокъ верстъ для непривычныхъ лошадей была утомительна, то необходимость заставляла кормить на половинѣ дороги. Обыкновенно мы дѣлали привалъ на постояломъ дворѣ, стоявшемъ на берегу рѣки Волги, наискосокъ отъ Овсецова; но матушка, съ своей обычной разсчетливостью, рѣшила, что чѣмъ изъяниться на постояломъ дворѣ *), выгоднѣе будетъ часа два-три посидѣть у сестрицы, которая, ко-

*) О томъ, какъ великъ былъ этотъ изъянъ, можно судить по слѣдующему разсчету: пудъ сѣна лошадямъ (овесъ былъ свой) — 20 коп.; завтракъ кучеру и лакею—30 коп.; самоваръ и крынка молока—30 коп. Господа кушали свое, домашнее, и я какъ сейчасъ вижу синюю бумагу, въ которой была завязана жареная курица, нѣсколько пшеничныхъ колобушекъ съ запеченными яйцами и половина ситнаго хлѣба. Горничная питалась остатками отъ барской трапезы. За „постоялое“ платилось только въ ненастье (около 20 коп.); въ вёдро же матушка располагалась отдохнуть въ огородѣ. Итого, восемьдесятъ копѣекъ, и въ крайнемъ случаѣ рубль на ассигнаціи!

нечно, будетъ рада возобновленію родственныхъ отношеній и постарается удоволить дорогую гостью.

И вотъ, однажды — это было лѣтомъ — матушка собралась въ Заболотье и меня взяла съ собой. Это былъ нашъ первый (впрочемъ, и послѣдній) визитъ къ Савельцевымъ. Я помню, любопытство такъ сильно волновало меня, что мнѣ буквально не сидѣлось на мѣстѣ. Воображеніе работало, рисуя заранѣе уже созданный образъ фуріи, грозно выступающей намъ на встрѣчу. Матушка тоже безпрестанно колебалась и переговаривалась съ горничной Агашей.

— Заѣзжать, что-ли?

— Это какъ вамъ, сударыня, будетъ угодно.

— Еще не приметъ, пожалуй!

— Какъ не принять... помилуйте! даже съ радостью!

Матушка задумывалась на минуту въ нерѣшимости и потомъ продолжала:

— Чай, и Ѳомку своего покажетъ!

— Можетъ, и посовѣстится. А впрочемъ, сказываютъ, онъ завсе съ барыней за однимъ столомъ обѣдаетъ...

— Ну, ладно, ѣдемъ!

Черезъ короткое время, однакожъ, рѣшимость оставляла матушку, и разговоръ возобновлялся на противоположную тему:

— Нѣтъ ужъ, что̀ сраниться!—говорила она и, обращаясь къ кучеру, прибавляла:—стунай на постоялый дворъ!

Поэтому сердце мое сильно забилось, когда, при поворотѣ въ Овсецово, матушка крикнула кучеру:

Въ Овсецово!

Экипажъ своротилъ съ большой дороги и покатился мягкимъ проселкомъ по направленію къ небольшому господскому дому, стоявшему въ глубинѣ двора, обнесеннаго тыномъ и обсаженнаго березками.

Дѣйствительно, насъ ожидало нѣчто не совсѣмъ обыкновенное. Дворъ былъ пустыненъ; рѣшетчатыя ворота заперты; за тыномъ не слышалось ни звука. Солнце палило такъ, что даже собака, привязанная у амбара, не залаяла, услышавъ насъ, а только лѣниво повернула морду въ нашу сторону.

Казалось, само Забвеніе поселилось здѣсь и покрыло своимъ пологомъ все живущее. Черезъ двѣ-три минуты, однакожъ, изъ-за

угла дома вынырнула человѣческая фигура въ заграничномъ сюртукѣ, остановилась, приложила руку къ глазамъ и на окрикъ нашъ: — „Анфиса Порфирьевна дома?“ — мгновенно скрылась. Потомъ съ дѣвичьяго крыльца выбѣжала женщина въ рваномъ сарафанѣ — и тоже скрылась. Наконецъ, сквозь рѣшетчатыя ворота, мы увидѣли начавшееся въ домѣ движеніе, бѣготню. Отворилось парадное крыльцо. и изъ него выбѣжалъ босоногій подростокъ въ нанковомъ казакинѣ, который и отворилъ намъ ворота.

Тетенька уже стояла на крыльцѣ, когда мы подъѣхали. Это была преждевременно одряхлѣвшая, костлявая и почти беззубая старуха, съ морщинистымъ лицомъ и сѣдыми космами на головѣ, развѣвавшимися по вѣтру. Моему пастроенному воображенію представилось, что въ этихъ космахъ шевелятся змѣи. Къ довершенію всего, на ней былъ надѣтъ старый-старый ситцевый балахонъ сѣро-пепельнаго цвѣта, точь-въ-точь какъ на картинкѣ.

— Ахъ, родные мои! ахъ, благодѣтели! вспомнила-таки про старуху, сударушка! — дребезжащимъ голосомъ привѣтствовала она насъ. протягивая руки, чтобы обнять матушку: — чай, на поль-пути въ Заболотье... все-таки дешевле, чѣмъ на постояломъ кормиться... Слышала, сударушка, слышала! Купила ты коко съ сокомъ... Ну, да и молодецъ же ты! Лёгко ли дѣло, сама-одна какое дѣло сварганила! Милости просимъ въ горницы! Спасибо, сударка, что хоть непарокомъ да вспомнила.

Покуда тетенька безпорядочно и не безъ иронiи произносила свое привѣтствiе, я со страхомъ ждалъ своей очереди.

— И мальца съ собой привезла... ну, обрадовала! Это который? — обратилась она ко мнѣ и, взявъ меня за плечи, поцѣловала тонкими, запекшимися губами.

— Осьмой... да дома еще остался...

— Девятый... ай да молодецъ братъ Василiй! Седьмой десятокъ, а поди еще какъ проказничаетъ! Того гляди, и десятый недалеко... Ну, дай тебѣ Богъ, сударыня, дай Богъ! Постой-ка, постой, душенька, дай посмотрѣть, на кого ты похожъ! Ну. такъ и есть, на братца Василiя Порфирьича, точка въ точку вылитый въ него!

Она поворачивала меня къ свѣту и осматривала со всѣхъ сторонъ.

Я долженъ сказать, что такого рода балагурство было мнѣ не въ диковинку. И въ нашемъ домѣ, и у сосѣдей, къ женской чести относились не особенно осторожно. Сосѣди и сосѣдки клеяли другъ на друга почти шутя. Была ли хоть искра правдоподобія въ этихъ поклепахъ — объ этомъ никто не думалъ. Они составляли какъ бы круговую поруку и въ то же время были единственнымъ общедоступнымъ предметомъ собесѣдованій, которому и въ гостяхъ, и у семейнаго очага, съ одинаковой страстью посвящали свои досуги и кавалеры, и дамы, въ особенности же послѣднія. Я лично почти не понималъ, въ чемъ заключается суть этого балагурства, но слова уже настолько прислушались, что я не поражался ими.

Матушка, однакожъ, поняла, что попала въ ловушку, и что ей не ускользнуть отъ подлыхъ намековъ въ продолженіе всѣхъ двухъ-трехъ часовъ, покуда будутъ кормиться лошади. Поэтому она, еще не входя въ комнаты, начала уже торопиться и приказала, чтобъ лошадей не откладывали. Но тетенька и слышать не хотѣла о скоромъ отъѣздѣ дорогихъ родныхъ.

— Ахъ-ахъ-ахъ! да никакъ ты на меня обидѣлась, сударка!— воскликнула она: — и не думай уѣзжать — не пущу! вѣдь я, мой другъ, ежели и сказала что̀, такъ спроста!.. Такъ вотъ... Проста я, куда какъ проста нынче стала! Иногда чего и на умѣ нѣтъ, а я все говорю, все говорю! Изволь-ка, изволь-ка въ горницы идти — безъ хлѣба-соли не отпущу, и не думай! А ты, малецъ,—обратилась она ко мнѣ:—погуляй, ягодокъ въ огородѣ пощипли, покуда мы съ маменькой побесѣдуемъ! Ахъ, родные мои! ахъ, благодѣтели! сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Дѣлать нечего, пришлось оставаться. Я, разумѣется, съ радостью поспѣшилъ воспользоваться даннымъ мнѣ отпускомъ, и въ нѣсколько прыжковъ уже очутился на дворѣ.

Дворъ былъ пустынен по прежнему. Обнесенный кругомъ частоколомъ, онъ придавалъ усадьбѣ характеръ острога. Съ одного краю, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома, видѣлись хозяйственныя постройки: конюшни, скотный дворъ, людскія и проч., но и тамъ не слышно было никакого движенія, потому что скотъ былъ въ стадѣ, а дворовые на барщинѣ. Только вдали, за службами, бѣжалъ, по направленію къ полю, во всю прыть мальчишка, котораго, вѣроятно, послали на сѣнокосъ за прислугой.

Въ дѣтствѣ я очень любилъ все, что относилось до хозяйства, а потому и въ настоящемъ случаѣ прежде всего отправился къ службамъ. Требовалось сравнить, все ли тутъ такъ же прочно, солидно и просторно, какъ у насъ, въ Малиновцѣ; какъ устроены стойла для лошадей, много ли стоитъ жеребцовъ, которыхъ въ стадо не гоняютъ, а держатъ постоянно на сухомъ корму; обширенъ ли скотный дворъ; похожа ли Савельцевская кухарка въ застольной на нашу кухарку Василису и т. д. Сверхъ того, я видѣлъ, что у воротъ конюшаго двора стоитъ наша коляска съ поднятымъ фордекомъ, и около нея сидитъ нашъ кучеръ Алемпій, пускаетъ дымъ изъ трубки-носогрѣйки и разговариваетъ съ сгорбленнымъ старикомъ въ синемъ, выцвѣтшемъ отъ употребленія, крашенинномъ сюртукѣ. Навѣрное, думалось мнѣ, они ведутъ рѣчь о лошадяхъ, и Алемпій хвалится нашимъ небольшимъ конскимъ заводомъ, который и меня всегда интересовалъ. Но по мѣрѣ того, какъ я приближался къ службамъ, до слуха моего доносились сдерживаемые стоны, которые сразу возстановили въ моемъ воображеніи всю послѣдовательность разсказовъ изъ тетенькиной крѣпостной практики. Черезъ нѣсколько секундъ я былъ уже на мѣстѣ.

Дѣйствительность, представившаяся моимъ глазамъ, была по истинѣ ужасна. Я съ дѣтства привыкъ къ грубымъ формамъ помѣщичьяго произвола, который выражался въ нашемъ домѣ въ формѣ сквернословія, пощечинъ, зуботычинъ и т. д., привыкъ до того, что онѣ почти не трогали меня. Но до истязанія у насъ не доходило. Тутъ же я увидалъ картину такого возмутительнаго свойства, что на минуту остановился, какъ вкопанный, не вѣря глазамъ своимъ.

У конюшни, на кучѣ навоза, привязанная локтями къ столбу, стояла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати и рвалась во всѣ стороны. Былъ уже часъ второй дня; солнце такъ и обливало несчастную своими лучами. Рои мухъ поднимались изъ навозной жижи; вились надъ ея головой и облѣпляли ея воспаленное, улитое слезами и слюною лицо. По мѣстамъ образовались уже небольшія раны, изъ которыхъ сочилась сукровица. Дѣвочка терзалась, а тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ нея, преспокойно гуторили два старика, какъ будто ничего необыкновеннаго въ ихъ глазахъ не происходило.

Я самъ стоялъ въ нерѣшимости передъ смутнымъ ожиданіемъ отвѣтственности за непрошенное вмѣшательство,—до такой степени крѣпостная дисциплина смиряла даже въ дѣтяхъ человѣческіе по-

рывы. Однакожъ, сердце мое не выдержало; я тихонько подкрался къ столбу и протянулъ руки, чтобы развязать веревки.

— Не тронь... тетенька забранитъ... хуже будетъ!—остановила меня дѣвочка:—вотъ лицо фартукомъ оботри... Баринъ!.. миленькій!

И въ то же время сзади меня раздался старческій голосъ:

— Не суйся не въ свое дѣло, пащёнокъ! И тебя къ столбу тетенька привяжетъ!

Это говорилъ Алемпіевъ собесѣдникъ. При этихъ словахъ во мнѣ совершилось нѣчто постыдное. Я мгновенно забылъ о дѣвочкѣ и съ поднятыми кулаками, съ словами: „молчать, подлый халуй!“—бросился къ старику. Я не помню, чтобы со мною случался когда-либо такой припадокъ гнѣва, и чтобы онъ выражался въ такихъ формахъ, но очевидно, что крѣпостная практика уже свила во мнѣ прочное гнѣздо и ожидала только случая, чтобы всплыть наружу.

Старикъ, въ свою очередь, замахнулся на меня, и кто знаетъ, что бы тутъ произошло, еслибы Алемпій не вступился за меня.

— Что вы! что вы, сударь!—успокоивалъ онъ меня:—вѣдь это баринъ... Маменька гнѣваться будутъ...

А остервенившійся старикъ въ то же время кричалъ:

— Я не халуй, а твой дядя, вотъ я кто! Я тебя...

Не дослушавъ дальнѣйшихъ угрозъ, я опрометью побѣжалъ въ домъ. Дорогой мнѣ казалось, что передо мной встало привидѣніе и преслѣдовало меня по пятамъ.

Въ залѣ уже накрывали на столъ: въ гостиной добрыя родственницы дружелюбно бесѣдовали.

Безпорядочно, прерывая разсказъ слезами, я передалъ мои жалобы матушкѣ, упомянувъ и о несчастной дѣвочкѣ, привязанной къ столбу, и о какомъ-то лакеѣ, осмѣлившемся назвать себя моимъ дядей, но, къ удивленію, матушка выслушала мой разсказъ морщась, а тетенька совершенно равнодушно сказала:

— Это онъ, видно, моего „покойничка“ видѣлъ!—И затѣмъ, обращаясь къ мнѣ, прибавила:—а тебѣ, мой другъ, не слѣдовало не въ свое дѣло вмѣшиваться. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Дѣвчонка провинилась, и я ее наказала. Она моя, и я что хочу, то съ ней и дѣлаю. Такъ-то.

А матушка прибавила:

— Разумѣется. Ты у тетеньки въ гостяхъ и, стало быть, дол-

женъ вести себя прилично. Не слѣдъ тебѣ по конюшнямъ бѣгать. Сидѣлъ бы съ нами, или въ саду бы погулялъ, ничего бы и не было. И впередъ этого никогда не дѣлай. Тетенька слишкомъ добра, а я на ея мѣстѣ поставила бы тебя на колѣнки, и дѣло съ концомъ. И я бы не заступилась, а сказала бы: за дѣло!

Къ счастію, тетенька не только не поставила меня на колѣнки, но на этотъ разъ рѣшилась быть доброю, крикнула дѣвку и приказала отпустить наказанную.

— Признаться сказать, я и забыла про Наташку,—сказала она.—Не слѣдовало бы дѣвчонку баловать, ну да ужъ, для дорогихъ гостей, такъ и быть! пускай за племянничка Богу молитъ. Ахъ, трудно мнѣ съ ними, сестрица, справляться! Народъ все сорванецъ—долго ли до грѣха!

— Долго ли!—подтвердила и матушка:—Ну, а твой „покойничекъ“, сестрица... живъ и здоровъ?

— Что̀ ему, псу несытому, дѣлается! ѣстъ да пьетъ, ѣстъ да пьетъ! Только что̀ онъ мнѣ однѣми взятками стоитъ... ахъ, распостылый! Весь земскій судъ, по его милости, на свой счетъ содержу... смерти на него нѣтъ! Умеръ бы, и дѣло бы съ концомъ!

— А не буйствуетъ онъ?

— Нѣтъ, смирился. Насчетъ этого пожаловаться не могу, благородно себя ведетъ. Ну, да вѣдь, мать моя, со мною не много поговоритъ. Я сейчасъ локти къ лопаткамъ, да и къ исправнику... Проявился, молъ, бродяга, мужемъ моимъ себя называетъ... Дѣлайте съ нимъ что̀ хотите, а онъ мнѣ ненадобенъ!

— А отвѣчать не боишься?

— Отвѣчать-то? Да тутъ всѣ въ отвѣтѣ, и не разберешь. Я и то иногда подумываю: одинъ конецъ! возьму да сошлю его въ Сибирь... Онъ вѣдь, по ревизіи, въ дворовыхъ у меня числится, и будь хошь исправникъ, хошь раз-исправникъ, а долженъ будетъ сдѣлать по моему! Въ ту пору у насъ, случилось, столяръ Потапка померъ, такъ его подъ именемъ болярина Савельцева схоронили, а моего-то сокола, чтобъ солдатства миновать, дворовымъ человѣкомъ Потапомъ Семеновымъ окрестили. Стало быть, я теперь что̀ хочу, то̀ съ нимъ и дѣлаю! Ахъ, да проста я нынче стала, куда проста! Подумаю, подумаю: ну, непремѣнно, какъ святъ Богъ, его, поганца, сошлю! а потомъ и жалко станетъ! Лёгко ли дѣло! Невступно двадцать лѣтъ подъячіе

около меня кормятся, словно мушиный рой такъ и жужжатъ... Въ раззоръ разорили, хоть по міру ступай! И хозяйство не мило, потому, что̀ ни продамъ, что̀ ни получу, все на нихъ, каторжныхъ, уходитъ! Да не хочется ли тебѣ посмотрѣть на чудушку-то моего?..

— Нѣтъ, что̀ ужъ! Христосъ съ нимъ... А хорошенькое у тебя, сестрица, имѣньице, кругленькое... Ѣхала я мимо озимаго... ахъ, хороша родилась рожь! Будешь съ хлѣбцемъ нынѣшній годъ!

Дальнѣйшій разговоръ свернулъ на хозяйственныя темы, которыя, вѣроятно, служили ему содержаніемъ и тогда, когда я своимъ неожиданнымъ появленіемъ прервалъ его. Я узналъ, что у тетеньки своихъ сорокъ душъ; да мужниныхъ восемьдесятъ она какъ-то съумѣла на свое имя перевести. Имѣніе мужа выгоднѣе, потому что тамъ люди поголовно поверстаны въ дворовые, работаютъ на барщинѣ ежедневно, а она своихъ крестьянъ не успѣла въ дворовые перечислить, предводитель попрепятствовалъ, пригрозилъ дѣло завести. И земли у нея довольно, и лѣсокъ есть; всѣмъ было бы хорошо, кабы не донимали подъячіе.

— А все изъ-за него, изъ-за постылаго! Разорилъ меня, подлый человѣкъ, не беретъ его смерть, да и вся недолга! — безпрестанно прибавляла тетенька, прерывая свой разсказъ.

Наконецъ, около половины третьяго насъ позвали обѣдать. Войдя въ залу, мы застали тамъ громаднаго роста малаго, лѣтъ подъ-тридцать, широкоплечаго, съ угреватымъ широкимъ лицомъ, маленькими, чуть-чуть видными глазами и густою гривой волосъ на головѣ. Онъ былъ одѣтъ въ свѣтло-зеленый казинетовый казакинъ, на-глухо застегнутый на крючки, сквозь которые была продернута серебряная цѣпочка съ часами, которые онъ безпрестанно вынималъ. На заплывшемъ лицѣ его написано было тупое самодовольство и невзреченная животненная плотоядность. Онъ ловко расшаркнулся передъ матушкой и подошелъ ей къ ручкѣ.

— А это мой Ѳомушка!—рекомендовала его тетенька:—только онъ одинъ и помогаетъ мнѣ. Не знаю, какъ бы я и справилась безъ него съ здѣшней вольницей!

Матушка чуть-чуть сконфузилась, но не отняла руки, и даже поцѣловала Ѳомушку въ лобъ, какъ этого требовалъ тогдашній этикетъ.

— Сестрица ржи наши хвалитъ, — обратилась тетенька къ Ѳомушкѣ:—поблагодари ее!—Ѳомушка снова расшаркался.—Вотъ

бы тебѣ, сударка, такого же Ѳомушку найти! Ужъ такой слуга! такой слуга! на рѣдкость!

Я не помню, какъ прошелъ обѣдъ; помню только, что кушанья были сытыя и изготовленныя изъ свѣжей провизіи. Такъ какъ Савельцевы жили всѣми оброшенные и никогда не ждали гостей, то у нихъ не хранилось на погребѣ парадныхъ блюдъ, захватанныхъ лакейскими пальцами, и обѣдъ всякій день готовился незатѣйливый, но свѣжій.

Тетенька, повидимому, была не скупа и усердно, даже съ нѣкоторою назойливостью, насъ потчивала.

— Кушай, кушай!—понуждала она меня: —ишь вѣдь ты какой худой! въ Малиновцѣ-то, видно, не слишкомъ подкармливаютъ. Знаю я ваши обычаи! Кушай на здоровье! будешь больше кушать, и наука пойдетъ спорѣе...

И затѣмъ, обращаясь къ матушкѣ, продолжала:—А ты, сударыня, что̀ по сторонамъ смотришь... кушай! Заѣхала, такъ не накормивши не отпущу! Знаю я, какъ ты дома изъ третьеводнишнихъ остатковъ соусы выкраиваешь... слышала! Я хоть и въ углу сижу, а все знаю, что̀ на свѣтѣ дѣлается! Вотъ я нагряну когда-нибудь къ вамъ, посмотрю, какъ вы тамъ живете... богатѣи! Что̀? испугалась!

Матушка, дѣйствительно, нѣсколько измѣнилась въ лицѣ при одной перспективѣ будущаго визита Анфисы Порфирьевны. Тутъ только, повидимому, она окончательно убѣдилась, какую сдѣлала ошибку, заѣхавши въ Овсецово.

— Ну, ну... не пугайся! небось, не пріѣду! Куда мнѣ, оглашенной, къ большимъ барамъ ѣздить... проживу и одна!—шутила тетенька, видя матушкино смущеніе:—живемъ мы здѣсь съ Ѳомушкой въ уголку, тихохонько, смирнёхонько, ничего намъ не надобно! Гостей не зовемъ, и сами въ гости не ѣздимъ... нѣкуда! А коли ненарокомъ вспомнятъ добрые люди, милости просимъ! Вотъ только жеманницъ смерть не люблю, прошу извинить.

Но въ особенности понуждала она Ѳомушку:

— Ѣшь, Ѳомушка, ѣшь! Вишь ты какой кряжъ выросъ! есть куда хлѣбъ-соль класть! Ѣшь!

На что̀ Ѳомушка невозмутимо, слегка поглаживая себя по животу, отвѣчалъ:

— Наѣлся-съ; не въ моготу-съ!

И таинственнымъ урчаніемъ подтверждалъ свой отвѣтъ.

— Ѣшьте, сударики, ѣшьте!—не умолкала тетенька.—Ты бы, сестрица, небось, на постояломъ курицу черствую глодала, такъ ужъ, по крайности, хоть тò у тебя въ барышахъ, что пріѣдешь ужò вечеромъ въ Заболотье,—анъ курица-то на ужинъ пригодится!..

Тетушка задержала насъ до пятаго часа. Напрасно отпрашивалась матушка, ссылаясь, что лошади давно уже стоятъ у крыльца; напрасно указывала она на черную полосу, выглянувшую на краю горизонта и обѣщавшую черную тучу прямо на встрѣчу намъ. Анфиса Порфирьевна упорно стояла на своемъ. Послѣ обѣда, который подавался чрезвычайно медленно, послѣдовалъ кофей; потомъ надо было по родственному побесѣдовать—наѣлись, напились, да сейчасъ ужъ и ѣхать!—потомъ посидѣть на дорожку, потомъ Богу помолиться, перецѣловаться...

— И куда только ты торопишься!—уговаривала тетенька:—успѣешь еще насидѣться въ своемъ непаглядномъ Заболотьѣ! А знаешь ли чтò! кабы мое было это Заболотье, ужъ я бы... Не посмотрѣла бы я, что тамъ мужики въ синихъ кафтанахъ ходятъ, а бабы въ штофныхъ тѣлогрѣяхъ... я бы... Вотъ землицы тамъ мало, нé у чего людей занять,—ну, да я бы нашла занятіе... А впрочемъ, чтò мнѣ тебя учить, ученаго учить—только портить. Догадаешься и сама. Малиновецъ-то, покуда братецъ съ сестрицами распоряжались, грошъ давалъ, а теперь—золотое дно! Умница ты, это всякій скажетъ! Намедни сь Аггей пріѣзжалъ, яйца скупалъ, тальки, полотна,—спрашиваю его: куда отсюда поѣдешь?—Къ „министеру“,—говоритъ. Это онъ тебя министеромъ называетъ. Да и подлинно—министеръ! Лёгко ль дѣло! Какую махинищу купила задаромъ. Чай, оброки-то ужъ набавила?

— Нѣтъ еще покуда!

— Набавляй, сударка, набавляй! нечего на нихъ, на синекафтанниковъ смотрѣть! Чѣмъ больше ихъ стрижешь, тѣмъ больше они обростаютъ! Набавляй!

Насилу мы убрались. Версты двѣ ѣхала матушка молча, словно боялась, что тетенька услышитъ ея рѣчи, но, наконецъ, разговорилась.

— Ѳомку видѣла?—спросила она Агашу.

— Какъ же, сударыня! Въ дѣвичью передъ обѣдомъ приходилъ, посидѣлъ.

— Какова халда! За однимъ столомъ съ холопомъ обѣдать меня усадила! Да еще что!.. Вотъ, говоритъ, кабы и тебѣ такого же Ѳомушку... Нѣтъ ужъ, Анфиса Порфирьевна, покорно прошу извинить! калачомъ меня къ себѣ впередъ не заманите...

— Мнѣ что, сударыня, сказывали. Сидитъ будто этотъ Ѳомка за столомъ съ барыней, а стараго барина, покойника-то, у Ѳомки за стуломъ съ тарелкой заставятъ стоять...

— Неужто?

— Истинную правду говорю. А то начнутъ комедіи представлять. Поставятъ стараго барина на колѣни и заставятъ „барыню“ пѣть. Онъ: „сударыня барыня, пожалуйте ручку!“ а она: „прочь, прочь отойди, ручки не достойный!“ Да рукой-то въ зубы... А Ѳомка качается на стулѣ, разливается, хохочетъ...

— Вотъ такъ змѣя!

— Нехорошо у нихъ; даже мнѣ, рабѣ, страмно показалось. Ходитъ этотъ Ѳомка по двору, скверными словами ругается, кричитъ... А что, сударыня, слышала я, будто онъ—ихній сынъ?

— Сынъ ли, другой ли кто—не разберешь. Только ужъ слуга покорная! По ночамъ въ Заболотье буду ѣздить, чтобъ не заглядывать къ этой вѣдьмѣ. Ну, а ты какую еще тамъ дѣвчонку у столба видѣлъ, сказывай!—обратилась матушка ко мнѣ.

Я разсказалъ; Агаша, съ своей стороны, подтвердила мой разсказъ.

— Прибѣжала она въ дѣвичью, какъ полоумная, схватила корку хлѣба... мѣста живого на лицѣ нѣтъ!

— Есть же на свѣтѣ...—молвила матушка, выслушавъ меня, и, не докончивъ фразы, задумалась.

Можетъ быть, въ памяти ея мелькнуло нѣчто подходящее изъ ея собственной помѣщичьей практики. То-есть, не въ точномъ смыслѣ истязаніе, но нѣчто такое, что грубыми своими формами тоже нерѣдко переходило въ безчеловѣчность.

Но, помолчавъ немного, матушка слегка зѣвнула, перекрестила ротъ и успокоилась. Вѣроятно, ей вспомнилась мудрая пословица: „не нами началось, не нами и кончится“... И достаточно.

Цѣлыхъ шесть верстъ мы ѣхали волокомъ, зыбучими песками, между двухъ стѣнъ высокихъ сосенъ. По лѣсу гулко разносился трескъ, производимый колесами нашего грузнаго экипажа. Лошади,

преслѣдуемыя цѣлой тучей оводовъ, шли шагомъ, таща коляску въ упоръ, такъ что на переѣздъ этихъ шести верстъ потребовалось больше часа. Узкая полоса неба, видиѣвшаяся сквозь лѣсную чащу, блестѣла яркою синевою, хотя вдали уже погромыхивалъ громъ. Несмотря на то, что было около шести часовъ, въ воздухѣ стояла невыносимая духота отъ зноя и пыли, вздымаемой копытами лошадей.

Но когда мы выѣхали изъ лѣсу, картина измѣнилась. Туча уже расползлась, и черная, грозная, медленно двигалась прямо на насъ. Въ воздухѣ почулась свѣжесть; по дорогѣ вились крутящіеся вѣтерки, которые обыкновенно предшествуютъ грозѣ. Между тѣмъ до Заболотья оставалось еще не меньше двѣнадцати верстъ. Правда, что дорога тутъ шла твердымъ грунтомъ (за исключеніемъ двухъ-трехъ небольшихъ болотцевъ съ проложенными по нимъ изуродованными гатями), но встарину помѣщики берегли лошадей и ѣздили медленно, не больше семи верстъ въ часъ, такъ что на переѣздъ предстояло не менѣе полутора часа. Матушка серьезно обезпокоилась.

— Погоняй! погоняй! — крикнула она кучеру.

— Все равно не миновать,—отвѣтилъ тотъ равнодушно.

— Нѣтъ, погоняй, погоняй!

Подняли у коляски фордекъ, и лошади побѣжали рысью. Мы миновали нѣсколько деревень, и матушка неоднократно покушалась остановиться, чтобы переждать грозу. Но всякій разъ надежда: авось пройдетъ!—ободряла ее. Сколько брани вылилось тутъ на голову тетеньки Анфисы Порфирьевны—этого ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать.

Но какъ ни усердствовалъ Алемпій, мы не миновали своей участи. Сначала раздались страшные удары грома, какъ будто прямо надъ нашими головами, сопровождаемые молніей, а за двѣ версты отъ Заболотья разразился настоящій ливень.

— Погоняй!—кричала матушка въ безотчетномъ страхѣ.

На этотъ разъ лошадей погнали вскачь, и минутъ черезъ десять мы уже были въ Заболотьѣ. Оно предстало передъ нами въ видѣ безпорядочной черной кучи, задернутой дождевой сѣтью.

Тетенькины слова сбылись: жареная курица пригодилась на ужинъ. Мы уже успѣли настолько проголодаться, что я даже не знаю, досталось ли что Агашѣ, кромѣ чернаго хлѣба.

Здѣсь, я полагаю, будетъ умѣстно разсказать тетенькину исторію, чтобы объяснить тѣ загадочности, которыми полна была ея жизнь. Причемъ нелишнимъ считаю напомнить, что все описываемое ниже происходило еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, даже почти въ самомъ началѣ его.

Какъ я упомянулъ выше, Анфиса Порфирьевна была младшая изъ дочерей дѣдушки Порфирія Васильича и бабушки Надежды Гавриловны. Въ семьѣ она была нелюбима за свою необыкновенную злобность, такъ что ее называли не иначе, какъ „Фиска-змѣя“. Подъ этимъ названіемъ извѣстна она была и во всемъ околоткѣ. Благодаря этой репутаціи, она просидѣла въ дѣвкахъ до тридцати лѣтъ, несмотря на то, что отецъ и мать, чтобъ сбыть ее съ рукъ, сулили за ней приданое, сравнительно, болѣе цѣнное, нежели за другими дочерьми, а именно—то самое Овсецово, съ которымъ я только-что познакомилъ читателя.

Но въ зрѣлыхъ лѣтахъ Богъ послалъ ей судьбу въ лицѣ штабсъ-капитана Николая Абрамыча Савельцева.

Усадьба Савельцевыхъ, Щучья-Заводь, находилась на берегу рѣки Вопли, какъ разъ напротивъ Овсецова. Имѣніе было небольшое, всего восемьдесятъ душъ, и управлялъ имъ старикъ Абрамъ Семенычъ Савельцевъ, единственный сынъ котораго служилъ въ полку. Старикъ былъ скупъ, велъ уединенную жизнь, ни самъ ни къ кому не ѣздилъ, ни къ себѣ не принималъ. Жестокимъ его нельзя было назвать, но онъ былъ необыкновенно изобрѣтателенъ на выдумки по части отягощенія крестьянъ (про него говорили, что онъ не мучитъ, а тягоситъ). Хотя земли у него было немного, всего десятинъ пятьсотъ (тутъ и лѣску, и болотца, и песочку), но онъ какъ-то ухитрялся отыскивать „занятія“, такъ что крестьяне его почти не сходили съ барщины. За то земля была отлично обработана, и отъ восьмидесяти душъ старикъ жилъ безъ нужды и даже, по слухамъ, успѣлъ скопить хорошій капиталецъ.

Пользуясь безконтрольностью помѣщичьей власти, чтобъ „тягосить“ крестьянъ, Абрамъ Семенычъ въ то же время былъ до омерзительности мелоченъ и блудливъ. Воровалъ по ночамъ у крестьянъ въ огородахъ овощи, загонялъ крестьянскихъ куръ, заставлялъ своихъ подручныхъ украдкой стричь крестьянскихъ овецъ, выдаивать коровъ и т. д. Случалось, что крестьяне ловили его съ поличнымъ,

а ночью даже слегка бивали, но онъ на это не претендовалъ. Иногда, когда ужъ приставали черезъ-чуръ вилотную, возвращалъ похищенное—„ну на! жри! заткни глотку!“—а на завтра опять принимался за прежнее. Полегоньку скапливалъ онъ сокровище, ничѣмъ не брезгая и не обижаясь, что сосѣди гнушались имъ.

Но мало-по-малу отъ мелочей онъ перешелъ и къ крупнымъ затѣямъ. Воспользовавшись одною изъ народныхъ переписей, онъ всѣхъ крестьянъ перечислилъ въ дворовые. Затѣмъ отобралъ у нихъ избы, скотъ и землю, выстроилъ о-бокъ съ усадьбой просторную казарму и поселилъ въ ней новоиспеченныхъ дворовыхъ. Все это совершилось исподтишка и такъ внезапно, что никто и не ахнулъ. Крестьяне вздумали-было жаловаться и даже отказывались работать, но очень скоро были усмирены простыми полицейскими мѣрами. Сосѣди не то иронически, не то съ завистью говорили: вотъ такъ молодецъ! какую штуку удралъ! Но никто пальцемъ объ палецъ не ударилъ, чтобъ помочь крестьянамъ, ссылаясь на то, что подобныя операціи закономъ не воспрещались.

Съ тѣхъ поръ въ Щучьей-Заводи началась настоящая каторга. Все время дворовыхъ, весь день съ утра до ночи, безраздѣльно принадлежалъ барину. Даже въ праздники старикъ находилъ занятія около усадьбы, но за то кормилъ и одѣвалъ ихъ—какъ? это вопросъ особый—и заставлялъ по воскресеньямъ ходить къ обѣднѣ. На послѣднемъ онъ въ особенности настаивалъ, желая себя выказать, въ глазахъ начальства, христіанникомъ и благопопечительнымъ помѣщикомъ.

Хозяйство Савельцевыхъ окончательно процвѣло. Обездоливъ крестьянъ, старикъ обработывалъ уже значительное количество земли, и доходы его росли съ каждымъ годомъ. Смотря на него, и сосѣди стали задумываться, а многіе начали даже ѣздить къ нему подъ предлогомъ поучиться, а въ сущности—въ надеждѣ занять денегъ. Но Абрамъ Семенычъ, несмотря на предлагаемый высокій процентъ, наотрѣзъ всѣмъ отказывалъ.

— Какія, братикъ-сударикъ, у нищаго деньги!—не говорилъ, а словно хныкалъ онъ:—самъ еле-еле душу спасаю, да сына вотъ въ полку содержу. И мужичковъ своихъ вынужденъ былъ въ дворовые поверстать, а почему?—потому что нужда заставила, жить туго приходилось. Развѣ я не понимаю, что имъ, бѣдненькимъ, несладко, въ казармѣ запершись, сидѣть, да ничего не подѣлаешь: своя рубашка

къ тѣлу ближе. Теперь у меня и ржица залишняя есть, и овсеца найдется. Продамъ, — вотъ на чай съ сахаромъ и будетъ... Дворянинъ-съ: безъ чаю тоже стыдно! Такъ-то, братикъ-сударикъ!

Въ довершеніе, Савельцевъ былъ сластолюбивъ и содержалъ у себя цѣлый гаремъ, во главѣ котораго состояла дебелая, кровь съ молокомъ, лѣтъ подъ-тридцать экономка Улита, мужняя жена, которую старикъ оттягалъ у собственнаго мужика.

Улита домовничала въ Щучьей-Заводи и имѣла на барина огромное вліяніе. Носились слухи, что и стариковы деньги, въ видѣ ломбардныхъ билетовъ, на имя неизвѣстнаго, переходятъ къ ней. Тѣмъ не менѣе, вольной онъ ей не давалъ—боялся, что она броситъ его, — а выпустилъ на волю двоихъ ея сыновей-подростковъ и помѣстилъ ихъ въ ученье въ Москву.

Съ сыномъ онъ жилъ не въ ладахъ и помогалъ ему очень скупо. Съ своей стороны и сынъ отвѣчалъ ему полной холодностью и въ особенности точилъ зубы на Улиту.

— Придетъ и мое времечко, я изъ нея кровь выпью, жилы повытяну!—грозился онъ заранѣе.

Николай Савельцевъ пользовался въ полку нехорошей репутаціей. Онъ принадлежалъ къ той породѣ людей, про которыхъ говорятъ: звѣри! Былъ безъ мѣры жестокъ съ солдатами, и, что всего важнѣе, жестокость его не имѣла „воспитательнаго“ характера, а проявлялась совсѣмъ безпричинно. Въ то время, въ военной средѣ, суровое обращеніе не представлялось чѣмъ-нибудь ненормальнымъ; ручные побои, палка, шпицрутены такъ и сыпались градомъ, но требовалось, чтобы эти карательно-воспитательныя мѣры предпринимались съ толкомъ и „за дѣло“. Савельцевъ же увѣчилъ *безъ пути*. Сверхъ того, онъ не имѣлъ понятія объ офицерской чести. Напивался пьянъ и въ пьяномъ видѣ дебоширствовалъ; завѣдуя ротнымъ хозяйствомъ, людей содержалъ дурно и былъ нечистъ на руку. Встрѣчались, конечно, и другіе, которые въ этомъ смыслѣ не клали охулки на руку, но опять-таки они дѣлали это умненько, съ толкомъ (такой образъ дѣйствія встарину назывался „благоразумной экономіей“), а не безъ пути, какъ Савельцевъ.

Однажды зимой, молодой Савельцевъ пріѣхалъ въ побывку къ отцу въ Щучью-Заводь. Осмотрѣлся съ недѣльку, и затѣмъ, узнавши, что по сосѣдству, въ семьѣ Затрапезныхъ, имѣется дѣвица-невѣста,

которой предназначено въ приданое Овсецово, явился и въ Малиновецъ.

Несмотря на зазорную репутацію, предшествовавшую молодому сосѣду, и дѣдушка, и бабушка приняли его радушно. Они чутьемъ догадались, что онъ пріѣхалъ свататься, но, вѣроятно, надѣялись, что Фиска-змѣя не дастъ себя въ обиду, и не особенно тревожились доходившими до нихъ слухами о свирѣпомъ нравѣ жениха. Дѣдушка даже счелъ приличнымъ предупредить молодого человѣка.

— Ты смотри въ оба!—сказалъ онъ:—ты, сказываютъ, лихъ, да и она у насъ нѣщечко!

На что Савельцевъ совершенно добродушно отвѣтилъ:

— Не безпокойтесь, будетъ шолковая!

А бабушка, съ своей стороны, въ томъ же духѣ предупреждала Фисочку:

— Смотри, Фиска! Ты лиха, а твой Николушка еще того лише. Какъ бы онъ подъ пьяную руку тебя не зарубилъ!

Но и Фисочка спокойно отвѣтила:

— Ничего, матушка, я на себя надѣюсь! упе́тается! по стрункѣ ходить будетъ!

Затѣмъ, поговоривши о томъ, кто кого лише, и кто кого прежде поѣдомъ съѣстъ, молодыхъ обручили, а мѣсяца черезъ полтора и повѣнчали. Савельцевъ увезъ жену въ полкъ, и начали молодые жить да поживать.

Года четыре, до самой смерти отца, водилъ Николай Абрамычъ жену за полкомъ; и какъ ни злонравна была сама по себѣ Апфиса Порфирьевна, но тутъ она впервые узнала, до чего можетъ доходить настоящая человѣческая свирѣпость. Мужъ ея оказался не истязателемъ, а палачомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Съ утра пьяный и разъяренный, онъ способенъ былъ убить, засѣчь, зарыть ее живою въ могилу.

Въ качествѣ особы женскаго пола, она ждала совсѣмъ не того. Она думала, что дѣло ограничится щипками, тычками и бранью, на которые она и сама съумѣла бы отвѣтить. Но вышло нѣчто посерьезнѣе: въ перспективѣ ежеминутно мелькало увѣчье, а чего добраго и смерть. Къ тому же, до Савельцева дошло, что жена его еще въ дѣвушкахъ имѣла любовную исторію и даже будто бы родила сына. Это послужило исходнымъ пунктомъ для опредѣленія его будущихъ отношеній

къ женѣ. Ни одинъ шагъ не проходилъ ей даромъ, ни одного дня не проходило безъ того, чтобы мужъ не билъ ее смертельнымъ боемъ. Случалось даже, что онъ призывалъ деньщика Семена, коренастаго и сильнаго инородца, и приказывалъ бить нагайкой полуобнаженную женщину. Не разъ Анфиса Порфирьевна, окровавленная, выбѣгала по ночамъ (когда, по преимуществу, производились экзекуціи надъ нею) на улицу, крича караулъ, но ротный штабъ, во главѣ котораго стоялъ Савельцевъ, квартировалъ въ глухой деревнѣ, и на крики ея никто не обращалъ вниманія. Ей сдѣлалось страшно. Впереди не видѣлось ни помощи, ни конца мученіямъ: она смирилась.

Разумѣется, смирилась наружно, запечатлѣвая въ своей памяти всякую нанесенную обиду и смутно на что-то надѣясь. Мало-по-малу въ ея сердцѣ скопилась такая громадная жажда мести, которая, независимо отъ мужниныхъ истязаній, вконецъ измучила ее. Съ одной стороны, она сознавала зыбкость своихъ надеждъ; съ другой, воображеніе такъ живо рисовало картины пытокъ и истязаній, которыя она обѣщала себѣ осуществить надъ мужемъ, какъ только случай развяжетъ ей руки, что она забывала ужасную дѣйствительность и всѣмъ существомъ своимъ переносилась въ вожделѣнное будущее. Кто знаетъ, что̀ можетъ случиться! Мужъ можетъ заболѣть; пьянство его можетъ кончиться параличомъ, который прикуетъ его къ одру, недвижимаго, безпомощнаго. Не разъ вѣдь бывало, что съ нимъ случались припадки, въ родѣ столбняка, изъ которыхъ, впрочемъ, выносливая его натура постоянно выходила побѣдительницею. Но, можетъ быть, наступитъ минута, когда припадки разрѣшатся чѣмъ-нибудь и болѣе серьезнымъ. И вотъ тогда...

Во всякомъ случаѣ, Савельцевъ былъ правъ, удостовѣряя дѣдушку, что Фиска будетъ шолковая. Она ужъ и не пыталась бороться съ мужемъ, а только старалась не попадаться ему на глаза, всячески угождая ему при случайныхъ встрѣчахъ и почти безвыходно проводя время на кухнѣ. Этимъ она, по крайней мѣрѣ, достигла того, что постепенно и мужъ началъ забывать о ней. Въ домѣ сдѣлалось тише, и сцены смертнаго боя повторялись рѣже. Быть можетъ, впрочемъ, Савельцевъ самъ струсилъ, потому что слухи о его обращеніи съ женою дошли до полкового начальства, и ему угрожало отнятіе роты а пожалуй и исключеніе изъ службы.

Анфиса Порфирьевна слегка оживилась. Но по мѣрѣ того, какъ

участь ея смягчалась, сердце все больше и больше разгоралось ненавистью. Сидя за обѣдомъ противъ мужа, она не спускала съ него глазъ и все думала и думала.

— Что ты на меня глаза таращишь, вѣдьма проклятая?— кричалъ на нее мужъ, уловивъ ея загадочный взглядъ.

— Гляжу на тебя, ненаглядnаго,—отвѣчала она, тихо посмѣиваясь.

Не разъ она рѣшалась „обкормить“ мужа, но, какъ и всѣ законопослушные люди, трусила послѣдствій такого поступка. Вѣдь у всѣхъ ея жизнь была на виду, и, разумѣется, въ случаѣ внезапной смерти Савельцева, подозрѣнія прежде всего пали бы на нее.

— Изъ-за него, изъ-за постылаго, еще на каторгу, пожалуй, попадешь!—говорила она себѣ:—нѣтъ! нѣтъ! придетъ мой часъ. придетъ! Всякую нагайку, всякую плюху—все на немъ, злодѣѣ, вымещу!

Въ такомъ положеніи стояло дѣло, когда наступилъ конецъ скитаніямъ за полкомъ. Разладъ между отцомъ и сыномъ становился все глубже и глубже. Старикъ и прежде мало давалъ сыну денегъ, а подъ-конецъ и вовсе прекратилъ всякую денежную помощь, ссылаясь на недостатки. Сыну, собственно говоря, не было особенной нужды въ этой помощи, потому что ротное хозяйство не только съ избыткомъ обезпечивало его существованіе, но и давало возможность дѣлать сбереженія. Но онъ былъ жаденъ и негодовалъ на отца.

— Восемьдесятъ душъ—это восемьдесятъ хрѣбтовъ-съ—говаривалъ онъ:—ежели ихъ умѣючи нагайкой пошевелить, такъ тутъ только огребай! А онъ, видите ли, не можетъ родному дѣтищу удѣлить! Знаю я, знаю, куда мои кровныя денежки уплываютъ... Улита Савишна у старика постельничаетъ, такъ вотъ ей... Ну, да мое времечко придетъ! Я изъ нея все до послѣдней копѣечки выколочу!

Наконецъ старикъ умеръ, и время Николая Савельцева пришло. Улита сейчасъ же послала гонца по мѣсту квартированія полка, въ одну изъ дальнихъ замосковныхъ губерній; но замѣчено было, что она наказала гонцу, проѣздомъ черезъ Москву, немедленно прислать въ Щучью-Заводь ея старшаго сына, которому было въ то время уже лѣтъ восемнадцать.

Сынъ дѣйствительно сейчасъ же пріѣхалъ, пробылъ у матери менѣе сутокъ и поѣхалъ обратно въ Москву. Этотъ эпизодъ, разумѣется,

послужилъ подтвержденіемъ слуховъ о капиталахъ покойнаго Савельцева, будто бы переданныхъ Улитѣ.

Николай Абрамычъ тотчасъ же взялъ отпускъ и, какъ ураганъ, налетѣлъ на Щучью-Заводь, въ сопровожденіи своего наперсника, деньщика Семена. Выскочивъ изъ брички, онъ приказалъ встрѣтившей его на крыльцѣ Улитѣ подать самоваръ, и тотчасъ же распорядился, чтобъ созвали людей.

— А съ тобой, красавица, я раздѣлаюсь! — прибавилъ онъ, обращаясь къ бывшей домоправительницѣ отца.

Улита стояла ни жива, ни мертва. Она чуяла, что ее ждетъ что-то зловѣщее. За двѣ недѣли, прошедшія со времени смерти стараго барина, она изъ дебелой и цвѣтущей барской барыни превратилась въ обрюзглую бабу. Лицо осунулось, щеки впали, глаза потухли, руки и ноги тряслись. Повидимому, она не поняла приказанія насчетъ самовара, и не двигалась...

— Что стала? Самоваръ! Живо! я тебя научу поворачиваться! —закричалъ Савельцевъ, изрыгая цѣлый потокъ непечатныхъ ругательствъ, и затѣмъ вырвалъ изъ рукъ деньщика нагайку и хлеснулъ ею по груди Улиты.

— Это тебѣ задаточекъ!—крикнулъ онъ ей вдогонку.

Чай Николай Абрамычъ пилъ съ ромомъ, по особой, какъ онъ выражался, Савельцевской, системѣ. Сначала нальетъ три-четверти стакана чаю, а остальное дольетъ ромомъ; затѣмъ, отпивая глотокъ за глоткомъ, онъ подливалъ такое же количество рому, такъ что подъ-конецъ оказывался уже голый ямайскій напитокъ. Напившись такого чаю, Савельцевъ обыкновенно впадалъ въ полное бѣшенство.

Созвавши дворовыхъ, онъ потребовалъ, чтобъ ему указали, куда покойный отецъ пряталъ деньги. Но никто ничего не отвѣчалъ. Даже тѣ, которые ни мало не сомнѣвались, что стариковы деньги перешли къ Улитѣ, не указали на нее. Тогда обшарили весь домъ и всѣ сундуки у дворовыхъ людей, даже навозъ на конномъ дворѣ перерыли, но денегъ не нашли, кромѣ двухъ-сотъ рублей, которые старикъ отложилъ въ особый пакетъ съ надписью: „на поминъ души“.

— Сказывайте добромъ, гдѣ деньги? — рычалъ разъяренный Савельцевъ, грозя нагайкой.

Дворовые, блѣдные, какъ смерть, стояли передъ нимъ и безмолвствовали.

— Что̀ молчите? сказывайте, куда покойникъ, царство ему небесное, пряталъ деньги?—настаивалъ помѣщикъ.

Дворовые продолжали молчать. Улита, понимая, что это только прелюдія, и что, въ сущности, дальнѣйшее развитіе надвигающейся трагедіи, безпощадное и неумолимое, всецѣло обрушится на нее, пошатывалась на мѣстѣ, словно обезумѣвшая.

— Не знаете?.. и кому онъ деньги передавалъ, тоже не знаете? — продолжалъ домогаться Савельцевъ. — Ладно, я вамъ ужò развяжу языки, а теперь я съ дороги усталъ, отдохнуть хочу!

Онъ, шатаясь, пошелъ сквозь толпу народа къ крыльцу, раздавая направо и налѣво удары нагайкой, и, наконецъ, стоя уже на крыльцѣ, обратился къ Улитѣ:

— А ты, сударка, будь въ надеждѣ. Завтра тебѣ судъ будетъ, а покуда ступай въ холодную!

На другой день, раннимъ утромъ, началась казнь. На дворѣ стояла уже глубокая осень, и Улиту, почти окостенѣвшую отъ ночи, проведенной въ „холодной“, поставили передъ крыльцомъ, на одномъ изъ приступковъ котораго сидѣлъ баринъ, на этотъ разъ еще трезвый, и курилъ трубку. Въ виду крыльца, на мокрой травѣ была разостлана рогожа.

— Гдѣ отцовы деньги? — допрашивалъ Улиту Савельцевъ:— сказывай! прощу!

— Не видала денегъ! что̀ хотите дѣлайте... не видала!—чуть слышно, стуча зубами, отвѣчала Улита.

— Такъ не видала? Нагайками ее! двѣсти! триста!—крикнулъ Савельцевъ деньщику, постепенно свирѣпѣя.

Улиту раздѣли и, обнаженную, въ виду собраннаго народа, разложили на рогожѣ. Семенъ засучилъ рукава. Раздался первый взмахъ нагайки, за которымъ послѣдовалъ раздирающій душу крикъ.

Коренастый инородецъ, постепенно озлобляясь, сыпалъ ударъ за ударомъ мѣрно, медленно, отсчитывая: разъ-два... Савельцевъ безучастно выкуривалъ трубку за трубкой, поощряя:

— Ишь мяса̀-то нагуляла! Вотъ я тебѣ косточки-то ошпарю... сахарница!

Или:

— Полумѣсяцемъ, Семенъ, полумѣсяцемъ разрисовывай! рубецъ

возлѣ рубца укладывай... вотъ такъ! Скажетъ, подлая, скажетъ! до смерти запорю!

Но не дошло и до пятидесяти нагаекъ, какъ Улита совсѣмъ замолчала.

Улита лежала какъ пластъ на рогожѣ; даже тѣло ея не вздрагивало, когда нагайка, свистя, опускалась ей на спину.

Въ толпѣ послышался чей-то одиночный стонъ. Староста, стоявшій неподалеку отъ барина, испугался.

— Какъ бы не тово, Николай Абрамычъ! какъ бы въ отвѣтѣ за нее не быть!—запинаясь отъ страха, предупреждалъ онъ

— А? что?—крикнулъ на него Савельцевъ:—или и тебѣ того же хочется? У меня расправа короткая! Будетъ и тебѣ... всѣмъ будетъ! Кто тамъ еще закричалъ?.. запорю! И въ отвѣтѣ не буду! У меня, братъ, собственная казна есть! Хребтомъ въ полку наживалъ... Спину денежками—всѣмъ рты замажу!

Однакожъ, когда отсчитано было еще нѣсколько ударовъ, онъ одумался и спросилъ:—Сколько?

— Семьдесятъ,—отвѣтилъ палачъ-деньщикъ.

— Ну, до трехъ-сотъ далеконько. А впрочемъ, будетъ съ нея на нынѣшній день! У насъ въ полку такъ велось: какъ скоро солдатикъ не выдержитъ положенное число палокъ—въ больницу его на поправку. Тамъ подправятъ, спину заживятъ, и опять въ манежъ... покуда свою порцію сполна не получитъ!

Улиту, въ одной рубашкѣ, снесли обратно въ чуланъ и заперли на ключъ, который баринъ взялъ къ себѣ. Вечеромъ онъ не утерпѣлъ и пошелъ въ холодную, чтобы произвести новый допросъ Улитѣ, но нашелъ ее уже мертвою. Въ ту же ночь призвали попа, обвертѣли замученную женщину въ рогожу и свезли на погостъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Савельцевъ не остановился бы на одной этой казни, но на другое утро, за чаемъ, староста доложилъ, что за ночь половина дворни разбѣжалась.

— А ты что меня не предупредилъ? За-одно съ ними? а?—вскричалъ баринъ.—Палокъ!

Разъяренный, кинулся онъ въ казарму. но увидѣлъ, что и оставшіеся на-лицо дворовые какъ будто опомнились и смотрѣли мрачно. Савельцевъ заметался, какъ раненный звѣрь, но вынужденъ былъ отступить.

— Ладно, за мною не пропадетъ! — посулилъ онъ, не будучи въ состояніи вполнѣ сдержать себя.

Наскоро велѣлъ онъ запречь бричку и покатилъ въ городъ, чтобъ отрекомендоваться властямъ, просить о вводѣ во владѣніе и въ то же время понюхать, чѣмъ пахнетъ вчерашняя кровавая расправа.

Тамъ онъ узналъ, что бѣжавшіе дворовые уже предупредили его и донесли. Исправникъ принялъ его, однакоже, радушно, и только полушутя прибавилъ:

— Крутеньки-таки вы, Николай Абрамычъ:—то же бы самое, да на другой манеръ... келейно бы...

Но, впрочемъ, обнадежилъ, посовѣтовалъ съѣздить къ уѣздному стряпчему и къ лекарю, и въ заключеніе сказалъ:

— Только намъ придется погостить у васъ по этому случаю! ужъ не взыщите.

— Помилуйте! почту за честь,—отвѣтилъ Савельцевъ, подавая исправнику руку, въ глубинѣ ладони которой была спрятана крупная ассигнація.

Исправникъ слегка стѣснился и даже вздохнулъ, но принялъ...

Въ то время дѣла такого рода считались между приказною челядью лакомымъ кускомъ. Въ Щучье-Заводь пріѣхало цѣлое временное отдѣленіе земскаго суда, подъ предсѣдательствомъ самого исправника. Началось слѣдствіе. Улиту вырыли изъ могилы, осмотрѣли рубцы на тѣлѣ, и нашли, что наказаніе не выходило изъ ряда обыкновенныхъ, и что поломовъ костей и увѣчій не оказалось.

Затѣмъ, такъ какъ наступилъ уже „адмиральскій часъ“. господа чиновники отправились къ помѣщику хлѣба-соли откушать. Всѣ тутъ, отъ предсѣдателя до послѣдняго писца, ѣли и пили, требуя кто чего хотѣлъ, а послѣ обѣда написали протоколъ, въ которомъ значилось, что раба божія Улита умерла отъ апоплексіи; хотя же и была передъ тѣмъ наказана на тѣлѣ, но слегка, отечески. Всю ночь послѣ того пировали чиновники въ господскомъ домѣ, округляя и облаживая дѣло, а Савельцевъ то-и-дѣло исчезалъ справляться въ кису, гдѣ хранились его кровныя денежки. Бѣжавшихъ дворовыхъ водворили и убѣдили новаго помѣщика не только простить ихъ за побѣгъ, но и всей дворнѣ отпустить ведро водки.

Въ результатѣ, вводъ во владѣніе стоилъ Савельцеву половины

сбереженій, сдѣланныхъ въ полку. Зато онъ показалъ себя во всемъ блескѣ.

Дѣло, однакожъ, получило большую огласку не только въ нашемъ околоткѣ, но и въ губерніи. Поэтому оно кончилось и не такъ скоро, и не такъ благополучно, какъ о томъ мечталъ Савельцевъ. Мѣсяца черезъ четыре онъ былъ уже вынужденъ навѣдаться въ губернскій городъ, а невдолгѣ послѣ того на Щучью-Заводь произошелъ новый чиновничій наѣздъ. Пріѣхалъ слѣдователь изъ губерніи. Улиту опять вырыли, но тѣло ея уже подверглось разложенію. Снова не нашли ни поломовъ, ни увѣчій, а изъ допросовъ убѣдились, что покойница была передъ смертью пьяна и умерла отъ апоплексіи. Савельцевъ и на этотъ разъ вышелъ обѣленный, но, по завершеніи дополнительнаго слѣдствія, привезенной изъ полка капитанской кисѣ послѣдовалъ скорый и немилостивый конецъ.

Въ разныхъ перипетіяхъ прошло цѣлыхъ четыре года. Дѣло переходило изъ инстанціи въ инстанцію и служило яблокомъ раздора между судебной и административной властями.

Сложилось два мнѣнія: одно утверждало, что поступокъ Савельцева представляетъ собою одинъ изъ видовъ превышенія помѣщичьей власти: другое—что дѣло это заключаетъ въ себѣ преступленіе подвѣдомое общимъ уголовнымъ судамъ. Первое мнѣніе одержало верхъ.

Все это время Савельцевъ находился на свободѣ. Но онъ вскорѣ вынужденъ былъ заложить Щучью-Заводь, а потомъ, съ великодушнаго согласія Анфисы Порфирьевны, и Овсецово. Съ женою онъ совсѣмъ примирился, такъ какъ понялъ, что она не менѣе злонравна, нежели онъ, но въ то же время гораздо умнѣе его и умѣетъ хорошить концы. Даже свирѣпаго инородца-деньщика, въ угоду ей, отослалъ. Разъ навсегда онъ сказалъ себѣ, что крючки злодѣйства—не женскаго ума дѣло, что женщины не имѣютъ такого широкаго взгляда на дѣло, но что въ истязаніяхъ и мучительствахъ онѣ, пожалуй, будутъ повиртуознѣе мужчинъ.

Чувствуя себя связаннымъ безпрерывнымъ чиновничьимъ надзоромъ, онъ лично вынужденъ былъ сдерживать себя, но ничего не имѣлъ противъ того, когда жена, становясь на молитву, ставила рядомъ съ собою горничную, и за каждымъ словомъ щипала ее, или когда она приказывала щекотать провинившуюся „дѣвку" до нѣмы

у рта, или гонять на кордѣ, какъ лошадь, подстегивая сзади арапникомъ. Подобныя истязанія возобновлялись въ Овсецовѣ (супруги, изъ страха, переѣхали на жительство туда) почти ежедневно и сходили съ рукъ совершенно безнаказанно. Повидимому, фактъ кровавой расправы съ Улитой былъ до того уже возмутителенъ, что подавлялъ собою дальнѣйшія мелочи и отвлекалъ вниманіе отъ нихъ.

Тѣмъ не менѣе, тетенька не забывала прежнихъ обидъ и попрежнему продолжала загадочно посматривать на мужа, теперь уже положительно предчувствуя, что часъ ея наступитъ скоро.

Сравнительно, въ усадьбѣ Савельцевыхъ установилась тишина. И дворовые, и крестьяне прислушивались къ слухамъ о фазисахъ, черезъ которое проходило Улитино дѣло, но прислушивались безмолвно, терпѣли и не жаловались на новыя притѣсненія. Вѣроятно, они понимали, что ежели будутъ мозолить начальству глаза, то этимъ только заслужатъ репутацію безпокойныхъ и дадутъ поводъ для оправданія подобныхъ неистовствъ.

Наконецъ, черезъ четыре-пять лѣтъ, дѣло кончилось, и кончилось совсѣмъ неожиданно. Переходя изъ инстанціи въ инстанцію, оно, за разногласіями и перемѣнами въ составѣ администраціи, дошло до высшихъ сферъ. Тамъ, несмотря на то, что послѣдняя губернская инстанція рѣшила ограничиться внушеніемъ Савельцеву быть впередъ въ поступкахъ своихъ осмотрительнѣе, взглянули на дѣло иначе. Изъ Петербурга пришла резолюція: отставного капитана Савельцева, какъ недостойнаго дворянскаго званія, лишить чиновъ и дворянства и отдать безъ срока въ солдаты въ дальніе батальоны. Приговоръ былъ безапелляціонный.

Разумѣется, уѣздная администрація и тутъ оказалась благосклонною. Не сразу исполнила рѣшеніе, но тайно предупредила осужденнаго и дала ему срокъ, чтобы сообразиться.

Цѣлую ночь Савельцевъ совѣщался съ женою, обдумывая, какъ ему поступить. Перспектива солдатства, какъ зіяющая бездна, наводила на него паническій ужасъ. Онъ слишкомъ живо помнилъ солдатскую жизнь и свои собственные подвиги надъ солдатиками — и дрожалъ какъ листъ при этихъ воспоминаніяхъ.

Шпицрутены, шпицрутены, шпицрутены... Увѣчья отъ руки фельдфебеля, увѣчья отъ любого изъ субалтерн-офицеровъ, увѣчья отъ ротнаго командира. Перевернешься — бьютъ, не доверешься

—бьютъ: вотъ правило. А сверхъ того, безконечный путь по этапу въ какую-нибудь изъ сибирскихъ крѣпостей, съ партіей арестантовъ, съ мѣшкомъ за плечами, въ сопровожденіи конвоя... И, можетъ быть, кандалы! Нѣтъ, онъ не въ силахъ начать такую жизнь! Ему ужъ подъ-сорокъ; отъ постояннаго пьянства организмъ его почти разрушился—гдѣ ему? И что всего страшнѣе,—между новыми товарищами-солдатами можетъ найтись свидѣтель его прежнихъ варварствъ—тогда что? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... лучше руки на себя наложить.

Но Анфиса Порфирьевна была изобрѣтательна и ловко воспользовалась его отчаяніемъ.

— Скажись мертвымъ!—посовѣтовала она, съумѣвъ отыскать въ своемъ дребезжащемъ голосѣ ласковыя ноты.

Онъ взглянулъ на нее съ недоумѣніемъ, но, въ то же время, инстинктивно дрогнулъ.

— Что смотришь! скажись мертвымъ—только и всего!—повторила она.—Ублаготворимъ полицейскихъ, устроимъ съ пустымъ гробомъ похороны — вотъ и будешь потихоньку жить да поживать у себя въ Щучьей-Заводи. А я здѣсь хозяйничать буду.

— А съ имѣніемъ какъ?

— Съ имѣніемъ надо ужъ проститься. На мое имя придется купчую крѣпость совершить...

Онъ смотрѣлъ на нее со страхомъ и думалъ крѣпкую думу.

— Убьешь ты меня!—наконецъ вымолвилъ онъ.

— Вотъ тебѣ на! Прошлое, что-ли, вспомнилъ! Такъ я, мой другъ, давно ужъ забыла. Вѣдь ты мой мужъ; чай, въ церкви обвѣнчаны... Былъ ты виноватъ передъ мною, крѣпко виноватъ—это точно; но въ послѣднее время, слава Богу, жили мы мирёхонько... Ни ты меня, ни я тебя... Не я ли тебѣ Овсецово заложить позволила... а? забылъ? И впередъ такъ будетъ. Коли какая случится нужда—прикажу, и будетъ исполнено. Ну-ка, ну-ка, думай скорѣе!

— Убьешь, убьешь ты меня! — повторялъ онъ безсознательно.

Но думать было некогда, да и исхода другого не предстояло. На другой день, раннимъ утромъ, мужъ и жена отправились въ ближайшій губернскій городъ, гдѣ живо совершили купчую крѣпость, которая навсегда передала Щучью-Заводь въ собственность Анфисы Порфирьевны. А по пріѣздѣ домой, какъ только наступила ночь,

переправили Николая Абрамыча на жительство въ его бывшую усадьбу.

Тутъ же, совсѣмъ кстати, умеръ старый дворовый Потапъ Матвѣевъ, такъ что и въ пустомъ гробѣ надобности не оказалось. Потапа похоронили въ барскомъ гробѣ, пригласили благочиннаго, нѣсколькихъ сосѣднихъ поповъ и дали знать подъ рукою исправнику, такъ что когда послѣдній пріѣхалъ въ Овсецово, то засталъ уже похороны. Хоронили боларина Николая съ почестями и церемоніями, подобающими родовитому дворянину.

Донесено было, что приговоръ надъ отставнымъ капитаномъ Савельцевымъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, такъ какъ осужденный волею Божіей помре. Покойный „боларинъ“ остался въ своемъ родовомъ гнѣздѣ, и отнынѣ началъ влачить жалкое существованіе подъ именемъ дворового Потапа Матвѣева.

На другой же день, Анфиса Порфирьевна облекла его въ синій затрапезъ, оставшійся послѣ Потапа, отвела уголъ въ казармѣ и велѣла нарядить на барщину, на ряду съ прочими дворовыми. Когда же ей доложили, что баринъ стоитъ на крыльцѣ и проситъ доложить о себѣ, она рѣзко отвѣтила:

— Не надо. Пусть трудится; Богъ труды любитъ. Скажите ему, поганцу, что отъ его нагаекъ у меня и до сихъ поръ спину ломитъ. И не смѣть звать его барином. Какой онъ баринъ! Онъ—столяръ Потапка и больше ничего.

Происшествіе это случилось у всѣхъ на знати. И странное дѣло! —тѣмъ же самымъ сосѣдямъ, которые по поводу Улитиныхъ истязаній, кричали: „каторги на него, изверга, мало!“—вдругъ стало обидно за Николая Абрамыча.

— Ежели изъ-за каждой холопки да въ солдаты—что-жъ это будетъ!—говорили одни.

— Нѣтъ, вы вотъ объ чемъ подумайте! Теперича эта исторія разошлась вездѣ, по всѣмъ уголкамъ... Всякій мужиченко намоталъ ее себѣ на усъ... Какого же ждать повиновенія! — прибавляли другіе.

Словомъ сказать, пошли въ ходъ такія вольныя рѣчи, что предводитель насилу могъ унять недовольныхъ.

Прошло немного времени, и Николай Абрамычъ совсѣмъ погрузился въ добровольно принятый имъ образъ столяра Потапа. Вмѣстѣ

съ другими, онъ выполнялъ барщинскую страду. вмѣстѣ съ другими ѣлъ прокислое молоко, мякинный хлѣбъ и пустыя щи.

Тѣмъ не менѣе программу истязаній, которую рисовало воображеніе тетеньки, ей удалось выполнить только отчасти.

Однажды вздумала она погонять мужа на кордѣ, но, во-первыхъ, полуразрушенный человѣкъ уже въ самомъ началѣ наказанія оказался неспособнымъ получить свою порцію сполна, а во-вторыхъ, на другой день онъ исчезъ. Оказалось, что съ отчаянія онъ ушелъ въ городъ и объявился тамъ. Разумѣется, его даже не выслушали и водворили обратно въ мѣстожительство; но вслѣдъ затѣмъ предводитель вызвалъ Анфису Порфирьевну и предупредилъ ее, чтобы она оставила мужа въ покоѣ, такъ какъ, въ случаѣ повторенія истязаній, онъ вынужденъ будетъ ходатайствовать о взятіи имѣнія ея въ опеку.

Потапа переселили въ Овсецово, отвели особую коморку во флигелѣ и стали держать во дворѣ вмѣсто шута. Вскорѣ Анфиса Порфирьевна выписала Ѳомушку и предоставила ему глумиться надъ мужемъ сколько душѣ угодно.

Ѳомушка упалъ словно снѣгъ на голову. Это была вполнѣ таинственная личность, о которой никто до тѣхъ поръ не слыхалъ. Говорили шопотомъ, что онъ—тотъ самый сынъ, котораго барыня прижила еще въ дѣвушкахъ, но другіе утверждали, что это—барынинъ любовникъ. Однакожъ, судя по тому, что она не выказывала ни малѣйшей ревности въ виду его подвиговъ въ дѣвичьей, скорѣе можно было назвать справедливымъ первое предположеніе.

Это былъ халуй въ полномъ смыслѣ этого слова, нахальный, дерзкій на руку и не въ мѣру сластолюбивый. Любилъ щеголять, и мучился тѣмъ, что неоднократно пытался попасть въ общую помѣщичью семью, но каждый разъ, даже у мелкопомѣстныхъ, встрѣчалъ суровый отпоръ. Лѣнивый и ничего несмыслящій въ хозяйствѣ, онъ управлялъ имѣніемъ крайне плохо и велъ праздную жизнь, забавляясь надъ „покойникомъ“, котораго заставлялъ плясать, пѣть пѣсни и т. д. Тетенька души въ немъ не чаяла и втайнѣ обдумывала, какимъ бы образомъ передать ему имѣнье. Но такъ какъ, по тогдашнему времени, тутъ встрѣчались непреодолимыя препятствія (Ѳомушка былъ записанъ въ мѣщане), то приходилось обезпечить дорогого сердцу человѣка заемными письмами. И дѣйствительно, доку-

менты были написаны заранѣе, но она не отдавала ему ихъ въ руки, а спрятала въ бюрэ, указавъ только на ящикъ, въ которомъ они были положены.

— Вотъ гдѣ—смотри! А ключъ—вотъ онъ, въ кошелькѣ, особнякомъ отъ другихъ ключей! Когда буду умирать—не плошай!

— Гдѣ ужъ тогда! во всѣ глаза на меня смотрѣть будутъ! Вы бы мнѣ, маменька, теперь отдали.

— Шалишь!—знаю я вашу братью! Почувствуешь, что документъ въ рукахъ—„покорно благодарю!“ не скажешь, стречка дашь! Нѣтъ ужъ, пускай такъ! береженаго и Богъ бережетъ. Чего бояться! Чай, не вдругъ умру!

Такимъ образомъ шли годы. Николай Абрамычъ успѣлъ состарѣться. На барщину его ужъ не гоняли; изрѣдка, по просьбѣ Ѳомушки, Анфиса Порфирьевна даже давала ему кусокъ съ барскаго стола и рюмку водки. Тогда онъ былъ счастливъ, называлъ жену „благодѣтельницей“ и благодарилъ, касаясь рукой земли. Цѣлые дни бродилъ онъ съ клюкой по двору, въ неизмѣнномъ синемъ затрапезѣ, которому, казалось, износу не было. Наблюдалъ, чтобы опредѣленныя барыней наказанія выполнялись съ точностью, и по временамъ наушничалъ. Отъ времени до времени, впрочемъ, замѣчали, что онъ начинаетъ забываться, бормочетъ нескладицу и не узнаетъ людей. Онъ самъ, повидимому, сознавалъ, что конецъ недалеко, такъ что однажды, когда Анфиса Порфирьевна, отдавъ обычную дань (она все еще трусила, чтобы дѣло не всплыло наружу) чиновникамъ, укорила его: „смерти на тебя, постылаго, нѣтъ!“—онъ смиренно отвѣчалъ:

— Скоро, благодѣтельница, скоро! Савельцевъ уже умеръ, и Потапка скоро умретъ!

Сосѣди позабыли объ этой исторіи, и только изрѣдка разсказывали наѣзжимъ гостямъ, какъ о диковинкѣ, о помѣщикѣ-покойникѣ, живущемъ въ Овсецовѣ, на глазахъ у властей. Иногда Николай Абрамычъ даже захаживалъ къ ближайшимъ сосѣдямъ, которые были попроще (этотъ околотокъ былъ сплошь населенъ мелкопомѣстными). Придетъ, побродитъ по двору, увидитъ отворенное окошко, подойдетъ и постучитъ клюкою. На этотъ стукъ подходилъ къ окну сосѣдъ и разговаривалъ съ старикомъ, а иногда и высылалъ ему рюмку водки съ ломтемъ чернаго хлѣба. Но въ дома его не впускали.

Наконецъ, пришла и желанная смерть. Для обѣихъ сторонъ она была вожделѣннымъ разрѣшеніемъ. Савельцевъ съ мѣсяцъ лежалъ на печи, томимый неизвѣстнымъ недугомъ и не получая врачебной помощи, такъ какъ Анфиса Порфирьевна на-отрѣзъ отказала позвать лекаря. Умеръ онъ тихо, испустивъ глубокій вздохъ, какъ будто радуясь, что жизненныя узы внезапно упали съ его плечъ. Съ своей стороны и тетенька не печалилась: смерть мужа освобождала отъ обязанности платить ежегодную дань чиновникамъ.

Похоронили Николая Абрамыча на томъ же погостѣ, гдѣ былъ схороненъ и столяръ Потапъ. На скромномъ крестѣ, который былъ поставленъ надъ его могилой, было написано:

„Здѣсь лежитъ тѣло раба божія Потапа Матвѣева".

Конецъ тетеньки Анфисы Порфирьевны былъ трагическій. Однажды, когда она укладывалась на ночь спать, любимая ея ключница (это, впрочемъ, не мѣшало тетенькѣ истязать ее наравнѣ съ прочими), которая всегда присутствовала при этомъ обрядѣ, отворила дверь спальни и кликнула:

— Что̀ стали! идите!

По этому клику, въ спальню ворвалась толпа сѣнныхъ дѣвушекъ и въ нѣсколько мгновеній задушила барыню подушками.

Такъ какъ это случилось ночью, то Ѳомушка ничего не слыхалъ, а потому и не успѣлъ воспользоваться хранившимися въ бюро документами.

Затѣмъ Овсецово, вмѣстѣ съ благопріобрѣтенною Щучьею-Заводью, досталось по наслѣдству отцу, какъ единственному представителю рода Затрапезныхъ въ мужскомъ колѣнѣ.

По этому случаю матушка нѣсколько дней выжила въ Овсецовѣ, присутствуя при слѣдствіи и угобжая приказныхъ.

Ѳомушка хотя и заявилъ ей о существованіи заемныхъ писемъ, которыя покойница будто бы предназначила ему, но матушка совершенно равнодушно отвѣтила:

— А гдѣ они? покажи!

И затѣмъ указала ему путь на всѣ четыре стороны.

IX. —Заболотье.

Въ Заболотьѣ матушка держала себя совсѣмъ иначе, нежели въ Малиновцѣ. Она замѣтно себя сдерживала. Не приказывала, не горячилась, а только „рекомендовала“, никого не звала презрительными уменьшительными именами (Агашу, несмотря на то, что она была изъ Малиновца, такъ и называла Агашей, да еще прибавляла: „милая“) и совсѣмъ забывала, что на свѣтѣ существуетъ ручная расправа. Можно было подумать, что она чего-то боится, чувствуетъ, что живетъ „на людяхъ“, и даже какъ бы сознаетъ, что ей, еще такъ недавно небогатой дворянкѣ, не совсѣмъ по зубамъ такой большой и лакомый кусъ.

Заболотье было очень обширное село, считавшее не менѣе полутора тысячъ душъ, а съ деревнями, къ нему приписанными, числилось слишкомъ три тысячи душъ мужскаго пола. Оно принадлежало тремъ владѣльцамъ, изъ которыхъ матушка и князь Г. владѣли равными частями (приблизительно по тысячѣ-двѣсти душъ каждый), а графъ З.—меньшею частью, около шести сотъ душъ (впослѣдствіи, матушка, впрочемъ, скупила эту часть). Въ селѣ было до десяти улицъ, носившихъ особыя наименованія; по срединѣ раскинулась торговая площадь, обставленная торговыми помѣщеніями, но въ особенности село гордилось своими двумя обширными церквами, изъ которыхъ одна, съ пятисотъ-пудовымъ колоколомъ, стояла на площади, а другая, освящая сельское кладбище, была выстроена нѣсколько поодаль отъ села. Не мéньшую гордость крестьянъ составляло и нѣсколько каменныхъ домовъ, выдѣлявшихся по мѣстамъ изъ ряда обыкновенныхъ избъ, большею частью ветхихъ и черныхъ. Это были жилища богатѣевъ, которые все село держали въ своихъ рукахъ.

Школы въ селѣ не было, но большинство крестьянъ было грамотное или, лучше сказать, полуграмотное, такъ какъ между крестьянами преобладалъ трактирный промыселъ. Умѣли написать на клочкѣ загаженной бумаги: „силѣтка одна, чаю порц: одна пще порц: румка вотки двѣ румки три румки вичина“ и т. д. Далѣе этого просвѣщеніе не шло.

Встарину Заболотье находилось въ полномъ составѣ въ однѣхъ рукахъ у князя Г., но по смерти его оно распалось между тремя сыновьями. Старшіе два взяли по ровной части, а младшему удѣлили половинную часть и вдобавокъ дали другое имѣніе въ дальней губерніи.

Наслѣдственные раздѣлы происходили въ то время очень своеобразно и безъ всякой предусмотрительности. Дѣлили не землю и даже не деревни, а дворы. Сначала шли дворы богатыхъ крестьянъ, потомъ среднихъ и, наконецъ, бѣдныхъ, хотя бы эти дворы находились въ отдаленіи другъ отъ друга. Случалось, напримѣръ, что три двора, выстроенные рядомъ принадлежали тремъ владѣльцамъ, состояли каждый на своемъ положеніи, платили разные оброки, и жильцы ихъ не могли родниться между собой иначе, какъ съ помощью особой процедуры, которая была обязательна для всѣхъ вообще разнопомѣстныхъ крестьянъ. Правда, что подобные раздѣлы большею частью происходили въ оброчныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ для помѣщика было безразлично, какъ и гдѣ устроилась та или другая платежная единица; но случалось, что такая же путаница допускалась и въ имѣніяхъ издѣльныхъ, въ особенности при выдѣлѣ седьмыхъ и четырнадцатыхъ частей.

Подобному же раздѣлу подверглось и Заболотье. Земельная чересполосица была чрезвычайная, но для матушки было всего важнѣе то, что она постоянно чувствовала себя стѣсненною въ своихъ распоряженіяхъ. Всюду ее преслѣдовалъ сосѣдскій глазъ и невольно заставлялъ сдерживаться. Несмотря на свою громадную память, она очень немногихъ изъ своихъ крестьянъ—преимущественно изъ богатыхъ—знала въ лицо. Такъ что когда мы въ первое время, въ свободные часы, гуляли по улицамъ Заболотья,—надо же было познакомиться съ купленнымъ имѣніемъ,—то за нами обыкновенно слѣдовала толпа мальчишекъ и кричала: „Затрапезные! затрапезные!“ дѣлая такимъ образомъ изъ родовитой дворянской фамиліи каламбуръ. Матушка, конечно, знала, что между этими мальчишками есть и „свои“, но ничего не могла подѣлать. Нерѣдко встрѣчались и взрослые, которые проходили мимо и не ломали шапокъ. И среди нихъ, быть можетъ, не мало „своихъ“, но какъ ихъ угадать? Словомъ сказать, уколы для помѣщичьяго самолюбія встрѣчались на каждомъ шагу. хотя я долженъ сказать, что матушку не столько огорчали эти

уколы, сколько безтолковая земельная черезполосица, которая мѣшала приняться вплотную за управленіе.

Торговая площадь не была раздѣлена, и доходы съ нея дѣлились пропорціонально между совладѣльцами. Каждый годъ, съ общаго согласія, установлялась такса съ возовъ, лавокъ, трактировъ и кабака, причемъ торговать въ улицахъ и въ собственныхъ усадьбахъ хотя и дозволялось, но подъ условіемъ особеннаго и усиленнаго налога. При этихъ совѣщаніяхъ матушкѣ принадлежали двѣ пятыхъ голоса, а остальные три пятыхъ — прочимъ совладѣльцамъ. Очевидно, она всегда оставалась въ меньшинствѣ.

Это волновало ее до чрезвычайности. Почему-то она представляла себѣ, что торговая площадь, ежели приложить къ ней руки, сдѣлается чѣмъ-то въ родѣ золотого дна. Попыталась-было она выстроить на своей усадебной землѣ собственный корпусъ лавокъ, фасомъ на площадь, но и тутъ встрѣтила отпоръ.

— Этакъ ты, пожалуй, весь торгъ къ себѣ въ усадьбу переведешь,—грубо говорили ей сосѣдніе бурмистры, и хотя она начала по этому поводу дѣло въ судѣ, но проиграла его, потому что вмѣшательство князя Г. пересилило ея скромныя денежныя приношенія.

Но этого мало: даже собственные крестьяне нѣкоторое время не допускали ее лично до распоряженій по торговой площади. До перехода въ ея владѣніе, они, точно также какъ и крестьяне другихъ частей, ежегодно посылали выборныхъ, которые сообща и установляли на весь годъ площадный обиходъ. Сохраненія этого порядка они домогались и теперь, такъ что матушкѣ немалыхъ усилій стоило, чтобы одержать побѣду надъ крестьянской вольницей и осуществить свое помѣщичье право.

Во всякомъ случаѣ, какъ только осмотрѣлась матушка въ Заболотьѣ, такъ тотчасъ же начала дѣло о размежеваніи, которое и велъ однажды уже упомянутый Петръ Дормидонтычъ Могильцевъ. Но увы!—скажу здѣсь въ скобкахъ—ни она, ни наслѣдники ея не увидѣли окончанія этого дѣла, и только крестьянская реформа положила конецъ земельной сумятицѣ, соединивъ крестьянъ въ одну волость, съ общимъ управленіемъ, и давъ имъ возможность устроиться между собою по собственному разумѣнію.

Только въ усадьбѣ матушка была вполнѣ дома. И прочихъ совладѣльцевъ усадебъ не было, а въ части, ею купленной, оказалась

довольно обширная площадь земли особняка (слишкомъ десять десятинъ) съ домомъ, большою рощей, пространнымъ палисадникомъ, выходившимъ на площадь (о-бокъ съ нимъ она и проектировала свой гостиный дворъ). Домъ былъ старый и неудобный, и какъ ни ухичивала его матушка, всѣ старанія ея остались безуспѣшными. Лѣтомъ въ немъ жить еще можно было, но зиму, которую мы однажды провели въ Заболотье (см. гл. VII), пришлось очень жутко отъ холода, такъ что подъ-конецъ мы вынуждены были переселиться въ контору, и тамъ, въ двухъ комнатахъ, всей семьей тѣснились въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Роща была запущена; въ ней не существовало ни аллей, ни дорожекъ, и сосѣдство ея даже было непріятно, потому что верхушки березъ были усѣяны воронъими и грачевыми гнѣздами, и эти птицы съ утра до ночи поднимали такой неслыханный гвалтъ, что совершенно заглушали человѣческіе голоса. Палисадникъ былъ тоже запущенъ. Быть можетъ, когда-нибудь въ немъ были устроены клумбы съ цвѣтами, о чемъ свидѣтельствовали земляные горбы, разсѣянные по мѣстамъ, но на моей памяти въ немъ росла только трава, и матушка не считала нужнымъ возстановлять прежнія затѣи.

Вообще, усадьба была заброшена, и все показывало, что владѣльцы наѣзжали туда лишь на короткое время. Не было ни прислуги, ни дворовыхъ людей, ни птицы, ни скота. Съ пріѣздомъ матушки отворялось крыльцо, комнаты кое-какъ выметались; а какъ только она садилась въ экипажъ, въ обратный путь, крыльцо опять на ея глазахъ запиралось на ключъ. Случалось даже, въ особенности зимой, что матушка и совсѣмъ не заглядывала въ домъ, а останавливалась въ конторѣ, такъ какъ вообще была неприхотлива.

Заболотье славилось своими торгами, и каждую недѣлю по вторникамъ въ немъ собирался базаръ. Зимой базары бывали очень людные, но лѣтомъ очень часто случалось, что съѣзжались лишь нѣсколько телѣгъ. Встарину торговые пункты устанавливались какъ-то своеобразно, и я теперь даже не могу объяснить, почему, напримѣръ, Заболотье, стоявшее въ сторонѣ отъ большой дороги и притомъ въ лощинѣ, сдѣлалось значительнымъ торговымъ мѣстечкомъ.

Въ околоткѣ существовало семь такихъ торговыхъ пунктовъ, по числу дней въ недѣлѣ, и торговцы ежедневно переѣзжали изъ одного въ другое. Торговали преимущественно холстами и кожами, но въ лавкахъ можно было найти всякій крестьянскій товаръ. Въ особен-

ности же бойко шелъ трактирный торгъ, такъ что, напримѣръ, въ Заболотьѣ существовало не меньше десяти трактировъ.

Я уже упомянулъ, что въ селѣ считалось достаточное число богатѣевъ — они-то и сообщали селу характеръ зажиточности и даже щегольства. Нѣкоторые изъ нихъ дѣлали обороты на десятки тысячъ, а иные даже имѣли лавки въ Москвѣ. Но большинство крестьянъ было бѣдное, существовало впроголодь, ютилось въ ветхихъ, еле живыхъ плетушкахъ и всецѣло находилось подъ пятой у богатѣевъ. Однакожъ, даже самая, что называется, гольтепа вытягивалась въ струну, чтобы форснуть, и пуще глаза хранила синіе кафтаны для мужчинъ и штофныя тѣлогрѣи для женщинъ. Въ праздникъ трудно было даже отличить богатаго отъ бѣднаго.

Главнымъ занятіемъ сельчанъ былъ трактирный промыселъ. Большинство молодыхъ людей почти съ отроческихъ лѣтъ покидало родной кровъ и нанималось въ услуженіе по трактирамъ въ городахъ и преимущественно въ Москвѣ.

Нерѣдко случалось мнѣ впослѣдствіи: зайдешь въ какой-нибудь изъ московскихъ трактировъ и непремѣнно услышишь:

— Никаноръ Васильичъ! съ пріѣздомъ-съ! пожалуйте ручку!

Оказывалось, что это говорилъ заболотскій крестьянинъ, видѣвшій меня еще ребенкомъ, и какимъ-то родомъ сознавшій и теперь.

Въ побывку домой приходили отчасти лѣтомъ въ сѣнокосъ, отчасти въ рождественскій мясоѣдъ, когда играются свадьбы. Дома оставались только старики и женскій полъ. Трактирная сутолока изнуряла и развращала молодыхъ людей. Рѣдко можно было встрѣтить между ними красивыхъ и сильныхъ: большинство было испитое, слабосильное, худосочное. Въ особенности поражали испорченные зубы („отъ чаевъ да отъ сахаровъ, да отъ трубочекъ!“ — говорили старики), такъ что это нерѣдко даже служило препятствіемъ при отправленіи рекрутской повинности. Но промыселъ установился такъ прочно, что поправить дѣло не было возможности. Иначе остановились бы оброки.

То же самое происходило и въ деревняхъ, но въ мѣньшихъ размѣрахъ. Все-таки тамъ молодежь была посвѣжѣе и посолиднѣе и не уходила поголовно вразбродъ, а старики даже любили землю: кромѣ своей, кортомили у сельчанъ ихъ земельные участки и усердно работали. Тамъ и народъ былъ рослѣе, не такъ тщедушенъ. Но де-

ревни были у села въ загонѣ; въ площадныхъ доходахъ, напримѣръ, не принимали участія; деревенскіе крестьяне почти никогда не выбирались въ вотчинныя должности, и даже въ церкви, по праздникамъ, стояли позади, оттѣсняемые щеголеватымъ сельскимъ людомъ.

Зато сельскія женщины въ большинствѣ были красивы. Свободныя отъ тяжелыхъ крестьянскихъ работъ, дебелыя, рослыя, онѣ скорѣе напоминали собой городскихъ мѣщанокъ, нежели сельскихъ обывательницъ. Лица ихъ, впрочемъ, значительно портило употребленіе бѣлилъ и румянъ, а также совсѣмъ черные зубы, въ подражаніе городскимъ кумихамъ, у которыхъ въ то время была такая мода. О цѣломудріи заболотскихъ женщинъ ходили неодобрительные слухи, объясняемые, впрочемъ, постояннымъ отсутствіемъ мужей и любострастіемъ стариковъ, тоже проведшихъ молодость среди трактирной сутолоки и потому не особенно щекотливыхъ въ нравственномъ смыслѣ. Нерѣдко между отцами и сыновьями доходило до громкихъ ссоръ, кончавшихся, однакожъ, всегда одинаково: молодого человѣка призывали въ вотчинную контору и въ присутствіи отца стегали.

Праздники происходили въ Заболотьѣ особенно нарядно. Съ первымъ ударомъ большого колокола, въ селѣ начиналсь движеніе, и по площади проходили цѣлыя вереницы разряженныхъ прихожанъ по направленію къ церкви. Я любилъ смотрѣть на это зрѣлище и всегда подбѣгалъ къ рѣшоткѣ, отдѣлявшей нашъ палисадникъ отъ площади. Сперва шли старики и вообще мужской полъ въ синихъ праздничныхъ кафтанахъ; за ними, поодаль, слѣдовали женщины, въ малиновыхъ шолковыхъ сарафанахъ и тѣлогрѣяхъ. Около нихъ шныряли подростки. Въ церкви этотъ людъ располагался такъ: мужской полъ занималъ правую сторону, женскій—лѣвую. Мальчишки забирались впередъ, а дѣвочекъ загоняли назадъ.

Служба по праздникамъ совершалась съ особеннымъ благочиніемъ. Бывало двѣ обѣдни: ранняя въ кладбищенской церкви, поздняя — въ сельской, которую крестьяне называли соборомъ. Тутъ обѣдня служилась соборне двумя священниками и діакономъ. Ризы и вся церковная утварь блестѣли золотомъ, мѣстные образа сіяли въ богатыхъ сребро-позлащенныхъ окладахъ. На правомъ клиросѣ пѣли не особенно стройно, такъ какъ туда забирались богатѣи, которымъ нельзя было отказать, но на лѣвомъ пѣніе не заставляло желать ни-

чего лучшаго. Священники поражали своимъ благообразіемъ и сытостью, что̀ очень рѣдко можно было встрѣтить въ церквахъ, гдѣ прихожанами были барщинскіе крестьяне. Двое изъ нихъ произносили возгласы жеманно, „по-московски“ *), такъ что трудно было понять, и это особенно нравилось крестьянамъ. Дьяконъ хотя и не былъ особенно голосистъ, но, при нѣкоторой натугѣ, выкрикивалъ многолѣтіе довольно прилично. Обѣдня длилась не меньше полутора часа.

Священниковъ было трое, и все „ученые“, кончившіе курсъ въ семинаріяхъ, не такъ, какъ въ Малиновцѣ, гдѣ отецъ Иванъ вышелъ въ попы изъ причетниковъ. Кромѣ того, было два дьякона и шестеро причетниковъ. Всему причту была отведена подъ усадьбы, возлѣ церкви, особая слобода, которая такъ и называлась „Поповское“. Жили они чисто и зажиточно, никакой земледѣльческой работой лично не занимались; нѣкоторые держали работниковъ, а большинство отдавало свои земельные участки въ кортому крестьянамъ. Доходъ съ прихожанъ вполнѣ обезпечивалъ ихъ; къ тому же, у церкви былъ и довольно значительный капиталъ, проценты съ котораго тоже дѣлились между священно-церковно-служителями. Этого было настолько достаточно, что пособія отъ казны заболотскому причту не полагалось, какъ, напримѣръ, малиновецкому.

Тѣмъ не менѣе, попы часто между собой сварились и завидовали другъ другу, такъ какъ приходы никакъ нельзя было подѣлить съ математическою точностью. Обыкновенно и тутъ слѣдовали той же методѣ, какая существовала при раздѣлѣ имѣній вообще. Дѣлили сначала богатые дворы, потомъ средніе и, наконецъ, бѣдные, распространяя этотъ порядокъ не только на село, но и на деревни, такъ что во всякой деревнѣ у каждаго попа были свои прихожане. А такъ какъ деревни были по большей части мелкія, то иногда приходилось изъ-за одного или двоихъ прихожанъ идти нѣшкомъ за семь или болѣе верстъ. Несмотря, однакожъ, на всѣ старанія поравнять приходы, случалось, что одинъ богатѣй давалъ за славленіе четвертакъ, а соотвѣтствующій, въ приходѣ другого попа, за то же самое давалъ двугривенный. Вотъ это-то и служило яблокомъ раздора.

---

*) Какъ на примѣръ подобнаго жеманнаго произношенія, укажу на проповѣдь Іоанна Златоустаго, читаемую въ свѣтлую заутреню. Слова: „гдѣ твоя, аде, побѣда?“ произносились такъ: „ихтѣ твоя, атте, попѣтта“... И непремѣнно на-распѣвъ.

Вообще, я долженъ сказать, что алчность между заболотскимъ церковнымъ людомъ, несмотря на относительную обезпеченность, была развита гораздо сильнѣе, нежели въ Малиновцѣ Причетники, впрочемъ, и въ Заболотьѣ были довольно бѣдны и постоянно подозрѣвали поповъ въ утайкѣ общихъ доходовъ, особливо во время славленія. Плату, напримѣръ, за свадьбу, нельзя было утаить, потому что размѣръ ея уславливался заранѣе и гласно; но при славленіи монету клали въ руку священнику, который и опускалъ ее прямо въ карманъ. Это мучительно терзало причетническія сердца. Попъ могъ отлучиться на минуту и переложить деньги въ сапогъ — мало ли на какія хитрости можно подняться! Однажды былъ такой случай, что, выйдя изъ деревни, причетники и дьяконъ, давно подозрѣвавшіе попа въ утайкахъ, прямо потребовали, чтобы послѣдній вывортилъ карманы. И когда въ карманахъ, по ихъ мнѣнію, оказалось маловато, то они, не много задумываясь, повалили попа на землю, сняли съ него сапоги и произвели тщательный обыскъ. Къ сожалѣнію, они оказались правы, и въ наказаніе отняли у священника найденную въ сапогахъ сумму. Разумѣется, виноватый не жаловался.

Съ точки зрѣнія мѣстоположенія, Заболотье не представляло ничего замѣчательнаго. Расположенное въ низинѣ, оно, при продолжительномъ ненастьѣ, превращалось въ болото, и улицы его принимали видъ канавъ, переполненныхъ грязью. Только на выѣздѣ мѣстность повышалась и пересѣкалась глубокимъ оврагомъ, который былъ раздѣленъ на мелкіе клочки и эксплуатировался подъ огороды. Въ огородахъ этихъ, впрочемъ, ничего не сажалось, кромѣ капустной разсады, которая, повидимому, славилась въ околоткѣ, такъ какъ для покупки ея въ Заболотье пріѣзжали издалека. Доходъ съ огородовъ, какъ въ другихъ мѣстахъ доходъ съ полосы, засѣянной льномъ, предоставляли крестьянскимъ дѣвушкамъ, которыя, съ помощью этихъ денегъ, справляли свои наряды.

На меня лично Заболотье производило непріятное и даже гнетущее впечатлѣніе. Я привыкъ къ людной, полной чашѣ, какую представлялъ собою Малиновецъ. Меня занимали и хозяйственныя работы, и безпрестанное мельканіе людей около застольной, кошенъ и скотнаго двора. Всякій уголокъ въ саду былъ мнѣ знакомъ, что-нибудь напоминалъ; не только всякаго дворового я зналъ въ лицо, но и всякаго мужика. Я любилъ говорить, разспрашивать.

Крѣпостное право, тяжелое и грубое въ своихъ формахъ, сближало меня съ подневольною массой. Это можетъ показаться страннымъ, но я и теперь еще сознаю, что крѣпостное право играло громадную роль въ моей жизни, и что только пережившъ всѣ его фазисы—я могъ придти къ полному, сознательному и страстному отрицанію его.

Заболотье, напротивъ, представлялось въ моихъ глазахъ чѣмъ-то въ родѣ скучной пустыни, въ которой и пищи для дѣтской любознательности нельзя было отыскать. Въ будни и не-базарные дни село словно замирало; люди скрывались по домамъ, — только изрѣдка проходилъ кто-нибудь мимо палисадника въ контору по дѣлу, да на противоположномъ краѣ площади, въ какой-нибудь изъ рѣдкихъ открытыхъ лавокъ можно было видѣть сидѣльцевъ, играющихъ въ шашки. День проходилъ въ несносной праздности, которая подъ-конецъ переходила даже въ утомленіе. Къ несчастію, и съ Агашей я рѣдко могъ перемолвить слово, потому что она постоянно обязана была сидѣть возлѣ матушкиной комнаты и ожидать приказаній. Очень часто заходилъ къ ней и я, но не смѣлъ говорить громко, чтобы не помѣшать матушкѣ.

Скажу больше: даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, изрѣдка наѣзжая въ Заболотье, я не могъ свыкнуться съ его безхозяйственною жизнью

Вотъ все, что я имѣлъ сказать о Заболотьѣ. Если написанная картина вышла суха и недостаточно образна—прошу извинить. Мнѣ кажется, впрочемъ, что все-таки она не будетъ лишнею для возможно-полной характеристики „пошехонской старины“.

Итакъ, матушка чувствовала какъ бы инстинктивную потребность сдерживать себя въ новокупленномъ гнѣздѣ болѣе, нежели въ Малиновцѣ. Но заболотское дѣло настолько было ей по душѣ, что она смотрѣла тутъ и веселѣе, и бодрѣе.

Обычнымъ ея собесѣдникомъ былъ приказный мѣстнаго уѣзднаго суда, Петръ Дормидонтовичъ Могильцевъ.

Еще наканунѣ пріѣзда матушки, за нимъ посылали въ городъ нарокопную подводу, которая на другой день и привозила его. Могильцевъ былъ сынъ дьячка и родился въ селѣ, отстоявшемъ отъ Заболотья въ семи верстахъ. Приходъ былъ настолько бѣдный, что отецъ не въ состояніи былъ содержать сына въ семинаріи; поэтому Петръ

еще мальчикомъ, прямо изъ уѣзднаго училища, опредѣлился въ уѣздный судъ писцомъ. Четырнадцать лѣтъ онъ тянулъ лямку, прежде нежели стяжалъ вожделѣнный чинъ коллежскаго регистратора, но и послѣ того продолжалъ числиться тѣмъ же писцомъ, питая лишь смутную надежду на должность столоначальника, хотя, съ точки зрѣнія кляузы, способности его не оставляли желать ничего лучшаго. Въ описываемое время ему было уже подъ-тридцать, но онъ не унывалъ, сказавъ себѣ заранѣе, что министромъ ему не бывать. Службой въ судѣ онъ дорожилъ, не ради получаемаго пищенскаго жалованья, а ради того, что она давала ему извѣстное общественное положеніе и ставила его въ сношеніе съ кліентами. Главный источникъ жизненныхъ средствъ онъ почерпалъ не на службѣ, а въ частныхъ занятіяхъ, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Всѣ помѣщики, не только своего уѣзда, но и сосѣднихъ, знали его какъ затѣйливаго борзописца и довѣряли ему ходатайство по дѣламъ, такъ что квартира его представляла собой нѣчто въ родѣ канцеляріи, въ которой, подъ его эгидою, работало двое писцовъ.

Въ Заболотьѣ онъ, еще до появленія матушки, имѣлъ постоянныя дѣла. И вотчинныя власти, и богатые крестьяне обращались къ нему за совѣтомъ въ своихъ затрудненіяхъ, хотя знали, что совѣсть у него и направо, и налѣво глядитъ, и что онъ готовъ одновременно служить и вашимъ, и нашимъ. Онъ очень часто наѣзжалъ въ Заболотье и всѣ его закоулки зналъ какъ свои пять пальцевъ. Зналъ положеніе каждаго сколько-нибудь незауряднаго крестьянина, а о земельной неурядицѣ, опутывавшей совладѣльцевъ, имѣлъ гораздо болѣе ясное представленіе, нежели сами владѣльцы и ихъ вотчинные повѣренные.

Вообще, это былъ необыкновенно дѣятельный и увертливый человѣкъ, проникшій въ самую глубь кляузы, ни въ чемъ не сомнѣвавшійся и никакого вопроса не оставлявшій безъ немедленнаго отвѣта. Спроситъ, бывало, матушка:

— Ты мнѣ скажи, какъ по закону...

— По закону такъ-то и такъ-то.

— Да и *они* вѣдь (т.-е. противная сторона) то же самое „по закону“ говорятъ, только по ихнему выходитъ, что законъ-то не на нашей сторонѣ.

— А въ такомъ случаѣ можно и другой законъ подвести. Одинъ

законъ не подходитъ,—другой подойдетъ. Въ „Полномъ Собраніи“ можно порыться, сенатскій указъ подыскать. Да вы, сударыня, не безпокойтесь, предоставьте мнѣ.

Матушка задумывалась. Долго она не могла привыкнуть къ этимъ быстрымъ и внезапнымъ отвѣтамъ, но, наконецъ, убѣдилась, что ежели существуютъ разные законы, да вдобавокъ къ нимъ еще сенатскіе указы издаются, то, стало-быть, это-то и составляетъ суть тяжебнаго процесса. Кто кого „перешпетъ“, у кого больше законовъ найдется, тотъ и правъ.

— Ну, положимъ,—говорила она:—найдешь ты другой законъ, а они тебѣ третій встрѣчу отыщутъ.

— И на третій законъ можно объясненьице написать, или и такъ устроить, что прошенье съ третьимъ-то закономъ съ надписью возвратятъ. Былъ бы царь въ головѣ, да перо, да чернила, а прочее само собой придетъ. Главное дѣло торопиться не надо, а вести дѣло потихоньку, чтобы только сроки не пропускать. Увидитъ противникъ, что дѣло тянется безъ конца, а современемъ, пожалуй, и самому дороже будетъ стоить—ну, и спутается. Тогда изъ него хоть веревки вей. Либо срокъ пропуститъ, либо на сдѣлку пойдетъ.

Словомъ сказать, Могильцевъ не ходилъ за словомъ въ карманъ, и матушкѣ, съ теченіемъ времени, это даже понравилось. Но старикъ-бурмистръ, Герасимъ Терентьичъ, почти всегда присутствовавшій при этихъ совѣщаніяхъ, никакъ не могъ примириться съ изворотами Могильцева, и очень нерѣдко въ заключеніе говорилъ:

— Ну, ужъ и дупа у тебя, Дормидонтычъ!.. подлинно можно сказать: расколота на-двое!

Но Могильцевъ только хихикалъ въ отвѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, матушка зорко слѣдила за каждымъ его шагомъ, потому что репутація „перемётной сумы“ утвердилась за нимъ едва ли даже не прочнѣе, нежели репутація искуснаго дѣльца.

Поэтому мнѣ не разъ случалось слышать, какъ матушка, едва вставши съ постели, уже спрашивала Агашу:

— Сутяга всталъ?

— Давно ужъ. Въ конторѣ сидитъ.

— Никуда не ходилъ?

— Кажется, никуда...

— Кажется! тебѣ все „кажется“! Нѣтъ чтобы посмотрѣть! Поди въ контору, спроси, не видалъ ли кто?

Увы! отдавая свой приказъ, матушка съ болью сознавала, что если въ Заболотьѣ и можно было сослѣдить за Могильцевымъ, то въ городѣ руки у него были совершенно развязаны.

Я не слѣдилъ, конечно, за сущностью этихъ дѣлъ, да и впослѣдствіи узналъ объ нихъ только то, что большая часть была ведена безплодно и стоила матушкѣ не малыхъ расходовъ. Впрочемъ, сущность эта и не нужна здѣсь, потому что я упоминаю о дѣлахъ только потому, что они опредѣляли характеръ дня, который мы проводили въ Заболотьѣ. Разскажу этотъ день по порядку.

Матушка, какъ и всегда, вставала рано, но дѣлала свой туалетъ нѣсколько тщательнѣе, нежели въ Малиновцѣ. Хозяйственныхъ распоряженій никакихъ не предстояло, даже обѣдъ созидался какъ-то самъ собой. Обыкновенно, передъ пріѣздомъ господъ, отыскивали въ одномъ изъ трактировъ немудрящаго повара или даже пріѣхавшаго въ побывку трактирнаго полового и брали въ усадьбу на время пребыванія барыни. Затѣмъ, безъ вѣдома матушки, являлась и провизія, какъ я узналъ послѣ, задаромъ пріобрѣтаемая на счетъ лавочниковъ. Матушка не была въ этомъ отношеніи снѣспва, и не допытывалась, откуда и на какія средства появлялся на столѣ обѣдъ.

Кстати здѣсь сказать объ одномъ обычаѣ, державшемся въ Заболотьѣ довольно долго. А именно: на другой день послѣ пріѣзда, матушкѣ докладывали, что пришли мужички на поклонъ. Когда она выходила въ залъ, то тамъ ужъ стояла толпа человѣкъ въ пятнадцать. изъ которыхъ каждый держалъ въ рукахъ кулекъ. Это были гостинцы, которыми ей били челомъ заболотскіе торговцы. Гостинцы состояли изъ пряниковъ и орѣховъ всевозможныхъ сортовъ, изюма, чернослива, стручковъ и крестьянскихъ конфектъ. Но впереди непремѣнно фигурировалъ громадный, къ сожалѣнію худо пропеченный, пряникъ, съ вытѣсненными на верхней корѣ конями, человѣчками и проч.. украшенными сусальнымъ золотомъ.

Матушка садилась въ кресло и милостиво говорила:

— Напрасно трудились. Куда мнѣ такой ворохъ!

— Помилуйте, сударыня, намъ это за радость! Сами не скушаете, дѣточкамъ свезете! —отвѣчали мужички. и одинъ за другимъ клали гостинцы на круглый обѣденный столъ. Затѣмъ, пере-

кидывались еще нѣсколькими словами; матушка освѣдомлялась, какъ идутъ торги; торговцы жаловались на худыя времена и увѣряли, что встарину торговали не въ примѣръ лучше. Иногда кто-нибудь посмѣлѣе прибавлялъ:

— Вотъ, сударыня, кабы вы остальныя части купили, дѣло-то пошло бы у насъ по хорошему. И площадь въ настоящій видъ бы пришла, и гостиный дворъ настоящій бы выстроили! А то какой въ нашихъ лавчонкахъ торгъ... только маета одна!

— Именно только маета!—поддерживали хоромъ и прочіе.

Матушкѣ очень нравились такіе разговоры, и она, быть можетъ, серьезно въ это время думала:

— Вотъ оно! И всѣ добрые такъ говорятъ! всѣ ко мнѣ льнутъ! Можетъ, и графскіе мужички по секрету загадываютъ: „ахъ, хорошо, кабы Анна Павловна насъ купила! все бы у насъ пошло тогда по хорошему!“—Ну, нѣтъ, дружки, погодите! дайте Аннѣ Павловнѣ прежде съ силами собраться! Вотъ ежели соберется она съ силами...

Черезъ четверть часа пріемъ кончался; матушка давала мнѣ по горсточкѣ орѣховъ и пряниковъ и спѣшила за работу.

Но продолжаю разсказъ матушкина дня.

Работала она въ спальнѣ, которая была устроена совершенно такъ же, какъ и въ Малиновцѣ. Около восьми часовъ утра, въ спальню подавался чай, и матушка принимала вотчинныхъ начальниковъ: бурмистра и земскаго, человѣка грамотнаго, служившаго въ конторѣ писаремъ. Послѣднюю должность обыкновенно занималъ одинъ изъ причетниковъ, напимавшійся на общественный счетъ. Впрочемъ, и бурмистру жалованье уплачивалось отъ общества, такъ что на матушку никакихъ расходовъ по управленію не падало.

Стараго бурмистра матушка очень любила; по мнѣнію ея, это былъ единственный въ Заболотьѣ человѣкъ, на совѣсть котораго можно было вполнѣ положиться. Называла она его не иначе, какъ „Герасимушкой“, никогда не заставляла стоять передъ собой и пила вмѣстѣ съ нимъ чай. Дѣйствительно, это былъ честный и бравый старикъ. Въ то время ему было уже за шестьдесятъ лѣтъ, и матушка не шутя боялась, что вотъ-вотъ онъ умретъ.

— Что я тогда? Куда безъ него поспѣла?—загодя печаловалась она:—я здѣсь безъ него какъ въ дремучемъ лѣсу. Хоть бы десять годковъ еще послужилъ!

Я какъ сейчасъ его передъ собой вижу. Высокій, прямой, съ опрокинутой назадъ головой, въ старой ноярковой шляпѣ грешневикомъ, съ клюкою въ рукахъ, выступаетъ онъ, бывало, твердой и сановитой походкой, изъ воротъ, выходившихъ на площадь, по направленію къ конторѣ, и вся его фигура сіяетъ честностью и сразу внушаетъ довѣріе. Встрѣтившись со мною, онъ возьметъ меня за руку и спроситъ ласково:

— Что, грачи-то наши, видно, еще не надоѣли? Ничего, поживи у насъ, присматривайся. Можетъ, маменька Заболотье-то подъ твою державу отдастъ—вотъ и хорошо будетъ, какъ въ знакомомъ мѣстѣ придется жить. Тогда, небось, и грачи любы будутъ.

Съ матушкой онъ тоже обходился по душѣ, безъ церемоній.

— Слушайся меня, сударыня, пока живъ! — говорилъ онъ ей: —умру, такъ и захотѣлось бы съ Герасимомъ посовѣтоваться—анъ его нѣтъ!

— Я и то слушаюсь,—шутя отвѣчала матушка.

— То-то; я дурного не посовѣтую. Вотъ съ Поздѣевой пустоши клочокъ-то, объ которомъ намеднись я говорилъ, — встарину онъ нашъ былъ, а теперь имъ графскіе крестьяне ужъ десять лѣтъ владѣютъ. А земля тамъ хорошая, трава во какая ростетъ!

— Что же вы зѣвали, въ свое время не жаловались?

— Кому жаловаться? и кто бы за насъ заступился? А нынче, слышь ты, ужъ и давность прошла. Ты правды ищешь, а они тебѣ: нельзя, давность прошла,—это на правду-то!

— Ну, погоди, погоди! Можетъ быть, и оттягаемъ!

— Дай-то Богъ! Пошли тебѣ Царица Небесная!

И т. д., и т. д.

Разговоры подобнаго рода возобновлялись часто и по поводу не одной Поздѣевки, но всегда келейно, чтобы не вынести изъ избы сору и не обнаружить матушкиныхъ замысловъ. Но нельзя было ихъ скрыть отъ Могильцева, безъ котораго никакое дѣло не могло обойтись, и потому нерѣдко противная сторона довольно подробно узнавала о планахъ и предположеніяхъ матушки.

Обыкновенно докладъ вотчинныхъ властей былъ непродолжителенъ и преимущественно состоялъ въ пріемѣ оброчной суммы, которая въ Заболотьѣ собиралась круглый годъ и по мелочамъ. Матушка щелкала счетами, справлялась въ окладной книгѣ и отмѣчала по-

ступленіе. Затѣмъ подбирала синія ассигнаціи къ синимъ, красныя къ краснымъ и, отославъ земскаго, запирала сумму въ денежный ящикъ, который переѣзжалъ вмѣстѣ съ нею изъ имѣнья въ имѣніе.

Часовъ съ десяти столъ устилался планами генеральнаго межеванія, и начиналось настоящее дѣло. Въ совѣщаніяхъ главную роль игралъ Могильцевъ, но и Герасимушка почти всегда при нихъ присутствовалъ. Двери въ спальню затворялись плотно, и въ сосѣдней комнатѣ слышался только глухой гулъ... Меня матушка отсылала гулять.

— Ступай, голубчикъ, погуляй!—говорила она ласково:—по палисадничку побродн, по рощицѣ. Если увидишь бабъ-грибницъ—гони!

Это было самое скучное для меня время. Книгъ мы съ собой не брали; въ контору ходить я не рѣшался; конюшни и каретный сарай запирались на замокъ, и кучеръ Алемпій, пользуясь полной свободой, либо благодушествовалъ въ трактирѣ, гдѣ его даромъ поили чаемъ, либо присутствовалъ въ конторѣ при судбищахъ. Единственный лакей, котораго мы брали изъ Малиновца, былъ по горло занятъ и безпрерывно шмыгалъ, съ посудой, ножами и проч., изъ кухни въ домъ и обратно. Я бродилъ безъ цѣли, и подъ-конецъ начиналъ чувствовать голодъ, потому что и здѣсь, какъ въ Малиновцѣ, до обѣда ѣсть не давали. Въ Малиновцѣ я тайкомъ забрался бы въ кухню, или на погребъ, и тамъ чѣмъ-нибудь раздобылся бы: но здѣшній поваръ былъ мнѣ незнакомъ, и просить было совѣстно. Однимъ словомъ, праздность одолѣвала меня и располагала къ нездоровымъ мечтамъ. Единственное развлеченіе состояло въ томъ, что иногда попадался въ травѣ упавшій изъ гнѣзда вороненокъ, и я гонялся за нимъ, но боялся взять въ руки: неравно ущипнетъ. Боялся я тоже лягушекъ, которыхъ въ рощѣ было множество, и притомъ крупныя: а что, ежели она прыгнетъ да въ лицо вопьется! Вообще мы были воспитаны въ такомъ отчужденіи отъ всего живого, что всякихъ пустяковъ боялись. Эта боязнь осталась за мной и въ зрѣломъ возрастѣ; мышь, лягушка, ящерица и до сихъ поръ однимъ своимъ видомъ производятъ на мои нервы довольно сильное раздраженіе.

Наконецъ, до слуха моего доходило, что меня кличутъ. Матушка выходила къ обѣду къ двумъ часамъ. Обѣдъ подавался изъ свѣжей провизіи, но изготовленный неумѣлыми руками, очень неаппетитно.

Начатый прежде разговоръ продолжался и за обѣдомъ, но я, конечно, участія въ немъ не принималъ. Иногда матушка была весела, и это означало, что Могильцевъ ухитрился придумать какую-нибудь „штучку“.

— Вотъ-то глаза вытаращитъ!—говорила она оживленно:—да постой! и у меня въ головѣ штучка въ томъ же родѣ вертится; только надо ее обдумать. Ужо, можетъ быть, и разскажу.

— Случается, сударыня, такую бумажку напишешь, что и къ дѣлу она совсѣмъ не подходитъ,—смотришь, анъ польза!—хвалился съ своей стороны Могильцевъ.—Вѣдь противникъ-то какъ въ лѣсу бродитъ. Читаетъ и думаетъ: „это не даромъ! навѣрное, *онъ* куда-нибудь далеко крючокъ закинулъ“.—И начнетъ паутину кругомъ себя путать. Путаетъ-путаетъ, да въ собственной путаницѣ и застрянетъ. А мы въ это время и еще загадку ему загадаемъ.

— Безподобно!

Но бывало, что матушка садилась за столъ недовольная. Очевидно, Могильцевъ въ чемъ-нибудь не согласился съ нею, или она, съ свойственной ей мнительностью, заподозрила его. Тогда обѣдъ проходилъ молча. Напрасно Могильцевъ увѣрялъ:

— Да будьте безъ сомнѣнія, довѣрьтесь мнѣ, сударыня! сами послѣ увидите...

— Я и теперь вижу,—рѣзко возражала матушка:—вижу я, что ты богословъ, да не одпословъ... А ты что фордыбачишь!—придиралась она и ко мнѣ:—что надулся, не ѣшь! Здѣсь, голубчикъ, суфлеевъ да кремовъ не полагается. Ѣшь что даютъ, а не то и изъ-за стола прогоню.

Затѣмъ всѣ молчали, и обѣдъ живо приходилъ къ концу.

Послѣ обѣда матушка удалялась въ спальню, а Могильцевъ —въ свою комнату, и въ домѣ наступало сонное царство. Агаша продолжала сидѣть на низенькой скамеечкѣ у дверей матушкиной комнаты и тоже дремала. Я попрежнему оставался одинъ, и рѣшительно не зналъ, что съ собой дѣлать.—Чѣмъ лучше быть: генераломъ или архіереемъ?—мелькало у меня въ головѣ; но вопросъ этотъ уже безчисленное множество разъ разрѣшался мною то въ томъ, то въ другомъ смыслѣ, а потомъ и онъ пересталъ меня интересовать. Скука, скука, скука! Во сто разъ веселѣе вонъ тѣмъ сельскимъ мальчишкамъ, которые играютъ въ бабки среди опустѣлой площади, не зная, что значитъ въ свѣтѣ одиночество...

Понятно, съ какимъ нетерѣніемъ я отсчитывалъ интервалы (обѣдъ, вечерній чай, ужинъ), которые отдѣляли утро отъ ночи.

Вечеръ снова посвящался дѣламъ. Около вечерняго чая являлся поваръ за приказаніями насчетъ завтрашняго обѣда. Но матушка, зная, что въ Заболотьѣ она, въ кулинарномъ отношеніи, зависитъ отъ случайности, неизмѣнно давала одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Что мнѣ приказывать, голубчикъ! Чѣмъ Богъ пошлетъ, тѣмъ и покормишь! Будемъ сыты—слава Богу!

— Говядники сегодня не достали, такъ не угодно ли щи съ солониной приказать? Солонина хорошая.

— Ну, щецъ съ солонины свари.

— А на жареное—молодыхъ тетеревей принесли...

— Ну, вотъ и будетъ съ насъ. Щецъ похлебаемъ, жарковца поѣдимъ. И сытёхоньки.

Замѣчательно, что хотя Уголокъ (бывшая усадьба тетенекъ-сестрицъ) находился всего въ пяти верстахъ отъ Заболотья, и тамъ домашнее хозяйство шло своимъ чередомъ, но матушка никогда не посылала туда за провизіей, подъ тѣмъ предлогомъ, что разновременными требованіями она можетъ произвести путаницу въ отчетности. Поэтому зерно и молочные скопы продавались на мѣстѣ прасоламъ, а живность зимой полностью перевозилась въ Малиновецъ.

Довольно часто по вечерамъ матушку приглашали богатые крестьяне чайку испить, заѣдочковъ покушать. Въ этихъ случаяхъ я былъ ея неизмѣннымъ спутникомъ. Матушка, такъ сказать, по природѣ льнула къ капиталу, и потому была очень ласкова съ заболотскими богатѣями. Нѣкоторомъ она даже давала деньги для оборотовъ, конечно, за высокіе проценты. Съ теченіемъ времени, когда она окончательно оперилась, это составило тоже значительную статью дохода.

Церемоніалъ пріема въ крестьянскихъ домахъ былъ очень сложенъ. Встрѣчали матушку всѣмъ домомъ у воротъ (при первомъ посѣщеніи хозяинъ стоялъ впереди съ хлѣбомъ-солью); затѣмъ пропускали ее впередъ и усаживали подъ образа. Но изъ хозяевъ никто, даже старики, не садились, какъ ни настаивала матушка.

— Не купленныя ноги-то—и постоимъ!—слышалось въ отвѣтъ.

Комната, въ которой насъ принимали, была, конечно, самая просторная въ домѣ; ее заранѣе мыли и чистили и передъ образами затепляли лампады. Столъ, накрытый пестрою ярославскою скатертью,

былъ уставленъ тарелками съ заѣдочками. Такъ назывались лавочныя лакомства, о которыхъ я говорилъ выше. Затѣмъ подавалось бѣлое вино въ рюмкахъ, иногда даже водка и чай. Безпрестанно слышалось:

— Не обезсудьте!

— Не обидьте!

— Приневольтесь!

Разговоръ шелъ дѣловой: о торгахъ, о порядкахъ, о цѣнахъ на товары. Нѣкоторые изъ крестьянъ поставили въ казну полотна, кожи, солдатское сукно и проч., и разсказывали, на какіе нужно подниматься фортели, чтобъ подрядъ исправно сошелъ съ рукъ. Время проходило довольно оживленно, только душно въ комнатѣ было, потому что вся семья хозяйская считала долгомъ присутствовать при пріемѣ. Даже на улицѣ скоплялась передъ окнами значительная толпа любопытныхъ.

Къ десяти часамъ мы уже были дома, и я ложился спать, утомленный, почти разслабленный.

Такъ длилось три-четыре дня (матушка рѣдко пріѣзжала на болѣе продолжительный срокъ); наконецъ, послѣ ранняго обѣда къ крыльцу подъѣзжала парокопная телѣга, въ которую усаживали Могильцева, а на другой день, съ разсвѣтомъ, покидали Заболотье и мы.

— Что, нравится тебѣ въ Заболотьѣ? весело?—спрашивала меня матушка.

— Ахъ, маменька!—восклицалъ я въ отвѣтъ, стараясь изобразить въ лицѣ восхищеніе *).

---

*) Кстати, приведу здѣсь любопытный фактъ, которому не нашлось мѣста въ разсказѣ. Въ числѣ крестьянъ Заболотской вотчины, перешедшихъ въ собственность матушки, былъ одинъ, по фамиліи Бодрецовъ, котораго называли „барином“. Дѣйствительно, у него было собственныхъ пятьдесятъ душъ крестьянъ, купленныхъ на имя прежняго владѣльца. Помѣщикъ не вмѣшивался въ его управленіе, несмотря на то, что на „барина“ постоянно приходили жалобы. На жалобахъ этихъ помѣщикъ писалъ: „сіи крестьяне собственность Бодрецова, а собственность для меня священна“. Когда имѣніе было куплено матушкой, она съ крестьянами Бодрецова поступила на законномъ основаніи, т.-есть осуществила свое помѣщичье право на нихъ de facto.

X.—Тетенька-сластёна.

Такъ звали тетеньку Рапсу Порфирьевну Ахлонину за ея гостепріимство и любовь къ лакомому куску. Жила она отъ насъ далеко, въ Р., слишкомъ въ полутораста верстахъ, вслѣдствіе чего мы очень рѣдко видались. Старушка, однакожъ, не забывала насъ, и ко дню ангеловъ и рожденій аккуратно присылала братцу и сестрицѣ поздравительныя письма. Разумѣется, ей отвѣчали тѣмъ же.

Ранчку выдали замужъ очень рано, невступно шестнадцати лѣтъ, за р—скаго городничаго. Дѣвушка она была смирная, добрая, покорная и довольно красивая, но, еще будучи отроковицей, уже любила покушать. Суженому ея стукнуло уже подъ-пятьдесятъ лѣтъ и вмѣсто правой ноги, которую оторвало ядромъ въ походѣ подъ турка, онъ ходилъ на деревяшкѣ, дѣйствуя ею, впрочемъ, очень проворно. За всѣмъ тѣмъ, партія эта считалась завидною, благодаря служебному положенію маіора. Р. былъ большой торговый городъ на судоходной рѣкѣ, которая лѣтомъ загромождалась барками, обыкновенно оставшимися тамъ и на зимовку. Много было въ Р. значительныхъ капиталистовъ, достаточное количество раскольниковъ, а главное, вмѣстѣ съ судами приходила цѣлая громада рабочаго люда съ паспортами и безъ паспортовъ. Словомъ сказать, круглый годъ въ городѣ царствовала та хлопотливая неурядица, около которой можно было грѣть руки, зная напередъ, что тутъ чортъ ногу сломитъ, прежде чѣмъ до чего-нибудь допщется.

Повидимому, этой сладкой увѣренностью согрѣвалось и маіорское сердце. Съ утра до вечера, зимой и лѣтомъ, Петръ Спиридонычъ ковылялъ, постукивая деревяшкой, по базару, гостиному двору, набережной, заходилъ къ толстосумамъ, искалъ, нюхалъ, и, конечно, доискивался и донюхивался. Лѣтъ черезъ десять дѣятельнаго городничества, когда онъ задумалъ жениться на Ранчкѣ, у него былъ уже очень хорошій капиталъ, хотя по службѣ онъ не слылъ притязательнымъ. Ласковъ онъ былъ, и бралъ не зря, а за дѣло. Купцы дарили его даже „за любовь“, за то, что онъ крестилъ у нихъ дѣтей, за то, что онъ не забывалъ именинъ, а часто и запросто заходилъ чаю откушать. Каждомѣсячно посылали ему „положеніе“ (не за страхъ, а за совѣсть), и ежели встрѣчалась нужда, то за нее дарили особо. Но

не по условію, а столько, сколько Богъ на душу положитъ, чтобъ не обидно было. И онъ никогда не имѣлъ повода обижаться, и даже убѣдился, что ласка дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, нежели грубое вымогательство. Только съ рабочимъ людомъ онъ обходился нѣсколько проще, ну, да вѣдь на то онъ и рабочій людъ, чтобы съ нимъ недолго „разговаривать“. — Есть пачпортъ? — вотъ тебѣ такса, вынимай четвертакъ! — Нѣтъ пачпорта — плати цѣлковый-рубль, а не то и острогъ недалеко!—И опять-таки безъ вымогательства, а „по правилу“.

Лѣтъ черезъ двадцать послѣ женитьбы онъ умеръ, оплакиваемый гражданами, оставивъ женѣ значительный капиталъ (подъ-конецъ его считали въ четырехъ-стахъ тысячахъ ассигнаціями) и дочку пяти лѣтъ. Раиса Порфирьевна за ничтожную сумму купила на выгонѣ десятинъ десять земли, возлѣ самой городской черты, и устроилась тамъ. Выстроила просторный домъ, развела огородъ и фруктовый садъ, наполнила холостыя постройки домашнимъ скотомъ и всякой птицей и зажила какъ въ деревнѣ. Усадьба была почти идеальная, потому что соединяла сельскія удобства съ городскими. Базаръ подъ руками, церквей и не перечесть, знакомыхъ сколько угодно, а когда Леночка начала подростать, то и въ учителяхъ недостатка не было.

Откормивъ Леночку въ мѣру пышной русской красавицы, она берегла ее дома до восемнадцати лѣтъ и тогда только рѣшила выдать замужъ за поручика Красавина, человѣка смирнаго и тоже достаточнаго. Но молодыхъ отъ себя не отпустила, а поселила вмѣстѣ съ собой. Всѣмъ было тамъ хорошо; всякая комната имѣла свой аппетитный характеръ и внушала аппетитныя мысли, такъ что не только домашніе съ утра до вечера кушали, лакомились и добрѣли, но и всякій приплый человѣкъ чувствовалъ себя расположеннымъ хоть чего-нибудь да отвѣдать. Прислуга собралась веселая, бойкая, какая бываетъ только у дѣйствительно добрыхъ господъ. Въ передней то-и-дѣло раздавался звонокъ и слышались голоса:

— Дома?

— Пожалуйте! только-что кушать сѣли.

Входилъ гость, за нимъ прибывалъ другой, и никогда не случалось, чтобъ кому-нибудь чего-нибудь недоставало. Всего было вдоволь: индейка такъ индейка, гусь такъ гусь. Кушайте на здоровье; а ежели мало, такъ и цыпленочка можно велѣть зажарить. Въ чет-

верть часа готовъ будетъ. Не то что въ Малиновцѣ, гдѣ одинъ гусиный полотокъ на всю семью мелкими кусочками изрѣжутъ, да еще поровятъ, какъ бы и на другой день осталось.

Но черезъ годъ случилось несчастіе. Леночка умерла родами, оставивъ на рукахъ пятидесятилѣтней матери новорожденную дочь Сашеньку. А недолго спустя послѣ смерти жены скончался и поручикъ Красавинъ.

Это было великое горе, и тетенька долгое время не осушала глазъ. Вспомнилось, что ей ужъ пятьдесятъ лѣтъ, что скоро наступитъ старость, а можетъ быть и смерть—на кого она оставитъ Сашеньку? Правда, что она до сихъ поръ не знала ни малѣйшей хворости, но вѣдь Богъ въ смерти и животѣ воленъ. Здорова, здорова —и вдругъ больна. Шея-то у нея вонъ какая короткая, долго ли до грѣха! Списывалась-было она съ сестрицей Ольгой Порфирьевной, приглашала ее къ себѣ на житье, но, во-первыхъ, Ольга Порфирьевна была еще старше ея; во-вторыхъ, она въ то время хозяйствовала въ Малиновцѣ, и, главное, никакъ не соглашалась оставить сестрицу Машу. А жить съ Марьей Порфирьевной тетенька не желала, зная ея проказливость и чудачества, благодаря которымъ ея благоустроенный домъ могъ бы въ одинъ мѣсяцъ перевернуться вверхъ дномъ. Другихъ сестеръ Раиса Порфирьевна тоже не жаловала, да и разбрелись онѣ по дальнимъ губерніямъ, такъ что и не отыщешь, пожалуй. Что же касается до мужниной родни, то ея хоть и много было, но покойный маіоръ никогда не жилъ съ нею въ ладахъ, и даже, умирая, предостерегалъ отъ нея жену.

— Смотри, послѣ моей смерти братцы, пожалуй, наѣдутъ, — говорилъ онъ: — услуги предлагать будутъ; такъ ты ихъ отъ себя гони!

Наконецъ, тяжелое горе отошло-таки на задній планъ, и тетенька всею силою старческой нѣжности привязалась къ Сашенькѣ. Лелѣяла ее, холила, запрещала прислугѣ ходить мимо ея комнаты, когда она спала, и исподволь подкармливала. Главною ея мечтой, объ осуществленіи которой она ежедневно молилась, было дожить до того времени, когда Сашенькѣ минетъ шестнадцать лѣтъ.

— Выдамъ ее за хорошаго человѣка замужъ и умру,—говорила она себѣ, но втайнѣ прибавляла:—а можетъ быть, Богъ пошлетъ, и поживу еще съ ними.

Съ своей стороны, и Сашенька отвѣчала бабушкѣ такой же горячей привязанностью. И старая, и малая не надышались другъ на друга, такъ что бабушка, по дѣламъ оставшагося отъ покойнаго зятя имѣнія, даже совѣтовалась съ внучкой, и когда ей замѣчали, что Сашенька еще мала, не смыслитъ, то старушка увѣренно отвѣчала:

— Она-то не смыслитъ! да вы ее о чемъ угодно спросите, она на все отвѣтъ дастъ! И обѣдъ заказать, и по саду распорядиться... вотъ она у меня какова!

Однимъ словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ домовъ, гдѣ всѣмъ жилось привольно: и господамъ, и прислугѣ. Всѣ любили другъ друга, и въ особенности лелѣяли Сашеньку, признавая ее хозяйкой не только наравнѣ съ бабушкой, но даже, пожалуй, повыше. И чѣмъ дольше жили, тѣмъ жизнь становилась пріятнѣе. Гнѣздо окончательно устроилось, садъ разросся и былъ преисполненъ всякою сластью; коровы давали молока не въ примѣръ прочимъ; даже четыре овцы, которыхъ бабушка завела въ угоду внучкѣ, ягнились два раза въ годъ и приносили не по одному, а по два ягненка за разъ.

— Вотъ и день сошелъ! да еще какъ сошелъ-то—и не замѣтили! Тихо, мирно!—говаривала бабушка, отпуская внучку спать.—Молись, Сашенька, проси милости, чтобы и завтрашній день былъ такой же!

Именно только повтореніе одного и того же дня и требовалось.

Я уже сказалъ выше, что наше семейство почти совсѣмъ не видѣлось съ Ахлюпиными. Но однажды, когда я пріѣхалъ въ Малиновецъ на каникулы изъ Москвы, гдѣ я только-что началъ ученье, матушка вспомнила, что 28-го іюня предстоятъ именины Раисы Порфирьевны. Самой ѣхать въ Р. ей было недосужно; поэтому она рѣшилась послать кого-нибудь изъ дѣтей. Къ счастью, выборъ палъ на меня.

Ѣхалъ я на своихъ, цѣлыхъ два дня съ половиной, одинъ безъ прислуги, только въ сопровожденіи кучера Алемпія. Останавливались черезъ каждыя тридцать верстъ въ деревенскихъ избахъ, потому что съ проселка на столбовой трактъ выѣзжали только верстъ за сорокъ отъ Р. Наконецъ, за два дня до семейнаго праздника достигли мы цѣли путешествія. Былъ уже седьмой часъ вечера, когда наша бричка, миновавъ пыльный городъ, остановилась передъ крыль-

цомъ Ахлюпинскаго дома, но солнце еще стояло довольно высоко. Домъ былъ одноэтажный, съ мезониномъ, одинъ изъ тѣхъ форменныхъ домовъ, которые сплошь и рядомъ встрѣчались въ помѣщичьихъ усадьбахъ; разница заключалась только въ томъ, что помѣщичьи дома были, большею частью, некрашенные, почернѣлые отъ старости и недостатка ремонта, а тутъ даже снаружи все глядѣло свѣтло и чисто, точно сейчасъ ремонтированное. Съ одной стороны дома расположены были хозяйственныя постройки; съ другой, изъ-за выкрашеннаго тына, выглядывалъ садъ, кругомъ обсаженный липами, которыя начинали уже зацвѣтать. Въ воздухѣ чувствовался наступающій вечеръ съ его прохладой; липа далеко распространяла сладкое благоуханіе. Меня сразу обняло чувство отрады и покоя, особливо послѣ продолжительнаго пути и душнаго города, который только-что обдалъ насъ вопью и пылью.

Насъ встрѣтила молодая горничная, никогда меня не видавшая, но какъ будто почуявшая, что я здѣсь буду желаннымъ гостемъ.

— Пожалуйте! пожалуйте!—звонко приглашала она:—онѣ въ баньку ушли, сейчасъ воротятся, а потомъ чай будутъ кушать. Какъ объ васъ доложить?

Я назвалъ себя.

— Ахъ ты Господи! Затрапезные! А барыня точно чуяли. Еще давеча утромъ только и говорили: „вотъ кабы братецъ Василій Порфирычъ вспомнилъ!“ — Пожалуйте! пожалуйте! Сейчасъ придутъ! сейчасъ!

Она живо скрылась, сдавъ меня на руки старику-слугѣ, который, узнавъ, что пріѣхалъ молодой Затрапезный, тоже чему-то обрадовался и заспѣшилъ.

— Пожалуйте! пожалуйте!—говорилъ онъ:—тетенька еще давеча словно чуяли: „вотъ, молъ, кабы братецъ Василій Порфирычъ обо днѣ ангела моего вспомнилъ!“

Онъ провелъ меня черезъ длинную, въ четыре окна, залу, въ гостиную и затѣмъ въ небольшую столовую, гдѣ другая горничная накрывала столъ для чая и тоже обрадовалась и подтвердила, что сердце тетеньки „чуяло“.

Не прошло и десяти минутъ, какъ я уже стоялъ лицомъ къ лицу съ тетенькой и кузиной.

Тетенька, толстенькая, небольшого роста старушка, еще бодро

несла свой седьмой десятокъ лѣтъ. Лицо ея, круглое, пухлое, съ щеками, покрытыми старческимъ румянцемъ, лоснилось послѣ бани; глаза порядочно-таки заплыли, но еще живо свѣтились въ своихъ щелочкахъ; губы, сочныя и розовыя, улыбались, на подбородкѣ играла ямочка, зубы были всѣ цѣлы. На головѣ ея былъ бѣлый старушечій чепчикъ, нѣсколько влажный послѣ мытья; на плечахъ свободно висѣлъ темненькій шерстяной капотъ, безъ всякаго намека на талію. Была ли она когда-нибудь красива—этого нельзя было угадать, но, во всякомъ случаѣ, и теперь смотрѣть на нее было очень пріятно.

Сашенька была въ полномъ смыслѣ двѣнадцати-лѣтняя русская красотка. Коли хотите, она напоминала собой бабушку, но такъ, какъ напоминаетъ развертывающаяся розовая распуколка свою сосѣдку, облетающую розу. Бѣлое, съ чуть-чуть замѣтною желтизною, какъ у густыхъ сливокъ, лицо, румянецъ во всю щеку, алыя губы, ямочка посреди подбородка, большіе черные глаза, густая прядь черныхъ волосъ на головѣ—все обѣщало, что въ недалекомъ будущемъ она развернется въ настоящую красавицу. Какъ и у бабушки, на головѣ ея былъ чепчикъ, нѣсколько, впрочемъ, пофасонистѣе, а одѣта она была въ такой же темный шерстяной капотъ безъ таліи.

— Никаша? — угадывала тетенька, пристально вглядываясь въ меня.

— Онъ самый-съ.

— Ахъ, милый! ахъ, родной, да какой же ты большой!—воскликнула она, обнимая меня своими коротенькими руками:—да никакъ ты ужъ въ ученьи, что на тебѣ мундирчикъ надѣтъ! А вотъ и Сашенька моя. Нынь вѣдь старушкой одѣлась, а все отъ того, что ужъ очень на встрѣчу спѣшила... Поцѣлуйтесь, родные! племянница вѣдь она твоя! Поиграйте вмѣстѣ, побѣгайте ужò, дядюшка съ племянницей!

Мы поцѣловались, и мнѣ показалось даже, что Сашенька сдѣлала книксенъ.

— Ахъ, дяденька, мнѣ такъ давно хотѣлось познакомиться съ вами!—сказала она:—и какой на васъ мундирчикъ славный!

— Какъ же! дамъ я ему у тетки родной въ мундирѣ ходить!—подхватила тетенька:—ужò по саду бѣгать будете, въ землѣ вывалятесь—на что̀ мундирчикъ похожъ будетъ! Вотъ я тебѣ кацавейку

старую дамъ и ходи въ ней на здоровье! а въ праздникъ къ обѣднѣ, коли захочешь, во всемъ парадѣ въ церковь поѣдешь!

Мнѣ шелъ тогда двѣнадцатый годъ. Это самый неспосный возрастъ въ дѣтствѣ, тотъ возрастъ, когда мальчикъ начинаетъ воображать себя взрослымъ. Онъ становится очень чутокъ ко всякой шуткѣ, будь она самая безобидная; старается говорить басомъ, щегольнуть, неохотно принимаетъ участіе въ играхъ, серьезничаетъ, надувается. Вообще, какъ говорится, кобенится. Кобенился и я. На этомъ основаніи я на послѣдней станціи перемѣнилъ свою куртку на мундиръ; на этомъ же основаніи двукратное упоминовеніе о мундирѣ—какъ будто я имъ хвастаюсь!—и въ особенности обѣщаніе замѣнить его кацавейкой, задѣли меня за живое.

— Я своимъ мундиромъ горжусь!—отвѣтилъ я; но, вѣроятно, выраженіе моего лица было при этомъ настолько глупо, что тетенька угадала нанесенную мнѣ обиду и расхохоталась.

— Вздоръ, вздоръ, голубчикъ!—шутила она:—мундирчикъ твой мы уважаемъ, а все-таки спрячемъ, а тебѣ кацавейку дадимъ! Бѣгай въ ней, веселись... что̀ надуваться-то! Да вотъ еще что! не хочешь ли въ баньку сходить съ дорожки? мы только-что отмылись... Ахъ, хорошо въ банькѣ! Старуха Акуля живо тебя вымоетъ, а мы съ чаемъ подождемъ!

— Сходите, дяденька, въ баньку!—съ своей стороны, умильнымъ голоскомъ упрашивала меня Сашенька.

Это была вторая обида. Позволить себя, взрослаго юношу, мыть женщинѣ... это ужъ ни на что не похоже!

— Покорно благодарю, тетушка! я въ баню идти не желаю!—сказалъ я холодно и даже съ примѣсью гадливости въ голосѣ.

— Ахъ, да ты, вѣрно, старой Акули застыдился! такъ вѣдь ей, голубчикъ, за семьдесятъ! И мастерица ужъ она мыть! еще папеньку твоего мывала, когда въ Малиновцѣ жила. Вздоръ, сударь, вздоръ! Иди-ка въ баньку и мойся! въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ! Настюша! скажи Акулинѣ, да проведи его въ баню!

Словомъ сказать, меня и въ банькѣ вымыли, и въ тотъ же вечеръ облачили въ кацавейку.

— Вотъ и прекрасно! и свободно тебѣ, и не простудишься послѣ баньки!—воскликнула тетенька, увидѣвъ меня въ новомъ костюмѣ. —Кушай-ка чай на здоровье, а потомъ клубнички со сливочками

поѣдимъ. Нѣтъ худа безъ добра: покуда ты мылся, а мы и ягодокъ успѣли набрать. Мало ихъ еще, только-что поспѣвать начали, мы сами въ первый разъ ѣдимъ.

Чай былъ вкусный, сдобныя булки—удивительно вкусныя, сливки—еще того вкуснѣе. Я убиралъ за обѣ щеки, а тетенька, смотря на меня, тихо радовалась. Затѣмъ пришла очередь и для клубники; тетенька раздѣлила набранное на двѣ части: мнѣ и Сашенькѣ, а себѣ взяла только одну ягодку.

— Разговѣюсь, и будетъ съ меня! въ другой разъ я, пожалуй, и побольше васъ съѣмъ,—молвила она.

Чай кончился къ восьми часамъ. Солнце было уже на исходѣ. Мы хотѣли идти въ садъ, но тетенька отсовѣтовала; не равно роса будетъ, послѣ бани и простудиться не въ рѣдкость.

— Лучше сядемъ, да на солнышко посмотримъ, чисто ли оно, батюшко, сядетъ!

Солнце садилось великолѣпно. Наполовину его ужъ не было видно, и на краю запада разлилась широкая золотая полоса. Небо было совсѣмъ чистое, синее; только немногія облака, легкія и перистыя, плыли вразбродъ, тоже пронизанныя золотомъ. Тетенька сидѣла въ креслахъ прямо противъ исчезающаго свѣтила, крестилась и старческимъ гэлоскомъ напѣвала: „Свѣте тихій“...

— Кабы не Сашенька—кажется бы...—молвила она, но, не докончивъ, продолжала:—хорошій день будетъ завтра, вёдреный; косить ужъ около дворовъ начали—работа въ вёдрышко скорѣе пойдетъ. Что говорить! Потрудятся мужички, умаются, день-то деньской косою махавши, да потомъ и порадуются, что изъ ихняго отягощенія, по крайности, хоть прокъ вышелъ. Травы нынче отличныя, яровыя тоже хорошо уродились. И сѣнца, и соломки—всего вдоволь будетъ. Мужичокъ-то и вздохнетъ. Вотъ мы и не сѣемъ, и не жнемъ, а намъ хорошо живется,—пусть и трудящимся будетъ хорошо.

Въ десять часовъ подали ужинъ, и въ заключеніе на столѣ опять явилось... блюдо клубники!

— Это еще что!—изумилась тетенька:—вѣдь такимъ манеромъ вы меня въ праздникъ безъ ягодъ оставите! Пріѣдутъ гости, и потчивать нечѣмъ будетъ.

— Это, сударыня, Иванъ Михайлычъ прислали!

— Ахъ, кумъ дорогой! Все-то онъ такъ! Сосѣдъ это нашъ.—

обратилась тетенька ко мнѣ:—тутъ же о-бокъ живетъ, тоже садами занимается. Служилъ онъ у покойнаго Петра Спиридоныча въ частныхъ приставахъ—ну, и скопилъ праведными трудами копѣечку про черный день. Да, хорошо при покойномъ было, тихо, смирно, ни кляузъ, ни жалобъ—ничего такого! Ходитъ, бывало, сердечный другъ, по городу, деревяшкой постукиваетъ, и всякому-то онъ ласковое слово скажетъ. Постучится въ окно, къ какому-нибудь куму—у всего города онъ дѣтей крестилъ—спроситъ: „самоваръ на столѣ?“—Готовъ, сударь.—Взойдетъ, выпьетъ стаканъ, и опять пошелъ постукивать. И представь себѣ, какъ хорошо у насъ выходило: 28-го я именинница, а 29-го—онъ. Такъ два дня сряду, бывало, и идетъ у насъ пиръ горой.

Тетенька умилилась и отерла слезинку.

— Впрочемъ, и теперь пожаловаться не могу,—продолжала она:—кругомъ живетъ народъ тихій, благонравный, на Бога не ропщетъ, смотритъ весело, словно и огорченій на свѣтѣ нѣтъ. Ахъ, да и не люблю я этихъ... задумчивыхъ! Я и прислугу держу веселую; люблю, чтобъ около меня съ довольными лицами ходили, разговаривали, пѣсни пѣли. А ежели кто недоволенъ мной, того я силкомъ не держу. Хоть и крѣпостные они мои, а я все-таки помню, что человѣку иногда трудно себя переломить. Каждый Божій день тѣ же да тѣ же комнаты, да съ посудой возись—хоть кому шею намозолитъ! Понимаю я это, мой другъ, и цѣню, когда прислуга съ веселіемъ трудъ свой пріемлетъ. Вотъ только Акуля съ Родивономъ—изъ мужской прислуги онъ одинъ въ домѣ и есть, а прочія все дѣвушки—все что-то про себя мурлыкаютъ. Ну, да это ужъ отъ старости. Подумай, вѣдь Акулѣ-то ужъ годовъ восемьдесятъ. Нянчила она меня еще вотъ эконькую, и до сихъ поръ про Малиновецъ вспоминаетъ. Ахъ, да и хорошо было тамъ при маменькѣ Надеждѣ Гавриловнѣ!

Когда дошла очередь до блюда съ клубникой, тетенька расфилософствовалась.

— Вотъ,—говорила она:—какъ Богъ-то премудро устроилъ. Нѣтъ чтобы въ саду все разомъ поспѣло, а всякой ягодѣ, всякому фрукту свой чередъ опредѣленъ. Къ Петрову дню—клубника, къ Казанской—малина, къ Ильину дню—вишенье, ко второму Спасу—яблоки, груши, сливы. А въ промежуткахъ—смородина, крыжов-

никъ. На цѣлыхъ два мѣсяца лакомства хватитъ. Глядя на это, и мы въ своихъ дѣлахъ стараемся подражать. У меня во дворѣ четыре коровушки, и никогда не бывало, чтобъ всѣ разомъ телились. Одна въ Филипповки телится, другая — великимъ постомъ, третья — въ Петровки, а остатняя — въ Спожинки. Круглый годъ у насъ и молочко, и сливочки, и маслицо — все свое. А къ празднику и свой теленочекъ есть. Вотъ послѣ-завтра увидишь, какого мы бычка къ дню моего ангела выпоили! Сама сегодня утромъ ходила глядѣть на него: лежитъ, глаза закрывши, не шевельнется. Жаль бѣдненькаго, а приходится рѣзать. Ну, да вѣдь и то сказать: не человѣкъ, а скотина!

Въ заключеніе, старушка встала изъ-за стола и сказала:

— А теперь и баиньки пора. Покушали, поговорили — и въ постельку. Ты, дружокъ, съ дорожки-то покрѣпче усни, и будить тебя не велю.

Мы простились по-старинному. Тетенька сперва подавала ручку для поцѣлуя, потомъ цѣловала въ губы и, наконецъ, опять подавала ручку. Въ заключеніе, крестила и отпускала.

Мнѣ отвели комнату въ сторонѣ, съ окномъ, выходившимъ въ садъ. Въ комнатѣ все смотрѣло уютно, чисто, свѣжо. Сквозь открытое окно врывались благоуханія лѣтней теплой ночи.

На кроватп. не внушавшей ни малѣйшихъ опасеній въ смыслѣ насѣкомыхъ, было постлано два пышно взбитыхъ пуховика, накрытыхъ чистымъ бѣльемъ. Раздѣть меня пришла молоденькая дѣвушка. Въ теченіе вечера я уже успѣлъ побѣдить въ себѣ напускную важность, и не безъ удовольствія отдалъ себя въ распоряженіе Насти.

— Понравилось вамъ у насъ, баринъ? — спросила она у меня.

— Очень.

— Это еще что! погодите, что въ Рапспинъ день будетъ! Столъто тогда въ большой залѣ накроютъ, да и тамъ не всѣ господа размѣстятся, въ гостиную многіе перейдутъ. Двухъ поваровъ изъ города позовемъ, да кухарка наша будетъ помогать. Барыня-то и не садится за столъ, а все ходятъ, гостей угощаютъ. Такъ развѣ чего-нибудь промежъ разговоровъ покушаютъ.

— А много васъ, дѣвушекъ, въ домѣ у тетеньки?

— Четыре. Окслуша — за барышней ходитъ, шьетъ, а мы три за столомъ служимъ, комнаты убираемъ. За старой барыней няня ходитъ. Она и спитъ у барыни въ спальной, на полу, на войлочкѣ. Съ

дѣтства, значитъ, такую привычку взяла. Ну, теперь почивайте, Христосъ съ вами! да не просыпайтесь рано, а когда вздумается.

Она уложила меня въ постель, накрыла одѣяломъ, потомъ заперла окно и ушла.

Едва приложилъ я голову къ подушкѣ, какъ уже почувствовалъ, что меня раскачиваетъ во всѣ стороны, точно въ лодкѣ. Пуховики были такъ мягки, что я лежалъ какъ бы распростертый въ воздухѣ. Одно мгновеніе—и я всѣмъ существомъ окунулся въ ту пѣжащую мглу, которая называется дѣтскимъ сномъ.

Я проснулся утромъ, около десяти часовъ, то-есть проспавши около полусутокъ. Проснулся совсѣмъ свѣжій, безъ малѣйшей усталости. Настя, какъ оказалось, уже неоднократно прислушивалась у дверей, и пришла какъ разъ во-время, чтобы подать мнѣ одѣться и умыться.

— Господа ужъ откушали чай, въ саду гуляютъ, — сказала она:—сейчасъ будутъ кофе пить, а вамъ самоваръ готовъ. И чайку, и кофейку напьетесь.

Но я, какъ только проснулся, вспомнилъ про нашихъ лошадей и про Алемпія, и потому прежде, чѣмъ идти въ столовую, побѣжалъ къ конюшнямъ. Алемпій, по обыкновенію, сидѣлъ на столбикѣ у конюшни и покуривалъ изъ носогрѣйки. Мнѣ показалось, что онъ за ночь сдѣлался какъ будто толще.

— Ну, что, Алемпій, лошади отдохнули?—спросилъ я.

— Что имъ дѣлается! конюшни здѣсь просторныя, сѣно душистое, овесъ чистый... Три дня постоятъ—и не удержишь.

— Ну, а ты... выспался! хорошо тебѣ?

— Вы спросите, кому здѣсь не хорошо-то? Кормъ здѣсь вольный, раза четыре въ день ѣдятъ. А захочешь еще поѣсть—ѣшь, сдѣлай милость! Опять и свобода дана. Я еще когда всталъ; и лошадей успѣлъ убрать, и въ городъ съ Акимомъ, здѣшнимъ кучеромъ, сходилъ, всѣ закоулки обѣгалъ. Большой здѣсь городъ, народу на базарѣ, барокъ на рѣкѣ—страсть! Акимъ-то, признаться, мнѣ рюмочку въ трактирѣ поднесъ, потому у тетеньки насчетъ этого строго.

Цѣлый день прошелъ въ удовольствіяхъ. Сперва чай пили, потомъ кофе, потомъ завтракали, обѣдали, послѣ обѣда десертъ подавали, потомъ простоквашу съ молодою сметаною, потомъ опять пили чай, наконецъ ужинали. Въ особенности мнѣ понравилась за обѣдомъ

„няня“, которую я два раза накладывалъ на тарелку. И у насъ, въ Малиновцѣ, по временамъ готовили это кушанье, но оно было куда не такъ вкусно. Ѣли исправно, губы у всѣхъ были масляныя, даже глаза искрились. А тетушка, между тѣмъ, все понуждала и понуждала.

— Ѣшьте, дружки, Христосъ съ вами. Кушанье у насъ легкое, здоровое; коли и лишнее скушаете—худа не будетъ! Маслицемъ деревяннымъ животикъ помажемъ—и какъ рукой сниметъ!

Въ промежуткахъ между ѣдами, мы съ Сашей бѣгали по саду, ловили другъ друга, перегонялись, хотя, признаюсь, однообразіе этихъ игръ скоро меня утомило. Саша замѣтила это.

— Вамъ, братецъ, скучно со мной?—спросила она грустно.

— Нѣтъ, ничего! А вотъ вамъ какъ? всегда вы однѣ да однѣ!

Она разсказала мнѣ, что ей совсѣмъ не скучно, а ежели и случится соскучиться, то она уходитъ къ сосѣдскимъ дѣтямъ, которыя и у нея бываютъ въ гостяхъ; что она, впрочемъ, по будням и учится, и только теперь, по случаю моего пріѣзда, бабушка уволила ее отъ уроковъ.

— Ну, перестанемте бѣгать, коли вамъ скучно, давайте такъ говорить,—сказала она въ заключеніе:—у васъ въ заведеніи трудно? большіе уроки задаютъ?

Я охотно сталъ разсказывать, и, разумѣется, далъ волю воображенію:

— Я, Сашенька, Цицерона уже прочиталъ, а въ слѣдующемъ классѣ за Юлія Цезаря примусь.

— Какой такой Цицеронъ?

— Римскій сенаторъ. Онъ спасъ римскую республику отъ Катилины. Ахъ, еслибъ вы знали, какая это прелесть—его рѣчь противъ Катилины! „Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra!“—продекламировалъ я восторженно.

— А мнѣ говорили, что Римъ гуси спасли?

— Гуси сами собой, а Цицеронъ самъ собой... А изъ математики мы логариѳмы проходить станемъ. Вотъ трудно-то будетъ!

— Зато ученымъ сдѣлаетесь.

— Я, сестрица, хочу профессоромъ быть.

— Вы какія науки больше любите?

— Я больше всего русскій языкъ люблю. У насъ сочиненія за-

даютъ, переложенія, особливо изъ Карамзина. Это нашъ лучшій русскій писатель. „Звонъ вечевого колокола раздался, и вздрогнули сердца новгородцевъ“—вотъ онъ какъ писалъ! Другой бы сказалъ: „раздался звонъ вечевого колокола, и сердца новгородцевъ вздрогнули“, а онъ зналъ, на какихъ словахъ ударе́ніе сдѣлать!

— Разговаривая такимъ образомъ, мы скоро сблизились на „ты“, такъ что подъ-конецъ она, не безъ волненія, спросила меня:

— А ты долго у насъ погостишь?

— Утромъ послѣ Петрова дня, встану пораньше, соберусь—и ау, сестрица!

— Господи! хоть бы недѣльку погостилъ!

— Нельзя, голубушка; маменька строго-на-строго прика́зала. Если не ворочусь, какъ сказано, никуда впередъ не отпуститъ. И не проси́сь.

Саша пожаловалась на меня бабушкѣ, но старушка, потуживъ вмѣстѣ съ внучкой по случаю моего скораго отъѣзда, въ заключе́ніе, однакожъ, похвалила меня.

— Слушайся папеньку съ маменькой, — сказала она: — родительское сердце, оно памятливое. Иногда и причины настоящей нѣтъ, а оно все объ дѣтяхъ болитъ да на мысли наводитъ. Не случилось ли чего, здоровъ ли, не сломался ли экипажъ, лихіе люди въ дорогѣ не обидѣли ли? Хоть про себя скажу. Далеко ли отсюда до города, а отпустишь, бывало, покойницу Лепочку къ знакомымъ вечеромъ повеселиться:—„Я, маменька, въ одиннадцать часовъ возвращусь“,— а я ужъ съ десяти часовъ сяду у окна да и сижу. Посидишь, вздремнешь, проснешься, опять вздремнешь—смотришь, анъ ужъ и полночь близко. Что́ такое? Здорова ли? не случилось ли чего? Послать спросить совѣстно: осудятъ; скажутъ, вотъ безпокойная старуха, дочери повеселиться не дастъ. Да до часу, до двухъ и промаячишься. Такъ-то вотъ. Нѣтъ ужъ, голубчикъ, поѣзжай! коли папенька съ маменькой ждутъ, такъ и разговаривать нечего.

Вечеромъ, конечно, служили всенощную и наполнили домъ запахомъ ладана. Тетенька напоила чаемъ и накормила причтъ и насъ, но сама не пила, не ѣла и сидѣла сосредоточенная, готовясь къ наступающему празднику. Даже говорить избѣгала, а только изрѣдка перекидывалась коротенькими фразами. Горничныя тоже вели себя

степенно, стушали тихо, говорили шопотомъ. Тотчасъ послѣ ухода причта, меня уложили спать, и домъ раньше обыкновеннаго затихъ.

На другой день, съ восьми часовъ, мы отправились къ обѣднѣ въ ближайшую городскую церковь и, разумѣется, пріѣхали къ „часамъ“. По возвращеніи домой, началось именинное торжество, на которомъ присутствовали именитѣйшія лица города. Погода была отличная, и именинный обѣдъ состоялся въ саду. Все сошло какъ по маслу; пили и ѣли вдоволь, а телепокъ, о которомъ меня заранѣе предупреждала тетенька, оказался въ полномъ смыслѣ слова изумительнымъ.

Я не стану описывать остальное время, проведенное у тетеньки, но помню, что мнѣ ужасно не хотѣлось ѣхать. На утро послѣ Петрова дня меня собрали, снабдили всякаго рода съѣстнымъ и гостинцами, благословили и отправили.

Пріѣхавши въ Малиновецъ, я подробно разсказывалъ братьямъ (Степа уже перешелъ въ послѣдній классъ, а Гриша тоже выдержалъ экзаменъ съ отличіемъ) о разливанномъ морѣ, въ которомъ я купался четыре дня, и роздалъ имъ привезенные гостинцы.

— А мы, братъ, здѣсь полотками питались,—грустно молвилъ Степа:—да, впрочемъ, вчера послѣдній прикончили. Finis polotcoviorum!

Послѣ этого я уже не видалъ тетеньки Раисы Порфирьевны, но она жила еще долго. Выкормивъ Саиеньку въ мѣру взрослой дѣвицы, выдала ее замужъ за „хорошаго“ человѣка, но не отпустила отъ себя, а приняла зятя въ домъ. Такимъ образомъ, мечты ея осуществились вполнѣ.

Были ли въ ея жизни горести, кромѣ тѣхъ, которыя временно причинила смерть ея мужа и дочери,—я не знаю. Во всякомъ случаѣ, старость ея можно было уподобить тихому сіянію вечерней зари, когда солице уже окончательно скрылось за предѣлы горизонта и на западѣ свѣтится чуть-чуть видный отблескъ его лучей, а вдали плаваютъ облака, прообразующія соленья, варенья, моченья и всякій гарниръ,—тоже игравшія въ ея жизни немаловажную роль. Прозвище „сластёны“ осталось за ней до конца.

Я не разъ, впослѣдствіи, проѣзжалъ мимо Р., но какъ-то всегда

забывалъ заглянуть въ Ахлопинскую усадьбу. Слышалъ, однакожъ, что усадьба стоитъ и понынѣ въ полной неприкосновенности, какъ при жизни старушки; только за садовымъ тыномъ уже не такъ тихо, какъ во время оно, а слышится немолчное щебетаніе молодыхъ и свѣжихъ голосовъ. Это щебечутъ внуки и внучки Сашеньки (и она, въ свою очередь, овдовѣла), дѣти двоихъ ея сыновей, которые сами устроились въ Петербургѣ, а дѣтей покинули на руки бабушкѣ. Одинъ изъ этихъ сыновей состоитъ на службѣ, идетъ ходко, и ко всякому празднику чего-нибудь ждетъ. Другой пока еще либеральничаетъ, но тоже начинаетъ косить глазами направо и налѣво, такъ что немудрено, что невдолгѣ и онъ начнетъ томиться съ приближеніемъ праздниковъ.

Сашенька унаслѣдовала отъ бабушки роль баловницы. И сама кушаетъ, и дѣточекъ прикармливаетъ. Всѣмъ она приготовила обезпеченный кусокъ, и живетъ, среди своихъ птенчиковъ, безболѣзненно, мирно и нимало не тяготясь шестидесятилѣтнею старостью, которая совершенно незамѣтно, безъ малѣйшихъ предостереженій, подкралась къ ней.

Помнитъ ли она обо мнѣ—я не думаю. По крайней мѣрѣ, сыновья ея не сочли нужнымъ познакомиться со мной. Да и не мудрено: вѣдь я прихожусь имъ четвероюроднымъ дѣдушкой, а въ этой степени родства самая память объ узахъ невольно исчезаетъ. Притомъ же оба они вполнѣ проникли въ суть современной жизни. Одинъ—тайный совѣтникъ; другой хоть и опоздалъ, но тоже на хорошей дорогѣ стоитъ. А я ни во что не проникъ, живу словно въ муромскомъ лѣсу, и чувствую, какъ постепенно, одно за другимъ, падаютъ звенья, которыя связывали меня съ жизнью.

Такъ, „писàчка“...

О, „писàчки“ россійскіе! съ каждымъ годомъ вы плодитесь и множитесь, и наполняете землю отечественную стихами и прозою; но когда же вы въ мѣру человѣческаго возраста выростете?

XI.—Братецъ Ѳедосъ.

Кромѣ описанныхъ выше четырехъ тетокъ, у меня было еще пять, которыя жили въ дальнихъ губерніяхъ и съ которыми наша семья не поддерживала почти никакихъ сношеній. Съ сыномъ одной изъ нихъ, Поликсены Порфирьевны, выданной замужъ въ оренбургскую губернію за башкирца Половникова, я познакомился довольно оригинальнымъ образомъ.

Однажды,—это было въ концѣ октября, глубокою осенью,—семья наша сидѣла за вечернимъ чаемъ, какъ изъ дѣвичьей опрометью прибѣжала дѣвушка и доложила матушкѣ:

— Барыня! васъ мужчина въ дѣвичьей спрашиваетъ.

— Какой еще мужчина?

— Не знаю-съ. Доложи, говоритъ, что Ѳедосъ пришелъ.

— Пропасти на васъ, безтолковыхъ, нѣтъ! Ступай, спроси: кто? зачѣмъ?

Дѣвушка побѣжала; но матушка, по обыкновенію, не вытерпѣла, встала изъ-за стола и пошла вслѣдъ за нею.

Въ дѣвичьей, освѣщенной едва мерцающимъ свѣтомъ сальнаго огарка, сидѣлъ на ларѣ мужчина въ дубленомъ полушубкѣ.

— Кто таковъ? откуда? зачѣмъ?—бросила ему матушка и, обращаясь къ сидѣвшимъ за прялками дѣвушкамъ, прибавила:—да снимите же со свѣчки! не видать ничего!

Мужчина всталъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, средняго роста, здоровый, плотный. Лицо широкое, съ выдающимися скулами, голова острижена въ скобку, волоса обхватывалъ черный ремень. Отъ сапоговъ вся дѣвичья провоняла ворванью.

— Ѳедосъ Половниковъ, Василія Порфирьича племянникъ, Поликсены Порфирьевны сынъ.

— Пачпортъ!

Ѳедосъ порылся за пазухой и подалъ бумагу. Въ бумагѣ значилось, что предъявитель сего—дворянинъ Оренбургской губерніи, Ѳедосъ Николаевъ Половниковъ и проч. Подписана она была белебеевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

— А я почемъ знаю!—крикнула матушка, прочитавъ бумагу:

—на лбу-то у тебя не написано, что ты племянникъ! Можетъ быть, паспортъ-то у тебя фальшивый? Можетъ, ты бѣглый солдатъ! Убилъ кого-нибудь, а паспортъ укралъ!

— Никакъ нѣтъ-съ. Я Ѳедосъ Николаевъ Половниковъ, Василія Порфирьича племянникъ. Вѣрно-съ.

— А зачѣмъ бы ты сюда пожаловалъ, позволь тебя спросить? Есть у тебя своя деревнюшка, и жилъ бы въ ней съ матерью со своей!

— Матушка прошлой весной померла, а отецъ еще до нея померъ. Матушкину деревню за долги продали, а послѣ отца только ружье осталось. Ни кола у меня, ни двора. Вотъ и надумалъ я: пойду къ роднымъ, да и на людей посмотрѣть захотѣлось. И матушка, умирая, говорила: „стунай, Ѳедосъ, въ Малиновецъ, къ братцу Василью Порфирьичу—онъ тебя не оставитъ“.

— Это за двѣ-то тысячи верстъ пришелъ киселя ѣсть... прошу покорно! племянничекъ сыскался! Ни въ жизнь не повѣрю. И имѣнье, вишь, промоталъ... А коли ты промоталъ, такъ я-то чѣмъ причина? Онъ промоталъ, а я изволь съ нимъ валандаться! Отошлю я тебя въ земскій судъ—тамъ разберутъ, племянникъ ты, или солдатъ бѣглый.

— Это какъ вамъ угодно.

Произнося свои угрозы, матушка была, однакожъ, въ недоумѣніи. Племянникъ ли Ѳедосъ, или бѣглый солдатъ—въ сущности, ей было все равно; но если онъ вправду племянникъ, то какъ же не принять его? Прогонишь его—онъ, пожалуй, въ канавѣ замерзнетъ; въ земскій судъ отправить его—назадъ оттуда пришлютъ... А дѣло, между тѣмъ, разгласится, сосѣди будутъ говорить: вотъ Анна Павловна какова, мужнину племяннику въ углѣ отказала.

— И вѣдь въ какое время, непутёвый, пришелъ!—сказала она уже мягче:—двѣ недѣли сряду дождикъ льетъ, всѣ дороги затопилъ, за сѣномъ въ полѣ проѣхать нельзя, а онъ шлепаетъ да шлепаетъ по грязи. И хоть бы написалъ, предупредилъ... Ну, ишь, скидавай полушубокъ-то, сиди здѣсь, покуда я муженьку не отрапортую.

Но когда она возвратилась въ столовую, сердце у ней опять раскипѣлось.

— Съ племянничкомъ поздравляю!—обратилась она къ отцу:—Поликсены Порфирьевны сынокъ, Ѳедосъ Николаичъ... Нечего

сказать, наплодила-таки покойница свекровушка, Надежда Гавриловна, царство небесное, родственничковъ!

Отецъ, который при всякой неожиданности всегда терялся, пришелъ при этомъ извѣстіи еще въ большее раздраженіе, нежели матушка.

— Какой еще Ѳедосъ? — крпчалъ онъ: — гнать его отсюда! гнать! Никакого Ѳедоса у меня въ родиѣ нѣтъ! Не племянникъ онъ, а бѣглый солдатъ! Гоните его!

— Постой, погоди! — опять смягчилась матушка: — крикомъ дѣлу не поможешь, а надо его чередомъ разспросить, какъ и что. Позови-ка его сюда! —приказала она лакею.

Черезъ минуту въ столовую вошелъ бѣлокурый малый, въ бѣлой рубашкѣ на выпускъ, грубаго холста и сильно запошенной, въ штанахъ изъ полосатой пестряди, засунутыхъ въ сапоги. Онъ былъ подпоясанъ тоненькимъ шнуркомъ, на которомъ висѣлъ роговой гребень. Съ приходомъ его, въ комнатѣ распространился отвратительный запахъ ворвани.

— Сними! сними сапожищи-то! ишь навонялъ! —крикнулъ на него отецъ.

Ѳедосъ безмолвно вышелъ и возвратился уже босой. Онъ сталъ у двери и, казалось, покорно ждалъ, куда его опредѣлятъ.

— Ну-тка, покажи опять паспортъ... Надо приметы свѣрить, —начала матушка.

Ѳедосъ сунулъ руку въ карманъ и подалъ бумагу. Матушка читала вслухъ:

— „Ростъ два аршина, пять вершковъ“,—кажется, такъ; „лицо чистое“ —такъ; „глаза голубые, волосы на головѣ бѣлокурые, усы и бороду бреетъ, носъ и ротъ обыкновенные; особая примѣта: на груди возлѣ лѣваго соска родимое пятно величиною съ гривенникъ“... Конька! возьми свѣчу! посмотри!

Лакей Копонъ, прислуживавшій за столомъ, подошелъ къ Ѳедосу со свѣчой, раздвинулъ прорѣху на рубашкѣ и отвѣтилъ:

— Вѣрно-съ!

— Ну, ежели вѣрно, такъ, значитъ, ты самый и есть. Однакожъ, этого мало! на свѣтѣ бѣлокурыхъ да съ голубыми глазами хоть прудъ пруди. Коли ты Поликсены Порфирьевны сынокъ, сказывай, какова она была изъ себя?

Ѳедосъ и это требованіе выполнилъ отчетливо, безъ запинки.

— Такъ что-ли?—обратилась матушка къ отцу:—говори, сударь! ты сестрицу свою долженъ помнить, а я и въ глаза ее не видала.

— Не знаю! не знаю!—бормоталъ отецъ, по обыкновенію уклоняясь отъ опредѣленнаго отвѣта. Видно было, однакожъ, что разсказъ новообрѣтеннаго родственника былъ согласенъ съ дѣйствительностью.

— Ну, ладно. Положимъ, что ты нашъ племянничекъ, зачѣмъ же ты къ намъ пожаловалъ? развѣ мало у тебя родныхъ? Одинѣхъ тетокъ сколько! Отчего ты къ нимъ не пошелъ?

— Да такъ матушка, умирающи, говорила...

— А ежели мы тебя не примемъ?

— Какъ вамъ угодно, только я на первый разъ порѣшилъ у васъ основаться.

— Рѣшилъ! онъ рѣшилъ!... ахъ ты распостылый!—крикнула матушка, вся дрожа отъ волненія, и, закусивъ губу, подошла близко къ Ѳедосу.—Ты спроси прежде, какъ дядя съ теткой рѣшатъ... Онъ рѣшилъ! Ступай съ моихъ глазъ долой, жди въ дѣвичьей, пока я надумаю, какъ съ тобой поступить!

По уходѣ Ѳедоса, матушка нѣкоторое время сидѣла, покачиваясь на стулѣ, и обдумывала.

— Не знаю, гдѣ и спать-то его положить,—молвила она, наконецъ:—и не придумаю! Ежели внизу, гдѣ прежде шорникъ Степанъ жилъ, такъ тамъ съ самой осени не топлено. Ну, ин ведите его къ Василисѣ въ застольную. Не велика фря, ночь и на лавкѣ проспитъ. Полушубокъ у него есть, чтобъ накрыться, а войлокъ и подушчонку, изъ старенькихъ, отсюда дайте. Да уже не куритъ ли онъ, спаси Богъ! чтобъ и не думалъ!

Приказаніе это было исполнено уже прислугой.

Ночь матушка провела тревожно. Безпрестанно будила дежурную горничную, спавшую на полу у дверей ея спальни, посылая ее въ застольную, и наказывала, чтобъ Василиса отнюдь не позволяла Ѳедосу курить.

— Ну что Ѳедоска? спитъ!—спрашивала она возвратившуюся дѣвушку.

— Спитъ-съ.

— Не курить?

— Василиса говоритъ: трубочку на крыльцѣ выкурилъ.

— То-то, „трубочку“! А я что приказывала?

На утро матушка едва проснулась, какъ уже обратилась съ вопросомъ.

— Всталъ?

— Еще до свѣту въ ригу молотить ушелъ.

Извѣстіе это смягчило матушку. Ушелъ молотить—стало-быть, не хочетъ даромъ хлѣбъ ѣсть, мелькнуло у нея въ головѣ. И велѣдъ затѣмъ велѣла истопить въ нижнемъ этажѣ комнату, поставить кровать, столъ и табуретку и устроить тамъ Ѳедоса. Кушанье матушка рѣшила посылать ему съ барскаго стола.

— А коли благородно себя держать будетъ—и съ собой обѣдать посадимъ.

Весь этотъ день Ѳедосъ работалъ наравнѣ съ прочими барщинными. Молотильщикъ онъ оказался отличный, шелъ въ головѣ цѣпи, стучалъ цѣпомъ не спѣша, ровно, плавно. и прямо, и на-крестъ. Когда же стемнѣло, его позвали къ матушкѣ.

— Что это тебѣ молотить вздумалось?—спросила она его ласково.

— Что-жъ такъ-то сидѣть! Я всю дорогу шелъ, работалъ. День или два идешь, а потомъ остановишься, спросишь, нѣтъ ли работы гдѣ. Гдѣ пошашешь, гдѣ покосишь, пожнешь. Съ недѣльку на одномъ мѣстѣ поработаешь, меня въ это время кормятъ, и на дорогу хлѣбца дадутъ, а иной разъ и гривенничекъ. И опять въ два-три дня я свободно верстъ пятьдесятъ уйду. Да я, тетенька, и другую работу дѣлать могу: и лапоть сплету, и игрушку для дѣтей изъ дерева вырѣжу. и на охоту схожу, дичинки добуду.

— Вотъ ты какой! Ну, поживи у насъ! Я тебѣ велѣла внизу комнатку вытопить. Тамъ тебѣ и тепленько, и уютненько будетъ. Обѣдать сверху носить будутъ, а потомъ, можетъ, и поближе сойдемся. Да ты не нудь себя. Не все работай. и посиди. Я слышала, ты табакъ куришь?

— Курю, тетенька! да вы не безпокойтесь, у меня на табакъ деньги найдутся!

Ѳедосъ полѣзъ въ карманъ и вынулъ оттуда пригоршню мѣдныхъ и мелкихъ серебряныхъ монетъ.

— Что-жъ, можно изрѣдка и покурить, только будь осто-

рожепъ, мой другъ, не зарони! Ну, ступай покуда, Христосъ съ тобой!

Съ тѣхъ поръ Ѳедосъ поселился внизу вмѣстѣ съ собакой Трезоркой, которую какъ-то необыкновенно быстро пріучилъ къ себѣ. Горничныя со смѣхомъ разсказывали, что онъ съ собакой изъ одной посудины и пьетъ, и ѣстъ, что онъ ее въ самое рыло цѣлуетъ, поноску носить выучилъ и т. д.

— И накурено же у него тютюнищемъ въ каморкѣ—не продохнешь! даже Трезорка чихаетъ,—говорили онѣ:—а нагажено, напакощено—страсть!

Съ своей стороны, онъ на помѣщенье не жаловался, а только пенялъ на ѣду.

— Скажите тетенькѣ,—поручалъ онъ горничнымъ:—мнѣ бы хлѣба да щецъ побольше, а разносоловъ не надобно.

Справедливость требуетъ сказать, что просьба его была уважена.

Вскорѣ онъ раздобылся гдѣ-то ружьемъ и другимъ охотничьимъ припасомъ и принесъ матушкѣ двѣ пары тетеревей.

— Ну, спасибо тебѣ, вотъ мы и съ жарковцемъ!—поблагодарила его матушка:—и сами поѣдимъ, и ты съ нами покушаешь. Эй, кто тамъ! снесите-ка повару одного тетерева, пускай сегодня къ обѣду зажаритъ, а прочихъ на погребъ отдайте... Спасибо, дружокъ!

Мы, дѣти, сильно заинтересовались Ѳедосомъ. Частенько бѣгалъ я черезъ дѣвичье крыльцо, безъ шапки, въ одной курткѣ, къ нему въ компату, рискуя быть наказаннымъ. Но долго не рѣшался взойти. Придешь, пріотворишь дверь, загляпешь и опять убѣжишь. Но однажды онъ удержалъ меня.

— Ты что же ко мнѣ только заглядываешь, а не зайдешь? Небось, не укушу.

Я стоялъ передъ нимъ смущенный и безмолвствовалъ.

— Что всталъ? зайди!—пригласилъ онъ:—посмотри, какого я коня тебѣ бо́рзаго вырѣзалъ! хоть сто верстъ на немъ скачи—не упарится!

Онъ показалъ мнѣ деревяннаго конька грубой работы, у котораго подъ животомъ вырѣзано было четырехугольное отверстіе, а по сторонамъ его фигурные столбики, долженствующіе изображать ноги. Потомъ позвалъ Трезорку и сталъ продѣлывать съ нимъ фокусы.

— Шершь!—крикнулъ онъ, кидая въ уголъ корку хлѣба.

Трезорка кинулся со всѣхъ ногъ, но, достигнувъ цѣли, не взялъ корки въ зубы, а остановился какъ вкопанный и поднялъ ногу.

— Это онъ стойку дѣлаетъ. Хоть два часа простоитъ, не двинется. Пиль, аппортъ!—снова крикнулъ онъ.

Трезорка схватилъ корку и принесъ ее Ѳедосу.

— Теперь давай ее сюда!—сказалъ Ѳедосъ, отнимая корку и кладя ее Трезоркѣ на носъ.—Слушай команду: азъ, буки, глаголь, добро...

Ѳедосъ отвернулся отъ Трезорки, какъ будто забылъ о немъ. Минуты двѣ онъ сидѣлъ молча, такъ что у Трезорки потоками полились слюни съ брыластыхъ губъ.

— Есть!—скомандовалъ Ѳедосъ неожиданно.

Трезоръ мигомъ подкинулъ корку вверхъ и налету проглотилъ ее.

— Вотъ пёсъ!—хвалился Ѳедосъ:—необразованный былъ, даже лаять путемъ не умѣлъ, а я его грамотѣ выучилъ. На охоту со мной уже два раза ходилъ. Видѣлъ ты, сколько я глухарей твоей мамашѣ перетаскалъ?

— Они у насъ, братецъ, на погребѣ лежатъ.

— И будутъ лежать, пока не протухнутъ. Это ужъ такой обычай у васъ.

— А вамъ, братецъ, весело здѣсь?

— Какое веселье! Живу—и будетъ съ меня. Давеча молотилъ, теперь—отдыхаю. Ашàть (по-башкирски; „ѣсть“) вотъ мало даютъ—это скверно. Ну, да теперь зима, а у насъ въ Башкиріи въ это время всѣ голодаютъ. Зимой хлѣбъ съ мякиной башкиръ ѣстъ, да такъ отощаетъ, что страсть! А наступитъ весна, ожеребятся кобылы, начнетъ башкиръ кумысъ пить—въ мѣсяцъ его такъ разнесетъ, и не узнаешь!

— Неужто отъ кумыса?

— Да, кобылье молоко квашеное такъ называется... Я и васъ бы научилъ, какъ его дѣлать, да вы, поди, брезговать будете. Скажете: кобылятина! А надо бы вамъ—видишь, ты испитой какой! И вамъ ѣсть плохо даютъ... Куда только она, маменька твоя, бережетъ! Добро бы деньги, а то... ѣду!

Онъ ощупалъ меня и продолжалъ:

— Кости да кожа! И погулять васъ не пускаютъ, все въ компа-

тахъ держать. Хочешь, я тебѣ лыжи сдѣлаю. Вотъ снѣгъ нападетъ, всѣ по очереди кататься будете.

— Да маменька... Братецъ, попросите маменьку!

— Послушаетъ она меня... держи карманъ! Однако, ступай, братъ, наверхъ—неравно хватятся!—Когда-нибудь въ праздникъ, послѣ обѣда, я самъ къ вамъ заберусь, покуда старики спятъ.

Словомъ сказать, чѣмъ дольше онъ жилъ, тѣмъ больше весь домъ привыкалъ къ нему. Дворня полюбила его, потому что онъ хоть и „баринъ", а все равно, что свой братъ; матушка была довольна, потому что племянникъ оказался трезвый и работящій. Безпрерывно оказывался у него какой-нибудь новый талантъ: то лошадь подкуетъ на диво, то печку исправитъ, ежели дымитъ, то стекло въ окнѣ вставитъ. Сначала матушка боялась, чтобы нравственность въ дѣвичьей не испортилась, но и тутъ все обстояло благополучно. Отъ времени до времени онъ, однакожъ, исчезалъ. Уйдетъ, и дня два-три его не видать. Тогда у матушки опять разыгрывалось воображеніе.

— Ну, помяните мое слово, что онъ бѣглый солдатъ!—ежеминутно безпокоилась она.

Надо сказать, что она, тотчасъ послѣ пріѣзда Ѳедоса, написала къ белебеевскому предводителю дворянства письмо, въ которомъ спрашивала, дѣйствительно ли имъ былъ выданъ видъ Ѳедосу Половникову; но прошло уже болѣе полутора мѣсяца, а отвѣта получено не было. Молчаніе это служило источникомъ великихъ тревогъ, которыя, при всякомъ случаѣ, возобновлялись.

— Гдѣ побывалъ?—спрашивала она, когда Ѳедосъ возвращался изъ своихъ временныхъ отлучекъ.

— Мужичокъ тутъ одинъ, верстахъ въ десяти, помочь помолотить просилъ.

— Мужичокъ? не бабочка ли?

— А можетъ, и бабочка. Всѣ нынче, и мужики, и бабы, по холодку въ полушубкахъ ходятъ—не разберешь!

Матушкѣ становилось досадно. Все-жъ таки родной—могъ бы и своимъ послужить! Чего ему! и теплёхонько, и сытёхонько здѣсь... кажется, на что лучше! А онъ, на-тко, пошелъ за десять верстъ, къ чужому мужику на помочь!

Но Ѳедосъ, сдѣлавши экскурсію, засаживался дома, и досада проходила. Къ тому же, и изъ Белебея бумага пришла, изъ которой

было видно, что Ѳедосъ есть дѣйствительный, заправскій Ѳедосъ, тетеньки Поликсены Порфирьевны сынъ, такъ что и съ этой стороны сомнѣнія не было.

Замѣчательно, что среди общихъ симпатій, которыя стяжалъ къ себѣ Половниковъ, одинъ отецъ относился къ нему не только равнодушно, но почти гадливо. Случайно встрѣчаясь съ нимъ, Ѳедосъ обыкновенно подходилъ къ нему „къ ручкѣ“, но отецъ проворно пряталъ руки за спину и холодно произносилъ:—„ну, будь здоровъ! проходи, проходи!“—Заочно онъ называлъ его не иначе, какъ „кобылятникомъ“, увѣрялъ, что онъ поганый, потому что сырое кобылье мясо жретъ, и нетерпѣливо спрашивалъ матушку:

— Долго ли этотъ кобылятникъ нашъ домъ поганить будетъ? Посуду-то, посуду-то послѣ него на столъ подавать не смѣйте! Вѣдь онъ, поганецъ, съ собакой изъ одной чашки ѣстъ!

Можетъ быть, благодаря этому инстинктивному отвращенію отца, предположенію о томъ, чтобы Ѳедосъ отъ времени до времени приходилъ обѣдать наверхъ, не суждено было осуществиться. Но къ вечернему чаю его изрѣдка приглашали. Онъ приходилъ въ томъ же видѣ, какъ и въ первое свое появленіе въ Малиновцѣ, только рубашку надѣвалъ чистую. Обращался онъ исключительно къ матушкѣ.

— Вотъ бы вамъ, тетушка, въ нашу сторону перебраться, да тамъ бы усадьбу выстроить,—соблазнялъ онъ.

— А что?

— Земля у насъ черная-черная, на сажень глубины. Какъ подымутъ цѣлину, такъ даже лоснится. Лѣсъ—дубовый, рѣкъ много, а по берегамъ все луга поемные — трава во какая ростетъ, словно тростникъ тучная!

— Манна съ неба не падаетъ ли?

— Нѣтъ, я вѣрно говорю, не хвастаюсь. Именно на рѣдкость земля въ нашей сторонѣ.

— Кто же на ней живетъ? помѣщики, что-ли?

— Нѣтъ, башкиры. Башкиро-мещеряцкое войско такое есть:—какъ завладѣли спервоначалу землей, такъ и теперь она считается ихняя. Границъ нѣтъ, межеванья отъ роду не бывало: сколько глазомъ ни окинешь—все башкирамъ принадлежитъ. Въ послѣднее, впрочемъ, время, и помѣщики, которые поумнѣе, заглядывать въ ту сторону

стали. Сколько ужъ участковъ къ нимъ отошло: поселятъ крестьянъ, да хозяйство и разводятъ.

— Вѣдь землю-то, чай, купить надо?

— Самые пустяки стоитъ. Кантонному начальнику по гривеннику за десятину заплатить, да обществу, за приговоръ, ведеръ десять водки выпоить—сколько угодно отмѣряютъ!

— Ахъ, прахъ побери, да и совсѣмъ!

Матушка даже повернулась на стулѣ при одной мысли, какъ бы оно хорошо вышло. Нѣкоторое время она молчала; вѣроятно, въ головѣ ея уже роплись мечты. Купить земли — да побольше — да крестьянъ безъ земли на свозъ душъ пятьсотъ, тоже недорого, отъ сорока до пятидесяти рублей за душу, да и поселить ихъ тамъ. Земля-то новая — сколько она приплода дастъ! Лошадей развести, овецъ...

— У насъ отъ одпѣхъ лошадей хорошій доходъ получить можно,—продолжалъ соблазнять Ѳедосъ:—содержаніе-то ихъ почти ничего не стоитъ,—и зиму, и лѣто въ степи; зимой изъ-подъ снѣга кормъ добываютъ... А въ Мензелинскѣ, между прочимъ, ярмарка бываетъ: издалека туда пріѣзжаютъ, хорошія цѣны даютъ. Опять овчины, шерсть...

— Да замолчи ты, сдѣлай милость!

— Какъ угодно, а я бы вамъ это дѣло чудесно подстроилъ.

Но матушка отрезвлялась такъ же быстро, какъ и увлекалась.

Мечты разсѣялись, и черезъ нѣсколько минутъ она уже всецѣло принадлежала дѣйствительности.

— Нѣтъ, голубчикъ,—сказала она:—намъ отъ своего мѣста бѣжать не приходится. Тамъ дѣло наладишь—здѣсь въ упадокъ придетъ; здѣсь будешь хозяйствовать — тамъ толку не добьешься. Нѣтъ ничего хуже, какъ заглазно распоряжаться, а переѣзжать съ мѣста на мѣсто этакую махинищу верстъ—и денегъ не напасешься.

Однако, во всякомъ случаѣ, разсказъ Ѳедоса настолько заинтересовалъ матушку, что она и потомъ, при всякомъ новомъ свиданіи съ нимъ, говорила:

— А ну-ка, разскажи про сторону про свою, разскажи!

Повторяю: Ѳедосъ настолько пришелся по праву матушкѣ, что она ему даже суконный казакинъ и шаровары приказала сшить.

— Нехорошо все въ рубашкѣ ходить; вотъ и тѣло у тебя че-

резъ прорѣху видно,—сказала она:—гости могутъ пріѣхать—осудятъ, скажутъ: племянника роднаго въ посконной рубахѣ водятъ. А кромѣ того, и въ церковь въ праздникъ выйти... Все же въ казакинчикѣ лучше.

Ѳедосъ не противорѣчилъ и надѣлъ казакинъ, хотя и неохотно. Мнѣ, впрочемъ, и самому показалось, что рубашка шла ему больше къ лицу.

— Скажи, Христа-ради, зачѣмъ ты свое мѣсто бросилъ?—добивалась иногда отъ него матушка.

— Да такъ... и нѣ у чего, да и не все же на одномъ мѣстѣ сидѣть; захотѣлось и на людей посмотрѣть.

— Все-же надо тебя къ одному какому-нибудь мѣсту опредѣлить. Положимъ, теперь ты у насъ пріютился, да вѣдь не станешь же ты здѣсь вѣкъ вѣковать. Вотъ мы по зимамъ въ Москвѣ собираемся жить. Домъ топить не будемъ, ставни заколотимъ—съ кѣмъ ты тутъ останешься?

— Уйду!

— Да куда ты уйдешь, непутёвый ты человѣкъ?!

— Паспортъ у меня есть, свѣтъ не клиномъ сошелся. Уйду.

— Заладилъ одно: уйду да уйду. Пить, ѣсть надо. Вотъ о чемъ говорятъ:

— Найду. Безъ ѣды не останусь.

— Въ приказчики, что-ли, нанялся бы. Ты сельскія работы знаешь,—это нечего говорить, положиться на тебя можно. Любой помѣщикъ съ удовольствіемъ возьметъ.

— Не по рылу мнѣ съ помѣщиками возжаться.

Словомъ сказать, на всѣ подобные вопросы Ѳедосъ возражалъ загадочно, что̀ приводило матушку въ немалое смущеніе. Иногда ей представлялось: да не бунтовщикъ ли онъ? Хотя въ то время не только о нигилистахъ, но и о чиновникахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ (впослѣдствіи ихъ называли помѣщики „эмиссарами Пугачева“) не было слышно.

„И не разберешь его, что̀ за человѣкъ такой!“ думалось ей: „бродитъ безъ надобности: взялъ да и пошелъ—развѣ между людьми такъ водится? Навѣрное, заразу какую-нибудь разноситъ!“

По этому случаю она позвала на совѣтъ даже старосту Ѳедота.

— Что? какъ у насъ! все благополучно?—спросила матушка.

— Все, кажется, слава Богу, — отвѣтилъ Ѳедотъ, втайнѣ, однакожъ, недоумѣвая, не случилось ли чего-нибудь, о чемъ матушка узнала прежде него.

— Что̀ мнешься! Ѳедосъ какъ?

— Ничего, сударыня, и Ѳедосъ Николаичъ... Только чудо это! баринъ, а какъ себя безпокоитъ!

— Ну, и пускай безпокоится — это его дѣло. Не шушукается ли онъ—вотъ я объ чемъ говорю.

— Съ кѣмъ, сударыня, у насъ шушукаться!.. Нѣтъ, слава Богу, кажется, ничего!

— То-то „ничего“! ты у меня смотри! Ты первый будешь въ отвѣтѣ, ежели что̀ случится!

Послѣ этого совѣщанія матушка окончательно успокоилась, и становилась все болѣе и болѣе благосклонною къ Ѳедосу. Однажды даже предложила ему гривенничекъ.

— Вотъ тебѣ гривенничекъ! — сказала она: —это на табакъ. Когда свой выйдетъ, купи свѣженькаго.

Но Ѳедосъ отказался.

— Благодарю покорно, — отвѣтилъ онъ: — я на той недѣлѣ у мужичка три дня проработалъ, такъ онъ полтинникъ далъ. Цѣлый запасъ у меня теперь табаку, надолго станетъ.

— Полтинникъ! вотъ какъ! Ну, и слава Богу, что добрые люди не оставляютъ тебя.

Матушка слегка обидѣлась; ей показалось, что въ словахъ Ѳедоса заключается темный намекъ на ея скупость.

„Полтинникъ! Это чтобъ я полтинникъ ему дала — за что, про что!—думалось ей:—на васъ, бродягъ, не напасешься полтинниковъ-то! Сытъ, одѣтъ, чего еще нужно!“

Въ одно изъ воскресеній Ѳедосъ исполнилъ свое обѣщаніе и забрался послѣ обѣда къ намъ, дѣтямъ. И отецъ, и мать отдыхали въ спальняхъ. Мы чуть слышно расхаживали по большой залѣ и говорили шопотомъ, боясь разбудить гувернантку, которая сидѣла въ углу въ креслахъ и тоже дремала.

— Вотъ и я, братцы, къ вамъ пришелъ! —привѣтствовалъ онъ насъ: — а вы все въ клѣткѣ да въ клѣткѣ, словно острожные, сидите... Эхъ, голубчики, плохо ваше дѣло! Что̀ носы повѣсили? давайте играть!

Мы молча указали на гувернантку.

— Ничего, пускай вѣдьма проснется! а станетъ разговаривать, мы ей ротъ зажмемъ! Во что же мы играть будемъ? въ лошадки? Ну, быть такъ! Только я, братцы, по-дворянски не умѣю, а по-крестьянски научу васъ играть. Вотъ вамъ веревки.

Онъ вынулъ изъ кармана два пучка веревокъ и сталъ ихъ развязывать.

— Я по-дворянски ничего не умѣю дѣлать—сердце не лежитъ!—говорилъ онъ:—то ли дѣло къ мужичку придешь... „Здравствуйте!“—Здравствуй!—„А какъ тебя величать?“—Еремой.—„Ну, будь здоровъ, Ерема!“ — Точно вѣкъ вмѣстѣ жили! Станешь къ нему на работу—и онъ рядомъ съ тобой, и коситъ, и молотитъ, всякую работу сообща дѣлаетъ; сядешь обѣдать—и онъ тутъ же; тѣ же щи, тотъ же хлѣбъ... Да вы, поди, и не знаете, какой такой мужикъ есть... такъ, думаете, скотина! Анъ нѣтъ, братцы, онъ не скотина! помните это: человѣкъ онъ! У Бога есть книга такая, такъ мужикъ въ ней страстотерпцемъ записанъ... Давайте же по-крестьянски въ лошади играть. Вотъ я, мужикъ, вышелъ въ поле лошадей ловить, вотъ у меня и кормушка съ овсомъ въ рукахъ (онъ устроилъ изъ подола рубашки подобіе кормушки) — а вы, лошади, во стадѣ пасетесь. Бѣгите отъ меня теперь, а я къ вамъ подходить стану... Сначала вы не поддавайтесь. Въ бокъ шарахайтесь; шарахнитесь—и остановитесь... А потомъ какъ я съ кормушкой поближе встану, вы помаленьку на овесъ и подходите... Овесъ-то, братцы, лакомъ; когда-когда его мужичій коняга видитъ!

Мы пустились вскачь въ уголъ, Ѳедосъ за нами. Поднялся визгъ, гвалтъ; гувернантка вскочила какъ встрепанная и смотрѣла во всѣ глаза.

— Что такое! что такое!—кричала она:—Дѣти! по мѣстамъ, сію минуту! Herr Ѳедосъ! какъ вы здѣсь находитесь?

— По щучьему велѣнью, по моему хотѣнью... Ахъ, Марья Андреевна! красавица! позвольте остаться, съ дѣтьми поиграть!

Слово „красавица“ и смиренный видъ, который принялъ Ѳедосъ, видимо смягчили Марью Андреевну.

— Это не я... но Анна Павловна...

— Что Анна Павловна! Анна Павловна теперь спы веселые ви-

дить... Красавица! хотите, я для васъ колесомъ черезъ всю залу пройдусь?

И прошелся.

— Хотите, въ присядку спляшу?

И сплясалъ, да такъ сплясалъ, что суровая Марья Андреевна за бока держалась отъ смѣха и прерывисто всхлипывала:

— О, Herr Ѳедосъ! Herr Ѳедосъ!

Наконецъ, вызвался басомъ октаву взять, и дѣйствительно загудѣлъ такъ, словно у него разомъ всѣ мокроты поднялись и въ горлѣ заклокотали.

— О, Herr Ѳедосъ! Herr Ѳедосъ!—заливалась Марья Андреевна.

Затѣмъ мы возобновили игру въ лошади. И пахали, и боронили, и представляли, какъ подвода парой везетъ засѣдателя... Шумъ поднялся такой, что, наконецъ, матушка проснулась и застигла насъ врасплохъ.

— Это что̀ такое! сейчасъ по мѣстамъ! — послышался въ дверяхъ грозный окрикъ.

Ну, и была же у насъ тутъ исторія!..

Прошла масляница; молотьба кончилась, наступилъ полный отдыхъ. Жалко зазвенѣлъ нашъ девятипудовый колоколъ, призывая говѣльщиковъ.

Батюшка съ тетеньками-сестрицами каждый день ѣздили въ церковь, готовясь къ причастію. Только сѣнныя дѣвушки продолжали работать, такъ что Ѳедосъ не выдержалъ и сказалъ одной изъ нихъ:

— Посмотрю я на васъ—настоящая у васъ каторга! И первую недѣлю поста отдохнуть не дадутъ.

Разумѣется, слова эти были переданы матушкѣ и возбудили цѣлую бурю.

— Такъ и есть! Такъ я и знала, что онъ бунтовщикъ! — сказала она и, призвавъ Ѳедоса, прикрикнула на него: — Ты что̀ давеча Аришкѣ про каторгу говорилъ? Хочешь, я тебя, какъ бунтовщика, въ земскій судъ представлю!

— Представьте!—отвѣчалъ онъ безучастно.

— То-то̀ „представьте“! Тамъ не посмотрятъ на то, что ты баринъ—такъ-то отшпарятъ, что люба съ два! Племянничекъ на-

шелся!.. Милости просимъ! Ты бы чѣмъ бунтовать, лучше бы въ церковь ходилъ да Богу молился.

Этому совѣту Ѳедосъ послѣдовалъ, и на второй недѣлѣ очень прилежно говѣлъ.

Наступила ростепель. Весна была ранняя, а Святая—поздняя, въ половинѣ апрѣля. Солнце грѣло по весеннему; на дорогахъ появились лужи; вершины пригорковъ стали обнажаться; наконецъ, прилетѣли скворцы и населили на конномъ дворѣ всѣ скворешницы. И въ домѣ сдѣлалось свѣтлѣе и веселѣе, словно и въ законопаченныя кругомъ комнаты заглянула весна. Такъ бы, кажется, и улетѣлъ далеко-далеко на волю!

Ѳедосъ становился задумчивъ. Со времени объясненія, по поводу „каторги“, онъ замолчалъ. Нѣсколько разъ матушка, у которой сердце было отходчиво, посылала звать его чай пить, но онъ приказывалъ отвѣчать, что ему „мочи нѣтъ“, и не приходилъ.

— Ну, ежели гнѣваться на меня изволитъ, пускай куксится!—сердилась матушка:—была бы честь приложена, а отъ убытка Богъ избавилъ!

Впрочемъ, въ Свѣтлый праздникъ, у заутрени онъ честь-честью похристосовался со всѣми, а послѣ поздней обѣдни даже разговѣлся вмѣстѣ съ нами.

Къ концу апрѣля поля уже настолько обсохли, что въ яровомъ показались первыя сохи. Съ дорогъ тоже мало-по-малу сошла вода.

Матушка надѣялась, что Ѳедосъ въ первой сохѣ выѣдетъ въ поле, а ей, напротивъ, совершенно неожиданно доложили, что онъ ночью исчезъ и пожитки свои унесъ, только казакинъ оставилъ.

— Чай, мужичокъ какой-нибудь на помочь попахать зазвалъ!—негодовала матушка:—вотъ ужо воротится, я ему отпою!

Но прошло три дня, прошла недѣля, другая — Ѳедосъ не возвращался.

Ѳедосъ исчезъ, изчезъ безъ слѣда, безъ признака: словно дымъ растаялъ.

Выѣлъ ли онъ кому очи? или такъ, безплодно скитаясь по свѣту, потонулъ въ воздушной пучинѣ?

XII.—Поѣздки въ Москву.

Поѣздки эти я подраздѣляю на лѣтнія и зимнія, потому что и тѣ, и другія оставили во мнѣ различныя впечатлѣнія. Первыя были пріятны; послѣднія ничего, кромѣ скуки и утомленія, не представляли.

Лѣтомъ, до поступленія въ казенное заведеніе, я совсѣмъ въ Москвѣ не бывалъ, но, чтобы не возвращаться къ этому предмету, забѣгу нѣсколько впередъ и разскажу мою первую поѣздку въ „сердце Россіи“, для опредѣленія въ шестиклассный дворянскій институтъ, только-что переименованный изъ университетскаго пансіона.

Это было въ началѣ августа, и матушка сама собралась вмѣстѣ со мною. Вообще, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ она надѣялась только на собственную находчивость. Институтское начальство ей было знакомо, такъ какъ всѣ мои старшіе братья воспитывались въ университетскомъ пансіонѣ; поэтому ей думалось, что ежели я и окажусь въ какомъ-нибудь предметѣ послабѣе, то при помощи ея просьбъ ко мнѣ будутъ снисходительны. Сверхъ того, она была увѣрена, что если будетъ лично присутствовать при экзаменѣ (а это допускалось), то и я не посмѣю отвѣчать худо...

Стоялъ прекрасный, полуосенній августовскій день. Я всталъ спозаранку и цѣлое утро пробѣгалъ по саду, прощаясь со всѣми уголками и по временамъ опускаясь на колѣни, цѣлуя землю. Была ли это дѣйствительная, искренняя экзальтація, или только напускное подражаніе какимъ-нибудь примѣрамъ, вычитаннымъ изъ случайно попадавшихъ подъ-руку книжекъ—рѣшить не берусь. Скорѣе, впрочемъ, склоняюсь въ пользу послѣдняго предположенія, потому что не помню, чтобъ во мнѣ происходило въ то время какое-нибудь душевное движеніе. Впослѣдствіи то же самое явленіе не разъ повторялось, когда я, уже продолжая воспитаніе въ Петербургѣ, ѣзжалъ домой на каникулы. Обыкновенно сговаривалось три-четыре воспитанника изъ москвичей; всѣ вмѣстѣ брали мѣста въ одномъ и томъ же дилижансѣ, и всегда приказывали остановиться, не доѣзжая Всесвятскаго, на горѣ, съ которой открывался видъ на Москву. Мы выѣзжали изъ экипажа, становились на колѣни и цѣловали землю...

Мы выѣхали изъ Малиновца около часа пополудни. До Москвы

считалось сто-тридцать-пять верстъ (зимній путь сокращался верстъ на пятнадцать), и такъ какъ путешествіе, по обыкновенію, совершалось „на своихъ“, то предстояло провести въ дорогѣ не меньше двухъ дней съ половиной. До первой станціи (Гришково), тридцать верстъ, надо было доѣхать засвѣтло.

Я уже въ самомъ началѣ этой хроники описалъ мѣстность, окружавшую Малиновецъ. Невеселое было это мѣсто, даже мрачное; но все-таки, когда мы проѣхали нѣсколько верстъ, мнѣ показалось, что я вырвался изъ заключенія на просторъ. Ядрёный воздухъ, напоенный запахомъ хвойныхъ деревьевъ, охватывалъ со всѣхъ сторонъ; дышалось легко и свободно: коляска на старинныхъ круглыхъ рессорахъ тихо укачивала. Ѣхали легкой рысцой, не болѣе шести верстъ въ часъ, и при каждой гати, при каждой песчаной полосѣ пускали лошадей шагомъ. Отъ времени до времени Конопъ-лакей соскакивалъ съ козелъ, шелъ пѣшкомъ за коляской, собиралъ бѣлые грибы, которые по обѣимъ сторонамъ дороги росли во множествѣ. Матушка дремала; Агаша, ея неизмѣнная спутница, сидя противъ меня, тоже клевала носомъ. Передъ матушкой, на свободномъ мѣстѣ передней скамейки, стояло большое лукошко, наполненное большими поздними персиками (венусами), которые были переложены смородиннымъ и липовымъ листомъ. Они предназначались въ подарокъ дѣдушкѣ.

— Ты что не спишь?—спрашивала меня матушка, просыпаясь: —Агашка! ты хоть бы на колѣни лукошко-то взяла... вишь его раскачиваетъ!

— Да опо, сударыня, веревками къ козламъ привязано.

— Наказаніе съ этими персиками! Привезешь — скажутъ: кисель привезла! не привезешь—зачѣмъ не привезла?

— Да вы бы, маменька, въ Москвѣ купили,—догадался я.

— Это по два-то рубля за десятокъ платить! На-тко!.. Алемпій! много ли до дубровы осталось?

— Да верстъ съ пятокъ еще будетъ.

— Пошевеливалъ бы ты, что-ли. Часа ужъ два, поди, ѣдемъ, а все конца краю лѣсу нѣтъ!

— Вотъ сейчасъ выѣдемъ, — ужъ видко! потомъ веселѣе—въ горку пойдетъ.

— Ахъ, что-то будетъ! что-то будетъ? выдержишь ли ты?— обращалась матушка снова ко мнѣ:—смотри ты у меня, не осрамись!

— Постараюсь, маменька.

Отъ меня матушка опять обращалась къ лукошку и приподнимала верхній пластъ листьевъ.

— Ничего, сверху еще хороши. Ты, Агашка, смотри: какъ пріѣдемъ въ Гришково, сейчасъ же персики перебери.

Я и самъ съ нетерпѣніемъ ждалъ дубровы, потому что оттуда шла повёртка на большую дорогу. Скоро мы выѣхали изъ лѣса, и дорога пошла полями, въ гору. Вдали виднѣлась дуброва, или, попросту, чистая березовая роща, разстилавшаяся на значительное пространство. Вся она была охвачена золотомъ солнечныхъ лучей и, колеблемая вѣтромъ, шевелилась, какъ живая. Алемпій свиснулъ, лошади побѣжали крупною рысью и минутъ черезъ двадцать домчали насъ до дубровы. Рядомъ съ нею, сквозь деревья, виднѣлась низина, по которой была проложена столбовая дорога.

— Вотъ когда сущее мученье начнется! — молвилъ Алемпій, доѣхавъ до повёртки и осторожно спуская экипажъ по косогору. — Кононъ! иди впередъ, смотри, всѣ ли мостовины-то цѣлы!

Да, это было мученье. Мостовникъ, только изрѣдка пересѣкаемый небольшими полосами грунтовой дороги, тянулся болѣе шести верстъ. Мостовины по серединѣ сгнили и образовали выбоины, въ которыя смаху ударялись колеса экипажа. Случалось, что пристяжная ступала на одинъ конецъ плохо утвержденной мостовины и тяжестью своею приподнимала другой конецъ. По обѣимъ сторонамъ разстилалось топкое, кочковатое болото, по которому изрѣдка разсѣяны были кривыя и низкорослыя деревца; по мѣстамъ болото превращалось въ ржавые бочаги, покрытые крупной осокой, бѣлыми водяными лиліями и еще какимъ-то растеніемъ съ бѣлыми головками, пушистыми какъ хлопчатая бумага. Матушка держалась за край дверцы и шептала:

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его! Помяни, Господи... Тише! тише! Куда, сломя голову, скачешь! Агашка! да держи же персики! ахъ, чтобъ тебя! Помяни, Господи...

Агашка обѣими руками держалась то за дверцу, то за лукошко: меня подбрасывало такъ, что я серьезно опасался быть вышвырнутымъ изъ экипажа.

Пріѣхали мы въ Гришково, когда ужъ солнце закатывалось, и остановились у стараго Кузьмы, о которомъ я еще прежде отъ ма-

тушки слыхивалъ, какъ объ умномъ и честномъ старикѣ. Собственно говоря, онъ не держалъ постоялаго двора, а была у него изба чуть-чуть просторнѣе обыкновенной крестьянской, да особо отъ нея, черезъ сѣнцы, была пристроена стряпущая. Вообще, помѣщеніе было не особенно пріютное, но помѣщики нашего околотка, проѣзжая въ Москву, всегда останавливались у Кузьмы и любили его.

Я познакомился съ нимъ, когда ужъ ему подходило подъ восемьдесятъ. Это былъ худой, совершенно лысый и недужный старикъ, который ходилъ сгорбившись и упираясь руками въ колѣни; но за всѣмъ тѣмъ онъ продолжалъ единолично распоряжаться въ домѣ и держалъ многочисленную семью въ большой дисциплинѣ. Хозяйство у него было исправное; дворъ крытый, обширный, пропитанный запахомъ навоза. Вырѣзанное по срединѣ двора отверстіе служило единственнымъ источникомъ свѣта и свѣжаго воздуха, такъ что съ боковъ было совсѣмъ темно. На каждомъ шагу встрѣчались клѣтушки со всякимъ крестьянскимъ добромъ и закуты, куда, зимой на цѣлый день, а лѣтомъ на ночь, запирался домашній скотъ.

Онъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа одну руку надъ глазами и стараясь разсмотрѣть, кого Богъ послалъ.

— Здоровъ ли, старикъ?—привѣтствовала его матушка.

— Никакъ Анна Павловна! Милости просимъ, сударыня! Ты-то здорова ли, а мое какое здоровье! знобитъ всего, на печкѣ лежу. Похожу-похожу по двору, на улицу загляну, и опять на печь лягу. А я тебя словно чуялъ, и дѣло до тебя есть. Въ Москву, что-ли, собрались?

— Въ Москву ѣду, сына въ ученье везу.

— Въ ученье! ну, дай ему Богъ! Ужъ котораго ты въ ученье отдаешь, пошли тебѣ Царица Небесная! И дочекъ, и сыновъ—всѣхъ къ дѣлу пристроила!

И, обратившись ко мнѣ, онъ погладилъ меня по головѣ и прибавилъ:

— Потѣшь, милый, маменьку, учись! Вотъ она какъ объ васъ старается! И наукамъ учитъ, и имѣнья для васъ припасаетъ. Сама не допьетъ, не доѣстъ—все для васъ да для васъ! Чай, не мало денегъ на дѣтокъ въ годъ-то, сударыня, истрясешь?

— И не говори!

Какъ только мы добрались до горницы, такъ сейчасъ же началась

повѣрка перспковъ. Оказалось, что нижній рядъ ужъ настолько побитъ, что пустилъ сокъ. Матушка пожертвовала одинъ персикъ мнѣ, а остальные разложила на доскѣ и покрыла полотенцемъ отъ мухъ.

— За сыномъ роднымъ столько уходу нѣтъ, сколько за ними! —сказала она въ сердцахъ: —возьму да вывырну все за окошко!

Когда мы сидѣли за чаемъ, къ намъ опять пришелъ Кузьма.

— А я хочу съ тобой, сударыня, про одно дѣло поговорить. —началъ онъ, садясь на лавку.

— Говори!

— Имѣніе здѣсь, въ пятнадцати верстахъ, продается. Больпачиха-барыня (Больпакова) продаетъ... Ахъ, хорошо имѣніе!

— Не къ рукамъ мнѣ, старикъ.

— Отчего не къ рукамъ! Отъ Малиновца и пятидесяти верстъ не будетъ. А имѣніе-то какое! Триста душъ, земли довольно, лѣсу одного больше пятисотъ десятинъ: опять рѣка, пойма, мельница водяная... Домъ господскій, всякое заведеніе, сады, ранжереи...

— Ну, вотъ видишь: и тутъ заведеніе, и въ Малиновцѣ заведеніе... И тутъ запашка, и тамъ запашка... А ихъ вѣдь надо поддерживать! Жить тутъ придется.

— Такъ-то такъ, да имѣнье-то больно ужъ хорошо.

— А что барыня проситъ?

— По шестисотъ (ассигнаціями) за душу думаетъ взять, а за полтысячи отдастъ.

— Вотъ и это. Полтораста тысячъ—шутка ли эко мѣсто денегъ отдать! Положимъ, однако, что съ деньгами оборотъ еще можно сдѣлать, а главное, не къ рукамъ мнѣ. Нужно сначала около себя округлить; я въ Заболотьѣ-то еще словно на тычкѣ живу. Куда ни выйдешь, все на чужую землю-ступишь.

— Извѣстно, тебѣ видиѣе. Умна ты, сударыня; вся округа ваша не надивуется, какъ ты себя хорошо устроить съумѣла!

— Погоди еще говорить! рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла.

— Тебя не съѣстъ, у тебя надёжа хорошая. Хорошо ты одумала, что мужичкомъ занялась. Крестьянинъ—онъ не выдастъ. Хоть изъподъ земли да на оброкъ денегъ достанетъ. За крестьянами-то у тебя все равно, что въ ламбартѣ денежки лежатъ.

— Ну, тоже со всячинкой. Нѣтъ, не къ рукамъ мнѣ твое имѣнье.

Куплю ли, нѣтъ ли—въ другомъ мѣстѣ. Однако, прощай, старикъ! завтра чуть свѣтъ вставать надо.

На этомъ разговоръ кончился. Матушка легла спать въ горницѣ, а меня услала въ коляску, гдѣ я крѣпко проспалъ до утра, несмотря на острый запахъ конскаго помета, и на то, что въ самую полночь, гремя бубенцами, во дворъ съ грохотомъ въѣхалъ цѣлый извозчичій обозъ.

Когда меня разбудили, лошади уже были запряжены, и мы тотчасъ же выѣхали. Солнце еще не взошло, но въ деревнѣ царствовало суетливое движеніе, въ которомъ преимущественно принимало участіе женское населеніе. Свѣжій, почти холодный воздухъ, насыщенный гарью и дымомъ отъ топящихся печей, насквозь прохватывалъ меня со сна. На деревенской улицѣ стоялъ столбъ пыли отъ прогонявшагося стада.

Хотя я до тѣхъ поръ не выѣзжалъ изъ деревни, но, собственно говоря, жилъ не въ деревнѣ, а въ усадьбѣ, и потому казалось бы, что картина пробужденія деревни, никогда мною не видѣнная, должна была бы заинтересовать меня. Тѣмъ не менѣе, не могу не сознаться, что на первый разъ она встрѣтила меня совсѣмъ безучастнымъ. Вѣроятно, это лежитъ уже въ самой природѣ человѣка, что сразу овладѣваютъ его вниманіемъ и быстро запечатлѣваются въ памяти только яркія и пестрыя картины. Здѣсь же все было сѣро и одноцвѣтно. Нужно частое повтореніе подобныхъ сѣрыхъ картинъ, чтобы подѣйствовать на человѣка путемъ, такъ сказать, духовной ассимиляціи. Когда сѣрое небо, сѣрая даль, сѣрая окрестность настолько приглядятся человѣку, что онъ почувствуетъ себя со всѣхъ сторонъ охваченнымъ ими, только тогда они всецѣло завладѣютъ его мыслью и найдутъ прочный доступъ къ его сердцу. Яркія картины потонутъ въ изгибахъ памяти, сѣрыя—сдѣлаются вѣчно присущими, исполненными живого интереса, достолюбезными. Весь этотъ процессъ ассимиляціи я незамѣтно пережилъ впослѣдствіи, но повторяю: съ перваго раза деревня, въ ея будничномъ видѣ, прошла мимо меня, не произведя никакого впечатлѣнія.

Главная остановка намъ предстояла въ Сергіевскомъ посадѣ, гдѣ я тоже до тѣхъ поръ не бывалъ. Посадъ стоялъ какъ разъ на половинѣ дороги, и матушка всегда оставалась тамъ дольше, нежели на другихъ привалахъ. Теперь она спѣшила туда къ вечернѣ. Она

не была особенно богомольна, но любила торжественность монастырской службы, великолѣпіе облаченій и въ особенности согласное, нѣсколько заунывное пѣніе, которымъ отличался монастырскій хоръ. Я тоже, съ своей стороны, горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть знаменитую обитель, о которой у насъ чуть не ежедневно упоминали въ разговорахъ. По словамъ матушки, которая часто говорила: „вотъ уйду къ Троицѣ, выстрою себѣ домичекъ“ и т. д.,—монастырь и окружающій его посадъ представлялись мнѣ мѣстомъ успокоенія, куда не проникаютъ ни нужда, ни болѣзнь, ни скорбь, гдѣ человѣкъ, освобожденный отъ житейскихъ заботъ, сосредоточивается—разумѣется, въ хорошенькомъ домикѣ, выкрашенномъ въ свѣтло-сѣрую краску и весело смотрящемъ на улицу своими тремя окнами—исключительно въ самомъ себѣ, въ сознаніи блаженнаго безмятежія...

Мы не доѣхали трехъ верстъ до посада, какъ уже разнесся ударъ монастырскаго колокола, призывавшій къ вечернѣ. Звуки доносились до насъ глухо, точно трескъ, и не больше какъ черезъ пять минутъ изъ одиночныхъ ударовъ перешли въ трезвонъ.

— Говорила, что опоздаемъ!—пеняла матушка кучеру, но тутъ же прибавила:—ну, да къ вечернѣ не бѣда если и не попадемъ. Поди, и монахи-то на валу гуляютъ; только развѣ кто по усердію... Наньемся на постояломъ чайку, почистимся—къ шести часамъ какъ разъ къ всенощной поспѣемъ!

Но еще далеко до шести часовъ мы уже были внутри монастырской ограды. Дорога, которая вела отъ монастырскихъ воротъ къ церкви, была пустынна. Это была широкая аллея, съ обѣихъ сторонъ обсаженная липами, изъ-за стволовъ которыхъ выглядывали разныя монастырскія постройки: академія, крохотныя церкви, съ лежащими въ нихъ подъ спудомъ мощами, колодцы съ цѣлебной водой, и т. д. По мѣстамъ, встрѣчались надгробные памятники, а на половинѣ дороги аллея прервалась, и мы увидѣли большой Успенскій соборъ. Но по мѣрѣ того, какъ время приближалось къ всенощной, аллея наполнялась нищими и калѣками, которые усаживались по обѣимъ сторонамъ съ тарелками и чашками въ рукахъ и тоскливо голосили. Никогда я не видѣлъ столько физическихъ уродствъ, столько выставленныхъ наружу гноящихся язвъ, какъ здѣсь. Я былъ до такой степени ошеломленъ и этимъ зрѣлищемъ, и нестройнымъ хоромъ старческихъ голосовъ, что бѣгомъ устремился впередъ, такъ

что матушка, державшая въ рукахъ небольшой мѣшокъ съ мѣдными деньгами, предназначенными для раздачи милостыни, едва успѣла догнать меня.

— Ты что, белены объѣлся, ускакалъ!—выговаривала она мнѣ: — я и милостыню раздать не успѣла... Ну, да и то сказать, Христосъ съ ними! Не напасешься на нихъ, дармоѣдовъ.

Она перекрестилась и спрятала мѣшочекъ въ большой ридикюль.

Въ ожиданіи всенощной, мы успѣли перебывать вездѣ, и въ церквушкахъ, гдѣ всѣмъ мощамъ поклонились (причемъ матушка, уходя, клала на тарелку самую мелкую монету и спѣшила скорѣе отретироваться), и въ просвирной, гдѣ накупили просвиръ и сдѣлали на исподней коркѣ послѣднихъ именныя заздравныя надписи, и на валу (такъ назывался бульваръ, окружавшій монастырскую стѣну). Тамъ мы встрѣтили щеголеватыхъ монаховъ, въ шолковыхъ рясахъ и съ разноцвѣтными четками, которыя они торопливо перебирали. Монахи были, большею частью, молодые, красивые, видные и, казалось, полные сознаніемъ довольства, среди котораго они жили. Агаша, которая сопровождала насъ, даже замѣтила:

— Ишь раскормили! одинъ къ одному!

— Что имъ дѣлается! пьютъ да ѣдятъ, ѣдятъ да пьютъ! Ко всенощной да къ обѣднѣ сходить—вотъ и вся обуза! — присовокупила, съ своей стороны, матушка.

Намѣстникомъ въ то время былъ молодой, красивый и щеголеватый архимандритъ. Говорили о немъ, что онъ изъ древняго княжескаго рода, но правда ли это—не знаю. Но что былъ онъ великій щеголь — вотъ это правда, и отъ него печать щегольства и даже свѣтскости перешла и на простыхъ монаховъ.

Но если первое впечатлѣніе, произведенное на меня монастыремъ, было не особенно пріятно, то всенощная служба скоро примирила меня съ нимъ. Переходъ отъ наружнаго свѣта дѣлалъ храмъ нѣсколько мрачнымъ, но это было только на первыхъ шагахъ. Чѣмъ больше мы подвигались, тѣмъ становилось свѣтлѣе отъ множества зажженныхъ лампадъ и свѣчъ; наконецъ, когда дошли до раки Преподобнаго, насъ охватило цѣлое море свѣта. Пѣло два хора: на правомъ клиросѣ молодые монахи, на лѣвомъ — старцы. Я въ первый разъ услышалъ толковое церковное пѣніе, въ первый разъ понялъ...

Но въ особенности понравилось мнѣ пѣніе старцевъ. Заунывное, полное старческой скорби, оно до боли волновало сердце...

Матушка плакала и тоненькимъ голоскомъ подпѣвала: „Ангельскій соборъ удивися“; я тоже чувствовалъ на глазахъ слезы. Одна Агаша, стоя сзади, оставалась безучастной; вѣроятно думала: „а про перспки-то вѣдь я и позабыла!“

Между тѣмъ у раки безпрерывно шли молебны. До слуха моего долетали слова Евангелія: „иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть“... Обыкновенно молебенъ служили для десяти-двѣнадцати богомольцевъ разомъ, и послѣдніе, цѣлуя крестъ, клали гробовому іеромонаху въ руки сколько кто могъ. Едва успѣвали кончить одинъ молебенъ, какъ уже раздавалось новое приглашеніе: „кому угодно молебенъ? въ путь шествующимъ? пожалуйте!“ и опять набиралась компанія желающихъ. Настала очередь и для насъ. Матушка просила отслужить молебенъ *для насъ однихъ*, и заплатила за это цѣлый полтинникъ; затѣмъ купила скляночку розоваго масла и ваты „отъ раки“, и стала собираться домой.

Былъ девятый часъ, когда мы вышли изъ монастыря, и на улицахъ уже царствовали сумерки. По возвращеніи на постоялый дворъ, матушка, въ ожиданіи чая, прилегла на лавку, гдѣ были постланы подушки, снятыя съ сидѣнья коляски.

Отъ скуки я взялъ свѣчку и подошелъ къ стѣнѣ, которая была сплошь испещрена стихами и прозою. Стихи были и обыкновенные помѣщицкіе:

Все на свѣтѣ семъ пустое,
Богатство, слава и чины!
Было бы винцо простое
Да кусочекъ ветчины!

—и анакреонтическіе:

Настя въ пяльцахъ что-то шила,
Я же думалъ: какъ мила!
Вдругъ иголку уронила
И, искавши, не нашла.
—Знать, иголочка пропала!—
Такъ, вздохнувши, я сказалъ,
—Вотъ куда она попала!
И на сердце указалъ.

Проза, съ своей стороны, гласила:

„Спрасити здешнію хозяйку, каковъ есть Митрей Михальцовъ...“

Но въ самый разгаръ моихъ литературныхъ упражненій матушка вскочила, какъ ужаленная. Я взглянулъ инстинктивно на стѣну и тоже обомлѣлъ: мнѣ показалось, что она шевелится, какъ живая. Тараканы и клопы повылѣзли изъ щелей и, торопясь и перегоняя другъ друга, спускались по направленію къ полу. Нѣкоторые взбирались на потолокъ и сыпались оттуда градомъ на столъ, на лавки, на полъ...

— Ты что тамъ подлости на стѣнахъ читаешь!—крикнула на меня матушка:—мать клопы живьемъ чуть не съѣли, а онъ вонъ что дѣлаетъ! Агашка! Агашка! Да растолкай ты ее! ишь, шутовка, дрыхнетъ! Ахъ, эти хамки! теперь ее живую сожри, она и не услышитъ!

Матушка хотѣла сейчасъ же закладывать лошадей и ѣхать дальше, съ тѣмъ, чтобы путь до Москвы сдѣлать не въ двѣ, а въ три станціи, но было ужъ такъ темно, что Алемпій воспротивился.

— Раньше трехъ часовъ утра и думать выѣзжать нельзя,— сказалъ онъ:—и лошади порядкомъ не отдохнули, да и по дорогѣ пошаливаютъ. Подъ Троицей, того гляди, чемоданы отрѣжутъ, а подъ Рахмановымъ и вовсе, пожалуй, ограбятъ. Тамъ, сказываютъ, подъ мостомъ цѣлая шайка поджидаетъ проѣзжихъ. Долго ли до грѣха!

Матушка взглянула на завѣтный денежный ящикъ, на лукошко съ персиками, и сдалась.

Рѣшено было, что она со мной перейдетъ въ коляску, и тамъ мы будемъ ожидать утра.

— Поднимите фордекъ; можетъ быть, хоть чуточку успемъ, —прибавила она:—а ты, Агашка, здѣсь оставайся, персики береги. Да вы, смотрите, поворачивайтесь! Чуть забрезжетъ свѣтъ, сейчасъ закладывать!

Я ужъ не помню, какъ мы выѣхали. Нѣсколько часовъ сряду я проспалъ скрюченный, и проснулся уже верстъ за десять за Сергіевскимъ посадомъ, чувствуя боль во всемъ тѣлѣ.

Въ то время о шоссе между Москвой и Сергіевскимъ посадомъ и въ поминѣ не было. Дорога представляла собой широкую канаву, вырытую между двухъ валовъ, обсаженную двумя рядами березъ, въ видѣ бульвара. Бульваръ этотъ предназначался для пѣшеходовъ,

которымъ было, дѣйствительно, удобно идти. Зато сама дорога, благодаря глинистой почвѣ, до такой степени наполнялась, въ дождливое время, грязью, что образовывала почти непроѣздимую трясину. Тѣмъ не менѣе, проѣзжихъ было всегда множество. Кромѣ Сергіевскаго посада, этотъ же трактъ шелъ вплоть до Архангельска, черезъ Ростовъ, Ярославль, Вологду. Движеніе было безпрерывное, и въ сухое время путешествіе это считалось однимъ изъ самыхъ пріятныхъ по оживленію.

Мнѣ и до сихъ поръ памятна эта дорога съ вереницами пѣшеходовъ, изъ которыхъ одни шли съ котомками за плечьми и палками въ рукахъ; другіе въ сторонѣ отдыхали или закусывали. Экипажи встрѣчались на каждомъ шагу, то щеголеватые, мчавшіеся во весь опоръ, то скромные, едва ползущіе на „своихъ“, какъ нашъ. Но въ особенности памятны села и деревни, встрѣчавшіяся не очень часто, но зато громадныя, сплошь обстроенныя длинными двухъ-этажными домами (въ каменномъ нижнемъ этажѣ помѣщались хозяева и проѣзжій сѣрый людъ), въ которыхъ день и ночь, зимой и лѣтомъ, кишѣли толпы народа. Даже московско-петербургское шоссе казалось менѣе оживленнымъ, нежели эта дорога, которую я впослѣдствіи, будучи школьникомъ, изучилъ почти шагъ за шагомъ.

Вечеромъ, послѣ привала, сдѣланнаго въ Братовщинѣ, часу въ восьмомъ, Москва была уже рукой-подать. Верстахъ въ трехъ, полосатые верстовые столбы смѣнились высѣченными изъ дикаго камня пирамидами, и навстрѣчу понесся тотъ специфическій запахъ, которымъ въ старое время отличались ближайшія окрестности Москвы.

— Москвой запахло!—молвилъ Алемпій на козлахъ.

— Да, Москвой... — повторила матушка, проворно зажимая носъ.

— Городъ... безъ того нельзя! сколько тутъ простого народа живетъ!—вставила свое слово и Агаша, простодушно связывая присутствіе непріятнаго запаха съ скопленіемъ простонародья.

Но вотъ ужъ и совсѣмъ близко; бульваръ по сторонамъ дороги пресѣкся, вдали мелькнулъ шлагбаумъ, и передъ глазами нашими развернулась громадная масса церквей и домовъ...

Вотъ она, Москва—золотыя маковки!

По зимамъ, семейство наше начало ѣздить въ Москву за годъ до моего поступленія въ заведеніе. Вышла изъ института старшая сестра, Надежда, и надо было пріискивать ей жениха. Странные пріемы, которые употреблялись съ этой цѣлью, наше житье въ Москвѣ и тамошніе родные (со стороны матушки)—все это составитъ содержаніе послѣдующихъ главъ.

Зимнія поѣздки, какъ я уже сказалъ въ началѣ главы, были скучны и непріятны. Насъ затискивали (пассажировъ было пятеро: отецъ, матушка, сестра, я и маленькій братъ Коля) въ запряженный гусемъ возокъ, какъ сельдей въ боченокъ, и при этомъ закутывали такъ, что дышать было трудно. Прибавьте къ этому еще гору подушекъ, и легко поймете, какое мученье было ѣхать въ такой тѣснотѣ въ продолженіе четырехъ-пяти часовъ. Сзади ѣхали двѣ дѣвушки въ кибиткѣ на цѣлой грудѣ клади, такъ что бѣдныя пассажирки, при малѣйшемъ ухабѣ, стукались головами о бесѣдку кибитки. Остальная прислуга съ громадною кладью отправлялась наканунѣ на подводахъ.

Клопами и другими насѣкомыми ночлеги изобиловали даже болѣе, нежели лѣтомъ, и отъ нихъ уже нельзя было избавиться, потому что въ экипажѣ спать зимой было неудобно. Къ счастію, зимній путь былъ короче, и мы имѣли всего три остановки.

У Троицы-Сергія, какъ и всегда, отстаивали всенощную и служили молебенъ. Но молились не столько о благополучномъ путешествіи, сколько о ниспосланіи сестрицѣ жениха.

XIII.—Московская родня.—Дѣдушка Павелъ Борисовичъ.

Какъ сейчасъ я его передъ собой вижу. Тучный, приземистый и совершенно лысый старикъ, онъ сидитъ у окна своего небольшого деревяннаго домика, въ одномъ изъ переулковъ, окружающихъ Арбатъ. Съ одной стороны у него столикъ, на которомъ лежитъ вчерашній нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей“; съ другой, на подоконникѣ, лежитъ круглая табакерка, съ березинскимъ табакомъ, и кожаная

хлопушка, которою онъ бьетъ мухъ. У ногъ его сидитъ его другъ и собесѣдникъ, жирный котъ Васька, и умывается.

Дѣдушкѣ ужъ за семьдесятъ, но онъ скрываетъ свои года, потому что боится умереть. По этой же причинѣ, онъ не любитъ, когда его называютъ дѣдушкой, а требуетъ, чтобъ мы, внуки и внучки, звали его папенькой, такъ какъ онъ всѣхъ насъ заочно крестилъ. Голова у него большая; лицо широкое, обрюзглое, испещренное красными пятнами; нижняя губа отвисла, борода обрита, подъ подбородкомъ виситъ другой подбородокъ, большой, морщинистый, въ родѣ мѣшка. Одѣтъ онъ неизмѣнно въ одинъ и тотъ же ситцевый, стеганый на ватѣ, халатъ, который скорѣе можно назвать капотомъ. Благодаря этому капоту, его издали можно скорѣе принять за бабу, нежели за мужчину.

Еще рано, всего седьмой часъ въ исходѣ, но дѣдушка ужъ напился чаю и глядитъ въ окно, отъ времени до времени утирая носъ ладонью. Переулокъ глухой, и рѣдко-рѣдко когда по мостовой продребезжитъ легковой извозчикъ—калиберъ *). Дѣдушка слѣдитъ за нимъ и припоминаетъ, что такому извозчику намедни Игнатъ, его довѣренный, изъ Охотнаго ряда до Арбата гривенникъ далъ.

— И вся-то цѣна пятачокъ, а онъ гривенникъ... эхма!—ворчитъ онъ:—то-то, чужихъ денегъ не жалко!

Но если рѣдки проѣзжіе, то въ переулокъ довольно часто заглядываютъ разносчики съ лотками и разной посудиной на головахъ. Дѣдушка знаетъ, когда какой изъ нихъ приходитъ, и всякому или махнетъ рукой („не надо!“), или пріотворитъ окно и кликнетъ. Напримѣръ:

— Рыба!

При этомъ словѣ котъ Васька мгновенно вскакиваетъ на подоконникъ, и ждетъ, пока рыбникъ подойдетъ къ кирпичному тротуару и уставитъ лахань съ рыбой на столбикѣ. Во время этой процедуры Васька уже успѣлъ соскочить на тротуаръ и умильно глядитъ прищуренными глазами на рыбника.

— Почемъ пара окуней?—спрашиваетъ дѣдушка.

---

*) „Калиберами“ назывались извозчичьи дрожки съ длиннымъ сидѣньемъ, на которомъ одинъ пассажиръ садился верхомъ, а другой — бокомъ къ нему; рессоры были тоненькія, почти силюсныя. Пролетокъ въ то время еще не существовало.

— Двадцать копѣечекъ.

— Всегда было пятнадцать, а теперь двадцать стало.

— Въ мясоѣдъ оно точно что дешевле, а теперь постъ. Опять и рыба какая! Извольте-ка взглянуть.

— Рыба какъ рыба! Ты говори дѣло.

Начинается торгъ; бьются-бьются. наконецъ кончаютъ на семнадцати копѣйкахъ. Дѣдушка грузно встаетъ съ кресла и идетъ въ спальню за деньгами. Въ это время рыбакъ бросаетъ Васькѣ крошечную рыбёшку. Васька усаживается на всѣ четыре лапки, хватаетъ рыбу и, безпрестанно встряхиваясь, разрываетъ ее зубами.

— Ишь, плутъ! — произноситъ дѣдушка, любуясь на кота:— съ утра ужъ знаетъ, когда рыбакъ долженъ пройти! Настàсь! а Настàсь!

Является Настасья, дѣдушкина „краля“, краснощекая и крутобедрая дѣвица лѣтъ двадцати-двухъ. Она еще не успѣла порядкомъ одѣться, и темнорусые волосы разсыпались у нея по плечамъ.

— Чтò нужно?

— Ничего не нужно; на тебя посмотрѣть захотѣлось.

— Вотъ новости вздумали! Говорите дѣло: чтò нужно?

— Возьми рыбу, на кухню отдай.

Настасья съ сердцемъ беретъ рыбу и удаляется. Дѣдушка слѣдитъ за нею глазами.

— Ишь хвостомъ завиляла... узорѣшительница! *) — бормочетъ онъ.

Разносчики слѣдуютъ одинъ за другимъ.

Вотъ лоточникъ, съ вареной патокой, идетъ и припѣваетъ:

Патока съ инбиремъ,
Варилъ дядя Семіонъ;
Бабушка Непила
Кушала, хвалила;
А дѣдушка Елизаръ
Всѣ пальчики облизалъ...

Вотъ лоточникъ съ вареной грушей, отъ которой пахнетъ кожанымъ выросткомъ. Вотъ и еще — съ гречневиками, покрытыми грязной

*) Анастасія, имя греческое, означаетъ: „Узорѣшительница“. — *Изъ старинаго мѣсяцеслова.*

холстиной. Лоточникъ, если его позовутъ, остановится, обмакнетъ гречневикъ въ конопляное масло, повалятъ между ладонями, чтобъ масло лучше впиталось, и презентуетъ покупателю. Словомъ сказать. чего хочешь, того просишь. Дѣдушка то крыжовничку фунтикъ купитъ, то селедку переславскую, а иногда только поговоритъ и отпуститъ, ничего не купивши. Въ промежуткахъ — убьетъ хлопушкой муху, но такъ какъ рука у него дрожитъ отъ старости, то часто онъ дѣлаетъ промахи и очень сердится.

— Нѣтъ этой твари хитрѣе! — разговариваетъ онъ самъ съ собою.—Ты думаешь, павѣрняка къ ней прицѣлился — анъ она вонъ гдѣ! Настàсь! а Настàсь!

— Что еще? — слышится издалека.

— Не идетъ! Мухи, слышь, одолѣли!

— Ну, и пущай васъ ѣдятъ.

— Ишь вѣдь... эхма! Васька! укралъ, шельмéцъ, рыбку у рыбака, съѣлъ и дрыхнетъ, точно и не его дѣло! А знаешь ли ты, отецкій сынъ, чтò за воровство полагается?

Васька лежитъ растянувшись на боку, жмуритъ глаза и тихо мурлычитъ. Онъ даже оправдываться въ взводимомъ на него обвиненіи не хочетъ. Дѣдушка отрываетъ у копченой селедки плавательное перо и бросаетъ его коту. Но Васька не обращаетъ никакого вниманія на подачку.

— Тварь, а поди, какое разсужденіе имѣетъ! Понимаетъ, отецкій сынъ, что въ перышкѣ отъ селедки толку мало. Настàсь! а Настàсь.

— Ну васъ!

— Скоро ли Игнатъ придетъ?

— Я почемъ знаю! Отстаньте, вамъ говорятъ!

— А я съ тобой поиграть хотѣлъ.

— Играйте съ котомъ... будетъ съ васъ. У меня свои игральщики есть!

Дѣдушка смерть не любитъ, когда Настасья ему объ игральщикахъ напоминаетъ. Онъ сознаетъ, что въ этомъ отношеніи за нимъ накопилась неоплатная недоимка, и сердится.

— Шельма ты! ужъ когда-нибудь я тебя...—грозится онъ.

— Лёгко ли дѣло! очень я васъ испугалась! А вы отвяжитесь, не приставайте!

Но дѣдушкѣ ужъ не до Настасьи. На носъ къ нему сѣла муха, и онъ тихо-тихо приближаетъ ладонь, чтобъ прихлопнуть ее. Но увы! и тутъ его ждетъ неудача: онъ успѣлъ только хлопнуть себя по лицу, но мухи не убилъ.

Къ восьми часамъ является изъ Охотнаго ряда Ипатъ съ цѣлой грудой постной провизіи. Тутъ и огурцы, и лукъ, и соленая судачина, и икра, и т. д.

Ипатъ — рослый и коренастый мужикъ, въ шестрядиной рубахѣ на-выпускъ, съ громадной лохматой головой и отвислымъ животомъ, который онъ поминутно чешетъ. Онъ дѣдушкинъ ровесникъ, служилъ у него въ приказчикахъ, когда еще дѣла были, потомъ остался у него жить и пользуется его полнымъ довѣріемъ. Идетъ докладъ. Дѣдушка подробно разспрашиваетъ, что̀ и почемъ куплено; оказывается, что за весь ворохъ заплачено не больше синей ассигнаціи.

По уходѣ Ипата, дѣдушка принимается за „Московскія Вѣдомости“ и не покидаетъ газеты до самаго обѣда, читая ее подъ-рядъ отъ доски до доски. Во „Внутреннихъ Извѣстіяхъ“ пишутъ, что такого-то числа преосвященный Агаѳангелъ служилъ литургію, а затѣмъ со всѣхъ городскихъ колоколенъ производился цѣлодневный звонъ. Во „Внѣшнихъ Извѣстіяхъ“ изъ Парижа пишутъ, что герцогиня Орлеанская разрѣшилась отъ бремени дочерью Клементиной. Въ отдѣлѣ объявленій дѣдушка, по старой привычкѣ, больше всего интересуется вызовами къ торгамъ. Все это давно извѣстно и переизвѣстно дѣдушкѣ; ему даже кажется, что и принцесса Орлеанская во второй разъ, на одной недѣлѣ, разрѣшается отъ бремени. тѣмъ не менѣе, онъ и сегодня, и завтра будетъ читать съ одинаковымъ вниманіемъ и, окончивъ чтеніе, зѣвнетъ. перекреститъ ротъ и велитъ отнести газету къ генералу Любягину.

Ровно въ двѣнадцать часовъ дѣдушка садится за обѣдъ. Онъ обѣдаетъ одинъ въ небольшой столовой, выходящей во дворъ. Настасья тоже обѣдаетъ одна въ своей комнатѣ рядомъ со столовой. Происходятъ переговоры.

— Настàсь! а Настàсь! Никакъ осетрина-то сыровата?

— Ѣшьте-ка! Нечего привередничать!

— Ты бы сбѣгала, у повара спросила?

— И спрашивать нечего. Тàкъ это вы...

Въ это время по переулку раздается громъ проѣзжающаго экипажа. Настасья стремглавъ выбѣгаетъ въ залу къ окну.

— Кто проѣхалъ?

— Офицеръ. Да молодчикъ какой!

— А ты и рада!

— Что-жъ, на васъ, что-ли, цѣлый день смотрѣть... есть резонъ!

— Язва ты, язва!

Послѣ обѣда дѣдушка часа два отдыхаетъ; потомъ ему подаютъ колоду старыхъ замасленныхъ картъ, и начинается игра. Дома дѣдушка играетъ исключительно въ дураки, и любитъ, чтобъ ему поддавались. Постояннымъ партнеромъ ему служитъ лакей Пахомъ, съ которымъ старикъ плутуетъ безъ всякихъ стѣсненій. Подваливаетъ ему непарные тройки и пятки, выбираетъ изъ колоды козырей, и въ концѣ концовъ, конечно, побѣждаетъ. Отъ удовольствія у него даже животъ колышется. Но иногда въ игрѣ принимаетъ участіе Настасья и уже не позволяетъ плутовать. Дѣдушка, оставшись разъ или два дуракомъ, прекращаетъ игру и удаляется въ спальню, гдѣ записываетъ дневной расходъ и провѣряетъ кассу.

— Настасья!—кричитъ онъ снова, выходя въ столовую, гдѣ уже кипитъ самоваръ.

— Она у воротъ сидитъ,—отвѣчаетъ Пахомъ.

— Чего еще не видала! Зови сюда.

Но проходитъ пять-десять минутъ, а Настасьи нѣтъ. Пахомъ тоже задержался у воротъ. Всѣмъ скучно съ дѣдушкой, всѣмъ кажется, что онъ что-то старое-старое говоритъ. Наконецъ, Настасья выплываетъ въ столовую и молча завариваетъ чай.

— Что же ты молчишь?

— А что говорить-то!

— Кого видала? Съ кѣмъ амурничала?

— Отвяжитесь вы отъ меня! Какъ собаку на цѣпи держатъ, да еще упрекаютъ.

— Хочешь крыжовнику?

— Ѣшьте сами!

Дѣдушкѣ скучно. Онъ беретъ въ руку хлопушку, но на дворѣ уже сумерки и вести съ мухами войну неудобно. Онъ праздно сидитъ у окна и наблюдаетъ, какъ сумерки постепенно сгущаются. Проходитъ по двору кучеръ.

— Егоръ! овса лошадямъ задавалъ?—кричитъ дѣдушка.

— Иду.

— То-то. Пристяжная словно бы худѣть стала. Ты смотри: ежели что, такъ вѣдь я...

— Отчего ей худѣть! Кажется, я...

— Ну, ступай.

На кухонномъ крыльцѣ появляется Ипатъ. зѣваетъ и чешетъ брюхо.

— Ипатъ! поди сюда! Къ арбузамъ давеча не прицѣнялся?

— Арбузовъ привозныхъ еще нѣтъ, а здѣшніе дороги: полтина за штуку.

— Нàтко!

— Пятналтыннаго жалко! ахъ, эти деньги проклятыя!—раздается изъ Настасьиной комнаты.

— А слива черная почемъ?

— Сливы недороги: гривенникъ за сотню.

— А помнишь, въ коронацію? за двадцать копѣекъ сотню отдавали — только бери... Ну, ступай! завтра возьми сотенку... да ты поторгуйся! Эхма! любишь ты зря деньги бросать!

Бьетъ девять часовъ; дѣдушка уходитъ въ спальню, снимаетъ халатъ и ложится спать. День конченъ.

Больше десяти лѣтъ сидитъ-сидитъ дѣдушка въ своемъ домикѣ, никуда не выѣзжаетъ и не выходитъ. Только два раза въ годъ ему закладываютъ дрожки, и онъ отправляется въ Опекунскій Совѣтъ за полученіемъ процентовъ. Нельзя сказать, что причина этой неподвижности лежитъ въ болѣзни, но онъ обрюзгъ, отвыкъ отъ людей и облѣнился.

Изо дня въ день его жизнь идетъ въ одномъ и томъ же порядкѣ, и онъ пересталъ даже тяготиться этимъ однообразіемъ. Два раза (объ этомъ дальше) матушкѣ удалось убѣдить его съѣздить къ намъ на лѣто въ деревню; но, прожившіи въ Малиновцѣ не больше двухъ мѣсяцевъ, онъ уже начиналъ скучать и отпрашиваться въ Москву, хотя въ это время года одиночество его усугублялось тѣмъ, что всѣ родные разъѣзжались по деревнямъ, и его посѣщалъ только отставной гене-

ралъ Любягинъ, родственникъ по женѣ (единственный генералъ въ нашей семьѣ) да чиновникъ Опекунскаго Совѣта Клюквинъ, который занимался его немногосложными дѣлами и одинъ изъ всѣхъ окружающихъ зналъ въ точности, сколько хранится у него капитала въ ломбардѣ. Зимой, когда въ Москву наѣзжали сынъ и обѣ дочери, въ маленькомъ домикѣ становилось людиѣе, и вечерами, по временамъ, даже собирались „гости“.

Кромѣ того, во время учебнаго семестра, покуда родные еще не съѣзжались изъ деревень, дѣдушка по очереди бралъ въ праздничные дни одного изъ внуковъ, но послѣдніе охотиѣе сидѣли съ Настасьей, нежели съ нимъ, такъ что присутствіе ихъ нимало не нарушало его всегдашняго одиночества.

Дѣдушка происходилъ изъ купеческаго рода, но въ 1812 г. сдѣлалъ значительное пожертвованіе въ пользу арміи, и за это получилъ чинъ коллежскаго ассессора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право на потомственное дворянство. Тѣмъ не менѣе купеческая складка и купеческія привычки остались за нимъ до смерти. Онъ не любилъ вспоминать о своемъ происхожденіи, и никогда не видался и даже не переписывался съ родной сестрой, которая была замужемъ за купцомъ, впослѣдствіи пришедшимъ въ упадокъ и переписавшимся въ мѣщане. Говорили, будто дѣдушка былъ когда-то милліонеромъ, но что нѣсколько неудачныхъ подрядовъ, одинъ за другимъ, пошатнули его состояніе настолько, что оно сдѣлалось довольно умѣреннымъ. Къ счастію, онъ вò-время остановился, ликвидировалъ дѣла и зажилъ тою старозавѣтною, глухою жизнью, которая до конца осталась его удѣломъ. Но и за всѣмъ тѣмъ дѣдушка считался „при хорошемъ капиталѣ“, благодаря таинственности, въ которую онъ облекалъ свои дѣла. Поэтому члены семьи раболѣпно прислуживались и смотрѣли ему въ глаза, стороной выпытывая, много ли у него денегъ, и съ нетерпѣніемъ выжидая минуту, когда онъ, наконецъ, рѣшится написать завѣщаніе. Но старикъ упорно не дѣлалъ завѣщанія, потому что былъ убѣжденъ, что вслѣдъ за завѣщаніемъ должна неминуемо послѣдовать смерть.

Дѣдушкина семья состояла изъ четырехъ человѣкъ: двоихъ сыновей и двухъ дочерей. Но всѣ они смотрѣли врозь, такъ что здѣсь повторялось то же явленіе, что и въ отцовской семьѣ. Только мотивы были иные (дѣдушкинъ мѣшокъ) и формы лицемѣрнѣе, потому что

старый дѣдъ не терпѣлъ семейныхъ дрязгъ. Вообще говоря, несмотря на многочисленность родни, представленіе о дѣйствительно родственныхъ отношеніяхъ было совершенно чуждо моему дѣтству. При личныхъ свиданіяхъ происходили цѣлованія; за глаза, во всякую свободную минуту, не уставая, сплетничали и обносили другъ друга. Исключеніе составляли тетеньки-сестрицы, но онѣ уже были такъ придавлены, что по-неволѣ жили смирно.

Старшаго дядю, Александра, я не помню: онъ умеръ, когда мы еще не начали ѣздить въ Москву. Но изъ семейныхъ разговоровъ знаю, что онъ былъ человѣкъ скромный, хотя простоватый, и что дѣдушка его не любилъ. Вообще въ своей семьѣ онъ былъ, какъ говорится, не ко двору, и даже эпитетъ „простоватый“, которымъ охотно награждали дядю, быть можетъ, означалъ не столько умственную бѣдность, сколько отсутствіе хищническихъ наклонностей. А такъ какъ „не любить“ на нашемъ семейномъ языкѣ значило „обидѣть“, „обдѣлить“, то крутой старикъ сообразно съ этимъ толкованіемъ и поступилъ съ старшимъ сыномъ. Купилъ ему небольшой домикъ для житья, отсчиталъ сорокъ тысячъ (ассигнаціями) и взялъ съ него форменную бумагу, что онъ родительскимъ благословеніемъ доволенъ и дальнѣйшихъ претензій на наслѣдство послѣ отца предъявлять не дерзнетъ.

Александръ Павлычъ скромно жилъ въ своемъ маленькомъ домикѣ съ мѣщанской дѣвицей Аннушкой, которую страстно любилъ и отъ которой имѣлъ сына. Родныхъ онъ чуждался; къ отцу ѣздилъ только по большимъ праздникамъ, при чемъ дѣдушка непремѣнно дарилъ ему красную ассигнацію; съ сестрами совсѣмъ не видѣлся и только съ младшимъ братомъ, Григоріемъ, поддерживалъ кое-какія сношенія, но и то какъ будто исподтишка. Пріѣдетъ рано утромъ, когда никого нѣтъ, переговоритъ о чемъ нужно и исчезнетъ надолго. Очевидно, онъ инстинктивно боялся брата, какъ и всѣ вообще члены нашей семьи.

Дядина „сударка“ служила предметомъ общаго негодованія, точно также какъ тощій капиталъ Александра Павлыча—предметомъ общихъ любостяжательныхъ вожделѣній. У насъ ее называли не иначе какъ „к—ой“, а сына ея—„в—мъ“, нимало не стѣсняясь присутствіемъ дѣтей. Капиталъ дядинъ считали пропащимъ, и, разумѣется, въ особенности волновалась по этому поводу матушка. Не

разъ пыталась она сойтись съ братомъ, звала его въ Малиновецъ и даже заискивала въ Аннушкѣ, но попытки эти никакого успѣха не имѣли. Нерѣдко за обѣдомъ у насъ происходили такого рода разговоры.

— Тихоня—тихоня, а подцѣпилъ себѣ б—ку, и живетъ да поживаетъ!—говорила матушка:— ни отца, ни родныхъ, никого знать не хочетъ!

— Получилъ капиталъ и любо!—отзывался отецъ.

— Помяните мое слово, что опъ и домъ, и деньги, все своей б... передастъ! Да, плакали папенькины денежки!

Или:

— Настька (дѣдушкина „краля“) намедпись сказывала—ходила она къ нему въ гости: сидятъ вдвоемъ, цѣлуются да милуются. Да, плакали наши денежки! Положимъ, что домъ-то еще можно оттягать: родительское благословеніе... Ну, а капиталъ... фьюпть!

— И домъ ежели можно оттягать, такъ не ты оттягаешь, а Гришка-кровопивецъ. Все ему достанется: и послѣ старика, и послѣ брата.

Матушка при этомъ предсказаніи блѣдиѣла. Она и сама только наружно тѣшила себя надеждой, а внутренно была убѣждена, что останется ни-при-чемъ, и все дѣдушкино имѣніе перейдетъ брату Григорью, такъ какъ его руку держитъ и Настька-краля, и Клюквинъ, и даже генералъ Любягинъ. Да и самъ Гришка постоянно живетъ въ Москвѣ, готовый, какъ ястребъ, во всякое время налетѣть на стариково сокровище.

Предчувствія ея насчетъ капитала Александра Павлыча сбылись: ни одного обола не досталось ей изъ него. Съ капиталомъ этимъ случилась ловкая штука. Александръ Павлычъ заранѣе сдѣлалъ домашнее завѣщаніе, которымъ отказалъ все свое имущество Аннушкѣ и ея сыну. Хранилъ онъ это въ величайшей тайнѣ (впрочемъ, дядя Григорій, конечно, не имѣлъ на этотъ счетъ ни малѣйшихъ сомнѣній), и все, казалось, было устроено такъ, чтобы дядина семья была обезпечена. Но когда дядя умеръ, лукавый смутилъ Аннушку. Желала ли она заслужить расположеніе Григорія Павлыча (онъ одинъ изъ всей семьи присутствовалъ на похоронахъ и велъ себя такъ „благородно“, что ни однимъ словомъ не упомянулъ объ имуществѣ покойнаго), или въ самомъ дѣлѣ не знала, къ кому обратиться; какъ

бы то ни было, но, схоронивши сожителя, она пришла къ „братцу“ посовѣтоваться. „Братецъ“ благосклонно ее выслушалъ и въ заключеніе полюбопытствовалъ взглянуть на завѣщаніе. Затѣмъ взялъ завѣщаніе въ руки, разсмотрѣлъ, убѣдился въ его правильности и... положилъ его въ свой карманъ.

Аннушка такъ и ахнула.

— Было завѣщаніе, а теперь гдѣ оно?—сентенціозно присовокупилъ „братецъ“.

— Да вѣдь тутъ свидѣтели подписались! я ихъ найду, сошлюсь на нихъ!—возражала Аннушка, ударившись въ слезы.

— И свидѣтели были, и все-таки завѣщанія нѣтъ! Было завѣщаніе, да покойный братъ самъ его уничтожилъ, вотъ тебѣ и сказъ! —пояснилъ „братецъ“.

Однимъ словомъ, Аннушка, сколько ни хлопотала, осталась ни-при-чемъ. Справедливость требуетъ, однакожъ, сказать, что Григорій Павлычъ далъ ей на бѣдность сто рублей, а сына опредѣлилъ въ ученье къ сапожному мастеру.

— Ты будешь работу работать, — благосклонно сказалъ онъ Аннушкѣ:—а сынъ твой, какъ выйдетъ изъ ученья, тоже хлѣбъ станетъ добывать; вотъ вы и будете вдвоемъ смирнёхонько жить да поживать. Въ трудѣ да въ согласіи—чего лучше!

Въ нашей семьѣ извѣстіе о томъ, какъ Григорій Павлычъ „объегорилъ“ Анютку, произвело настоящій фуроръ.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ эту потѣху,—восторгалась матушка:—приходитъ она къ нему, какъ къ путному... ахъ, дура, дура!

— На то и живутъ на свѣтѣ дураки, чтобъ ихъ учить!—откликался отецъ.

— Нѣтъ, да вы представьте себѣ эту картину: стоитъ она передъ нимъ, вытаращивши глаза, покуда онъ въ карманъ завѣщаніе кладетъ, и думаетъ, что во снѣ ей мерещится... ахъ, прахъ побери да и совсѣмъ!

— А все-таки не тебѣ капиталъ достался, а Гришка слопалъ... И стариковъ капиталъ онъ же слопаетъ.

— А она-то, простофиля, чай, думала: буду на свой капиталъ жить да поживать, и вдругъ, въ одну секунду... То-то, чай, обалдѣла!

Даже братъ Степанъ, и тотъ въ восторгѣ воскликнулъ:

— Вотъ такъ каша съ масломъ!

И матушка не только не забранила его, но вслѣдъ за нимъ повторила:

— Именно каша, только безъ масла! Поперхнулась, поди, б...ка этой кашей! Ахъ, да представьте вы себѣ...

И по крайней мѣрѣ недѣли двѣ сряду за нашимъ обѣдомъ только и слышались восклицанія: „вотъ такъ штука! вотъ такъ каша! вотъ такъ сюрпризъ!“

Вообще дядя Григорій Павлычъ слылъ въ семействѣ „звѣздою“. Всѣ его боялись, начиная со старика-дѣда и кончая женою и дѣтьми. Всегда у него была на-готовѣ каверза, и онъ на практикѣ нерѣдко доказывалъ, что ни передъ чѣмъ не отступитъ. Дѣдушка въ его присутствіи притихалъ, никогда ему не противорѣчилъ и даже избѣгалъ сложныхъ разговоровъ, точно опасался, что вырвется какое-нибудь слово, за которое Григорій Павлычъ уцѣпится, чтобъ произвести нападеніе на стариковъ карманъ. И дѣйствительно, не разъ случалось, что любезный сынокъ, воспользовавшись случайно оброненнымъ словомъ, втягивалъ отца въ разныя предпріятія, въ качествѣ дольщика, и потомъ, получивъ болѣе или менѣе крупную сумму, не упоминалъ ни о деньгахъ, ни о „долѣ“. Затѣмъ матушка и тетенька Арина Павловна безкорыстно лебезили передъ нимъ, говорили ему „вы“, называли „братцемъ“ (онъ же говорилъ просто: „сестра Анна, сестра Арина“) и посылали ему изъ деревни всякіе запасы, хотя у него и своихъ дѣвать было некуда. Что касается отца, то онъ былъ серьезно убѣжденъ, что Гришка — колдунъ, что онъ можетъ у кого угодно выманить деньги, и когда-нибудь всю родню разоритъ. Братъ Степанъ далъ ему прозвище: „Гришка Отрепьевъ“, за что хотя и получилъ отъ матушки щелчокъ въ лобъ, но, видимо, только для приличія, безъ гнѣва, такъ что прозвище даже вошло въ общее употребленіе.

Самая внѣшность Григорія Павлыча имѣла въ себѣ нѣчто отталкивающее. Сложенъ онъ былъ плотно, и всегда красное лицо его казалось налитымъ кровью. Отдутыя, словно обожженныя губы, мясистый носъ, мутные, ничего не выражающіе глаза, навощенные фиксатуаромъ виски, кокъ по срединѣ лба—все производило самое непріятное впечатлѣніе. Голосъ у него былъ хриплый; говорилъ онъ съ

разстановкой, такъ сказать, безапелляціонно. Рѣдко присаживался, почти постоянно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ маятникъ, по временамъ прислоняясь къ стѣнѣ или къ окну и складывая ноги ножницами. Однимъ словомъ, при самомъ поверхностномъ взглядѣ на этого человѣка, невольно западало въ голову, что это во истину стальная душа, ко всему безучастная.

— Отъ него пощады не жди! — говорила матушка: — отецъ не отецъ, сестра не сестра — онъ не посмотритъ, всѣхъ за грошъ продастъ!

И продастъ даже помимо предвзятости, просто потому, что таково было свойство его природы.

Женатъ онъ былъ на бѣдной пензенской дворянкѣ, которую взялъ „за красоту“. Повидимому, она когда-то была дѣйствительно миловидна, но въ описываемое время отъ бывшей красоты не осталось и слѣда, и лицо ея выражало только придавленность и испугъ. Тѣмъ не менѣе, дядя до извѣстной степени дорожилъ ею, потому что она говорила по-французски и могла не осрамить его въ обществѣ. Дѣтей у него было четверо и все сыновья — дядя любилъ мудреныя имена, и потому сыновья назывались: Ревокатъ, Θеогностъ, Селевкъ и Помпей — были тоже придавлены и испуганы, по крайней мѣрѣ въ присутствіи отца, у котораго на лицѣ, казалось, было написано: „а вотъ я тебя сейчасъ прокляну!“ Когда я зналъ ихъ, это были уже взрослые юноши, изъ которыхъ двое посѣщали университетъ, а остальные кончали гимназію. Учились они отлично, но впослѣдствіи все-таки ничего изъ нихъ не вышло.

Когда-то Григорій Павлычъ служилъ въ Москвѣ надворнымъ судьею, но, достигнувъ чина статскаго совѣтника (почти генералъ), вышелъ въ отставку. Въ описываемую пору онъ торговалъ деньгами, или, говоря попросту, занимался ростовщичествомъ. Жилъ онъ привольно и по зимамъ давалъ званые обѣды и вечера, на которые охотно пріѣзжали московскіе „генералы“, — разумѣется, второго сорта, изъ числа обладавшихъ Станиславомъ второй степени, которому въ то время была присвоена звѣзда (но безъ ленты). Звѣзда, хотя бы и не особенно доброкачественная, считалась непремѣннымъ условіемъ генеральства, и я помню дѣйствительнаго статскаго совѣтника А.., который терпѣлъ отъ того, что имѣлъ только Анну на шеѣ, вслѣдствіе чего ему подавали на званыхъ обѣдахъ кушанье послѣ другихъ

генераловъ. Тщетно онъ волновался и кипятился по этому поводу, даже доказывалъ, что Анны второя „по настоящему“ выше, нежели Станиславы вторые — обѣденный этикетъ былъ неумолимъ.

За Григоріемъ Павлычемъ слѣдовали двѣ сестры: матушка и тетенька Арина Павловна Федуляева, въ то время уже вдова, обремененная большимъ семействомъ. Послѣдняя ничѣмъ не была замѣчательна, кромѣ того, что работѣ болѣе другихъ смотрѣла въ глаза отцу, какъ будто каждую минуту ждала, что вотъ-вотъ онъ отопретъ денежный ящикъ и скажетъ: „бери сколько хочешь!“

Всѣ наличные члены семьи держали при дворѣ дѣдушки представителей, такъ что старикъ не имѣлъ платной прислуги (кромѣ Ипата, который жилъ, такъ сказать, „на вѣру“), но за то былъ окруженъ соглядатаями. На прислугѣ лежало наблюденіе за дѣдушкинымъ здоровьемъ и за всѣмъ происходившимъ въ его домѣ, а также доведеніе о результатахъ наблюденій до свѣдѣнія подлежащихъ господъ. „Въ случаѣ чего, сейчасъ же гонца слать!“ — таковъ былъ общій лозунгъ. Матушка не была особенно удачлива въ этомъ отношеніи: ей досталось на долю поставить отцу повара и людскую кухарку, которые только стороной могли узнавать о происходившемъ. Дядя Григорій Павлычъ былъ болѣе счастливъ: онъ приставилъ къ дѣдушкѣ камердинера Пахома, который имѣлъ доступъ въ спальню и, слѣдовательно, могъ отчасти наблюсти, куда старикъ прячетъ деньги. Но всего благосклоннѣе была судьба къ тетенькѣ Аринѣ Павловнѣ: она дала ей возможность предоставить дѣдушкѣ „крало“, ту самую Настасью, съ которою я уже познакомилъ читателя.

Я помню, что когда умерла старая дѣдушкина „краля“, то въ нашемъ домѣ произошла цѣлая революція. Нарочный гонецъ привезъ эту скорбную вѣсть въ Малиновецъ и засталъ всѣхъ врасплохъ. Началась бѣготня, суета. Матушка едва не захворала. Но времени терять было некогда, и она занялась выборомъ по деревнямъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, которыя должны были плѣнить старика. Но ей не посчастливилось. Покуда въ Малиновцѣ разыскивали дѣвицъ, мыли, скоблили и обряжали, тетенька Арина Павловна уже выполнила трудную миссію такъ быстро и ловко, что всѣ соперничащія стороны остались за флагомъ. Настасья была водворена, и привезенную малиновецкую красавицу даже не пустили на глаза дѣдушкѣ.

Предполагаемый дѣдушкинъ капиталъ составлялъ центръ тяжести,

къ которому тяготѣло все потомство, не исключая и насъ, внуковъ. Всѣ относились къ старику какъ-то загадочно, потому что никто, повторяю, не зналъ достовѣрно размѣровъ сокровища, которымъ онъ обладалъ. Поэтому племянница Настасья и чиновникъ Клюквинъ служили предметомъ всевозможныхъ ласкательствъ.

Всякому хотѣлось узнать тайну: всякій подозрѣвалъ другъ друга, а главное, всякій желалъ овладѣть кубышкой врасплохъ, въ полную собственность, такъ чтобъ другимъ ничего не досталось. Это клало своеобразную печать на семейныя отношенія. Снаружи все смотрѣло дружелюбно и даже слащаво; внутри кипѣла вражда. Повидимому, дядя Григорій Павлычъ былъ счастливѣе сестеръ и даже зналъ, болѣе или менѣе точно, цифру капитала, потому что Клюквинъ былъ ему пріятель.

Наконецъ, однакожъ, матушка была обрадована. Дѣдушка писалъ ей, что согласенъ погостить полтора или два лѣтнихъ мѣсяца въ Малиновцѣ, а Настасья съ тѣмъ же посланнымъ наказывала, чтобы къ 10-му іюня выслали за старикомъ экипажъ и лошадей.

Надежды матушки оживились. Въ домѣ поднялась суета, чистка, мытье. Выбрали для дѣдушки на парадной половинѣ дома большую и уютную комнату; о бокъ съ нею, въ диванной, поставили перегородку и за нею устроили спальню для Настасьи. На дворѣ, у дѣвичьяго крыльца, провѣтривались перины, подушки, одѣяла, и появились двѣ кровати: одна, двуспальная подъ орѣхъ, предназначалась для дѣдушки; другая, попроще, для Настасьи. Ихъ осматривали до малѣйшей щелки и ошпаривали кипяткомъ всякую нечисть. Стѣны въ обѣихъ комнатахъ и мебель тоже тщательно вычистили. Приготовивъ все, заперли комнаты на ключъ и подоткнули двери снизу войлокомъ, чтобы какой-нибудь праздношатающійся клопикъ не могъ заползти въ заповѣдную область.

Даже для дѣдушкина камердинера Пахома отвели нѣчто въ родѣ собственнаго угла, въ чуланѣ, и поставили туда кровать. Для услугъ Настасьѣ предназначили особую дѣвушку.

Это была серьезная побѣда въ глазахъ матушки, потому что, недальше какъ за годъ передъ тѣмъ, дѣдъ совсѣмъ было-склонился на сторону дяди Григорія Павлыча, даже купилъ пополамъ съ нимъ

имѣніе подъ Москвой и отправился туда на лѣто. Но любимый сынъ не съумѣлъ воздержаться отъ грубыхъ выходокъ. Онъ не только не уступилъ старику, хоть бы по наружности, главенства, но всячески и на каждомъ шагу ограничивалъ его. Наконецъ, произошелъ такой случай. Дѣдушка приказалъ съ утра наловить въ прудѣ карасей для завтрака, а дядя, увидѣвъ рабочихъ, идущихъ съ неводомъ, отмѣнилъ приказаніе и послалъ людей на сѣнокосъ. Подали завтракъ —карасей нѣтъ. Дѣдушка смолчалъ, но послѣ завтрака сейчасъ же велѣлъ запрягать лошадей и, какъ ни упрашивалъ его Григорій Павлычъ, уѣхалъ въ половинѣ лѣта въ Москву. Послѣ этого на всю зиму между отцомъ и сыномъ установились холодныя отношенія.

— Карасей пожалѣлъ для родного отца!—негодовала матушка, когда до нея дошла вѣсть объ этомъ происшествіи.—Да и карасей-то не своихъ, а собственныхъ паненькиныхъ! Да я бы не только карасей, а все: и ягоды, и фрукты, и печёночки, и соченьковъ съ творожкомъ...*), словомъ, все бы—только, паненька, кушайте на здоровье!

Семья наша торжествовала. Даже мы, дѣти, радовались пріѣзду дѣдушки, потому что при немъ обязательно предполагалась хорошая ѣда, и насъ неудобно было держать впроголодь.

— Теперь мать только распоясывайся!—весело говорилъ братъ Степанъ: - теперь, братъ, о полоткахъ позабудь—баста! Вотъ они, пути Провидѣнія! Пріѣхалъ дорогой гость, а у насъ полотки въ опалу попали. Огурцы промозглые, солонина съ душкомъ – все полетитъ въ застольную! Не миновать, милый другъ, и на Волгу за рыбой посылать, а рыбка-то кусается! Дѣдъ—онъ пожрать любитъ—это я знаю! И самъ хорошо ѣстъ, и другіе чтобъ хорошо ѣли — вотъ у него какъ!

Вообще Степанъ, какъ наиболѣе голодный, радовался больше другихъ: у него были планы даже насчетъ Настасьи.

— Надо помогать матери,—болталъ онъ безъ умолку:- надо стариково наслѣдство добывать! Подловлю я эту Настьку, какъ пить дамъ! Вотъ ужо пойдемъ въ лѣсъ, по малину, я ее и припру? Скажу:

---

*) Особаго рода кушанье, въ родѣ сдобныхъ блиновъ, сложенныхъ вдвое и начиненныхъ творогомъ. Въ дѣтствѣ сочни казались мнѣ чрезвычайно вкусными, но въ настоящее время едва-ли найдется желудокъ, способный ихъ переварить.

—Настасья! намъ судьбы не миновать, будемъ жить въ любви! То да сё... „съ большимъ, дескать, удовольствіемъ!“ Ну, а тогда наше дѣло въ шляпѣ! Ликуй, Анна Павловна! лей слезы, Гришка Отрепьевъ!

Словомъ сказать, малиновецкій домъ оживился. Сѣнныя дѣвушки —и тѣ ходили съ веселыми лицами, въ надеждѣ, что при старомъ баринѣ ихъ не будутъ томить работой. Одно горе: дѣдушка любилъ полакомиться, а къ пріѣзду его еще не будетъ ни ягодъ, ни фруктовъ спѣлыхъ.

— Ну, какъ-нибудь вареньицемъ до ягодъ пробьемся!—тужила матушка:—слава Богу, что хоть огурчиковъ свѣженькихъ въ парникѣ вывести догадались. И словно меня свыше кто надоумилъ: прикажи да прикажи садовнику, чтобъ огурцы ранніе были! Апъ и попадобились.

И вотъ, въ половинѣ іюня (мы, дѣти, ужъ собрались въ это время въ деревню изъ заведеній на каникулы), часу въ седьмомъ вечера, на дорогѣ, ведущей въ Москву, показалась изъ-за лѣса знакомая четверомѣстная коляска, а черезъ нѣсколько минутъ она была уже у крыльца. Разумѣется, всѣ домочадцы высыпали на встрѣчу. Но дѣдушка былъ утомленъ; онъ грузно вылѣзъ изъ экипажа, наскоро поздоровался съ отцомъ, на ходу подалъ матушкѣ и внучатамъ руку для цѣлованія и молча прошелъ въ отведенную ему компату, откуда и не выходилъ до утра слѣдующаго дня.

Матушка частенько подходила къ дверямъ заповѣдныхъ компатъ, прислушивалась, но войти не осмѣливалась. Въ домѣ мгновенно все стихло, даже въ отдаленныхъ комнатахъ ходили на цыпочкахъ и говорили шопотомъ. Наконецъ, часовъ около девяти вышла отъ дѣдушки Настасья и сообщила, что старикъ напился чаю и легъ спать.

Нельзя сказать, чтобы Настасья отличалась красотой. Лицо у нея было широкое, плоское, ничего не выражающее; глаза небольшіе и мутные; челюсти и скулы выдавались, какъ у калмычки. Но румяныя щеки, высокій ростъ, могучая спина и крутыя бедра подкупали. Впрочемъ дѣдъ былъ непривередливъ по части женской красоты, и прежнюю его кралю, какъ я слышалъ, можно было даже назвать почти безобразной. Тѣмъ не менѣе и она имѣла на старика громадное вліяніе, такъ какъ послѣдній, повидимому, красоты не понималъ, а цѣнилъ только женщину, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Матушка тотчасъ же увела Настасью въ свою спальню, гдѣ стоялъ самоваръ, особый отъ общаго, и разнаго рода лакомства. Она тщательно заперла дверь, чтобъ никто не помѣшалъ взаимнымъ дружескимъ изліяніямъ. Мы, дѣти, не шевелясь, столпились въ дверяхъ сосѣдней комнаты, какъ будто чего-то выжидая, хотя, конечно, и сами не могли бы сказать, чего именно. Даже строгая Марья Андреевна (она продолжала жить у насъ ради младшаго брата, Николая), и та стояла сзади въ выжидательномъ положеніи, совершенно позабывъ, что ей, по обязанности гувернантки, слѣдовало бы гнать насъ. Братъ Степанъ, однакожъ, не вытерпѣлъ, подкрался къ двери спальни и сталъ подслушивать. Его больше всего на свѣтѣ—хотя вполнѣ безкорыстно—интересовалъ вопросъ о наслѣдствахъ вообще, а въ томъ числѣ и вопросъ о наслѣдствѣ послѣ старика.

— Чай собраются пить... мать вареньемъ потчуетъ! — едва доходилъ до насъ черезъ комнату его шопотъ.

— Тсс... о наслѣдствѣ говорятъ!—наконецъ, почти громко возвѣстилъ онъ:—сыну моему, Гришкѣ Отрепьеву, сто тысячъ; дочери моей Аннѣ, за ея ко мнѣ любовь...

Но матушка уже догадалась, что Стенка-балбесъ подслушиваетъ. Дверь спальни съ шумомъ отворилась; мы моментально исчезли, и Степанъ получилъ возмездіе, впрочемъ довольно умѣренное, такъ какъ при дорогой гостьѣ настоящимъ образомъ драться было совѣстно.

— Ничего,—утѣшалъ себя Степанъ:—такъ, лёгонькаго шленка дала. Не больно. Небось, при Настькѣ боится... Только вотъ чуть носа мнѣ не расквасила, какъ дверь отворяла. Ну, да меня, братъ, шленками не удивишь!

Когда мы сидѣли за ужиномъ, матушка безпрерывно выбѣгала изъ-за стола, чтобы справиться у Настасьи (ей поставили особый приборъ въ диванной), всего ли ей дали.

— Ты требуй!—говорила она:—чего только вздумается, всего требуй! Ты папеньку покоишь, а я тебя должна успокоить.

Въ заключеніе, когда настало время спать, матушка при себѣ велѣла горничной уложить „кралю“ на ночь, и довольно долго сидѣла у нея на кровати, разговаривая шопотомъ.

Съ слѣдующаго утра начался рядъ дней, настолько похожихъ другъ на друга и по внѣшней формѣ, и по внутреннему содержанію,

что описать одинъ изъ нихъ—значитъ дать читателю понятіе о всемъ времени, проведенномъ въ Малиновцѣ старымъ дѣдомъ. Это я и попытаюсь сдѣлать.

Утро: часы въ залѣ едва показываютъ шесть, а самоваръ уже кипитъ въ столовой, и дѣдушка, въ стеганомъ халатѣ, сидитъ на балконѣ, выходящемъ изъ гостиной въ садъ. Передъ нимъ стоитъ столикъ, на которомъ поставлена большая чашка съ только-что принесеннымъ чаемъ. Противъ него, въ холстинковой блузѣ, расположилась матушка. Она ужъ поздоровалась съ „кралей", разспросила ее, покойно ли спать было, не кусали ли клопики, и, получивъ въ отвѣтъ, что словно въ рай попала, приказала подать ей чаю, сама налила сливочекъ съ румяными пѣнками и отправилась потчивать отца.

— Папенька! съ лимончикомъ или со сливочками?

— Съ лимономъ. Прежде, какъ свою корову держали, пивалъ со сливками, а нынче безо всего нью. Лимоны-то, поди, кусаются?

— Я, папенька, ящикомъ въ Москвѣ купила: за сотню двадцать-пять рубликовъ отдала.

— Лёгко ли дѣло! А коли десятками покупать—и всѣ три рубля отдашь. Сказываютъ, въ Петербургѣ лимоны дешевы. У насъ икра дешева, а въ Петербургѣ—апельсины, лимоны. А въ теплыхъ земляхъ, чу, и совсѣмъ они ни почемъ.

— Правду пословица говоритъ: за моремъ телушка полушка, да рубль перевозъ. Зато тамъ хлѣбъ дорогъ.

— Да, хлѣбъ. Безъ хлѣба тоже худо. Хлѣбъ, я тебѣ скажу, такое дѣло: нынче ему урожай, а въ будущемъ году сѣмянъ не соберешь. Либо градъ, либо засуха, либо что. Нынче онъ шесть рублей четверть, а въ будущемъ году тридцать рублей за четверть отдашь! Поэтому, которые хозяева съ разсчетомъ живутъ, тѣ въ урожайные года хлѣба не продаютъ, а дождутся голодухи, да весь запасъ и спустятъ втридорога.

— Я, папенька, въ третьемъ году, какъ безкормица была, по сорока рублей за четверть мужичкамъ продавала.

— Ну вотъ. И давали, потому мужику ѣсть надобно, а запасу у него нѣтъ. Разсчетливый хозяинъ тутъ его и прижметъ. Вынь да положь.

— Хорошо, папенька, коли у кого деньги свободныя на про-

житокъ есть. А кто въ деньгахъ нуждается, по-неволѣ будетъ и въ дешевое время хлѣбъ продавать.

— Объ томъ-то я и говорю. Коли съ разсчетомъ хозяинъ живетъ—съ деньгами будетъ, а безъ разсчета—никогда изъ нужды не выйдетъ.

Дѣдушка на минуту умолкаетъ, шумно дуетъ въ блюдечко и пьетъ чай.

— Во время француза,—продолжаетъ онъ, возвращаясь къ лимонамъ (какъ и всѣ незанятые люди, онъ любитъ кругомъ да около ходить):—какъ изъ Москвы бѣгали, я во Владимірской губерніи у одного помѣщика въ усадьбѣ флигелекъ снялъ, такъ онъ въ ранжереѣ свои лимоны выводилъ. На цѣлый годъ хватало.

— Тсс...

— Лимоны-то у него были, а хлѣбъ плохо родился. Весь навозъ на сады да на огороды изводилъ. Арбузы по пуду бывали. Вотъ ты и суди.

— Нынче, папенька, такіе помѣщики ужъ рѣдко встрѣчаются.

— Нѣтъ и нынче, особливо которые въ предводители охотятся. Годковъ пять поколобродитъ: апельсины, лимоны... а спустя время, смотришь, имѣніе-то съ аукціона продаютъ. И у васъ, поди, ранжереи водятся?

— Грѣшный человѣкъ, папенька. Люблю полакомиться.

— Ну, вотъ видишь. И всѣ мы любимъ; и я люблю, и ты любишь. Какъ съ этимъ быть!

Дѣдушка обращается лицомъ къ саду и вдыхаетъ душистый воздухъ.

— А хорошо здѣсь пахнетъ, сладко!—говоритъ онъ.

— Это, папенька, сирень цвѣтетъ. Очень отъ нея духъ пріятный.

— Не дешево, чай, развести стопло?

— Ахъ, что говорить! Тоже не плошь того помѣщика! Чѣмъ бы хлѣба больше сѣять, а я сады развожу.

— Ну, ты не прогадаешь! Ежели съ умомъ жить, можно и на хозяйство, и на сады удѣлить. На хозяйство часть, на сады—часточку. Безъ чего нельзя, такъ нельзя.

— Жалко вотъ, что къ пріѣзду вашему ни фрукты, ни ягоды не поспѣли. Полакомиться вамъ, папенька, нечѣмъ.

— И безъ лакомства проживу. Все въ свое время. Въ Москвѣ, впрочемъ, ужъ показалась земляника ананская; только въ лавкахъ, а лоточники еще не продаютъ. Въ теплицахъ, слышь, ранюю выводятъ.

— Дорога̀, чай?

— Ну, ужъ само собой.

Дѣдушка зѣваетъ, креститъ ротъ и поглядываетъ въ гостиную, гдѣ лакей разставляетъ ломберный столъ для предстоящей карточной игры.

— Паненька! въ карточки?—предлагаетъ матушка.

Дѣдушка молча встаетъ съ кресла и направляется въ комнаты. Онъ страстно любитъ карты и готовъ съ утра до вечера играть „ни почемъ“. Матушка, впрочемъ, этому очень рада, потому что иначе было бы очень трудно занять старика.

Устроивается вистъ; партію дѣдушки составляютъ: Марья Андреевна, братъ Степанъ и матушка, которая, впрочемъ, очень часто уходитъ, оставляя вмѣсто себя Гришу или меня. Мы всѣ, съ молодыхъ ногтей, привыкли къ картамъ, и такъ страстно любимъ играть, что готовы ради картъ пожертвовать гуляньемъ. Даже маленькій Коля—и тотъ безотходно стоитъ сбоку у кого нибудь изъ игроковъ и слѣдитъ за игрой. Поэтому пріѣздъ дѣда составляетъ для насъ сущій праздникъ, который, впрочемъ, отчасти смущается тѣмъ, что дѣдушкѣ непремѣнно надобно поддаваться. Ежели онъ проигрываетъ, и даже если ему сдаютъ дурныя карты, то онъ обижается, молча оставляетъ игру и уходитъ къ себѣ въ комнату. Матушка знаетъ это и, сдавая, очень ловко подбрасываетъ ему козырей, а старикъ въ это время притворяется, что глядитъ въ сторону.

Вистъ, роберъ за робероиъ, безъ перерыва длится до десяти часовъ. Дѣдушка играетъ молча, медленно выбрасывая на столъ карты и послѣ каждой игры тщательно записываетъ выигрышъ. Проигрыша у него не бываетъ, развѣ что на брата Степана найдетъ озорной стихъ, и онъ начнетъ взаправду играть. Но матушка такъ на него взглянетъ, что охота колобродить мгновенно улетучивается, и въ результатѣ старикъ остается безсмѣннымъ побѣдителемъ. Покуда мы играемъ, и отецъ выходитъ изъ кабинета, но остается въ гостиной недолго. И тесть, и зять относятся другъ къ другу нельзя сказать чтобъ враждебно, но равнодушно; повидимому, не находятъ предмета

для разговора. Поэтому карты оказываютъ обоимъ большую услугу, освобождая отъ обязанности занимать другъ друга.

Ровно въ десять часовъ въ той же гостиной подаютъ завтракъ. Нынче завтракъ обязателенъ и представляетъ подобіе обѣда, а во время оно завтракать давали почти исключительно при гостяхъ, причемъ ограничивались тѣмъ, что ставили на столъ подносъ, уставленный закусками и эфемерной ѣдой, въ родѣ сочней, печенки и т. п. Матушка усердно потчуетъ дѣда и ревниво смотритъ, чтобъ дѣти не помногу брали. Въ то же время она накладываетъ на тарелку цѣлую гору всякой всячины и исчезаетъ съ нею изъ комнаты.

— Это она Настькѣ понесла,—шепчетъ Степанъ, завистливо слѣдя за движеніями матушки:—неужто эта шельма экую прорву улететъ!

Между тѣмъ дѣдушка, наскоро поѣвши, уже посматриваетъ на ломберный столъ. Игра возобновляется и тѣмъ же порядкомъ длится до самаго обѣда, который подаютъ, сообразуясь съ привычками старика, ровно въ двѣнадцать часовъ.

За обѣдомъ дѣдушка сидитъ въ креслѣ возлѣ хозяйки. Матушка сама кладетъ ему на тарелку лучшій кусокъ и затѣмъ выбираетъ такой же кусокъ и откладываетъ къ сторонкѣ, дѣлая глазами движеніе, означающее, что это кусокъ заповѣдный и предназначается Настасьѣ. Происходитъ общій разговоръ, въ которомъ принимаетъ участіе и отецъ.

— Лѣтомъ оттого тепло,—поучаетъ дѣдушка:—что солнце на небѣ долго стоитъ: оно и грѣетъ. А зимой встанетъ оно въ девять часовъ, а къ тремъ, смотри, его ужъ и поминай какъ звали. Ну, и нѣтъ отъ него сугрѣву.

— Даже и лѣтомъ, — подтверждаетъ отецъ: — ежели долгое время ненастье стоитъ, тоже становится холодненько. Иногда и въ іюлѣ зарядитъ дождь, такъ хоть ваточный сюртукъ надѣвай.

— Солнца нѣтъ—оттого и воздухъ холодаетъ.

— Это, батюшка, справедливо.

— Или опять: войди ты въ лѣсъ—прохладно: выдь изъ лѣсу въ поле — потъ съ тебя градомъ льетъ. Нужды нѣтъ, что въ полѣ вѣтромъ тебя обдуваетъ, а все-таки жарко.

— И вѣтеръ-то, батюшка, отъ солнышка теплый.

— Да, солнцемъ его прожариваетъ. Я въ двѣнадцатомъ году,

во Владимірской губерніи, въ Юрьевскомъ уѣздѣ, жилъ, такъ тамъ и въ ту пору лѣсовъ мало было. Такая жарынь все лѣто стояла, что только тѣмъ и спасались, что на погребицахъ съ утра до вечера сидѣли.

— Да, чудны дѣла Господни! Все-то Господь, въ премудрости своей, къ наилучшему сотворилъ. Лѣтомъ, когда всякій злакъ на пользу человѣку ростетъ—Онъ тепло далъ. А зимой, когда нужно, чтобы землица отдохнула—Онъ снѣжкомъ ее прикрылъ.

— А французъ въ ту пору этого не разсчиталъ. Пришелъ къ намъ лѣтомъ, думалъ, что конца теплу не будетъ, ань возвращаться-то пришлось зимой. Вотъ его морозомъ и пристигло.

— И все оттого, что зимой солнышко короткое время свѣтитъ. Постоитъ на небѣ часовъ пять—и нѣтъ его.

— Оттого. Много въ ту пору французъ русскимъ напакостилъ. Города разорилъ, Москву сжегъ. Думалъ, что и Бога-то пѣтъ, ань Богъ-отъ вотъ Онъ. Насилу ноги унелъ.

— Даже пѣсню въ то время пѣвали, какъ онъ бѣжалъ-то отъ насъ,—припоминаетъ матушка:

Бонапарту не до пляски,
Растерялъ свои подвязки
И кричитъ: пардопъ!

— И пійпито ему. Лёгко ли дѣло, сколько времени колобродилъ! Только и словъ у всѣхъ было на языкѣ: Бонапартъ, да Бонапартъ!

— А изъ себя какой былъ мизерный! такъ, каплюшка—плюпуть да растереть!

— Мала птичка, да коготокъ востёръ. У меня до француза въ Москвѣ цѣлая усадьба на Полянкѣ была, и домъ каменный, и садъ, и заведенія великія, ягоды, фрукты—все свое. Только птичьяго молока не было. А воротился изъ Юрьева, смотрю—одинъ закопченыя стѣны стоятъ. Такъ, ни за иохъ табаку спалили. Вотъ онъ, пакостникъ, что надѣлалъ!

Бабушка вздыхаетъ; настаетъ минута общаго молчанія.

— Или опять,—вновь начинаетъ старикъ, переходя къ другому сюжету: — видимъ мы, что рѣка назадъ не течетъ, а отчего? Оттого, что она въ возвышеномъ мѣстѣ зачинается, а потомъ все внизъ, все внизъ течетъ. Назадъ-то ворочаться ей и неспособно.

Коли на дорогѣ пригорочекъ встрѣтится, она его обойдетъ, а сама все внизъ, все внизъ...

— И тутъ Господни пути. Однако въ пѣснѣ поется: „на горахъ станутъ воды“...

— Это, стало быть, про колодцы. Вотъ въ Мытищахъ напримѣръ: мѣсто высокое, а вся Москва изъ тамошнихъ колодцевъ водой продовольствуется.

— Да и вода-то какая! чистая, чистая... словно слеза!—подтверждаетъ матушка.

— И вода хороша, и довольно ея. Сегодня препорція напливетъ, а завтра опять такая же препорція. Было время, что и москворѣцкой водой хвалились: и мягка, и свѣтла. А пошли фабрики да заводы строить—ну, и смутили.

Подаютъ жареную телятину, матушка потчуетъ.

— Теленочекъ-то, папенька, поспный! для васъ нарочно приготовила. Любовинки прикажете?

— Что потчуешь! все мнѣ да мнѣ—ты и Василія Порфирыча не обижай.

— Онъ здѣсь хозяинъ, и самъ, что ему любо, выберетъ, а вы ужъ позвольте. Знаю я, что вы до любовинки охотникъ. Вотъ, кажется, хорошій кусочекъ?

Новое молчаніе, въ продолженіе котораго раздается стукъ ножей и вилокъ.

— Вотъ хоть бы пасчетъ телятъ,—говоритъ дѣдушка:—и телята бываютъ разные. Иной пьетъ много, другой мало. А иногда и такъ бываетъ: выпьетъ теленокъ цѣлую прорву, а все кожа да кости.

— Скотницы, папенька, въ этомъ частенько причинны бываютъ.

— Скотницы—сами собой, а иной разъ и въ самомъ теленкѣ фальшь. Такая болѣзнь бываетъ, ненаѣдомъ называется. И у лошадей она бываетъ. У меня, помню, меринъ былъ: кормили его, кормили—все шкелетъ шкелетомъ. Такъ и продали на живодерню.

— У насъ въ вотчинѣ мужичокъ этой болѣзнью страдалъ, такъ всю семью по міру пустилъ.

— И пустишь!

— Не дай Богъ, какъ эти болѣзни привяжутся!—замѣчаетъ отецъ, который въ послѣднее время сталъ сильно недомогать.

— Да, болѣзни ни для кого не сладки, и тоже бываютъ разныя. У меня купецъ знакомый былъ, такъ у него никакой особливой болѣзни не было, а только все тосковалъ. Щемитъ сердце, да и вся недолга. И доктора лечили, и попы отчитывали, и къ угодникамъ возили—ничего не помогло.

— Можетъ быть съ глазу, или сила въ немъ... нечистая...— догадывается матушка.

— Можетъ быть.

— У насъ, на селѣ, одна женщина есть, тоже все на тоску жалуется. А въ церкви, какъ только „иже херувимы“ или причастный стихъ запоютъ, сейчасъ выкликать начнетъ. Что съ ней ни дѣлали: и попа отчитывать призывали, и староста сколько разъ стегалъ — она все свое. И представьте, какъ начнетъ выкликать, животъ у ней вотъ какъ раздуетъ. Гора горой.

— Нечистый, стало быть, вопъ изъ утробы просится, - шутитъ дѣдушка.

— Ужъ и не знаю. Бились мы, бились съ ней, такъ и отступились. Ни на барщину не гоняютъ, ни на свою работу не ходитъ; сидитъ дома бѣлоручкой.

Къ концу обѣда дѣдушка слегка совѣетъ и даже начинаетъ дремать. Но вотъ пирожное съѣдено, стулья съ шумомъ отодвигаются. Дѣдушка, выполнивши обрядъ послѣобѣденнаго цѣлованья (матушка и всѣ дѣти подходятъ къ его рукѣ), отправляется въ свою комнату и укладывается на отдыхъ.

Покуда старикъ спитъ, матушка ни на минуту не остается бездѣятельною. Она усаживается съ Настасьей въ гостиную (поближе къ дѣдушкиной комнатѣ) и ведетъ съ ней оживленную бесѣду, которая доходитъ и до нашего слуха.

— Сказывай, сударка, какъ это вы надумали къ намъ ѣхать? —предлагаетъ вопросъ матушка.

— Я упросила; ему бы ни въ жизнь въ голову не пришло. Который, говорю, годъ васъ ждутъ, а вы все не ѣдете.

— Ну, спасибо, спасибо тебѣ, голубка!

— Только Григорій Павлычъ очень ужъ разсердился, какъ узналъ! Пріѣхалъ изъ подмосковной, кричитъ: „не смѣйте къ Затранезнымъ ѣздить! запрещаю!“ Даже подсвѣчникомъ замахнулся; еще немного—и лобъ старику раскроилъ бы!

— Это отцу-то родному! Что-жъ маменька?

— Ничего. „Ну, убей меня! — говоритъ: — убей".

— Нишь вѣдь родительское-то сердце! сынъ на убійство идетъ, а старичокъ тихо да кротко: „ну, что-жъ, убей меня! убей!" Отъ сына и муку, и поруганье—все принять готовъ!

— Мы отъ страху ни живы, ни мертвы стоимъ, а онъ-то куражится, онъ-то куражится! „Я, говоритъ, это Анютѣ припомню!" Ужъ ругалъ онъ, ругалъ васъ, сударыня, то-есть самыми разскверными словами ругалъ!

— Ну, брань на вороту не виснетъ, лишь бы...

Матушка, однакожъ, задумывается на минуту. Брань брата, дѣйствительно, не очень ее трогаетъ, но угрозъ его она боится. Увы! несмотря на теперешнюю побѣду, ее ни на минуту не покидаетъ мысль, что какъ бы она ни старалась и какое бы расположеніе ни выказывалъ ей отецъ, всѣ усилія ея окажутся тщетными, всѣ побѣды мнимыми, и стариково сокровище неминуемо перейдетъ къ непочтительному, но дорогому сыну.

— И какъ только онъ уѣхалъ, сейчасъ же Павелъ Борисычъ сѣлъ письмо къ вамъ писать...

— Спасибо тебѣ! спасибо! Ну, а насчетъ того...

Матушка боится произнести слово: „завѣщаніе", но Настасья угадываетъ его.

— Это насчетъ завѣщанія, что-ли? — говоритъ она: — ужъ и не знаю... Призывали они Клюквина въ тотъ вечеръ, какъ у нихъ съ Григорьемъ Павлычемъ перепалка была, и шептались съ нимъ въ кабинетѣ...

— Ну?

— Должно быть, про завѣщаніе.

— Ахъ, кабы!

— А вы бы, сударыня, ихъ попросили!

— Ахъ, что ты! Да онъ меня такъ турнётъ, такъ турнётъ! Вотъ кабы ты...

— И то заговаривала, да сама не рада была. Чуть изъ дома не выгналъ.

— Ахъ, маменька, маменька! всѣмъ-то онъ хорошъ, только вотъ...

— А вы, сударыня, не очень себя тревожьте! Богъ милостивъ,

вдругъ вздумаетъ, возьметъ да и напишетъ. Да неужто же безъ завѣщанія вамъ ничего не достанется? Не безсудная, чай, земля!

— То-то что... И земля не безсудная, да и я, и сестра Арина —обѣ мы отдѣленныя. И бумагу съ насъ папенька взялъ.

— Вы бы не давали бумаги.

— Какъ бы я не дала! Мнѣ въ ту пору пятнадцать лѣтъ только-что минуло, я не понимала, что̀ и за бумага такая. А не дала бы я бумаги, онъ бы сказалъ: „ну, и нѣтъ тебѣ ничего! сиди въ дѣвкахъ!“ И то обѣщалъ шестьдесятъ тысячъ, а далъ тридцать. Пыталъ меня Василій Порфирычъ съ золовушками за это тиранить.

— Ахъ, грѣхъ какой!

— Да, близокъ локоть, да не укусишь. По крайней мѣрѣ, капиталъ-то у старичка какъ великъ?

— И насчетъ капитала они скрываютъ. Только и но сейчасъ все еще конятъ. Нѣтъ, нѣтъ, да и свезутъ въ Совѣтъ. Скупы они очень сдѣлались. День ото дня скупѣе. Сказывалъ намедни Григорія Павлыча лакей, будто около милліона денегъ найдется.

— Этотъ откуда узналъ?

— Барыня ихняя, слышь, за столомъ разговаривала. Григорій-то Павлычъ дома не обѣдалъ, такъ она языкъ и распустила. „Вѣрно, говоритъ, знаю, что у старика милліонъ есть!“

Слово „милліонъ“ повергаетъ матушку въ еще бо̀льшую задумчивость. Она долгое время молча смотритъ въ окно и барабанитъ рукой по столу, но въ головѣ у нея, очевидно, царитъ одно слово: „милліонъ!“

— Да ты постарайся! — произноситъ она, наконецъ:— просто приди къ нему и скажи: „я васъ утѣшаю, и вы меня утѣшьте!“

— А что̀ въ самомъ дѣлѣ! и то скажу!

— Такъ и скажи. А ужъ я тебя, ежели... ну, просто озолочу! Помни мое слово! Только бы мнѣ...

— Что̀ вы, сударыня! развѣ я изъ интереса...

— Говорю тебѣ: озолочу! постарайся!

Однообразно и безконечно тянется этотъ разговоръ, все кружась около одной и той же темы. Перерывъ ему полагаетъ лишь какое-нибудь внѣшнее событіе: либо ключница покажется въ дверяхъ и вызоветъ матушку для распоряженій, либо Настасьѣ почудится, что

дѣдушка зѣвнулъ, и она потихоньку выплываетъ изъ комнаты, чтобъ прислушаться у дверей стариковой спальни.

Въ три часа дѣдушка опять въ гостиной. Мы, дѣти, смирно сидимъ на стульяхъ около стѣнъ, и ждемъ, что сейчасъ начнется игра.

— Папенька! въ карточки, покуда десертъ подаютъ?—предлагаетъ матушка.

— Довольно,—отказывается на этотъ разъ дѣдушка, къ великому нашему огорченію.

— Такъ ужъ вы меня, папенька, извините, я пойду распоряжусь.

— Ступай.

Дѣдушка нѣкоторое время сидитъ молча и зѣваетъ. Наконецъ, обращается къ намъ.

— Ну что, учитесь?

— Учимся, папенька.

— Ты, Степанъ, въ которомъ классѣ?

— Я, папенька, въ старшій нынче перешелъ; въ будущемъ году въ университетъ поступлю.

— Учишься-то ты хорошо, да ведешь себя плохо. озоруешь. Мать на тебя жалуется.

— Я, папенька, кажется...

— Тебѣ „кажется“, а она, стало быть, достовѣрно знаетъ, что говоритъ. Родителей слѣдуетъ почитать. Чти отца своего и матерь, сказано въ заповѣди. Ной-то, выпивши, нагой лежалъ, и все-таки какъ Хамъ надъ нимъ посмѣялся. такъ Богъ проклялъ его. И пошелъ отъ него Хамовъ родъ. Которые люди отъ Сима и Іафета пошли, тѣ въ почетѣ, а которые отъ Хама, тѣ въ пренебреженіи. Вотъ ты и мотай себѣ на усъ. Ну, а вы какъ учитесь?— обращается онъ къ намъ.

— Мы—слава Богу, папенька.

— Слава Богу—лучше всего, учитесь. А отъучитесь, на службу поступите, жалованье будете получать. Не все у отца съ матерью на шеѣ висѣть. Нутко, а въ которой губерніи Переславль?

— Во Владимірской, папенька.

— Два Переславля: одинъ во Владимірской. другой—въ Полтавской.

Мнѣ хочется возразить, что въ Полтавской Переяславль, но, зная, что дѣдушка не любитъ возраженій, я воздерживаюсь.

— А Спасковъ цѣлыхъ три, — прибавляетъ дѣдушка: — на экзаменѣ, поди, спросятъ, такъ надо знать. А нутко, Григорій, прочти: „И въ Духа Святаго“...

Гриша читаетъ.

— Такъ. А папа римскій иначе читать велитъ: „Иже отъ Отца *и Сына* исходящаго“. Вотъ и толкуй съ нимъ.

Приносятъ дессертъ. Ежели лѣто въ разгарѣ, то ставятъ цѣлыя груды ягодъ, фруктовъ, сахарнаго гороха, бобовъ и т. д. Матушка выбираетъ что̀ получше и потчуетъ дѣдушку: затѣмъ откладываетъ лакомства на особыя тарелки и отсылаетъ къ Настасьѣ. Дѣтямъ даетъ немного, да и то преимущественно гороху и бобовъ.

— Вы свои! успѣете полакомиться! -приговариваетъ матушка, раскладывая лакомство по тарелкамъ, и при этомъ непремѣнно обдѣляетъ брата Степана.

Дѣдушка кушаетъ съ видимымъ удовольствіемъ, и отъ времени до времени прерываетъ процессъ ѣды замѣчаніями въ родѣ:

— Ягоды разныя бываютъ. Иная и крупна, да сладости въ ней нѣтъ; другая и поменьше, а сладка.

— Это какъ годомъ,—подтверждаетъ матушка.

— То-то я и говорю. Иной разъ дождей много...

И т. д.

А въ заключеніе непремѣнно похвалитъ:

— Хороши у васъ фрукты. Похаять нельзя.

— А коли нравятся, такъ и еще бы покушали!

— Будетъ.

Тѣмъ не менѣе матушка откладываетъ на тарелку нѣсколько персиковъ и абрикосовъ и уноситъ ихъ въ дѣдушкину спальню, на случай, еслибъ старикъ пожелалъ на ночь покушать.

— А намъ по персичку да по абрикосику! — шепотомъ завидуетъ братъ Степанъ.—Ну, да вѣдь я и слямзить съумѣю.

Съ этими словами онъ развязно подходитъ къ столу, беретъ персикъ и кладетъ въ карманъ. Дѣдушка недоумѣло смотритъ на него, но молчитъ.

Въ началѣ шестого подаютъ чай, и ежели время [illegible], то дѣдушка пьетъ его на балконѣ. Гостиная выходитъ на [illegible], и

старикъ любитъ понѣжиться на солнышкѣ. Но въ садъ онъ, сколько мнѣ помнится, ни разу не сходилъ, и даже въ экипажѣ не прогуливался. Вообще, сидѣлъ сиднемъ, какъ и въ Москвѣ.

Время между чаемъ и ужиномъ—самое томительное. Матушка цѣлый день провела на ногахъ и видимо устала. Поэтому, чтобъ занять старика, она устроиваетъ нѣчто въ родѣ домашняго концерта. Марья Андреевна садится за старыя фортепьяны и разъигрываетъ варіаціи Черни. Гришу заставляютъ пѣть: „Я пойду—пойду косить“... Дѣдушка слушаетъ благосклонно и выражаетъ удовольствіе.

— Изрядно!—хвалитъ онъ Гришу:—только зачѣмъ тужишься и губы оттопыриваешь?

— Ну, папенька, онъ еще молоденекъ. И взыскать строго нельзя,—оправдываетъ матушка своего любимца.—Гриша! спой еще... какъ это... „на пиру“, что-ли... помнишь?

Гриша поетъ:

Не дивитеся, друзья,
Что не разъ
Между васъ
На пиру веселомъ я
Призадумывался...

— Ладно!—поощряетъ дѣдушка:—выучишься—хорошо будешь пѣть. Вотъ я смолоду одного архіерейскаго пѣвчаго зналъ—такъ онъ эту же самую пѣсню пѣлъ... ну, пѣлъ! Начнетъ тихо-тихо, точно за двѣ версты, а потомъ тише да тише—и вдругъ октавой какъ раскатится, такъ даже присядутъ всѣ.

— Дарованье, значитъ, Богъ ему далъ.

— Да, безъ дарованья въ нашемъ дѣлѣ нельзя. Хошь старайся, хошь разстарайся, а коли нѣтъ дарованья—ничего не выйдетъ.

Репертуаръ домашнихъ развлеченій быстро исчерпывается. Матушка все нетерпѣливѣе и нетерпѣливѣе посматриваетъ на часы, но они показываютъ только семь. До ужина остается еще добрыхъ полтора часа.

— Наденька! въ дурачки?—предлагаетъ она.

— Въ дураки—изволь.

Дѣдушка садится играть съ Гришей, который ласковѣе другихъ и тверже знаетъ матушкину инструкцію, какъ слѣдуетъ играть со старикомъ.

Наконецъ, вожделѣнный часъ ужина настаетъ. Въ залу является и отецъ, но онъ не ужинаетъ вмѣстѣ съ другими, а пьетъ чай. Ужинъ представляетъ собою повтореніе обѣда, начиная супомъ и кончая пирожнымъ. Кушанье подается разогрѣтое, подправленное; только дѣдушкѣ къ сторонкѣ откладывается свѣжій кусокъ. Разговоръ ведется вяло: всѣмъ скучно, всѣ устали, всѣмъ надоѣло. Даже мы, дѣти, чувствуемъ, что масса дневныхъ пустяковъ начинаетъ давить насъ.

— Другіе любятъ ужинать,—заговариваетъ отецъ:—а я такъ не могу.

— Мм... — отзывается дѣдушка и глядитъ на своего собесѣдника такими глазами, словно въ первый разъ его видитъ.

— Я говорю: иные любятъ ужинать... — хочетъ объяснить отецъ.

— Любятъ...—машинально повторяетъ за нимъ дѣдушка.

Бьетъ девять часовъ. Свершилось. Дѣдушкинъ день конченъ.

Матушка, дождавшись, покуда старика кладутъ спать, и простившись съ Настасьей, спѣшитъ въ свою спальню. Тамъ она наскоро раздѣвается и совсѣмъ разбитая бросается въ постель. Въ сонной головѣ ея мелькаетъ „милліонъ“; губы безсознательно лепечутъ: „помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его“...

—

Чтобы дать читателю еще болѣе ясное представленіе о дѣдушкиной семьѣ, я считаю нелишнимъ заглянуть на одинъ изъ вечерковъ, на которые онъ, по зимамъ, созывалъ, отъ времени до времени, родныхъ.

Обыкновенно дня за два Настасья объѣзжала родныхъ и объявляла, что паненька Павелъ Борисычъ тогда-то проситъ чаю откушать. Разумѣется, объ отказѣ не могло быть и рѣчи. На зовъ являлись не только главы семей, но и подростки, и въ назначенный день, около шести часовъ, у подъѣзда дома дѣдушки уже стояла порядочная вереница экипажей.

Въ комнатахъ натоплено, форточекъ въ окнахъ нѣтъ, да и ставни закрыты, такъ что никакого намека на вентиляцію не существуетъ. Кромѣ того, ради гостей, накурили какими-то порошками, что̀ еще болѣе увеличиваетъ спертость воздуха. Дѣдушка уже вышелъ въ гостиную, сѣлъ на диванъ и ждетъ. На немъ длиннополый сюртукъ „аглицкаго сукна“; на шеѣ повязанъ бѣлый галстукъ. На столѣ.

передъ диваномъ, горятъ двѣ восковыя свѣчи; сзади дивана, по обѣимъ сторонамъ продольнаго зеркала зажжены два бра, въ каждомъ по двѣ свѣчи; въ залѣ на стѣнѣ горитъ лампа, заправленная постнымъ масломъ. Лакей Пахомъ разставляетъ на передъ диваномъ столѣ десертъ: пастилу, мармеладъ, изюмъ, моченыя яблоки и т. п.

Съѣзжаются всѣ почти одновременно. Все свои: мы, Федуляевы, дядя Григорій Павлычъ, генералъ Любягинъ. Изъ постороннихъ на вечеркахъ присутствуетъ только чиновникъ Клюквинъ. Начинается съ того, что родные, кромѣ отца и Любягина, подходятъ къ старику и цѣлуютъ его руку. Затѣмъ старшіе чинно разсаживаются въ креслахъ по бокамъ стола. Двѣ дѣвушки-невѣсты: сестра Надежда и Саша Федуляева пристроиваются у окна, а мелкота безшумно ютится въ залѣ. Тамъ поставленъ особый десертъ, который дѣти почти мгновенно уничтожаютъ. Только дядя Григорій, какъ маятникъ, ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, да Клюквинъ прислонился къ косяку двери и все время стоитъ въ наклоненномъ положеніи, точно ждетъ, что его сейчасъ позовутъ.

Познакомлю здѣсь читателя съ тѣми изъ присутствующихъ, о которыхъ доселѣ мнѣ пришлось говорить только мимоходомъ.

Любягинъ — что называется, военная косточка. Это старикъ лѣтъ шестидесяти-пяти, бодрый, живой и такой крѣпышъ, что, кажется, износу ему не будетъ. Тѣ, которые давно его знаютъ, не замѣчаютъ въ его наружности ни малѣйшихъ перемѣнъ. Онъ остриженъ подъ гребенку; и волосы, и зубы у него цѣлы, щеки румяныя, и только глаза нѣсколько напоминаютъ о старчествѣ. Онъ самый близкій человѣкъ дѣдушкѣ и неизмѣнный его собесѣдникъ. Оба усердно читаютъ „Московскія Вѣдомости“ и передаютъ другъ другу вынесенныя изъ этого чтенія впечатлѣнія. Обоихъ интересуютъ одни и тѣ же предметы, обоихъ связываютъ одни и тѣ же воспоминанія. Можетъ быть, дѣдушку подкупаетъ еще и то, что Любягинъ не имѣетъ ни малѣйшихъ поползновеній на его сокровище. У него у самого есть небольшой капиталъ, и онъ скромно довольствуется доходами съ него, откладывая каждую лишнюю копѣйку для единственнаго сына. Этотъ сынъ уже обзавелся семействомъ и стоитъ на хорошей дорогѣ. Командуетъ гарнизоннымъ баталіономъ гдѣ-то въ дальней губерніи, и не только не требуетъ помощи отъ отца, но самъ копитъ. И дѣти его точно такъ же будутъ копить—въ этомъ

нѣтъ никакого сомнѣнія, такъ что старикъ Любягинъ можетъ умереть спокойно. Главное дѣло, чтобы деньги были, а коли онѣ есть, то все остальное пойдетъ хорошо — вотъ кодексъ мудрости, который царствуетъ во всей семьѣ, и которому слѣдуетъ и Любягинъ.

Тетенька Арина Павловна слыветъ въ своей семьѣ простофилей. Дѣйствительно, она очень недалека, но это не мѣшаетъ ей относиться къ дѣдушкину сокровищу съ тѣмъ же завистливымъ окомъ, какъ и прочіе члены семьи. Въ этомъ отношеніи, и умные, и глупые — всѣ одинаково сходились сердцами. Она нѣсколько моложе матушки, но на видъ старообразнѣе; это рыхлая, расплывшаяся женщина, съ круглымъ, ничего не выражающимъ лицомъ и тупо смотрящими глазами. Ротъ у нея всегда раскрытъ, вслѣдствіе чего Григорій Павлычъ безъ церемоніи называетъ ее: „Балахня стоптъ ротъ распахня“. Но у нея есть и добродѣтель: она страстно любитъ своихъ дѣтей, и ради нихъ готова идти на самое рискованное дѣло. Однажды она даже осмѣлилась: бросилась передъ дѣдушкой на колѣни и сказала: — Паненька! что же вы медлите, распоряженія не дѣлаете? Неужто внучатъ своихъ обидите? — За эту выходку, старикъ цѣлый годъ не пускалъ ее на глаза.

Наконецъ, Ѳедотъ Гаврилычъ Клюквинъ представляетъ собой типъ приказной строки. Это еще не старый человѣкъ, но смотритъ уже старикомъ. Лицо его, сухое, подернутое желтизной, имѣетъ постоянно просительное выраженіе; глаза мутные, слезящіеся, волоса на головѣ рѣдкіе, съ проплѣшинами, словно источенными молью. Говоритъ надтреснутымъ теноркомъ, словно хныкаетъ, и не ходитъ, а безшумно скользитъ по комнатѣ. Онъ — хранитель дѣдушкиной тайны, но, кажется, не совсѣмъ вѣрный. По крайней мѣрѣ, матушка, видя, какъ онъ дружитъ съ дядей Григоріемъ Павлычемъ, не безъ основанія подозрѣвала, что послѣднему извѣстно многое, что не только для нея, но и для дѣдушкиной „крали“ оставалось скрытымъ. По-видимому, и дѣдушка подозрѣвалъ его невѣрность, но махнулъ на нее рукой. У насъ онъ бывалъ рѣдко, только въ большіе праздники, хотя матушка и заманивала его. Платилъ ли ему что-нибудь дѣдушка за его послуги — неизвѣстно: но многіе изъ родныхъ полагали, что въ ихъ отношеніяхъ скрывалась какая-то тайна, въ которую никто проникнуть не могъ.

Когда всѣ пристроились по мѣстамъ, разносятъ чай и начи-

нается собесѣдованіе. Первою темою служитъ погода; всѣ жалуются на холода. Январь въ половинѣ, а какъ стала 1-го ноября зима, такъ ни одной оттепели не было, и стужа день ото дня все больше и больше свирѣпѣетъ.

— Это я замѣчалъ,—говоритъ дѣдушка:—ежели на Кузьму-Демьяна въ саняхъ поѣхали, быть суровой зимѣ.

— У меня сегодня утромъ градусникъ на солнцѣ двадцать-пять градусовъ показывалъ,—сообщаетъ дядя Григорій Павлычъ.—Изъ деревни сѣно привезли, такъ мужикъ замерзъ совсѣмъ, насилу отходили.

— Такая-то зима, на моихъ памятяхъ, только разъ и была: какъ французъ на Москвѣ кутилъ да мутилъ.

— Тогда, маменька, Богъ зналъ, что морозы нужны, а нынче такъ, безъ всякой причины, — замѣчаетъ тетенька Арина Павловна.

— Ты бы Богу-то посовѣтовала: не нужно-молъ.

— Да развѣ не обидно, маменька! На дворѣ морозы, а снѣгу мало. Изъ деревни пишутъ: какъ бы озими не вымерзли!

— Такъ ты и скажи Богу: у меня, молъ, озими вымерзнутъ. Авось Онъ образумится.

Всѣ улыбаются.

— А сынъ мнѣ пишетъ,—начинаетъ Любягинъ:—у нихъ зима теплая стоитъ.

— И все такъ: гдѣ холодно, а гдѣ тепло. Что, какъ сынокъ? здоровъ? все благополучно?

— Слава Богу. По осени инспекторъ у нихъ былъ, все нашелъ въ исправности.

— Слава Богу—лучше всего. Чай, инспектора-то эти въ копѣечку ему достаются!

— Есть тотъ грѣхъ. Когда я командовалъ, такъ, бывало, пріѣдетъ инспекторъ, и ѣстъ, и пьетъ, все на мой счетъ. А презентъ само собой.

— Наколотитъ въ загорбокъ—и уѣдетъ.

— Вотъ по гражданской части этого нѣтъ,—говоритъ дядя.

— Тамъ хуже. У военныхъ, по крайности, спокойно. Пріѣдетъ начальникъ, посмотритъ, возьметъ что слѣдуетъ—и не слыхать объ немъ. А у гражданскихъ, пришлютъ ревизора, такъ онъ взять возь-

метъ, а потомъ все-таки наябедничаетъ. Оедоръ Гаврилычъ, ты какъ насчетъ ревизоровъ полагаешь?

Клюквина слегка коробитъ; онъ на своихъ бокахъ испыталъ, что̀ значитъ ревизоръ. Однажды его чуть со службы, по милости ревизора, не выгнали, да Богъ спасъ.

— Самый это народъ вниманія не стоющій,—отвѣчаетъ онъ, принимая совсѣмъ наклонное положеніе.

— Что̀, небось, узналъ въ ту пору, какъ кузькину мать зовутъ!—смѣется дѣдушка, а за нимъ и всѣ присутствующіе.

Разговоръ незамѣтно переходитъ къ взяткамъ.

— Въ мое время, въ коммисаріатѣ взятки брали—вотъ такъ брали!—говоритъ дѣдушка.—Французъ на носу, войско безъ сапогъ, а имъ и горя мало. Принимаетъ всякую гниль.

— И прежде взятки брали, и теперь берутъ,—утверждаетъ Любягинъ.

— И на предбудущее время будутъ брать.

— Потому—люди, а не святые.

— Иной и радъ бы не брать, анъ у него дѣти пить-ѣсть просятъ.

— Что̀ и говорить!

— Въ низшихъ мѣстахъ берутъ засѣдатели, исправники, судьи —этимъ взятки некрупныя даютъ. Въ среднихъ мѣстахъ берутъ предсѣдатели палатъ, губернаторы—къ нимъ ужъ съ малостью не подходи. А въ верхнихъ мѣстахъ берутъ сенаторы—тѣмъ цѣлый кушъ подавай. Не нами это началось, не нами и кончится. И которые люди полагаютъ, что взятки когда-нибудь прекратятся. тѣ полагаютъ это отъ легкомыслія.

Выговоривши эту тираду, дѣдушка шумно нюхаетъ табакъ и вздыхаетъ. Разносятъ чай во второй разъ. Дядя останавливается передъ сестрой Надеждой и шутитъ съ нею.

— Ты что-жъ, стрекоза, замужъ нейдешь?

— Ахъ, дяденька!—стыдится сестра.

— Нечего „ахъ дяденька“! Всякой дѣвицѣ замужъ хочется, это я вѣрно знаю.

— Не добро быти человѣку единому,—поясняетъ дѣдушка.

— А ужъ моей Сашенькѣ какъ бы замужъ надо! Такъ надо! такъ надо!—наивно отзывается тетенька Федулеева.

— Что такъ приспичило?—грубо шутитъ дядя.

— Не приспичило, а вообще...

— Ничего, успѣетъ. Вотъ, погодите, ужо я самъ этимъ дѣломъ займусь, мигомъ обѣимъ вамъ жениховъ найду. Тебѣ, Надежда, покрушѐе, потому что ты сама вишь какая выросла; тебѣ, Александра, середненькаго. Ты что-жъ, Анна, объ дочери не хлопочешь?

— Судьба, значитъ, ей еще не открылась,—отвѣчаетъ матушка, и, опасаясь, чтобы разговоръ не принялъ скабрёзнаго характера, спѣшитъ перейти къ другому предмету.

— Ни у кого я такого вкуснаго чаю не пивала, какъ у васъ, папенька!—обращается она къ старику.—У кого вы берете?

— Не знаю; Иванъ въ Охотномъ ряду покупаетъ. Ничего чай, можно пить.

— Дорогъ?

— Десять рублей за фунтъ. Съ цвѣткомъ.

— Архіереи, говорятъ, до чаю охотники. И толкъ знаютъ.

— Имъ, признаться, и дѣлать другого нечего. Пьютъ да пьютъ чай, съ утра до вечера.

— Мнѣ нашъ окружный генералъ часомъ однажды похвастался,—сообщаетъ Любягинъ:—ему одинъ баталіонный командиръ цыбикъ въ презентъ прислалъ. Такъ повѣрите ли, сѣдой весь!

— Сверху сѣдой, а внизу, поди, черный.

— Ужъ это само собой, мѣшать надо.

— И тутъ какъ вездѣ, дѣло мастера боится. Не смѣшаешь, будешь одинъ цвѣтокъ пить, голова ошалѣетъ. А отъ чернаго, отъ одного, вкуса настоящаго нѣтъ. Тёрпокъ.—языкъ, дёсна вяжетъ. Словно звѣробой пьешь.

— А то бываетъ копорскій чай.

— Есть и копорскій, только онъ не настоящій. Настоящій чай въ Китаѣ растетъ. Страна такая есть за Сибирью.

— Сынъ у меня около тамошнихъ мѣстъ въ пограничномъ городѣ службу началъ,—говоритъ Любягинъ:—такъ онъ сказывалъ, что пречудной эти китайцы народъ. Мужчины у нихъ волосы въ косы заплетаютъ, длинныя-предлинныя, точно дѣвки у насъ.

— Стало быть, мода у нихъ такая.

— И по всей границѣ стѣна у нихъ выстроена. Чтобъ ни они ни къ кому, ни къ нимъ никто.

— Своимъ умомъ хотятъ жить. Что-жъ, это, пожалуй, надежнѣе. Мы вотъ и прытки: прыгъ да прыгъ, а толку отъ этого прыганья мало.

Чай отпили. Дѣти высыпаютъ изъ залы и подходятъ благодарить дѣдушку.

— Лакомства-то вамъ дали ли?—освѣдомляется старикъ.

— Дали, папенька.

— Ну, ступайте, ѣшьте. А вы что-жъ? — обращается онъ къ присутствующимъ:—полакомиться?

Матушка первая подходитъ къ столу, кладетъ на тарелку моченое яблоко и подаетъ его отцу.

— Папенька, яблочка мочененькаго?

— Съѣмъ.

— Нигдѣ такихъ моченыхъ яблоковъ, какъ въ Москвѣ, не найдешь. Только здѣсь ими и полакомишься. Я ужъ какъ ни старалась, и рецепты доставала, никакъ не дойду.

— Въ квасахъ ихъ мочатъ; духи кладутъ.

— А почемъ, папенька, покупали?

— Дороги. По сорока копѣекъ десятокъ.

— Деньги хорошія; за то ужъ и яблоки!

Матушка хочетъ распространиться насчетъ квасовъ, медовъ и прочихъ произведеній московскаго генія, но дядя объ чемъ-то вдругъ вспомнилъ и круто поворачиваетъ разговоръ въ другую сторону.

— А я давеча въ лавкѣ у Егорова слышалъ, что во французскаго короля опять стрѣляли,—возвѣщаетъ онъ.

— И я слышалъ,—подтверждаетъ Клюквинъ.

— Не знаю, читалъ я сегодня газеты, ничего тамъ не пишутъ.

— Писать не велѣно, даже разговаривать строго-на-строго запрещено. Чтобы ни-ни. А Егорову, слышь, дворецкій главнокомандующаго сказывалъ. И что этимъ французамъ нужно? Былъ у нихъ настоящій король—другого взяли. Теперь и этого не хотятъ.

— Пустой народъ. Цырульники да портные.

— Цырульники, а республики хотятъ. И что такое республика? Спроси ихъ,—они и сами хорошенько не скажутъ. Такъ, руки зудятъ. Соберутся въ кучу и галдятъ. Точь-въ-точь у насъ на станціи ямщики, какъ жребій кидать начнутъ, кому ѣхать. Ну, слыханное ли дѣло—безъ начальства жить!

— Вонъ у насъ Цынскій (оберъ-полиціймейстеръ) только мѣсяцъ боленъ былъ, такъ студенты Москву чуть съ ума не свели! И на улицахъ, и въ театрахъ, чудолесятъ да и шабашъ! На Тверскомъ бульварѣ ямъ нарыли, чтобы липки сажать, а они ночью ихъ опять землей закидали. Вотъ тебѣ и республика! Коли который человѣкъ съ умомъ,—никогда бунтовать не станетъ. А вотъ шематоны да фордыбаки...

— Хорошіе-то французы, впрочемъ, не одобряютъ. Я отъ Егорова къ Сихлеришѣ *) забѣжалъ, такъ она такъ-таки прямо и говоритъ: „Повѣрите ли, мнѣ даже француженкой называться стыдно! Я бы, говоритъ, и вѣру свою давно перемѣнила, да жду, что дальше будетъ“.

— Что-жъ, милости просимъ! чего ждать!

— Какъ это они вѣру, наненька, перемѣняютъ?—допытывается тетенька Федуляева:—неужто ихъ...

— Такъ, возьмутъ, раздѣнутъ, да въ чемъ мать родила и окунутъ,—смѣется дѣдушка.

— Чай, стыдно?

— Стыдись не стыдись, а коли назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ.

Въ такихъ разговорахъ проходитъ до половины девятаго. Наконецъ, мужчины начинаютъ посматривать на часы, и между присутствующими происходитъ движеніе. Всѣ одновременно снимаются съ мѣстъ и прощаются.

Этимъ исчерпываются мои воспоминанія о дѣдушкѣ. Воспоминанія однообразныя и малосодержательныя, какъ и сама его жизнь. Но эта малосодержательность, повидимому, служила ему на пользу, а не во вредъ. Вмѣстѣ съ неправильнымъ физическимъ питаніемъ и умственной и нравственной невозмутимостью, она способствовала долголѣтію: дѣдушка умеръ, когда ему уже исполнилось девяносто лѣтъ. Завѣщанія онъ, конечно, не сдѣлалъ, такъ что дядя Григорій Павлычъ безпрепятственно овладѣлъ его сокровищемъ.

*) Извѣстный въ то время магазинъ модъ.

XIV.—Житье въ Москвѣ.

Москва того времени была центромъ, къ которому тяготѣло все неслужащее помѣстное русское дворянство. Игроки находили тамъ клубы, кутилы дневали и ночевали въ трактирахъ и у цыганъ, богомольные люди радовались обилію церквей; наконецъ, дворянскія дочери сыскивали себѣ жениховъ. Натурально, что матушка, у которой любимая дочь была на выданьи, должна была убѣдиться, что какъ-ни-какъ, а поѣздки въ Москву на зимніе мѣсяцы не миновать.

Семья наша выѣзжала изъ деревни по первопутку. Климатическія условія въ то время, сколько помнится, были постояннѣе, нежели нынѣче, и обыкновенно въ половинѣ ноября зима устанавливалась окончательно. Снимались мы цѣлымъ домомъ, съ большимъ количествомъ прислуги, съ запасомъ мороженой провизіи и даже съ собственными дровами. Для всего этого требовалась цѣлая вереница подводъ, которыя отправлялись заранѣе. Уѣзжая, въ господскомъ домѣ приказывали заколотить оба крыльца, закрыть ставни, а остающуюся прислугу, съ ключницей во главѣ, размѣщали какъ попало по флигелямъ.

Въ Москвѣ у матушки былъ свой крѣпостной фактотумъ, крестьянинъ Силантій Стрѣлковъ, который завѣдывалъ всѣми ея дѣлами, наблюдалъ за крестьянами и дворовыми, ходившими по оброку, взыскивалъ съ нихъ дани, ходилъ по присутственнымъ мѣстамъ за справками, вносилъ деньги въ Опекунскій Совѣтъ, покупалъ для деревни провизію и проч. Это былъ честный и довольно зажиточный человѣкъ, ремесломъ шорникъ, и даже имѣлъ собственную шорную мастерскую. Но жизнь его была, какъ говорится, чисто сибирная, потому что матушка не давала ему ни отдыху, ни сроку. Съ утра до вечера слонялся онъ по городу, разыскивая недоимщиковъ и выполняя разнообразнѣйшія коммиссіи. Когда матушка на короткое время пріѣзжала въ Москву, то останавливалась на постояломъ дворѣ у Сухаревой, и тогда Стрѣлковъ только и дѣлалъ, что приходилъ къ ней или уходилъ отъ нея. Даже обѣдъ приносили ей отъ него и, разумѣется, безвозмездно. Когда же мы стали ѣздить въ Москву по зимамъ, то для него насталъ уже сущій адъ. Матушка была нетерпѣлива и ежеминутно хотѣла знать положеніе дѣлъ, такъ что Стрѣл-

ковъ являлся каждый вечеръ и докладывалъ. За всѣ эти послуги ему никакого опредѣленнаго жалованья не полагалось, развѣ изрѣдка матушка подаритъ синенькую или ситцу на платье его женѣ. Разумѣется, эти скудныя подачки не окупали даже расхода на извозчиковъ. Поэтому Стрѣлковъ, постоянно отрываемый отъ собственнаго дѣла, никогда настоящимъ образомъ опериться не могъ, и впослѣдствіи кончилъ тѣмъ, что долженъ былъ объявить себя несостоятельнымъ. Передъ нами, дѣтьми, онъ не стѣснялся и часто горько жаловался на матушку.

Стрѣлковъ заранѣе нанималъ для насъ меблированную квартиру, непремѣнно въ одномъ изъ Арбатскихъ переулковъ, поближе къ дѣдушкѣ. Въ то время большихъ домовъ, съ нѣсколькими квартирами, въ Москвѣ почти не было, а переулки были сплошь застроены небольшими деревянными домами, принадлежавшими дворянамъ средней руки (объ нихъ только и идетъ рѣчь въ настоящемъ разсказѣ, потому что такъ-называемая Грибоѣдовская Москва, въ которой преимущественно фигурировалъ высшій московскій кругъ, мнѣ совершенно неизвѣстна, хотя несомнѣнно, что въ нравственномъ и умствен-

номъ смыслѣ она очень мало разнилась отъ Москвы, описываемой мною). Нѣкоторые изъ владѣльцевъ почему-нибудь оставались на зиму въ деревняхъ и отдавали свои дома желающимъ, со всей обстановкой. Это были особнячки, изъ которыхъ рѣдкій заключалъ въ себѣ болѣе семи-восьми комнатъ. Въ числѣ послѣднихъ только двѣ-три „чистыхъ“ комнаты были довольно просторны; остальныя можно было, въ полномъ смыслѣ слова, назвать клѣтушками. Парадное крыльцо выходило въ тѣсный и загроможденный службами дворъ, въ который въѣзжали съ улицы, черезъ деревянныя ворота. Объ роскошной и даже просто удобной обстановкѣ нечего было и думать, да и мы—тоже дворяне средней руки—и не претендовали на удобства. Мебель большею частью была сборная, старая, покрытая засиженной кожею или рваной волосяной матеріей.

Въ этомъ крохотномъ помѣщеніи, въ спертой, насыщенной міазмами атмосферѣ (о вентиляціи не было и помина, и воздухъ освѣжался только во время топки печей) ютилась дворянская семья, часто довольно многочисленная. Спали вездѣ—и на диванахъ, и въ повалку на полу, потому что кроватей при домѣ сдавалось мало, а какія были, тѣ назначались для старшихъ. Прислуга и дневала, и но-

чевала на ларяхъ, въ такихъ миніатюрныхъ конуркахъ, что можно было только дивиться, какимъ образомъ такая масса народа тамъ размѣщается. „Зиму какъ-нибудь потѣснимся; въ Москвѣ и Богъ проститъ“, утѣшали себя наѣзжіе, забывая, что и въ деревнѣ, на полномъ просторѣ, большинство не умѣло устроиться.

Прибавьте къ этому цѣлые вороха тряпья, которое привозили изъ деревни и въ теченіе зимы накупали въ Москвѣ, и которое, за неимѣніемъ шкафовъ, висѣло на гвоздикахъ, и вы получите приблизительно вѣрное понятіе о средне-дворянскомъ домашнемъ очагѣ того времени.

— Хорошо еще, что у насъ малыхъ дѣтей нѣтъ, а то бы спасенья отъ нихъ не было!—говорила матушка.—Намедни́сь я у Забровскихъ была: такъ ихъ штукъ шесть малъ-мала меньше собралось —мученье! такъ между ногъ и шныряютъ! кто въ трубу трубитъ, кто въ дуду дудитъ, кто на пищалкѣ пищитъ!

Понятно, что въ такомъ столпотвореніи разобраться было не легко, и недѣли двѣ послѣ пріѣзда всѣ ходили какъ потерянные. Искали и не находили; находили и опять теряли. Для взрослыхъ помѣщичьихъ дочерей—и въ томъ числѣ для сестры Надежды—это было чистое мученье. Онѣ рвались выѣзжать, мечтали порхать на балахъ, въ театрахъ, а ихъ держали взаперти въ вонючихъ каморкахъ, и кормили мороженою домашней провизіей.

— Да когда же, наконецъ?—слышались съ утра до вечера сестрицыны жалобы.—Хоть бы въ театръ съѣздили.

— Нельзя въ театръ, надо сперва визиты сдѣлать: коли дома скучно, ступай къ дѣдушкѣ.

— Вотъ еще! что̀ я тамъ забыла!

— Ну, жди.

Единственные выѣзды, которые допускались до визитовъ—это въ модные магазины. Въ магазинѣ Майкова, въ гостиномъ дворѣ, закупались матеріи; въ магазинѣ Сихлеръ заказывались платья, уборы, шляпки. Въ виду матримоніальныхъ цѣлей, ради которыхъ дѣлался переѣздъ въ Москву, денегъ на наряды для сестры не жалѣли.

Наконецъ все кое-какъ улаживается. Къ подъѣзду подаютъ возокъ, четверней на выносъ, въ который садится матушка съ сестрой —и очень рѣдко отецъ (всѣ знакомые сразу угадывали, что онъ „никакой роли“ въ домѣ не играетъ).

Начинаются визиты. Въ началѣ первой зимы у семьи нашей знакомствъ было мало, такъ что еслибъ не три-четыре семейства изъ своихъ же сосѣдей по имѣнью, тоже переѣзжавшихъ на зиму въ Москву „повеселиться“, то, пожалуй, и ѣздить было бы некуда; но впослѣдствіи, съ помощью дяди, кругъ знакомствъ значительно разросся, и визитація приняла обширные размѣры.

Когда всѣ визиты были сдѣланы, нѣсколько дней сидѣли по утрамъ дома и ждали отдачи. Случалось, что визитовъ не отдавали, и это служило темой для продолжительныхъ и горькихъ комментаріевъ. Но случалось и такъ, что кто-нибудь пріѣзжалъ первый—тогда на всѣхъ лицахъ появлялось удовольствіе.

Изъ новыхъ знакомствъ преимущественно дѣлались такія, гдѣ бывали приглашенные вечера, разумѣется съ танцами, и верхомъ благополучія считалось, когда можно было сказать:

— У насъ всѣ вечера разобраны, даже въ театръ съѣздить некогда.

Или:

— Ахъ, эта Балкина! пристаетъ, пріѣзжай къ ней по середамъ. Помилуйте, говорю, Марья Сергѣевна! мы и безъ того по середамъ въ два дома приглашены!—такъ нѣтъ же! пристала: пріѣзжай да пріѣзжай! Пренеотвязчивая.

Словомъ сказать, машина была пущена въ ходъ, и „веселье“ вступало въ свои права на цѣлую зиму.

Утро въ нашемъ семействѣ начиналъ отецъ. Онъ ежедневно ходилъ къ ранней обѣдни, которую предпочиталъ поздней, а по праздникамъ ходилъ и къ заутренѣ. Еще наканунѣ съ вечера онъ выпрашивалъ у матушки два мѣдныхъ пятака на свѣчку и на просвиру, причемъ матушка нерѣдко говаривала:

— И на что тебѣ каждый день свѣчку брать! Разъ-другой въ недѣлю взялъ—и будетъ!

Замѣчаніе это, разумѣется, полагало начало бурной домашней сценѣ, что, впрочемъ, не мѣшало ему повторяться и впредь въ той же силѣ.

Возвращается отецъ около восьми часовъ, и въ то же время начинаетъ просыпаться весь домъ. Со всѣхъ сторонъ слышатся вопли:

— Сашка! Анютка! гдѣ вы запропастились? куда васъ чортъ унесъ?—кричитъ матушка.

— Арина! гдѣ моя кофта?—взываетъ сестра своей фрейлинѣ.

— Марѳа! долго ли же мнѣ не мыться?—жалуется Коля.

— Ахъ, хамки проклятыя! да убирайте же въ залѣ! наслякощено, нахламощено! Гдѣ Кононъ? Чего смотритъ? Степанъ гдѣ? Мы —за чай, а они—пыль столбомъ поднимать!

Поднимается бѣготня. Дѣвушки снуютъ взадъ и впередъ, обремененныя кофтами, юпками, умывальниками и проч. По временамъ раздается грохотъ разбиваемой посуды.

— Бейте шибче!—слышится голосъ отца изъ кабинета! — что разбили?

— Ничего, сударь!

— Какъ ничего! сказывайте, кто разбилъ? Что! — допрашиваетъ матушка.

И такъ далѣе.

Наконецъ, кой-какъ шумъ угомоняется. Семейство собирается въ залѣ около самовара. Сестра, еще неумытая, выходитъ къ чаю въ кофтѣ на-распашку и въ юпкѣ. Къ чаю подаютъ деревенскія замороженныя сливки, которыя какимъ-то способомъ умѣютъ оттаивать.

— Вотъ бѣлый хлѣбъ въ Москвѣ такъ хорошъ! — хвалитъ матушка, разрѣзывая пятикопѣечный калачъ на кусочки:—только и кусается же! Что, каково нынче на дворѣ? — обращается она къ прислуживающему лакею.

— Сегодня, кажется, еще лютѣе вчерашняго морозъ.

— Ахъ, прахъ побери! всѣхъ кучеровъ переморозили. Что Алемпій? какъ?

— Гусинымъ жиромъ и уши, и носъ, и щеки мазали. Очень ужъ шибко захватило.

— А онъ бы больше дрыхнулъ на козлахъ. Сидитъ да носомъ клюетъ. Нѣтъ чтобы снѣгомъ потереть лицо. Какъ мы сегодня къ Урсиловымъ поѣдемъ, и не придумаю!

— Ахъ, маменька, непремѣнно надо ѣхать! Я ужъ мазурку обѣщала! — настаиваетъ сестра.

— Знаю, что надо... Этотъ тамъ будетъ... предметъ-то твой...

— Какой же это предметъ... старикъ!

— Ну, что за старикъ! Кабы онъ... да я бы, кажется, обѣими руками перекрестилась! А какая это Соловкина — халда: такъ вчера

и вьется около *него*, такъ и юлитъ. Изъ кожи для своей горбуши Вѣрки лѣзетъ! Всѣхъ заханать готова.

— Мнѣ, маменька, какое платье сегодня готовить?

— А барежевое диконькое... нечего очень-то рядиться! Не Богъ знаетъ какое „парѐ“ (paré), простой вечерокъ... Признаться сказать, скученько-таки у Уриловыхъ. Ужинать-то дадутъ ли? Вонъ, вчера у Соловкиныхъ даже закуски не подали. Пріѣхали домой голодныя.

— По моему, ужъ совсѣмъ лучше ужинать не подавать, чѣмъ намедни съ у Голубовицкихъ—сосиски съ кислой капустой!

— Что-жъ, сосиски, ежели онѣ...

— Ну, нѣтъ! я и не притронулась. Да, чтобъ не забыть: меня, маменька, вчера Обрящинъ спрашивалъ, можно ли ему къ намъ пріѣхать? Я... позволила...

— Пускай ѣздитъ. Признаться сказать, не нравится мнѣ твой Обрящинъ. Такъ, фардыбака. Ни наслѣдственнаго, ни пріобрѣтеннаго, ничего у него нѣтъ. Ну, да для счета и онъ сойдетъ.

Начинаютъ судачить вилотную. Перебираютъ по очереди всѣхъ знакомыхъ и не обрѣтаютъ ни одного достойнаго. Наконецъ, отдавши долгъ темпераменту, расходятся по угламъ до часа.

Въ часъ или выѣзжаютъ, или ожидаютъ визитовъ. Въ послѣднемъ случаѣ сестра выходитъ въ гостиную, держа въ одной рукѣ французскую книжку, а въ другой—ломоть чернаго хлѣба (завтрака въ нашемъ домѣ не полагается), и садится, поджавши ноги, на диванъ. Она слегка нащипываетъ себѣ щеки, чтобы онѣ казались румяными.

Чу! кто-то пріѣхалъ.

Входитъ Кононъ и возглашаетъ:

— Петръ Павлычъ Обрящинъ!

Сестра поспѣшно прячетъ хлѣбъ въ ящикъ стола и оправляется.

— А! мсьё Обрящинъ! садитесь! Maman сейчасъ придетъ.

Обрящинъ—молодой человѣкъ, ничѣмъ особенно не выдающійся. Онъ тоже принадлежитъ къ среднему дворянству, а состояніе имѣетъ очень умѣренное. Но такъ какъ онъ служитъ въ канцеляріи московскаго главнокомандующаго (такъ назывался нынѣшній генералъ-губернаторъ), то это открываетъ ему доступъ въ семейные дома. Какъ на завидную партію на него никто не смотритъ, но для счета, какъ

говоритъ матушка, и онъ пользуется званіемъ „жениха“. Многіе даже завидуютъ ему, потому что онъ, въ качествѣ чиновника канцеляріи, имѣетъ доступъ на балы у главнокомандующаго; а балы эти, въ глазахъ дворянъ средней руки, представляются чѣмъ-то недосягаемымъ. Одѣтъ чистенько, танцуетъ всѣ танцы и крошѐчку болтаетъ по-французски.

— Мсьё Обрящинъ!—восклицаетъ, въ свою очередь, матушка, появляясь въ дверяхъ:—вотъ обрадовали!

Начинается свѣтскій разговоръ.

— Не правда ли, какъ вчера у Соловкиныхъ было пріятно?—говоритъ матушка: — и какая эта Прасковья Михайловна милая! Какъ умѣетъ занять гостей, оживить!

— Помилуйте! даетъ вечера, а въ квартирѣ повернуться негдѣ! —отвѣчаетъ Обрящинъ.

— Мы, пріѣзжіе, и всѣ такъ живемъ. И рады бы попросторнѣе квартирку найти, да нѣтъ ихъ. Но Вѣрочка Соловкина—это очарованіе!

— Горбатое!

— Ахъ, какой вы критиканъ, сейчасъ замѣтите! Правда, что у нея какъ будто горбикъ, но за то личико, коса... ахъ, какая коса!

— Отъ цирульника Остроумова съ Гороховаго-Поля. Волосы покупаетъ у цирульника, а наряды шьетъ въ Хамовникахъ у мадамъ Курышкиной.

— Однако, попасться къ вамъ на язычокъ... А я такъ слышала, что Вѣрочка и вы...

Матушка грозитъ Обрящину пальчикомъ и шаловливо приговариваетъ:

— Мовѐтка!

— Увольте, ради Христа!—отрекается молодой человѣкъ:—что называется, ни кожи...

— Ахъ оставьте! съ вами просто опасно! Скажите лучше, давно вы были у нашего добраго главнокомандующаго?

— Не далѣе какъ на прошлой недѣлѣ онъ [illegible] Были только свои... Потанцовали, потомъ сервировали ужинъ... Кстати: объясните, отчего Соловкина только [illegible] ужинать?

— А вы и это замѣтили... Злой вы! Ну, [illegible]

разъ покушаете. А на балахъ у главнокомандующаго вы тоже бываете? Я слышала, это волшебство!

— Особенной роскоши нѣтъ; напротивъ, все очень просто... Но эта простота!.. Въ томъ-то весь и секретъ настоящихъ вельможъ, что съ перваго взгляда видно, что люди каждый день такой „простотой“ пользуются!

— И намъ князь Колюшанскій обѣщалъ приглашенье достать...

— Но отчего же вы не обратились ко мнѣ? я бы давно съ величайшей готовностью... Помилуйте! я самъ сколько разъ слышалъ, какъ князь *) говорилъ: всякій дворянинъ можетъ войти въ мой домъ, какъ въ свой собственный...

— Ну, всякій, не всякій...

— Конечно, не всякій—это только façon de parler... Но вы... развѣ тутъ можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе!

— Благодарю васъ. Такъ вы постараетесь?

— Непремѣнно-съ.

Поболтавши еще минутъ пять, Обрящинъ откланивается. На смѣну является Прасковья Михайловна Соловкина съ дочерью, тѣ самыя, которыхъ косточки такъ тщательно сейчасъ вымыли.

— Ахъ, Прасковья Михайловна! Вѣра Владиміровна! вотъ обрадовали!

— Вѣрочка! quelle charmante surprise!

— Не говорите! И то хотѣла до завтра отложить... не могу! Такъ я васъ полюбила, Анна Павловна, такъ полюбила! Давно ли, кажется, мы знакомы, а такъ къ вамъ и тянетъ!

— И насъ взаимно. Знаете ли, есть что-то такое... сродство, что-ли, называется... Иногда и не слыхивали люди другъ о дружкѣ —и вдругъ...

— Вотъ именно это самое.

Дамы цѣлуются; дѣвицы удаляются въ залъ, обнявшись ходятъ взадъ и впередъ и шушукаются. Соловкина—разбитная дама, слегка смахивающая на торговку; Вѣрочка дѣйствительно съ горбикомъ, но лицо у нея пріятное. Семейство это принадлежитъ къ числу тѣхъ,

*) Подразумѣвается князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, тогдашній московскій главнокомандующій.

которые, какъ говорится, послѣднюю копѣйку готовы ребромъ поставить, лишь бы себя показать и на людей посмотрѣть.

— А у насъ сейчасъ мсьё Обрящинъ былъ,—возвѣщаетъ матушка:—ахъ, какой милый!

— Не знаю... не люблю я его! — отвѣчаетъ Соловкина, предчувствуя, что шла рѣчь о ея вчерашнемъ вечерѣ.

— Что такъ?

— Да наглый. Втерся къ намъ ужъ и сама не знаю какъ... ѣстъ, пьетъ...

— А онъ объ васъ съ такимъ участіемъ... Между нами: Вѣрочка, кажется, очень ему нравится...

— Далеко кулику до Петрова дня!

— Но почему-жъ бы?..

— Да такъ.

— Онъ намъ обѣщалъ приглашеніе на первый балъ къ главнокомандующему достать.

— Будете ждать, долго не дождетесь. Онъ въ прошломъ году цѣлую зиму насъ такъ-то водилъ.

— Да вѣдь онъ туда вхожъ?

— Въ лакейской дежуритъ.

— Ахъ, что вы! будто ужъ и въ лакейской! А впрочемъ, не онъ, такъ другой достанетъ. А какое на Вѣрочкѣ платье вчера прелестное было! гдѣ вы заказываете?

— Тамъ же, гдѣ и всѣ. Бальныя — у Сихлерши, попроще — у Делавосъ...

— А я слышала, въ Хамовникахъ портниха Курышкина есть...

Соловкина слегка зеленѣетъ, но старается казаться равнодушною.

— Не знаю, не слыхала такой,—говоритъ она сквозь зубы.

— Не говорите, Прасковья Михайловна! и между русскими бываютъ... преловкія! Конечно, противъ француженки...

— Я у русскихъ не заказываю.

— Въ Петербургѣ Соловьева—даже гремитъ.

— Не знаю, не знаю, не знаю.

Соловкина окончательно зеленѣетъ и сокращаетъ визитъ.

— Итакъ, до свиданья,—говоритъ она, поднимаясь.—До пятницы.

— Ваши гостьи. Да что-жъ вы такъ скоро? посидѣли бы!

— И рада бы, да не могу... Аншанте! До пятницы. Дочку привозите. Мьё Обрящинъ будетъ! — въ заключеніе язвитъ гостья на прощанье.

За Соловкиными слѣдуютъ Голубовицкіе, за Голубовицкими— Мирзохановы и т. д. Всѣ остаются по нѣскольку минутъ, и со всѣми ведется свѣтскій разговоръ одинаковаго пошиба. Около трехъ часовъ, если визиты перемежились, матушка кричитъ въ переднюю:

— Не принимать никого! обѣдать!

Но иногда случается, что, вслѣдствіе этой поспѣшности, приходится отказать интересному кавалеру; тогда происходятъ сцены раскаянья, что слишкомъ рано поспѣшили закрыть утро.

— Это все ты! — укоряетъ матушка отца: — обѣдать да обѣдать! Кто нынче въ три часа обѣдаетъ!

И затѣмъ, обращаясь заочно къ интересующему гостю, продолжаетъ:

— И лукавый его въ эту пору принесъ! Кто въ четвертомъ часу съ визитами ѣздитъ! Лови его теперь! Рыскаетъ по Москвѣ, Христа славитъ.

Обѣдъ представлялъ собой подобіе малиновецкаго и почти сплошь готовился изъ деревенской провизіи. Даже капусту кислую привозили изъ деревни, и щи варили, въ большинствѣ случаевъ, съ мерзлой бараниной или съ домашней птицей. Говядину покупали рѣдко и тоже мерзлую. Дурной былъ обѣдъ, тяжелый, малопитательный. Впрочемъ, такъ какъ сестра, и безъ того наклонная къ тучности, постоянно жаловалась, что у нея, послѣ такого обѣда, не стягивается корсетъ, то для нея готовили одно или два блюда полегче. За обѣдомъ повторялись тѣ же сцены и велся тотъ же разговоръ, что и въ Малиновцѣ, а отобѣдавши всѣ ложились спать, въ томъ числѣ и сестра, которая была убѣждена, что послѣобѣденный сонъ на весь вечеръ дастъ ей хорошій цвѣтъ лица.

Этого „хорошаго цвѣта лица“ она добивалась страстно и жертвовала ради него даже удобствами жизни. Обкладывала лицо творогомъ, привязывала къ щекамъ сырое говяжье мясо и, обвязанная тряпками, еле дыша, ходила по цѣлымъ часамъ.

Съ шести часовъ матушка и сестра начинали приготовляться къ вечернему выѣзду. Утренняя бѣготня возобновлялась съ новой силой. Битыхъ три часа сестра не отходитъ отъ зеркала, отдѣлывая лицо,

шнуруясь и примѣряя платье за платьемъ. Безпрерывно изъ ея спальни въ спальню матушки перебѣгаетъ горничная за приказаніями.

— Барышня спрашиваютъ, какую имъ ленту надѣть?

— Барышня спрашиваютъ, надѣвать ли локоны, или гладко причесаться?

— Барышня спрашиваютъ, для большого или малаго декольте имъ шею мыть?

— Шпилекъ! булавокъ несите!—раздается по корридору:—оглохли!

Когда туалетъ конченъ, происходитъ получасовое оглядываньe себя передъ зеркаломъ, принятіе различныхъ позъ, приѣданіе, и проч. Если вечеръ, на который ѣдутъ, принадлежитъ къ числу „parè“, то изъ парикмахерской является подмастерье и убираетъ сестрицыну голову.

— Шпили!—командуетъ подмастерье (Ивашка изъ крѣпостныхъ), подражая хозяину французу.

— Пропасти на васъ нѣтъ!—кричитъ изъ своего угла отецъ, котораго покой безпрерывно возмущается общей бѣготнею.

— Ну, батюшка, не прогнѣвайся!—откликается ему матушка.

Наконецъ вдругъ, словно по манію волшебства, все утихло. Уѣхали. Дѣвушки въ послѣдній разъ стрѣлой пробѣжали изъ лакейской по корридору и словно въ воду канули. Отецъ выходитъ въ залъ и одиноко пьетъ чай.

— Что, какъ на дворѣ?—спрашиваетъ онъ камердинера Степана, который прислуживаетъ за столомъ.

— Вызвѣздило. Морозъ лютый ночью будетъ.

— Ну, зима нынче. Того гляди, всѣхъ людей поморозятъ, ѣздивши по гостямъ.

Отецъ вздыхаетъ. Одиночество, какъ ни привыкай къ нему, все-таки не весело. Всегда онъ одинъ, а если не одинъ, то скучаетъ установившимся домашнимъ обиходомъ. Онъ старъ и боленъ, а всѣ другіе здоровы... какъ-то глупо здоровы. Бѣгаютъ, суетятся, болтаютъ, сами не знаютъ, зачѣмъ и о чемъ. А теперь вотъ притихли всѣ, и еслибы не Степанъ—никого, пожалуй, и не докликался бы. Умри—и не догадаются.

— „И зачѣмъ только жениться было!“—мысленно восклицаетъ онъ, забывая, что у него отъ этого брака ужъ куча дѣтей.

Вспоминается ему, какъ онъ покойно и тихо жилъ съ сестрицами, какъ никто тогда не шумѣлъ, не гамѣлъ, и всякій дѣлалъ свое дѣло, не торопясь. А главное, воля его была для всѣхъ закономъ, и притомъ пріятнымъ закономъ. И нужно же было... Отецъ пользуется отсутствіемъ матушки, чтобы высказаться.

— „Близокъ локоть, да не укусишь“, мелькаетъ въ его умѣ пословица.—Стёпка!—обращается онъ къ слугѣ:—помнишь, какъ я холостой былъ?

— Какъ, сударь, не помнить!

— Хорошо тогда было! а?

— Ужъ такъ-то хорошо, такъ хорошо, что, кажется, кабы...

— Тихо, смирно, всего вдоволь. Эхма! правду пословица говоритъ: отъ добра добра не ищутъ. А я искалъ. За это Богъ меня и наказалъ.

— Это точно, что...

Бьетъ десять. Старикъ допиваетъ послѣднюю чашку и начинаетъ чувствовать, что глаза у него тяжелѣютъ. Пора и на боковую. Завтра у Власія главный престольный праздникъ, надо къ заутренѣ поспѣть.

— Узналъ, будутъ ли пѣвчіе?—спрашиваетъ отецъ.

— Узналъ-съ. Сказали, что пѣвчіе за поздней обѣдней будутъ пѣть, а за заутреней и за ранней обѣдней—дьячки.

— Ну, и дьячковъ послушаемъ. А дьяконъ свой или наемный будетъ служить?

— Дьякона изъ Чудова монастыря пригласили. А свой за второго пойдетъ.

— Какой это чудовскій дьяконъ? рыжеватый, что-ли?

— Не могу знать-съ.

— Должно быть, онъ.

Отецъ встаетъ изъ-за стола и старческими шагами направляется въ свою комнату. Комната эта неудобна; она находится возлѣ лакейской и довольно холодна, такъ что старикъ постоянно зябнетъ. Онъ медленно раздѣвается и, удостовѣрившись, что выданные ему на заутреню два мѣдныхъ пятака лежатъ въ цѣлости около настольнаго зеркала, ложится спать.

— Въ четыре часа меня разбудить,—наказываетъ онъ Степану:—а дѣвкамъ скажи, чтобы не гамѣли.

Между часомъ и двумя ночи матушка съ сестрой возвращаются домой.

Дни проходятъ за днями, одинаковые и по формѣ, и по содержанію. Къ концу, впрочемъ, сезонъ замѣтно оживляется. Съ Рождества въ Благородномъ Собраніи начинаются балы и періодически чередуются вплоть до самаго поста. Изъ нихъ самымъ важнымъ считается утренній балъ въ субботу на масляницѣ. Для дѣвицъ-невѣстъ это нѣчто въ родѣ экзамена. При дневномъ свѣтѣ притиранья сейчасъ же скажутся, такъ что дѣвушка по-неволѣ является украшенная тѣми дарами, какіе даны ей отъ природы. Да и нарядъ необходимо имѣть совсѣмъ свѣжій, а не подправленный изъ старенькаго.

Билеты для входа въ Собраніе давались двоякіе: для членовъ и для гостей. Хотя послѣдніе стоили всего пять рублей ассигнаціями, но матушка и тутъ ухитрялась, въ большинствѣ случаевъ, проходить даромъ. Такъ какъ дядя былъ изстари членомъ Собранія и его пропускали въ залъ безпрепятственно, то онъ передавалъ свой билетъ матушкѣ, а самъ входилъ безъ билета. Но былъ однажды случай, что матушку чуть-чуть не изловили съ этой продѣлкой, и еслибы не вмѣшательство дяди, то вышелъ бы изрядный скандалъ.

— Мать-то! мать-то вчера обмишулилась!—въ восторгѣ разсказывалъ братъ Степанъ:—явилась съ дядинымъ билетомъ. а ее цапъ-царапъ! Кабы не дядя, ночевать бы ей съ сестрой на съѣзжей!

Тѣмъ не менѣе, несмотря на ежедневные выѣзды и массу денегъ, потраченныхъ на покупку нарядовъ, о женихахъ для сестры было не слышно.

— И куда они запропастились!—роптала матушка.—Вотъ говорили: въ Москвѣ женихи! женихи въ Москвѣ! а на повѣрку выходитъ пшикъ—только и всего. Цѣлую прорву деньжищъ зря разбросали, лошадей, ѣздивши по магазинамъ, измучили, и хоть бы тѣ одинъ.

Матушка, впрочемъ, уже догадывалась, что въ Москвѣ не путемъ выѣздовъ добываются женихи, и что существуютъ другія дороги, не столь блестящія, но болѣе вѣрныя. Въ скоромъ времени она и прибѣгла къ этимъ путямъ, но съ этимъ предметомъ я предпочитаю подробнѣе познакомить читателя въ слѣдующей главѣ.

Матушка званыхъ вечеровъ не давала, ссылаясь на тѣсноту помѣщенія. Да и дѣйствительно было бы странно видѣть танцующія

пары въ миніатюрной квартиркѣ, въ которой и „свои“ едва размѣщались. Впрочемъ, однажды она расщедрилась и дала, какъ говорится, ширъ на весь міръ. Въ эту зиму намъ случайно попалась квартира съ довольно просторной залей, и дядя воспользовался этимъ, чтобы уговорить матушку повеселить дочь. Затѣяли балъ. Мебель ссудилъ дядя изъ своей квартиры, посуду на прокатъ взяли, позвали кухмистера Гарихмусова, накупили конфектъ, фруктовъ и разослали приглашенія. Балъ вышелъ на славу. Пріѣхало цѣлыхъ четыре штатскихъ генерала, которыхъ и усадили вмѣстѣ за карты (говорили, что они такъ вчетверомъ и ѣздили по домамъ на балы); дядя пригласилъ цѣлую кучу молодыхъ людей; между танцующими мелькнули даже два гвардейца, о которыхъ матушка такъ-таки и не допыталась узнать, кто они таковы. Веселились до пяти часовъ утра, и потомъ долго-долго вспоминали объ этомъ балѣ, пріурочивая къ нему разныя семейныя событія.

Воскресные и праздничные дни тоже вносили нѣкоторое разнообразіе въ жизнь нашей семьи. Въ эти дни матушка съ сестрой выѣзжали къ обѣднѣ, а накануѣ большихъ праздниковъ и ко всенощной, и непремѣнно въ одну изъ модныхъ московскихъ церквей.

Модными церквами въ то время считались: Старое-Вознесенье, Никола Явленный и Успенье-на-Могильцахъ. Въ первой привлекалъ богомольцевъ шикарный протопопъ, который, ходя, во время всенощной, съ кадиломъ по церковной трапезѣ, расчищалъ себѣ дорогу, восклицая: „place, mesdames!“ Заслышавъ этотъ возгласъ, дамочки поспѣшно разступались, а дѣвицы положительно млѣли. Съ помощью этой немудрой французской фразы, ловкій протопопъ успѣлъ устроить свою карьеру и прославить храмъ, въ которомъ былъ настоятелемъ. Церковь была постоянно полна народа, а изворотливый настоятель приглашался съ требами во всѣ лучшіе дома и ходилъ въ шолковыхъ рясахъ. У Николы Явленнаго настоятелемъ былъ протопопъ, прославившійся своими проповѣдями. Говорили, что онъ соперничалъ въ этомъ отношеніи съ митрополитомъ Филаретомъ, что послѣдній завидовалъ ему и даже принуждалъ постричься, такъ какъ онъ былъ вдовъ. И дѣйствительно, въ концѣ концовъ, онъ перешелъ въ монашество, быстро прошелъ всѣ степени іерархіи и былъ назначенъ куда-то далеко епархіальнымъ архіереемъ. Что касается до церкви Успенья-на-Могильцахъ, то она славилась своими пѣвчими.

Помнится, что тамъ по праздникамъ пѣвалъ крѣпостной хоръ Ровинскаго.

Матримоніальныя цѣли и тутъ стояли на первомъ планѣ. На сестру надѣвали богатый куній салопъ съ большой соболей пелериной, спускавшейся на плечи. Покрытъ былъ салопъ, какъ сейчасъ помню, блѣдно-лиловымъ атласомъ.

Выѣзды къ обѣднѣ представлялись тоже своего рода экзаменомъ, потому что происходили при дневномъ свѣтѣ. Сестра могла только слегка подсурмить брови и, ѣдучи въ церковь, усерднѣе обыкновеннаго нащипывала себѣ щеки. Стояли въ церкви чинно, въ извѣстные моменты плавно опускались на колѣни и усердно молились. Казалось, что вся Москва смотритъ.

Разумѣется, по окончаніи службы, встрѣчаются со знакомыми и начинается болтовня.

— Ахъ, какую онъ сегодня проповѣдь сказалъ! еще крошечку —и я разрыдалась бы!—слышится въ одномъ мѣстѣ.

— Какъ это? какъ онъ выразился? „И всегда, и вездѣ—Онъ повсюду съ нами!“ Ахъ, какая это святая правда! — раздается въ другомъ.

— А вы замѣтили, ma chère, гусара, который подлѣ праваго крылоса стоялъ?—шушукаются между собой дѣвицы:—это гвардеецъ. Изъ Петербурга, князь Телепневъ-Оболдуй. Двѣнадцать тысячъ душъ, ma chère! двѣ-над-цать!

— Joli!

— И все въ Тульской, да въ Орловской, да въ Курской губерніяхъ! Вообще, гдѣ хлѣбъ...

— Вотъ кабы... — потихоньку шепчетъ матушка, прислушавшись къ разговору и любовно посматривая на дочку-любимку.

Начинается разъѣздъ, который иногда длится полчаса. Усѣвшись въ возокъ, матушка упрекаетъ сестрицу.

— Какая ты, однакожъ, Наденька, рохля! Смотритъ на тебя генералъ этотъ... какъ бишь?—а ты хоть бы глазомъ на него повела.

— Вотъ еще! стану я... старикъ!

— Нечего: старикъ! жениховъ-то не непочатый уголъ; разъ-другой, и обчелся. Привередничать-то бросить надо, не вѣкъ на шеѣ у матери сидѣть.

— Не пойду я за старика.

— А не пойдешь, такъ и сиди въ дѣвкахъ. Ты знаешь ли, старикъ-то что̀ значитъ? Молодой-то пожилъ съ тобой—и пропалъ по гостямъ, да по клубамъ, да по цыганамъ. А старикъ дома сидѣть будетъ, не надышется на тебя! И наряды, и уборы... всѣмъ на свѣтѣ для молодой жены пожертвовать готовъ!

— Какъ папенька, напримѣръ...

— Ну, что̀ папеньку трогать! Папенька самъ по себѣ. Я правду ей говорю, а она: „папенька“...

И т. д.

Возвратясь домой, нѣкоторое время прикидываются умиротворенными, но за часомъ, который по праздникамъ пьютъ послѣ обѣдни, опять начинаютъ судачить. Отецъ, какъ ни придавленъ домашней дисциплиной, но и тотъ, наконецъ, не выдерживаетъ.

— Какъ это у васъ языки не отсохнутъ!—кричитъ онъ:—съ утра до вечера только и дѣла, что сквернословятъ!

При этомъ упрекѣ сестрица съ шумомъ встаетъ изъ-за стола, усаживается къ окну и начинаетъ смотрѣть на улицу, какъ проѣзжаютъ кавалеры, которые по праздникамъ обыкновенно бѣснуются съ визитами. Смотрѣніе въ окно составляетъ любимое занятіе, которому она готова посвятить цѣлые часы.

— Что̀ въ окно глазѣешь? жениховъ высматриваешь?—язвитъ отецъ, который не долюбливаетъ старшую дочь именно потому, что матушка балуетъ ее.

— И буду смотрѣть! Вамъ что за дѣло!—огрызается сестрица.

— Вотъ какъ отцу она отвѣчаетъ!

— А вы не троньте меня, и я васъ не трону!

— Ахъ ты...

— Сидѣли бы у себя въ углу!..

— Надинъ! финиссе! — вступается матушка, не желая, чтобы подобныя сцены происходили „девàнъ лѐ жанъ“.

Въ воскресенье, послѣдній день масляницы, ровно въ полночь, циклъ московскихъ увеселеній круто обрывался. Въ этотъ день у главнокомандующаго назначался „folle journée“; но такъ какъ попасть въ княжескія палаты для дворянъ средней руки было трудно, то послѣдніе заранѣе узнавали, не будетъ ли такихъ же folles journées у знакомыхъ. Семья, которой не удавалось заручиться послѣд-

нимъ масляничнымъ увеселеніемъ, почитала себя несчастливою. Цѣлый день ей приходилось проводить дома въ полномъ одиночествѣ, слоняясь безъ дѣла изъ угла въ уголъ и утѣшая себя развѣ тѣмъ, что воскресенье, собственно говоря, уже начало поста, такъ какъ въ церквахъ въ этотъ день кладутъ поклоны и читаютъ „Господи, Владыко живота“.

Въ чистый понедѣльникъ великій постъ сразу вступалъ въ свои права. На всѣхъ перекресткахъ раздавался звонъ колоколовъ, которые какъ-то особенно уныло перекликались между собой: улицы къ часу ночи почти мгновенно затихали, даже разносчики появлялись рѣдко, да и то особенные, свойственные посту; въ домахъ слышался запахъ коноплянаго масла. Словомъ сказать, все какъ бы говорило: нечего заживаться въ Москвѣ! все, что она могла дать, уже взято!

Въ понедѣльникъ же, съ ранняго утра матушка начинаетъ торопиться сборами. Ей хочется выѣхать не позже среды—послѣ ранняго обѣда, чтобъ успѣть хоть на кончикѣ застать у Троицы-Сергія меѳимоны. Съ часу на часъ ожидаютъ изъ деревни подводъ; Стрѣлкова командируютъ въ Охотный рядъ за запасами для деревни, и къ полудню онъ уже является въ большихъ саняхъ, нагруженныхъ мукой, крупой и мерзлой рыбой. Въ нашемъ домѣ, въ великій постъ, не подается на столъ скоромнаго, а отецъ кушаетъ исключительно грибное, и только въ Благовѣщенье да въ Вербное Воскресенье позволяетъ себѣ рыбу. Тѣ же хлопоты, которыя сопровождали пріѣздъ въ Москву, начинаются и теперь. Безпрерывно слышится хлопанье наружными дверями, въ комнатахъ настужено, не метено, на полахъ отпечатлѣлись слѣды сапоговъ, подбитыхъ гвоздями; и матушка, и сестра цѣлые дни ходятъ неодѣтыя. Одинъ отецъ остается равнодушенъ къ общей кутерьмѣ и ходитъ исправно въ церковь ко всѣмъ службамъ.

— Подводы пріѣхали!—докладываютъ матушкѣ.

Наконецъ, все прибрано и уложено. Въ среду утромъ служатъ напутственный молебенъ. Въ передней спозаранку толчется Стрѣлковъ, которому матушка отдаетъ послѣднія приказанія. Наскоро обѣдаютъ и спѣшатъ выѣхать, оставивъ часть дворни и подводъ для очистки квартиры и отправки остальныхъ вещей.

Но дорога до Троицы ужасна, особливо если масляница поздняя.

Она представляетъ собой цѣлое море ухабовъ, которые въ оттепель до половины наполняются водой. Приходится ѣхать шагомъ, а такъ какъ путешествіе совершается на своихъ лошадяхъ, которыхъ жалѣютъ, то первую остановку дѣлаютъ въ Большихъ-Мытищахъ. отъѣхавши едва пятнадцать верстъ отъ Москвы. Такого же размѣра станціи дѣлаются и на слѣдующій день, такъ что къ Троицѣ поспѣваютъ только въ пятницу около полудня, избитые, замученные.

У Троицы вынимаются чемоданы и повторяются тѣ же сцены. какъ и въ Москвѣ передъ выѣздами на вечера. На меѳимоны съѣзжается „вся Москва“ и ударить себя лицомъ въ грязь было бы непростительно. Одѣваются въ особыя „дорожныя“ платья, очень щеголеватыя, и на отдохнувшихъ лошадяхъ отправляются въ возкѣ (четверней въ рядъ, по дорожному) въ монастырь. Церковь биткомъ набита, едва можно пробраться, при содѣйствіи Копона. который идетъ впереди, безстрашно пуская въ ходъ локти. Подъ сводами храма раздается: *Помощникъ и Покровитель*... Отецъ молитвенно складываетъ руки; у матушки отъ умиленія слезы на глазахъ.

А вотъ и Голубовицкіе, и Гурины. и Соловкины—всѣ! Даже мсьё Обрящинъ тутъ—est-ce possible! Такъ что едва произнесено послѣднее слово „отпуска“, какъ уже по всей церкви раздаются восклицанія:

— Вы! какими судьбами?

— Въ деревню! пора!

— Парники набивать время!

— У насъ еще молотьба не кончена!

— А у насъ скотный дворъ сгорѣлъ. Пугнуть надо.

— Но какъ сегодня пѣли! я и не знала, гдѣ я: на небесахъ или на землѣ!..

Отъ Троицы дорога идетъ ровнѣе, а съ послѣдней станціи даже очень порядочная. Снѣгъ ужъ настолько осѣлъ, что мѣстами можно по наста проѣхать. Лошадей перепрягаютъ „гусемъ“, и онѣ бѣгутъ веселѣе, словно понимаютъ, что надолго избавились отъ московской суеты и многочасныхъ дежурствъ у подъѣздовъ по ночамъ. Переѣзжая кратчайшимъ путемъ черезъ озеро, путники замѣчаютъ, что оно начинаетъ синѣть.

Наконецъ!.. Послѣднюю „чужую“ деревню проѣхали... Вотъ

промелькнула Тараканиха, самая дальняя наша пустошь, вотъ Столбы, вотъ Свѣтлички, а вотъ и Малиновецъ!

Отецъ вылѣзаетъ у подъѣзда изъ возка, крестится на церковь и спрашиваетъ, были ли службы на первой недѣлѣ. Матушка тоже крестится и произноситъ:

— Ну, слава Богу, дома!

Только сестрица недовольна и сердито цѣдитъ сквозь зубы:

— Опять этотъ Малиновецъ... ахъ, противный! Господи! Да когда же, наконецъ! когда же!..

XV.—Сестрицыны женихи.—Стриженый.

Сестрица Надина была старшей въ нашей семьѣ. Ее нельзя было назвать красивою; справедливѣе говоря, она была даже дурна собой. Рыхлая, съ старообразнымъ лицомъ, лишеннымъ живыхъ красокъ, съ мягкимъ, мясистымъ носомъ, словно смятый башмакъ. выступавшимъ впередъ, и большими сѣрыми глазами, смотрѣвшими неласково,—она не могла производить впечатлѣнія на мужчинъ. Только ростъ у нея былъ хорошій и она гордилась этимъ, но матушка справедливо ей замѣчала: „на одномъ ростѣ, матушка, не далеко уѣдешь“. Матушка страстно любила своего первенца—дочь, и отсутствіе красоты очень ее заботило. Въ особенности вредило сестрѣ сравненіе съ матушкой, которая, несмотря на то, что ей шло ужъ подъ-сорокъ, и что хозяйственная сутолока наложила на нее свою руку, все еще сохранила слѣды замѣчательной красоты. Сестра знала это и страдала. Иногда она даже очень грубо выражала матушкѣ свое нетерпѣніе по этому поводу.

— Вы все около меня торчите!—говорила она:—не вамъ выходить замужъ, а мнѣ.

— Не могу же я оставить тебя одну, — оправдывалась матушка.

— Попробуйте!

За то сестру одѣвали какъ куколку и приготовляли богатое приданое. Старались дѣлать послѣднее такъ, чтобы всѣ знали, что

въ такомъ-то домѣ есть богатая невѣста. Кромѣ того, матушка во всеуслышанье объявляла, что за дочерью триста незаложенныхъ душъ и надежды въ будущемъ.

— Умремъ, ничего съ собой не унесемъ, — говорила она: — пока съ нея довольно, а потомъ, если зять будетъ ласковъ, то и еще наградимъ.

Какъ я уже сказалъ выше, матушка очень скоро убѣдилась, что на балахъ да на вечерахъ любимица ея жениха себѣ не добудетъ, и что успѣха въ этомъ смыслѣ можно достигнуть только съ помощью экстраординарныхъ средствъ. Къ нимъ она и прибѣгла.

И вотъ, нашъ домъ наполнился свахами. Между ними на первомъ планѣ выступала Авдотья Гавриловна Мутовкина, старуха лѣтъ шестидесяти, которая еще матушку въ свое время высватала. На нее матушка особенно надѣялась, хотя она болѣе вращалась въ купеческой средѣ и по преклонности лѣтъ уже не обладала надлежащимъ проворствомъ. Были и сваты, хотя для мужчинъ это ремесло считалось нѣсколько зазорнымъ. Изъ числа послѣднихъ мнѣ въ особенности памятенъ сватъ Родивонычъ, низенькій, плюгавенькій старикъ, съ большимъ сизымъ носомъ, изъ котораго выглѣзалъ цѣлый пукъ жесткихъ волосъ. Онъ сватали все что̀ угодно: и имѣнія, и вещи, и жениховъ, а кромѣ того и порученія всевозможныя (а въ томъ числѣ и зазорныя) исполнялъ. Съ перваго же взгляда на его лицо было очевидно, что у него постояннаго занятія нѣтъ, что̀, впрочемъ, онъ и самъ подтверждалъ, говоря:

— Настоящей жизни не имѣю: такъ кой около чего колочусь! Вы покличете, другой покличетъ, а я и вотъ онъ-онъ! Съ мѣсяцъ назадъ, одинъ купецъ говоритъ: „слетай, Родивонычъ, за меня нѣшкомъ къ Троицѣ помолиться; пообѣщалъ я, да недосугъ“... Что-жъ, отчего не сходить — сходилъ! Безъ обману всѣ шестьдесятъ верстъ на своихъ на двоихъ отрапортовалъ!

Или:

— А однажды вотъ какое истинное происшествіе со мною было. Зазвалъ меня одинъ купецъ вмѣстѣ купаться, да и заставилъ нырять. Вцѣпился въ меня посередь рѣки, взялъ за волосы да и перегибаетъ. Разъ окунулъ, другой, третій... у меня даже зеленые круги въ глазахъ пошли... Спасибо, однако, синюю бумажку потомъ вынулъ!

Матушка такъ и покатывалась со смѣху, слушая эти разсказы,

и я даже думаю, что его принимали у насъ не столько для „дѣла“, сколько ради „истинныхъ происшествій“, съ нимъ случавшихся.

Но, помимо свахъ и сватовъ, Стрѣлкову и нѣкоторымъ изъ заболотскихъ богатѣевъ, имѣвшимъ въ Москвѣ торговыя дѣла, тоже приказано было высматривать, и если окажется подходящій человѣкъ, то немедленно доложить.

Отъ времени до времени, съ ранняго утра у насъ проходила цѣлая процессія матримоніальныхъ дѣлъ мастерицъ.

— Севастьяновна въ дѣвичьей дожидается, — докладываетъ горничная.

— Зови.

Входитъ тоненькая, обшарпанная старуха, рябая, съ попорченнымъ осною глазомъ. Одѣта бѣдно; на головѣ новойникъ, на плечахъ старый порыжѣлый драдедамовый платокъ.

Матушка затворяется съ нею въ спальнѣ; сестрица потихоньку подкрадывается къ двери и прикладываетъ ухо.

Начинается фантастическое безстыжее хвастовство, въ которомъ есть только одно смягчающее обстоятельство: невозможность опредѣлить, преднамѣренно ли лгутъ собесѣдники, или какимъ-то волшебнымъ процессомъ сами убѣждаются въ дѣйствительности того, о чемъ говорятъ.

— Опять съ шишиморой пришла?—начинаетъ матушка.

— Вотъ ужъ нѣтъ! Это точно, что въ прошлый разъ... виновата, сударыня, промахнулась!.. Ну, а теперь такого-то размолодчика присмотрѣла... на рѣдкость! И изъ себя картина, и имѣніе есть... Словомъ сказать...

— Кто таковъ?

— Перепетуевъ маіоръ. Можетъ, слыхали?

— Нѣтъ, отъ роду такой фамиліи не слыхивала. Изъ сдаточныхъ, должно быть.

— Помилуйте, посмѣла ли бы я! Старинная, слышь, фамилія, настоящая дворянская. Еще когда Перепетуевы въ Чухломѣ имѣніями владѣли. И онъ: зимой въ Москву пріѣзжаетъ, а лѣтомъ въ имѣніяхъ распоряжается.

— Старъ?

— Нельзя сказать. Немолодъ, да и не перестарокъ, лѣтъ сорокъ-пять, не больше.

— Не надо. Всѣ пятьдесятъ—это вѣрно.

— Помилуйте! что же такое! Онъ еще въ силахъ.

Сваха шепчетъ что-то по секрету, но матушка стоитъ на своемъ.

— Не надо, не надо, не надо.

Севастьяновна уходитъ; слѣдомъ за нею является Мутовкина. Она гораздо представительнѣе своей предшественницы; одѣта въ платье изъ настоящаго терно, на головѣ тюлевый чепчикъ съ желтыми шолковыми лентами, на плечахъ новый драдедамовый платокъ. Памятуя старинную связь, Мутовкина не церемонится съ матушкой и говоритъ ей „ты“.

— Дай поснжу, устала, — начинаетъ она: — лёгко ли мѣсто, полъ-Москвы сегодня обѣгала.

— Что новенькаго?—нетерпѣливо спрашиваетъ матушка.

— Что новенькаго! Нѣтъ ничего! Пропали женихи, да и только!

— Неужто-жъ Москва клиномъ сошлась, жениховъ не стало?

— Есть, да не подъ кадрель вамъ. Даже полковникъ одинъ есть, только вдовый, шестеро дѣтей, да и зашибаетъ.

— Такого не надо.

— Знаю, что не надо, и не хвастаюсь.

Матушка задумывается. Ее серьезно тревожитъ, что, пожалуй, такъ и пройдетъ зима безъ всякаго результата. Ужъ мясоѣдъ на дворѣ; вездѣ только и разговора, что о предстоящихъ свадьбахъ, а наша невѣста сидитъ словно заколдованная. Въ воображеніи матушки рисуется некрасивая фигура любимицы-дочери, и безпокойство ея ростетъ.

— Видно, что плохо стараешься, — укоряетъ она Мутовкину. —Бьемся, бьемся, на одни наряды сколько денегъ ухлопали—и все нѣтъ ничего! Стадами по Москвѣ саврасы гогочутъ—и хоть бы одинъ!

— Обождать нужно. Добрые люди не одну зиму, а и двѣ, и три въ Москвѣ живутъ, да съ пустомъ уѣзжаютъ. А ты безъ году недѣлю пріѣхала, и ужъ вынь тебѣ да положь!

— Да неужто и на примѣтѣ никого нѣтъ?

— Сказывали намедни, да боюсь соврать.

— Кто таковъ? говори!

— Сказывали, будто на-дняхъ изъ Ростова помѣщика ждутъ. Богатый, сколько лѣтъ предводителемъ служилъ. Съ тѣмъ будто и

ѣдетъ, чтобъ безпремѣнно жениться. Вдовецъ онъ, — съ дѣтьми, вишь, сладить не можетъ.

— Ну, это еще Улита ѣдетъ, когда-то будетъ. А дѣти у него взрослыя?

— Сынъ женатый, старшая дочь тоже замужемъ.

— Старикъ?

— Нѣмолодъ. А впрочемъ, въ силахъ. Даже подъ судомъ за эти дѣла находился.

— За какія „за эти“ дѣла?

— А вотъ за эти самыя. Крѣпостныхъ дѣвицъ, слышь, безпокоилъ, а исправникъ на него и донесъ.

— Вотъ, видишь, ты язва какая! за кого сватать берешься!

— Ахъ, мать моя, да вѣдь и всѣ помѣщики на одинъ манеръ. Это только Василій Порфирычъ твой...

— Не надо. За стараго моя Надёха (въ сердцахъ матушка позволяетъ себѣ награждать сестрицу не совсѣмъ ласковыми именами и эпитетами) не пойдетъ. А тутъ еще съ дѣтьми возжайся... не надо!

— А мой совѣтъ таковъ: старый-то мужъ лучше. Любить будетъ. Онъ и дѣтей для молодой жены проклянётъ, и имѣнье на жену перепишетъ.

Но матушка не вѣритъ загадываньямъ. Она встаетъ съ мѣста и начинаетъ въ волненіи ходить по комнатѣ.

— Двадцать лѣтъ тетёхѣ, а она все въ дѣвкахъ сидитъ!— ропщетъ она.—Въ эти года я ужъ троихъ ребятъ принесла! Что-жъ, будетъ, что-ли, у тебя женихъ? или ты только такъ: шалды-балды, и нѣтъ ничего?—приступаетъ она къ свахѣ.

— Въ карманѣ не ношу.

— А коли ты взялась хлопотать, такъ хлопочи!

Разговоръ оживляется, и чѣмъ дальше, тѣмъ становится крупнѣе. Укоризны такъ и сыплются со всѣхъ сторонъ.

— Что вы, собаки, грызетесь! — слышится, наконецъ, голосъ отца изъ кабинета:—помолиться покойно не дадите!

За Мутовкиной слѣдуетъ сваха съ Плющихи: за нею — сваха изъ-подъ Новодѣвичьяго. Дѣйствующія лица мѣняются, но процессія остается одинаковою и по формѣ, и по содержанію, и длится до тѣхъ поръ, пока не подадутъ обѣдъ или матушка сама не уѣдетъ изъ дома.

Повторяю: подобныя сцены возобновляются изо дня въ день. Въ этой заглохшей средѣ, гдѣ и смолоду люди не особенно ясно сознаютъ, что̀ нравственно и что̀ безнравственно, въ зрѣлыхъ лѣтахъ совсѣмъ утрачивается всякая чуткость на этотъ счетъ. „Китейское дѣло“ — вотъ отвѣтъ, которымъ опредѣляются и оправдываются всѣ дѣйствія, всѣ рѣчи, всѣ помышленія. Языкъ во рту свой, не купленный, а мозги настолько прокоптились, что сдѣлались уже неспособными для воспринятія иныхъ впечатлѣній, кромѣ неопрятныхъ...

И вотъ, однажды является Стрѣлковъ и, кончивъ докладъ о текущихъ дѣлахъ, таинственно заявляетъ:

— Есть у меня, сударыня, на примѣтѣ...

— Кто таковъ? Не мни!

— Очень человѣкъ обстоятельный. По провіантской части въ Москвѣ начальникомъ служитъ. Ужъ и теперь въ родѣ какъ генералъ, а къ Святой, говорятъ, безпремѣнно настоящимъ генераломъ будетъ.

— Старъ?

— Не то чтобы... въ порѣ мужчина. Лѣтъ сорока-пяти, должно быть. Года середніе.

— Старенекъ.

— Нынче, сударыня, молодые-то не очень на невѣстъ льстятся.

— Холостой? вдовецъ?

— Вдовый-съ, только дѣтей не имѣютъ.

— Экономка, смотри, есть?

— Экономка...—заминается Стрѣлковъ.

— Есть ли экономка, русскимъ языкомъ тебѣ говорятъ?

— Помилуйте! они ее разсчитаютъ. Коли женятся, зачѣмъ же имъ экономка понадобится?

— То-то, чтобъ этого не было. Ты у меня въ отвѣтѣ.

Мысль объ экономкѣ слегка обезпокоиваетъ матушку; но, помолчавъ съ минуту, она продолжаетъ допросъ.

— Есть имѣніе? капиталъ?

— Имѣнія нѣтъ, почему что при должности ихней никакъ нельзя себя обнаружить. А капиталъ безпремѣнно есть.

— На лбу, что-ли, ты у него прочелъ?

— Что̀ вы, сударыня! при такой должности да капитала не имѣть! Все продовольствіе: и мука, и крупа, и горохъ, окромя всего

прочаго, все въ ихнихъ рукахъ состоитъ! Извѣстно, они и насчетъ капитала опаску имѣютъ. Узнаютъ, спросятъ, гдѣ взялъ, чѣмъ нажилъ?—и службы, храни Богъ, рѣшатъ...

— Все-таки... Вѣрнѣе надо узнать. Иной съ-три-короба тебѣ наговоритъ: капиталъ да капиталъ, а на повѣрку выйдетъ шишъ.

— Можно, сударыня, такъ сдѣлать: передъ свадьбой, чтобы они билеты показали. Чтобы безъ обману, на-лицо.

— Развѣ что такъ...

— Очень они Надежду Васильевну взять за себя охотятся. Въ церкви, у Николы Явленнаго, они ихъ видѣли. Такъ понравились, такъ понравились!

— Да ты черезъ кого узналъ? самъ, что-ли, отъ него слышалъ?

— Мнѣ нашъ мужичокъ, Лука Архипычъ Мерекловъ, сказывалъ. Онъ небольшую партію гороху ставилъ, а баринъ-то и узналъ, что онъ нашъ... Очень, говоритъ, у васъ барышня хороша.

— А фамилія какъ?

— Ѳедоръ Платонычъ Стриженый прозывается.

Матушка задумывается, какъ это выйдетъ: „Надежда Васильевна Стриженая!“ — словно бы неловко... Ишь его угораздило, какую фамилію выдумалъ! захочетъ ли еще ея „краля“ съ такой фамиліей вѣкъ вѣковать?

— Ладно,—говоритъ она:—приходи ужо, а я, между тѣмъ, переговорю. А впрочемъ, постой! не зашибаетъ ли онъ?

— Помилуйте, сударыня, зачѣмъ же! Рюмка, двѣ рюмки передъ обѣдомъ, да за чаемъ шуштъ...

— То-то, рюмка, двѣ рюмки... Иной при людяхъ еще наблюдаетъ себя, а пріѣдетъ домой да и натѐпыкается... Ну, съ Богомъ!

Съ уходомъ Стрѣлкова, матушка удаляется въ сестрицыну комнату и добрый часъ убѣждаетъ ее, что въ фамиліи „Стриженая“ ничего зазорнаго нѣтъ; что Стриженые изстари населяютъ Пензенскую губернію, гдѣ будто бы одинъ изъ нихъ даже служилъ предводителемъ.

Наконецъ, сестрица сдается; рѣшаютъ устроить смотрины, т.-е. условиться черезъ Стрѣлкова съ женихомъ насчетъ дня, и пригласить его вечеромъ за-просто на чашку чая.

Пятый часъ въ началѣ; только-что отобѣдали, а сестрица ужъ затворилась въ своей комнатѣ и повертывается передъ трюмо. Въ восемь часовъ ждутъ жениха; не успѣешь и наглядѣться на себя, какъ онъ нагрянетъ.

Сестрица заранѣе обдумала свой туалетъ. Она будетъ одѣта просто, какъ будто никто ни о чемъ ее не предупредилъ, и она *всегда дома такъ ходитъ*. Розовое тарлатановое платье съ высокимъ лифомъ, перехваченное на таліи пунцовою лентою, — вотъ и все. Въ волосахъ вплетена нитка жемчуга, на груди — брошь съ брилліантами; лента заколота пряжкой тоже съ брилліантиками. Главное, чтобъ было просто. Но не даромъ пословица говоритъ, что простота хуже воровства; сестрица отлично понимаетъ смыслъ этой пословицы, и безпрестанно крестится, чтобы обдуманная ею простота удалась.

Ее очень заботитъ, что утромъ у нея, на самой серединѣ лба, вскочилъ прыщъ. — Противный! — восклицаетъ она, чуть не плача и прикладывая палецъ къ прыщу. Но послѣдній отъ безпрестанныхъ подавливаній еще болѣе багровѣетъ. Къ счастью, матушка, какъ женщина опытная, сейчасъ нашлась, какъ помочь дѣлу.

— Надѣнь фероньерку и дѣло съ концомъ! — сказала она: — какъ разъ звѣздочка по серединѣ лба придется.

И точно: надѣла сестрица фероньерку, и вмѣсто прыща на лбу выросъ довольно крупный брилліантъ.

Къ семи часамъ вычистили залъ и гостиную, стерли съ мебели пыль, на стѣнахъ зажгли бра съ восковыми свѣчами; въ гостиной на столѣ передъ диваномъ поставили жирандоль и во всѣхъ комнатахъ накурили монашками. Въ заключеніе, раскрыли въ залѣ рояль, на пюпитръ положили ноты и зажгли по обѣ стороны свѣчи, какъ будто сейчасъ играли. Когда все было готово, въ гостиную явилась матушка, прифранченная, но тоже слегка, какъ будто она *всегда такъ дома ходитъ*. Ради гостя, и отецъ надѣлъ „хорошій“ сюртукъ, но онъ, очевидно, не принималъ дѣятельнаго участія въ общемъ ожиданіи и выполнялъ только необходимую формальность. Да и матушка не надѣялась, что онъ съумѣетъ занять гостя, и потому пригласила дядю, который, въ качествѣ ростовщика, со всякимъ народомъ водился и на всѣ руки былъ мастеръ.

— Знаю я этого Стриженаго, — сообщаетъ дядя: — въ прошломъ

году у него нехватка казенныхъ денегъ случилась, а ему дали знать, что ревизоръ изъ Петербурга ѣдетъ. Такъ онъ ко мнѣ пріѣзжалъ.

— Какъ же мнѣ сказывали, что у него большія деньги въ ломбартѣ лежатъ?—тревожится матушка:—кабы свой капиталъ былъ, онъ бы вынулъ денежки изъ Совѣта, да и пополнилъ бы нехватку.

— Есть у него деньги, и даже не маленькія, только онъ ихъ въ ломбартѣ не держитъ—процентъ малъ,—а по Москвѣ подъ залоги распускаетъ. Купецъ Погуляевъ и сейчасъ ему полтораста тысячъ долженъ—это я вѣрно знаю. Тому, другому перехватить дастъ—хорошій процентъ получитъ.

— А что, если начальство провѣдаетъ, да подъ судъ его за такія дѣла отдастъ?

— То-то, что и онъ этого опасается. Да и вообще у оборотливаго человѣка руки на службѣ связаны. Я полагаю, что онъ и жениться задумалъ съ тѣмъ, чтобы службу бросить, купить имѣніе да оборотами заняться. Получитъ къ Святой генерала и раскланяется.

— Вотъ кабы онъ имѣнье-то на имя Наденьки купилъ Да кабы въ хлѣбной губерніи...

— Можетъ быть, и купитъ, только закладную на свое имя съ нея возьметъ.

— Ну, это ужъ что!.. А что, братецъ, я хотѣла спросить. Выгодно это, деньги подъ залоги давать?

— Хлопотъ много. Не женское это дѣло; кабы ты мнѣ свой капиталъ поручила, я бы тебѣ его пристроилъ.

Дядя смотритъ на матушку въ упоръ такимъ загадочнымъ взоромъ, что ей кажется, что вотъ-вотъ онъ съ нея сниметъ послѣднюю рубашку. Въ умѣ ея мелькаетъ предсказаніе отца, что Гришка не только стариковъ капиталъ слопаетъ, но всю семью разоритъ. Припомнивши эту угрозу, она опускаетъ глаза и старается не смотрѣть на дядю.

— Нѣтъ ужъ! какой у меня капиталъ!—смиренно говоритъ она:—какой и былъ, весь на покупку имѣній извела!

— Оброки получаешь; вотъ бы по частямъ и отдавала. И всѣ съ небольшого начинаютъ:

— Какіе у меня оброки! Недоимки одинъ. Вотъ ихъ цѣлая книга исписана, пожалуй, считай! нѣтъ ужъ, я такъ какъ-нибудь...

— Какъ знаешь! Мнѣ твоихъ денегъ не нужно.

Разговоръ становится щекотливымъ; матушка боится, какъ бы дядя не обидѣлся и не уѣхалъ. Къ счастью, въ передней слышится движеніе, которое и полагаетъ предѣлъ непріятной сценѣ.

Женихъ пріѣхалъ.

Входитъ рослый мужчина, довольно неуклюже сложенный. Онъ въ мундирѣ военнаго министерства съ серебряными петлицами на высокомъ и туго-застегнутомъ воротникѣ; по срединѣ груди блеститъ рядъ пуговицъ изъ бѣлой латуни; сзади трясутся коротенькія фалдочки. Нельзя сказать, чтобъ женихъ былъ красивъ. Скорѣе всего его можно принять за сдаточнаго, хотя онъ дѣйствительно принадлежитъ къ старинному дворянскому роду Стриженыхъ, который въ изобиліи водится въ Пензенской губерніи. Несмотря на то, что Стрѣлковъ заявилъ, что Стриженому сорокъ лѣтъ, на видъ ему добрыхъ пятьдесятъ-пять. Лицо у него топорное, солдатское, стараго типа; на головѣ накладка, которую онъ зачесываетъ остатками волосъ сзади и сбоковъ; подъ узенькими влажными глазами образовались мѣшки; сизыя жилки, расползшіяся на выдавшихся скулахъ и на мясистомъ носу, свидѣтельствуютъ о старческомъ расширеніи венъ; гладко выбритый подбородокъ украшенъ небольшимъ зобомъ. Словомъ сказать, произведенное имъ на матушку впечатлѣніе далеко не въ его пользу. И старъ, да, пожалуй, и пьющій, сразу подумалось ей.

— Ѳедоръ Платоновъ Стриженый!—рекомендуется онъ, останавливаясь передъ матушкой и щелкая шпорами.

— Милости просимъ, Ѳедоръ Платонычъ! Вотъ мой мужъ... а вотъ это братъ мой.

— Съ братцемъ вашимъ мы уже знакомы...

Мужчины пожимаютъ другъ другу руки. Гости усаживаютъ на диванѣ рядомъ съ хозяйкой.

— Мы, кажется, по Николѣ Явленному нѣсколько знакомы,— любезно начинаетъ матушка разговоръ.

— По близости отъ этой церкви живу, такъ, признаться сказать, по праздникамъ къ обѣднѣ туда хожу.

— А какія тамъ проповѣди протопопъ говоритъ! Ахъ, какія это проповѣди!

— Какъ вамъ сказать, сударыня... не нравятся мнѣ онѣ... „Блюдите“ да „памятуйте“—и безъ него всѣмъ извѣстно! А иногда и вольнѣнько поговариваетъ!

— Чтой-то я какъ будто не замѣчала...

— Намеднись о мздоимцахъ началъ... Такую чепуху городитъ, уши вянутъ! И, между прочимъ, все вздоръ. Развѣ допуститъ начальство, чтобъ были мздоимцы!

— Ну, тоже со всячинкой.

— Не смѣю спорить-съ. Вы, Василій Порфирычъ, какъ полагаете?

— Единъ Богъ безъ грѣха,—скромно отвѣчаетъ отецъ.

— Вотъ это—святая истина! Именно одинъ Богъ! И священнику знать это больше другихъ нужно, а не палить изъ пушекъ по воробьямъ.

— Ну, а вы какъ? службой своей довольны? — вступаетъ въ общій разговоръ дядя.

— Слава Богу-съ! Обиды отъ начальства не вижу, а для подчиненнаго только это и дорого.

— И какъ еще дорого! именно только это и дорого!—умиляется матушка. — Мнѣ сынъ изъ Петербурга пишетъ: „начальство меня, маменька, любитъ, а съ этимъ я могу смѣло смотрѣть будущему въ глаза!“

— Именно такъ-съ. Только, доложу вамъ, скученька моя служба. Мука да круна, да горохъ-съ...

— Нѣтъ, что-жъ, что и горохъ... Смотря потому, какого качества и почёмъ,—резонно замѣчаетъ дядя.

— Справедливо-съ! А все-таки... Будетъ съ меня, похлопоталъ. Вотъ если къ Святой получу чинъ, можно будетъ и другимъ дѣломъ заняться. Достатки у меня есть, опытность тоже...

— Это такъ; можно и другое дѣло найти. Капиталъ кому угодно занятіе дастъ. Всяко его оборотить можно. Имѣніе, напримѣръ... Если на свое имя пріобрѣсти неудобно, можно иначе сдѣлать... ну, на имя супруги, что-ли...

— Вдовъ, сударыня. Былъ у меня ангель-хранитель, да улетѣлъ!

— Что же такое! не вѣкъ одному вѣковать. Можетъ, и въ другой разъ Богъ судьбу пошлетъ!

— Коли пошлетъ Богъ... отчего-жъ! Я отъ судьбы не прочь!

— Отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся, говоритъ пословица; такъ же точно и отъ судьбы!—шутитъ дядя.

Всѣ смѣются.

— Имѣнія, я вамъ скажу, очень дѣло выгодное!—продолжаетъ соблазнять матушка:—пятнадцать-двадцать процентовъ шутя капиталъ принесетъ. А денежки все равно какъ въ ломбартѣ лежатъ.

Бесѣда начинаетъ затрогивать чувствительную струну матушки, и она заискивающими глазами смотритъ на жениха. Но въ эту минуту, совсѣмъ не ко времени, въ гостиную появляется сестрица.

Она входитъ, слегка подпрыгивая, какъ будто ничего не знаетъ. Какъ будто и освѣщеніе, и благоуханіе монашекъ, все это каждый день такъ бываетъ. Понятно, что изъ груди ея вылетаетъ крикъ изумленія при видѣ новаго лица.

— Ахъ!

— Иди, иди, дочурка! — ободряетъ ее матушка: — здѣсь все добрые люди сидятъ, не съѣдятъ! Ѳедоръ Платонычъ! дочка моя! Прошу любить да жаловать!

— Помилуйте! это я долженъ просить ихъ о благосклонномъ вниманіи!—любезно отвѣчаетъ Стриженый, щелкнувъ шпорами.

— А я васъ, мсьё, у Николы Явленнаго видѣла,—напоминаетъ сестрица.

— У Николы Явленнаго-съ? видѣли-съ?—притворяется удивленнымъ женихъ, любезно хихикая.

— Да, помните, еще батюшка проповѣдь говорилъ... о мздоимцахъ... Папаша! что̀ такое за слово: „мздоимцы“?

— Мздоимцы—это люди, которые готовы съ живого и съ мертваго кожу содрать,—безъ околичностей объясняетъ отецъ:—въ родѣ, напримѣръ, какъ Іуда.

При этомъ толкованіи матушка измѣняется въ лицѣ, женихъ таращитъ глаза, и на носу его еще ярче выступаетъ расширеніе венъ; дядя сквозь зубы бормочетъ: „попалъ пальцемъ въ небо!“

— И охота тебѣ, Наденька...—начинаетъ матушка.

Но не успѣла она докончить фразу, какъ женихъ уже всталъ съ дивана и быстрыми шагами удаляется по направленію къ передней. Общее изумленіе.

— Вотъ тебѣ на, убѣжалъ!—восклицаетъ матушка: — обидѣлся! Однако, какъ же это... даже не простился! А все ты!—укоряетъ она отца.—Іуда да Іуда... Самъ ты Іуда! Да и ты, дочка любезная, нашла разговоръ! Ищи сама себѣ женіховъ, коли такъ!

— Да постойте, не ругайтесь! можетъ, ему до вѣтру занадобилось,—цинически успокоиваетъ дядя.

Матушка уже встаетъ, чтобы заглянуть въ переднюю, но въ эту минуту женихъ снова появляется въ дверяхъ гостиной. Въ рукахъ у него большая коробка конфектъ.

— Барышнѣ-съ!—презентуетъ онъ коробку сестрицѣ:—отъ Педотти; самъ выбиралъ-съ.

— Какой вы, однакожъ, баловникъ! Еще ничего не видя, а ужъ... Сейчасъ видно, что дамскій кавалеръ! Наденька! что-жъ ты! Благодари!

— Мерси, мсьё.

— Помилуйте-съ! за счастье себѣ почитаю... По моему мнѣнію, конфекты только для барышенъ и приготовляются. Конфекты, духи, помада... вотъ барышня и вся тутъ!

— Это справедливо. Дѣти вѣдь еще, такъ пускай сладенькимъ пользуются. Горькаго-то и впереди испытать успѣютъ.

— Зачѣмъ же-съ? Можно и безъ горькаго жизнь прожить!

— Да такъ...

— Позвольте вамъ доложить: если барышня приличную партію себѣ найдетъ, то и впереди... отчего же-съ!

— Ну, дай Богъ! дай Богъ!

— А вы, мсьё, бываете у главнокомандующаго?

— Всенепремѣнно-съ. На всѣхъ торжественныхъ пріемахъ обязываюсь присутствовать, въ качествѣ начальника отдѣльной части.

— А на балахъ?

— И на балы приглашенія получаю.

— Говорятъ, это что-то волшебное!

— Не знаю-съ. Конечно, свѣтло... ну и угощенье... Да я, признаться сказать, баловъ не долюбливаю.

— Дома оставаться предпочитаете?

— Да, дома. Надѣну халатъ и сижу. Трубку покурю, на гитарѣ поиграю. А скучно сдѣлается, въ трактиръ пойду. Встрѣчу пріятелей, поговоримъ, закусимъ, машину послушаемъ... И не увидимъ, какъ вечеръ пройдетъ.

— Вотъ женитесь, молодая жена въ трактиръ-то не пуститъ.

— Неизвѣстно-съ. Покойница моя тоже сперваначалу говорила: „не пущу!“ а потомъ только и словъ бывало: „что все дома торчишь! шелъ бы въ трактиръ!“

Матушка морщится: не нравятся ей признанія жениха. Въ халатѣ ходитъ, на гитарѣ играетъ, по трактирамъ шляется... И такъ-таки прямо все и выкладываетъ, какъ будто иначе и быть не должно. Къ счастью, входитъ съ подносомъ Кононъ и начинаетъ разносить чай. При этомъ ложки и вообще все чайное серебро (сливочникъ, сахарница и проч.) подаются украшенныя вензелемъ сестрицы: это, дескать, приданое! Ахъ, жалко, что самоваръ серебряный не догадались подать—это бы еще больше въ носъ бросилось!

— Чайку!—потчуетъ матушка.

— Признаться сказать, я дома ужъ два пунша выпилъ. Да боюсь, что горло на морозѣ, чего добраго, захватило. Извозчикъ попался: ѣдетъ не ѣдетъ.

— А вы развѣ своихъ лошадей не держите?

— Не держу-съ. Цѣлый день, знаете, въ разъѣздахъ, не напасешься своихъ лошадей! То ли дѣло извозчикъ: взялъ и поѣхалъ!

Часъ отъ часу не легче. Пунш пьетъ, лошадей не держитъ. Но матушка все еще крѣпится.

— Вы съ чѣмъ чай пьете? съ лимончикомъ? со сливочками?

— Съ ромомъ-съ! Нынче коньякъ какой-то выдумали, только я его не употребляю; горѣлымъ пахнетъ. Точно головешку изъ печки пронесли. То ли дѣло ромъ!

— Знатоки говорятъ, что хорошій ромъ клопами долженъ пахнуть,—замѣчаетъ дядя.

— Многіе это говорятъ, однако я не замѣчалъ. Клопъ, я вамъ доложу, совсѣмъ особенный запахъ имѣетъ. Раздавишь его...

— Ахъ, мсьё!—брезгливо восклицаетъ сестрица.

— Виноватъ. Забылся-съ.

Женихъ отыскиваетъ на подносѣ графинчикъ съ ромомъ и, отлившш изъ него въ стаканъ, безъ церемоніи ставитъ на столъ возлѣ себя.

Разговоръ дѣлается общимъ. Отецъ разсказываетъ, что въ газетахъ пишутъ о какой-то необычной кометѣ, которую ожидаютъ въ предстоящемъ лѣтѣ; дядя сообщаетъ, что во французскаго короля опять стрѣляли.

— Точно въ тетерева-съ!—цинично восклицаетъ Стриженый. —Шальной эти французы народишко... мерзавцы-съ!

— Не понимаю, какъ другіе государи въ это дѣло не вступятся! —удивляется дядя.

— Какъ вступиться! Онъ вѣдь и самъ ненастоящій!

Поднимается споръ, законный или незаконный король Людвигъ-Филиппъ. Дядя утверждаетъ, что ужъ если разъ сидитъ на тронѣ—стало-быть, законный; Стриженый возражаетъ:—Ну, нѣтъ-съ, молода, во Саксоніи не была!

— Кабы онъ на прародительскомъ тронѣ сидѣлъ, ну, тогда точно, что... А то и я, пожалуй, велю тронъ у себя въ квартирѣ поставить да сяду—стало быть, и я буду король?

Разсужденіе это поражаетъ всѣхъ своею резонностью, но за тѣмъ бесѣдующіе догадываются, что разговоръ принимаетъ слишкомъ вольный характеръ, и переходятъ къ другимъ предметамъ.

— Вотъ вы сказали, что своихъ лошадей не держите, однакожъ, если вы женитесь, неужто-жъ и супругу на извозчикахъ ѣздить заставите? — начинаетъ матушка, которая не можетъ переварить мысли, какъ это человѣкъ свататься пріѣхалъ, а своихъ лошадей не держитъ! Деньги-то, полно, у него есть ли?

— Впередъ не загадываю-съ. Но, вѣроятно, если женюсь и выйду въ отставку... Лошадей, сударыня, не долго завести, а вотъ жену подыскать—это потруднѣе будетъ. Иная дѣвица—посмотрѣть на нее—и ловкая, а какъ поразберешь хорошенько—и тутъ, и тамъ, вездѣ съ изъянцемъ.

Матушка рѣшительно начинаетъ тревожиться и искоса посматриваетъ на сестрицу.

— Потому что жена, доложу вамъ, должна быть во всѣхъ статьяхъ... чтобы все было въ исправности...—продолжаетъ Стриженый.

— Ахъ, Ѳедоръ Платонычъ!

— Виноватъ. Забылся-съ.

Разговаривая, женихъ подливаетъ да подливаетъ изъ графинчика, такъ что рому осталось ужъ на донышкѣ. На носу у него повисла крупная капля пота, весь лобъ усѣянъ перлами. Въ довершеніе всего, онъ вынимаетъ изъ кармана бумажный клѣтчатый платокъ и протираетъ имъ влажные глаза.

Матушка съ тоской смотритъ на графинчикъ и говоритъ себѣ: „цѣлый стаканъ давеча влили, а онъ ужъ почти все слопалъ!“ П,

воспользовавшись минутой, когда Стриженый отвернулъ лицо въ сторону, отодвигаетъ графинчикъ подальше. Женихъ, впрочемъ, къ удовольствію матушки, не настаиваетъ.

— Хочу я васъ спросить, сударыня,—обращается онъ къ сестрицѣ:—въ залѣ я фортепіано видѣлъ—это вы изволите музыкой заниматься?

— Да, я играю.

— Она у Фильда *) уроки беретъ. Дорогонекъ этотъ Фильдъ, по золотенькому за часъ платимъ, но за то... Да вы охотникъ до музыки?

— Помилуйте! за наслажденье почту!

— Наденька! сыграй намъ тѣ варіаціи... „Не шей ты мнѣ, матушка“, помнишь!

Сестра встаетъ, а за нею всѣ присутствующіе переходятъ въ залъ. Раздается „тема“, за которою слѣдуетъ обычная варіаціонная путаница. Стриженый слегка припѣваетъ.

— Поздравляю! проворно ваша дочка играетъ!—хвалитъ онъ:—а главное, свое, русское... Мужчины, конечно, еще проворнѣе играютъ, ну да у нихъ пальцы длиннѣе!

Кончая пьесу, сестрица разсыпается въ трели.

— Вотъ, вотъ, вотъ! именно оно самое!—восклицаетъ женихъ и, подходя къ концертанткѣ, поздравляетъ ее:—Осчастливьте, позвольте ручку поцѣловать!

Сестрица вопросительно смотритъ на матушку.

— Что-жъ, дай руку!—соглашается матушка.

— Да кстати позвольте и еще попросить сыграть... тоже свое что-нибудь, родное...

Сестрица снова садится и играетъ варіаціи на тему: „Ѣхалъ казакъ за Дунай“...

Стриженый въ восторгѣ, хотя опредѣлительно нельзя сказать, что̀ болѣе приводитъ его въ восхищеніе: музыка или стукъ посуды, раздавшійся изъ гостиной.

---

*) Знаменитый въ то время композиторъ-піанистъ, [illegible], [illegible] и состарившійся въ Москвѣ. Подъ [illegible] уроки только у себя на дому и [illegible] выходилъ въ халатѣ.

Бьетъ десять часовъ. Ужина не будетъ, но закуску приготовили. Икра, семга, колбаса—купленныя; грибы, рыжики—свои деревенскіе.

— Милости просимъ закусить, Ѳедоръ Платонычъ! водочки!—приглашаетъ матушка.

— Не откажусь-съ.

Женихъ подходитъ къ судку съ водкой, нѣсколько секундъ какъ бы раздумываетъ и, наконецъ, сряду выпиваетъ три рюмки, приговаривая:

— Первая—колòмъ, вторая — соколòмъ, третья — мелкими пташечками! Для сваренія желудка-съ. Будьте здоровы, господа!! Барышня!—обращается онъ къ сестрицѣ: — осчастливьте! соорудите бутербродецъ съ икрой вашими прекрасными ручками!

— Что-жъ, если Ѳедору Платонычу это сдѣлаетъ удовольствіе... —разрѣшаетъ матушка.

Стриженый мгновенно проглатываетъ тартинку и снова направляется къ водкѣ.

— Не будетъ ли?—предваряетъ его матушка.

— Виноватъ. Забылся-съ.

Говоря это, онъ имѣетъ видъ человѣка, который несъ кусокъ въ ротъ, и у него по дорогѣ отняли его.

— Превосходная икра! превосходная!—поправляется онъ:—можетъ быть, впрочемъ, отъ того она такъ вкусна, что *онѣ* своими ручками рѣзали. А гдѣ, сударыня, покупаете?

— Не знаю, въ лавкѣ гдѣ-нибудь человѣкъ купилъ.

— Почемъ-съ?

— Рубликъ за фунтъ. Дорога.

— Дорогонько-съ. Я восемь гривенъ плачу на Монетномъ Дворѣ. Очень хороша икра.

— Сёмужку, Ѳедоръ Платонычъ!

— Не откажусь-съ. Да-съ, такъ вы, Василій Порфирычъ, изволили говорить, что въ газетахъ комету предвѣщаютъ?

— Да, пишутъ.

— Это къ набору-съ. Всегда такъ бываетъ: какъ комета—непремѣнно наборъ.

Женихъ косится на водку и, наконецъ, не выдерживаетъ... Матушка, впрочемъ, ужъ не препятствуетъ ему, и онъ вновь проглатываетъ двѣ рюмки.

Всѣ замѣчаютъ, что онъ слегка осовѣлъ. Безпрерывно вытираетъ платкомъ глаза и распяливаетъ ихъ пальцами, чтобъ лучше видѣть. Разговоръ замираетъ; матушка спѣшитъ сократить „вечерокъ“, тѣмъ болѣе, что часы уже показываютъ одиннадцатый въ исходѣ.

— Кто тамъ!—кличетъ она прислугу:—уберите водку!

Приказаніе это служитъ сигналомъ. Стриженый щелкаетъ шпорами и, сопровождаемый гостепріимными хозяевами, ретируется въ переднюю.

— И напредки милости просимъ, коли не скучно показалось,—любезно прощается матушка.

— Почту за счастье-съ.

Женихъ уѣхалъ... Матушка, усталая, обезкураженная, грузно опускается на диванъ.

— Не годится,—отрѣзываетъ она.

Но дядя держится другого мнѣнія.

— По моему, надо повременить,—говоритъ онъ.—Пускай ѣздитъ, а тамъ видно будетъ. Иногда даже самые горькіе пьяницы остепеняются.

— По трактирамъ шляется, лошадей не держитъ, въ первый разъ въ домъ пріѣхалъ, а цѣлый графинъ рому да пять рюмокъ водки вылакалъ!—перечисляетъ матушка.

— Какъ знаешь, а по моему все-таки осмотрѣться надо. Капиталъ у него хорошій—это я вѣрно знаю!—стоитъ на своемъ дядя.

— Того гляди, подъ судъ попадетъ... Ты что скажешь?—обращается матушка къ сестрицѣ.

— Мнѣ что-жъ... Какъ вы...

— Говори! не мнѣ замужъ выходить, а тебѣ... Какъ ты его находишь? хорошъ? худъ?

Сестрица задумалась. Очевидно, внутри у нея происходитъ довольно сложный процессъ. Она понимаетъ, что Стриженый ей не пара, но въ то же время въ головѣ ея мелькаетъ мысль, что это первый „серьезный“ женихъ, на котораго она могла бы болѣе или менѣе вѣрно разсчитывать. Встрѣчала она, конечно, на вечерахъ молодыхъ людей, которые говорили ей любезности, но все это было только мимоходомъ и ничего „настоящаго“ не обѣщало впереди; тогда какъ Стриженый былъ настоящій, заправскій женихъ... Онъ могъ доставить ей самостоятельность, устроить „домъ“, въ которомъ она пазна-

чила бы пріемные дни, вечера... Въ ожиданіи такого жениха, она заранѣе приготовилась „влюбиться“...

Конечно, она не „влюбилась“ въ Стриженаго... Фи! одна накладка на головѣ чего стоитъ!.. но есть что-то въ этомъ первомъ неудачномъ сватовствѣ, отъ чего у нея невольно щемитъ сердце и волнуется кровь. Не въ Стриженомъ дѣло, а въ томъ, что настала ея пора...

— Ахъ, какая я несчастная!—вырывается изъ ея груди вопль.

Съ этимъ восклицаніемъ она вся въ слезахъ выбѣгаетъ изъ комнаты.

XVI.—Продолженіе матримоніальной хроники: Есперъ Клещевиновъ.—Недолгій сестрицынъ романъ.—Женихи-мелкота.

Съ Клещевиновымъ сестра познакомилась уже въ концѣ сезона, на вечерѣ у дяди, и сразу влюбилась въ него. Но что всего важнѣе —она была убѣждена, что и онъ въ нее влюбленъ. Очень возможно, что дѣло это и сладилось бы, еслибы матушка наотрѣзъ не отказала въ своемъ согласіи.

Это была темная личность, о которой ходили самые разнорѣчивые слухи. Одни говорили, что Клещевиновъ появился въ Москвѣ неизвѣстно откуда, точно съ неба свалился; другіе свидѣтельствовали, что знали его въ Тамбовской губерніи, что онъ спустилъ три большихъ состоянія, и теперь живетъ карточной игрой.

Но всѣ сходились въ одномъ: что онъ игрокъ и мотъ, а этихъ качествъ матушка ни подъ какимъ видомъ въ сестрицыномъ женихѣ не допускала. Лѣтомъ онъ, ради игры, посѣщалъ ярмарки, зимой промышлялъ игрою въ Москвѣ. И въ одиночку дѣйствовалъ, и втайнѣ; но не въ клубѣ—онъ не хотѣлъ подвергать себя риску быть забаллотированному—а въ частныхъ домахъ. Иногда въ его рукахъ сосредоточивалась большая масса денегъ, и вдругъ какъ-то внезапно исчезала, и онъ самъ на время стушевывался. Игралъ онъ нечисто, а многіе даже прямо называли его шулеромъ. Но это не мѣшало ему

имѣть доступъ въ лучшіе московскіе дома, потому что онъ былъ щеголь, прекрасно одѣвался, держалъ отличный экипажъ, сыпалъ деньгами, и на пальцахъ его рукъ, тонкихъ и безукоризненно бѣлыхъ, всегда блестѣло нѣсколько перстней съ цѣнными брилліантами. Находились скептики, которые утверждали, что камни эти фальшивые, но онъ охотно снималъ перстни съ пальцевъ и кому угодно давалъ любоваться ими. Оказывалось, что камни настоящіе, только черезъчуръ уже часто мѣнялись. Какъ бы то ни было, щегольство и щедрость настолько подкупали въ его пользу, что злые языки по-неволѣ умолкали. Но, кромѣ того, злоязычниковъ воздерживало и то, что онъ могъ постоять за себя и безъ церемоній объявлялъ, что въ двадцати шагахъ попадаетъ изъ пистолета въ туза.

Въ заключеніе, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, онъ обладалъ замѣчательно-красивою наружностью (глаза у него были совсѣмъ „волшебные“). Матери семействъ избѣгали и боялись его, но дѣвицы при его появленіи расцвѣтали.

— Заползетъ въ домъ эта язва—ничѣмъ ты ее не вытравишь! —говаривала про него матушка, блѣдиѣя при мысли, что язва эта, чего добраго, начнетъ точить жизнь ея любимицы.

Я не умѣю объяснить, что̀ именно обратило его вниманіе на сестрицу. Наружность ея была непривлекательна, да и богатою партіей она назваться не могла. Триста душъ—этого только-только достаточно было, чтобы не прослыть безприданницей даже въ томъ среднемъ кругу, въ которомъ мы вращались; ему же, при его расточительныхъ пристрастіяхъ, достало бы этого куша только на одинъ глотокъ. Очень возможно, впрочемъ, что имъ руководили въ этомъ случаѣ болѣе сложныя соображенія. Во-первыхъ, хотя онъ былъ вездѣ принятъ, но репутація его все-таки была настолько сомнительна, что при появленіи его въ обществѣ солидные люди начинали перешептываться. Легчайшій способъ заставить принять себя на равной ногѣ представляла женитьба, и именно женитьба на дѣвушкѣ изъ обстоятельнаго семейства, къ числу которыхъ принадлежало и наше. Подобный бракъ прикрылъ бы его прошлое, а можетъ быть обезпечилъ бы отъ злоязычія и будущіе подвиги, отъ которыхъ онъ отнюдь не намѣревался отказаться. Во-вторыхъ, онъ зналъ, что матушка страстно любитъ старшую дочь, и разсчитывалъ, что дѣло не ограничится первоначально заявленнымъ приданымъ, и что онъ успѣетъ постепенно вы-

манить вдвое и втрое. Въ-третьихъ, наконецъ, быть можетъ, онъ просто разыгрывалъ изъ себя одну изъ „загадочныхъ натуръ“, которыхъ въ то время, подъ вліяніемъ неостывшаго еще байронизма, расплодилось очень много. А эпитетъ этотъ, въ переложеніи на русскіе нравы, обнималъ и оправдывалъ цѣлый циклъ всякаго рода зазорностей: и шулерство, и фальшивыя заемныя письма, и нетрудныя побѣды надъ женскими сердцами, черезъ-чуръ неразборчиво воспламенявшимися при словѣ: „любовь“.

Разсказывали даже, что онъ ужъ не одну дѣвушку соблазнилъ, а онѣ, несмотря на предупрежденія, продолжали таять подъ лучами его волшебныхъ глазъ.

Какъ бы то ни было, но на вечерѣ у дяди матушка, съ свойственною ей проницательностью, сразу замѣтила, что ея Надёха „начинаетъ шалѣть“. Двѣ кадрили подъ-рядъ танцовала съ Клещевиновымъ, мазурку тоже отдала ему. Матушка хотѣла уѣхать пораньше, но сестрица такъ рѣшительно этому воспротивилась, что оставалось только ретироваться.

Возвращаясь въ возкѣ домой, сестрица потихоньку напѣвала:

— Ес-перъ! Ес-перъ!

— Опалѣла?!—грубо прервала ее матушка.

— Ахъ, maman, какія у васъ слова противныя!—кротко огрызнулась сестра.

Да, это была кротость; своеобразная, но все-таки кротость. Въ восклицаніи ея скорѣе чувствовалась гадливость, нежели обычное грубіянство. Какъ будто ее внезапно коснулось что-то новое, и выраженіе матушки вспугнуло это „новое“ и грубо возвратило ее къ непріятной дѣйствительности. За минуту передъ тѣмъ отворилась передъ ней дверь въ залитой свѣтомъ чертогъ, она уже устремилась впередъ, чтобы проникнуть туда, и вдругъ дверь захлопнулась, и она опять очутилась въ потемкахъ.

Но матушка не поняла чувства, охватившаго ея дѣтище, и съ прежнею рѣзкостью продолжала:

— Смотри! ежели я что замѣчу... худо будетъ! Была любимою, а сдѣлаешься постылою! Помни это.

— Очень мнѣ нужно!

Между матерью и дочерью сразу пробѣжала черная кошка. Пріѣхавши домой, сестрица прямо скрылась въ свою комнату, наскоро

раздѣлась и, не простившись съ матушкой, легла въ постель, положивъ подъ подушку перчатку съ правой руки, къ которой „онъ“ прикасался.

— Любъ-то на ночь перекрестила ли?—крикнула ей матушка черезъ дверь.

Матушка тоже лежитъ въ постели, но ей не спится. Два противоположныя чувства борются въ ней: съ одной стороны, укоренившаяся любовь къ дочери, съ другой—утомленіе, исподволь подготовлявшееся, благодаря вѣчнымъ заботамъ объ дочери и той строптивости, съ которою послѣдняя принимала эти заботы. Ни одного-то дня не проходитъ безъ исторій!—мысленно восклицаетъ матушка:—и все изъ-за жениховъ, изъ-за проклятыхъ. До того обпаглѣла Надёха, что рада всякому встрѣчному на шею повѣситься! Оно, слова нѣтъ, пора ей замужъ, пора,—да чѣмъ же мать виновата, что Богъ красоты ей не далъ! У другой нѣтъ красоты, такъ дарованье какое-нибудь есть, а у ней... Что-жъ, что она у Фильда уроки беретъ—только деньгамъ переводъ. Трень да брень. А сколько она въ одну зиму деньжищъ на ея наряды ухлопала—содержаніе всего дома столько не стоитъ!

Матушка смыкаетъ глаза, но сквозь прозрачную дремоту ей чудится, что „язва“ уже заползла въ домъ и начинаетъ точить не только дочь, но и ее самоё.

— Онъ и меня, какъ святъ Богъ, оплететъ!—полубезсознательно мелькаетъ въ ея головѣ:—„маменька“ да „маменька!“ да „пожалуйте ручку!“—ну, и растаешь, ради любимаго дѣтища! Триста душъ... эка невидаль! Да ему языкомъ слизнуть, только ихъ и видѣли! Сначала триста душъ спу́стить, потомъ еще столько же вызудитъ, потомъ еще и еще... И Обленіха, и Лисьи-Ямы, и Новоселье—все въ эту прорву уйдетъ! Пуститъ и жену, и всю семью по міру, а самъ будетъ съ ярмарки на ярмарку переѣзжать... Да еще не отъ живой ли жены онъ жениться-то затѣялъ! Слышала она, будто у него въ Харьковѣ жена есть, и онъ ей деньгами ротъ замазываетъ, чтобы молчала... Ай да дочка! вотъ такъ обрадовала! Хорошъ будетъ сюрпризъ. Мы ихъ тутъ вокругъ налоя обвертимъ, а настоящая жена возьметъ да въ судъ подастъ.

При этомъ предположеніи матушка приподнимается на постели и начинаетъ прислушиваться. Но она проснулась только наполовину,

и обступившая ее вереница сонныхъ призраковъ не оставляетъ своей работы. Матушкѣ чудится, что „Надёха“ сбѣжала.

— Скатертью дорога!—мелькаетъ у нея въ головѣ, но тутъ же рядомъ закрадывается и другая мысль: — А брильянты? чай, и брильянты съ собой унесла!

Въ невыразимомъ волненіи она встаетъ съ постели, направляется къ двери сосѣдней комнаты, гдѣ спитъ ея дочь, и прикладываетъ ухо къ замку. Но за дверью никакого движенья не слышно. Наконецъ, матушка приходитъ въ себя и начинаетъ креститься.

— Тьфу, тьфу, лукавый!—шепчетъ она, вновь закутываясь въ одѣяло и усиленно сжимая вѣки глазъ, чтобы заставить себя заснуть.

Но сонъ не приходитъ. Воображеніе матушки до того взволновано представленіемъ объ опасности, которая грозитъ ея любимкѣ, что „язва“ такъ и мечется передъ ея глазами, зіяющая, разъѣдающая. Что дѣлать? какое принять рѣшеніе? безпрестанно спрашиваетъ она себя, и мучительно сознаетъ, что бываютъ случаи, когда рѣшенія даются не такъ-то легко, какъ до сихъ поръ представлялось ей, безконтрольной властительницѣ судебъ всей семьи. Что если одного ея слова достаточно, чтобы „распорядиться“ съ такими безотвѣтными личностями, какъ Степка-балбесъ или Сонька-калмычка, то въ той же семьѣ могутъ совсѣмъ неожиданно проявиться другія личности, которыя, пожалуй, дадутъ и отпоръ.

И что всего обиднѣе—она сама создала этотъ отпоръ, сама дала ему силу своимъ непростительнымъ баловствомъ и потворствомъ!

— Это за ласки за мои!—мелькаетъ въ ея головѣ.

Однако, предпринять что-нибудь все-таки надо. Матушка разсчитываетъ, сколько еще осталось до конца зимняго сезона. Оказывается, что со включеніемъ масляницы предстоитъ прожить въ Москвѣ съ небольшимъ три недѣли.

— Она меня съ ума въ эти три недѣли сведетъ! Будетъ кутить да мутить. Небось и знакомыхъ-то всѣхъ ему назвала, гдѣ и по какимъ днямъ бываемъ, да и къ намъ въ домъ, пожалуй, пригласила... Теперь, куда мы, туда и онъ... какова потѣха! Сраму-то, сраму одного по Москвѣ сколько! Пная добрая мать и принимать перестанетъ; скажетъ: „у меня не въѣзжій домъ, чтобы любовныя свиданія назначать“.

„Или ее, за добра-ума, теперь же въ Малиновецъ увезти?“ — вдругъ возникаетъ вопросъ, но на первый разъ онъ не задерживается въ мозгу и уступаетъ мѣсто другимъ предположеніямъ.

Не возобновить ли переговоры съ Стриженымъ. благо рѣшительное слово еще не было произнесено. Сносылать къ нему Стрѣлкова — онъ явится. Старепекъ онъ—да вѣдь ей, „дылдѣ“, такого и нужно... Вотъ развѣ, что онъ пьянчужка...

— Держи карманъ! пойдетъ она теперь за Стриженаго! — шепчетъ она:—ишь вѣдь, сразу такъ и врѣзалась! И что эти дѣвки въ такихъ шематонахъ находятъ! Нѣтъ, чтобы въ обстоятельнаго человѣка влюбиться—непремѣнно что ни на есть мерзавца или картежника выберутъ! А впрочемъ... какъ же она за Стриженаго не пойдетъ, коли я прикажу? Скажу: извольте одѣваться, къ вѣнцу ѣхать—и поѣдетъ! А своей волей не поѣдетъ, такъ силкомъ окручу! Я—мать: что хочу, то и сдѣлаю. И никто меня за это не охаетъ. Напротивъ, всѣ скажутъ: „хорошо сдѣлали, что во-время спохватились!“ Я и въ монастырь упрячу, ни у кого позволенья не спрошу!

Матушка дальше и дальше развиваетъ проектъ относительно брака съ Стриженымъ: однакожъ, по размышленіи, это рѣшеніе оказывается не вполнѣ состоятельнымъ.

— А что, ежели она сбѣжитъ? Заберетъ брильянты да и была такова! И зачѣмъ я ихъ ей отдала! Хранила бы у себя, а для выѣздовъ и выдавала бы... Сбѣжитъ она, да на другой день и пріѣдетъ съ муженькомъ прощенья просить! Да еще хорошо, коли онъ кругомъ налоя обведетъ, а то и такъ...

При этомъ предположеніи она цѣпенѣетъ отъ страха. Что, ежели въ самомъ дѣлѣ... Ай да дочка! утѣшитъ! Придетъ съ обтрепаннымъ подоломъ, какъ послѣдняя...

Въ залѣ бьютъ часы. Матушка прислушивается и насчитываетъ пять. Въ то же время за стѣной слышится осторожный шорохъ. Это Василій Порфирычъ проснулся и собирается къ заутренѣ.

— Святоша!—сердито шепчетъ матушка:—шляется по заутренямъ—и горюшка ему мало!

Съ этими словами мысли ея начинаютъ путаться, и она впадаетъ въ тяжелое забытье.

Поздпимъ утромъ обѣ—и матушка, и сестрица—являются къ чаю блѣдныя, съ измятыми лицами. Матушка сердита; сестрица

притворяется веселою. Вообще, у нея недоброе сердце, и она любитъ дѣлать на-зло.

— Ее-перъ! Ее-перъ!—напѣваетъ она потихоньку.

— Не ной, Христа ради! дай чаю напиться.

— Я, маменька, кажется, ничего...

— А коли ничего, такъ и помолчи на четверть часа. Можно хоть разъ матери уступить.

Матушка сдерживается. Ей хотѣлось бы прикрикнуть, но она понимаетъ, что впереди еще много разговору будетъ, и что для этого ей необходимо сохранить присутствіе духа. На время воюющія стороны умолкаютъ.

— Ахъ, да! давно хочу я тебя спросить: гдѣ у тебя брильянты? —начинаетъ матушка, какъ будто ей только сейчасъ этотъ вопросъ взбрелъ на умъ.

— Гдѣ? въ шифоньеркѣ спрятаны!—рѣзко отрѣзываетъ сестрица.

— То-то въ шифоньеркѣ. Цѣлы ли? долго ли до грѣха! Пріѣзжаешь ты по ночамъ, бросаешь зря... Отдала бы, за добра ума, ихъ мнѣ на сохраненіе, а я тебѣ, когда понадобится, выдавать буду.

— Ахъ, да возьмите! Тоже... брильянты! развѣ такіе брильянты бываютъ?

— Чего жъ тебѣ! рожна, что-ли? какихъ еще надо брильянтовъ! Фермуарчикъ, брошка, три браслета, трое серегъ, двѣ фероньерки, пряжка, крестикъ...—перечисляетъ матушка.

— Фермуарчикъ! крестикъ!—дразнится сестрица:—еще что не забыли ли? Колье́ обѣщали—гдѣ оно?

— И колье́ сдѣлаемъ, когда замужъ выходить будешь. Вотъ Мутовкина обѣщала...

— Не пойду я за вашихъ женіховъ! гнилые да старые... Берите ваши брильянты! любуйтесь ими!

Сестрица съ сердцемъ выбѣгаетъ, хлопнувъ дверью. Черезъ минуту она появляется вновь и швыряетъ на столъ нѣсколько бауличковъ и ящичковъ.

— Вотъ вамъ! всѣ тутъ! не безпокойтесь! ни одного не украла!

Матушка осторожно открываетъ помѣщенія, поворачиваетъ каждую вещь къ свѣту и любуется игрою брилліантовъ. „Не тебѣ бы,

дылдѣ, носить ихъ!“ —произноситъ она мысленно и, собравши баулы, уноситъ ихъ въ свою комнату, гдѣ и запираетъ въ шкафъ. Но на сердцѣ у нея такъ наболѣло, что, добившись брилліантовъ, она уже не считаетъ нужнымъ сдерживать себя.

— Ты долго думаешь матерью командовать?—спрашиваетъ она сестрицу, входя въ ея комнату.

Сестрица не отвѣчаетъ и продолжаетъ одѣваться. Матушка слышитъ, какъ она напѣваетъ:

— Ес-перъ! Ес-перъ!

— Замолчи... наглая!

— Если вы ругаться сюда пришли, такъ гораздо бы лучше у себя въ комнатѣ сидѣли!

— Цыцъ, змѣя! Сказывай: пригласила, что-ли, ты къ намъ своего шематона?

— Онъ не шематонъ.

— Говори: пригласила ты его?

— Поѣдетъ онъ къ намъ! еще къ кому!

— Ахъ, ты...

Матушка поднимаетъ руку. Сестрица нѣсколько секундъ смотритъ на нее вызывающими глазами и вдругъ начинаетъ пошатываться. Сейчасъ съ ней сдѣлается истерика.

Сестрица умѣетъ и въ обморокъ падать, и истерику представлять. Матушка знаетъ, что она не взаправду падаетъ, а только „умѣетъ“, и все-таки до страху боится истерическихъ упражненій. Поэтому рука ея застываетъ на воздухѣ.

— Ладно, послѣ съ тобой справлюсь. Посмотрю, что̀ отъ тебя дальше будетъ.—говоритъ она и, уходя, обращается къ сестрицыной горничной:—Сашка! смотри у меня! ежели ты записочки будешь переносить, или другое что̀, я тебя... Не посмотрю, что ты кузнечиха (т.-е. обучавшаяся въ модномъ магазинѣ на Кузнецкомъ-Мосту),— въ вологодскую деревню за самаго что ни на есть бѣднаго мужика замужъ отдамъ!

Какъ на грѣхъ, въ это утро у насъ въ домѣ ожидаютъ визитовъ. Не то чтобы это былъ назначенный пріемный день, а такъ уже завелось, что по пятницамъ пріѣзжаютъ знакомые, за которыми числится „должокъ“ по визитамъ.

Въ два часа и матушка, и сестрица сидятъ въ гостиной: по-

слѣдняя протянула ноги на стулъ; въ рукахъ у нея французская книжка, на колѣняхъ—ломоть чернаго хлѣба. Изрѣдка она взглядываетъ на матушку и старается угадать по ея лицу, не сдѣлала ли она „распоряженія“. Но на этотъ разъ матушка промахнулась или, лучше сказать, просто не догадалась.

— Что̀ черный хлѣбъ ѣшь? голодна что-ли?

— Завтракать не даете—что̀ же ѣсть? Во всѣхъ порядочныхъ домахъ завтракъ подаютъ, только у насъ...

— Заведенія такого нѣтъ, оттого и не подаютъ.

— Куска жалко! Ахъ, что̀ за домъ! Комнаты крошечныя, куда ни обернешься, вездѣ грязь, вонь... фу!

Сестрица встаетъ и начинаетъ въ волненіи ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Тошнота!—восклицаетъ она:—ужъ когда-нибудь я...

— Будетъ!

— Нѣтъ, не будетъ, не будетъ, не будетъ. Вы думаете, что ежели я ваша дочь, такъ и можно меня въ хлѣву держать?!

Матушка блѣднѣетъ, но перемогаетъ себя. Того гляди, гости нагрянутъ— и она боится, что дочка, на-зло ей, уйдетъ въ свою комнату. Хотя она и сама не чужда „свѣтскихъ разговоровъ“, но все-таки дочь и по-французски умѣетъ, и манеры у нея настоящія —хоть передъ кѣмъ угодно не ударитъ лицомъ въ грязь.

— Есперъ Александровичъ Клещевиновъ!—докладываетъ Кононъ.

— Скажи, что дома нѣтъ!—восклицаетъ въ волненіи матушка: —или нѣтъ, постой! просто скажи: не велѣно принимать!

Но сестрица, какъ вкопанная, остановилась передъ нею. Лицо у нея злое, угрожающее: зеленоватые глаза такъ и искрятся.

— Если вы это сдѣлаете,—съ трудомъ процѣдитъ она, задыхаясь и протягивая руки:—вотъ клянусь вамъ... или убѣгу отъ васъ, или вотъ этими самыми руками себя задушу! Проси!—обращается она къ Конону.

Матушка ничего не понимаетъ. Губы у нея дрожатъ, она хочетъ встать и уйти, и не можетъ. Клещевиновъ, между тѣмъ, уже стоитъ въ дверяхъ.

Онъ въ щегольскомъ коричневомъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами: на рукахъ безукоризненно чистыя перчатки beurre frais. По-

даетъ сестрѣ руку—въ то время это считалось недозволенною фамильярностью—и растаркивается передъ матушкой. Послѣдняя тупо смотритъ въ пространство, точно передъ нею проходитъ сонное видѣніе.

Какъ это онъ проползъ... змѣй подлый!—мерещится ей. Да она и сама хороша! съ утра не догадалась распорядиться, чтобы не принимали... Господи! Да что̀ такое случилось! Бывало и въ старину, что дѣвушки влюблялись, но все-таки... А тутъ въ одни сутки точно варомъ дылду сварило! Все было тихо, благородно, и вдругъ...

— Maman! мсьё Клещевиновъ! — напоминаетъ сестрица.— Извините, мсьё, maman вчера такъ устала, что сегодня совсѣмъ больна...

— Нѣтъ, я не больна... Милости просимъ, господинъ Клещевиновъ! Какъ это вамъ вздумалось къ намъ? Ѣхали мимо да и заѣхали?

Клещевинову неловко. По ледяному тону, съ которымъ матушка произноситъ свой безцеремонный вопросъ, онъ догадывается, что она принадлежитъ къ числу тѣхъ личностей, которыя упорно стоятъ на однажды принятомъ рѣшеніи. А рѣшеніе это онъ сразу прочиталъ на ея лицѣ.

— Я думалъ... Григорій Павлычъ обнадежилъ меня...—оправдывается онъ.

— Братцу, конечно, лучше извѣстно... Ну-съ, господинъ Клещевиновъ, какъ въ карточки попгрываете?

Это ужъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Клещевинова начинаетъ подергивать, но онъ усиливается быть хладнокровнымъ.

— Вы, кажется, за игрока меня принимаете?—спрашиваетъ онъ развязно.

— А то за кого же?

— Надежда Васильевна! вступитесь хоть вы за меня!

— Maman! вы нездоровы! сами не знаете, что̀ говорите!

У сестрицы побѣлѣли губы и лицо исказилось. Еще минута, и съ нею, чего добраго, на этотъ разъ случится настоящая истерика. Матушка замѣчаетъ это и рѣшается смириться.

— И точно какъ будто мнѣ нездоровится,—говоритъ она:—не слѣдовало бы и выходить... Прошу извинить, если что̀ непарокомъ сказалось.

— Ахъ, что̀ вы! Могу ли я надѣяться быть представленнымъ вашему супругу?—перемѣняетъ разговоръ Клещевиновъ.

— Онъ у меня затворникъ. Заперся у себя въ кабинетѣ, и не вызовешь его оттуда.

— А какой вчера прелестный балокъ далъ Григорій Павлычъ!

— Да, у него помѣщеніе хорошее. Вотъ мы такъ и рады бы, да негдѣ. Совсѣмъ въ Москвѣ хорошихъ квартиръ нѣтъ.

— Вы часто изволите, сударыня, выѣзжать?

— Да какъ вамъ сказать... почти всѣ вечера разобраны. Мнѣ то бы, признаться, ужъ не къ лицу, да вотъ для нея...

Разговоръ принимаетъ довольно мирный характеръ. Затрогиваются по очереди всѣ свѣтскія темы: вечера, театры, предстоящія катанья подъ Новинскимъ, потомъ катанья, театры, вечера... Но матушка чувствуетъ, что долго сдерживаться ей будетъ трудно, и потому частенько вмѣшиваетъ въ общую бесѣду жалобы на нездоровье. Клещевиновъ убѣждается, что время откланяться.

— Не удержались-таки! нагрубили!—бросается сестрица къ матушкѣ, едва гость успѣлъ скрыться за дверью.

Появленіе новыхъ гостей не даетъ разыграться домашней бурѣ. Чередуются: Соловкины, Хлопотуновы, Голубовицкіе, Покатиловы. Настоящій рауть. Дѣвицы, по обыкновенію, ходятъ обнявшись по залѣ; дамы засѣли въ гостиной и говорятъ другъ другу любезности. Но въ массѣ лицемѣрныхъ привѣтствій, которыми наполняется гостиная, матушка отлично различаетъ язвительную ноту.

— А мы сейчасъ мсьё Клещевинова встрѣтили... онъ отъ васъ, кажется, ѣхалъ?—любопытствуетъ госпожа Соловкина.

— „Ну, пошла толчея толочь!“—мысленно восклицаетъ матушка и неохотно отвѣчаетъ:—Да, пріѣзжалъ...

— Entre nous soit dit, ваша Надина, кажется, очень ему понравилась. Вчера всѣ замѣтили.

— Помилуйте! вчера она въ первый разъ его видѣла!

— Ахъ, не говорите! дѣвушки вѣдь очень хитры. Можетъ быть, они ужъ давно другъ друга замѣтили: въ театрѣ, въ собраніи встрѣчались, танцовали, разговаривали другъ съ другомъ, а вамъ и не вдомёкъ. Мы, матери, на этотъ счетъ просты. Заглядываемъ Богъ знаетъ въ какую даль, а что̀ у насъ подъ носомъ дѣлается—не видимъ. Оттого иногда...

— Не думаю!—холодно обрываетъ мать.

— Ну, какъ знаете! Конечно, не мнѣ вамъ совѣты давать, а только... Скажите, замѣтили вы, какое вчера на Прасковьѣ Ивановнѣ платье было?

— Да веселенькая матерьица.

— Нѣтъ, я не объ томъ... а какъ она декольтировалась! даже...

Соловкина нагибается къ уху матушки и шепчетъ.

— Представьте себѣ!

Да и не одна Соловкина язвитъ,—и Покатилова тоже. У самой дочка съ драгуномъ сбѣжала, а она туда же злоязычничаетъ! Не успѣла усѣсться, какъ уже начала:

— А у васъ сегодня мсьё Клещевиновъ былъ! У насъ онъ, конечно, не бываетъ, но по собранію мы знакомы. Ѣдемъ мы сейчасъ въ саняхъ, разговариваемъ, какъ онъ вчера ловко съ вашей Надинъ мазурку танцовалъ—и вдругъ онъ, легкъ на поминѣ.—Откуда?—„отъ Затрапезныхъ!..“ Ну, такъ и есть!

— Да, онъ пріѣзжалъ.

— Ваша Надинъ рѣшительно вчера царицей бала была. Одѣта—прелесть! танцуетъ—сама Гюленсоръ *) позавидовала бы! Личико оживилось, такъ счастьемъ и пышетъ! Всегда она авантажна, но вчера... Всѣ мужчины кругомъ столпились, глядятъ...

— Ну, есть на чтò!

— Нѣтъ, не говорите! это большое, большое счастье имѣть такую прелестную дочь! Вотъ на мою Оеничку не заглядятся—я могу быть спокойна въ этомъ отношеніи!

Матушка кисло улыбается: ей не по себѣ. А Покатилова продолжаетъ язвить.

— Только сердитесь на меня или не сердитесь, а я не могу не предупредить васъ,—тараторитъ она:—нехорошій господинъ этотъ Клещевиновъ... отчаянный!

— Помилуйте! да мнѣ чтò за дѣло! Пускай его качества при немъ и остаются!

— Нѣтъ, я не про то... Теперь онъ вамъ визитъ сдѣлалъ, а потомъ—и не увидите, какъ вотрется... Эти „отчаянные“—самый

*) Знаменитая въ то время танцовщица.

этотъ народъ... И слова у нихъ какія-то особенныя... Къ намъ онъ, конечно, не пріѣдетъ, но еслибы... Ну, ни за что!

— Ой, примете!

— Ни за что. Заранѣе приказанье отдамъ. Конечно, мнѣ вамъ совѣтовать не приходится, а только... А замѣтили вы, какъ вчера Прасковья Ивановна одѣта была?

— Что-жъ, одѣта какъ одѣта...—нетерпѣливо отвѣчаетъ матушка, которая, въ виду обступившаго ее судачепья, начинаетъ убѣждаться, что къ ближнимъ не мѣшаетъ отъ времени до времени быть снисходительною.

— Ну, до свиданья, добрѣйшая Анна Павловна! А-ревуаръ. Извините, ежели что-нибудь черезъ-чуръ откровенно сказалось... И сама знаю, что нехорошо, да что прикажете! никакъ съ собой совладать не могу! Впрочемъ, вы, какъ мать, конечно, поймете...

Около трехъ часовъ, проводивъ послѣднихъ гостей, матушка, по обыкновенію велитъ отказывать и подавать обѣдать. Но она такъ взволнована, что должна сейчасъ же высказаться.

— Ну, накормили грязью милые друзья! По горло сытёхонька. Сказывай, безстыжая, гдѣ ты съ нимъ познакомилась?—обращается она къ сестрицѣ.

— Съ кѣмъ „съ нимъ“?

— Съ нимъ, съ тематономъ съ своимъ?

— Никакого у меня „своего тематона“ нѣтъ. Говорила ужъ я вамъ разъ и больше повторять не намѣрена.

— Посмотрю, посмотрю, что отъ тебя дальше будетъ!

— И посмотрите, и увидите!

Обѣдъ проходитъ молчаливо. Даже отецъ начинаетъ догадываться, что въ домѣ происходитъ что-то неладное.

— Что такое сдѣлалось? Что вы все утро грызетесь?—любопытствуетъ онъ: —то цѣлуются да милуются—лёнъ не дѣлёнъ!—то какъ собаки грызутся.

— А ты спди, ворона!.. ходи по заутренямъ!

Болѣе съ отцомъ не считаютъ нужнымъ объясняться. Впрочемъ, онъ, повидимому, только для проформы спросилъ, а въ сущности его лишь въ слабой степени интересуетъ происходящее. Онъ разъ навсегда сказалъ себѣ, что въ домѣ царствуетъ невѣжество, и что этого порядка вещей никакія силы небесныя измѣнить не могутъ, и потому

заботится лишь о томъ, чтобы домашняя сутолока какъ можно менѣе затрогивала его лично.

Вечеромъ, у Сунцовыхъ, матушка, какъ вошла въ залъ, уже ищетъ глазами. Такъ и есть. „Шематонъ“ стоитъ у самаго входа и, сдѣлавши матушкѣ глубокій поклонъ, напоминаетъ сестрицѣ, что первая кадриль обѣщана ему.

— Условились!—мысленно восклицаетъ матушка.

Она рѣшается не видѣть и удаляется въ гостиную. Изъ залы доносятся звуки кадрили на мотивъ „Шли наши ребята“; около матушки смѣняются дамы одна за другой и поздравляютъ ее съ успѣхами дочери. Попадаются и совсѣмъ незнакомыя, которыя тоже говорятъ о сестрицѣ. Чтобы не слышать пересудовъ и не сдѣлать какой-нибудь исторіи, матушка вынуждена безпрерывно переходить съ мѣста на мѣсто. Хозяйка дома даже сочла нужнымъ извиниться передъ нею.

— Представьте себѣ... Клещевиновъ! Совсѣмъ мы объ немъ и не думали—вдругъ сегодня Обрящинъ привезъ его къ намъ... извините, Бога ради!

— Что-жъ передо мной извиняться! извиняйтесь сами передъ собой!—холодно отвѣчаетъ матушка.

И въ голову ей западаетъ давнымъ-давно покинутая мысль:

„Вотъ еслибы у меня настоящій мужъ былъ, никто бы меня обидѣть не смѣлъ! А ему и горя мало... замухрышкѣ!“

Ей кажется, что вечеръ тянется неспосно долго. Нѣсколько разъ она не выдерживаетъ, подходитъ къ дочери и шепчетъ: — Не пора ли? — Но сестрица такъ весела и при томъ такъ мило при всѣхъ отвѣчаетъ: — Ахъ, маменька!—что нечего и думать о скоромъ отъѣздѣ.

„Хоть бы ужинать-то дали!—думаетъ матушка:—а то отпотчуютъ, по намеднишнему, бутербродами съ колбасой да съ мещерскимъ сыромъ!“

Наконецъ!!

Сряду три дня матушка ѣздитъ съ сестрицей по вечерамъ, и всякій разъ „онъ“—тутъ какъ тутъ. Самоувѣренный, наглый. Бурныя сцены сдѣлались какъ бы обязательными и разыгрываются начинаясь въ возкѣ и кончаясь дома. Но ни угрозы, ни убѣжденія—ничто не дѣйствуетъ на взбеленившуюся Надёху“. Она точно съ цѣпи сорвалась.

„Не иначе, какъ они ужъ давно спюхались!“ убѣждается матушка, и, чтобы положить конецъ домашнему бунту, рѣшается принять героическую мѣру.

Никого не предупредивши, она шлетъ въ Малиновецъ письмо съ приказаніемъ немедленно отапливать домъ и съ извѣщеніемъ, что вслѣдъ за симъ пріѣдетъ сама.

Проходитъ еще три дня; сестрица продолжаетъ „блажить“, но такъ какъ матушка рѣшилась молчать, то въ домѣ царствуетъ относительная тишина. На четвертый день утромъ она ѣдетъ проститься съ дѣдушкой и съ дядей и объясняетъ имъ причину своего внезапнаго отъѣзда. Родные одобряютъ ее. Возвратившись, она передъ обѣдомъ заходитъ къ отцу и объявляетъ, что завтра съ утра уѣзжаетъ въ Малиновецъ съ дочерью, а за нимъ и за прочими вышлетъ лошадей черезъ недѣлю.

— Вотъ тебѣ цѣлый мѣшокъ мѣдныхъ денегъ на церковь,— говоритъ она въ заключеніе:— а за квартиру разсчитаетъ Сѣлка. Онъ и провизію для деревни закупитъ.

Послѣ обѣда сестрица, по обыкновенію, удаляется въ свою комнату, чтобы приготовить вечерній туалетъ. Сегодня балъ у Хорошавиныхъ, и „онъ“ непремѣнно тамъ будетъ. Но матушка въ самомъ началѣ прерываетъ ея приготовленія, объявляя рѣзко:

— Не надо! Не поѣдемъ.

— Это что за новости!—горячится сестрица, но, взглянувъ на лицо матушки, убѣждается, что блажить больше не придется.

— Собирайте барышню; не все укладывайте, а только что на недѣлю понадобится. Завтра утромъ ѣдемъ въ Малиновецъ! Сашка! ты останешься здѣсь и остальное уложишь; за барышней въ деревнѣ Маришка походитъ.

— Маменька! голубушка! вѣдь масляница... что-жъ это такое!

— Будетъ съ меня. Довольно.

Буря не заставила себя ждать, и на этотъ разъ сопровождалась нѣсколькими, быть можетъ, и настоящими обмороками. Но матушка ужъ не боится и совершенно хладнокровно говоритъ:

— Расшнуруйте барышню. Отдышется.

Съ вечера уложились и подкормили лошадей, а на утро Богъ

послалъ снѣжку, и возокъ благополучно вынырнулъ изъ воротъ по направленію къ заставѣ.

Недолгій сестрицынъ романъ кончился.

Не могу съ точностью опредѣлить, сколько зимъ сряду семейство наше ѣздило въ Москву, но во всякомъ случаѣ поѣздки эти, въ матримоніальномъ смыслѣ, не принесли пользы. Женихи, съ которыми я сейчасъ познакомилъ читателя, были единственными, заслуживавшими названіе серьёзныхъ; хотя же, кромѣ нихъ, являлись и другіе претенденты на руку сестрицы, но они принадлежали къ той мелкотравчатой жениховской массѣ, на которую ни одна добрая мать для своей дочери не разсчитываетъ.

Преимущественно сватались вдовцы и старики. Для нихъ устраивались „смотрины“, подобныя тѣмъ, образчикъ которыхъ я представилъ въ предыдущей главѣ; но послѣ непродолжительныхъ переговоровъ матушка убѣждалась, что въ сравненіи съ этими „вдовцами“ даже вдовецъ Стриженый могъ почесться вѣрхомъ приличія, воздержанія и свѣтскости. Пріѣзжалъ смотрѣть на сестрицу и возвѣщенный Мутовкиною ростовскій помѣщикъ, но тутъ случилось другого рода препятствіе: не женихъ не понравился невѣстѣ, а невѣста не понравилась жениху.

Прорывались въ общей массѣ и молодые люди, но это была уже такая мелкота, что матушка выражалась о нихъ не иначе, какъ: „саврасъ“, „шелконёръ“, „голъ какъ соколъ„ и т. д. Въ числѣ прочихъ и Обрящинъ не затруднился сдѣлать предложеніе сестрицѣ, что матушку даже обидѣло.

Итакъ, Москва не удалась. Тѣмъ не менѣе сестрица все-таки нашла себѣ „судьбу“, но уже въ провинціи. Вспомнила матушка про тётеньку-Сластёну (см. гл. X-ую), списалась съ нею и поѣхала погостить съ сестрицей. Въ это время въ Р. прислали новаго городничаго; затѣялось сватовство, и дѣло, при содѣйствіи тетеньки, мигомъ устроилось.

Семенъ Гавриловичъ Головастиковъ былъ тоже вдовецъ и вдобавокъ не имѣлъ одной руки, но сестрица уже не обращала вниманія на то, цѣлый ли будетъ у нея мужъ, или съ изъяномъ. Къ тому же у нея былъ на-лицо примѣръ тетеньки: у послѣдней былъ мужъ колченогій.

— Городничіе-то и все такіе бываютъ, — говорила тетенька: —сначала оно точно какъ будто неловко кажется, а поживешь—и слюбится!

— Слушайся тетку! — прибавляла матушка.—Городъ здѣсь хорошій, доходный; какъ разъ будущій муженёкъ кòко съ сокомъ наживетъ... А ты первой дамой будешь.

Сестрица послушалась и была за это вполнѣ вознаграждена. Мужъ ея одной рукой загребалъ столько, сколько другому и двумя не загрести; и вдобавокъ, никогда не скрывалъ отъ жены, сколько у него за день собралось денегъ. Напротивъ того, придетъ и покажетъ: „вотъ, душенька, мнѣ сегодня Богъ послалъ!“ А она за это рожала ему дѣтей и была первой дамой въ городѣ.

Не нахожу нужнымъ скрывать, что она благодарила Бога за то, что онъ спасъ ее отъ Клещевникова.

XVII.—Крѣпостная масса.

Покончивши съ портретною галереею родныхъ и сестрицыныхъ женіховъ, я считаю нужнымъ возвратиться назадъ, чтобы дополнить изображеніе той обстановки, среди которой протекло мое дѣтство въ Малиновцѣ. Тамъ скучивалась крѣпостная масса, тамъ жили сосѣди-помѣщики, и съ помощью этихъ двухъ факторовъ въ результатѣ получалось пресловутое пошехонское раздолье. Стало быть, пройти ихъ молчаніемъ значило бы пропустить именно то, что сообщало тонъ всей картинѣ.

Начну съ крѣпостной массы.

Хотя я уже говорилъ объ этомъ предметѣ въ началѣ настоящей хроники, но думаю, что не лишнее будетъ вкратцѣ повторить сказанное, хотя бы въ видѣ предисловія къ предстоящей портретной галереѣ „рабовъ“ *).

*) Матеріалъ для этой галереи я беру исключительно въ дворовой средѣ. При этомъ, конечно, не объщаю, что исчерпаю все разнообразіе типовъ, которыми обиловала малиновецкая дворня, а познакомлю лишь съ тѣми личностями, которыя почему-либо прочнѣе другихъ удержались въ моей памяти.

Крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ дышалось гораздо легче, нежели дворовымъ. Они жили за глазами и имѣли начальство, преимущественно назначавшееся изъ среды одновотчинниковъ, а свой братъ, будь онъ хоть и съ поровомъ, все-таки знаетъ крестьянскую нужду и снизойдетъ къ ней. Онъ грѣшенъ тѣми же грѣхами, какъ и прочіе—это главное; затѣмъ, онъ имѣетъ между односельцами родню, друзей, что тоже остерегаетъ отъ черезъ-чуръ рѣзкихъ проявленій произвола. Даже барщинскіе крестьяне—и тѣ не до конца претерпѣвали, потому что имѣли свое хозяйство, въ которомъ самостоятельно распоряжались, и свои избы, въ которыхъ хоть на время могли укрыться отъ взора помѣщика и уберечься отъ случайности.

Конечно, и тутъ бывали нерѣдкія исключенія. Встрѣчались помѣщики, которые буквально выжимали изъ барщинскихъ крестьянъ послѣдній сокъ, поголовно томя на господской работѣ мужиковъ и бабъ шесть дней въ недѣлю и предоставляя имъ управляться съ своими работами только по праздникамъ. О такихъ помѣщикахъ такъ и говорили, что крестьяне у нихъ только по имени крестьяне, а въ сущности *тѣ же дворовые*. Но въ большинствѣ случаевъ это водилось только между мелкопомѣстными и сходило съ рукъ лишь до тѣхъ поръ, покуда мирволилъ предводитель дворянства. Я зналъ, напримѣръ, одного помѣщика-сосѣда, за которымъ числилось не больше семидесяти душъ крестьянъ, и который, несмотря на двадцать человѣкъ дѣтей, соблюдалъ всѣ правила пошехонскаго гостепріимства. Правда, что это гостепріимство обходилось не особенно дорого, и матеріалъ для него доставляли почти исключительно собственные продукты (даже чай подавался только при гостяхъ); тѣмъ не менѣе гости наѣзжали въ этотъ домъ часто, веселились и уѣзжали довольные. Но что всего важнѣе, при такихъ ничтожныхъ средствахъ, этотъ помѣщикъ далъ дѣтямъ воспитаніе не хуже другихъ (въ домѣ его всегда была гувернантка) и впослѣдствіи пристроилъ ихъ всѣхъ очень недурно. За то онъ не имѣлъ старосты, самъ вставалъ до свѣту, ходилъ по деревнѣ и выгонялъ крестьянъ на работу. Даже приготовленіе пищи разрѣшалось крестьянамъ, въ страдное время, только разъ на цѣлую недѣлю, и именно въ воскресенье, когда барщина закрывалась. Поэтому крестьяне жали свой хлѣбъ и косили траву урывками по ночамъ, а днемъ дѣти и подростки сушили сѣно и вязали снопы. Само собой разумѣется, что такая работа не особенно спорилась,

тѣмъ больше, что помѣщикъ не давалъ засаживаться въ подросткахъ, и мальчика пятнадцати лѣтъ уже сажалъ на тягло. И никто не называлъ его мучителемъ, а, напротивъ, всѣ указывали на него какъ на образцоваго хозяина.

Другой случай крестьянскаго безвременья (пастигавшій и оброчныхъ) представлялся тогда, когда баринъ ввѣрялся какому-нибудь излюбленному лакею и поручалъ ему управленіе имѣніемъ. Главный контингентъ этого рода управляющихъ доставляли люди до мозга костей развращенные и выслужившіеся при помощи разныхъ зазорныхъ услугъ. По одному капризу, имъ ничего не стоило, въ самое короткое время, зажиточнаго крестьянина довести до нищенства, а ради удовлетворенія минутнымъ вспышкамъ любострастія отнять у мужа жену или обезчестить крестьянскую дѣвушку. Жестоки они были неимовѣрно, но такъ какъ въ то же время строго блюли барскій интересъ, то никакія жалобы на нихъ не принимались. Много горя приняли отъ нихъ крестьяне, но за то и глубоко ненавидѣли ихъ, такъ что зачастую приходилось слышать, что тамъ-то или тамъ-то укокошили управителя и что при этомъ были пущены въ ходъ такіе утонченные пріемы, которые вовсе несвойственны простодушной крестьянской природѣ и которые могла вызвать только неудержимая потребность отмщенія. При такихъ извѣстіяхъ, вся помѣщичья среда, обыкновенно, затихала, но спустя короткое время забывала о случившемся и вновь съ легкимъ сердцемъ принималась за старые подвиги.

За всѣмъ тѣмъ, все-таки повторяю, что крестьянское житье было льготнѣе, нежели житье дворовыхъ людей.

Что касается до нашей семьи, то у отца, кромѣ разсѣянныхъ въ дальнихъ губерніяхъ мелкихъ клочковъ, душъ по двадцати, считалось въ Малиновцѣ триста душъ крестьянъ, которые и отбывали господскую барщину. Матушкино имѣніе (благопріобрѣтенное) было гораздо значительнѣе и заключало въ себѣ около трехъ тысячъ душъ, которыя всѣ безъ исключенія ходили по оброку. Матушка охотнѣе покупала оброчныя имѣнія, потому что они стоили дешевле и требовали меньше хлопотъ, а норма оброка между тѣмъ никакимъ регламентаціямъ не подвергалась и, стало быть, ее можно было при случаѣ увеличить. Нерѣдко ей предлагали перевести крестьянъ съ оброка на издѣлье, но она не увлекалась подобными предложеніями, пони-

мая, что затѣи такого рода могутъ повести къ серьезному переполоху между крестьянами и что, сверхъ того, заглазное издѣльное хозяйство, пожалуй, принесетъ не выгоды, а убытки. Безпокойная отъ природы, она, конечно, пропала бы отъ одной думы, еслибы послушалась благожелательныхъ совѣтовъ. И я думаю, что, дѣйствуя совершенно вопреки указаніямъ такъ-называемыхъ „хозяевъ“, она этимъ самымъ доказывала очень вѣрный хозяйственный инстинктъ. Этимъ же инстинктомъ она руководилась и при назначеніи сельскихъ начальниковъ. Бурмистровъ избирала изъ мѣстныхъ крестьянъ, преимущественно такихъ, на которыхъ указывала крестьянская молва. Даже малиновецкій староста, Ѳедотъ Гавриловъ, былъ назначенъ, такъ сказать, съ молчаливаго одобренія крестьянъ, которое она съумѣла угадать.

Впрочемъ, я лично зналъ только быть оброчныхъ крестьянъ, да и то довольно поверхностно. Матушка охотно отпускала насъ въ гости къ заболотскимъ богатѣямъ, и потому мы и насмотрѣлись на ихъ житье. За то въ Малиновцѣ насъ не только въ гости къ крестьянамъ не отпускали, но въ праздники и на посёлокъ ходить запрещали. Считалось неприличнымъ, чтобы дворянскія дѣти пріобщались къ грубому мужицкому веселью. Я долженъ, однакожъ, сказать, что въ этихъ запрещеніяхъ главную роль играли гувернантки.

Какъ бы то ни было, но фактовъ, которые доказывали бы, что малиновецкихъ крестьянъ притѣсняютъ работой, до меня не доходило, и я съ удовольствіемъ свидѣтельствую здѣсь объ этомъ. Напротивъ, изъ ежедневныхъ разговоровъ матушки съ старостой Ѳедотомъ я вынесъ убѣжденіе, что барщина въ Малиновцѣ отбывалась, какъ общее правило, братъ на брата, и что случайно забранные у крестьянъ впередъ дни зачитывались имъ впослѣдствіи. Отступленія отъ этого правила, конечно, бывали—и, разумѣется, не въ ущербъ господскому интересу,—но они составляли исключеніе и допускались только въ такихъ крайнихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, продолжительное ненастье или сухмень.

Вообще мужика берегли, потому что видѣли въ немъ тягло, которое производило полезную и для всѣхъ наглядную работу. Изнурять эту рабочую силу не представлялось разсчета, потому что подобный образъ дѣйствія сократилъ бы барщину и внесъ бы неурядицу въ хозяйственныя распоряженія. Поэтому главный секретъ добраго

помѣщичьяго управленія заключался въ томъ, чтобы не изнурять мужика, но въ то же время и не давать ему „гулять“. И матушка настолько проникласъ этимъ хозяйственнымъ афоризмомъ и такъ ловко съумѣла провести его на практикѣ, что и самимъ крестьянамъ не приходило въ голову усомниться въ его справедливости. Они, дѣйствительно, не „гуляли“, но и на тягости не жаловались.

Что касается дворни, то существованіе ея въ нашемъ домѣ представлялось болѣе чѣмъ незавидным. Я не боюсь ошибиться, сказавъ, что это въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ взгляда, установившагося вообще между помѣщиками на трудъ дворовыхъ людей. Трудъ этотъ, состоявшій преимущественно изъ мелкихъ домашнихъ послугъ, не требовавшихъ ни умственной, ни даже мускульной силы („Палашка! сбѣгай на погребъ за квасомъ!“ „Палашка! подай платокъ!“ и т. д.), считался не только легкимъ, но даже какъ бы отрицаніемъ дѣйствительнаго труда. Казалось, что люди не работаютъ, а суетятся, „мечутся какъ угорѣлые“. Отсюда—эпитеты, которыми такъ охотно награждали дворовыхъ: лежебоки, дармоѣды, хлѣбогады. Сгинетъ одинъ лежебокъ—его безъ труда можно замѣнить другимъ, другого—третьимъ и т. д. Во всякой помѣщичьей усадьбѣ этого добра было безъ счету. Исключеніе составляли мастера и мастерицы. Ими, конечно, дорожили больше („дай ему плюху, а онъ тебѣ цѣлую штуку матеріи испортитъ!“), но скорѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, такъ какъ основные порядки (пища, помѣщеніе и проч.) были установлены одни для всѣхъ, а слѣдовательно и они участвовали въ общей невзгодѣ на-ряду съ прочими „дармоѣдами“.

Однакожъ и въ средѣ дворовыхъ мужской прислугѣ жилось все-таки сноснѣе. Ея было меньше, и она не скучивалась въ такой массѣ въ лакейской. Сверхъ того, она не металась безпрерывно передъ глазами, потому что услуги ея не такъ часто требовались, а въ большинствѣ и работа ея была заглазная (столяры, ткачи и пр.). Вдобавокъ, встрѣчались въ ея средѣ такія личности, которыя могли за себя постоять. Это тоже нельзя было не принять въ разсчетъ. Всѣхъ подъ красную шапку не отдашь—есть люди нужные, безъ которыхъ въ домѣ нельзя обойтись. Они-то именно и „грубятъ“. Матушка на собственномъ горькомъ опытѣ убѣдилась въ этой истинѣ, и хотя большого труда ей стоило сдерживать себя, но она все-таки сдерживалась. Во всякомъ случаѣ, она настояла на одномъ: ни для

кого не допускала отступленій отъ заведенныхъ порядковъ, и только старалась избѣгать личныхъ сношеній съ грубіянами. Въ этомъ заключалась единственная льгота, которою пользовались послѣдніе, но льгота немаловажная, потому что встрѣчи съ матушкой, особенно въ нравственномъ смыслѣ, даже на самыхъ равнодушныхъ людей дѣйствовали раздражительно.

Но такъ-называемая дѣвичья положительно могла назваться убѣжищемъ скорби. По всему дому раздавался оттуда крикъ и гамъ, и неслись звуки, свидѣтельствовавшіе о расходившейся барской рукѣ. „Дѣвка“ была всегда на глазахъ, всегда подъ рукой и притомъ вполнѣ безотвѣтна. Поэтому съ ней окончательно не церемонились. Помимо барыни, ее тѣснили и барынины фаворитки. Съ утра до вечера она или неподвижно сидѣла наклоненная надъ пяльцами, или бѣгала сломя голову, исполняя барскія приказанія. Даже праздника у нея не было, потому что и въ праздникъ требовалась услуга. И за всю эту муку она пользовалась названіемъ дармоѣдки и была единственнымъ существомъ, къ которому, даже изъ разсчета, ни въ комъ не пробуждалось состраданія.

— У меня полонъ домъ дармоѣдокъ, — говаривала матушка: — а что въ нихъ проку, только хлѣбъ ѣдятъ!

И, высказавши этотъ суровый приговоръ, она была вполнѣ убѣждена, что устами ея говоритъ сама правда.

Кормили всѣхъ вообще дворовыхъ очень скудно и притомъ давали пищу, которую не всегда можно было назвать годною для употребленія. Когда въ дѣвичью приносили обѣдъ или ужинъ, то не только тамъ, но и по всему корридору чувствовался отвратительный запахъ, такъ что матушка, отъ природы неприхотливая, приказывала отворять настежь выходныя двери, чтобы сколько-нибудь освѣжить комнаты. Пустыя щи, тюря съ квасомъ и льняным масломъ, толокно—таковы были обычныя тени завтраковъ и обѣдовъ. По праздникамъ давали размазню на водѣ, чуть-чуть подправленную гусинымъ жиромъ, пироги изъ ржаной муки, отличавшіеся отъ простого хлѣба только тѣмъ, что середка была проложена тонкимъ слоемъ каши, и снятое молоко. Хлѣбъ отпускался съ вѣсу и строго учитывался. Словомъ сказать, было настолько голодно, что даже безотвѣтныя дѣвушки и тѣ отъ времени до времени позволяли себѣ роптать.

— Извольте, сударыня, попробовать!—говорила какая-нибудь изъ нихъ побойчѣе, вбѣгая въ матушкину спальню и принося небольшую деревянную чашку съ какою-то мутною и вонючею жидкостью.

Матушка зачерпывала въ ложку, пробовала и мгновенно сплевывала. Нѣсколько дней послѣ этого пища давалась болѣе сносная, но черезъ короткое время опять принимались за старые порядки, и система голода торжествовала.

Но, кромѣ голода, у женской прислуги былъ еще бичъ, отъ котораго хоть отчасти избавлялась мужская прислуга. Я разумѣю душныя и вонючія помѣщенія, въ которыхъ скучивались сѣнныя дѣвушки на ночь. И дѣвичья, и прилегавшіе къ ней темные закоулки представляли ночью въ полномъ смыслѣ слова клоаку. За недостаткомъ ларей, большинство спало въ повалку на полу, такъ что нельзя было пройти черезъ комнату, не наступивъ на кого-нибудь. Кажется, и домъ былъ просторный, и мѣста для всѣхъ вдоволь, но такъ въ этомъ домѣ все жестоко сложилось, что на каждомъ шагу говорило о какой-то преднамѣренной системѣ изнуренія.

Но довольно. Любопытствующихъ отсылаю къ началу хроники, гдѣ я упоминалъ и о другихъ невзгодахъ, постигавшихъ сѣнныхъ дѣвушекъ,—невзгодахъ еще болѣе возмутительныхъ, нежели дурное питаніе и недостатокъ простора. Прибавлю здѣсь, что распоряженія матушки, изъ которыхъ одно стѣсняло браки между дворовыми, а другое упраздняло мѣсячину, нанесли очень чувствительный ударъ всей дворнѣ. Первое низвело дворовыхъ на степень вѣчно вожделѣющихъ звѣрей; второе лишило ихъ своего угла и возможности распоряжаться въ томъ крохотномъ *собственномъ* хозяйствѣ, которымъ они пользовались при прежнихъ порядкахъ.

XVIII.—Аннушка.

Собственно говоря, Аннушка была не наша, а принадлежала одной изъ тетенекъ-сестрицъ. Но такъ какъ послѣднія большую часть года жили въ Малиновцѣ, и она всегда ихъ сопровождала, то въ нашей семьѣ всѣ смотрѣли на нее какъ на „свою“.

Это было простодушнѣйшее существо, съ виду нѣсколько строптивое, но внутренно преисполненное доброты и жалѣнія. Качества эти были настолько преобладающими въ ней, что изъ всей дѣтской обстановки ни одинъ образъ не уцѣлѣлъ въ моей памяти такъ полно и живо, какъ ея. Малорослая, приземистая, съ лицомъ цвѣта сильно обожженнаго кирпича, формою своей напоминавшимъ гусиное яйцо и усѣяннымъ крупными бородавками, она не казалась, однако, безобразной, благодаря тому выраженію убѣжденности, которое было разлито во всемъ ея существѣ. Глаза ея, покрытые старческою влагою, едва выглядывали изъ-подъ толстыхъ, какъ бы опухшихъ вѣкъ (одинъ глазъ даже почти совсѣмъ закрылся, такъ что на его мѣстѣ видно было только мигающее вѣко); большой носъ, точно цитадель, господствовалъ надъ мясистыми щеками, которыхъ не избороздила еще ни одна морщина; подбородокъ былъ украшенъ приличествующимъ зобомъ. Походка у нея была тяжелая, медленная, голосъ густой и грубый. Лѣтами ея никто не интересовался, такъ какъ она, повидимому, уже смолоду смотрѣла старухой; извѣстно было, однакожъ, что она была ровесницей тетенькѣ Марьѣ Порфирьевнѣ и вмѣстѣ съ нею росла въ Малиновцѣ. Вообще наружностью своей она напоминала почернѣвшіе портреты старыхъ бабушекъ, которые долгое время украшали стѣны нашей залы, пока, наконецъ, не были вынесены, по приказанію матушки, на чердакъ.

Подобно отцу, тетеньки-сестрицы не особенно налегали на трудъ и личность своихъ крѣпостныхъ, хотя послѣдніе терпѣли не мало отъ ихъ чудачествъ и безалаберности. Поэтому, на всѣхъ уголковскихъ крестьянахъ (имѣніе тетенекъ называлось „Уголкомъ“) лежалъ особый отпечатокъ: они хотя и чувствовали на себѣ иго рабства, но несли его безъ ропота и были, такъ сказать, рабами *по убѣжденію*. Аннушка принадлежала къ числу такихъ убѣжденныхъ; у нея даже сложился свой рабскій кодексъ, котораго она не скрывала. Кодексъ

этотъ былъ немногосложенъ и имѣлъ въ основаніи своемъ аѳоризмъ, что рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избранникамъ, которыхъ за это ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ.

— Христосъ-то для черняди съ небеси сходилъ,—говорила Анпушка,—чтобы черный народъ спасти, и для того благословилъ его рабствомъ. Сказалъ: рабы, господамъ повинуйтесь, и за это сподобитесь вѣнцовъ небесныхъ.

Но о томъ, какихъ вѣнцовъ сподобятся въ будущей жизни господа, она, конечно, умалчивала.

Доктрина эта въ то время была довольно распространенною въ крѣпостной средѣ и, повидимому, даже подтверждала крѣпостное право. Но помѣщики чутьемъ угадывали въ ней нѣчто злокачественное (въ понятіяхъ пуристовъ-крѣпостниковъ самое „разсужденіе“ о послушаніи уже представлялось крамольнымъ), и потому если не прямо преслѣдовали адептовъ ея, то всячески къ нимъ придирались.

Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не обидно было, напримѣръ, Фролу Терентьичу Балаболкину слышать, что онъ, „столбовой дворянинъ“, на вѣчныя времена осужденъ въ аду раскаленную сковороду лизать, тогда какъ Минка-чумичка или Ванька-подлецъ будутъ по райскимъ садамъ гулять, золотыя яблоки рвать и вмѣстѣ съ ангелами славословить?!

— И добро бы они „настоящій“ рай понимали!—негодуя, прибавила сестрица Фрола Терентьича, Непила Терентьевна:—а то какой у нихъ рай! имъ бы только жрать, да сложа ручки сидѣть, да пѣсни орать! вотъ, по ихнему, рай!

Этому толкованію всѣ смѣялись, но въ то же время наматывали на усъ, что даже и такой грубый рай все-таки предпочтительнѣе, нежели обязательное лизаніе раскаленной сковороды.

— И какъ вѣдь, канальи, притворяются!—все больше и больше распалялся господинъ Балаболкинъ:—„батюшко!“ да „кормилецъ!“ да „вы наши отцы, мы—ваши дѣти“—только и словъ! На конюшню бы васъ, мерзавцевъ, да драть, покуда небо съ овчинку не покажется! Да еще что! давеча иду я мимо лакейской, слышу Паладкинъ голосъ и остановился. И что-жъ, вы думаете, онъ проповѣдуетъ? „Христосъ-то батюшка,—говоритъ,—что сказалъ? ежели тебя въ ланиту ударятъ,—подставь другую!“ Не вытерпѣлъ я, вошелъ, да какъ гаркну: вотъ я тебя разомъ, шельмецъ, по обѣимъ ланитамъ

вздую, чтобъ ты уже и не подставлялъ!.. Такъ вѣдь вотъ какой закоренѣлый, даже и тутъ не очнулся. „Извольте, сударь! мы изъ вашей воли не выходимъ“.

Такова была несложная теоретическая сущность Аннушкиной доктрины. Но жизнь дѣлала свое дѣло и не позволяла оставаться исключительно на высотахъ теоретическихъ воззрѣній, а требовала примѣненій и къ суровой дѣйствительности. Возникала цѣлая серія практическихъ ограниченій, которыя, на помѣщичьемъ языкѣ, уже прямо назывались бунтовскими. Хоть и слѣдовало безпрекословно принимать *все* и отъ *всякаго* господина, но сквозь общую ноту послушанія все-таки просачивалась мысль, что и господа имѣютъ извѣстныя обязанности относительно рабовъ, и что тѣ, которые эти обязанности выполняютъ, и въ будущей жизни облегченье получатъ. Само собой разумѣется, что подобное критическое отношеніе выражалось болѣе нежели робко, но и его было достаточно, чтобы внушить господамъ, что мозги хамовъ все-таки не вполнѣ забиты и что въ нихъ происходитъ какая-то работа. И работа тѣмъ болѣе непріятная, что она, стѣсняя въ распоряженіяхъ вообще, въ особенности обуздывающимъ образомъ дѣйствовала на ручную расправу.

— Бѣда, какъ этотъ духъ въ дворнѣ заведется,—говаривала матушка:—ходятъ, тихони, на цыпочкахъ, ровно святые! Ни ты ему слово не скажи, ни пальцемъ его не-тронь! „Слушаю-съ, вся ваша воля“—только и словъ... И ни усмѣшечки въ лицѣ, ни въ голосѣ повышенія... привязаться не къ чему! А посмотри на него—всякая жилка у него говоритъ: что же, молъ, ты не бьешь?—бей! зато въ будущемъ вѣкѣ отольются кошкѣ мышкины слезки!“ Ну, посмотришь, посмотришь, увидишь, что дѣло идетъ своимъ чередомъ,—по-неволѣ и остережешься! Потому что расправься-ка съ нимъ, такъ онъ расправу-то за награду себѣ почтетъ!

— И я, признаться, этихъ тихонь не долюбливаю,—обыкновенно отзывался на эти сѣтованія отецъ:—тихи-тихи, а что у нихъ на умѣ—не угадаешь. Строже съ нихъ спрашивать надо!

— Какъ же ты спросишь, коли у него въ порядкѣ все, привязаться не къ чему!

— Ну, ты найдешь. Была бы спина, а то будетъ вина! что говорить объ этомъ!

Аннушка была насквозь пропитана указаніями выработаннаго

ею кодекса, и не только не скрывала этого отъ своихъ „барышенъ“. но даже и отъ матушки.

Она родилась въ Малиновцѣ и страстно любила не только мѣсто своей родины, но и все относившееся къ нему, не исключая и господъ. Къ отцу она относилась какъ къ патріарху; „барышнямъ“ была безконечно предана. Вмѣстѣ съ ними она была осуждена на безвыходное заключеніе, въ продолженіе цѣлой зимы, наверху въ боковушкѣ. и, какъ онѣ же, сходила внизъ исключительно въ часы ѣды, да въ праздникъ, чтобы идти въ церковь. Только къ матушкѣ она, кажется. питала не совсѣмъ пріязненныя чувства. хотя и тутъ, я увѣренъ, всячески старалась подавлять свою нелюбовь.

Въ свою очередь, и отецъ, и тетенька очень дорожили Анпушкой, что̀ не мѣшало имъ, впрочемъ, звать ее то Анюткой, то Анкой-каракатицей. Нерѣдко отецъ, послѣ утренняго чая, заходилъ къ сестрицамъ, усаживался на одномъ изъ сундуковъ и предавался воспоминаніямъ о прошломъ. Анпушка всегда принимала участіе въ этихъ интимныхъ бесѣдахъ, „точно ровня“. хотя, яко раба, присутствовала при нихъ стоя. Передъ собесѣдниками во-очію возставовлялся прежній, тихій Малиновецъ. гдѣ всѣмъ было хорошо, всего довольно и всѣ были связаны общимъ желаніемъ мира и любви. Вспоминались покойный дѣдушка Порфирій Васильичъ. покойная бабушка Надежда Осиповна, ихъ наставленія, поговорки, привычки и даже любимыя кушанья. Не забывались и старые слуги, усердные, вѣрные. преданные, и всѣ мастера своего дѣла. И принять, и подать, и приготовить — на все у нихъ золотыя руки были. И не изъ-подъ плетки работали, а любя... Весело въ ту пору жилось, гульливо, привольно! Сговорятся. бывало, сосѣди и съѣдутся въ Малиновецъ за-просто. Мужчины постарше съ борзыми на охоту уѣдутъ: барыни постарше соберутъ свѣжихъ дѣвушекъ и заставятъ пѣсни пѣть; молодежь въ пляскѣ пустится. пыль столбомъ поднимется.

— Наливки какія были! водки! квасы!—восторгалась тетенька Ольга Порфирьевна, которая. въ качествѣ христовой невѣсты, смолоду около хозяйства ходила.

— Да, и я прежде квасъ пивалъ, а нынѣче не пью.—откликался отецъ.

— Какой нынѣче квасъ! Или опять соленья, варенья—нынѣче и секретъ-то этотъ потерянъ!

— Нынче и овоща такого нѣтъ. Помните, братецъ, какія бывали яблоки?

— Да, помню, какъ однажды при мнѣ покойникъ-батюшка изъ сада принесъ яблоко—вотъ!

Отецъ складывалъ вмѣстѣ оба кулака, чтобъ дать понятіе о величинѣ яблока.

— И куда все дѣвалось!—грустно произносилъ онъ.

— А помните, какъ батюшка пріятно на гуслях играль!—начинала новую серію воспоминаній тетенька Марья Порфирьевна: —„Звукъ унылый фортепьяна“, или: „Се ты, души моей присуха“... до слезъ, бывало, пройметь! Вѣдь и вы, братецъ, прежде игрывали?

— Да, игралъ.

— И куда ваши гусельки дѣвались—словно я ихъ давно не вижу?

— На чердакъ, должно быть, снесли.

— Не иначе, какъ на чердакъ... А кому они мѣшали! Ахъ, да что про старое вспоминать! Нынче взойдешь въ дѣвичью-то—словно въ гробу дѣвки сидятъ. Не токма-что нѣсню снѣть, и слово молвить промежду себя боятся... А при покойницѣ-матушкѣ...

— Да, хорошо тогда было! всѣмъ было хорошо! а нынче—всѣмъ худо стало!

— Забылись—оттого и худо стало,—кратко и круто рѣшала Аннушка.

Рѣшеніе это всегда сердило отца. Онъ понималъ, что Аннушка не одинъ Малиновецъ разумѣетъ, а вообще „господъ“, и считалъ ея слово кровною обидой.

— Забылись! кто забылся?—говори, долгоязычная, коли знаешь!—накидывался онъ на строптивую рабу.

— Извѣстно, не рабы, а господа забылись,—отвѣчала она. ни мало не смущаясь.

— Ахъ ты, долгоязычная язва! Только у тебя и словъ на языкѣ, что про господъ судачить! Просто, выскочила изъ-подъ земли вѣдьма (матушкѣ, вѣроятно, икалось въ эту минуту) и повернула по своему. А она: „господа забылись“!

— Тьфу, тьфу, тьфу!—сгинь-пропади!—отплевывались при словѣ „вѣдьма“ тетеньки, набожно крестясь.

Отецъ задумывался.—Словно вихремъ все унесло!—мелькало у

него въ головѣ.—Снять дорогіе покойники на погостѣ подъ сѣнію храма, ими воздвигнутаго, даже памятниковъ настоящихъ надъ могилами ихъ не поставлено. Пройдетъ еще годковъ десять—и тѣ крохотненькія пирамидки изъ кирпича, которыя съ самаго начала были наскоро сложены, разрушатся сами собой. Только Спасъ Милостивый и будетъ охранять обнаженныя могильныя насыпи.

— Пожалуй, и березку-то самосадочную, которая на батюшкиной могилкѣ выросла—и ту на дрова изведутъ!

— Ахъ, братецъ, да вы бы...

— Что-жъ я... старъ я, умирать пора!

Просидѣвши съ сестрами часъ или полтора, отецъ спускался внизъ и затворялся въ своемъ кабинетѣ, а тетеньки, оставшись одни, принимались за работы изъ фольги [1]), въ которыхъ онѣ слыли большими мастерицами. Аннушка, въ свою очередь, скрывалась за печку, гдѣ ей было отведено крохотное пространство, буквально столько, чтобы постелить войлокъ, на которомъ она спала. Тамъ царствовали вѣчныя сумерки и ползало и прыгало такое множество насѣкомыхъ, что даже это вполнѣ обтерпѣвшееся существо страдало отъ нихъ. Сидя на обрубкѣ дерева, Аннушка съ утра до вечера машинально надвязывала пятки къ продырявившимся тетенькинымъ чулкамъ и, покачиваясь, дремала. Говорила ли она себѣ, что жить уже довольно, или, напротивъ, просила у Бога еще хоть крошечку пожить—неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, она и то, и другое желаніе считала грѣхомъ—и вслѣдствіе этого просто жила.

И не одна она такъ жила; тетеньки, и почище ея, а не лучше жили. Стало быть, ей, рабѣ, и подавно претендовать на другую жизнь нечего. Христосъ Спасъ Милостивый благословилъ ее рабствомъ—вотъ это она помнитъ твердо, и ужъ, конечно, никому не удастся подорвать ея убѣжденіе, что въ будущемъ вѣкѣ она будетъ сторицей вознаграждена за свои временныя страданія. Сильная этимъ убѣжденіемъ, она бодро пойдетъ на встрѣчу безболѣзненной и мирной кончинѣ, а до тѣхъ поръ будетъ сидѣть за печкой и „жить“. Да и тетеньки, покуда она тамъ покряхтываетъ и почесывается, будутъ съ

[1]) Фольгой называлась жесть самой тонкой прокатки, окрашиваемая въ разные цвѣта. Изъ нея дѣлали преимущественно украшенія для мѣстныхъ церковныхъ свѣчей, вѣнчики для образовъ, а иногда и цѣлые оклады.

увѣренностью утверждать, что ежели Анпушка почесывается, то, значитъ, она „живетъ“.

Во всякомъ случаѣ, въ боковушкѣ всѣ жили въ полномъ согласіи. Госпожи „за любовь“ приказывали. Анпушка — „за любовь“ повиновалась. И если, по временамъ, барышни называли свою рабу строптивою, то это относилось не столько къ внутренней сущности рѣчей и поступковъ послѣдней, сколько къ ихъ своеобразной формѣ.

Только одинъ разъ согласіе было нарушено и Анпушка вполнѣ сознательно позволила себѣ быть строптивою. И именно вотъ по какому случаю. Въ припадкѣ проказливости, тетенькѣ Маръѣ Порфирьевнѣ вдругъ вздумалось выдать Анку-каракатицу (въ то время обѣ, и барышня, и раба, были еще молоды) замужъ. Серьезно ли въ ней гнѣздилось это намѣреніе, или она только шутки шутила, во всякомъ случаѣ Анпушка испугалась. Да и было отъ чего: въ женихи ей выбрали самаго рослаго дѣтину изъ всей уголковской вотчины. Анпушка бросилась къ тетенькѣ Ольгѣ Порфирьевнѣ, но послѣдней сестрицына мысль показалась настолько забавной, что она и сама не отказалась принять участіе въ затѣянномъ сватовствѣ. Недѣли двѣ-три сряду томили веселыя сестрицы несчастную каракатицу и, наконецъ, объявили, что черезъ день быть дѣвичнику. И вотъ, въ виду неминучей бѣды, Анпушка рѣшилась ослушаться. Украдучись, ушла она ночью изъ Уголка; почти безъ отдыха отмахала сорокъ верстъ, и на другой день къ обѣду была уже въ Малиновцѣ. Разумѣется, отецъ (онъ былъ еще холостой) принялъ ее подъ свое покровительство, написалъ тетенькамъ грозное письмо, и затѣя не состоялась. Но невольно спрашиваешь себя: что сталось бы, еслибы и на отца нашелъ такой же смѣшливый часъ, какъ и на тетеньку Ольгу Порфирьевну?

Но возвращаюсь къ міросозерцанію Анпушки. Я не назову ее сознательной пропагандисткой, но поучать она любила. Во время всякой ѣды въ дѣвичьей немолчно гудѣлъ ея голосъ, какъ будто она вознаграждала себя за то мертвое молчаніе, на которое была осуждена въ боковушкѣ. У матушки всегда раскипалось сердце, когда до слуха ея долетало это гудѣніе, такъ что, даже не различая явственно Анпушкиныхъ рѣчей, она ужъ угадывала ихъ смыслъ.

Рѣчи эти были въ высшей степени однообразны и по существу, и по формѣ. Преслѣдуя исключительно одну и ту же мысль, онѣ дав-

нымъ-давно исчерпали все ея содержаніе, но имѣли за собой то преимущество, что обращались къ такой средѣ, которая никогда не могла достаточно насытиться ими. „Повинуйтесь! повинуйтесь! повинуйтесь! причастницами свѣта небеснаго будете!“—твердила она безпрестанно и приводила примѣры изъ евангелія и житій святыхъ (какъ на грѣхъ, она церковныя книги читать могла). А такъ какъ и безъ того въ основѣ установившихся порядковъ лежало безусловное повиновеніе, во имя котораго только и разрѣшалось дышать, то всѣмъ становилось какъ будто легче при напоминаніи, что удручающія вериги рабства не были дѣйствіемъ фаталистическаго озорства, но представляли собой временное испытаніе, въ концѣ котораго обѣщалось возсіяніе въ присносущемъ небесномъ свѣтѣ.

Возражательницъ не случалось; только Акулина ключница не упускала случая, чтобы не прикрикнуть на нее.

— Закаркала, ворона, слушать тошно! повинуйтесь да повинуйтесь! и безъ тебя знаютъ!

Да еще матушка, подслушавши разговоръ, откликалась изъ коридора:

— Ты что, бунтовщица, мутишь? доѣдай свое, да и отправляйся въ боковушку!

— Я не мучу, а добру учу,—возражала Аннушка:—я говорю: ежели господинъ слово бранное скажетъ—не рощи; ежели рану причинитъ—прими съ благодарностью!

— Такъ по твоему, значитъ, господа только и дѣлаютъ, что ругаются да причиняютъ раны рабамъ?

— Я не говорю: только и дѣлаютъ, я говорю: *сей* господинъ раны причинитъ...

— Ну, хорошо; пусть будетъ по твоему: *сей* причинитъ... а дальше что?

— А потомъ, сударыня, Богъ разсудитъ.

— То-то „Богъ разсудитъ“! Велю я тебя отодрать на конюшнѣ и увижу, какъ ты благодарить меня будешь!

— И буду благодарить. Въ ножки, сударыня, поклонюсь.

Дальнѣйшихъ послѣдствій стычки эти не имѣли. Во-первыхъ, не за что было ухватиться, а во-вторыхъ Аннушку ограждала общая любовь дворовыхъ. Нельзя же было вести ее на конюшню за то, что она учила рабовъ съ благодарностью принимать отъ господъ раны!

Еслибы въ самомъ-то дѣлѣ по ея сталось, тогда бы и разговоръ совсѣмъ другой былъ. Но то-то вотъ и есть: на словахъ: „повинуйтесь! да благодарите!“ — а на дѣлѣ... Держи карманъ! могутъ они что-нибудь чувствовать... хамы! Легонько его поучишь, а онъ ужъ зубы на тебя точитъ!

— Вишь-ка! Вишь! лучше не слушать тебя, сраминцу!—заключала матушка, удаляясь во-свояси.

Однажды, однако, матушка едва не приняла серьезнаго рѣшенія относительно Аннушки. Былъ какой-то большой праздникъ, но такъ какъ услуга по дому и въ праздникъ нужна, да сверхъ того матушка въ этотъ день чѣмъ-то особенно встревожена была, то, натурально, сѣнныя дѣвушки не гуляли. По обыкновенію Аннушка произносила за обѣдомъ приличное случаю слово, но, какъ я уже замѣтилъ, вступивши однажды на практическую почву, она уже не могла удержаться на высотѣ теоретическихъ воззрѣній и незамѣтно впала въ противорѣчіе сама съ собою.

— Богъ-то какъ сдѣлалъ?—учила она:—шесть дней творилъ, а на седьмой—почилъ. Такъ и всѣ должны. Не только люди, а и звѣри. И волкъ, сказываютъ, въ воскресенье скотины не рѣжетъ, а лежитъ въ болотѣ и отдыхаетъ. Стало быть, ежели кто Господней заповѣди не исполняетъ...

Но ключница даже кончить ей не дала. Подъ ея надзоромъ состояла вся дѣвичья, и она отвѣчала передъ барыней за порядокъ и тишину среди „безпорточной команды“. Не мудрено, поэтому, что она подозрительно отнеслась къ Аннушкиной проповѣди.

— Ты что-жъ это! взаправду бунтовать вздумала!—крикнула она на нее: — по твоему, стало быть, ежели, теперича, праздникъ, такъ и барышнихъ приказаній исполнять не слѣдуетъ! Сидите, моль, сложивши ручки, самъ Богъ такъ велѣлъ... Вотъ я тебя... погоди!

Съ этими словами она выбѣжала изъ дѣвичьей и нажаловалась матушкѣ. Произошелъ цѣлый погромъ. Матушка требовала, чтобы Аннушку немедленно услали въ Уголокъ, и даже грозилась отправить туда же самихъ тетенекъ-сестрицъ. Но, благодаря вмѣшательству отца, дѣло кончилось крикомъ и угрозами. Онъ тоже не похвалилъ Аннушку, но ограничился тѣмъ, что поставилъ ее въ столовой, во время обѣда, на колѣни. Сверхъ того, цѣлый мѣсяцъ ее, „за наказаніе“, не пускали въ дѣвичью и носили пищу наверхъ.

Вообще много горя приняла Аннушка отъ ключницы, хотя нельзя сказать, чтобы послѣдняя была зла по природѣ или питала предвзятую вражду къ долгоязычной каракатицѣ. Едва ли онѣ даже не сходились во взглядахъ на условія, при которыхъ возможно совмѣстное существованіе господъ и рабовъ (объ одинаково признавали слѣпое повиновеніе главнымъ факторомъ этихъ условій), но первая была идеалистка и смягчала свои взгляды на рабство утѣшеніями „отъ писанія“, а вторая, какъ истая саддукеянка, смотрѣла на рабство какъ на фаталистическое ярмо, которое при самомъ рожденіи придавило шею, да такъ и приросло къ ней. Поэтому ничего нѣтъ мудренаго, что Аннушкины проповѣди представлялись Акулинѣ праздною болтовней, которая могла только безполезно раздражать.

Сверхъ того, положеніе Акулины въ господской усадьбѣ сложилось нѣсколько иначе, нежели для прочей прислуги. Она была привезѐнка и не имѣла никакой кровной связи съ Малиновцомъ и его аборигенами. Матушка высмотрѣла ее въ Заболотьѣ, гдѣ она, въ качествѣ бобылки, жила на краю села, существуя ничтожной торговлишкой на площади въ базарные дни. Убѣдившись изъ разспросовъ, что это женщина расторопная, что она можетъ понимать съ перваго слова, да и сама за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, матушка безъ дальнихъ разсужденій взяла ее въ Малиновецъ, гдѣ и поставила смотрѣть за женской прислугой и стеречь господское добро. Эту роль она и исполняла настолько буквально, что и сама себя называла не иначе какъ цѣпною собакой. Ни вражды, ни ненависти ни къ кому у нея не было, а былъ только тотъ самодовлѣющій начальственный лай, отъ котораго вчужѣ становилось жутко.

— Посадили меня на цѣпь—я и лаю!—объявляла она:—вы думаете, что мнѣ барскаго добра жалко, такъ по мнѣ оно хоть пропадомъ пропади! А приставлена я его стеречи—и буду скакать на цѣпи да лаять, пока не издохну!

Однимъ словомъ, это былъ лай, который до такой степени исчерпывалъ содержаніе ярма, придавившаго шею Акулины, что ни для какого иного душевнаго движенія и мѣста въ ней не осталось. Матушка знала это и хвалилась, что нашла для себя въ Акулинѣ кладъ.

Нѣчто подобное сейчасъ разсказанному случаю, впрочемъ задолго до него, произошло съ Аннушкой и въ другой разъ, а именно, когда вышелъ первый ограничительный, для помѣщичьей власти, указъ.

воспрещавшій продавать крѣпостныхъ людей иначе, какъ въ составѣ цѣлыхъ семействъ. Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по селамъ и деревнямъ, а въ концѣ концовъ достигла и до малиновецкой дѣвичьей. Впечатлѣніе, произведенное ею, было несомнѣнно, хотя выразилось исключительно въ шушуканьѣ и потупленныхъ взорахъ, значеніе которыхъ было доступно лишь тонкому чутью помѣщиковъ („ишь, нельзецы! и глаза потупили, выдать себя не хотятъ!"). Матушка, натурально, зорко слѣдила за всѣмъ происходившимъ и въ особенности внимательно прислушивалась, что будетъ Анютка брехать. И точно: Анпушка не заставила себя ждать, и уже совсѣмъ-было собралась сказать приличное случаю слово, но едва вымолвила: „Милостивъ батюшка-царь! и объ насъ, многострадальныхъ рабахъ, вспомнилъ..." — какъ матушка уже налетѣла на нее.

— Цыцъ, язва долгоязычная! — крикнула опа.—Смотрите, какая многострадальная выискалась! Да не ты ли, подлая, завсегда проповѣдуешь: отъ господъ, молъ, всякую рану слѣдуетъ съ благодарностью принять!—а тутъ, натко, обрадовалась! За что же ты вѣнцы-то небесные будешь получать, ежели господинъ не смѣетъ, какъ ему надобно, тебя повернуть? Задаромъ? Вотъ возьму, выдамъ тебя замужъ за Ваську-дурака, да и продамъ съ аукціона! получай вѣнцы небесные!

Въ этотъ разъ Анпушкина выходка не сошла съ рукъ такъ благополучно. И отецъ не вступился за нее, ибо хотя онъ и признавалъ теорію благодарнаго повиновенія рабовъ, но никакихъ практическихъ осложненій въ ней не допускалъ. Анпушку постегали...

Не знаю, понимала ли Анпушка, что въ ея рѣчахъ существовало двогласіе, но думаю, что еслибы матушкѣ могло придти на мысль затѣять когда-нибудь съ нею серьезный диспутъ, то побѣдительницею вышла бы не раба, а госпожа. Повторяю: Анпушка уже по тому одному не могла не впадать въ противорѣчія съ своимъ кодексомъ, что на эти противорѣчія наталкивала ее сама жизнь. Положимъ, что принять отъ господина раны слѣдуетъ съ благодарностью, но вотъ бѣда: вчера выпороли „занапрасно" Аришку, а она дѣвушка хорошая, жаль ее. Или опять: Мирошу Степанычу намедпись безъ зачета лобъ забрили — за что про что? Какъ, въ виду такихъ фактовъ, удержаться на высотѣ теоріи, какъ не высказаться? А выскажешься —

опять бѣда! Мотай себѣ господинъ на усъ, что онъ, собственно говоря, не выпоролъ Аришку, а способствовалъ ей получить небесный вѣнецъ... „вотъ вѣдь какъ они, тихони-то эти, благодарность понимаютъ!“

Какъ бы то ни было, но Аннушка чувствовала себя вполнѣ свободною только въ отсутствіе матушки. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣднею овладѣлъ духъ благопріобрѣтенія, случаи подобныхъ отсутствій повторялись довольно часто. Она уѣзжала то въ Москву, то въ новокупленныя имѣнія, и поѣздки ея бывали иногда довольно долгія. Съ отъѣздомъ матушки обыкновенно оживлялся весь домъ. Отецъ не сидѣлъ безвыходно въ кабинетѣ, но бродилъ по дому, толковалъ со старостой, съ ключницей, съ поваромъ, словомъ сказать, распоряжался; тетеньки-сестрицы сходили къ вечернему чаю внизъ и часовъ до десяти бесѣдовали съ отцомъ; дѣти рѣзвились и бѣгали по залѣ; въ дѣвичьей затѣвались пѣсни, сначала робко, потомъ громче, и громче; даже у ключницы Акулины лай стихалъ въ груди. Вслѣдъ за тетеньками сходила внизъ, по вечерамъ, и Аннушка.

Въ дѣвичьей ей отводили мѣсто въ уголку у стола, на которомъ горѣлъ сальный огарокъ. Дѣвушки пряли. Аннушка надвязывала чулокъ и разсказывала. Темою для этихъ разсказовъ преимущественно служило подвижничество мучениковъ первыхъ временъ христіанства (любимыми ея героинями были великомученицы Варвара и Екатерина). Говорила она плавно и вразумительно, такъ что даже мы, барчуки, нерѣдко забѣгали въ дѣвичью и съ удовольствіемъ ее слушали. Выходила яркая картина, въ которой, съ одной стороны, фигурировали немилостивые цари: Неронъ, Діоклетіанъ, Домиціанъ и проч., въ какомъ-то нелѣпо-кровожадномъ забытьи твердившіе одни и тѣ же слова: „пожри идоламъ! пожри идоламъ!“ —съ другой —кроткія жертвы ихъ звѣрскихъ инстинктовъ, съ радостью всходившія на костры и отдававшія себя на растерзаніе звѣрямъ. Впечатлѣніе было бы полное, еслибъ Аннушка ограничилась простымъ изложеніемъ фактовъ, но она не воздерживалась и выводила изъ нихъ поученія.

— Вотъ какъ святые-то приказанія царскія исполняли!—говорила она:—на костры шли, супротивнаго слова не молвили, только имя Господне славили! А мы что? Легонько нашу сестру господинъ пошпыняетъ, а мы ужъ кричимъ: немилостивый у насъ господинъ, кровь рабскую пьетъ!

Разумѣется, Акулина подмѣчала противорѣчіе между фактомъ и выводомъ и не оставляла его безъ критики.

— Дура ты, дура!—возражала она:—вѣдь ежели бы по твоему, какъ ты завсегда говоришь, повиноваться, такъ святой-то человѣкъ долженъ бы былъ безъ разговоровъ чурбану поклониться—только и всего. А онъ—вишь ты что!—лучше, говоритъ, на куски меня изрѣжь, а я твоему Богу не слуга!

Но Аннушка не смущалась этимъ возраженіемъ и, въ свою очередь, не лѣзла за словомъ въ карманъ.

— Такъ и слѣдуетъ,—отвѣчала она:—надъ тѣломъ рабскимъ и царь, и господинъ властны, и всякое тѣлесное истязаніе рабъ долженъ принять отъ нихъ съ благодарностью, а надъ душою властенъ только Богъ.

— Стало быть, и ты будешь права? Тебѣ госпожа скажетъ: не болтай лишняго, долгоязычная, а ты ей въ отвѣтъ; что хотите, сударыня, дѣлайте, хоть шкуру съ меня спустите, я все съ благодарностью приму, а молчать не буду!

— Ну, что ужъ меня къ святымъ приравнивать!

— Нѣтъ, ты не увертывайся. Я тебя къ святымъ не приравниваю, а спрашиваю: должна ли ты приказаніе госпожи выполнить или нѣтъ?

Завязывался диспутъ, и должно сознаться, что въ большинствѣ случаевъ Аннушка вынуждалась уступить. Конечно, сравнительная слабость ея діалектики отчасти зависѣла и отъ особенностей того положенія, въ которомъ она находилась, яко раба, и которое препятствовало ей высказаться съ полною опредѣленностью, но фактически Акулина все-таки торжествовала.

— То-то вотъ и есть,—заключала споръ послѣдняя:—и безъ того не сладко на каторгѣ жить, а ты еще словно дятелъ долбишь: повинуйтесь, да повинуйтесь!

Когда разсказы о мученикахъ истощались, на сцену выступали темы болѣе современныя.

Нѣкоторыя изъ нихъ я и теперь помню. Жилъ въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ господинъ немилостивый, который десятки лѣтъ свирѣпствовалъ въ своихъ вотчинахъ. Много онъ невинныхъ душъ погубилъ; и дѣломъ, и словомъ, и помышленіемъ—всячески убивалъ, и крестьянъ своихъ до нитки разорилъ. И все

ему Богъ терпѣлъ, все ждалъ, что̀ отъ него дальше будетъ, но, наконецъ, прогнѣвался. Жена у господина была—съ любовникомъ убѣжала; семь сыновъ было — всѣ одинъ за другимъ напрасною смертью сгибли. А тутъ, на грѣхъ, сгорѣлъ господскій домъ и всѣ пожитки, какіе въ немъ были, и золото, и серебро—словомъ, все пропало. Остался господинъ одинокъ, ни семьи, ни пріюта—ничего у него нѣтъ. И началъ онъ задумываться. Думалъ, да думалъ, да, наконецъ, и рѣшилъ. Надѣлъ что ни на есть ветхую одежонку, взялъ въ руки посошокъ и ушелъ крадучись ночью, чтобъ никто не видалъ. Искали его, искали, даже на крестьянъ думали, не убили ли, молъ, своего барина. И только лѣтъ десять спустя узнали, что онъ въ дальній-дальній монастырь скрылся и схиму принялъ. Тогда все раскрылось: и тиранство господина, и раскаяніе его. Узналъ батюшка-царь и велѣлъ господина, за давнимъ временемъ, судомъ не судить, а имѣніе его отписать въ казну. Теперь мужички живутъ хорошо, отдохнули.

Но Акулина и этого безхитростнаго разсказа не пропускала безъ критики.

— Коли послушаешься тебя, что ты завсе безъ ума болтаешь,— замѣтила она,—такъ Богу-то въ это дѣло и мѣшаться не слѣдъ. Пускай, молъ, господинъ рабовъ истязаетъ, зато они вѣнцовъ небесныхъ сподобятся!

— Да вѣдь человѣчьему долготерпѣнію предѣлъ положенъ. Не святые, а тоже люди—долго ли до грѣха! Иной не вытерпитъ, да своимъ судомъ себѣ правду добыть захочетъ, а Богъ его за это наказать долженъ.

— И накажетъ. Терпи. Умрешь, тогда и получишь награду.

Героемъ другого разсказа, тоже сложившагося подъ давленіемъ крѣпостного ига, былъ купецъ. Жилъ-былъ этотъ купецъ въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ и владѣлъ несмѣтными сокровищами. Только неправедно онъ эти сокровища нажилъ: татьбой да обманомъ, да грабежомъ. И всегда какъ разъ наоборотъ сказочному разбойнику поступалъ: богатѣевъ не трогалъ, а грабилъ только бѣдный народъ, который самъ въ руки дается. И все ему мало казалось. Принесетъ домой пригоршню золота и думаетъ: теперь надо другую добывать. И вотъ когда онъ полные сусѣки золота и серебра накопилъ, вдругъ напала на него немочь. Началъ онъ пухнуть

да гноемъ наливаться, а подъ-конецъ и совсѣмъ заживо тлѣть сталъ. Пошелъ отъ него такой духъ тяжкій, что не только домочадцы и друзья, но и слуги всѣ разбѣжались; остался онъ одинъ какъ перстъ со своими сокровищами. И что ни дѣлалъ, и лекарей призывалъ, и къ угодникамъ ѣздилъ, и храмы божіи строилъ—ничего не помогало. И Богъ-то жертвы его не принималъ. Только сидитъ онъ однажды у окошка и видитъ: идетъ мимо божій странникъ. Никогда онъ, допрежъ того, ни одного странника не накормилъ, не обогрѣлъ, а тутъ вдругъ въ голову запало: позову да позову. Стали они промежду себя разговаривать, и чѣмъ больше купецъ на своего гостя глядитъ, тѣмъ больше у него сердце любовью къ нему разжигается. И началъ онъ помаленьку передъ божьимъ страничкомъ открываться. „Наказалъ меня Богъ, говоритъ, такую болѣсть наслалъ на меня, что мѣста себѣ не найду: и домочадцы, и друзья—всѣ меня бросили; живу хуже пса смердящаго".—За что же тебя Богъ наказалъ?—спрашиваетъ странникъ. „И самъ не вѣдаю, за что. Кажется, я и къ угодникамъ ѣзжу. и на храмы божіи жертвую—и все мнѣ лёгости нѣтъ!"—А встань-ко къ свѣту, я на тебя посмотрю!—Повернулъ странникъ къ свѣту купцову голову, и съ испугу только могъ вымолвить:—Черна, ахъ, черна у тебя душа!—И заплакалъ. И купецъ, видючи его слезы, тоже заплакалъ. Сталъ странникъ перечислять купцу грѣхи его—и чего-чего тутъ ни было! А всего больше обидъ спротамъ да рабамъ. И взялъ съ него въ ту пору обѣтъ: все неправедно нажитое имѣніе на выкупъ да на облегченье рабовъ обратить. Услышитъ ежели купецъ, гдѣ господинъ раба истязаетъ, или работою томитъ—долженъ за него выкупъ внести; или гдѣ ежели господинъ непосильныя дани взыскиваетъ, а рабамъ платить не изъ чего—и тутъ купецъ долженъ на помощь рабамъ придти.—Вотъ когда ты такимъ образомъ свои сокровища раздашь, Богъ и пошлетъ тебѣ облегченіе!—сказалъ подъ-конецъ странникъ, и вдругъ исчезъ, словно въ воздухѣ растаялъ. Попялъ тогда купецъ, что у него въ гостяхъ не человѣкъ, а ангелъ божій былъ. И сейчасъ же все какъ слѣдуетъ, по его приказанію, выполнилъ. Заложилъ телѣгу, нагрузилъ ее золотомъ и серебромъ и поѣхалъ. Услышитъ, гдѣ рабъ стонетъ—онъ его вызволитъ: либо совсѣмъ на волю выкупитъ, либо сердца начальниковъ деньгами умилостивитъ, застýпу для раба найдетъ. Одну телѣгу извёлъ, другую нагрузилъ, и такъ до послѣдняго сусѣка. И

стало имя купцово по всей округѣ славно, и всѣ рабы благословляли его и молили Бога, чтобъ Онъ его отъ немочи тяжкой избавилъ. Когда же отъ неправедно-нажитого сокровища ужъ ничего не осталось, божій человѣкъ опять явился, но ужъ не въ страшномъ видѣ, а въ видѣ свѣтлаго облака. И услышалъ купецъ голосъ изъ облака: „отпускаются тебѣ прегрѣшенія твои!“—и вдругъ почувствовалъ такую лёгость, словно въ рай попалъ. И собрались, какъ прежде, въ купцовъ домъ домочадцы и друзья-пріятели, и стали поживать миркомъ да ладкомъ. Сыновья опять торговлей занялись и разжились пуще прежняго, а дочка за генерала замужъ вышла. Самъ же купецъ поселился при домѣ въ крошечной сторожкѣ и кончилъ жизнь въ молчаніи и постѣ.

— И тутъ опять ..—начинала возражать ключница, но на этотъ разъ дѣвушки даже не давали ей развить свою мысль.

— Отстаньте, Акулина Савостьяновна! что, въ самомъ дѣлѣ, привязались!—прерывали онѣ ее:—по вашему, и помогать-то сиротамъ грѣхъ!

— Не грѣхъ, а нѣчего по пустому болтать. Эка невидаль, что купецъ краденое добро отдалъ!

— Краденое не краденое, а все-таки своего добра жалко!

— Вонъ въ Заболотьѣ богатѣй Маслобоевъ живетъ. На что ужъ грабитель, а попробуй-ка у него на бѣдность попросить, да онъ скорѣе удавится, а не дастъ!

Видя отпоръ, Акулина умолкала, а иногда даже совсѣмъ уходила изъ дѣвичьей, и разговоры возобновлялись свободнѣе прежняго.

— А правда ли, тетенька, что у Троицы такой схимникъ живетъ, который всего только одну просвирку въ день кушаетъ?—любопытствуетъ которая-нибудь изъ слушательницъ.

— Есть такой божій человѣкъ. Размочитъ по утру въ водѣ просвирку, скушаетъ—и сытъ на весь день. А на первой да на страстной недѣлѣ великаго поста и во всѣ семь дней одинъ разъ покушаетъ. Принесутъ ему въ Свѣтло-Христово воскресенье яичко, онъ его облупитъ, поцѣлуетъ и отдастъ нищему. Вотъ, говоритъ, я и разговѣлся!

— Вотъ какъ угодники-то живутъ!

— А мы какъ живемъ! Насъ господа и щами, и толокномъ, и молокомъ—всѣмъ дѣволятъ, а мы ропщемъ, говоримъ: немилостивые у насъ господа! съ голоду морятъ!

По дѣвичьей проносится громкій вздохъ. Аннушка продолжаетъ:

— Въ царство-то небесное не широко растворены ворота, не легко въ нихъ попасть. Иной хоть и рабъ, а милость божья не покроетъ его.

Наконецъ, бьетъ десять; изъ столовой доносится стукъ передвигаемыхъ стульевъ. Это тётеньки прощаются съ отцомъ, собираясь наверхъ. Вслѣдъ за ними снимается съ своего шестка и Аннушка.

— Спать пора!—зѣвая, рѣшаютъ дѣвушки, забывая, что при матушкѣ онѣ никогда раньше одиннадцати часовъ не оставляли пряжи.

И черезъ полчаса весь домъ погруженъ въ глубокій сонъ.

Но всему есть конецъ. Наступаетъ конецъ и для Аннушкиныхъ вольностей. Чу! со стороны села слышится колокольчикъ, сначала слабо, потомъ явственнѣе и явственнѣе. Это ѣдетъ матушка. Съ ея пріѣздомъ все приходитъ въ старый порядокъ. Дѣвичья наполняется исключительно жужжаніемъ веретёнъ; Аннушка, словно заживо замуравленная, усаживается въ боковушкѣ за печку и дремлетъ.

Нѣчто въ родѣ подобныхъ собесѣдованій, но въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, возобновлялось и на страстной недѣлѣ великаго поста. Вся наша семья въ эту недѣлю говѣла; дѣти не учились, прислуга пользовалась относительною свободой. Чаще обыкновеннаго Аннушка сходила внизъ, оставляя тётенекъ однѣхъ, и водворялась въ дѣвичьей. Темою для ея бесѣдъ, конечно, служили Страсти Господни. И нужно сказать правду, что еслибы не она, то злополучныя обитательницы дѣвичьей имѣли бы очень слабое понятіе о томъ, что поется и читается въ эти дни въ церкви.

Но матушка не давала ей засиживаться. Мысль, что „дѣвки“, слушая Аннушку, могутъ что-то понять, была для нея непереносною. Поэтому, хотя она и не гнѣвалась явно—въ такіе великіе дни гнѣваться не полагается—но, заслышавъ Аннушкино гудѣніе, приходила въ дѣвичью и кротко говорила:

— Не мути ты меня, Христа ради! дай свѣтлаго праздника безъ грѣха дождаться! Поѣла и ступай съ Богомъ наверхъ!

Аннушка, конечно, повиновалась.

Несмотря, однакожъ, на эти частыя столкновенія, въ общемъ Аннушка не могла пожаловаться на свою долю. Только подъ конецъ жизни судьба послала ей серьезное испытаніе: матушка и ее, и тётенекъ вытѣснила изъ Малиновца. Но такъ какъ я уже разсказалъ

подробности этой катастрофы, то возвращаться къ ней не считаю нужнымъ.

Аннушка умерла въ глубокой старости, въ томъ самомъ монастырѣ, въ которомъ, по смерти сестры, поселилась тетенька Марья Порфирьевна. Ни на какую болѣзнь она не жаловалась, но, недѣли за двѣ до смерти, почувствовала, что ей неможется, легла въ кухнѣ на печь и не вставала.

— Слава Богу, не оставилъ меня Царь Небесный своей милостью!—говорила она, умирая:—родилась рабой, жизнь прожила рабой у господъ, а теперь, ежели сподобитъ Всевышній Батюшка умереть—на вѣки вѣчные останусь... божьей рабой!

XIX.—Мавруша-Новоторка.

Она была новоторжская мѣщанка и добровольно закрѣпостилась. Живописецъ Павелъ (мой первый учитель грамотѣ), скитаясь по оброку, между прочимъ, работалъ въ Торжкѣ, гдѣ и запримѣтилъ Маврушу. Они полюбили другъ друга, и матушка, почти никогда не допускавшая браковъ между дворовыми, на этотъ разъ охотно дала разрѣшеніе, потому что Павелъ приводилъ въ домъ лишнюю рабу.

Года черезъ два послѣ этого Павла вызвали въ Малиновецъ для домашнихъ работъ. Очевидно, онъ не предвидѣлъ этой случайности, и она настолько его поразила, что хотя онъ и не ослушался барскаго приказа, но явился одинъ, безъ жены. Жаль ему было молодую жену съ вольной воли навсегда заточить въ крѣпостной адъ; думалось: подержатъ господа мѣсяцъ, другой, и опять по оброку отпустятъ.

Но матушка разсудила иначе. Работы нашлось много: весь иконостасъ въ малиновецкой церкви предстояло возобновить, такъ что и срокъ опредѣлить было нельзя. Поэтому Павлу было приказано вытребовать жену къ себѣ. Тщетно молилъ онъ отпустить его, предлагая двойной оброкъ и даже обязываясь поставить за себя другого живописца: тщетно увѣрялъ, что жена у него хворая, къ работѣ непривычная—матушка слышать ничего не хотѣла.

— И для хворой здѣсь работа найдется,—говорила она:—

а ежели, ты говоришь, она не привычна къ работѣ, такъ за это я возьмусь: у меня скорёхонько привыкнетъ.

Мавруша, однакожъ, нѣкоторое время упорствовала и не являлась. Тогда ее привели въ Малиновецъ по этапу.

При первомъ же взглядѣ на новую рабу матушка убѣдилась, что Павелъ былъ правъ. Дѣйствительно, это было слабое и малокровное существо, деликатное сложеніе котораго совсѣмъ не мирилось съ представленіемъ о крѣпостной каторгѣ.

— Да вѣдь что же нибудь ты, голубушка, дома дѣлала?— спросила она Маврушу.

— Что дѣлала! хлѣбы на продажу пекла.

— Ну, и здѣсь будешь хлѣбы печь.

И приставили Маврушу для барскаго стола ситные и бѣлые хлѣбы печь, да кстати и печенье просвиръ для церковныхъ службъ на нее же возложили.

Мавруша повиновалась; но повидимому она съ перваго же раза поняла значеніе шага, который сдѣлала, вышедши замужъ за крѣпостного человѣка...

Поселили ихъ довольно удобно, особнякомъ. Въ нижнемъ этажѣ господскаго дома отвели для Павла просторную и свѣтлую комнату, въ которой помѣщалась его мастерская, а рядомъ съ нею, въ каморкѣ, онъ жилъ съ женой. Даже мѣсячину имъ назначили, несмотря на то, что она уже была уничтожена. И работой не отягощали, потому что трудъ Павла былъ незаурядный и ускользалъ отъ контроля, а что касается до Маврушп, то матушка, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ махнула на нее рукой, словно поняла, что существуетъ на свѣтѣ горе, растравлять которое совѣсть зазритъ.

Павелъ былъ кроткій и послушливый человѣкъ. Въ качествѣ иконописца, онъ твердо зналъ церковный кругъ и отличался серьезною набожностью. По праздникамъ пѣлъ на клиросѣ и читалъ за обѣдней апостола. Дворовые любили его настолько, что не завидовали сравнительно льготному житью, которымъ онъ пользовался. Съ такимъ же сочувствіемъ отнеслись они и къ Маврушѣ, но она дичилась и избѣгала сближеній. Павелъ, съ своей стороны, не настаивалъ на этихъ сближеніяхъ и неподволь свелъ ее только съ Анпушкой (см. предыдущую главу), такъ какъ послѣдняя, по его мнѣ-

нію, могла силою убѣжденнаго слова утишить горе добровольной рабы и примирить ее съ выпавшимъ ей на долю жребіемъ.

Я, впрочемъ, довольно смутно представлялъ себѣ Маврушу, потому что она являлась наверхъ всего два раза въ недѣлю, да и то въ сумерки. Въ первый разъ, по пятницамъ, приходила за мукой, а во второй, по субботамъ, Павелъ приносилъ громадный лотокъ, уставленный стопками бѣлаго хлѣба и просвиръ, а она слѣдовала за нимъ и сдавала напеченное съ вѣса ключницѣ. Но за семейными нашими обѣдами разговоръ о ней возникалъ нерѣдко.

— Нечего сказать, нещечко взялъ за себя Павлушка!—негодовала матушка, постепенно забывая кратковременную симпатію, которую она выказала къ новой рабѣ: —сидятъ съ утра до вечера, другъ другомъ любуются: онъ образа малюетъ, она чулокъ вяжетъ. И чулокъ-то не барскій, а свой! Не знаю, что отъ нея дальше будетъ, а только ежели... ну ужъ не знаю! не знаю! не знаю!

— Вольная вѣдь она была, еще не привыкла,—косвенно заступался за Маврушу отецъ.

— А развѣ чортъ ее за рога тянулъ за крѣпостного выходить! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! По моему, ежели за крѣпостного замужъ пошла, такъ должна понимать, что и сама крѣпостною сдѣлалась. И хоть бы разъ она догадалась! хоть бы разъ пришла: позвольте, молъ, барыня, мнѣ господскую работу поработать! У меня тоже вѣдь разумъ есть; понимаю, какую ей можно работу дать, а какую нельзя. Молотить бы не заставила!

— Хлѣбы она печетъ, просвиры...

— Это въ недѣлю-то на три часа и дѣла всего: и то печку-то, чай, муженекъ затопитъ... Да еще что, прокураты, дѣлаютъ! Запрутся, да никого и не пускаютъ къ себѣ. Только Анютка долгоязычная и бѣгаетъ къ нимъ.

— Не трогай ихъ, ради Христа! Пускай онъ иконостасъ кончитъ.

— Иконостасъ самъ по себѣ, а и она работать должна. Натко! Явилась господскій хлѣбъ ѣсть, пальцемъ о палецъ ударить не хочетъ! Даромъ-то всякій умѣетъ хлѣбъ есть! И самоваръ съ собой привезли—чаи да сахары... дворяне нашлись! Вотъ я возьму, да самоваръ-то отниму...

Иногда матушка подсылала ключницу посмотрѣть, что дѣлаютъ

„дворяне“. Акулина исполняла барское приказаніе, но не засиживалась и черезъ нѣсколько минутъ уже являлась съ докладомъ.

— Ну что̀?

— Ничего. Сидятъ смирно, промежду себя разговариваютъ.

— Вотъ я имъ дамъ „разговариваютъ“! Да ты бы подольше у нихъ побыла, хорошенько бы высмотрѣла.

— Нечего смотрѣть. Сидятъ тихо; онъ образъ пишетъ, она краску третъ.

— Небось, чаемъ потчивали?

— Не пивала ихняго чаю; не знаю.

— И ты съ ними за-одно... потатчица!

Но, какъ я уже сказалъ, особенныхъ мѣръ относительно Маврушки матушка все-таки не принимала и ограничивалась воркотней. По временамъ она, впрочемъ, призывала самого Павла.

— Долго ли твоя дворянка будетъ сложа ручки сидѣть?—приступала она къ нему.

— Простите ее, сударыня!—умолялъ Павелъ, становясь на колѣни.

— Нѣтъ, ты мнѣ отвѣчай: долго ли дворянка твоя будетъ праздновать?

— Не умѣетъ она работу работать. Хлѣбы вотъ печетъ.

— Это въ недѣлю-то три, четыре часа... А ты знаешь ли, какъ другіе работаютъ!

— Знаю, сударыня, да хворая она у меня.

— Вотъ я эту хворь изъ нея выбью! Ладно! подожду еще немножко, посмотрю, что̀ отъ нея будетъ. Да и ты хорошъ гусь! Чѣмъ бы жену уму-разуму учить, а онъ цѣлуется да милуется... Пошелъ съ моихъ глазъ... тихоня!

Натурально, эти разговоры и сцены въ высшей степени удручали Павла. Хотя до сихъ поръ онъ не могъ пожаловаться, что господа его притѣсняютъ, но опасеніе, что его тихое житіе можетъ быть во всякую минуту нарушено, было невыносимо. Онъ упалъ духомъ и притихъ больше прежняго.

Шли мѣсяцы; матушка все больше и больше входила въ роль властной госпожи, а Мавруша продолжала „праздновать“ и даже хлѣбы начала печь спустя рукава.

Павелъ не разъ пытался силою убѣжденія примирить жену съ

новымъ положеніемъ (разсказывали, что онъ пробовалъ и „учить“ ее), но всѣ усилія его въ этомъ смыслѣ оказались напрасными. По-видимому она еще любила мужа, но надъ этою привязанностью уже господствовало представленіе о добровольномъ закрѣпощеніи, силу котораго она только теперь поняла, и мысль, что замужство ничего не дало ей, кромѣ рабскаго ярма, до такой степени давила ее, что самая искренняя любовь легко могла уступить мѣсто равнодушію и даже ненависти. Покамѣстъ еще до этого не дошло, но очевидно было, что насильственное водвореніе въ Малиновцѣ открыло ей глаза.

Подобно Аннушкѣ, она обзавелась своимъ кодексомъ, который сложился въ ея головѣ постепенно, по мѣрѣ того, какъ она погружалась въ обстановку рабской жизни. Ей вдругъ сдѣлалось ясно, что, отказавшись, ради эфемернаго чувства любви, отъ воли, она въ то же время предала божій образъ и навлекла на себя „божью клятву“, которая не перестанетъ тяготѣть надъ нею не только въ этой, но и въ будущей жизни, ежели она какимъ-нибудь чудомъ не „выкупится“. Стало быть, отнынѣ всѣ завѣтнѣйшія мечты ея жизни должны быть устремлены къ этому „выкупу“, и вопросъ заключался лишь въ томъ, какимъ путемъ это чудо устроить. Самымъ естественнымъ выходомъ представлялся слѣдующій: нести рабское иго лишь настолько, чтобы уступать исключительно насилію. Отчасти она уже выполнила эту задачу, отказавшись явиться къ господамъ добровольно; теперь точно такъ же предстоитъ ей поступить, ежели господа вздумаютъ ее заставлять господскую работу работать. Не станетъ она работать, не станетъ. Даже если ее истязать будутъ, она и истязанья приметъ, ради изведенія души своей изъ тьмы, въ которую погрузила ее „клятва“.

Но ежели и этого будетъ недостаточно, чтобы спасти душу, то она и другой выходъ найдетъ. Покуда она еще не загадывала впередъ, но рѣшимости у нея хватитъ...

Была ли вполнѣ откровенна Мавруша съ мужемъ—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ Павелъ подозрѣвалъ, что въ умѣ ея зрѣетъ какое-то рѣшеніе, которое ни для нея, ни для него не предвѣщаетъ ничего добраго; естественно, что по этому поводу между ними возникали даже ссоры.

— Не стану я господскую работу работать, не поклонюсь господамъ!—твердила Мавруша:—я вольная!

— Какая же ты вольная, коли за крѣпостнымъ замужемъ! Такая же крѣпостная, какъ и прочіе!—убѣждалъ ее мужъ.

— Нѣтъ, я природная вольная; вольною родилась, вольною и умру! Не стану на господъ работать!

— Да вѣдь печешь же ты хлѣбы! хоть и легкая это работа, а все-таки господская.

— И хлѣбы печь не стану. Ты меня въ ту пору смутилъ: попеки да попеки! а я тебя, дура, послушалась. Буду печь одинъ просвиры для церкви божіей.

— А ежели барыня отстегать тебя велитъ?

— И пускай. Пускай какъ хотятъ тиранятъ, пускай хоть кожу съ живой снимутъ—я воли своей не отдамъ!

И дѣйствительно, въ одну изъ пятницъ ключница доложила матушкѣ, что Маврушa не приняла за мукой.

— Это еще что̀ за моды такія?—вспылила матушка.

— Не знаю. Говоритъ: „не слуга я вашимъ господамъ; я вольная“.

— А вотъ распишу я ей вольную на спинѣ. Привести ее, да и оболтуса мужа кстати позвать.

Предсказаніе Павла сбылось: Маврушу высѣкли. Но на первый разъ поступили по-отечески: наказывали не на конюшнѣ, а въ дѣвичьей, и сѣчь заставили самого Павла. Когда экзекуція кончилась, она встала съ скамейки, поклонилась мужу въ ноги и тихо произнесла:

— Спасибо за науку!

Но хлѣбовъ все-таки болѣе не пекла.

Съ этихъ поръ она затосковала. Къ прежней сокрушившей ее боли прибавилась еще новая, которую нанесъ уже Павелъ, такъ легко рѣшившійся исполнить господское приказаніе. По мнѣнію ея, онъ обязанъ былъ всякую муку принять, но ни въ какомъ случаѣ не прикасаться лозой къ ея тѣлу.

— Сраминкъ ты!—сказала она, когда они воротились въ свой уголъ. И Павелъ понялъ, что съ этой минуты согласной ихъ жизни наступилъ безповоротный конецъ. Цѣлые дни молча проводила Маврушa въ каморкѣ, и не только не садилась около мужа во время его работы, но на всѣ его вопросы отвѣчала нéхотя, лишь бы отвязаться. Никакого просвѣта въ будущемъ не предвидѣлось; даже представить себѣ Павелъ не могъ, чѣмъ все это кончится. Попытался-

было онъ попросить „барина“ вступиться за него, но отецъ, по обыкновенію, уклонился.

— Рабы вы,—отвѣтилъ онъ,—и должны, яко рабы, господамъ повиноваться.

— Это такъ точно,—попробовалъ возразить Павелъ,—но ежели такой случай вышелъ.

— Никакого случая нѣтъ, просто съ жиру бѣситесь! А впрочемъ, я, братъ, въ эти дѣла не вмѣшиваюсь; ничего я не знаю, ступай, проси барыню, коли что...

Матушка, между тѣмъ, каждодневно справлялась, продолжаетъ ли Мавруша стоять на своемъ, и получала въ отвѣтъ, что продолжаетъ. Тогда вышло крутое рѣшеніе: мѣсячины непокорнымъ рабамъ не выдавать и продовольствовать ихъ, наряду съ другими дворовыми, въ застольной. Но Мавруша и тутъ оказала сопротивленіе и отвѣтила черезъ ключницу, что въ застольную добровольно не пойдетъ.

— Да вѣдь захочетъ же она жрать?—удивлялась матушка.

— Не знаю. Говорятъ: „ежели насильно меня въ застольную сведутъ, такъ я все-таки тамъ ѣсть не буду!“

— Вретъ, лиходѣйка! Голодъ не тетка... будетъ жрать! Ведите въ застольную!

Но Мавруша не лгала. Два дня сряду сидѣла она не ѣвши и въ застольную не шла, а на третій день матушка обезпокоилась и призвала Павла.

— Да что она у тебя, порченая, что-ли?—спросила она.

— Не знаю, сударыня. Хворая, стало быть.

— Хворые-то смирно сидятъ, не бунтуютъ; нѣтъ, она не хворая, а просто фардыбака... Дворянку разыгрываетъ изъ себя.

— Съ чего бы, кажется...

— Насквозь я ее, мерзавку, вижу! да и тебя, тихоня! Берегись! Не посмотрю, что ты изъ лѣтъ вышелъ, такъ-то не въ зачетъ въ солдаты отдамъ, что любо!

— Отпустите насъ, сударыня! Я и за себя, и за нее оброкъ заплачу.

— Ни за что! Даже когда иконостасъ кончишь, и тогда не пущу! Сгною въ Малиновцѣ. Сиди здѣсь, любуйся на свою женушку милую!

Но все это былъ только разговоръ, а нужно было какой-нибудь

практическій выходъ сыскать. Ничего подобнаго матушка въ помѣщичьей своей практикѣ не встрѣчала, и потому находилась въ великомъ смущеніи. Иногда въ ея головѣ мелькала мысль, не оставить ли Маврушу въ покоѣ, какъ это ужъ и было допущено на первыхъ порахъ по водвореніи послѣдней въ господской усадьбѣ; но она зашла ужъ такъ далеко въ своихъ угрозахъ, что отступить было неудобно. Этакъ и всѣ, глядя на фардыбаку, скажутъ: и мы будемъ сложивши ручки сидѣть! Нѣтъ! надо во что бы ни стало сокрушить упорную лиходѣйку; надо, чтобъ всѣ осязательно поняли, что господская власть—не праздное слово.

И, тѣмъ не менѣе, все-таки пришлось, въ концѣ концовъ, отступить...

Распоряженія самыя суровыя слѣдовали одни за другими, и одни же за другими немедленно отмѣнялись. Въ сущности, матушка была не злонравна, но безконтрольная помѣщичья власть пріучила ее сыпать угрозами и въ то же время притупила въ ней способность предусматривать, какія послѣдствія могутъ имѣть эти угрозы. Поэтому, встрѣтившись съ такимъ своеобразнымъ сопротивленіемъ, она совсѣмъ растерялась.

— Ведите, ведите ее на конюшню! — приказывала она, но черезъ нѣсколько минутъ одумывалась и говорила:—нѣтъ прахъ ее побери! не троньте! подожду, что̀ еще будетъ!

Было даже отдано приказаніе отлучить жену отъ мужа и силкомъ водворить Маврушу въ застольную; но когда внизу, изъ Павловой каморки, послышался шумъ, свидѣтельствовавшій о приступѣ къ выполненію барскаго приказанія, матушка испугалась... „А ну, какъ она, въ самомъ дѣлѣ, голодомъ себя уморитъ!“ — мелькнуло въ ея головѣ.

Всѣ домочадцы съ удивленіемъ и страхомъ слѣдили за этой борьбой ничтожной рабы съ всесильной госпожей. Матушка видѣла это, мучилась, но ничего подѣлать не могла.

— Ѣстъ?—безпрерывно освѣдомлялась она у ключницы.

— Отказывается покуда.

— Не иначе, какъ Павлушка потихоньку ей носитъ. Сказать ему, негодяю, что если онъ хоть корку хлѣба ей передастъ, то я—видитъ Богъ!—въ Сибирь обоихъ упеку!

Но едва, вслѣдъ за тѣмъ, приносили въ дѣвичью завтракъ или

обѣдъ, матушка призывала которую-нибудь изъ дѣвушекъ (даже передъ ними она уже не скрывалась) и говорила:

— Снеси... ну, этой!.. щецъ, что-ли... Да не сказывай, что я велѣла, а будто бы отъ себя...

Повторяю, всесильная барыня вынуждена была сознаться, что если она поведетъ эту борьбу дальше, то ей придется всѣ дѣла бросить и всю себя посвятить усмиренію строптивой рабы.

Какъ ни горько было это сознаніе, но здравый смыслъ говорилъ, что надо во что бы ни стало покончить съ обступившей со всѣхъ сторонъ безалаберщиной. И надо отдать справедливость матушкѣ: она рѣшилась послѣдовать совѣтамъ здраваго смысла. Призвала Павла и сказала:

— Который ужъ мѣсяцъ я отъ васъ муку-мученскую терплю! Надоѣло. Живите какъ знаете. Только ежели дворянка твоя на глаза мнѣ попадется—ужъ не прогнѣвайся! Правъ ли ты, виноватъ ли... обоихъ въ Сибирь законопачу!

И тутъ же сдѣлала распоряженіе, чтобы Маврушу не трогать, а Павла опять перевести на мѣсячину, но одного, безъ жены.

— А она пускай какъ знаетъ, такъ и живетъ. Задаромъ хлѣбомъ кормить не буду.

Примирившись съ этой развязкой, матушка на нѣсколько дней какъ будто примолкла. Голосъ ея рѣже раздавался по дому, приказанія отдавались тихо, безъ брани. Она поняла, что необходимо, чтобъ впечатлѣніе, произведенное страннымъ переполохомъ на дворнѣ, улеглось.

Съ своей стороны, и Мавруша присмирѣла или, лучше сказать, совсѣмъ какъ бы перестала существовать. Сидѣла, какъ узница, въ своей каморкѣ и молчала, угнетаемая одиночествомъ и горькими мыслями о погубленной молодости.

Во мнѣ лично, тогда еще почти ребенкѣ, происшествіе это возбудило сильное любопытство. Неоднократно я пытался спуститься внизъ, въ Павлову комнату, чтобъ посмотрѣть на Маврушу, но едва подходилъ къ двери, какъ меня брала оторопь, и я возвращался назадъ, не выполнивъ своего намѣренія. Зато всякій разъ, когда мнѣ случалось быть въ саду, я нарочно ходилъ взадъ и впередъ вдоль фасада дома, замедлялъ шаги передъ окномъ заповѣдной каморки и вглядывался въ заткannыя паутиной стекла, скрывавшія

отъ меня ея внутренность. И мнѣ слышалось, словно кто-то тамъ тихо стонетъ.

Какъ бы то ни было, но жизнь Павла была погублена. Мавруша не только отшатнулась отъ него, но даже совсѣмъ перестала съ нимъ говорить. Побѣда, которую она одержала надъ властной барыней, наводившей трепетъ на все окружающее, далеко не удовлетворила ее. Собственно говоря, тутъ и побѣды не было, а просто надоѣло барынѣ возиться съ безтолковой рабой, которая упала ей какъ снѣгъ на голову. Положеніе вещей нимало отъ этого не измѣнилось. И до побѣды Мавруша была раба, и послѣ побѣды осталась рабою же— только бунтующеюся. Поэтому сомнѣніе ея насчетъ „божьей клятвы“ осталось въ прежней силѣ.

Мавруша тосковала больше и больше. Постепенно ей представился Павелъ, какъ главный виновникъ сокрушившаго ее злосчастья Любовь, постепенно потухая, прошла черезъ всѣ фазисы равнодушія и, наконецъ, превратилась въ положительную ненависть. Мавруша не высказывалась, но всѣми поступками, наружнымъ видомъ, тѣлодвиженіями, всѣмъ показывала, что въ ея сердцѣ нѣтъ къ мужу никакого другого чувства, кромѣ глубокаго и непримиримаго отвращенія.

Анпушка опасалась, какъ бы она не извела мужа отравой или не „испортила“ его; но Павелъ отрицалъ возможность подобной развязки и не принималъ никакихъ мѣръ къ своему огражденію. Жизнь съ ненавидящей женщиной, которую онъ продолжалъ любить, до такой степени опостылѣла ему, что онъ и самъ страстно желалъ покончить съ собою.

— До этого она не дойдетъ,—говорилъ онъ,—а вотъ я самъ руки на себя наложу—это дѣло статочное.

Но и до этого дѣло не дошло, а разрѣшилось гораздо проще.

Раннимъ осеннимъ утромъ, было еще темно, какъ я былъ разбуженъ поднявшеюся въ домѣ бѣготнею. Вскочивъ съ постели, полуодѣтый, я сбѣжалъ внизъ и отъ первой встрѣтившейся дѣвушки узналъ, что Мавруша повѣсилась.

Драма кончилась. Въ видѣ эпилога, я могу, впрочемъ, прибавить, что за утреннимъ чаемъ, на мой вопросъ: когда будутъ хоронить Маврушу?—матушка отвѣчала:

— А вотъ завтра обернутъ въ рогожу и свезутъ въ болото.

И дѣйствительно, на другое утро пріѣхалъ изъ земскаго суда сельскій засѣдатель, разрѣшилъ похоронить самоубійцу, и я изъ окна видѣлъ, какъ Маврушино тѣло, обернутое въ дырявую рогожу, взвалили на рѣспуски и увезли въ болото.

XX.—Ванька-Каинъ.

Настоящее его имя было Иванъ Макаровъ, но братъ Степанъ съ перваго же раза прозвалъ его Ванькой-Каиномъ. Собственно говоря, ни проказливость нрава, ни беззавѣтное и, правду сказать, довольно-таки утомительное балагурство, которыми отличался Иванъ, вовсе не согласовались съ репутаціей, утвердившейся за подлиннымъ Ванькой-Каиномъ, но кличка безъ размышленія сорвалась съ языка и безъ размышленія же была принята всѣми.

По профессіи онъ былъ цирульникъ. Года два назадъ, по выходѣ изъ ученья, его отпустили по оброку; но такъ какъ онъ, въ теченіе всего времени, не заплатилъ ни копѣйки, то его вызвали въ деревню. И вотъ, однажды утромъ матушкѣ доложили, что въ дѣвичьей дожидается Иванъ-цирульникъ.

— А! золото! добро пожаловать! Ты, что же, молодчикъ, оброка не платишь?—привѣтствовала его матушка.

Но Иванъ, вмѣсто отвѣта, развязно подошелъ къ барынѣ и сказалъ:

— Позвольте, сударыня, ручку поцѣловать.

— Прочь... негодяй! Смотрите, шута разыгрывать вздумалъ! Сказывай, почему ты оброка не платишь?

— Помилуйте, сударыня, я бы съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ, да, признаться сказать, самому деньги были нужны.

— А вотъ я тебя сгною въ деревнѣ. Я тебѣ покажу, какъ шута передъ барыней разыгрывать! Посмотрю, какъ „тебѣ самому деньги были нужны“!

— Это какъ вамъ будетъ угодно. Я и здѣсь въ превосходномъ видѣ проживу.

— Ахъ ты хамово отродье! скажите на милость!..

— Мерси-бонжуръ. Что за оплеуха, коли не достала уха! Очень вами за ласку благодаренъ!

Матушка широко раскрыла глаза отъ удивленія. Въ этомъ нескладномъ потокѣ шутовскихъ словъ она поняла только одно: что передъ нею стоитъ человѣкъ, котораго при первомъ же случаѣ надлежитъ подъ красную шапку упечь и дальнѣйшія объясненія съ которымъ могутъ повлечь лишь къ еще болѣе неожиданнымъ репримандамъ.

— Вонъ!—крикнула она, дѣлая угрожающій жестъ и въ то же время благоразумно ретируясь.

— Же-ву-фелиситъ. Не доходя прошедши. Не извольте безпокоиться, получать не желаю.

Словомъ сказать, онъ съ перваго же шага ознаменовалъ свое водвореніе въ Малиновцѣ настолько характеристично, что никто ужъ не сомнѣвался насчетъ предстоящей ему участи.

Наружный видъ онъ имѣлъ, можно сказать, самый нелѣпый. Долговязый, съ узкимъ и короткимъ туловищемъ на длинныхъ, тонкихъ ногахъ, онъ постоянно покачивался, какъ будто ноги подкашивались подъ нимъ, не будучи въ состояніи сдерживать туловища. Маленькая не по росту голова, малокровное и узкое лицо, формой своей напоминавшее лезвіе ножа, длинные изжелта-бѣлые волосы, свѣтло-голубые, безъ всякаго блеска (словно пустые) глаза, тонкія, едва окрашенныя губы, длинныя, какъ у орангъ-утанга, мотающіяся руки и, наконецъ, колеблющаяся, невѣрная походка (точно онъ не ходилъ, а шлялся)—все свидѣтельствовало о какомъ-то ненормальномъ состояніи, которое близко граничило съ невмѣняемостью. Явился онъ въ бѣлой холщевой рубашкѣ на выпускъ и, вдобавокъ, съ гармоникой, которую, впрочемъ, оставилъ въ сѣняхъ.

— Какъ это... какъ онъ сказалъ?.. „Же-ву-фелиситъ“.., а дальше какъ?—припоминала матушка, возвратившись въ дѣвичью и становясь у окна, чтобы поглядѣть, куда пойдетъ балагуръ.— Какъ, дѣвки, онъ сказалъ?

— „Не доходя прошедши“,—подсказала одна изъ дѣвушекъ.

— Ишь, шутъ! выдумалъ же!

— Видѣлъ, что вы замахнулись—ну, и остерегъ: проходите, молъ, мимо!—пояснила ключница Акулина, которая, въ силу своего привилегированнаго положенія въ домѣ, не слишкомъ-то стѣснялась съ матушкой.

— А вотъ я его ужѣ! Смотрите! пшь, мерзавецъ, шляется! Именно не идетъ, а шляется! Батюшки! да никакъ онъ на гармоніи играетъ! Бѣгите, бѣгите, отнимите у него гармонію!

Одна изъ дѣвушекъ побѣжала исполнить приказаніе, а матушка осталась у окна, любопытствуя, чтѣ будетъ дальше. Черезъ нѣсколько секундъ, посланная ужъ поравнялась съ балагуромъ, на-бѣгу выхватила изъ его рукъ гармонику и бросилась въ сторону. Иванъ ударился въ догонку, но, по несчастью, ноги у него заплелись, и онъ съ размаху растянулся всѣмъ туловищемъ на землю.

— Смотрите! смотрите! растянулся!.. ахъ, туша несуразная! чтѣ? почесываешься? отбилъ печенки, подлецъ?—вскрикивала матушка, любуясь зрѣлищемъ и забывая недавній свой гнѣвъ.

Гармонику принесли; но вслѣдъ затѣмъ на лѣстницѣ раздались шаги. Заслышавши ихъ, матушка поспѣшно схватила гармонику и буквально бѣжала изъ дѣвичьей.

— Это ужъ не манеръ!—во все горло бушевалъ воротившійся балагуръ:—словно на большой дорогѣ грабятъ! А я-то, дуракъ, шелъ изъ Москвы и думалъ, призоветъ меня барыня и скажетъ: сыграй мнѣ, Иванъ, на гармоніи штучку!

Наконецъ, дѣвушки всей толпой обступили его и увели. А вслѣдъ затѣмъ кучеръ Алемпій (онъ исправлялъ при усадьбѣ должность заплечнаго мастера), какъ говорится, на обѣ корки отодралъ московскаго гостя.

Въ этотъ же день матушка за обѣдомъ говорила:

— Вотъ и еще готовый солдатъ явился. Посмотрю немного, и ежели чтѣ, такъ и набора ждать не стану.

Тутъ же, за обѣдомъ, братъ Степанъ окрестилъ гостя Ванькой-Каиномъ, и кличка эта такъ всѣмъ по вкусу пришлась, что съ той же минуты вошла въ общій обиходъ. Тѣмъ не менѣе, для Степана выдумка его не обошлась даромъ. Вечеромъ, встрѣтивши своего крестника, онъ, съ обычной непринужденностью, спросилъ его:

— А чтѣ, Ванька-Каинъ, хорошо давеча отпарили?

Иванъ, услышавъ новое прозвище, сначала изумился, но сейчасъ же понялъ, что барченокъ—такой же балагуръ, какъ и онъ.

— Ванька-Каинъ... зачѣмъ? къ чему? — огрызнулся онъ.— Меня, сударь, Иваномъ Макаровымъ зовутъ, а вотъ васъ, правда ли, нѣтъ ли, папенька съ маменькой завсе Стёпкой-балбесомъ величаютъ!

Ремесло цирульника считалось самымъ пустымъ изъ всѣхъ, которымъ помѣщичье досужество обучало дворовыхъ для домашняго обихода. Цирульники, ходившіе по оброку, очень рѣдко оказывались исправными плательщиками. Это были люди, съ юныхъ лѣтъ испорченные легкимъ трудомъ и балагурствомъ съ посѣтителями цирулепъ; поэтому большинство ихъ почти постоянно слонялось по Москвѣ безъ мѣстъ.

Пьянство не особенно было развито между ними; зато преобладающими чертами являлись: праздность, шутовство и какое-то непреоборимое влеченіе къ исполненію всякаго рода зазорныхъ „заказовъ“. Отощалые, оборванные, бродили они, предлагая свои услуги по части „дѣвушекъ“, и не останавливались даже передъ перспективою помятыхъ боковъ, лишь бы угодить своимъ случайнымъ заказчикамъ. И что̀ всего замѣчательнѣе,—несмотря на то, что „заказы“ этого рода оплачивались широко, у этихъ людей никогда не бывало денегъ. Или, лучше сказать, они тотчасъ же самымъ безалабернымъ образомъ растрачивали полученный гонораръ въ первой попавшей, швыряя направо и налѣво мелкими ассигнаціями. Вообще, помѣщики смотрѣли на нихъ какъ на отпѣтыхъ, и ежели упорствовали отдавать дворовыхъ мальчиковъ въ ученье къ цирульникамъ, то едва ли не ради того только, чтобъ въ домѣ былъ на-лицо полный комплектъ всякаго рода ремеслъ.

Въ деревнѣ ремесло цирульника еще рѣзче отличалось отъ прочихъ. И ткача, и сапожника, и портного можно было держать въ *постоянномъ* трудѣ, свойственномъ спеціальности каждаго, тогда какъ услуга цирульника почти совсѣмъ не требовалась. У насъ, напримѣръ, можно было воспользоваться Ванькой-Каиномъ единственно для того, чтобы побрить или постричь отца, но эту деликатную операцію отлично исполнялъ камердинеръ Кононъ, да врядъ ли отецъ и довѣрилъ бы себя рукамъ прощалыги, у котораго Богъ знаетъ что̀ на умѣ. Поэтому, надо было пріискать для Ваньки-Каина сторонпюю работу, на которой онъ изнывалъ бы непрестанно. Матушка, разумѣется, и занялась этимъ, потому что она даже въ мысляхъ не могла допустить, чтобы кто-нибудь изъ дворовыхъ даромъ хлѣбъ ѣлъ.

Однако, задача эта оказалась не совсѣмъ легкою. Ни къ какой работѣ Ванька-Каинъ приспособленъ не былъ. Ежели въ домъ его взять, заставить помогать Конопу, такъ смотрѣть на него противно,

да онъ, пожалуй, еще озорство какое-нибудь сдѣлаетъ; ежели въ помощники къ пастуху опредѣлить, такъ онъ и тамъ что-нибудь напакоститъ: либо стадо распуститъ, либо коровъ выдаивать будетъ. Думала, думала матушка и, наконецъ, рѣшила: благо начался сѣнокосъ, послать Ваньку-Каина сѣно косить. И съ вечера же, какъ только явился староста Ѳедотъ за приказаніями, она сообщила ему о своей затѣѣ.

— Врядъ ли онъ и косу въ руку взять умѣетъ, — предупреждалъ Ѳедотъ:—грѣхъ только съ нимъ одинъ.

— Не умѣетъ, такъ будетъ умѣть. Почаще плёткой вспрыскивай—скорёхонько научится.

— То-то что... Ты его плёткой, а онъ на тебя съ косой...

— Ну, Богъ милостивъ... съ Богомъ!

Но на утро, едва выглянула матушка въ окно, какъ убѣдилась, что Ванька-Каинъ преспокойно шляется по красному двору, размахивая руками.

— Отчего Ванька не на сѣнокосѣ?—обратилась она къ ключницѣ.

— Стало быть, не пошелъ.

— Позвать его, подлеца!

— Лучше бы вы, сударыня, съ нимъ не связывались!

— Нѣтъ, нѣтъ... позвать его... сейчасъ позвать!

И черезъ нѣсколько минутъ въ дѣвичьей уже поднялся обычный содомъ.

— Ты что же, голубчикъ, на сѣнокосъ не идешь? — кричала матушка,

— Позвольте, сударыня! „Здѣсь стригутъ и брѣютъ, и кровь отворяютъ“, а вы меня съ косой посылаете! Развѣ благородные господа такъ дѣлаютъ?

— Ахъ, мерзавецъ! опъ еще шутки шутитъ!.. Сейчасъ же къ Алемпію самъ ступай! Пускай онъ тебѣ по намедпишнему засыплетъ.

— Однажды шелъ дождикъ дважды... Вчера засыпали, сегодня засыплютъ... Объ этомъ еще подумать надо, сударыня.

Казалось бы, недавняя встрѣча должна была предостеречь матушку насчетъ будущихъ стычекъ съ Ванькой-Каиномъ, но постоянно удачная крѣпостная практика до такой степени пріучила ее къ безпрекословному повиновенію, что она и на этотъ разъ, словно засти-

гнутая врасплохъ, стояла передъ строптивымъ рабомъ съ широко-раскрытыми глазами, безмолвная и пораженная.

„Какъ же у другихъ-то?—мелькало въ ея головѣ:—неужто у всѣхъ такъ? въ Овсецовѣ у Анфиски... справляется же она какъ-нибудь?“

Само собою разумѣется, что Ивану, въ концѣ концовъ, все-таки засыпали, но матушка, тѣмъ не менѣе, рѣшила до времени съ Ванькой-Каиномъ въ разговоры не вступать, и какъ только полевыя работы дадутъ сколько-нибудь досуга, такъ сейчасъ же отправить его въ рекрутское присутствіе.

— А до тѣхъ поръ отдамъ себя на волю Божію, — говорила она Акулинѣ: — пусть Батюшка Царь Небесный какъ разсудитъ, такъ со мною и поступаетъ! Захочетъ—защититъ меня, не захочетъ —отдастъ на потѣху сквернавцу!

— Да еще примутъ ли его въ солдаты-то?—сомнѣвалась Акулина!

— Отчего не принять?

— У него, слышь, передніе зубы вышиблены.

— Ну, такъ я и знала! То-то я вчера смотрю, словно у него дыра во рту... Вотъ и еще испытаніе Царь Небесный за грѣхи посылаетъ! Ну, что-жъ! Коли въ зачетъ не примутъ, такъ безъ зачета отдамъ!

Не знаю, однакожъ, успѣла ли бы выполнить матушка свое рѣшеніе не встрѣчаться съ строптивымъ рабомъ, еслибъ не выручилъ ее кучеръ Алемпій, выпросивъ Ваньку-Каина на конюшню.

Послѣ этого матушка какъ будто успокоилась, но спокойствіе это было только наружное, и, въ сущности, мысль о Ванькѣ-Каинѣ продолжала преслѣдовать ее.

— Сбѣгай, посмотри, что̀ подлецъ дѣлаетъ? — по нѣскольку разъ въ день посылала она дѣвчонку на конюшню.

И когда дѣвчонка возвращалась съ отвѣтомъ: „сидитъ на приступочкѣ и посвистываетъ“, то матушка приходила въ такое волненіе, что губы у нея бѣлѣли и тряслись.

— Ты что же, сударь, молчишь!—накидывалась она на отца: —твой вѣдь онъ! Смотрите на милость! Холопъ надъ барыней измывается, а баринъ запрется въ кабинетѣ да съ просвирами возится!

Но у отца былъ всегда на-готовѣ стереотипный отвѣтъ:

— Ничего я не знаю. Ты у меня всѣ имѣнія отнялa, ты и распоряжайся!

Дни проходили за днями; Ванька-Каинъ не только не винился, но повидимому совсѣмъ прижился. Онъ даже пріобрѣталъ симпатію дворовыхъ. Хотя его рѣдко выпускали съ коннаго двора, но такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ другими, ходилъ обѣдать и ужинать въ застольную, то до слуха матушки безпрерывно доносился оттуда хохотъ, который она, не безъ основанія, приписывала присутствію ненавистнаго балагура.

„Ишь, жеребцы, грохочутъ!—думалось ей:—навѣрное это онъ, Ванька-Каинъ, ихъ потѣшаетъ!“

Даже въ дѣвичьей слышалось подозрительное хихиканье, которое также не ускользнуло отъ вниманія матушки. Очевидно, и туда успѣли проникнуть Ивановы шутки и въ особенности произвели впечатлѣніе на „кузнечихъ“, которымъ они напомнили золотое время, когда въ ушахъ ихъ немолчно раздавался безшабашный жаргонъ прожжёныхъ московскихъ мастеровыхъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно было не помирать со смѣху, когда Ванька-Каинъ, приплясывая на своихъ нескладныхъ ногахъ, пѣлъ:

Пироги!
Горячи!
Съ пылу, съ жару,
По грошу за пару!
Съ лучкомъ, съ перцемъ,
Съ собачьимъ съ сердцемъ!

Или когда передъ собравшейся аудиторіей выступали на сцену эпизоды изъ безконечной повѣсти о потасовкахъ, которыя онъ претерпѣлъ въ теченіе своей многострадальной жизни?!

— Присталъ ко мнѣ, однажды, купецъ Завейхвостовъ,—разсказывалъ онъ:—живетъ, говоритъ, тутъ у насъ въ переулкѣ дѣвица Груша—она въ канарейкахъ у князя Унеситымоегоре состоитъ—ахъ, хороша штучка! Такъ вотъ что, Иванъ! коли ты мнѣ ее предоставишь, откуплю я тебя, перво-на-перво, у господъ, а потомъ собственное заведеніе тебѣ устрою... Вотъ тебѣ четвертная на расходъ! Взялъ я это деньги, думаю: завсегда я хорошимъ господамъ служилъ,—надо и теперь послужить. Отправился. Прошелъ, значитъ,

мимо ея квартиры разъ, прошелъ другой, третій—хожу да посвистываю. Вижу, сидитъ у окна дѣвица, въ пяльцахъ шьетъ; взглянетъ на меня и усмѣхнется. Эге! думаю, никакъ ты ужъ привышная! Подошелъ къ окну да и говорю напрямки: позвольте мнѣ съ вами, Аграфена Максимовна, разговоръ имѣть!—„Извольте“, говоритъ. Вошелъ я, значитъ, въ горницу.—Такъ и такъ, говорю, купецъ Завейхвостовъ, Терентій Прохорычъ, желаетъ съ вами въ любви жить.—Ну, разумѣется, спервоначалу зажеманилась. „Ахъ, что вы! да какъ я! да какимъ же манеромъ я своего князя оставить могу!“ А между прочимъ: „приходите, молъ, завтра объ эту же пору, я вамъ отвѣтъ вѣрный дамъ“. Хорошо; завтра такъ завтра. Прихожу на другой день, а у нея ужъ и самоваръ на столѣ кипитъ. „Чайку не угодно ли?“ Сѣли, пьемъ чай, разговариваемъ. „Какое положеніе отъ Терентія Прохорыча будетъ? каковъ онъ правомъ?“ Словомъ сказать, обо всемъ обстоятельно дѣвица разспрашиваетъ. Только вдругъ, слышу я, словно по переулку кто ѣдетъ. Ближе да ближе... и вдругъ она какъ вскочитъ! „А вѣдь это, говоритъ, мой князь! спрячьтесь въ спальную, я его мигомъ спроважу“. Пихнула она меня въ спальную, а слѣдомъ за тѣмъ и „самъ“ нагрянулъ. Слышу, спрашиваетъ: „пришелъ?“—пришелъ! Такъ у меня въ ту пору вотъ сердце и захолонуло: попался, значитъ. Выволокъ онъ меня въ ту пору вотъ за эти самые волосы въ горницу, поставилъ къ печкѣ и началъ лущить. Лущитъ-лущитъ по щекамъ, отдохнетъ и начнетъ по зубамъ лущить, потомъ еще отдохнетъ и опять по щекамъ. Да въ носъ, да въ глаза кулакомъ, кровь такъ ручьемъ и льетъ... „Я, говоритъ, твою морду поганую насквозь до самаго затылка проломлю!“ И вдругъ въ самые вздохи какъ звизданётъ кулакомъ — ну, думаю, убьетъ онъ меня! И убилъ бы, да ужъ прохожіе начали около дома собираться...

Во время разсказа Ванька-Каинъ постепенно входилъ въ такой азартъ, что даже бѣлесоватые глаза его загорались. Со всѣхъ сторонъ слышались восклицанія:

— То-то у тебя рыло сплюснуто!

— То-то трехъ зубовъ у него спереди нѣтъ! это князь его пожаловалъ.

— Что-жъ ты съ четвертной-то сдѣлалъ? оброкъ, что-ли, заплатилъ?

— Нѣтъ, братцы, въ ту пору послѣднія моды пришли, я и купилъ себѣ манжеты на заячьемъ мѣху съ отворотами!

— Ха-ха-ха!

Но по мѣрѣ того, какъ росла популярность Ивана, и время, въ свою очередь, наростало. Сентябрь уже подходилъ къ половинѣ; главная масса полевыхъ работъ отошла; дѣвушки по вечерамъ собирались въ дѣвичьей и сумерничали; вообще, весь домъ исподволь переходилъ на зимнее положеніе. Ванька-Каинъ догадывался, что для него готовится что-то недоброе, и догадка эта, повидимому, начинала оказывать на него нѣкоторое дѣйствіе. Не то чтобъ онъ унялся, но нерѣдко замѣчали, что онъ ходитъ какъ сонный, и только вслѣдствіе сторонняго подстрекательства начинаетъ шутки шутить.

— Всего меня, братцы, нынче ночью изломало,—жаловался онъ:—голова какъ котелъ, бока болятъ, ноги ноютъ...

— Это тебя князь въ ту пору въ очистку отдѣлалъ!

— Много у меня князей было. Одну съѣзжую ежели сосчитать. такъ иной звѣздъ на небѣ столько не видалъ, сколько спина моя лозановъ приняла!

На его счастье, у матушки случились дѣла въ Москвѣ. Съ отъѣздомъ барыни опасенія Ваньки-Каина настолько угомонились, что къ нему возвратилась прежняя проказливость. Каждый вечеръ приходилъ онъ въ дѣвичью, ужиналъ вмѣстѣ съ дѣвушками и шутки шутилъ.

— Важно! Москвой запахло!—говорилъ онъ, когда на столъ ставили пустыя щи.

Или когда приносили толокно:

— А это, стало быть, бламанжей самаго послѣдняго фасона. Кеси-киселя (вѣроятно, qu'est-ce que c'est que cela)—милости просимъ откушать! Нѣтъ, дѣвушки, разъ меня одинъ баринъ бламанжемъ изъ дегтю угостилъ—вотъ такъ штука была! Чуть, было, нутро у меня не склеилось, да царской водки полштофъ въ меня влили—только тѣмъ и спасли!

— Ишь вретъ!

— Я вру? Это песъ вретъ, а не я. Я, красавицы, однажды на парѣ вилку проглотилъ. Такъ и о сю пору она во мнѣ сидитъ.

Аннушку-каракатицу эти шутки приводили въ непритворное не-

годованіе... Вообще шутовство было противно ея природѣ, а сверхъ того Иванъ отвлекалъ вниманіе дѣвичьей отъ ея поученій.

— Не мути, Христа ради! дай хлѣба божьяго поѣсть!—убѣждала она наглеца.

— А вамъ, тетенька, хочется, видно, поговорить, какъ отъ господъ плюхи съ благодарностью слѣдуетъ принимать?—огрызался Ванька-Каинъ:—такъ, по моему, этимъ добромъ и безъ того всѣ здѣсь по-горло сыты! Дѣвушки-красавицы!—обращался онъ къ слушательницамъ:—разскажу я вамъ лучше, какъ я однова ѣздилъ на Моховую слушать музыку духовую...—И разсказывалъ. И, къ великому огорченію Аннушки, разсказъ его не только не мутилъ дѣвушекъ, но доставлялъ имъ видимое наслажденіе.

Наконецъ, матушка воротилась. И едва успѣла поздороваться съ домочадцами и водвориться въ спальнѣ, какъ ужъ справилась, что дѣлаетъ Ванька-Каинъ. Разумѣется, ключница доложила, что онъ отбился отъ рукъ и все время сидьмя-сидѣлъ въ дѣвичьей.

— Ну, больше сидѣть не будетъ,—рѣшительно молвила матушка и въ тотъ же вечеръ приказала старостѣ, чтобъ назавтра готовить дальнюю подводу.

Въ то время обрядъ отсылки строптивыхъ рабовъ въ рекрутское присутствіе совершался самымъ коварнымъ образомъ. За намѣченнымъ субъектомъ потихоньку слѣдили, чтобъ онъ не бѣжалъ или не повредилъ себѣ чего-нибудь, а затѣмъ въ условленный моментъ внезапно со всѣхъ сторонъ окружали его, набивали на ноги колодки и сдавали съ рукъ на руки отдатчику.

Съ Иваномъ поступили еще коварнѣе. Его разбудили чуть свѣтъ, полусонному связали руки и, забивши въ колодки ноги, взвалили на телѣгу. Черезъ недѣлю отдатчикъ вернулся и доложилъ, что рекрута приняли, но не въ зачетъ, такъ что никакой матеріальной выгоды отъ отдачи на этотъ разъ не получилось. Однако матушка даже выговора отдатчику не сдѣлала: она и тому была рада, что крѣпостная правда восторжествовала...

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я уже вышелъ изъ училища и состоялъ на службѣ, какъ въ одно утро мой старый дядька Гаврило вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ и объявилъ:

— А къ намъ гость пришелъ. Взойди! ничего, ступай!—прибавилъ онъ, обращаясь къ стоявшему за дверью гостю.

Передо мной предсталъ длинный-длинный, совсѣмъ высохшій скелетъ. Долгое время я вглядывался въ него, силясь припомнить, гдѣ я его видѣлъ, и, наконецъ, догадался.

— Иванъ?

— Такъ точно, вашескородіе!

— Однако, братъ, отощалъ ты!

— Извольте смотрѣть, вашескородіе!

Съ этими словами онъ раскрылъ ротъ и распялилъ пальцами губы.

— Извольте смотрѣть! — продолжалъ онъ: — прежде только трехъ зубовъ не было, а теперь ни одного почесть нѣтъ!

— Да, маловато. Что же ты дѣлаешь? служишь?

— Такъ точно-съ. При полковомъ лазаретѣ фершаломъ состою. Только не долго мнѣ ужъ служить. Ни одного суставика во мнѣ живого нѣтъ; умирать пора.

Онъ пробылъ у насъ цѣлый день. Гаврило пытался вызвать его на шутки, но Иванъ такъ тоскливо взглянулъ на него при этомъ напоминаніи, что оставалось только, вмѣстѣ съ нимъ, мысленно повторить: умирать надо.

XXI. — Продолженіе портретной галереи домочадцевъ.—Кононъ.

Кононъ не отличался никакими особенными качествами, которыя выдѣляли бы его изъ общей массы дворовыхъ, но такъ какъ въ немъ эта послѣдняя нашла полное олицетвореніе своего сокровеннаго міросозерцанія, то я считаю нелишнимъ посвятить ему нѣсколько страницъ.

Мужская комнатная прислуга была доведена у насъ до минимума, а именно, сколько мнѣ помнится, для всего дома полагалось достаточнымъ не больше двухъ лакеевъ, изъ которыхъ одинъ, Степанъ, исполнялъ обязанности камердинера при отцѣ, а другой, Кононъ, завѣдывалъ буфетомъ. Но, само собой разумѣется, эти спеціальности

не мѣшали обоимъ исполнять и всякія другія лакейскія обязанности. Матушка считала лакеевъ, даже по сравненію съ женской прислугой, дармоѣдами по преимуществу, и потому нещадно сокращала штатъ ихъ. Еще я помню время, когда въ передней толпилась порядочная масса мужской прислуги, но мало-по-малу стая старыхъ слугъ рѣдѣла, и выбывавшіе изъ строя люди не замѣнялись новыми.

Кононъ зналъ твердо, что онъ природный малиновецкій дворовый. А кромѣ того, онъ помнилъ, что первоначально его обучали портному мастерству, но такъ какъ портной изъ него вышелъ плохой, то сдѣлали лакеемъ и приставили къ буфету. А завтра, или вообще когда вздумается, его приставятъ стадо пасти—онъ и пастухомъ будетъ. Въ этомъ заключалось все его міросозерцаніе, то сокровенное міросозерцаніе, которое не формулируется, а само собой залегаетъ въ тайникахъ человѣческой души, не освѣщаемой лучомъ сознанія.

Факты представлялись его уму безповоротными, и причина появленія ихъ въ той или другой формѣ, съ тѣмъ или инымъ содержаніемъ, никогда не пробуждала его любознательности. Баринъ въ кабинетѣ сидитъ, барыня приказываетъ или гнѣвается, барчуки учатся, дѣвушки въ пяльцахъ шьютъ или коклюшки перебираютъ, а онъ, Кононъ, ножи чиститъ, на столъ накрываетъ, кушанье подастъ, зимой печки затопляетъ, смотритъ, какъ бы слишкомъ рано или слишкомъ поздно трубу не закрыть. Вотъ и все. Ежели въ промежуткахъ этихъ преходящихъ явленій случайно выпадетъ свободная минута, онъ пойдетъ въ лакейскую, сядетъ на ларь, разставитъ ноги и чуточку подремлетъ.

— Что ты, Кононъ, дремлешь?—скажетъ ему кто-нибудь:—ты бы лучше посмотрѣлъ, что сала на столѣ въ буфетѣ накопилось, да вычистилъ бы.

— И то пойти вычистить,—молвитъ онъ, возьметъ скребокъ и черезъ полчаса большую-большую груду сальныхъ оскребковъ несетъ въ фартукѣ на дѣвичье крыльцо.

Ежели по дорогѣ увидитъ этотъ ворохъ матушка, то непремѣнно замѣтитъ:

— Давно бы пора, лежебокъ, догадаться! ишь до чего довелъ! Смотрѣть тошно.

На что онъ также непремѣнно возразитъ:

— Не одно, сударыня, дѣло!

Это возраженіе какъ будто свидѣтельствовало, что резонирующая способность не совсѣмъ еще въ немъ угасла, но и оно, пожалуй, не было результатомъ самодѣятельной внутренней работы, а слышалъ онъ, что другіе такъ говорятъ, и машинально повторялъ съ чужихъ словъ.

Вообще, вся его жизнь представляла собой какъ бы непрерывное и притомъ безсвязное сновидѣніе. Даже когда онъ настоящимъ манеромъ спалъ, то видѣлъ сны, соотвѣтствующіе его должности. Либо печку топитъ, либо за стуломъ у стараго барина, во время обѣда, стоитъ съ тарелкой подъ мышкой, либо комнату мететъ. По временамъ случалось, что вдругъ, среди ночи, онъ вскочитъ, схватитъ, съ-просонокъ кочергу и начнетъ въ холодной печкѣ мѣшать.

— Это въ тебѣ, Кононъ, нечистая сила дѣйствуетъ,— подтрунитъ кто-нибудь надъ нимъ.

— И то лукавый попуталъ!

Плана въ занятіяхъ своихъ онъ не соблюдалъ и передѣлывалъ въ разбивку вообще все, что̀ требовалось по лакейской должности. А ежели что̀ и еще, сверхъ того, прикажутъ, то и это сдѣлаетъ. Вообще, никакой личной инціативы не зналъ, ничего, кромѣ заведеннаго, такъ сказать, вотдѣлаго ему въ плоть и кровь порядка и дѣйствительно случайнаго стороняго импульса. И никогда не интересовался знать, что̀ изъ его работы вышло, и все ли у него исправно, какъ будто выполненная формальнымъ образомъ лакейская задача сама по себѣ составляетъ нѣчто самостоятельное, не нуждающееся въ провѣркѣ съ практическими результатами.

— Срамъ смотрѣть, какіе ты стаканы на столъ подаешь!—чуть не каждый день напоминали ему. На что̀ онъ, съ убѣжденнымъ видомъ, неизмѣнно давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Кажется, перетираю...

Молчальникъ онъ былъ изумительный. Рѣдко-рѣдко съ его языка слеталъ какой-нибудь неожиданный вопросъ въ родѣ: „прикажете на столъ накрывать?“ Или: „прикажете сегодня печки топить?“— на что обыкновенно получалось въ отвѣтъ: „одурѣлъ ты, что-ли, о чемъ спрашиваешь?“ Въ большинствѣ случаевъ, онъ или безусловно молчалъ, или ограничивался односложными отвѣтами самаго первоначальнаго свойства.

— Холодно сегодня?—спроситъ, напримѣръ, матушка за утреннимъ чаемъ.

— Не замѣтилъ-съ.

— Ишь шкура-то у тебя...

— Извѣстно, зима, а не лѣто.

Даже изъ прислуги онъ ни съ кѣмъ въ разговоры не вступалъ, хотя ему почти вся дворня была родня. Иногда, проходя мимо кого-нибудь, вдругъ остановится, словно вспомнитъ о чемъ-то хочетъ, но не вспомнитъ, вымолвитъ: „здорово, тётка!“ —и продолжаетъ путь дальше. Впрочемъ, это никого не удивляло, потому что и на остальной дворнѣ, въ громадномъ большинствѣ, лежала та же печать молчанія, обусловившая своего рода общій modus vivendi, которому всѣ безсознательно подчинялись.

По временамъ, онъ заходилъ вечеромъ въ дѣвичью (разумѣется, въ отсутствіе матушки, когда больше досуга было), садился гдѣ-нибудь съ краю на ларѣ и слушалъ разсказы Аннушки о подвижникахъ первыхъ временъ христіанства. Но производили ли они на него какое-нибудь впечатлѣніе, и дѣйствительно ли онъ что-нибудь слышалъ—этого никто опредѣлить не могъ. Слушаетъ-слушаетъ, и вдругъ на самомъ интересномъ мѣстѣ зѣвнетъ, перекреститъ ротъ, вымолвитъ: „Господи Іисусе Христе!“ —и уйдетъ дремать въ лакейскую, покуда господа не разойдутся на ночь по своимъ угламъ.

Какое-то гнетущее равнодушіе было написано на его лицѣ, но въ чемъ заключалась тайна этого равнодушія, это даже ему самому едва ли было извѣстно. Во всякомъ случаѣ, никто не видалъ на этомъ лицѣ луча не только радости, но даже самаго заурядnаго удовольствія. Точно это было не лицо, а застывшая маска. Глядитъ, моргаетъ, носомъ шевелитъ, волосами встряхиваетъ, а какой внутренній процессъ скрывается за этими движеніями — отгадать невозможно.

Нѣкоторое время онъ былъ приставленъ въ качествѣ камердинера, къ старому барину, но отецъ не могъ выносить выраженія его лица, и самого Конона не иначе звалъ, какъ каменнымъ идоломъ. Что касается до матушки, то она не обижала его и даже въ приказаніяхъ была болѣе осторожна, нежели относительно прочей прислуги одного съ Конономъ сокровеннаго міросозерцанія. Такъ что можно было подумать, что она какъ будто его опасается.

— Лѣшій его знаетъ, что̀ у него на умѣ,—говаривала она:—все равно, какъ солдатъ по улицѣ со штыкомъ идетъ. Кажется, онъ

и смирно идетъ, а тебѣ думается: что, ежели ему въ голову вступитъ —возьметъ да и заколетъ тебя. Судись, поди, съ нимъ.

Впрочемъ она видѣла, что Кононъ, по мѣрѣ разумѣнія, свое дѣло дѣлаетъ, и понимала, что человѣкъ этотъ не что иное, какъ машина, которую сбивать съ однажды намѣченной колеи безнаказанно нельзя, потому что она, пожалуй, и совсѣмъ перестанетъ дѣйствовать. Но внутренно онъ былъ ей несимпатиченъ. Какъ женщина по природѣ ретивая, она и въ прислугѣ главнѣе всего цѣнила ретивость, и любила только тѣхъ, у кого дѣло, какъ говорится, въ рукахъ горитъ. Поэтому, глядя, какъ Кононъ, болтая руками и вращая недоумѣвающими глазами, бродитъ со щеткой по комнатамъ, не столько выметая ихъ, сколько поднимая пыль столбомъ, она выражалась:

— Ишь, олухъ, бродитъ! словно во снѣ веревки вьетъ! Кажется, такъ бы взяла да щеткой тебя, да щеткой...

Но что всего больше досадовало матушку—это показывавшаяся по временамъ на лицѣ Конона улыбка, не настоящая улыбка, а какое-то подобіе, точно на портретахъ, писанныхъ неискусной рукой крѣпостного живописца:

— Стало быть, есть у него разсудокъ, стало быть, онъ чему-нибудь да смѣется! — ворчала она, съ любопытствомъ наблюдая, какъ это загадочное подобіе улыбки то мелькнетъ, то опять пропадетъ на тонкихъ обезцвѣченныхъ губахъ „олуха“.

Можно ли было считать Конона „вѣрнымъ“ слугою — этотъ вопросъ никому не приходилъ въ голову. Несомнѣнно, онъ никогда ничего не укралъ, никого не продалъ и даже никому не нагрубилъ, но все это были качества отрицательныя, въ которыхъ внутреннее его существо не принимало никакого участія, и которыхъ, поэтому, никто въ заслугу ему не ставилъ. Поручить ему все-таки ничего было нельзя, потому что въ такомъ случаѣ потребовалось бы войти въ такія мелкія подробности, предугадать которыя заранѣе совсѣмъ невозможно. Ежели же всего до послѣдней мелочи ему впередъ не пересказать, то онъ, при первой же непредвидѣнности, или совсѣмъ станетъ въ тупикъ, или такъ напутаетъ, что и мудрецу распутать не подъ силу. Ничего *отъ себя* онъ придумать не былъ въ состояніи, ни малѣйшей сообразительностью не обладалъ. Онъ былъ лакей въ буквальномъ смыслѣ этого слова—и ничего больше.

Поэтому его постоянно держали въ лакейской, не давая, вѣ

ея, никакого хода. И матушка, которая очень дорожила усердными и честными слугами, очень вѣрно выражалась о немъ, говоря:

— Вотъ онъ и честный, да что въ немъ!

И наружность онъ имѣлъ такую, что, несмотря на несомнѣнно лакейскій типъ, представительнымъ лакеемъ его все-таки назвать было нельзя. Средняго роста, узкій въ плечахъ, поджарый, съ впалою грудью, онъ имѣлъ очень жалкую фигуру, прислуживая за столомъ, и едва-едва держался нетвердыми ногами, стоя въ ливреѣ на запяткахъ за возкомъ и рискуя при первомъ же ухабѣ растянуться на снѣгу. Въ Москвѣ, когда начались выѣзды, это сдѣлалось въ особенности замѣтнымъ, и сестрица отчасти ему приписывала свои неудачи въ поискахъ за женихами. Ни прислужить по столичному, ни возвѣстить, какъ слѣдуетъ, пріѣздъ гостя онъ не умѣлъ, безпощадно перевиралъ фамиліи, перепутывалъ названія улицъ и въ довершеніе всего перенесъ въ московскую квартиру ту же нестерпимую неопрятность, которая отличала его въ деревнѣ. Словомъ сказать, только привычка и крайняя неприхотливость объясняли присутствіе въ большомъ городѣ подобнаго деревенскаго увальня, даже средп такой скромной обстановки, какова была наша.

Ходилъ онъ въ деревнѣ, по будиямъ, въ широкомъ синемъ затрапезномъ сюртукѣ, въ сѣрыхъ нанковыхъ штанахъ и въ туфляхъ на босу ногу. Такова была общая обмундировка мужской прислуги въ нашемъ домѣ. Но по праздникамъ надѣвалъ синюю суконную пару и выростковые сапоги, и гоголемъ выступалъ въ этой одеждѣ по комнатамъ, заглядывая мимоходомъ въ зеркала и чаще, чѣмъ въ будни, посѣщая дѣвичью. Очевидно, въ немъ таилась въ зародышѣ слабость къ щегольству, но и этотъ зародышъ, подобно всѣмъ прочимъ качествамъ, тускло мерцавшимъ въ глубинахъ его существа, какъ-то не осуществился, такъ что если кто изъ дѣвушекъ замѣчалъ: „Э! да какой ты сегодня франтъ!“ —то онъ, какъ и всегда, оставлялъ замѣчаніе безъ отвѣта, или же отвѣчалъ кратко:

— Извѣстно... праздникъ!

По воскресеньямъ онъ аккуратно ходилъ къ обѣднѣ. Съ первымъ ударомъ благовѣста выйдетъ изъ дома и взбирается въ-одиночку по пригорку; но идетъ не по дорогѣ, а сбоку по травѣ, чтобы не запылить сапогъ. Придетъ въ церковь, станетъ сначала передъ царскими дверьми, поклонится на всѣ четыре стороны и затѣмъ

пріютится на лѣвомъ клиросѣ. Тамъ положитъ руку на перила, чтобы всѣ видѣли рукавъ его сюртука, и въ этомъ положеніи неподвижно стоитъ до конца службы.

— Ты что-жъ это, олухъ, цѣлую обѣдню лба не перекрестилъ! —прикрикнетъ на него матушка, возвратясь изъ церкви.

— Такъ словно...

— „Такъ словно“! смотрите, какой резонъ выдумалъ! вотъ я тебя, „такъ словно“, въ будущее воскресенье въ церковь не пущу! Сиди дома, любуйся собой... щеголь!

Но никакія вразумленія не дѣйствовали, и въ слѣдующій праздникъ та же исторія повторялась съ буквальною точностью. Не разъ, въ виду подобныхъ фактовъ, матушка заподозривала Конона въ затаенной строптивости, но, по размышленіи, оставила свои подозрѣнія и убѣдилась, что гораздо проще объяснить его поведеніе тѣмъ, что онъ —природный „олухъ“. Эта кличка была какъ разъ ему въ пору; она вполнѣ исчерпывала его внутреннее содержаніе и опредѣляла всѣ поступки.

Конечно, постоянно имѣть передъ глазами „олуха“ было своего рода божескимъ наказаніемъ; но такъ какъ всѣ кругомъ такъ жили, всѣ такими же олухами были окружены, то приходилось мириться съ этимъ фактомъ. Все одно: хоть ты ему говори, хоть нѣтъ,—ни слова, ни даже наказанія, ничто не подѣйствуетъ, и олухъ, самъ того не понимая, поставитъ-таки на своемъ. Хорошо, хоть вина не пьетъ—и за то спасибо.

— Сказывали мнѣ, что за границей машина такая выдумана,— завидовала нерѣдко матушка: — она и на столъ накрываетъ, и купанье подаетъ, а господа сядутъ за столъ и кушаютъ! Вотъ кабы въ Москву такую машину привезли, кажется, ничего бы не пожалѣла, а ужъ купила бы! И сейчасъ бы всѣхъ этихъ олуховъ съ глазъ долой!

Но машину не привозили, а доморощенный олухъ мозолилъ да мозолилъ глаза властной барынѣ. И каждый день прикоплялъ новые слои сала на буфетномъ столѣ, каждый день плевалъ въ толченый кирпичъ, служившій для чищенія ножей, и дышалъ въ чашки, изъ которыхъ „господа“ пили чай...

— Нѣтъ ты безчувственный! долго ли я отъ тебя надругательства буду теритъ!—выговаривала матушка, заставая его въ подобныхъ занятіяхъ.

— Это какъ вамъ, сударыня, будетъ угодно.

Кононъ былъ холостъ, но вопросъ о томъ, какъ онъ относился къ женскому полу, составлялъ его личную тайну, которою никто не интересовался, какъ и вообще всѣмъ, что̀ касалось его внутреннихъ побужденій. Хранилъ ли онъ что-нибудь въ глубинахъ своего существа, или тамъ было пустое мѣсто—кому какое до этого дѣло? Извѣстны были, впрочемъ, два факта: во-первыхъ, что въ лѣтописяхъ малиновецкой усадьбы, достаточно-таки обильныхъ сказаніями о послѣдствіяхъ тайныхъ дѣвичьихъ вожделѣній, никогда не упоминалось имя Конона въ качествѣ соучастника, и во-вторыхъ, что, за всѣмъ тѣмъ, онъ, какъ я сказалъ выше, любилъ въ праздничные дни, одѣвшись въ суконную пару, заглянуть въ дѣвичью, и, стало быть, стремленіе къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода не совсѣмъ ему было чуждо.

Во всякомъ случаѣ, ежели смолоду, и когда притомъ браки между дворовыми разрѣшались довольно свободно, онъ ни разу не выказалъ желанія жениться, то тѣмъ менѣе можно было предположить въ немъ подобное намѣреніе въ такомъ возрастѣ, когда онъ уже считалъ, по малой мѣрѣ, пятьдесятъ лѣтъ. Но чего никто не ждалъ, то именно и случилось.

Однажды утромъ, одѣвшись въ праздничную пару (хотя были будни), онъ безъ доклада явился въ матушкину комнату и всталъ передъ ея письменнымъ столомъ, заложивъ руки за спину.

— Опомнись! куда пришелъ? зачѣмъ?—удивилась матушка.

— Имѣю желаніе въ законъ вступить,—молвилъ онъ, не теряя словъ для предварительныхъ объясненій.

— Въ какой законъ? что̀ ты, мелево, мелешь?

— Извѣстно, въ законъ... какъ прочіе, такъ и я... жениться позвольте.

— То-то я смотрю, ты въ суконную пару вырядился... Что̀ вдругъ приспичило?

— Желаніе имѣю-съ.

— А ты бы на себя въ зеркало посмотрѣлъ... женихъ! Кого же ты осчастливить собой задумалъ?

— Матрена, стало быть, пойдетъ.

— „Стало быть“... Ишь вѣдь, олухъ, словно во снѣ бредитъ? Спрашивалъ ты ее, что-ли?

— Никакъ нѣтъ-съ. Все равно, изъ господской воли не выйдетъ.

— Держи карманъ! Такъ я за тебя дѣвку силкомъ замужъ и выдала!

— Все равно-съ. Матрена не пойдетъ—Катюшка пойдетъ!

Матушка даже вскочила: до такой степени ее въ одну минуту вывело изъ себя неизреченное остолопство, съ которымъ Кононъ, безъ всякаго признака мысли, переходилъ отъ одного предположенія къ другому.

— Уйди!—крикнула она на него.—Эй, дѣвки! кто тамъ? Кто его ко мнѣ смѣлъ пустить?

Кононъ молча ретировался. Ни малѣйшаго чувства не отразилось на застывшемъ лицѣ его, точно онъ совершилъ такой же обрядъ, какъ чищеніе пожей, метеніе комнатъ и проч. Сдѣлалъ свое дѣло—и съ плечъ долой.

Тѣмъ не менѣе, матушка задумалась. Хотя очень часто Кононъ сердилъ ее своею безтолковостью, но въ то же время онъ былъ безотвѣтенъ и никогда ни о чемъ не просилъ. Какъ-то совѣстно было отказать въ первой просьбѣ человѣку, который съ утра до вечера маялся на барской службѣ, ни однимъ словомъ не заявляя, что служба эта ему надоѣла или трудна. Поэтому она не только не подняла Конона на зубокъ, какъ это обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ дѣлала, но никому не сообщила о случившемся и вообще рѣшила держать себя сдержанно. И я увѣренъ, что еслибы Кононъ возобновилъ свою просьбу, то несомнѣнно разрѣшеніе было бы ему дано.

Но прошла недѣля, прошла другая—Кононъ молчалъ. Очевидно, намѣреніе жениться явилось въ немъ плодомъ той же путаницы, которая постоянно бродила въ его головѣ. Въ короткое время эта путаница настолько уже улеглась, что онъ и самъ не помнилъ, точно ли онъ собирался жениться, или видѣлъ это только во снѣ. По прежнему, продолжалъ онъ двигаться изъ лакейской въ буфетъ и обратно, не выказывая при этомъ даже тѣни неудовольствія. Это нелѣпое спокойствіе до того заинтересовало матушку, что она рѣшилась возобновить прерванную бесѣду.

— Видно, ты, Кононъ, ужъ отдумалъ жениться?—спросила она его однажды.

— Это какъ вамъ угодно.

— Подумай! Тебѣ ужъ всѣ пятьдесятъ стукнуло—не поздно ли о женѣ думать?

— Извѣстно...

— Задумалъ жениться, а спросить тебя, пойдетъ ли за тебя кто изъ дѣвушекъ,—ты и самъ не отвѣтишь.

— Отчего не пойти—пойдутъ.

— Кто пойдетъ?—говори!

— Изъ господской воли ни одна не выйдетъ. Которую сами изволите назначить, та и пойдетъ.

— А ежели я никого не назначу?

— Это какъ вамъ угодно.

— Такъ вотъ что. Черезъ три мѣсяца мы въ Москву на всю зиму поѣдемъ, я и тебя съ собой взять собралась. Если ты женишься, придется тебя здѣсь оставить, а самой въ Москвѣ безъ тебя, какъ безъ рукъ, маяться. Посуди, по-божески ли такъ будетъ?

Блѣдная улыбка скользнула на мгновеніе на губахъ Конона: слова матушки „безъ тебя, какъ безъ рукъ“, повидимому, польстили ему. Но черезъ секунду лицо его опять затянулось словно паутиной, и съ языка слетѣлъ обычный загадочный отвѣтъ:

— Извѣстно...

— Ну, ступай. Брось эту блажь, не думай о ней.

На этомъ и кончились матримоніальныя поползновенія Конона. Но семья наша не успѣла еще собраться въ Москву, какъ въ дѣвичьей случилось происшествіе, которое всѣхъ заставило смотрѣть на „олуха“ совсѣмъ другими глазами. Катюшка оказалась съ прибылью, и когда объ этомъ произведено было изслѣдованіе, то выяснилось, что соучастникомъ въ Катюшкиномъ прегрѣшеніи былъ... Кононъ!

Матушка такъ и ахнула.

Кононъ служилъ въ нашемъ домѣ съ двадцатилѣтняго возраста (матушка уже застала его лакеемъ), изо дня въ день дѣлая одно и то же лакейское дѣло и не измѣняясь ни внутренно, ни наружно. Даже черные волосы его не сѣдѣли и густою прядью, словно парикъ, прилипли къ головѣ, съ висками, зачесанными къ угламъ глазъ. Эта неизмѣняемость въ значительной степени упрощала отношенія къ нему. Проходили годы, десятки лѣтъ, а Кононъ былъ все тотъ же Кононъ, котораго не совѣстно было назвать Конькой или Коняшкой, какъ и въ старину, когда ему было двадцать лѣтъ. Никому не приходило

на мысль, что онъ старѣется, подобно прочимъ, и что лакейская суетолока, быть можетъ, ему ужъ не подъ силу...

Между тѣмъ вокругъ все старѣлось и ветшало. Толпа старыхъ слугъ рѣдѣла; однихъ снесли на погостъ; другіе, лежа на печи, ждали очереди. Умеръ староста Ѳедотъ, умеръ кучеръ Алемпій; отпросилась умирать въ Заболотье ключница Акулина; дѣвчонки, еще такъ недавно мелькавшія на побѣгушкахъ, сдѣлались перезрѣлыми дѣвами...

Наконецъ, скончался и старикъ-отецъ, достигнувъ глубокой старости, а вскорѣ послѣ его смерти въ народѣ пропеслись слухи о предстоящей волѣ...

Матушка затосковала. Ей тоже шло подъ шестьдесятъ, и она чувствовала, что бразды правленія готовы выскользнуть изъ ея слабѣющихъ рукъ. По временамъ она догадывалась, что ее обманываютъ, и сознавала себя безсильною противъ ухищреній невѣрныхъ рабовъ. Но, разумѣется, всего болѣе ее смутила молва, что крѣпостное право уже взяло все, что̀ могло взять, и близится къ неминуемому разсчету...

— Такъ, чай, языки по пустому чешутъ! И прежде брехали, и теперь то же самое брешутъ!—утѣшала она себя, но въ то же время тайный голосъ подсказывалъ ей, что на этотъ разъ брехотня похожа на правду.

Не будучи въ состояніи угомонить этотъ самый голосъ, она безцѣльно бродила по опустѣлымъ комнатамъ, вглядывалась въ церковь, подъ сѣнью которой раскинулось сельское кладбище, и припоминала. Старикъ-мужъ въ могилѣ, дѣти разбрелись во всѣ стороны, старые слуги вымерли, къ новымъ она примѣниться не можетъ... не пора ли и ей очистить мѣсто для другихъ?..

И вдругъ на встрѣчу идетъ Кононъ и докладываетъ, что подано кушать. Онъ такъ же бодръ, какъ былъ въ незапамятныя времена, и съ такою же регулярностью продолжаетъ дѣлать свое лакейское дѣло...

— И ему, поди, семьдесятъ лѣтъ есть,—мелькаетъ у матушки въ головѣ:—а вотъ онъ еще какой!

Однакожъ очередь и его не минула. Смерть, впрочемъ, застигла его совершенно случайно. Шелъ онъ однажды по лѣстницѣ, поскользнулся и переломилъ ногу. Костоправъ попался плохой, сростилъ ногу небрежно; обнаружилась костоѣда, и Кононъ слегъ.

Вѣроятно, боль была очень мучительна, потому что только тутъ догадались, что и Кононъ можетъ чувствовать и страдать.

Однажды матушкѣ доложили, что Кононъ отходитъ. Она поспѣшила въ каморку, гдѣ онъ лежалъ, распростертый на войлокѣ, служившемъ вмѣсто постели, и наклонилась надъ нимъ.

— Что, Кононъ? тяжко?—спросила она.

— Извѣстно... смерть.

XXII.—Безсчастная Матрёнка.

Я не разъ упоминалъ, что когда отецъ былъ холостъ, и даже лѣтъ пятнадцать спустя послѣ его женитьбы, покуда матушка была молода, браки между дворовыми совершались безпрепятственно. Еще въ моей памяти живы (хотя я былъ тогда очень малъ) дѣвичники, которые весело справлялись въ домѣ наканунѣ свадьбы. Вечеромъ, часовъ съ шести, въ залѣ накрывали большой столъ и уставляли его дешевыми сластями и графинами съ медовой сытою. Въ головѣ стола сажали жениха съ невѣстой, кругомъ усаживались сѣнныя дѣвушки; но участвовала ли въ этомъ праздникѣ мужская прислуга—не помню. Дѣвушки пѣли пѣсни и величали нареченныхъ; господа отъ времени до времени заглядывали въ залъ и прохаживались кругомъ стола. Часамъ къ десяти всѣ расходились.

Но чѣмъ глубже погружалась матушка въ хозяйственные интересы, тѣмъ сложнѣе и придирчивѣе становились ея требованія къ труду дворовыхъ. Дворня, въ ея понятіяхъ, представлялась чѣмъ-то въ родѣ опричины, которая должна быть чужда какому бы то ни было интересу, кромѣ господскаго, и браки при такомъ взглядѣ являлись *невыгодными*. Семейный слуга—не слуга, вотъ афоризмъ, который она себѣ выработала и которому рѣшилась слѣдовать неуклонно. Отецъ называлъ эту систему системой прекращенія рода человѣческаго, и на первыхъ порахъ противился ей; но матушка, однажды принявъ рѣшеніе, проводила его до конца, и возраженія старика-мужа на этотъ разъ, какъ и всегда, остались безъ послѣдствій.

Съ тѣхъ поръ малиновецкая дѣвичья сдѣлалась ареною тайныхъ

вожделѣній и сомнительнаго свойства исторій, совершенно непригодныхъ въ домѣ, въ которомъ было много дѣтей.

Съ Матрёнкой, когда она въ первый разъ оказалась „съ прибылью“, поступили, сравнительно, довольно милостиво.

— Солдатикъ бѣглый въ лѣсу... въ ту пору ходили по ягоды... —безсвязно лепетала она, стараясь оправдать свой поступокъ.

— Не вѣтромъ ли надуло? —рѣзко оборвала ее матушка.

Тѣмъ не менѣе, на первый разъ она рѣшилась быть снисходительною. Матрёнку сослали на скотную и, когда она оправилась, возвратили въ дѣвичью. А приблуднаго сына окрестили, назвали Макаромъ (всѣхъ приблудныхъ называли этимъ именемъ) и отдали въ деревню къ бездѣтному мужику „въ дѣти“.

— Жаль тебѣ, Матрёнка, ребеночка?—спрашивали мы ее.

— Чего жалѣть! Тамъ ему, у мужичка, хорошо,—отвѣчала она тономъ, изъ котораго явствовало, что рѣчь идетъ о глухомъ фактѣ, которому предстояло только безусловно покориться.

— А будешь ты къ нему ходить?

— Развѣ маменька ваша позволитъ!

— Да ты украдкой. Вотъ маменька въ Заболотье уѣдетъ, ты и сходи...

— Нѣтъ ужъ... что!

Но когда она во второй разъ оказалась виноватою, то было рѣшено не допускать никакихъ послабленій. Она, впрочемъ, и сама это предчувствовала: до послѣдней крайности скрывала свой грѣхъ, словно надѣялась, что совершится какое-нибудь чудо. Но въ то же время она понимала, что чуда никакого не будетъ, и бродила задумчивая, сосредоточенная. Примѣры были у нея въ памяти, примѣры настолько жестокіе и неумолимые, что при одной мысли о нихъ становилось жутко. Въ виду этихъ примѣровъ она, быть можетъ, нѣчто обдумывала. Но за ней уже пристально слѣдили, опасаясь, чтобы она чего-нибудь надъ собой не сдѣлала, и въ то же время не допуская мысли, чтобы виноватая не могла ускользнуть отъ заслуженнаго наказанія. Съ этою цѣлью матушка заранѣе написала старостѣ въ отцовскую украинскую деревнюшку, чтобы выслалъ самаго что ни на есть плохого мальчишку-гадёнка, лишь бы законныя лѣта имѣлъ. Она не забыла, что однажды ужъ помирволила Матрёнкѣ, и рѣшилась поступить съ неблагодарною со всею неумолимостью.

Матрёнкѣ восемнадцать лѣтъ. Взяли ее въ господскій домъ еще крохотною, когда она, лишившись отца и матери, коренныхъ малиновецкихъ дворовыхъ, очутилась круглою сиротой. Тутъ она, въ дѣвичьей, на пустыхъ щахъ да на толокнѣ, и выросла. Это добрая, покорная и ласковая дѣвушка, которую не только товарки, но и господскія дѣти любили. Красивою ее нельзя назвать, но при невысокомъ уровнѣ красоты среди малиновецкой женской прислуги она можетъ нравиться. Характеръ у нея веселый, отзывчивый, что̀ очень рѣзко выдѣляется на общемъ фонѣ уныніи, господствующемъ въ дѣвичьей. Но уже когда она въ первый разъ сдѣлалась матерью, веселость съ нея какъ рукой сняло, а теперь, когда ее во второй разъ грѣхъ попуталъ, она съ первой же минуты, какъ убѣдилась, что бѣды не миновать, совсѣмъ упала духомъ.

И точно, бѣда надвигалась. Несомнѣнные признаки убѣдили Матрёнку, что вина ея всѣмъ извѣстна. Товарки взглядывали исподлобья, когда она проходила; ключница Акулина сомнительно покачивала головой: барыня, завидѣвши ее, никогда не пропускала случая, чтобы не назвать ее „бѣглой солдаткой“. Но никто еще прямо ничего не говорилъ. Только барчукъ Степанъ Васильевичъ однажды остановилъ ее и съ свойственнымъ ему безсердечіемъ крикнулъ:

— Что̀, Матрёнка, опять вѣтромъ надуло?

Такъ-таки въ упоръ и сказалъ, не посовѣстился... А она, между тѣмъ, ничего Степану Васильичу дурного не сдѣлала. Напротивъ, даже жалѣла его, потому что никто въ домѣ, ни матушка, ни гувернантки, его не жалѣли и все называли балбесомъ.

Новый грѣхъ напомнилъ Матрёнкѣ и о старомъ грѣхѣ. Проснулось чувство матери. Сынъ у нея былъ, хоть и не „настоящій“, а все-таки сынъ... Гдѣ-то онъ теперь, Макарка безсчастный? лежитъ, чай, мокрый, въ зыбкѣ, да сосетъ соску изъ ржаного хлѣба... Правда, что Ненила, которой его въ дѣти отдали, доброй бабой слыла, да вѣдь и у добрыхъ людей по чужомъ ребенкѣ сердце развѣ болитъ? Добра-добра, а все-таки не родная мать. Узнаетъ ли когда-нибудь Макарка, что у него своя, кровная мать была? Или, быть можетъ, она такъ и умретъ, не сказавшись сынку!

Что̀ побудило ее пойти на грѣхъ? склонность ли сердечная, или просто молодая кровь заговорила? Думается, что послѣднее предположеніе вѣрнѣе. Въ той средѣ, въ которой она жила, въ той каторгѣ,

которая не давала ни минуты свободной, не существовало даже условій, при которыхъ могла бы развиться настоящая сердечная склонность. Дворня представляла собой сборище подъяремныхъ звѣрей, которые и вожделѣли какъ звѣри. Вожделѣли урывками, озираясь по сторонамъ, не дозволяя себѣ лишней ласки и разбѣгаясь, какъ только животный инстинктъ былъ удовлетворенъ. Встрѣтился Ермолай-шорникъ — инстинктъ устремился къ нему; но еслибы, вмѣсто Ермолая, явился ткачъ Дмитрій—инстинктъ не отвернулся бы и отъ него. Одна разница со звѣрями: послѣдніе вожделѣютъ безнаказанно, а она, „дѣвка“ Матрёнка, должна за свои вожделѣнія ждать кары.

То-ли дѣло господа! Живутъ какъ вздумается, ни на что имъ запрета нѣтъ. И таиться имъ не въ чемъ, потому что они въ свою пользу законъ отмежевали. А рабамъ нѣтъ закона; въ беззаконіи они родились, въ беззаконіи и умереть должны, и если, по временамъ, пытаются окольнымъ путемъ войти въ заповѣдную область, осѣняемую закономъ, то господа не находятъ достаточной казни, которая могла бы искупить дерзновенное посягательство.

Увы! нѣтъ для раба иного закона, кромѣ беззаконія. Съ печатью беззаконія онъ явился на свѣтъ, съ нею промаячилъ постылую жизнь и съ нею же обязывается сойти въ могилу. Только за предѣлами послѣдней, какъ увѣряетъ Аннушка, возсіяетъ для него присносущій свѣтъ Христовъ... Ахъ, Аннушка, Аннушка!

. . . . . .

Наконецъ все выяснилось. Матрёнка созналась, что находится въ четвертомъ мѣсяцѣ беременности, но при этомъ до такой степени была увѣрена въ неизбѣжности предстоящей казни, что даже слова о пощадѣ не вымолвила.

— Ну, теперь жди жениха и собирайся въ дальній путь!— сказала ей матушка.

Матрёнку одѣли въ затрапезное платье, вывороченное наизнанку, и сняли съ нея передникъ, чтобы беременность для всѣхъ была очевидна (въ числѣ этихъ „всѣхъ“ были и господскія дѣти). Вѣроятно, этимъ хотѣли дѣйствовать на дѣвичій стыдъ, забывая, что имѣли дѣло съ существами, которыя отъ рожденія были фаталистически отмѣчены печатью звѣринаго образа. Сверхъ того, виноватой запретили показываться на глаза старому барину, отъ котораго вообще скрывали

подобнаго рода происшествія, изъ опасенія, чтобы онъ не „взбунтовался“ и не помѣшалъ Немезидѣ выполнить свое дѣло.

Чувствовала ли Матрёнка стыдъ? На этотъ вопросъ можно скорѣе отвѣтить отрицательно. Но несомнѣнно, что перспектива, которая, какъ можно было догадаться изъ словъ матушки, ждала впереди, заставила ее сильно задуматься. Какого жениха ей готовятъ? Куда, въ какой дальній путь снаряжаться велятъ? Ежели, напримѣръ, въ вологодскую деревню, то, сказываютъ, тамъ мужики исправные, и дѣвушка Наташа, которую туда, тоже за такія дѣла, замужъ выдали, писала, что живетъ съ мужемъ хорошо, ѣстъ до-сыта и завсе зимой въ лисьей шубѣ ходитъ. Но матушка въ подобныхъ случаяхъ хранила свои распоряженія въ такой тайнѣ, что проникнуть въ ея намѣренія было невозможно. Извѣстно было одно: что она не только строга, но и изобрѣтательна.

Женихъ между тѣмъ не являлся, а матушку вызвали въ губернскій городъ, гдѣ въ сотый разъ слушалось одно изъ многихъ тяжебныхъ дѣлъ, которыя она вела. Матрёнка временно повеселѣла, дворовые уже не ограничивались шопотомъ, а открыто высказывали сожалѣніе, и это ободрило ее.

Но вотъ однимъ утромъ пришелъ въ дѣвичью Ѳедотъ и сообщилъ Акулинѣ, чтобъ Матрёнка готовилась: изъ Украйны пріѣхалъ женихъ. Распорядиться, за отсутствіемъ матушки, было некому, но общее любопытство было такъ возбуждено, что Ѳедота упросили показать жениха, когда баринъ, послѣ обѣда, ляжетъ отдыхать. Даже мы, дѣти, высыпали въ дѣвичью посмотрѣть на жениха, узнавши, что его привели.

Женихъ былъ такъ малъ ростомъ, до того глядѣлъ мальчишкой, что никакъ нельзя было дать ему больше пятнадцати лѣтъ. На немъ былъ новенькій съ иголочки азямъ сѣраго крестьянскаго сукна; на ногахъ — новыя лапти. Атмосфера господскихъ хоромъ до того отуманила его, что онъ, какъ окаменѣлый, стоялъ, разинувъ ротъ, у входной двери. Даже Акулина, какъ ни свыклась съ сюрпризами, которые всегда были на-готовѣ у матушки, ахнула, взглянувъ на него.

— Тебѣ который же годъ?—спросила она его, внезапно проникаясь глубокимъ состраданіемъ къ Матрёнкѣ.

— Объ Рождествѣ осьмнадцать минуло,—отвѣтилъ онъ робко.

— Ну, признаться...

Матрёнка совсѣмъ взволновалась.

— Ни за что въ свѣтѣ я за тебя, за гадёнка, не пойду!— кричала она, подступая къ жениху съ кулаками:—такъ и въ церкви попу объявлю: не согласна! А ежели силкомъ выдадутъ, такъ я—и до мѣста доѣхать не успѣемъ—тебя изведу!

Жениха слегка передернуло; онъ исподлобья взглядывалъ на Матрёнкинъ животъ и молчалъ.

— Слышишь!—продолжала волноваться невѣста: — такъ ты и знай! Лучше добромъ уѣзжай отсюда, а ужъ я что сказала, то сдѣлаю! не пойду я за тебя! не пойду!

— Да и мнѣ неохота,—пробормоталъ мальчишка мрачно.

— Зачѣмъ же ты ѣхалъ, постылый?

— Староста велѣлъ... оттого...

— Ступай съ моихъ глазъ! ступай!

Мальчишка повернулся и вышелъ. Матрёнка заплакала. Всего можно было ожидать, но не такого надругательства. Ей не приходило въ голову, что это надругательство гораздо мучительнѣе настигаетъ ничѣмъ неповиннаго мальчишку, нежели ее. Цѣлый день она ругалась и проклинала, безпрерывно ударяя себя животомъ о столъ, съ намѣреніемъ произвести выкидышъ. Товарки старались утѣшить ее.

— Небось, еще выровняется!—говорила Акулина:—годка два пройдетъ, гренадеръ будетъ. Ему еще долго расти...

— Ихняя сторона—хлѣбная!—увѣряли дѣвушки:—скирдовъ, скирдовъ, сказываютъ, наставлено столько, словно городъ у околицы выстроенъ!

— Гусей мужички держатъ, утокъ, свиней, перепелокъ ловятъ. Убоину круглый годъ во щахъ ѣдятъ.

— Гадёнокъ! гадёнокъ! гадёнокъ! — вопила въ отвѣтъ Матрёнка, заливаясь слезами.

На другой день, однако, она какъ будто притихла. Убѣжденія и утѣшенія возобновились и начали оказывать дѣйствіе.

— Слушай-ка ты меня!—уговаривала ее Акулина.—Все равно тебѣ не миновать замужъ за него выходить, такъ вотъ что ты сдѣлай; сходи ужо къ нему, да и поговори съ нимъ ладкомъ. Каковы у него старики, хорошо ли живутъ, простятъ ли тебя, нѣтъ ли въ домѣ

снохъ, зятевей. Да и къ нему самому подластись. Онъ только ростомъ невеликъ, а мальчишечка—ничего.

— Въ па-нёвѣ буду ходить... — всхлипывала въ отвѣтъ Матрёнка.

— Что-жъ, что въ панёвѣ! И всѣ бабы такъ ходятъ. Будешь баба, по-бабьему и одѣваться будешь. Станешь бабью работу работать, по домашеству старикамъ помогать—вотъ и обойдется у васъ. Неужто-жъ лучше, съ утра до вечера, не разгибаючи спины, за пяльцами сидѣть?

— Извѣстно, хуже!—подтверждала вся дѣвичья.

— Эй, послушайся, Матрёнка! Онъ вѣдь тоже человѣкъ подневольный; ему и во снѣ не снилось, что ты забеременѣла, а онъ, ни дай, ни вынеси за что, долженъ чужой грѣхъ на себя взять. Можетъ, онъ и сейчасъ сидитъ въ застольной да плачетъ!

— Они меня смертнымъ боемъ будутъ бить...

— Ничего, не убьютъ. Извѣстно, старики поучатъ сначала, а потомъ увидятъ, что ты имъ не супротивница — и оставятъ. Сходи-ка, сходи!

Матрёнка послушалась. Послѣ обѣда пошла въ застольную, въ которой, на ея счастье, никого не было, кромѣ кухарки. Женихъ лежалъ, растянувшись на лавкѣ, и спалъ.

— Егорушко! — окликнула она его, стараясь отыскать въ своемъ голосѣ ласковые тоны.

Егорушка всталъ и недоумѣвающими глазами уперся въ ея животъ, точно ничто другое въ ней не интересовало его.

— Господи! да никакъ онъ все тотъ же, что и вчера!—мелькнуло въ ея головѣ, но она перемогла себя и продолжала: — Я съ тобой, Егорушка, говорить пришла...

— Пришла?—машинально повторилъ онъ за нею.

— Пришла прощенья у тебя выпросить. Хоть и не своей волей я за тебя замужъ иду, а все-таки, кабы не грѣхъ мой, ты бы по своей волѣ невѣсту за себя взялъ, на людей смотрѣть не стыдился бы.

— Неохота мнѣ тебя брать; нечестная ты. Буду у господъ милости просить.

— Все одно; барыня что сказала, то безпремѣнно сдѣлаетъ. Лучше ужъ прости ты меня.

— Не въ чемъ мнѣ тебя прощать; нечестная ты—вотъ и все.

Прòпасти на васъ, дѣвокъ, нѣтъ: бѣгаете, высуня языкъ, да любовниковъ ищете... Какъ я тебя съ такимъ горбомъ къ старикамъ своимъ привезу!

— А люты у тебя старики?

Матрёнка съ тоскою глядѣла на жениха, ища уловить въ его глазахъ хоть искру сочувствія. Но Егорушка даже не отвѣтилъ на ея вопросъ и угрюмо промолвилъ:

— Была ужъ у насъ такая—Варварой звали... тоже съ кузовомъ привезли... Не долго выжила.

— Извели?

— Сама догадалась, извелась.

— Стало быть, ты меня не простишь?

— Сказалъ: не въ чемъ мнѣ тебя прощать. Горькій я!..

Егорушка положилъ голову на столъ и заплакалъ...

— Любить тебя буду,—шептала Матрёнка, присаживаясь къ нему:—беречи буду. Вѣтру на тебя вѣнуть не дамъ, всякую твою вину на себя приму; что ни прикажешь, все исполню!

Слезы жениха окончательно разбудили ее. Она поняла, что ради нея этотъ человѣкъ, еще почти ребенокъ, погибнуть долженъ, и эта горькая мысль, словно электрическій токъ, болѣзненно пронизывала все ея существо.

— Тяжко мнѣ, мочи нѣтъ, тяжко!—продолжала она:—какъ я къ твоимъ старикамъ такая явлюсь!

Она все ближе тѣснилась къ жениху, пытаясь обнять его, но онъ, не перемѣняя положенія, грубо оттолкнулъ ее локтемъ.

— Не вѝсни! не трогай!—сказалъ онъ брезгливо.

— Порѣшни ты меня! убей! лучше теперь убей, нежели тамъ меня каждый день изводить будутъ!

Онъ поднялъ голову и взглянулъ на нее. Ей показалось, что онъ вдругъ на нѣсколько лѣтъ постарѣлъ: до такой степени молодое лицо его исказилось ненавистью и злобой.

— Такъ неужто-жъ тебя жалѣть... паскуду!—прошипѣлъ онъ, и съ этими словами всталъ и вышелъ изъ горницы.

Попытка примиренія упала сама собой; не о чемъ было дальше рѣчь вести. Выводъ представлялся во всей жестокой своей наготѣ: ни той, ни другой сторонѣ не предстояло иного выхода, кромѣ того, который отравлялъ оба существованія. Надъ обоими

тяготѣла загадка, которая для Матрёнки называлась „виною“, а для Егорушки являлась одною изъ тѣхъ пенстовыхъ случайностей, которыми до краевъ переполнено было крѣпостное право.

Матрёнка уже не дѣлала дальнѣйшихъ попытокъ къ сближенію съ женихомъ. Она воротилась въ домъ, когда уже засвѣтили огонь, и молча, вмѣстѣ съ другими, сѣла за пряжу. По лицу ея товарки сразу увидали, что она „прощенья“ не принесла.

— Не смыслитъ еще онъ, стариковъ боится... Ты бы опять... —начала-было Акулина, но поняла, что ждать больше нечего, и прибавила:—Вотъ вѣдь какой узелъ вышелъ, и не сообразишь, какъ его развязать!

Раздумывая объ участи, ожидавшей Матрёнку, въ дѣвичьей шопотомъ поминали имя Ермолая-шорника, который жилъ себѣ припѣваючи, точно и не его грѣхъ. Это имя, конечно, могло бы разрѣшить все, но установленные властной рукой порядки не допускали и мысли объ естественной развязкѣ. Порядки эти были на руку мужской прислугѣ и обрушивались всею тяжестью исключительно на дѣвичьей. Несчастное существо, называвшееся „дѣвкой“, не только въ безмолвіи принимало брань и побои, не только изнывало съ утра до ночи надъ непосильной работой, но и единолично выносило на себѣ всѣ послѣдствія пробудившагося инстинкта.

Матрёнка, повидимому, совсѣмъ позабыла объ Ермолаѣ. Какъ я уже сказалъ выше, она пала, какъ самка звѣря, безсознательно, въ чаду, которымъ до боли переполнила ее внезапно взбунтовавшаяся плоть. Встрѣчаясь съ нимъ теперь, когда суровое будущее уже вполнѣ обрисовалось передъ нею, она не отворачивалась отъ него, а вела себя такъ, какъ бы онъ вовсе для нея не существовалъ. Ей даже не было досадно, когда онъ, проходя мимо, смѣючись, на нее посматривалъ и нагло посвистывалъ, словно подманивая на новый грѣхъ. Но когда до нея дошло, что Ермолай называетъ Егорку крестнымъ сынкомъ и вообще вышучиваетъ его, это до такой степени взволновало ее, что однажды она, какъ разъяренная, бросилась на своего случайнаго любовника. Но онъ шутя отвелъ ея безсильныя руки, и ничего изъ этого порыва не вышло.

Ермолай былъ такой же безсознательно-развращенный человѣкъ, какъ и большинство дворовыхъ мужчинъ; стало быть, другого и ждать отъ него было нельзя. Въ Малиновцѣ онъ появлялся рѣдко,

когда его работа требовалась по дому, а большую часть года ходилъ по оброку въ Москвѣ. Скука деревенской жизни была до того невыносима для московскаго лодыря, что потребность развлеченія возникала сама собой. И онъ отыскивалъ эти развлеченія, гдѣ могъ, не справляясь, какія послѣдствія можетъ привести за собой удовлетвореніе его прихоти.

Все было проклято въ этой средѣ; все ходило ощупью въ мракѣ безнадежности и отчаянья, который окутывалъ ее. Одни были развращены до мозга костей, другіе придавлены до потери человѣческаго образа. Только безсознательность и помогала жить въ такомъ чаду.

Время шло. Надъ Егоркой открыто измывались въ застольной и безпрестанно подстрекали Ермолая на новыя выходки, такъ что Ѳедотъ, наконецъ, догадался и отдалъ жениха на село къ мужичку въ работники. Матрёнка, съ своей стороны, чувствовала, какъ съ каждымъ днемъ въ ея сердце все глубже и глубже впивается тоска, и съ нетерпѣніемъ выслушивала сожалѣнія товарокъ. Не сожалѣнія ей были нужны, а развязка. Не та развязка, которой всѣ ждали, а совсѣмъ другая. Одно желаніе всецѣло овладѣло ею: погибнуть, пропасть!

И развязка не заставила себя ждать. Въ темную ночь, когда на дворѣ бушевала вьюга, а въ дѣвичьей все улеглось по мѣстамъ, Матрёнка въ одной рубашкѣ, босикомъ, вышла на крыльцо и сѣла. Снѣгъ хлесталъ ей въ лицо, стужа пронизывала все тѣло. Но она не шевелилась и безстрашно глядѣла въ глаза развязкѣ, которую сама придумала. Смерть приходила не вдругъ, и процессъ ея не былъ мученіемъ. Скорѣе это былъ сонъ, который до тѣхъ поръ убаюкивалъ виноватую, пока сердце ея не застыло.

Утромъ на крыльцѣ нашли окоченѣвшій Матрёшкинъ трупъ.

Похоронили виноватую на сельскомъ кладбищѣ, по христіанскому обряду, не доводя до полиціи и приписавъ ея смерть простому случаю. Егорку, котораго миссія кончилась, въ тотъ же день отправили въ украинскую деревню.

Матушка воротилась домой, когда все было кончено.

XXIII.—Сатиръ-скиталецъ.

— Сатирка-то воротился.

Этимъ извѣстіемъ докончилъ однажды староста Ѳедотъ свой вечерній докладъ матушкѣ.

— Врешь?

— Въ сѣняхъ дожидается.

— Зови.

Въ дѣвичью вошелъ высокій и худой мужчина лѣтъ тридцати, до такой степени блѣдный, что, казалось, ему цѣлый мѣсяцъ каждый день сряду кровь пускали. Одѣтъ онъ былъ въ черный демикотоновый балахонъ, спускавшійся ниже колѣнъ и напоминавшій покроемъ поповскій подрясникъ; на ногахъ были туфли на босу ногу.

— Гдѣ побывалъ?—спросила его матушка.

— И самъ не знаю. Гдѣ ночь, гдѣ день—не спрашивалъ.

— Бродяга ты; святымъ прикидываешься. На колоколъ-то насбиралъ ли?

— Принесъ-съ. Три бѣленькихъ да мелочи рублей съ десять.

Сатиръ вынулъ изъ-за пазухи кошель и высыпалъ на столъ деньги.

— Маловато. Не по прежнему.

— Строго нынче, сударыня. Надо дозволенья просить, а приди-ка безъ паспорта, анъ вмѣсто дозволенья, пожалуй, въ кутузку посадятъ. Да, признаться сказать, и обокрали въ дорогѣ. Около сотни слишкомъ, пожалуй, пропало.

— А ты бы больше зѣвалъ!

— Ежели въ другой разъ...—началъ-было Сатиръ, но матушка на первомъ же словѣ гнѣвно его прервала.

— Не успѣлъ воротиться, а ужъ опять лыжи навострить собираешься? И не думай! Привяжу тебя на веревку... сиди!

— Не безпокойтесь, сударыня, это я только къ слову. Нынче я и самъ не уйду... Надо подумать, куда себя настоящимъ манеромъ опредѣлить...

— Ладно, думай, а я за тебя передумаю... Ишь думальщикъ выискался... „подумать надо“! Ты прежде узнай, что господа о тебѣ думаютъ, а потомъ ужъ и самъ думай. Ступай къ барину, снеси деньги. Пускай старостѣ церковному отдастъ.

Сатиръ уже три раза былъ въ бѣгахъ. Походитъ года два, три, насбираетъ денегъ на церковное строеніе и воротится. Онъ и балахонъ себѣ сшилъ такой, чтобъ на сборщика походить, и книжку съ воззваніемъ къ христолюбивымъ жертвователямъ завелъ, а нелену на книжку тетеньки-сестрицы ему сшили. А такъ какъ въ нашей церкви колоколъ былъ малъ и плохъ, то доставляемый имъ сборъ присовокуплялся къ общей суммѣ пожертвованій на покупку новаго колокола.

Съ молодыхъ лѣтъ Сатиръ рѣзко выдѣлялся изъ общей массы дворовыхъ. Въ дѣтствѣ онъ урывками научился церковную печать разбирать и пристрастился къ чтенію божественныхъ книгъ. Кромѣ этого, онъ ни къ какому другому занятію призванія не чувствовалъ. Свезли его лѣтъ десяти въ Москву и отдали въ ученіе къ переплетчику; но хозяинъ безъ всякаго прока возился съ нимъ шесть лѣтъ и былъ радъ-радешенекъ, когда срокъ контракту кончился. Не сидѣлось ему за верстакомъ, все по церквамъ ходилъ. Уйдетъ съ утра и пропадетъ до ночи. На оброкъ идти онъ на-отрѣзъ отказался, а когда возвратился въ Малиновецъ, то и тамъ оказался лишнимъ. Мысли его, казалось, витали вездѣ, но только не около работы, которую ему поручали. Глубокая задумчивость охватывала все его существо, сердце рвалось и тосковало, хотя онъ и самъ не могъ опредѣленно объяснить, куда и о чемъ. А кромѣ того и хворь въ немъ какая-то загадочная таплась, такъ что онъ нѣтъ-нѣтъ да и сляжетъ. Какъ ни строга была матушка, но и она, видя, какъ Сатиръ, убирая комнаты, вдругъ броситъ на полъ щетку и начнетъ Богу молиться, должна была сознаться, что изъ этого человѣка никогда путнаго лакея не выйдетъ. Такъ его и бросили; отъ работы не увольняли, но и не принуждали.

И въ образѣ жизни онъ мало походилъ на своихъ собратій. Не ѣлъ ни мясного, ни даже овощей, потому что послѣдніе употреблялись въ застольной исключительно въ соленомъ и квашеномъ видѣ. Выпроситъ кринку снятого, совсѣмъ синяго молока, покрошитъ хлѣба, и сытъ; а не дадутъ молока, и съ водой тюри поѣстъ. Въ одеждѣ соблюдалъ опрятность, ходилъ медленно, чуть слышно ступая по полу въ туфляхъ, говорилъ тихо, тоненькимъ теноромъ, и праздныхъ словъ никогда не употреблялъ. Набоженъ былъ чрезвычайно, и когда въ домѣ случались всенощныя, то замѣтно одушевлялся. Не отрывалъ глазъ отъ образовъ, вздыхалъ и вообще выказывалъ признаки идеаль-

ной страстности, совершенно несвойственной той средѣ, которая его произвела.

Въ дворнѣ его считали блаженнымъ. Почти такого же взгляда держались отецъ и тетеньки-сестрицы. Матушка хотя внутренно негодовала, что онъ только лбомъ объ полъ стучитъ, однако терпѣла.

— Долго ли съ тобой маяться? День-деньской ты безъ дѣла шатаешься!—говорила она ему.

— Имѣю желаніе Богу послужить.

— А ты господамъ хорошо служи—вотъ и Богу этимъ послужишь. Богъ-то, ты думаешь, приметъ твою послугу, коли ты о господахъ не радѣешь?

Въ то время ходили слухи о сектѣ „бѣгуновъ“, которая переходила изъ деревни въ деревню, *взыскуя вышняго града* и скрываясь отъ преслѣдованія властей въ овинахъ и подпольяхъ крестьянскихъ домовъ. Помѣщики называли эту секту „пакостною“, потому что однимъ изъ ея догматовъ было непризнаніе господской власти. Подозрѣвали, что Сатиръ находится въ общеніи съ „бѣгунами“, а матушка даже положительно утверждала, что онъ „пакостникъ“. Но это было несправедливо, потому что онъ не только не скрывался, а, напротивъ, открыто появлялся среди бѣлаго дня въ самыхъ людныхъ мѣстахъ и, держа въ рукахъ книжку, выпрашивалъ подаяніе. Случалось, что его лавливали и сажали въ кутузку, но дѣло оканчивалось тѣмъ, что мѣстная власть отнимала у него сборъ и отпускала.

Бѣгать онъ началъ съ двадцати лѣтъ. Первый побѣгъ произвелъ общее изумленіе. Его ужъ оставили въ покоѣ: живи, какъ хочешь; казалось, чего еще нужно! И вотъ, однакожъ, онъ этимъ не удовольствовался, скрылся совсѣмъ. Впрочемъ онъ самъ объяснилъ загадку, прославъ съ дороги къ отцу письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что бѣжалъ съ тѣмъ, чтобы послужить церкви Милостиваго Спаса, что въ Малиновцѣ.

— Скатертью дорога,—сказала матушка:—по крайности, на глазахъ не будетъ, да и съ господскаго хлѣба долой!

— А можетъ, и пользу для нашей церкви принесетъ,—отозвался отецъ.

— Дожидайся!

Пробывши въ безвѣстной отлучкѣ три года, онъ воротился домой. Предсказаніе отца сбылось: бѣглецъ принесъ въ пользу церкви около

трехсотъ рублей. Это всѣхъ обрадовало и даже отчасти примирило съ нимъ матушку. Все равно, не минешь новый колоколъ покупать, и если недостанетъ церковныхъ денегъ, придется своихъ собственныхъ добавлять, такъ вотъ Сатировъ-то сборъ и пригодится.

— Да ты бы паспортъ взялъ, да съ нимъ бы свободно и ходилъ!—убѣждала его барыня.

— Не возьму, сударыня, паспорта. Не слуга я Богу, коли у меня паспортъ въ рукахъ!—упорствовалъ Сатиръ.

Цѣлую зиму послѣ этого онъ выжилъ въ Малиновцѣ. Его не тревожили и даже отвели въ нижнемъ этажѣ господскаго дома особую каморку, гдѣ онъ и сидѣлъ, словно осужденный на одиночное заключеніе. Тамъ онъ, покуда было свѣтло, занимался переписываніемъ „цвѣтничковъ“ (молитвенныхъ сборниковъ), располагая, повидимому, продавать ихъ въ пользу церкви; вечеромъ, сидя безъ огня, пѣлъ духовныя пѣсни, отголоски которыхъ нерѣдко проникали и въ господскія комнаты. Отецъ не безъ удовольствія прислушивался къ этому пѣнію, но матушка, при первыхъ же звукахъ, нетерпѣливо восклицала: „ну, завылъ... пѣсельникъ!“ Къ пасхѣ онъ выросилъ у тетеньки нѣсколько крашеныхъ яицъ, вырѣзалъ по скорлупѣ перочиннымъ ножемъ „Христосъ воскресе“ и роздалъ домочадцамъ.

Съ наступленіемъ весны онъ опять исчезъ. На этотъ разъ хотя ужъ не удивлялись, но безъ тревоги не обошлось. Родилось опасеніе, какъ бы его, въ качествѣ безпаспортнаго, въ Сибирь не угнали: чего добраго, такимъ родомъ онъ и совсѣмъ для „господъ“ пропадетъ.

— Тебѣ-то что! все равно, безъ пользы здѣсь жилъ!—убѣждалъ матушку отецъ.

— Съ пользой или безъ пользы, а все-таки...—упорствовала матушка, не высказывая своей мысли вполнѣ.

Возвратившись изъ второго побѣга, Сатиръ опять внесъ въ церковь хорошій вкладъ, но прожилъ дома еще менѣе прежняго и снова исчезъ. Послѣ этого о немъ подали въ земскій судъ явку и затѣмъ перестали думать.

Теперь онъ явился изъ третьяго побѣга. Черезъ часъ послѣ объясненія съ матушкой, на вопросъ ея, куда дѣвался Сатиръ, доложили, что онъ въ свою каморку ушелъ.

— Ишь вѣдь, святоша, такъ прямо и претъ! „Своя комната“ вишь, у него есть! точно ему заранѣе въ господскомъ домѣ квар-

тира приписепа! Не давать ему дровъ, пускай въ холодной комнатѣ живетъ!

Но это были только праздныя слова. На дворѣ стоялъ сентябрь въ концѣ, и сострадательныя души, не спрашиваясь барыни, натаскали въ Сатирову каморку щепы и истопили печку.

— Небойсь, опять, Сатиръ, весной убѣжишь?—любопытствовали дворовые.

— Нѣтъ ужъ, будетъ. Надо себя настоящимъ манеромъ опредѣлить,—повторилъ онъ тотъ же загадочный отвѣтъ, который только-что передъ тѣмъ далъ барынѣ.

Этотъ отвѣтъ заставилъ матушку задуматься. Куда еще бродяга загадываетъ опредѣлить себя? Можетъ быть, къ дѣлу какому-нибудь... хорошо, кабы такъ!.. Какъ же! держи карманъ! Привыкъ человѣкъ шалберничать, такъ до конца жизни, хоть ты его расказни,—онъ пальцемъ о палецъ не ударитъ! Нѣтъ, вѣрно у него на умѣ что-нибудь другое... ужасное! Вотъ, сказываютъ, одному такому же втемяшилось въ голову, что ежели рабъ своего господина убьетъ, такъ всѣ грѣхи съ него снимутся... и убилъ! Кто его душу знаетъ! можетъ быть, и Сатиръ... Бѣда съ этими богомолами! бродятъ по бѣлу свѣту, всякаго вздору наслушаются—смотришь, анъ изъ него злодѣй вышелъ. Онъ-то себя на каторгу „настоящимъ манеромъ опредѣлитъ“, а господа, между прочимъ...

Матушка волновалась, а Сатиръ жилъ себѣ втихомолку въ каморкѣ, занимаясь своимъ обычнымъ дѣломъ. Чтобы пребываніе его въ Малиновцѣ было не совсѣмъ безъ пользы для дома, матушка посылала ему бумагу и приказывала ему тетрадки для дѣтей сшивать и разлиновывать. Но трудъ былъ такъ ничтоженъ, что не только не удовлетворялъ барыню, но еще болѣе волновалъ ее.

— Ничего-то ты не дѣлаешь, какъ только дурь тебя не возьметъ!—упрекала она бродягу, призывая его отъ времени до времени къ себѣ.

— Неможется мнѣ. Тяжелой работы не въ силахъ работать,—неизмѣнно давалъ онъ одинъ и тотъ же отвѣтъ.

— Ты бы хоть въ комнатахъ послужилъ, Конону бы помогъ! Кажется, не тяжелая это работа!

— Гдѣ ужъ, сударыня, мнѣ; я и ступить-то въ барскихъ хоромахъ не умѣю. Вотъ кабы Богу послужить!

Проходили дни и недѣли въ безплодныхъ переговорахъ, а Сатиръ продолжалъ стоять на своемъ. Между тѣмъ сосчитали церковныя деньги; оказалось, что на колоколъ собрано больше тысячи рублей, изъ которыхъ добрыхъ двѣ трети внесены были усердіемъ Сатира. Еще рублей двѣсти, и можно было бы купить колоколъ пудовъ въ тридцать, что̀ для Малиновца считалось очень приличнымъ. Матушкѣ пришло на мысль выполнить это дѣло немедленно. Съ этою цѣлью она написала въ Москву Стрѣлкову, чтобъ теперь же пріобрѣлъ колоколъ, а деньги, ежели недостача будетъ, попросилъ бы заводчика отсрочить. Затѣмъ призвала Сатира и сказала ему:

— Хвалился ты, что Богу послужить желаешь, такъ вотъ я тебѣ службу нашла... Ступай въ Москву. Я ужъ написала Силантью (Стрѣлкову), чтобъ купилъ колоколъ, а по первопуткѣ подводу за нимъ пошлю. А такъ какъ, по разсчету, рублей двухсотъ у насъ недостаетъ, такъ ты покуда походи по Москвѣ да посбирай. Между своими мужичками походишь, да Силантій на купцовъ знакомыхъ укажетъ, которые къ божьей церкви радѣльны. Шутя недохватку покроешь.

Такъ все и сдѣлалось. Дня за три до зимняго Николы привезли изъ Москвы колоколъ, а съ нимъ вмѣстѣ явился и Сатиръ. Онъ не только съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе, но, за уплатой заводчику, на рукахъ у него оказалась даже остача.

Но онъ пришелъ уже совсѣмъ больной и съ большимъ трудомъ присутствовалъ при церемоніи поднятія колокола. Вѣроятно, къ прежней хворости прибавилась еще простуда, такъ какъ его и теплой одеждой на дорогу не снабдили. Когда торжество кончилось и колоколъ загудѣлъ, онъ воротился въ каморку и окончательно слегъ.

И дни, и ночи отдавался въ нашей образной (какъ разъ надъ каморкой Сатира) глухой кашель больного, до такой степени тяжкій, словно онъ отъ внутренностей освободиться силился. Ухода за нимъ не было. Отданный въ жертву недугу, онъ мучительно метался на своемъ одрѣ, въ одиночествѣ разрѣшая задачу, къ какому дѣлу себя настоящимъ манеромъ опредѣлить. Отецъ едва ли даже зналъ о его болѣзни, а матушка разсуждала такъ: „ничего! отлежится къ веснѣ! этакіе-то еще дольше здоровыхъ живутъ!“ Поэтому, хотя дворовые и жалѣли его, но, въ виду равнодушія господъ, боялись выказывать дѣятельное сочувствіе. Изрѣдка кто-нибудь забѣгалъ, подбрасывалъ въ печку щепокъ, приносилъ пищу и исчезалъ.

Только тётеньки-сестрицы вспоминали о Сатирѣ и присылали къ нему Аннушку съ мѣшочкомъ сухой малины, горсточкой липоваго цвѣта и чашечкой меда. Аннушка раздобывалась горячей водой и поила больного.

— Ну что̀, Сатирушко, каково?—спрашивала она.

— Кашлять тяжко. Того гляди, сердце соскочитъ. Чего добраго, на тотъ свѣтъ въ рабскомъ видѣ предстанешь.

— Такъ что-жъ что въ рабскомъ—прямѣе въ рай попадешь. И Христосъ въ рабскомъ видѣ на землю сходилъ и за рабовъ пострадалъ.

— Оно такъ, да въ ту пору рабы другіе были, извѣчные...

— А мы какіе же?

— А мы прежде вольные были, а потомъ сами свою волю продали. Изъ-за денегъ господамъ въ кабалу продались. За это вотъ и судить насъ будутъ.

— Не мы, чай, продались. Наши-то и родители, и дѣдушки всѣ споконъ вѣку рабами были.

— Все равно, ежели и въ старину отцы продались, мы за ихъ грѣхъ отвѣчать должны. Нѣтъ того грѣха тяжеле, коли кто волю свою продалъ. Все равно что душу.

— Не пойму я тебя. Какъ же съ этимъ быть?

— Кругомъ насъ неволя окружила, клещами сжала. Райскія двери на вѣки передъ нами закрыла.

Сатиръ высказывалъ эти слова съ волненіемъ, спѣша, точно не довѣрялъ самому себѣ. Очевидно, въ этихъ словахъ заключалось своего рода міросозерцаніе, но на столько не установившееся, безпорядочное, что онъ и самъ не былъ въ состояніи свести концы съ концами. Едва ли онъ могъ бы даже сказать, что именно оно, а не другой, болѣе простой, мотивъ, въ родѣ, напримѣръ, укоренившейся въ русской жизни страсти къ скитальчеству, руководилъ его дѣйствіями.

— Грѣхъ, Сатирушка, такъ говорить; ну, да ужъ ради долготерпѣнія твоего, Богъ тебя проститъ. Что̀ же ты съ собою дѣлать будешь?

— Тяжко мнѣ... видѣнія вижу! Намедни всталъ я ночью съ ларя, сѣлъ, ноги свѣсилъ... Смотрю, а вонъ въ томъ углу смерть стоитъ. Черепъ голый, ребра съ боковъ выпятились... ровно шкилетъ. „За мной, что-ли?“ говорю... Молчитъ. Три раза я ее оклик-

нулъ, и все безъ отвѣта... Наконецъ, не побоялся, пошелъ прямо къ ней—смотрю, а ея ужъ нѣтъ. Только безпремѣнно это *она* приходила.

— А приходила, да опять ушла—тѣмъ еще лучше; значитъ, время тебѣ не пришло... Небось къ веснѣ выправишься. Пойдутъ свѣтлые дни, солнышко играть будетъ, и въ тебѣ душа заиграетъ. Нехорошо тебѣ здѣсь въ коморкѣ; темно, сыро; хоть бы господа когда заглянули...

— Ничего, привыкъ. Я, тетенька, знаешь ли, что̀ надумалъ. Ежели Богъ меня помилуетъ, уйду, по просухѣ, въ пу́стынь на Сольбу *), да тамъ и останусь.

— У господъ дозволенья просить надо.

— Дадутъ. Пользы-то отъ меня не сколько. А въ монастырѣ-то съ меня рабскій образъ снимутъ, я въ ангельскомъ чинѣ на вышній судъ и явлюсь.

— Ну, вотъ и славно. А покуда я тебѣ деревяннымъ маслицемъ грудь вытру... Кашель-то, можетъ, и уймется.

Аннушка натирала Сатиру грудь и уходила, оставляя больного въ добычу мучительнымъ приступамъ кашля.

Однажды она явилась къ „старому барину“ и доложила, что Сатиръ проситъ навѣстить его. Отецъ, однако, самъ собой идти не рѣшился, а сообщилъ о желаніи больного матушкѣ, которая сейчасъ же собралась и спустилась внизъ.

Придя въ Сатирову каморку, она нѣсколько смутилась: до такой степени ее поразили и страдальческое выраженіе лица больного, и обстановка, среди которой онъ умиралъ.

— Да ты тутъ въ грязи да въ вони задохнешься,—молвила она:—дай-ка я въ людскую тебя переведу!

— Спасибо, сударыня. Точно, что тамъ посуше будетъ. Только вотъ кашель меня долитъ, покою тамъ отъ меня никому не будетъ.

— Ничего; потерпятъ. Сейчасъ же пойду и распоряжусь. Ты, я слышала, за старымъ бариномъ посылалъ; открыться, что-ли, ты ему хотѣлъ?

— Богу я послужить желаю... въ монастырь бы...

---

*) Сольбинская пу́стынь если не ошибаюсь, находится въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Семья наша ѣзжала туда на богомолье; но такъ какъ я былъ въ то время очень малъ, то никакихъ опредѣленныхъ воспоминаній объ этомъ фактѣ не сохранилъ.

Матушка на минуту задумалась. Не то, чтобы просьба больного удивила ее, а все-таки... „Стало быть, онъ такъ-таки и пропадетъ!“ —мелькало у нея въ головѣ. Однако колебанія ея были непродолжительны. Стоило взглянуть на Сатира, чтобы сразу убѣдиться, что высказанное имъ желаніе—послѣднее.

— Въ монастырь, такъ въ монастырь,—рѣшила она:—доброму желанію господа не помѣха. Выздоравливай, а лѣтомъ, какъ дорога просохнетъ, выдадимъ тебѣ увольненіе—и съ Богомъ! Ты въ какой монастырь надумалъ?

— Да на Сольбу хотѣлось бы...

— И прекрасно. Тихо тамъ, спокойно... словно въ раю! И монахи простые, въ шелки да въ парчи не рядятся, какъ разъ по тебѣ. Съ Богомъ, Сатирушка, выздоравливай!

— Спасибо вамъ, сударыня! Пошли вамъ Царица Небесная!

— Давно бы ты такъ сказалъ! Всѣ-то вотъ вы таковы: отъ господъ скрываетесь, да на нихъ же и ропщете...

— Въ ангельскомъ чинѣ на вышній судъ явлюсь и за васъ молитвенникомъ буду.

— Вотъ и хорошо. Лежи-ка, лежи, а я сейчасъ за тобой пришлю.

Сатира перенесли въ застольную и положили на печку. Подъ вліяніемъ тепла, ему стало какъ будто полегче. Въ обыкновенное время въ застольной находилась только кухарка съ помощницей, но во время обѣдовъ и ужиновъ собиралась вся дворня, и шумъ, который она производила, достаточно-таки тревожилъ больного. Однако онъ крѣпился, старался не слышать праздпаго говора, и въ свою очередь сдерживалъ, сколько могъ, кашель, разрывавшій его грудь.

Наступилъ мартъ; солнышко заиграло; съ горъ полились ручьи; дороги почернѣли. Сатиръ продолжалъ лежать на печи, считалъ дни и надѣялся.

Однажды привидѣлся ему сонъ. Стоитъ будто онъ въ ангельскомъ образѣ, окутанный свѣтлымъ облакомъ; въ ушахъ раздается сладкогласное ангельское славословіе, а передъ глазами присносущій свѣтъ Христовъ горитъ... Всѣ земныя болѣсти съ него какъ рукой сняло; кашель улегся, грудь дышетъ легко; все существо устремляется въ высь и въ высь...

— Инокъ Сераѳіонъ! — слышится ему голосъ, исходящій изъ сіяющей глубины.

Такъ, во снѣ, и предсталъ онъ въ ангельскомъ чинѣ передъ вышній судъ Божій.

XXIV.—Добро пожаловать!

— Сергѣичъ въ дѣвичьей дожидается,—докладываетъ матушкѣ ключница Акулина.

— Выпросталась, что-ли, Аксинья?

— Стало быть, выпросталась; мальчишечку, слышь, принесла.

Иванъ Сергѣичъ—главный садовникъ, и матушка дорожитъ имъ. Во-первыхъ, она купила его и заплатила довольно дорого; во-вторыхъ, онъ можетъ, пожалуй, оставить господъ безъ фруктовъ и безъ овощей, и, въ-третьихъ, несмотря на преклонныя лѣта, у него цѣлая куча дѣтей, начиная съ двадцатилѣтняго сына Сеньки, который ужъ ходитъ въ Москвѣ по оброку, и кончая грудянымъ ребенкомъ. Поэтому за нимъ, въ видѣ исключенія, оставлена мѣсячина, и Аксинью, его жену, тоже немолодую женщину, рѣдко употребляютъ на господскую работу, оставляя управляться дома. На Аксинью матушка любила ссылаться въ оправданіе своей системы безбрачія дворовыхъ.

— Что въ ней!—говорила она:—только слава, что крѣпостная, а куда ты ее повернешь! Знаетъ таскаетъ ребятъ, да кормитъ, да обмываетъ ихъ, вотъ и вся отъ нея польза! Плоха та раба, у которой не господское дѣло, а свои дѣти на умѣ!

— Дѣти за нее служатъ,—возражалъ на это отецъ:—Сенька ужъ по оброку ходитъ, да двѣ дѣвки за пяльцами сидятъ.

— Дѣти само по себѣ, а и она должна бы...

Садовникъ является одѣтый по праздничному, въ сюртукъ темно-синяго мохнатаго сукна; въ рукахъ у него блюдо, на которомъ лежитъ пирогъ изъ пшеничной муки.

— Долго ли твоя хрѣновка рожать будетъ?—встрѣчаетъ его матушка:—срамъ сказать, шестой десятокъ бабѣ пошелъ, а она, что ни годъ, дѣтей таскаетъ!

— Стало быть, такъ Богъ...

— Мальчика родила?

— Мальчика. Сергѣемъ назвали. Пришелъ васъ просить, сударыня, не окрестите ли?

— Ладно. А отцомъ крестнымъ кто будетъ?

— Да изъ дѣтей кто-нибудь...

— Матушка выбираетъ меня, и дѣло улаживается *).

Дня черезъ три въ столовой ставятъ купель и наполняютъ тепловатой водою. Приходитъ попъ съ причтомъ, приносятъ младенца, закутаннаго въ конецъ новины. Я заглядываю ему въ лицо и нахожу, что онъ очень неавантаженъ: красный какъ ракъ и покрытъ сыпью, цвѣтомъ. Въ сторонѣ, на столикѣ, положена рубашонка и серебряный крестикъ на розовой ленточкѣ—подарокъ крестной матери. Матушка беретъ новорожденнаго на руки, становится сзади купели; я становлюсь возлѣ нея, держа въ рукахъ свѣчу. Все время, пока совершается обрядъ, кума учитъ меня: „дунь и плюнь!“; „я пойду вокругъ купели, а ты за мной иди!“ При погруженіи младенецъ немилосердно кричитъ, что̀ даетъ поводъ къ разнымъ замѣчаніямъ, изъ которыхъ далеко не всѣ въ пользу новорожденнаго.

Наконецъ, все совершилось. На свѣтѣ прибавилось больше не только однимъ рабомъ, но и христіанином̀. Батюшкѣ заплатили двугривенный и позвали Сергѣича изъ дѣвичьей. Послѣдній, съ своей стороны, подноситъ два полотенца, изъ которыхъ одно предназначается священнику, другое—матушкѣ.

— Слуга, сударыня, будетъ вамъ!—говоритъ Сергѣичъ, кланяясь матушкѣ въ ноги.

— Дай Богъ! Кононъ, скажи Акулинѣ, чтобъ Сергѣичу водки поднесли!

Черезъ нѣсколько часовъ о Сережкѣ уже никто въ домѣ не упоминаетъ, а затѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ глубже погружается онъ въ пучину забвенія. Извѣстно только, что Аксинья кормитъ его грудью и раза два приносила въ церковь подъ причастіе. Оба раза, проходя мимо крестной матери, она замедляла шагъ и освобождала

---

*) Хотя я былъ малолѣтній, но въ то время еще не существовало закона, запрещающаго лицамъ, не достигшимъ совершеннолѣтія, воспринимать младенцевъ отъ купели.

голову младенца отъ пеленокъ, стараясь обратить на него вниманіе „крёстной“; но матушка оставалась равнодушною и въ разспросы не вступала.

Года черезъ два Сережку уже видятъ около флигеля, въ которомъ живетъ Сергѣичъ. Въ лѣтнее время, по поясъ задравши рубашонку, онъ бродитъ нетвердыми ногами по близости крыльца и старается попасть въ лужу, которая образовалась вслѣдствіе постоянно выливаемыхъ помоевъ. Онъ одинокъ и присмотрѣть за нимъ некому, потому что мать ужъ успѣла родить другого ребенка и пѣстуетъ его. Дѣти тоже въ разбродѣ. Однихъ господа взяли въ „мальчишки“, или роздали въ Москвѣ въ ученье; другихъ, самыхъ маленькихъ, Аксинья услала въ лѣсъ по грибы. По временамъ Сережка пытается вползти наверхъ по ступенямъ крыльца, но ушибается и начинаетъ ревѣть. На крики его, однакожъ, никто не является, и онъ мало-помалу самъ собой утихаетъ и опять начинаетъ карабкаться и бродить. Наконецъ, около обѣда, является старикъ Сергѣичъ, беретъ Сережку на руки и уноситъ въ домъ. Онъ гладитъ сына по головѣ и вообще, кажется, любитъ его. Навѣрное онъ принесъ изъ сада въ карманѣ огурецъ или нѣсколько стручковъ сахарнаго гороху и отдастъ ихъ Сережкѣ, когда увидитъ себя внѣ посторонняго наблюденія.

Проходитъ еще года три; Сережка ужъ начинаетъ показываться на красномъ дворѣ. Сплетясь руками съ другими ровесниками-мальчишками, онъ несется вскачь изъ одного конца въ другой, изображая изъ себя то коренную, то пристяжную, и предается этому удовольствію до тѣхъ поръ, пока матушка, выведенная изъ терпѣнья, не крикнетъ изъ окна.

— Вотъ я васъ, пострѣлята!

Заслышавъ этотъ окрикъ, ребята, въ глазахъ сердитой барыни, пропадаютъ такъ ловко, что она не можетъ понять, куда они скрылись. Вѣроятно, тутъ же гдѣ-нибудь притаились—много ли мѣста маленькому нужно?—и выглядываютъ.

Около этого же времени Сергѣичъ и Аксинья считаютъ полезнымъ напомнить „крёстной“ о Сережкѣ. Его одѣваютъ въ чистую рубашку, даютъ въ руку завязанную въ платокъ тарелку съ пшеничной лепешкой и посылаютъ къ барынѣ.

— Это, крёстненька, вамъ!—произноситъ Сережка заранѣе затверженную фразу и ставитъ гостинецъ на столъ.

— Спасибо, голубчикъ, спасибо!—благодаритъ матушка:—поди ко мнѣ, я на тебя посмотрю!

Сережка не робокъ и довольно развязно подходитъ къ „крёстной“. Матушка разсматриваетъ его, но хорошаго находитъ мало. Лицо широкое, красное, скулы выдались, глаза узенькіе, носъ какъ пуговица. Какъ есть калмыкъ. Да и ростомъ малъ не по лѣтамъ.

— Придется въ портные отдать!—мелькаетъ въ головѣ у матушки, отъ взора которой не укрывается, что ноги у крестника коротк1я и выгнутыя колесомъ, точно сама природа еще въ колыбели осудила его на верстакѣ коротать жизнь.

По восьмому году Сережку взяли въ господскій домъ и опредѣлили въ мальчики по буфетной части. Кононъ научилъ его дышать въ стаканы, стоять съ тарелкой подъ мышкой за стуломъ у когонибудь изъ господъ, и проч., а самъ онъ собственнымъ инстинктомъ научился слизывать языкомъ съ тарелокъ остатки соуса. За это его порядкомъ трепали; а такъ какъ, сверхъ того, онъ билъ много посуды и вообще „озорничалъ“, то отъ времени до времени призывали старика Сергѣича и заставляли сѣчь сына розгами. Вообще, съ первыхъ же шаговъ по лакейской части, онъ такъ неблагонадежно зарекомендовалъ себя, что сразу для всѣхъ сдѣлалось яснымъ, что никогда изъ него настоящаго лакея не выйдетъ.

Поэтому, не успѣло ему минуть десяти лѣтъ, какъ Москва уже поглотила его. Отдали его, какъ заранѣе рѣшила матушка, въ обученіе къ знакомому портному Велифантьеву, который содержалъ мастерскую на Солянкѣ. И началъ Сережка утюги грѣть, въ трактиръ за кипяткомъ бѣгать и получать въ носъ щелчки. Всю горькую чашу существованія мастерового-ученика онъ выпилъ до дна, на собственныхъ бокахъ убѣждаясь, что попалъ въ глухой мѣшокъ, изъ котораго некуда выбраться, и что. стало быть, самое лучшее, что ему предстояло,—это притупить въ себѣ всякую чувствительность, обтерпѣться.

И онъ, дѣйствительно, очень скоро обтерпѣлся. Колотушки, пощечины, щипки градомъ сыпались на него со всѣхъ сторонъ, и онъ, повидимому, даже не чувствовалъ боли. Мало того, бродячая жизнь мастерового-ученика до того пришлась ему по сердцу, что онъ былъ безконечно доволенъ собой, когда въ загаженномъ сѣромъ халатѣ расхаживалъ по тротуару, посвистывая и выдѣлывая ногами зигзаги.

Веселонравіе неистощимымъ ключомъ било въ его сердцѣ и помпнутно подмывало совершить какое-нибудь удальство, озорство или мистификацію. Удальство проявлялось въ томъ, что онъ съ разбѣга ударялся головой въ спину или въ животъ случайному прохожему, и, разумѣется, тутъ же получалъ нещадное избіеніе. Или набѣгалъ на лотокъ зазѣвавшагося разносчика, мгновенно слизывалъ пирогъ или стопку маковниковъ и мгновенно же исчезалъ, словно пропадалъ сквозь землю. Но въ особенности любилъ онъ всякаго рода мистификаціи. Подмѣтитъ на тротуарѣ простофилю и развязно къ нему подбѣжитъ.

— Васъ Иванъ Андреичъ къ себѣ зоветъ!

— Какой Иванъ Андреичъ?

— Не знаю. Иду сейчасъ по Таганкѣ, а онъ меня остановилъ: „увидишь, говоритъ, господина Простофилина, скажи, что Иванъ Андреичъ зоветъ“.

— Я не Простофилинъ, а Тузовъ.

— Такъ точно; онъ такъ и сказалъ, а это я ужъ отъ себя...

И начинаетъ простофиля припоминать, какой такой Иванъ Андреичъ выказываетъ желаніе видѣться съ нимъ. Припоминаетъ, припоминаетъ, да, пожалуй, и припомнитъ. Броситъ нужное дѣло и пойдетъ Ивана Андреича разыскивать.

Или остановится на бѣгу посреди тротуара, закинетъ голову и начнетъ въ самую высь всматриваться. Идутъ мимо простофили, видятъ, что человѣкъ, должно быть, что-нибудь достопримѣчательное высматриваетъ, и тоже останавливаются и закидываютъ головы. Смотрятъ, смотрятъ—ничего не видать.

— Да что ты, лѣшій, тамъ видишь?

— А то же самое, что и ты, домовой, высматриваешь!

Разумѣется, трёпка.

Вообще, онъ до того свыкся съ мыслью о неизбѣжности трепокъ, что ужъ не уклонялся, а даже какъ бы напрашивался на нихъ.

Но независимо отъ озорливости, которая развивалась все больше и больше, въ немъ начали проявляться и пороки. Сталъ онъ попивать, поворовывать и вообще обѣщалъ представить изъ себя образцоваго ёрника. Разнузданная и безпризорная ученическая среда нещадно точила и развращала молодое сердце, а личная воспріимчи-

вость открывала порчѣ безпрепятственный доступъ. Дѣйствовать на него разумнымъ путемъ было некому, да и некогда; но такъ какъ въ воспитательной практикѣ все-таки чувствовалась потребность, то сумма побоевъ, постепенно увеличиваясь, достигла, наконецъ, такихъ размѣровъ, что Сережка не выходилъ изъ синяковъ. Билъ его хозяинъ, били мастера, били товарищи-ученики. Не было той руки, той плетки, той палки, которая не побывала бы на немъ. Но ни одной слезинки не показывалось на его глазахъ, ни малѣйшаго сокращенія мышцъ не замѣчалось въ лицѣ: стоитъ какъ каменный, ни однимъ мускуломъ не дрогнетъ.

Болѣло ли сердце старика Сергѣича о погибающемъ сынѣ— я сказать не могу, но во всякомъ случаѣ ему было не безъизвѣстно, что съ Сережкой творится что-то неладное. Можетъ быть, онъ говорилъ себѣ, что въ „ихнемъ“ званіи всегда такъ бываетъ. Бросятъ человѣка, еще несмыслёночкомъ, въ омутъ—онъ и крутится тамъ. Иной случайно вынырнетъ, другой такъ же случайно погибнетъ— ничего не подѣлаешь. Ежели идти къ барынѣ, просить ее, она скажетъ: о чемъ ты просишь? самъ посуди, что-жъ тутъ подѣлаешь?.. Пускай ужъ...

Ученье между тѣмъ шло своимъ чередомъ. По шестнадцатому году Сережка уже сидѣлъ на верстакѣ и безпорядочно тыкалъ иглою въ суконные лоскутки, на которыхъ его пріучали къ настоящей работѣ. Черезъ годъ, черезъ два, онъ сдѣлается, пожалуй, заправскимъ портнымъ, а тамъ, благослови Господи, и на оброкъ милости просимъ. Уйдетъ Сережка отъ портного Велифантьева и начнетъ по Москвѣ изъ мастерской въ мастерскую странствовать.

Сидитъ онъ, скрючившись, на верстакѣ, а въ головѣ у него словно молоты стучатъ. Опохмелиться бы надобно, да не на что. Вспоминаетъ Сережка, что давеча у хозяина въ комнатѣ (черезъ сѣни) на кіотѣ онъ мѣдную гривну видѣлъ, встаетъ съ верстака и, благо хозяина дома нѣтъ, исчезаетъ изъ мастерской. Но главный подмастерье пристально слѣдитъ за нимъ, и въ то мгновеніе, какъ онъ притворяетъ дверь въ хозяйскую комнату, вцѣпляется ему въ волоса.

— Ты это что, подлецъ! воровать собрался?

Трёпка.

Искры сыплются изъ глазъ Сережки, но онъ не возражаетъ. Ему даже кажется, что колотушки до извѣстной степени опохмелили его.

Спокойно возвращается онъ на верстакъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ тыкать иголкой въ лоскутки.

И всѣ кругомъ хохочутъ, всѣ рады, что въ ихъ глазахъ разыгралось побоище.

Но вотъ срокъ условію, заключенному съ Велифантьевымъ, кончился. Изъ Малиновца получается приказъ: обложить Сережку оброкомъ, на первый разъ легкимъ, въ двадцать рублей (ассигнаціями). Сережка немедленно оставляетъ мастерскую, въ которой получилъ воспитаніе, и отправляется на поиски за мѣстомъ. Съ недѣлю онъ слоняется по Москвѣ, проводя гдѣ день, гдѣ ночь, и такъ какъ у него достаточно пріятелей, то, наконецъ, ему удается пріютиться въ одной изъ большихъ мастерскихъ, гдѣ кишмя-кишитъ цѣлая масса мастеровыхъ. Благодаря этому многолюдству, надзоръ не такъ придирчивъ, и Сережка, разумѣется, очень этому радъ. Онъ выпрашиваетъ у хозяина денегъ на оброкъ, и на первый разъ полностью относитъ ихъ Стрѣлкову (довѣренный матушки, см. XIV-ю главу): пускай, дескать, барыня знаетъ, каковъ таковъ есть Сережка портной!

Годъ проходитъ благополучно. На другой годъ наступаетъ срокъ платить оброкъ—о Сережкѣ ни слуху, ни духу. Толкнулся Стрѣлковъ къ послѣднему хозяину, у котораго онъ жилъ, но тамъ сказали, что Сережка, нѣсколько недѣль тому назадъ, ушелъ къ Троицѣ Богу молиться и съ тѣхъ поръ не возвращался. Искалъ, искалъ его Стрѣлковъ по Москвѣ, на извозчиковъ разорился, но такъ и не нашелъ.

— Вотъ и опять солдатикъ на очередь выскочилъ!—молвила матушка, когда до нея дошла вѣсть объ исчезновеніи крестнаго сынка. —И ждать нечего; безъ разговоровъ надо хамово отродье истреблять!

Стрѣлкову подтвердили стеречь Сережку и, какъ только появится, не высылая въ деревню, представить въ Москвѣ въ рекрутское присутствіе и сдать въ солдаты, разумѣется, въ зачетъ. Но матушка не ограничилась этимъ и призвала къ допросу старика Сергѣича:

— Сказывай, гдѣ Сережка?—прикрикнула она на него.

— А я почемъ знаю?

— Ты отецъ: долженъ знать. А коли ты отъ роднаго сына отказываешься, такъ вотъ что: напиши своему Сенькѣ, что если онъ черезъ мѣсяцъ не представитъ брата Стрѣлкову, такъ я ему самому лобъ забрѣю.

— Вся ваша воля,—началъ-было Сергѣичъ, но спохватился, и рѣзко, но резонно отвѣтилъ: —вы, сударыня, только, не знаю за что̀, народъ изводите. Сенька-то, можетъ, и во снѣ не видалъ, гдѣ братъ у него находится... Нѣчего ему и писать.

И матушка должна была смолкнуть.

Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ не могли устеречь Сережку. Самые разнородные слухи ходили о немъ. Одни говорили, что онъ поступилъ въ шайку воровъ и промышляетъ по Москвѣ мелкими кражами; другіе утверждали, что онъ удалился въ одинъ изъ пустынныхъ монастырей и опредѣлился тамъ послушникомъ. Были даже такіе, которые за вѣрное сообщали, что онъ перешелъ въ расколъ, что его перекрестили въ Ханиловскомъ пруду и потомъ увезли далеко „въ Зыряны“ (въ сѣверной части Пермской губерніи), въ скиты. Изъ этихъ предположеній вѣрнымъ оказалось первое: Сережка дѣйствительно скрывался въ Москвѣ и воровалъ.

Едва успѣвши встать на ноги, онъ уже погибалъ. Ремесла у него не было, а то немногое, чему онъ успѣлъ научиться у Велифантьева, въ теченіе двухъ лѣтъ празднопатательства окончательно позабылось. Воровство представлялось единственнымъ выходомъ, чтобы существовать. Существовать, т.-е. пить, потому что вино, какъ лекарство, давало его организму тѣ элементы, которыхъ послѣднему недоставало. Это былъ своего рода „порочный кругъ“, въ которомъ онъ вращался, ругаясь и проклиная, но малѣйшее уклоненіе отъ котораго производило въ немъ мучительный переполохъ. Подъ вліяніемъ винпаго угара онъ оживалъ; какъ только угаръ проходилъ, такъ со всѣхъ сторонъ обступалъ рой сѣрыхъ призраковъ, наполнявшихъ сердце щемящей тоской. Двадцати лѣтъ онъ уже смотрѣлъ застарѣлымъ пьяницей; лицо опухло и покрылось красными пятнами; все тѣло дрожало какъ въ лихорадкѣ.

Постояннаго угла у него не было. Днемъ онъ бродилъ по окраинамъ города, не рискуя проникать въ центральныя части; съ наступленіемъ ночи, уходилъ за заставу, и лѣтомъ почевалъ въ канавѣ, а зимой зарывался въ сѣнной стогъ. Воровалъ онъ въ одиночку, потому что настолько ужъ отупѣлъ и одичалъ, что ни одна шайка его не принимала. Почти ежедневно ловили его въ воровствѣ; но такъ какъ кражи были мелкія, и притомъ русскій человѣкъ вообще судиться не любитъ, то дѣло рѣдко доходило до съѣзжей и кончалось

кулачной расправой. Но побои настолько превышали размѣръ кражъ, что всѣ кости у него болѣли и ныли.

Какъ бы то ни было, но вино поддерживало въ немъ жизнь и въ то же время приносило за собой забвеніе жизни. Я не утверждаю, что онъ сознательно добивался забытья, но оно приходило само собой, а это только и было нужно.

Наконецъ, Стрѣлковъ узналъ достовѣрно, что Сережка содержится на съѣзжей въ одной изъ отдаленныхъ частей города. На этотъ разъ онъ попался въ довольно крупномъ воровствѣ, и о немъ шло слѣдствіе. Задача предстояла трудная; надо было потушить дѣло и во что бы ни стало вызволить Сережку. Затѣмъ надлежало вытрезвить его и сдать въ солдаты, хотя малый ростъ и кривыя ноги дѣлали предпріятіе крайне сомнительнымъ. Но матушка не даромъ называла Стрѣлкова золотымъ человѣкомъ. При помощи знакомствъ и сравнительно небольшихъ расходовъ, ему удалось исполнить приказаніе барыни съ буквальною точностью. Сережку подвели подъ мѣру и вытянули такъ ловко, что онъ въ самый разъ угодилъ.

— Лобъ!—провозгласилъ предсѣдатель присутствія.

— Лобъ! лобъ! лобъ! —перекатилось, какъ эхо, по всѣмъ камерамъ до послѣдней, гдѣ принятыхъ ожидалъ цирульникъ. Свершилось. Сережка пересталъ существовать въ качествѣ двороваго человѣка и вступилъ въ новую жизнь.

Матушка не безъ удовольствія получила извѣстіе объ этой развязкѣ, но, разумѣется, еще больше была довольна тѣмъ, что извѣстіе сопровождалось зачетной рекрутской квитанціей.

Но когда она прятала эту квитанцію въ денежный ящикъ, то ей невольно пришли на память слова, сказанныя Сережкой въ тотъ разъ, когда онъ, еще пятилѣтній мальчишка, являлся къ ней съ пшеничной лепешкой:

— Это, крёстненька, вамъ!

XXV.—Смерть Ѳедота.

Третій мѣсяцъ Ѳедотъ уже не вставалъ съ печи. Хотя ему было за шестьдесятъ, но передъ тѣмъ онъ смотрѣлъ еще совсѣмъ бодро, и потому никому не приходило въ голову, что эту сильную, исполненную труда, жизнь ждетъ скорая развязка. О причинахъ своей болѣзни онъ отзывался неопредѣленно: „въ нутрѣ будто оборвалось".

— Въ ту пору возъ съ сѣномъ плохо навили,—говорилъ онъ,—и началъ онъ, по дорогѣ, на сторону валиться. Мужикъ-то лошадь подъ уздцы велъ, а я сбоку шелъ, плечомъ подпиралъ. Ну, и случилось.

Изъ всей малиновецкой вотчины это былъ единственный человѣкъ, къ которому матушка была искренно расположена. Старостой его назначили лѣтъ двадцать назадъ, и все время онъ такъ разумно и честно распоряжался, что про него безъ ошибки можно было сказать: вотъ человѣкъ, который во истину вѣрой и правдой служитъ! Попивалъ онъ, правда, но только по большимъ праздникамъ, когда и Богъ проститъ. Но всего дороже въ немъ было то, что, соблюдая господскій интересъ, онъ и за крестьянъ заступался. И хотя матушка, по временамъ, называла его за это потаковщикомъ, но внутренно сознавала, что Ѳедотова политика избавляетъ ее отъ цѣлой массы мелкихъ неудовольствій.

И Ѳедотъ, и матушка, какъ говорится, сердцами сошлись. Каждый вечеръ старикъ появлялся въ стѣнахъ дѣвичьей и подолгу бесѣдовалъ съ барыней. Оба проникли въ самую суть сельско-хозяйственнаго дѣла, оба понимали другъ друга. Матушка съ неослабѣвающимъ вниманіемъ выслушивала старосту, который неторопко и обстоятельно докладывалъ ей исторію цѣлаго дня. Потомъ они общими силами обсуждали каждый отдѣльный вопросъ, и почти всегда слаживались. Матушка была дальновиднѣе, за то Ѳедоръ бралъ верхъ по части подробностей. А такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ подробности играютъ наиболѣе вѣскую роль, то въ большинствѣ случаевъ разногласія разрѣшались въ пользу старосты. Даже старый баринъ нерѣдко заходилъ въ дѣвичью во время этихъ диспутовъ и съ любопытствомъ въ нихъ вслушивался. Наговорившись досыта и проектировавши завтрашній рабочій день (всегда на-двое: на случай вёдра и на

случай дождя), матушка приказывала подать Ѳедоту рюмку водки и спокойная уходила въ свою комнату.

И вдругъ этотъ вѣрный и честный слуга — даже другъ — заболѣлъ. Заболѣлъ безнадежно, какъ это всегда въ крестьянскомъ быту водится. Не любятъ мужички задаромъ бока пролеживать, а если который слегъ, то такъ и жди неминуемаго конца. Хорошо еще, что это случилось глубокою осенью, а еслибъ лѣтомъ, въ самый развалъ страды — просто хоть пропадай безъ Ѳедота. Жалко Ѳедота: „другъ“ онъ; по другъ само по себѣ, а и о господскомъ интересѣ нельзя не подумать. Вотъ и теперь: молотьбѣ и конца еще не видать, а какъ она идетъ — поди, услѣди! При Ѳедотѣ всякое зерно было на счету; безъ него — того и гляди, десятаго зерна не досчитаешься. Особливо бабы. Хитра крѣпостная баба: не догадаешься, какъ она мѣшочекъ съ пшеницей унесетъ. Одна мѣшочекъ, другая мѣшочекъ — посчитай-ка, анъ и многонько выйдетъ.

Словомъ сказать, смѣсь искренняго жалѣнія объ умирающемъ слугѣ съ не менѣе искреннимъ жалѣніемъ о господинѣ, котораго эта смерть застигала врасплохъ, въ полной силѣ проявилась тутъ, какъ проявлялась вообще во всей крѣпостной практикѣ. Это было не лицемѣріе, не предательство, а естественное двоегласіе, въ которомъ два теченія шли рядомъ, не производя никакого переполоха въ человѣческомъ сознаніи.

Матушка по цѣлымъ часамъ прочитывала Енгалычевскій лечебникъ, отыскивая подходящее средство. Напавши на какой-нибудь недугъ, схожій, по ея мнѣнію, съ тѣмъ, которымъ страдалъ Ѳедотъ, она прибѣгала къ домашней аптекѣ, совѣтовалась съ горничной дѣвушкой, которая считалась спеціалисткою по всякимъ болѣзнямъ, и обѣ общими силами приготовляли лекарства. Черезъ день, а иногда и чаще, она брала съ собой дѣвушку-лекарку, садилась на долгушу-трясучку и, несмотря на осеннюю слякоть, тащилась за двѣ версты въ Измалково — деревню, въ которой жилъ Ѳедотъ. Но ни лекарство ласковой барыни, ни присутствіе ея не помогали больному. Лежалъ онъ, какъ пластъ, на печи, исхудалый, какъ скелетъ. И животъ у него сильно вздулся — должно быть, именно тамъ и крылась причина недуга.

— Напрасно, сударыня, безпокоитесь, — говорилъ онъ задавленнымъ голосомъ, силясь приподняться.

— Лежи, лежи! не говори, коли трудно!—приказывала матушка и садилась къ столу, чтобы подробно разспросить домашнихъ и дать необходимыя наставленія.

— Хорошо ли онъ спитъ?

— Гдѣ ужъ! чуточку задремлетъ и опять стонать примется.

— Ѣстъ ли?

— Гдѣ ужъ! чуточку поѣстъ—все вонъ! все вонъ!

— Ну, такъ вотъ что. Сегодня я новыхъ лекарствъ привезла; вотъ это—майскій бальзамъ, животъ ему чаще натирайте, а на ночь скатайте катышокъ и внутрь принять дайте. Вотъ это—гофманскія капли, тоже, коли что случится, давайте; это—настойка звѣробоя, на ночь полстакана пусть выпьетъ. А ежели давно онъ не облегчался, промывательное поставьте. Богъ дастъ, и полегче будетъ. Я и лекарку у васъ оставлю; пускай за больнымъ походитъ, а завтра утромъ придетъ домой и скажетъ, коли что еще нужно. И опять что-нибудь придумаемъ.

— Дай-то. Господи! Пошли вамъ Царица Небесная!—хоромъ благодарили Ѳедотовы домочадцы.

— Ну, Ѳедотушка, покуда прощай! никто какъ Богъ!—говорила матушка, подходя къ Ѳедоту: — а я за тебя въ воскресенье твоему ангелу свѣчку поставлю! Еще такъ-то съ тобой поживемъ, что любо!

— Молотьба-то какъ? — тоскливо бормоталъ больной, желая хоть этимъ вопросомъ отблагодарить барыню за участіе.

— Что молотьба! былъ бы ты здоровъ, а молотьба своимъ чередомъ сойдетъ... Ну, Христосъ съ тобой! лежи!

— Дай вамъ Богъ! пошли Царица Небесная!

Матушка уѣзжала, а Ѳедоту усердно терли животъ и вливали въ ротъ звѣробойную настойку.

Матушку сильно волновалъ вопросъ, кого на мѣсто Ѳедота въ старосты выбрать. Сына своего, Аоньку, старикъ не рекомендовалъ: загàду хозяйскаго у него нѣтъ, да и на вино слабъ. А сельскій Архипъ, на котораго указывалъ Ѳедотъ, не по праву былъ матушкѣ. Начнешь съ нимъ говорить—слова въ отвѣтъ не получишь. И при работахъ догадки у него нѣтъ. Смотритъ прямо, а что по сторонамъ дѣлается—не видитъ. Сущій вахлакъ, никакой самостоятельности отъ него не жди. А матушка любила, чтобъ начальники, которымъ

она довѣряетъ, возражали ей (но, разумѣется, чтобъ возражали дѣльно, а не лотошили зря), чтобъ они имѣли глаза не только спереди, но и съ боковъ, и сзади. Правда, что у Архипа собственное хозяйство было въ исправности, да вѣдь барское хозяйство не чета крестьянскому. Поручи-ка ему большое колесо—онъ сразу растеряется.

Въ господскомъ домѣ, за обѣдомъ, за чаемъ, когда бы ни собрались господа, только и было рѣчи, что о Ѳедотѣ. На смерть его смотрѣли какъ на бѣдствіе.

— Да, задалъ Ѳедотушка загадку!—жаловалась матушка:—кажется, и концовъ не сыщешь, какого онъ кавардаку надѣлалъ!

— На все Божья воля,—смиренно отзывался отецъ.

— Тебѣ что! Ты заперся у себя въ кабинетѣ, и горюшка мало! сидишь да по ляжкамъ похлопываешь... А я цѣльный день какъ въ огнѣ горю... Куда я теперь безъ Ѳедота поспѣла!

— Ну, найдешь кого-нибудь.

— Ищи ты, а я ужъ устала искавши. Брошу все, уѣду отъ васъ; живите какъ знаете.

Взглянетъ матушка въ окошко, а на дворѣ дождь. И опять у ней по Ѳедотушкѣ сердце щемить начнетъ.

— Льетъ да поливаетъ!—ропщетъ она:—который ужъ день эта канитель идетъ, а все конца краю тучамъ не видать. Намолотили съ три пропасти, а вороха невѣянные стоятъ *). Кабы Ѳедотъ—онъ что-нибудь да придумалъ бы.

— Что тутъ придумаешь! Какъ противъ воли Божьей пойдешь!

— Божья воля сама по себѣ, а надо и мѣры принимать. Подъ лежачій камень и вода не бѣжитъ. Вотъ какъ зерно-то сопрѣетъ, тогда и увидимъ, какъ ты о Божьей волѣ разговаривать будешь!

Но всего больше безпокоила перспектива: растащатъ! разворуютъ! Давно ужъ въ малиновецкой барщинѣ о расхищеніи господскаго добра слуховъ не было, да вѣдь это все-таки Ѳедотъ завелъ. Онъ не былъ строгъ съ крестьянами, но воровство преслѣдовалъ неумолимо. Взглядъ у него на эти дѣла тонкій былъ: подойдетъ и сейчасъ угадаетъ. По началу, какъ его въ старосты опредѣлили, только, бывало, и видишь: идетъ Ѳедотъ и бабу съ мѣшочкомъ съ колосьями

*) Въ то время ни молотилокъ, ни вѣялокъ не было: вѣяли съ лопаты на открытомъ гумнѣ, при благопріятномъ вѣтрѣ.

или съ пушниной на конюшню ведетъ. Водилъ, водилъ, да такъ-то отъучилъ, что подъ конецъ и подозрѣній ни на кого ужъ не возникало. А на Архипа (онъ ужъ временно замѣщалъ Ѳедота) развѣ можно положиться? Это такой, прости Господи, рохля, что изъ-подъ носу у него утащатъ—онъ и не увидитъ. И о чемъ только онъ думаетъ! Передъ глазами господское дѣло, а въ мысляхъ: „что̀-то, молъ, дома у меня дѣлается?“ А вотъ взять да и раскатать этотъ „домъ“ по бревнышку —и думай тогда о немъ!

— Нужно бы въ ригу подослать да посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается, кого я пошлю?—опять начинаетъ матушка.

— Архипъ доглядитъ.

— Доглядчикъ!

— Ну, Акулину пошли, сама сходи.

— У Акулины своего дѣла по горло; а сама и сходила бы, да ходилки-то у меня ужъ не прежнія. Да и что я на васъ за работница выискалась! Инъ командиръ командуетъ: сходи да сходи! Уѣду отсюда, вотъ тебѣ крестъ, уѣду! Выстрою въ Быковѣ усадьбу, возьму дѣтей, а ты живи одинъ съ милыми сестрицами, любуйся на пихъ!

Отецъ вздыхалъ и смирялся. Давно ужъ, при каждой встрѣчѣ, по каждому случаю, эта сутолока идетъ, и не вспомнишь, когда она началась. Всякая непріятность, какая ни случится въ домѣ, непремѣнно на немъ обрушивается. „Это все ты! Это все ты!“ —только и словъ. А иногда и такъ еще скажетъ: „скоро ли ты, старый хрѣнъ, на тотъ свѣтъ отправишься!“ Было время, когда онъ, въ отвѣтъ на эти окрики, разражался грубою бранью и бунтовалъ; но, наконецъ, усталъ. Старчество все глубже и глубже втягивало его въ свои нѣдра, а за старостью, сама собой, пришла безпомощность. И не одна безпомощность—это бы куда ни шло!—но и сознаніе полнѣйшей личной безполезности. Онъ и самъ какъ будто понимаетъ, что бросаемые ему въ лицо упреки вполнѣ имъ заслужены, только форма ихъ словно черезъ-чуръ безсовѣстна. Дѣйствительно, онъ не только лишній, но и помѣха въ домѣ. Какъ ни сокращаетъ онъ свои требованія, какъ ни прячется отъ живыхъ людей, все таки онъ еще дышетъ и этимъ однимъ напоминаетъ, что за нимъ нуженъ уходъ...

Ѳедота онъ, кажется, любилъ даже больше, нежели матушка. Почему-то у него сложилось убѣжденіе, что старый слуга косвеннымъ образомъ ограждаетъ его. Покуда Ѳедотъ распоряжался барщиной,

меньше встрѣчалось поводовъ для шума и крика. Рѣже кричали: „это все ты! все ты!“ Рѣже напоминали, что ему давно очистить мѣсто пора, что съ его стороны безсовѣстно праздно проводить время, бременить землю, тогда какъ все кругомъ работаетъ, въ котлѣ кипитъ. Но вотъ и Ѳедотъ умираетъ—всѣ старики умерли—всѣ! только одинъ онъ, старый малиновецкій владыка, ждетъ смерти и дождаться не можетъ.

Матушка хоть на короткое время старается позабыть о постигшей ее невзгодѣ.

Она внимательно выслушиваетъ вечерній докладъ Архипа и старается ввести его въ кругъ своихъ хозяйственныхъ взглядовъ. Но Архипъ непривыченъ и робѣетъ передъ барыней. Къ несчастью, матушка окончательно утратила всякое чувство самообладанія и не можетъ сдерживать себя. Начавши съ молчаливаго выслушиванія, она переходитъ въ поученія, а изъ поученій въ крикъ. Ошеломленный этимъ крикомъ, Архипъ уже не просто робѣетъ, но дрожитъ. Вслѣдствіе этого вопросы остаются неразрѣшенными, и новый староста уходитъ, оставленный на произволъ судьбѣ.

— Ничего-то онъ не смыслитъ! — жалуется матушка Акулинѣ.

— Очень ужъ вы, сударыня, кричите на него.

— Отчего же Ѳедотъ съ одного слова понималъ?

— На то онъ и Ѳедотъ былъ. Ѳедотъ-то лучше вашего всю подноготную зналъ, а этотъ вновѣ. Съ Ѳедотомъ-то вы, небойсь, тихимъ манеромъ разговаривали.

Матушка начинаетъ припоминать. Дѣйствительно, никогда она Ѳедоту худого слова не сказала, никогда на него не прикрикнула. Съ самаго начала у нихъ какъ-то скоро наладилось. Кто знаетъ?—можетъ быть, и изъ Архипа что-нибудь путное выйдетъ, если ладкомъ къ нему подступить? Матушка задумывается надъ этимъ вопросомъ и обѣщаетъ себѣ *завтра* во что бы ни стало сдержать себя. Но является на другой день Архипъ, и принятое наканунѣ рѣшеніе сейчасъ же улетучивается. Онъ, по-вчерашнему, робокъ и непаходчивъ и по-вчерашнему же матушка, кромѣ безсодержательныхъ криковъ, ничего не находитъ сказать ему въ назиданье.

Охваченная одной и той же мыслью, матушка всѣ дѣла запустила. Примется за счеты—ничего не понимаетъ; задумаетъ кому-нибудь изъ бурмистровъ приказъ написать—ничего порядкомъ сообразить

не можетъ. Придетъ въ дѣвичью—ко всему придирается; повару обѣдъ заказывать перестала: чѣмъ хочешь, тѣмъ и корми! Даже денегъ путемъ счесть не можетъ: то ли всѣ цѣлы, то ли разворовали. Повсюду ей мерещатся неисправности, порухи, ущербъ... Разумѣется, всѣ эти порухи и ущербы существуютъ только въ ея воображеніи, потому что заведенные Ѳедотомъ порядки у всѣхъ еще въ памяти, и дѣло, покамѣстъ, идетъ своимъ чередомъ. Но разъ воображеніе взбуторажено, она ужъ не можетъ справиться съ нимъ.

— Хоть бы ужъ поскорѣе... одинъ конецъ!—частенько мелькаетъ въ ея головѣ.

И сны ей снятся такіе, что не разберешь. То приснится, что Ѳедотъ ужъ умеръ, то будто онъ пришелъ въ дѣвичью и говоритъ: „а вѣдь я, сударыня, всталъ!“

„Вотъ кабы“... — начинаетъ она мечтать, въ просонкахъ, и ждетъ не дождется утра, когда должна явиться дѣвушка-лекарка съ докладомъ изъ Измалкова.

— Ну что?—выбѣгаетъ она на встрѣчу ей.

— Да все тоже. Не долго, должно быть.

Матушка въ волненьи скрывается въ свою комнату и начинаетъ смотрѣть въ окно. Слякоть по дорогѣ невылазная, даже траву на красномъ дворѣ затопило, а дождикъ продолжаетъ лить да лить. Она сердито схватываетъ колокольчикъ и звонитъ.

— Архипа!

Приходитъ Архипъ и заранѣе ужъ дрожитъ, предчувствуя барынинъ гнѣвъ.

— Сегодня не вѣяли?

— Какъ же въ такую погоду вѣять!

— Ступай вонъ... ротозѣй!

Архипъ уходитъ, но черезъ минуту, уже по собственному почину, возвращается.

— Вы бы меня, сударыня, уволили!—говоритъ онъ, стараясь придать своему голосу твердость.

— Это что за новости! Безъ году недѣля палку въ руки взялъ, а ужъ поговаривать началъ! Захочу отпустить—и сама догадаюсь. Знать ничего не хочу! Хошь на ладоняхъ у себя вывѣйте зерно, а чтобъ было готово!

Архипъ уныло уходитъ; матушка опять звонитъ.

— Бѣгите къ попу! скажите, чтобъ завтра чуть свѣтъ молебенъ объ вёдрѣ отслужилъ, да и объ Ѳедотѣ кстати помолился бы. А Архипѣ ротозѣю прикажите, чтобъ всю барщину въ церковь согналъ.

Однако и молебенъ не поднялъ недужнаго съ одра. Ѳедотъ видимо приближался къ роковой развязкѣ, а дождь продолжалъ литъ какъ изъ ведра. Матушка самолично явилась въ ригу и даже руками всплеснула, увидѣвши громадные вороха обмолоченнаго и невывѣяннаго хлѣба.

— А вы, голубчики, все молотите да молотите!—крикнула она на молотильщиковъ, и тутъ же, обратясь къ Архипу, грубо распорядилась:—покуда ненастье на дорогѣ, пусть мужики на себя работаютъ. Нечего баловать. А какъ только выйдетъ вёдреный день—всѣхъ людей поголовно на барщину гнать.

Наконецъ смерть утомилась ждать. Поздними вечеромъ Аѳонька прискакалъ верхомъ и доложилъ, что Ѳедотъ кончается. Несмотря на тёмень, матушка сейчасъ же отправилась въ Измалково.

Ѳедотъ умиралъ. Въ избѣ было душно и смрадно; цѣлая толпа народа—не только домашніе, но и сосѣди—скучилась у подножія печки, на которой лежалъ больной, и громко гуторила.

— Уйдите всѣ!—крикнула матушка:—пусть остаются только Лукерья (Ѳедотова жена) да Аѳанасій.

Съ помощью Аѳанасья, она влѣзла на печь и сѣла возлѣ умирающаго. Ѳедотъ лежалъ съ закрытыми глазами: грудь уже не вздымалась, такъ что трудно было разобрать, дышетъ ли онъ. Но старый слуга, даже окутанный облакомъ агоніи, почуялъ приближеніе барыни и косѣющимъ языкомъ пробормоталъ:

— Молотьба...

Это былo послѣднее его слово. Ѳедотъ пересталъ существовать. Матушка заплакала и наклонилась къ нему...

— Распоряженіе передъ смертью сдѣлалъ?—спросила она домашнихъ, когда все было кончено.

— Все, матушка, сдѣлалъ. И скотинку, и одежу свою... двадцать рублей денегъ было... все раздѣлилъ.

— Такъ и сдѣлайте, какъ онъ приказалъ.

Черезъ три дня Ѳедота схоронили. Вся вотчина присутствовала на погребеніи, и не было человѣка, который помянулъ бы покойника

лихомъ. Отецъ до земли поклонился праху вѣрнаго слуги; матушка всю панихиду проплакала.

Прошло еще нѣсколько дней; погода разгулялась, и молотьба пошла своимъ чередомъ. Вмѣстѣ съ погодой повеселѣлъ и Архипъ. Смерть Ѳедота какъ будто развязала его, и онъ всѣ свои помыслы устремилъ къ тому, чтобъ оправдать рекомендацію покойнаго.

Но со смертью Ѳедота Малиновецъ уже опостылѣлъ матушкѣ.

Заканчивая этимъ разсказомъ портретную галерею домочадцевъ, образы которыхъ уцѣлѣли въ моей памяти съ наибольшею живостью, я считаю нелишнимъ оговориться. Читателю можетъ показаться страннымъ, что я не упомянулъ здѣсь о нянькахъ, которыя обыкновенно занимаютъ довольно значительное мѣсто въ семейныхъ воспоминаніяхъ. На это отвѣчаю слѣдующее: нянька, какъ профессіональное званіе, почти не существовала въ нашемъ домѣ. Матушка понимала, что обычай присвоиваетъ этой должности извѣстный почетъ, который ставитъ няньку въ льготное положеніе. А такъ какъ общая система ея управленія не допускала никакихъ льготъ, то прислуга, которой поручались дѣти, мѣнялась безпрестанно.

XXVI.—Помѣщичья среда.

Помѣщиковъ въ нашемъ краю было много, но матеріальное ихъ положеніе представлялось не особенно завиднымъ. Кажется, наше семейство считалось самымъ зажиточнымъ; богаче насъ былъ только владѣлецъ села Отрады, о которомъ я однажды упоминалъ; но такъ какъ онъ въ имѣніи живалъ лишь наѣздомъ, то о немъ въ помѣщичьемъ кругу не было и рѣчи *). Затѣмъ, можно было указать на три-четыре среднихъ состоянія отъ пятисотъ до тысячи душъ (въ разныхъ губерніяхъ), а за ними слѣдовала мелкота отъ полутораста душъ и ниже, спускаясь до десятковъ и единицъ.

---

*) Я не говорю о немногихъ владѣльцахъ болѣе или менѣе значительныхъ оброчныхъ имѣній, которые имѣли усадьбы въ другихъ губерніяхъ, а въ нашей сторонѣ даже наѣздомъ не показывались.

Были мѣстности, гдѣ въ одномъ селѣ скучивалось до пяти-шести господскихъ усадебъ, и вслѣдствіе этого существовала безтолковѣйшая черезполосица. Но споры между владѣльцами возникали рѣдко. Во-первыхъ, всякій отлично зналъ свой клочокъ, а во-вторыхъ, опытъ доказывалъ, что ссоры между такими близкими сосѣдями невыгодны: порождаютъ безконечныя дрязги и мѣшаютъ общежитію. А такъ какъ послѣднее составляло единственный ресурсъ, который сколько-нибудь смягчалъ скуку, неразлучную съ безвыѣзднымъ житьемъ въ захолустьѣ, то благоразумное большинство предпочитало смотрѣть сквозь пальцы на земельную неурядицу, лишь бы не ссориться. Поэтому и вопросъ о размежеваніи черезполосныхъ владѣній, несмотря на настоянія начальства, оставался нетронутымъ: всѣ знали, что какъ только приступлено будетъ къ его практическому осуществленію — общей свалки не миновать.

Но иногда случалось, что въ подобной плотно замкнувшейся помѣщичьей мурьѣ появлялся кляузникъ, или просто наглый человѣкъ, который затѣвалъ судьбища и при содѣйствіи сутягъ-подъячихъ распространялъ кругомъ отраву. Подъ вліяніемъ этой отравы, мурья приходила въ движеніе; всякій начиналъ отыскивать *свое;* возникали разбирательства и постепенно втягивали въ себя всѣхъ сосѣдей. Споръ о клочкѣ въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженъ переходилъ въ личную ссору, а наконецъ и въ открытую вражду. Вражда обострялась, дѣлалась неумолимою. Бывали случаи, что сосѣди-односельцы, всѣ поголовно, не только не посѣщали другъ друга, но избѣгали встрѣчъ на улицѣ и даже въ церкви устраивали взаимные скандалы. Разумѣется, одолѣвалъ тотъ, кто былъ посильнѣе и помогутнѣе; слабымъ же и захудалымъ и судиться было не на что. Послѣдніе по-неволѣ смирялись и, кругомъ обездоленные, являлись просить пощады. Тогда въ мурьѣ вновь возстановлялась тишь да гладь, да божья благодать.

Помѣщики, владѣвшіе особняками, конечно, были избавлены отъ сутолоки, составляющей неизбѣжную принадлежность слишкомъ близкаго сосѣдства, но за то они жили скучнѣе. Въ люди ѣздили рѣдко, охотой занимались только осенью, а хозяйство представляло слишкомъ слабый ресурсъ, чтобы наполнить жизнь. Страстные хозяева встрѣчались въ видѣ исключенія; большинство довольствовалось заведенными порядками, которые обезпечивали насущный кусокъ и давали

достаточно досуга, чтобы имѣть право называться барином или барыней. Не мѣшаетъ замѣтить при этомъ, что помѣщики, которые хоть сколько-нибудь возвышались надъ матеріальнымъ уровнемъ мелкоты, смотрѣли свысока на своихъ захудалыхъ собратій и вообще черезъчуръ легко заражались чванствомъ.

Помѣщичьи усадьбы были крайне невзрачны. Задумавши строиться, ставили продолговатый срубъ, въ родѣ казармъ, раздѣляли его внутри перегородками на каморки, проконопачивали стѣны мхомъ, покрывали тесовой крышей и въ этомъ неприхотливомъ помѣщеніи ютились, какъ могли. Подъ вліяніемъ атмосферическихъ измѣненій, срубъ разсыхался и темнѣлъ, крыша пропускала течь. Въ окна дуло; сырость проникала безпрепятственно всюду; полы ходили ходуномъ, потолки покрывались пятнами, и домъ, за отсутствіемъ ремонта, врасталъ въ землю и ветшалъ. На зиму стѣны окутывали соломой, которую прикрѣпляли жердями; но это плохо защищало отъ холода, такъ что зимой приходилось топить и утромъ, и на ночь. Само собой разумѣется, что у помѣщиковъ побогаче дома строились обширнѣе и прочнѣе, но общій типъ построекъ былъ одинаковъ.

Объ удобствахъ жизни, а тѣмъ менѣе о живописной мѣстности не было и рѣчи. Усадьба ставилась преимущественно въ низинкѣ, чтобы отъ вѣтра обиды не было. Съ боковъ выстраивали хозяйственныя службы, сзади разводили огородъ, спереди—крохотный палисадникъ. Ни парковъ, ни даже фруктовыхъ садовъ, хоть бы въ качествѣ доходной статьи, не существовало. Рѣдко-рѣдко гдѣ можно было встрѣтить натуральную рощицу или обсаженный березками прудокъ. Сейчасъ за огородомъ и службами начинались господскія поля, на которыхъ съ ранней весны до поздней осени безостановочно шла работа. Помѣщикъ имѣлъ полную возможность изъ оконъ дома наблюдать за процессомъ ея и радоваться или печалиться, смотря по тому, что ожидало впереди, урожай или безкормица. А это было въ жизни самое существенное и всѣ прочіе интересы отодвигало далеко на задній планъ.

Несмотря, однакожъ, на недостаточныя матеріальныя средства, особенной нужды не чувствовалось. Развѣ ужъ самые мелкотравчатые не успѣвали сводить концы съ концами и искали подспорья въ томъ, что перекочевывали съ дѣтьми отъ однихъ сосѣдей къ другимъ, играя незавидную роль буфоновъ и приживальцевъ. Причина такого сравни-

тельнаго довольства заключалась отчасти въ общей дешевизнѣ жизни, но преимущественно въ крайней неприхотливости требованій. Ограничивались исключительно своимъ, некупленнымъ. Денежныхъ издержекъ требовала только одежда, водка и въ рѣдкихъ случаяхъ бакалейные товары. Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ семьяхъ (даже не изъ самыхъ бѣдныхъ) и чай пили только по большимъ праздникамъ, а о виноградномъ винѣ совсѣмъ было не слышно *). Настойки, наливки, квасъ, медъ—вотъ напитки, которые были въ ходу, а домашнія соленья и маринады фигурировали въ качествѣ закусокъ. За столомъ подавали все свое, за исключеніемъ говядины, которая, вслѣдствіе этого, употреблялась рѣдко. Домочадцы, не имѣя понятія о такъ-называемыхъ разносолахъ, удовлетворялись этимъ обиходомъ вполнѣ, да и гости претензій не заявляли. Было бы жирно и всего вдоволь —вотъ мѣрило, которымъ руководилось тогдашнее помѣщичье гостепріимство.

Сто, двѣсти рублей (ассигнаціями) считались въ то время большими деньгами. И вотъ, когда они случайно скоплялись въ рукахъ, то для семьи устраивалось что-нибудь прочное. Покупали сукна, ситцевъ и проч., и съ помощью домашнихъ мастеровъ и мастерицъ члены семьи обшивались. Дòма продолжали ходить въ старенькомъ; новое берегли для гостей. Завидятъ, что гости ѣдутъ—и бѣгутъ переодѣваться, чтобы гости думали, что гостепріимные хозяева *всегда* такъ ходятъ. Зимой, когда продавался залишній хлѣбъ и разный деревенскій продуктъ, денегъ въ обращеніи было больше, и ихъ „транжирили"; лѣтомъ—дрожали надъ каждой копѣйкой, потому что въ рукахъ оставалась только слѣпая мелочь. „Лѣто—припасуха, зима—прибируха", гласила пословица и вполнѣ оправдывала свое содержаніе на практикѣ. Поэтому зимы ждали съ нетерпѣніемъ, а лѣтомъ уединялись и пристально слѣдили изъ оконъ за процессомъ созиданія предстоящаго зимняго раздолья.

Во всякомъ случаѣ, на судьбу рѣдко роптали. Устраивались насколько кто могъ и на лишніе куски не зарились. Сальныя свѣчи

---

*) Виноградное вино всѣхъ наименованій выдѣлывалось въ Кашинѣ купцомъ Терликовымъ. Не знаю, насколько эта смѣсь была безвредна, но во всякомъ случаѣ она стоила недорого. Впослѣдствіи, кромѣ Терликовыхъ, поддѣлкою винъ занялись Зызыкины (въ Кашинѣ же) и Соболевы (въ Ярославлѣ). Кажется, и по сю пору ихъ вина въ ходу.

(тоже покупной товаръ) берегли какъ зѣницу ока, и когда въ домѣ не было гостей, то по зимамъ долго сумерничали и рано ложились спать. Съ наступленіемъ вечера, помѣщичья семья скучивалась въ комнатѣ потеплѣе; ставили на столъ сальный огарокъ, присаживались поближе къ свѣту, вели немудреные разговоры, рукодѣльничали, ужинали и расходились не поздно. Если въ семьѣ было много барышенъ, то веселая ихъ бесѣда за́ полночь раздавалась по дому, по вѣдь разговаривать и безъ свѣчей можно.

Тѣмъ не менѣе, въ какой мѣрѣ это относительно безпуждное житіе отражалось на крѣпостной спинѣ—это вопросъ особый, который я оставляю открытымъ.

Образовательный уровень помѣщичьей среды былъ еще менѣе высокъ, нежели матеріальный. Только одинъ помѣщикъ могъ похвалиться университетскимъ образованіемъ, да двое (мой отецъ и полковникъ Гуслицынъ) получили довольно сносное домашнее воспитаніе и имѣли средніе чины. Остальную массу составляли недоросли изъ дворянъ и отставные пра̀поры. Въ нашей мѣстности изстари такъ повелось, что выйдетъ молодой человѣкъ изъ кадетскаго корпуса, прослужитъ годикъ-другой и пріѣдетъ въ деревню на хлѣба̀ къ отцу съ матерью. Тамъ сошьетъ себѣ архалукъ, начнетъ по сосѣдямъ ѣздить, дѣвицу присмотритъ, женится, а когда умрутъ старики, то и самъ на хозяйство сядетъ. Нечего грѣха таить, не честолюбивый, смирный народъ былъ, ни въ высь, ни въ ширь, ни по сторонамъ не заглядывался. Рылся около себя, какъ кротъ, причины причинъ не доискивался, ничѣмъ, что̀ происходило за деревенской околицей, не интересовался, и ежели жилось тепло да сытно, то былъ доволенъ и со́бой, и своимъ жребіемъ.

Печатное дѣло успѣхомъ не пользовалось. Изъ газетъ (ихъ и всего-то на цѣлую Россію было три) получались только „Московскія Вѣдомости“, да и тѣ не болѣе какъ въ трехъ или четырехъ домахъ. О книгахъ и рѣчи не было, исключая академическаго календаря, который выписывался почти вездѣ; сверхъ того, попадались нѣсенники и другія дешевыя произведенія рыночной литературы, которыя вымѣнивали у разносчиковъ барышни. Онѣ одни любили отъ скуки почитать. Журналовъ не получалось вовсе, но съ 1834 года матушка начала выписывать „Библіотеку для Чтенія“, и надо сказать правду, что отъ просьбъ прислать почитать книжку отбоя не было. Всего

больше правились: „Оленька, или вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ“ и „Висячій гость“, принадлежавшіе перу барона Брамбеуса. Послѣдній сразу сдѣлался популярнымъ, и даже его не совсѣмъ опрятною „Литературною лѣтописью“ зачитывались до упоенья. Сверхъ того барышни были большія любительницы стиховъ, и не было дома (съ барышнями), въ которомъ не существовало бы объемистаго рукописнаго сборника или альбома, наполненныхъ произведеніями отечественной поэзіи, начиная отъ оды „Богъ“ и кончая нелѣпымъ стихотвореніемъ: „На послѣднемъ я листочкѣ“. Геній Пушкина достигъ въ то время апогея своей зрѣлости, и слава его гремѣла по всей Россіи. Проникла она и въ наше захолустье и въ особенности въ средѣ барышенъ нашла себѣ восторженныхъ поклонницъ. Но не мѣшаетъ прибавить, что слабѣйшія вещи, въ родѣ „Талисмана“, „Черной шали“ и проч., правились больше, нежели произведенія зрѣлыя. Изъ послѣднихъ наибольшее впечатлѣніе производилъ „Евгеній Онѣгинъ“, по причинѣ легкости стиха, но истинный смыслъ поэмы едва ли былъ кому доступенъ.

Лишенная прочной образовательной подготовки, почти непричастная умственному и литературному движенію большихъ центровъ, помѣщичья среда погрязала въ предразсудкахъ и въ полномъ невѣдѣніи природы вещей. Даже къ сельскому хозяйству, которое, казалось бы, должно было затрогивать существеннѣйшіе ея интересы, она относилась совершенно рутинно, не выказывая ни малѣйшихъ попытокъ въ смыслѣ улучшенія системы или пріемовъ. Однажды заведенные порядки служили закономъ, а представленіе о безконечной растяжимости мужицкаго труда лежало въ основаніи всѣхъ разсчетовъ. Считалось выгоднымъ распахивать какъ можно больше земли подъ хлѣбъ, хотя, благодаря отсутствію удобренія, неурожаи были скудные и давали не больше зерна на зерно. Все-таки это зерно составляло излишекъ, который можно было продать, а о томъ, какою цѣною доставался тотъ излишекъ мужичьему хребту, и думать надобности не было.

Къ этой общей системѣ, въ качествѣ подспорья, прибавлялись молебны о ниспосланіи вёдра или дождя; но такъ какъ пути Провидѣнія для смертныхъ закрыты, то самыя жаркія молебны не всегда помогали. Сельско-хозяйственной литературы въ то время почти не существовало, а ежели въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и появлялись

ежемѣсячно компиляціи Шелихова, то онѣ составлялись поверхностно, по руководству Тэера, совершенно непригодному для нашего захолустья. Подъ ихъ напгіемъ выискались двѣ-три личности—изъ молодыхъ да ранніе,—которыя пробовали дѣлать опыты, но изъ нихъ ничего путнаго не вышло. Причина неудачъ, конечно, прежде всего заключалась въ кругломъ невѣжествѣ экспериментаторовъ, но отчасти и въ отсутствіи терпѣнія и устойчивости, составляющемъ характеристическую черту полуобразованности. Представлялось, что результатъ долженъ придти сейчасъ же, немедленно; а такъ какъ онъ не приходилъ по желанію, то неудача сопровождалась потокомъ ничего не стоющихъ ругательствъ, и охота къ производству опытовъ столь же легко пропадала, какъ и приходила.

Нѣчто подобное повторялось впослѣдствіи, при освобожденіи крестьянъ, когда чуть не поголовно всѣ помѣщики возмнили себя сельскими хозяевами и, растративши попусту выкупныя ссуды, кончили тѣмъ, что стремительно бѣжали изъ насиженныхъ отцами гнѣздъ. Какъ стоитъ это дѣло въ настоящее время—сказать не могу, но уже изъ того одного, что землевладѣніе, даже крупное, не сосредоточивается болѣе въ одномъ сословіи, а испестрилось всевозможными сторонними примѣсями,—достаточно ясно, что старинный помѣстный элементъ оказался не настолько сильнымъ и приготовленнымъ, чтобы удержать за собой главенство даже въ такомъ существенномъ для него вопросѣ, какъ аграрный.

Вопросы внѣшней политики были совсѣмъ неизвѣстны. Только въ немногихъ домахъ, гдѣ получались „Московскія Вѣдомости“, выступали на арену, при гостяхъ, кое-какія скудныя новости, въ родѣ того, что такая-то принцесса родила сына или дочь, а такой-то принцъ, будучи на охотѣ, упалъ съ лошади и повредилъ себѣ ногу. Но такъ какъ новости были запоздалыя, то обыкновенно при этомъ прибавляли: „теперь ужъ, поди, нога зажила!“—и переходили къ другому, столь же запоздалому извѣстію. Нѣсколько дольше останавливались на кровавой путаницѣ, происходившей въ то время въ Испаніи между карлистами и христиносами, но, не зная началъ ея, тщетно усплпвались разгадать ея смыслъ. Францію считали очагомъ безнравственности и были убѣждены, что французы питаются лягушками. Англичанъ называли купцами и чудаками, и разсказывали анекдоты, какъ нѣкоторый англичанинъ бился объ закладъ, что будетъ цѣлый годъ ни-

таться однимъ сахаромъ и т. д. Къ нѣмцамъ относились снисходительнѣе, прибавляя, однако, въ видѣ поправки: „что̀ русскому здорово, то̀ нѣмцу смерть“. Этими краткими розсказнями и характеристиками исчерпывался весь внѣшній политическій горизонтъ.

О Россіи говорили, что это государство пространное и могущественное, но идея объ отечествѣ, какъ о чемъ-то кровномъ, живущемъ одною жизнію и дышущемъ однимъ дыханіемъ съ каждымъ изъ сыновъ своихъ, едва ли была достаточно ясна. Скорѣе всего, смѣшивали любовь къ отечеству съ выполненіемъ распоряженій правительства и даже просто начальства. Никакихъ „критикъ“, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, не допускалось, даже на лихоимство не смотрѣли какъ на зло, а видѣли въ немъ глухой фактъ, которымъ надлежало умѣючи пользоваться. Всѣ споры и недоразумѣнія разрѣшались при посредствѣ этого фактора, такъ что еслибъ его не существовало, то еще Богъ знаетъ, не пришлось ли бы пожалѣть о немъ. Затѣмъ, относительно всего остальнаго, не выходящаго за предѣлы приказаній и предписаній, царствовало полное равнодушіе. Бытовая сторона жизни, съ ея обрядами, преданіями и разлитою во всѣхъ ея подробностяхъ поэзіей, не только не интересовала, но представлялась низменною, „неблагородною“. Старались истреблять признаки этой жизни даже среди крѣпостной массы, потому что считали ихъ вредными, подрывающими систему безмолвнаго повиновенія, которая одна признавалась пригодною въ интересахъ помѣщичьяго авторитета. Въ барщинскихъ имѣніяхъ праздникъ ничѣмъ не отличался отъ будней, а у „образцовыхъ“ помѣщиковъ пѣсни настойчиво изгонялись изъ среды дворовыхъ. Случались, конечно, исключенія, но они уже составляли любительское дѣло, въ родѣ домашнихъ оркестровъ, нѣвчихъ и т. п.

Я знаю, мнѣ могутъ сказать, что бывали историческіе моменты, когда идея отечества вспыхивала очень ярко и, проникая въ самыя глубокія захолустья, заставляла биться сердца. Я отнюдь и не думаю отрицать этого. Какъ бы ни были мало развиты люди, все же они не деревянные, и общее бѣдствіе способно пробудить въ нихъ такіе струны, которыя, при обычномъ теченіи дѣлъ, совсѣмъ перестаютъ звучать. Я еще засталъ людей, у которыхъ въ живой памяти были событія 1812-го года, и которые разсказами своими глубоко волновали мое молодое чувство. То была година великаго испытанія, и только усиліе

всего русскаго народа могло принести и принесло спасеніе. Но не о такихъ торжественныхъ моментахъ я здѣсь говорю, а именно о тѣхъ будняхъ, когда для усиленнаго чувства нѣтъ повода. По моему мнѣнію, и въ торжественныя годины, и въ будни, идея отечества одинаково должна быть присуща сынамъ его, ибо только при ясномъ ея сознаніи человѣкъ пріобрѣтаетъ право назвать себя гражданиномъ.

Двѣнадцатый годъ—это народная эпопея, память о которой перейдетъ въ вѣка и не умретъ, покуда будетъ жить русскій народъ. Но я былъ личнымъ свидѣтелемъ другого историческаго момента (войны 1853—1856 г.), близко напоминавшаго собой двѣнадцатый годъ, и могу сказать утвердительно, что въ сорокалѣтній промежутокъ времени патріотическое чувство, за недостаткомъ питанія и жизненной разработки, въ значительной мѣрѣ потускнѣло. У всѣхъ въ памяти кремневыя ружья съ выкрашенными деревянными чурками вмѣсто кремней, картонныя подошвы въ ратническихъ сапогахъ, гнилое сукно, изъ котораго строилась ратническая одежда, гнилые ратническіе полушубки и проч. Наконецъ, памятенъ процессъ замѣстительства ополченскихъ офицеровъ, а по заключеніи мира торговля ратническими квитанціями. Мнѣ возразятъ, конечно, что всѣ эти постыдныя дѣла были совершены отдѣльными личностями, и ни помѣщичья среда (которая, впрочемъ, была главною распорядительницей въ устройствѣ ополченія), ни народъ не причастны имъ. Охотно допускаю, что во всемъ этомъ настроеніи преимущественными виновниками являются отдѣльныя личности, но вѣдь масса присутствовала при этихъ дѣяніяхъ—и не ахнула. Смѣхъ раздавался, смѣхъ!—и никому не приходило въ голову, что смѣются мертвецы...

Во всякомъ случаѣ, при такомъ смутномъ представленіи объ отечествѣ не могло быть и рѣчи объ общественномъ дѣлѣ.

Къ похвалѣ помѣщиковъ того времени я долженъ сказать, что, несмотря на невысокій образовательный уровень, они заботливо относились къ воспитанію дѣтей,—преимущественно, впрочемъ, сыновей,—и дѣлали все, что было въ силахъ, чтобы дать имъ порядочное образованіе. Даже самые бѣдные всѣ усилія напрягали, чтобы достичь благопріятнаго результата въ этомъ смыслѣ. Не доѣдали куска, въ лишнемъ платьѣ домочадцамъ отказывали, хлопотали, кланялись, обивали у сильныхъ міра пороги... Разумѣется, всѣ взоры были обра-

щены на казенныя заведенія и на казенный кошель, и потому кадетскіе корпуса все еще продолжали стоять на первомъ планѣ (туда легче было на казенный счетъ поступить); но какъ только мало-мальски позволяли средства, такъ уже мечтался университетъ, предшествуемый гимназическимъ курсомъ. И надо сказать правду: молодежь, пришедшая на смѣну старымъ недорослямъ и прапорамъ, оказалась нѣсколько иною. Къ сожалѣнію, помѣщичьи дочери играли въ этихъ воспитательныхъ заботахъ крайне второстепенную роль, такъ что даже и вопроса о сколько-нибудь сносномъ женскомъ образованіи не возникало. Женскихъ гимназій не существовало, а институтовъ было мало, и доступъ въ нихъ сопрягался съ немаловажными затрудненіями. Но главное, все-таки повторяю, самой потребности въ женскомъ образованіи не чувствовалось.

Что касается до нравственнаго смысла помѣщичьей среды нашей мѣстности въ описываемое время, то отношенія ея къ этому вопросу ближе всего можно назвать страдательными. Атмосфера крѣпостного права, тяготѣвшая надъ нею, была настолько въѣдчива, что отдѣльные индивидуумы утопали въ ней, утрачивая личные признаки, на основаніи которыхъ можно было бы произнести надъ ними правильный судъ. Рамки были для всѣхъ одинаково обязательныя, а въ этихъ общихъ рамкахъ обязательно же вырисовывались контуры личностей, почти ничѣмъ не отличавшихся одна отъ другой. Разумѣется, можно было указать на подробности, но онѣ зависѣли отъ случайно сложившейся обстановки, и притомъ носили родственныя черты, на основаніи которыхъ можно было легко добраться до общаго источника. Впрочемъ, изъ всей настоящей хроники довольно явственно выступаетъ неприглядная сторона нравственнаго состоянія тогдашняго культурнаго общества, и потому я не имѣю надобности возвращаться къ этому предмету. Прибавлю одно: крайне возмутительнымъ фактомъ являлась гаремная жизнь и вообще неопрятные взгляды на взаимныя отношенія половъ. Язва эта была достаточно-таки распространена и нерѣдко служила поводомъ для трагическихъ развязокъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о религіозномъ настроеніи. Въ этомъ отношеніи я могу свидѣтельствовать, что сосѣди наши были вообще набожны: если же изрѣдка и случалось слышать праздное слово, то оно вырывалось безъ намѣренія, именно только ради крас-

наго словца, и всѣхъ такихъ празднослововъ безъ церемоніи называли пустомелями. Сверхъ того, довольно часто встрѣчались личности, которыя, очевидно, не понимали истиннаго смысла самыхъ простыхъ молитвъ; но и это слѣдуетъ отнести не къ недостатку религіозности, а къ умственной неразвитости и низкому образовательному уровню.

Переходя отъ общей характеристики помѣщичьей среды, которая была свидѣтельницей моего дѣтства, къ портретной галереѣ отдѣльныхъ личностей, уцѣлѣвшихъ въ моей памяти, я считаю нелишнимъ прибавить, что все сказанное выше написано мною вполнѣ искренно, безъ всякой предвзятой мысли во что бы то ни стало унизить или подорвать. На склонѣ лѣтъ охота къ преувеличиваніямъ пропадаетъ и является неопреодолимое желаніе высказать правду, одну только правду. Рѣшившись возстановить картину прошлаго, еще столь недалекаго, но уже съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утопающаго въ пучинѣ забвенія, я взялся за перо не съ тѣмъ, чтобы полемизировать, а съ тѣмъ, чтобы свидѣтельствовать истину. Да и нѣтъ никакой цѣли подрывать то, что̀ уже само, въ силу общаго историческаго закона, подорвано.

Бытописателей изображаемаго мною времени являлось въ нашей литературѣ довольно много; но я могу утверждать смѣло, что воспоминанія ихъ приводятъ къ тѣмъ же выводамъ, какъ и мои. Быть можетъ, окраска иная, но и факты, и существо ихъ одни и тѣ же, а фактовъ вѣдь ничѣмъ не закрасишь.

Покойный Аксаковъ своею „Семейной Хроникой“ несомнѣнно обогатилъ русскую литературу драгоцѣннымъ вкладомъ. Но, несмотря на слегка идиллическій оттѣнокъ, который разлитъ въ этомъ произведеніи, только близорукіе могутъ увидѣть въ немъ апологію прошлаго. Одного Куролесова вполнѣ достаточно, чтобы снять пелену съ самыхъ предубѣжденныхъ глазъ. Но поскоблите немного и самого старика Багрова, и вы убѣдитесь, что это совсѣмъ не такой самостоятельный человѣкъ, какимъ онъ кажется съ перваго взгляда. Напротивъ, на всѣхъ его намѣреніяхъ и поступкахъ лежитъ покровъ фаталистической зависимости, и весь онъ съ головы до пятокъ не болѣе, какъ игралище, безпрекословно подчиняющееся указаніямъ крѣпостныхъ порядковъ.

Во всякомъ случаѣ, я позволю себѣ думать, что въ ряду прочихъ матеріаловъ, которыми воспользуются будущіе историки русской общественности, моя хроника не окажется лишнею.

XXVII.—Предводитель Струнниковъ.

Нашъ уѣздъ не пользовался хорошей репутаціей въ губерніи и на сословныхъ выборахъ игралъ очень незавидную роль. Не было примѣра, чтобъ изъ среды нашихъ помѣщиковъ избирались губернскіе предводители дворянства, да и на должность уѣзднаго предводителя охотниковъ отыскивалось мало. Равнодушіе къ общественному дѣлу было всеобщее; на выборы ѣздили очень немногіе, потому что это требовало расходовъ, а у нашихъ помѣщиковъ лишнихъ денегъ не было. Поэтому дѣйствующими лицами на сословныхъ торжествахъ являлись преимущественно представители такъ-называемыхъ „складныхъ душъ“ (ихъ обыкновенно возилъ предводитель на свой счетъ) да помѣщики, которые сами намѣревались баллотироваться на должностныя мѣста.

Благодаря этимъ условіямъ, Ѳедоръ Васильичъ Струнниковъ много трехлѣтій сряду былъ избираемъ въ уѣздные предводители, не зная конкуррентовъ. Каждые три года онъ ѣздилъ въ веселой компаніи въ губернскій городъ, наблюдая, чтобъ было на лицо требуемое закономъ число голосовъ (кажется, не меньше семи; въ противномъ случаѣ уѣздъ объявлялся несамостоятельнымъ и присоединялся къ сосѣднему уѣзду), и члены компаніи, подѣливъ между собою должностныя мѣста, возвращались домой княжить и володѣть. Это до такой степени вошло въ обычай, что никому и на умъ не приходило, что могъ существовать иной предводитель, кромѣ Струнникова, иной судья, кромѣ Глазатова, и иной исправникъ, кромѣ Металькикова.

Струнниковъ воспитывался въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, но отличался такимъ замѣчательнымъ тупоуміемъ и такою непреборимою лѣностью, что начальство не разъ порывалось возвратить его родителямъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ уже на старшемъ курсѣ, когда умеръ его отецъ (мать умерла раньше). Не долго думая, молодой человѣкъ оставилъ заведеніе, не кончивъ курса, поступилъ

юнкеромъ въ квартировавшій въ нашемъ городѣ драгунскій полкъ, дослужился до корнетскаго чина и вышелъ въ отставку. А двадцати-двухъ лѣтъ онъ женился на одной изъ помѣщицъ нашего уѣзда и вслѣдъ затѣмъ былъ выбранъ въ предводители.

Онъ имѣлъ изрядное состояніе, но собственныя его имѣнія находились въ другихъ губерніяхъ, а у насъ онъ пользовался цензомъ жены. Въ ея усадьбѣ онъ и жилъ на краю большого села, въ которомъ скучилось нѣсколько мелкопомѣстныхъ семей. Двухъ-этажный его домъ, выстроенный на пригоркѣ, господствовалъ надъ селомъ и держалъ въ респектѣ живущихъ въ немъ. Домъ былъ обширный, но построенный на старинный ладъ и обезображенный множествомъ пристроекъ, которыя совсѣмъ были ненужны, потому что владѣлецъ жилъ въ немъ самъ-другъ съ женой и дѣтей не имѣлъ. Между прочимъ, въ домѣ существовала большая зала въ два свѣта, которою Струниковъ очень гордился. По зимамъ онъ задавалъ въ ней пиры, на которыхъ гремѣлъ домашній оркестръ и пѣли доморощенные пѣвчіе. Но ни парка, ни даже порядочнаго сада при усадьбѣ, какъ водится, не было.

Жилъ онъ на-распашку, не по состоянію. Имѣлъ отличныхъ поваровъ, выписывалъ изъ Москвы настоящее виноградное вино и всякую бакалею, держалъ открытый столъ для господъ дворянъ, а псовая охота его даже составляла гордость цѣлой губерніи, хотя собачій лай и визгъ, немолчно раздававшіеся на псарномъ дворѣ, положительно отравляли существованіе сосѣдей. Словомъ сказать, даже въ то льготное время онъ съумѣлъ такъ устроиться, что, не выѣзжая изъ захолустья, не только проживалъ свой собственный доходъ, но и не выходилъ изъ долговъ, дѣлать которые былъ великій искусникъ.

Въ то время отъ предводителя ничего иного и не требовалось. Уже гораздо позднѣе пошли въ ходъ всякіе „принципіи“, а тогда спрашивалось только исправное и достаточно вмѣстительное чрево. Ежели при хорошемъ желудкѣ были на-лицо соотвѣтствующія матеріальныя средства и извѣстная доза тароватости, то на такого предводителя всѣ смотрѣли съ упованіемъ. Помѣщики говорили: „у насъ только и пошить, и поѣсть, что у предводителя“,—и безъ всякой совѣсти злоупотребляли гостепріимствомъ своего излюбленнаго человѣка, который проматывалъ сотни душъ и вылѣзалъ изъ кожи, чтобъ заслужить отъ господъ дворянъ похвалу.

Внѣшнимъ видомъ Струниковъ похвалиться не могъ. Ростъ ниже

средняго, ноги короткія, животъ обширный, на-тощакъ отвислый, а по принятіи пищи выдающійся впередъ и тугой, какъ барабанъ. Жиру и сбоку, и спереди, и сзади—безъ конца. Голова маленькая, круглая безъ малѣйшихъ неровностей, словно на токарномъ станкѣ выточенная, что въ особенности ярко выступало вслѣдствіе того, что онъ стригъ волосы подъ гребенку. „Зеркало души“ (лицо)—вылитый монсъ. Выраженіе лица измѣнчивое: на тощакъ—огрызающееся, по принятіи пищи—ласковое. Съ перваго взгляда на него можно сказать: вотъ человѣкъ, который отъ рожденія осужденъ на безпрерывную ѣду! И онъ, дѣйствительно, ѣлъ часто и много, и когда наѣдался, то все существо его наполнялось тихимъ мурлыканьемъ. Тогда проси у него чего хочешь—ни въ чемъ отказа не будетъ.

Насколько онъ былъ неблагообразенъ, настолько же пригожа была его жена... Это была въ полномъ смыслѣ слова писаная русская красавица, высокая, стройная, полногрудая, съ прекраснымъ оваломъ лица, большими сѣрыми глазами на выкатѣ и густой темнорусой косой. Она тоже любила покушать, и эта общая черта сближала ихъ настолько, что, несмотря на фатальную наружность мужа, супруги жили довольно согласно. Некогда было любоваться другъ другомъ; днемъ—передъ глазами тарелки; наступитъ ночь—темно, не видать. Одно только яблоко раздора существовало — это безплодіе Александры Гавриловны, на которое Ѳедоръ Васильичъ горько жаловался.

— Что-жъ ты не рожаешь!—то-и-дѣло укорялъ онъ жену:—срамъ сказать, сколько лѣтъ вмѣстѣ живемъ, а хоть бы дочку ты принесла!

На что она совершенно резонно возражала:

— И хорошо дѣлаю, что не рожаю. Дочка-то, пожалуй, вышла бы въ тебя—кто бы ее тогда, монса такого, замужъ взялъ!

— Ну-ну, ѣшь-ка, ѣшь! Монсъ да монсъ, заладила одно! Нынче монсы-то въ модѣ, втридорога за нихъ даютъ!.. А котлетка-то, кажется, пригорѣла... Эй! кто тамъ! позвать сюда Сысойку повара!

Этимъ инцидентъ и заканчивался.

Глупымъ, въ грубомъ значеніи этого слова, Струнникова назвать было нельзя, но и уменъ онъ былъ лишь настолько, чтобы, какъ говорится, сальныхъ свѣчей не ѣсть и стекломъ не утираться. Вообще, обладалъ тѣмъ ординарнымъ смысломъ, который не удивляетъ

громкими дѣлами, но совершенно достаточенъ для обезпеченія личной безопасности. Не чувствуя ни малѣйшей потребности устремляться въ неизвѣданныя сферы и даже не имѣя понятія о подобныхъ сферахъ, онъ легко избѣгалъ ошибокъ, свойственныхъ выспреннимъ умамъ, и всегда имѣлъ подъ руками готовый афоризмъ, подъ сѣнію котораго и укрывался, въ полной увѣренности, что никто его тамъ не найдетъ. Онъ могъ даже вести разговоръ въ обществѣ — разумѣется, не трудный—но говорилъ столь своеобразно, такъ сказать, очертя голову, что многіе его изреченія вмѣстить не могли.

— Есть когда мнѣ разговоры обдумывать!—оправдывался онъ передъ тѣми, которые оскорблялись неожиданными оборотами его рѣчей:—у меня дѣла по горло, а тутъ еще разговоры обдумывать изволь! Сказалъ что̀ нужно—и будетъ!

Несмотря на несомнѣнное простодушіе, онъ, какъ я уже упомянулъ, былъ великій дока заключать займы, и остряки-помѣщики не безъ основанія говаривали о немъ: „вотъ бы кого министромъ финансовъ назначить!“ Прежде всего къ нему располагало его безграничное гостепріимство: совѣстно было отказать человѣку, у котораго во всякое время пошить и поѣсть можно. Но, кромѣ того, такъ какъ онъ ни о чемъ другомъ серьезно не думалъ, то, вслѣдствіе долговременной практики, въ немъ образовалась своего рода прозорливость на этотъ счетъ. Верхнимъ чутьемъ угадывалъ онъ займодавца и опытной рукой накидывалъ на него петлю. На однихъ дѣйствовалъ посуломъ значительныхъ процентовъ, на другихъ—ласкою и мелкими одолженіями. Или назовется окрестить новорожденнаго, или на свадьбѣ, въ качествѣ посажонаго отца, фигурируетъ. Пріѣдетъ въ мундирѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ—картина!—какъ тутъ отказать! Неудачъ не бывало; всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ онъ былъ долженъ, даже такимъ, которые сами были по уши въ долгахъ. Но не брезговалъ и богатенькими мужичками, и ежели гдѣ крупной суммы не дадутъ, то удовольствуется и малой, а остальное въ другомъ мѣстѣ выпроситъ. Заслышитъ, что у какого-нибудь мужика-крѣпыша кубышка завелась, заѣдетъ и начнетъ петлю закидывать.

— Ѣхалъ мимо, — скажетъ, — думаю, дай заѣду на кума посмотрѣть. Здорово, куманекъ! Чайку-то дашь, что-ли?

— Помилуйте, сударь! чего другого... Эй, вы! поворачивайтесь проворнѣе!

— Что̀, какъ дѣла?

— Дѣла какъ сажа бѣла! Похвалить нельзя.

— Ну, это ты врешь, кумъ. Кубышка-то въ подпольѣ непочатая лежитъ.

— Какая у насъ, сударь, кубышка!

— Извѣстно, какія кубышки бываютъ. Ну что̀, какъ крестный сынокъ? дочка посажоная какъ!

— Все слава Богу.

— Слава Богу—лучше всего. Я, братъ, простыня-человѣкъ. старыхъ пріятелей не забываю. Вотъ ты такъ спѣсивъ сталъ; и не заглянешь, даромъ что кумъ!

— Помилуйте! смѣю ли я!

— Чего „смѣю ли“! Всякаго, кто ни придетъ—всѣхъ милости просимъ! а для благопріятеля и подавно кусокъ найдется!

Выпьетъ чашку, выпьетъ другую, а потомъ шуточкой да смѣшкомъ и поведетъ настоящую рѣчь.

— Ну, такъ какъ же, другъ, намъ съ кубышкой твоей быть! Такъ безъ пользы у тебя деньги лежатъ, а я бы тебѣ хорошій процентъ далъ.

При этомъ вступленіи кумъ начинаетъ безпокойно шевелить лопатками.

— Право! мнѣ, братъ, немного и нужно. Рубликовъ двѣсти, триста на недѣльку перехватить.

— Что̀ вы, сударь! гдѣ же мнѣ эко мѣсто денегъ взять!

— А много, такъ три полсотни дай. Я тебѣ ихъ черезъ недѣлю возвращу. да бѣленькую за благодарность прибавлю... пользуйся!

— Что̀ вы! бѣленькую! словно ужъ много!

— Нѣтъ, я таковъ. Всякое дѣло по справедливости люблю дѣлать. Ты меня одолжишь, а я тебя за это благодарить буду.

И будетъ сидѣть и шутить до тѣхъ поръ, пока кумъ хоть двѣ полсотни не выложитъ на столъ.

Словомъ сказать, ужъ на что была туга на деньги матушка, но и она не могла устоять противъ льстивыхъ рѣчей Струнникова, и хоть изрѣдка, но ссужала-таки его небольшими суммами. Разумѣется. всякій разъ послѣ подобной выдачи слѣдовало раскаяніе и клятвы никогда впередъ не попадать въ просакъ: но это не помогало дѣлу,

и то, что̀ ужъ однажды попадало въ карманъ добрѣйшаго Ѳедора Васильича, исчезало тамъ, какъ въ бездонной пропасти.

За то Струнниковъ не получалъ жалованья и велъ себя „благородно“, то-есть взятокъ не бралъ; за то онъ кормилъ и поилъ весь уѣздъ.

Надобно, впрочемъ, отдать справедливость Струнникову: обращеніе его съ крестьянами и дворовыми было очень миролюбивое. Всѣ выработанныя крѣпостной легальностью ограниченія, дававшія подневольному люду возможность вздохнуть, соблюдались имъ безусловно. Мужики жили исправно и черезъ мѣру барщиной не отягощались; дворовые смотрѣли весело, несмотря на то, что въ домѣ царствовала вѣчная сутолока, по случаю безпрерывно смѣнявшихъ другъ друга гостей. Одно въ немъ было скверно: ни одного лакея онъ не звалъ по имени, но для каждаго имѣлъ свой свистъ. Съ утра начинали раздаваться по дому разнообразнѣйшіе свисты, то короткіе, то протяжные, то тихіе, то рѣзкіе, то напоминавшіе какой-нибудь нѣсенный мотивъ. И бѣда „хаму“, который опрометью не прибѣгалъ на присвоенный ему свистъ: Ѳедоръ Васильичъ все готовъ былъ простить, кромѣ этого преступленія.

Но этимъ, такъ сказать, домашнимъ мягкосердечіемъ и исчерпывались добродѣтели Струнникова. Какъ предводитель, обязанный наблюдать за своими собратіями, онъ просто никуда не годился. И это было совершенно понятно, потому что кругомъ жили все заимодавцы, на дѣйствія которыхъ по-неволѣ приходилось смотрѣть сквозь пальцы.

Впрочемъ, для того, чтобы еще яснѣе обрисовать личность нашего предводителя, я считаю не лишнимъ описать его будничный день.

Лѣтнее утро; девятый часъ въ началѣ. Ѳедоръ Васильичъ въ синемъ шолковомъ халатѣ появляется изъ общей спальни и черезъ цѣлую анфиладу комнатъ проходитъ въ кабинетъ. Лицо у него покрыто масляпистымъ глянцемъ; глаза влажны, слипаются; въ углахъ губъ запеклась слюна. Онъ останавливается по дорогѣ передъ каждымъ зеркаломъ и припоминаетъ, что вчера съ вечера у него чесался носъ.

— Такъ и есть! — ворчитъ онъ: — вскочилъ-таки прыщъ... анаѳема!

Изъ устъ его вылетаетъ короткій свистъ, на который опрометью вбѣгаетъ камердинеръ Прокофій.

— Умываться готово!—докладываетъ онъ.

— Безъ тебя знаю. Погода какова?

— Съ утра дождичекъ шелъ небольшой, а теперь повеселѣло.

— Повеселѣло, такъ тѣмъ лучше. Сѣно сушить будемъ. Староста пришелъ?

— Въ лакейской дожидается.

— Умываться! живо!

Въ одну минуту Струнниковъ ужъ умытъ. Раздастся новый свистъ, другого фасона, на который вбѣгаетъ буфетчикъ Тимоѳей и докладываетъ, что въ столовой накрытъ чай.

— Безъ тебя знаю. Скажи старостѣ, чтобъ дожидался. Какъ отопью чай, позову.

Въ столовой, на кругломъ столѣ, кипитъ самоваръ; на подносѣ лежитъ цѣлая груда домашняго печенья; сбоку стоитъ нарѣзанный ломтями холодный ростбифъ. Александра Гавриловна разливаетъ чай.

Она въ утреннемъ бѣломъ капотѣ и въ кружевной головной накидкѣ, придерживающей косу. Лицо у нея чистое, свѣжее, точно вымытое росой и только-что обсохшее подъ лучами утренняго солнца; сквозь тонкій батистъ капота отчетливо обрисовываются контуры наливныхъ плечей и груди. Но Ѳедоръ Васильичъ не засматривается на нее и кратко произноситъ:

— Сахару больше клади.

— Ней-ка, ней, нечего учить!

Струнниковъ выниваетъ вмѣстительную чашку чая съ густыми сливками и съѣдаетъ, одну за другой, нѣсколько булокъ. Утоливши первый голодъ, онъ протягиваетъ женѣ чашку за новымъ чаемъ и взглядываетъ на нее.

— Всѣмъ бы ты хороша,—начинаетъ онъ шутки шутить,—и лицомъ взяла, и плечи у тебя... только вотъ дѣтей не родишь!

— Слышала. Надоѣлъ. Еще бабушка на-двое сказала, кто виноватъ, что у меня дѣтей нѣтъ.

— Ужъ не я ли? Да въ здѣшней во всей округѣ ни одной деревни нѣтъ, въ которой бы у меня дѣтей не было. Это хоть у кого хочешь спроси.

— Говорятъ тебѣ: надоѣлъ. Молчи, коли другого разговора нѣтъ.

— У меня-то нѣтъ разговора! Да я о чемъ угодно, что угодно... сейчасъ!

Ѳедоръ Васильичъ пьетъ другую чашку и каждый глотокъ заѣдаетъ кускомъ ростбифа, который жадно разрываетъ зубами. Александра Гавриловна тоже кушаетъ аппетитно.

— Вотъ мы утромъ чай пьемъ, — начинаетъ опъ „разговоръ“, —а нѣмцы, тѣ кофей пьютъ. И Петербургъ отъ нихъ заразился, тоже кофей пьетъ.

Александра Гавриловна молчитъ.

— Что-жъ ты молчишь? Сама же другого разговора просила, а теперь молчишь! Я говорю: мы по утрамъ чай пьемъ, а нѣмцы кофей. Чай-то, сказываютъ, въ ихней сторонѣ въ аптекахъ продается, все равно, какъ у насъ шалфей. А все оттого, что мы не даемъ...

— Чего не даемъ?

— Чаю... Какая ты безтолковая! Къ намъ чай прямо изъ Китая идетъ, а кромѣ насъ китайцы никому не даютъ. Такой ужъ уговоръ: вы намъ чай давайте, а мы вамъ ситцы да миткали, да сукна... да все гнилые!

— Ишь вретъ! Свисти-ка, да зови старосту. Только попарасну человѣка задерживаешь.

— Не великъ баринъ—подождетъ!

— Да вѣдь для тебя же...

— Знаю, что для меня. А то для кого же? Ну-ну, не хорохорься! сейчасъ позову.

Раздается свистъ.

— Зови старосту! что онъ тамъ торчитъ!

Входитъ староста Терентій, здоровый и коренастый мужикъ съ смышленою физіономіей. Онъ знаетъ барина, какъ свои пять пальцевъ, умѣетъ угадывать малѣйшія его думы и взялъ себѣ за правило никогда не прекословить. Смотритъ не робко.

— Какъ дѣла?

— Дѣла середнія, Ѳедоръ Васильичъ; похвалить нельзя. Дожди почесть каждый день льютъ. Двѣ недѣли съ сѣномъ хороводимся— совсѣмъ потемнѣло.

— Ничего, съѣдятъ.

— Съѣсть—отчего не съѣсть; даже въ охотку съѣдятъ.

— А коли съѣдятъ, стало быть, и разговаривать не объ чемъ. Намъ не продавать.

— Зачѣмъ продавать! у насъ своей скотины довольно.

— А ты говоришь: потемнѣло! Коли съѣдятъ, такъ чего-жъ тутъ! Не люблю я, когда пустяки говорятъ. Въ поляхъ каково?

— Слава Богу. Рожь налила, подсыхать скоро начнетъ. И овесъ выкидывается.

— Ладно. У меня чтобы всего, и ржи, и овса—всего чтобы самъ-сёмъ было. Какъ хочешь, такъ и распоряжайся, я знать ничего не хочу.

— Чтой-то, Ѳедоръ Васильичъ, овса-то будто ужъ и многонько. По здѣшнему мѣсту и слыхомъ о такихъ урожаяхъ не слыхивали.

— Ну не самъ-сёмъ, такъ самъ-пятъ. Съ Богомъ; ступай!

Староста удаляется. Во время хозяйственнаго совѣщанія Александра Гавриловна тоже снялась съ мѣста и удалилась восвояси. Раздается короткій свистъ.

— Одѣваться готово!—провозглашаетъ Прокофій.

— И безъ тебя знаю. Пошли на конный дворъ сказать, чтобъ ждали меня. Буду сегодня выводку смотрѣть. А оттуда на псарный дворъ пройду. Иванъ Ѳомичъ здѣсь?

— Въ кабинетѣ дожидается.

Иванъ Ѳомичъ Снегубовъ—письмоводитель Струнникова. Это старый подъячій, котораго даже въ то лихолимное время нашли неудобнымъ держать на коронной службѣ. Но Ѳедоръ Васильичъ именно за это и возлюбилъ его.

— Ужъ коли тебя изъ уѣзднаго суда за кляузы выгнали, значитъ, ты дока! — сказалъ онъ. — Переходи на службу ко мнѣ, въ убыткѣ не будешь.

Снегубовъ послѣдовалъ приглашенію, но по временамъ роптать, что предводитель жалованья ему не платитъ, а ежели и отдастъ разомъ порядочный кушъ, то сейчасъ же его взаймы выпроситъ. Такимъ образомъ долгъ росъ и, вопреки здравому смыслу, занутывалъ не должника, а невольнаго кредитора. Неоднократно Иванъ Ѳомичъ собирался бѣжать отъ своего патрона, но всякій разъ его удерживала мысль, что въ такомъ случаѣ долгъ, дорогій до значительной цифры, пожалуй, пропадетъ безвозвратно. Напротивъ, Струнниковъ, воздерживаясь отъ уплаты, разомъ достигалъ двухъ

цѣлей: и отъ лишнихъ денежныхъ тратъ освобождался, и „доку“ на привязи держалъ.

Ѳедоръ Васильичъ приходитъ въ кабинетъ и начинаетъ безъ церемоніи одѣваться передъ письмоводителемъ.

— Много дѣловъ?—спрашиваетъ онъ.

— Бумажка отъ губернатора пришла. Мудреная. Спрашиваетъ, какой у насъ духъ въ уѣздѣ.

— Какой такой духъ?

— Я и самъ, признаться... Мыслей, что-ли, какихъ ищутъ.

— А я почемъ знаю! Не жареное—не пахнетъ. Мыслей! Отъ роду не бывало, и вдругъ вздумалось!

— По поводу, говоритъ, недавнихъ событій... французъ, стало быть... Да вотъ извольте сами прочесть.

— Экъ ихъ! Французъ бунтуетъ, а у насъ—духъ! Не стану я читать; пиши прямо: никакого у насъ духу нѣтъ.

— Слушаю-съ.

— А теперь съ Богомъ. У меня своего дѣла по горло. На конный иду, да и на псарню давно не заглядывалъ. Скажите на милость... „духъ“ нашли!

Но Синегубовъ переминается съ ноги на ногу и не сѣшитъ уйти.

— Должку бы мнѣ, Ѳедоръ Васильичъ... хоть частичку!—произноситъ онъ нерѣшительно.

— На что тебѣ?

— Помилуйте! какъ же на что! своихъ денегъ прошу, не чужихъ!

— Я тебя спрашиваю, на что тебѣ деньги понадобились, а ты чепуху городишь. Русскимъ языкомъ тебѣ говорятъ: зачѣмъ тебѣ деньги?

— Все-таки... какъ же возможно!

— Одинъ ты, какъ перстъ, ни жены, ни дѣтей нѣтъ; квартира готовая, столъ готовый; одѣтъ, обутъ... Каденъ ты—вотъ что!

— Ѳедоръ Васильичъ!..

— На табакъ ежели, такъ я давно тебѣ говорю: перестань проклятымъ зельемъ носъ набивать. А если и нужно на табакъ, такъ вотъ тебѣ двугривенный — и будетъ. Это ужъ я отъ себя въ родѣ какъ подарокъ... Нюхай!

Струнниковъ отпираетъ бюро, достаетъ изъ кошелька двугривенный и подаетъ его письмоводителю.

— Съ Богомъ. А на бумагу такъ и отвѣчай: никакого, молъ, духу у насъ въ уѣздѣ нѣтъ и не бывало. Живемъ тихо, французу не подражаемъ... А насчетъ долга не опасайся: деньги твои у меня словно въ ломбартѣ лежатъ. Ступай.

Покончивши съ письмоводителемъ, Ѳедоръ Васильичъ отправляется на конный дворъ, но, пришедши туда, взглядываетъ на часы... Скоро одиннадцать, а ровно въ полдень его ждетъ завтракъ.

— Сегодня я не долго у васъ буду: дѣла задержали,—объявляетъ онъ:—выведите „Модницу“!

„Модница“—молодая кобылка, на которую Струнниковъ возлагаетъ большія надежды. Конюха знаютъ это и заранѣе ее настегали, чтобъ она взвивалась на дыбы и „шалила“ передъ бариномъ.

— Зачѣмъ на дыбы становиться дасте?—командуетъ баринъ, видимо, однако, довольный, что любимица его „шалитъ“.—Отпустите поводья, пусть смирно идетъ... вотъ такъ! Арапникъ дайте!

Старшій конюхъ становится по срединѣ площадки съ длинной кордой въ рукахъ; рядомъ съ нимъ помѣщается баринъ съ арапникомъ. „Модницу“ заставляютъ дѣлать круги всевозможными аллюрами: и тихимъ шагомъ, и рысью, и въ галопъ, и во весь карьеръ. Струнниковъ весело понукиваетъ кобылу, и сердце въ немъ начинаетъ играть.

— Ишь селезенкой хлощетъ... да, изъ этой кобылы будетъ прокъ!—восклицаетъ онъ, натѣшившись минутъ двадцать.

— Какого еще коня нужно!—раздаются кругомъ льстивые голоса.

— Вывести „Илью Муромца“!

Выводятъ статнаго жеребца, который считается главнымъ производителемъ небольшого Струнниковскаго завода. Почуявъ кобылу, онъ тоже взвивается на дыбы и громко ржетъ.

— Ишь гогочетъ, подлецъ! знаетъ, чѣмъ пахнетъ! — восторгается баринъ, и ни съ того, ни съ сего, вспомнивши недавній докладъ Синегубова, прибавляетъ: — а тутъ еще духовъ какихъ-то разыскиваютъ!—вотъ это такъ духъ!

„Илью Муромца“ тоже заставляютъ всякіе аллюры выдѣлывать;

но Струнниковъ уже не съ прежнимъ вниманіемъ слѣдитъ за его работой. Онъ то-и-дѣло вынимаетъ изъ кармана часы, и, наконецъ, убѣждается, что стрѣлка уже переходитъ за половину двѣнадцатаго.

— Будетъ; усталъ. Скажите на псарной, что зайду позавтракавши, а если дѣла задержатъ, такъ завтра въ это же время. А ты у меня, Артеміи, смотри! пуще глаза „Модницу“ береги! Ежели что̀ случится—ты въ отвѣтѣ!

— Чему случиться... оборони Богъ!

— То-то. Съ Богомъ; ведите жеребца назадъ.

Струнниковъ, не торопясь, возвращается домой и для возбужденія аппетита заглядываетъ въ встрѣчающіяся по пути хозяйственныя постройки. Зайдетъ на погребъ — тамъ дѣвчонки подъ навѣсомъ сидятъ, горшки со сметаной между колѣнями держатъ, чухонское масло мутовками бьютъ.

— Это вы чухонское масло для стола бьете?—молвитъ онъ:— бейте! Повару много масла нужно.

Или въ мучной лабазъ завернетъ; тамъ ключникъ муку пекарю отпускаетъ.

— Муку, что-ли, для стола выдаешь?—выдавай! Только смотри: выдавай вѣсомъ и записывай, что̀ отпустилъ. А то вѣдь я васъ знаю!

— Мы, кажется, Ѳедоръ Васильичъ...

— Ладно. Знаю я, что я Ѳедоръ Васильичъ, а не Сидоръ Карпычъ...

Стрѣлка показываетъ безъ пяти минутъ двѣнадцать; Струнниковъ начинаетъ спѣшить. Онъ почти бѣгомъ бѣжитъ домой и какъ разъ поспѣваетъ въ ту минуту, когда на столѣ ужъ дымится полное блюдо горячихъ телячьихъ котлетъ.

— Карпычъ не приходилъ? — спрашиваетъ онъ, усаживаясь въ креслѣ за столъ, противъ Александры Гавриловны, и завѣшивая грудь салфеткой.

— Не приходилъ-съ.

— Черезъ часъ послать за нимъ. Сказать, что къ спѣху.

Ѳедоръ Васильичъ съѣдаетъ котлету за котлетой. Онъ рветъ мясо зубами, и когда жуетъ, то смотритъ вдаль, словно о чемъ-то думаетъ. Отъ наслажденія лицо его принимаетъ почти страдальческое выраженіе. Съѣвши три котлеты и запивши ихъ квасомъ

(вина онъ совсѣмъ никакого не пьетъ), онъ въ недоумѣніи смотритъ на жаренаго цыпленка, какъ будто не можетъ дать себѣ отчета, сытъ онъ или не сытъ. Наконецъ, рѣшаетъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, захватываетъ добычу вилкой и тащитъ на тарелку. Покончивши съ цыпленкомъ, приступаетъ къ суфле́ изъ грецкихъ орѣховъ и столь же исправно дѣйствуетъ ложкой, какъ дѣйствовалъ вилкой и ножомъ. Наконецъ, наѣлся и утомился, словно пять верстъ пробѣжалъ. По комнатѣ раздается тяжкій и продолжительный вздохъ.

— О, Господи Іисусе Христе!—стонетъ Струнниковъ, закрывая глаза, и тутъ же за столомъ впадаетъ въ забытье.

Во снѣ онъ видитъ цѣлую эпопею. Снится ему тотъ самый бычокъ, котлеты изъ котораго онъ только-что ѣлъ. Бычокъ родился ровно шесть недѣль тому назадъ отъ коровы Красавки и подобно родительницѣ своей имѣлъ пеструю одежду. Съ первыхъ же шаговъ своего вступленія въ свѣтъ, онъ обнаружилъ недюжинныя телячьи способности, обѣщая со временемъ сдѣлаться умнымъ и степеннымъ быкомъ, надежнымъ руководителемъ ввѣреннаго ему стада. Но еще въ то время, когда онъ былъ въ утробѣ матери, въ сердцѣ Струнникова созрѣлъ уже умыселъ, рѣшившій его участь совсѣмъ по иному. Рѣшено было дать теленку солидное домашнее воспитаніе, то-есть отпаивать. Сначала поили его молокомъ матери, потомъ стали поить отъ двухъ коровъ. Ѳедоръ Васильичъ ежедневно заходилъ на скотный дворъ и радовался, видя, какъ онъ постепенно глупѣетъ. Глупѣлъ-глупѣлъ, наконецъ легъ и сталъ приходить въ дремотное состояніе. Это былъ признакъ, что домашнее воспитаніе кончилось, и что отнынѣ предстояло лишь пользоваться плодами его. Однимъ утромъ Струнниковъ пришелъ въ хлѣвъ, въ которомъ неподвижно былъ распростертъ обреченный бычокъ, приказалъ поднять его, собственными руками прощупалъ тушу и сдѣлалъ ребромъ ладони промѣръ частей, приговаривая: „задняя нога, другая нога, котлеты, грудина, печенка“ и т. д. А въ заключеніе пришелъ въ такое восхищеніе, что поцѣловалъ теленка въ слюнявую морду, такъ сказать, „простился“ съ нимъ.

— Будетъ! завтра же колоть! а то, оборони Богъ, еще подохнетъ!—слетѣлъ съ его языка жестокій приговоръ.

Теленокъ вышелъ на славу. Четвертый уже день подаютъ его, въ разнообразнѣйшихъ видахъ за столъ, а все ему конца не видать.

Покуда ѣсть еще въ охотку, но вѣдь и здѣсь, какъ и во всѣхъ человѣческихъ желаніяхъ и стремленіяхъ, предѣлъ положенъ. То-то вотъ горе, что жена дѣтей не рожаетъ, а кажется, еслибъ у него, подобно Іакову, двѣнадцать сыновъ было, онъ всѣхъ бы телятиной накормилъ, да еще осталось бы! А кромѣ того, какъ на грѣхъ, съ наступленіемъ рабочей страды и гости перемежились. Неминучее дѣло, придется съ сосѣдями дѣлиться. Карнѣичу ужъ снесли переднюю ногу,—не послать ли другую Псу Васильичу? Да, ему, именно ему, больше нѣкому. Пускай старый песъ жретъ!

— А печенку сами съѣдимъ!—мелькаетъ въ его головѣ:—велю я ее въ сливочномъ маслѣ зажарить, да за завтракомъ и подать. Жирная должна быть печенка... аграмадная!

Многіе печенку въ сметанѣ жарятъ, но онъ этой манеры не придерживается. Сметана все-таки сметана, какъ ее ни прожаривай. А ежели она чуточку сыра, такъ хоть совсѣмъ не ѣшь. Печенка да въ сливочномъ маслѣ—вотъ это такъ именно царская ѣда! Жевать не нужно; стоитъ языкомъ присосаться—она и проскочила!

Струниковъ дѣлаетъ губами движеніе, словно присасывается. Онъ сладко вздыхаетъ и хочетъ повернуться на бокъ, чтобы ловчѣе уснуть, но въ эту минуту въ передней происходитъ движеніе, которое пробуждаетъ его.

— Степанъ Карнѣичъ пришелъ,—докладываетъ Прокофій.

— Пришелъ? а? кто посылалъ?—спрашиваетъ баринъ, съ трудомъ приходя въ себя.

— Сами изволили посылать.

— Безъ тебя знаю. Зови.

Степанъ Карнѣичъ Пеструшкинъ—мелкопомѣстный дворянинъ, владѣющій въ одномъ селѣ съ предводителемъ пятнадцатью душами крестьянъ. Это пьянекій и совсѣмъ согнутый старикъ, плѣшивый, съ краснымъ, обросшимъ окладистой бородой лицомъ, надъ которымъ господствуетъ сизый, громадныхъ размѣровъ носъ. Дома онъ почти не живетъ: съ утра бродитъ по сосѣдямъ; въ одномъ мѣстѣ пообѣдаетъ, въ другомъ поужинаетъ, а къ ночи, ежели ноги таскаютъ, возвращается домой. Въ особенности часто бываетъ онъ у Струниковъ, при которомъ состоитъ въ качествѣ домашняго шута. Хозяйствомъ у него заправляетъ старуха жена да пожилая дочь, у которой одинъ глазъ вытекъ. Четверо сыновей находятся въ разбродѣ и не

только не помогаютъ родителямъ, но очень рѣдко шлютъ извѣстія о себѣ. Бѣдность, какъ говорится, непокрытая, такъ что даже Струникову никогда не приходило на мысль занять у Карѣича денегъ.

— А! Карѣичъ! какъ поживаешь? каково прижимаешь? — шутливо привѣтствуетъ старика Ѳедоръ Васильичъ: — зачѣмъ пожаловалъ?

— Присылали, значитъ.

— Кто присылалъ? съ роду не присылалъ! Эй! водки, да вчерашней телятины на закуску нарѣжьте! Садись, гость будешь. Какъ дѣла?

— Дѣла какъ слѣдуетъ. Вотъ теперь лѣто, запасемся всякаго нѣта, а зимой будемъ жить богато, со двора покато.

— Ври больше. У самого сусѣки отъ зерна ломятся, а онъ аллилуію поетъ! А я, братъ, распорядился: приказалъ старостѣ, чтобъ было у меня всего самъ-сёмъ — и шабашъ!

— Что вамъ безпокоиться, благодѣтель! Ежели бы вы и самъ-десять заказали, такъ и то какъ разъ въ самую пору было бы! Что захотите, то и будетъ.

— А что ты думаешь! и то дуракъ, что не заказалъ. Ну, да еще успѣется. Какъ Прасковья Ивановна? У Аринушки новый глазъ не выросъ ли, вмѣсто стараго?

— Все-то вы, сударь, шутите!

— Нисколько не шучу. Намедни съ городѣ судья мнѣ разсказывалъ: проявился въ Парижѣ фокусникъ, который новые глаза дѣлаетъ. Не понравились, напримѣръ, тебѣ твои глаза, сейчасъ къ нему: пожалуйста, мусьё, севупле! Живымъ манеромъ онъ тебѣ старые глаза выковыряетъ, а новые вставитъ.

— И видятъ?

— За сто верстъ видятъ. Хочешь голубые, хочешь черные — какіе вздумаешь. Ну, да тебѣ въ Парижъ пѣшкомъ далеко ходить: сказывай, гдѣ былъ, побывалъ?

— Ахъ, благодѣтель! бѣднякъ, что муха: гдѣ заборъ, тамъ и дворъ, гдѣ щель, тамъ и постель. Брожу, покуда ноги носятъ; у Затрапезныхъ побывалъ.

— Экъ тебя нелегкая за семь верстъ киселя ѣсть носила!

— И то сказать... Анна Павловна съ тѣмъ и встрѣтила: „безъ тебя, говоритъ, какъ безъ рукъ, и плюнуть не на что! людямъ, го-

воритъ, дыхнуть некогда, а онъ по гостямъ шляется!“ А мнѣ, признаться, одолжиться хотѣлось. Думалъ, не дастъ ли богатая барыня хоть четвертачекъ на бѣдность. Куда тебѣ! разсердилась, ногами затопала!—„Сиди, говоритъ, одинъ, коли пришелъ!—заниматься съ тобой некому. А четвертаковъ про тебя у меня не припасено“.

— Обѣдать-то дала ли?

— Покормили. Сунцу третьеводнишняго дала, да полотѣчка соленькаго съ душкомъ... Поѣлъ, отдохнулъ часокъ-другой, да и побрелъ въ обратную.

— Ишь вѣдь! по горло въ деньгахъ зарылась, а четвертака пожалѣла! Да развѣ тебѣ очень нужно?

— Ужъ такъ нужно, такъ нужно...

— Дѣлать нечего, придется, видно, для милаго дружка раскошеливаться. Приходи на-дняхъ—дамъ.

— По намеднишнему, небось, сдѣлаете! Мнѣ бы теперь...

— Теперь—не могу: за деньгами ходить далеко. А развѣ я намеднись обѣщалъ? Ну, позабылъ, братецъ, извини! Зато разомъ полтинничекъ дамъ. Я, братъ, не Анна Павловна; я... Да ты что-жъ на водку-то смотришь—пей!

Карнѣичъ выпиваетъ одну рюмку, потомъ другую; хочетъ третью налить, но Струнниковъ останавливаетъ его.

— Будетъ. Сразу опалѣть, видно, хочешь! пьетъ рюмку за рюмкой, словно нутро у него просмоленое!

Пеструшкинъ выпилъ и начинаетъ ѣсть. Онъ голоденъ и сразу уничтожаетъ всю принесенную телятину: но все-таки видно, что еще не сытъ.

— Тебѣ икры не хочется ли?

— Кабы...

— Ладно. Приходи черезъ недѣлю—дамъ. А теперь, выпей еще рюмку и давай „комедіи“ разыгрывать.

„Комедіи“ — любимое развлеченіе Струнникова, ради котораго, собственно говоря, онъ и прикармливаетъ Карнѣича. Собесѣдники удаляются въ кабинетъ; Оедоръ Васильичъ усаживается въ покойное кресло; Карнѣичъ становится противъ него въ позитуру. Обязанность его заключается въ томъ, чтобы отвѣчать на вопросы, предлагаемые гостепріимнымъ хозяиномъ. Собесѣдованія эти повторяются изо дня въ день въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, съ однимъ и тѣмъ же содер-

жаніемъ, но незамѣтно, чтобы частое ихъ повтореніе прискучило участникамъ.

— Сказывай, каковъ ты есь человѣкъ?—вопрошаетъ Струнниковъ.

— Человѣкъ божій, обшитъ кожей, покрытъ рогожей. Издали ни то, ни сё, а что ближе, то гаже.

— Правду сказалъ. Отчего у тебя такой носъ, что смотрѣть тошно?

— Мой носъ для двухъ росъ,—одному достался. А равнымъ образомъ и отъ пьянства.

— И это правда. Зачѣмъ ты бороду отростилъ?

— Борода глазамъ замѣна: кто бы плюнулъ въ глаза—плюнетъ въ бороду.

— Хорошо. Сказалъ ты, что человѣкъ есь: а кромѣ того, еще что?

— Кромѣ сего, государя моего потехонскій дворянинъ. Имѣю въ селѣ Словущенскомъ пятнадцать душъ крестьянъ. изъ коихъ двѣ находятся въ бѣгахъ, а прочія въ потѣ лица спискиваютъ для господина своего скудное пропитаніе.

— Что такое есть русскій дворянинъ?

— Дворянинъ есть имя общее, знаменитое. Дворяниномъ называется всякій потомственный слуга Престолъ-Отечества, начиная съ Ѳедора Васильича Струнникова и кончая Степаномъ Карпѣевымъ Пеструшкинымъ и Марьей Маревной Золотухиной.

— Что скажешь объ обязанностяхъ дворянина?

— Дворянинъ долженъ подавать примѣръ прочимъ. Онъ обязанъ быть почтителенъ къ старшимъ, вѣжливъ съ равными и снисходителенъ къ низшимъ. Отсутствіе гордости, забвеніе обидъ и великодушіе къ врагамъ составляютъ лучшее украшеніе, которымъ гордится русскій дворянинъ.

Слѣдуетъ еще нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ непечатнаго свойства, и собесѣдники переходятъ уже къ настоящимъ „комедіямъ“. Карпѣичъ представляетъ разнообразные эпизоды изъ житейской практики сосѣднихъ помѣщиковъ. Какъ Анна Павловна Затрапезная повару обѣдъ заказываетъ; какъ Пёсъ (Петръ) Васильичъ крестьянскіе огороды по ночамъ грабитъ; какъ овсецовская барыня мужа по щекамъ бьетъ и т. д. Все это Карпѣичъ продѣлываетъ такъ живо и образно, что Струнниковъ захлебывается отъ наслажденія.

Наконецъ, репертуаръ истощился. Ѳедоръ Васильичъ начинаетъ потирать животъ и посматриваетъ на часы. Половина второго, а обѣдать подаютъ въ три.

— Хоть бы ты новенькое что-нибудь придумалъ, а то все одно да одно,—обращается онъ къ Карпѣичу:—еще полтора часа до обѣда остается—пропадешь со скуки. Пляши.

— Радъ бы, да не могу, благодѣтель: ноги не служатъ. Было время, плясывалъ я. Плясалъ, плясалъ, да и доплясался.

— Чего „доплясался“! все-то ты, старый песъ, клянчишь! какого еще тебѣ рожна нужно!

— Оно конечно... Чужую бѣду руками разведу... Да вѣдь и другая пословица на этотъ предметъ есть: бѣда не дуда; станешь дуть—слезы идутъ. Вотъ оно, сударь, что!

— А ты привыкай. Дуй себѣ да дуй. На меня смотри: слыхалъ развѣ когда-нибудь, чтобъ я на бѣду пожаловался? А у меня однихъ дѣловъ столько, что въ сутки не передѣлаешь. Вотъ это такъ бѣда!

— Какая это бѣда! плюнуть да растереть...

— Попробуй! Давеча губернаторъ съ бумагой взошелъ; спрашиваетъ, какой у насъ въ уѣздѣ духъ?—А я почемъ знаю!

— Тсс..

— Ему-то съ полàгоря: бросилъ камень въ воду, а я его вытаскивай оттолѣ! Чу! никакъ кто-то пріѣхалъ?

Струниковъ прислушивается и ждетъ. Черезъ минуту въ передней слышится движеніе.

— Федулъ Ермолаевъ пріѣхалъ!—докладываетъ лакей.

Струникова слегка передергиваетъ. Федулъ Ермолаевъ—капитальный экономическій мужичокъ, которому Ѳедоръ Васильичъ долженъ изрядный кушъ. Навѣрное, онъ денегъ проситъ пріѣхалъ; будетъ разговаривать, надоѣдать. Кабы заранѣе предвидѣть его визитъ, можно было бы къ сосѣдямъ уйти или дома не сказаться. Но теперь ужъ поздно; хочешь не хочешь, а приходится принимать гостя... нелегкая его принесла!

— Дожидайся! такъ я и отдалъ!—свирѣпо ворчитъ онъ сквозь зубы.—Зови!

Входитъ высокій и статный мужикъ въ синемъ суконномъ армякѣ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ. Это, въ полномъ смыслѣ слова, русскій молодецъ, съ веселыми глазами, румянымъ лицомъ, обрамлен-

нымъ русыми волосами и шелковистой бородой. Отъ него такъ и пышетъ здоровьемъ и бодростью.

— Федулъ Ермолаичъ! сколько лѣтъ, сколько зимъ! Садись, братъ, гость будешь! — привѣтствуетъ его Струнниковъ: — Эй! кто тамъ! водки и закуски!

— Не извольте безпокоиться — не стану, — отказывается гость, присаживаясь: — на минуточку я... дѣла въ вашей сторонѣ нашлись...

— Не успѣлъ взойти, а ужъ „на минуточку“! Куда путь-дорогу держишь?

— Раздина Надежда Савельевна звала. Пустошоночка у нея залишняя оказалась, продать охотится. А мы отъ добрыхъ дѣловъ не прочь.

— Когда же ты отъ добрыхъ дѣловъ отказываешься! Скоро всѣ пустоша по округѣ скупишь; столько земли наберешь, что всѣхъ помѣщиковъ перещеголяешь.

— Гдѣ намъ! Оно точно, что ва́лошами *), по малости, торгуемъ, такъ скотинку въ пустошахъ нагуливаемъ. Ну, а около скотины и хлѣбопашествомъ тоже по малости занимаемся.

— Сказывай: „по малости“! Куры денегъ не клюютъ, а онъ смиренникомъ прикидывается!

— Зачѣмъ прикидываться! Мы свое дѣло въ открытую ведемъ; слава Богу, довольны, не жалуемся. А я вотъ объ чемъ васъ хотѣлъ, Ѳедоръ Васильичъ, просить: не пожалуете ли мнѣ сколько-нибудь должку?

— А я развѣ тебѣ долженъ?—шутитъ Струнниковъ.

— Да тысячекъ съ семь побольше будетъ.

— А я думалъ, только три. И когда вы, чортъ васъ знаетъ, накапливаете!

— Помилуйте! я и записочки ваши захватилъ. Половинку бы мнѣ... съ Раздиной разсчитался бы.

— Половинку! чудакъ, братецъ, ты! зачѣмъ же третьяго-дня не пріѣзжалъ? Я бы тебѣ въ ту пору хоть всѣ съ удовольствіемъ отдалъ!

— Какъ же это, сударь, такъ?

---

*) „Ва́лошами“ называются въ нашей мѣстности волы.

— Да такъ вотъ; третьяго-дня были деньги, а теперь ихъ нѣтъ... ау!

— Сколько ужъ времени, Ѳедоръ Васильичъ, прошло!

— И больше пройдетъ—ничего не подѣлаешь. Приходи, когда деньги будутъ — слова не скажу, отдамъ. Даже самъ взаймы дамъ, коли попросишь. Я, братъ, простыня-человѣкъ; есть у меня деньги —бери; нѣтъ—не взыщи. И закона такого нѣтъ, чтобы деньги отдавать, когда ихъ нѣтъ. Это хоть у кого хочешь спроси. Карпѣичъ! ты законы знаешь—есть такой законъ, чтобы деньги платить, когда ихъ нѣтъ?

— Не слыхалъ. Много есть законовъ, а объ такомъ не слыхалъ.

— Вотъ видишь! ужъ если Карпѣичъ не слыхалъ—значитъ, и разговаривать нечего!

Ермолаевъ слегка мнется, какъ будто у него въ головѣ сложилась какая-то комбинація, и, наконецъ, произноситъ:

— Вотъ что̀, сударь, я вамъ предложить хочу. Пустошоночка у васъ есть, „Голубиное Гнѣздо“ называется. Вамъ она не къ рукамъ, а я бы въ ней пользу нашелъ.

— Какъ тебѣ пользы не найти. Ты и самого меня заглотаешь —пользу найдешь.

— На что же-съ! Въ ней, въ пустопюпочкѣ-то, и всего десятинъ семьдесятъ врядъ ли найдется, такъ я бы на кругъ по двадцати рубликовъ заплатилъ. Часточку долга и скостили бы, а остальное я бы подождалъ.

— Нельзя.

— Отчего же-съ? Цѣна, кажется, настоящая.

— Хоть разнастоящая, да нельзя.

— Помилуйте! что̀ же такое?

— А то и „такое“, что земля не моя, а женина, а она на этотъ счетъ строга. Кабы моя земля была, я слова бы не сказалъ; вотъ у меня въ Чухломѣ болота тысяча десятинъ — бери! Даже еслибъ и женину землю можно было полегоньку, безъ купчей, продать—и тутъ бы я слова не сказалъ...

— Уговорить Александру Гавриловну можно.

— Попробуй!

Наступаетъ минута молчанія. Ермолаевъ испускаетъ тяжкій и продолжительный вздохъ.

— А я, было, понадѣялся,—произноситъ онъ,—и къ Рандинымъ па-двое выѣхалъ; думалъ: ежели не сладится дѣло съ вами—поѣду, а сладится, такъ и ѣхать безъ нужды не для чего.

— Стало быть, ѣхать нужно.

— И то, видно, ѣхать. Какъ же, сударь, должокъ?

— Присталъ! Русскимъ языкомъ говорятъ: когда будутъ деньги—все до копѣйки отдамъ!

Федулъ Ермолаичъ снова вздыхаетъ, но, наконецъ, рѣшается сняться съ мѣста.

— Нечего, видно, съ вами дѣлать, Ѳедоръ Васильичъ,—говоритъ онъ:—а я, было, думалъ... Простите, что побезпокоилъ напрасно.

Онъ ужъ совсѣмъ собрался уходить, какъ Струнникову внезапно приходитъ въ голову счастливая мысль.

— Стой!—восклицаетъ онъ:—лѣсу на срубъ купить хочешь?

— Не занимаемся мы лѣсами-то. По здѣшнему мѣсту дѣвать ихъ некуда. Выгоды мало.

— А ты займись. Я бы тебѣ Красный-Рогъ на срубъ продалъ; въ немъ сто десятинъ будетъ. Лѣсъ-то какой! соснякъ! Любое дерево на мельничный валъ продавай.

— Ничего лѣсокъ. Не занимаемся мы—вотъ только что. Да опять и лѣсъ не вашъ, а Александры Гавриловны.

— Ничего; на срубъ она согласится. Она, брать, насчетъ лѣсовъ глупа. Намеднись еще говорила: „только дороги эти лѣса портятъ, вырубить бы ихъ“.

— Это точно, что въ лѣсу дороги...

— Ну, вотъ; скажу ей, что нашелся простофиля, который согласился вырубить Красный-Рогъ, да еще деньги за это даетъ—она даже рада будетъ. Только я, другъ, этотъ лѣсъ дешево не продамъ!

— А какъ по вашему?

— Да по сту рублей за десятину—вотъ какъ!

Сказавши это, Струнниковъ широко раскрываетъ глаза, словно и самъ своимъ ушамъ не вѣритъ, какая такая цифра слетѣла у него съ языка. Ермолаевъ, въ свою очередь, вскочилъ и начинаетъ креститься.

— За всю-то угоду, значитъ, десять тысячъ?—вопрошаетъ онъ въ изумленіи:—прощенья просимъ! извините, что обезпокоилъ васъ.

— Чего? куда бѣжишь? Ты послушай! Я тебѣ что говорю! Я

говорю: десять тысячъ, а ежели это тебѣ дорого кажется, такъ я и на семь согласенъ.

— И семь тысячъ—много денегъ.

— Заладила сорока Якова: много денегъ! Вспомни, лѣсъ-то какой! деревья одно къ одному, словно солдаты, стоятъ! Сколько же по твоему?

— По моему, тысячки бы три съ половиной.

Торгъ возобновился. Наконецъ, устанавливается цифра въ пять тысячъ ассигнаціонныхъ рублей, на которую обѣ стороны согласны.

— Только вотъ что. Уговоръ пуще денегъ. Продаю я тебѣ сто десятинъ, а женѣ скажемъ, что всего семьдесятъ-пять. Это чтобы ей въ носъ бросилось!

— Какъ же такъ? чай, условіе писать будемъ?

— И условіе такъ напишемъ: семьдесятъ-пять десятинъ, *и-ли болѣе или менѣе*... Карпычъ? такъ можно?

— И завсегда такъ условія пишутъ.

— Видишь, и Карпычъ говоритъ, что можно. Я, братъ, человѣкъ справедливый: коли дѣлать дѣла, такъ чтобъ было по чести. А второе—вотъ что. Продаю я тебѣ лѣсъ за пять тысячъ, а женѣ скажемъ, что за четыре. Три тысячи ты долгу скостишь, тысячу женѣ отдашь, а тысячу—мнѣ. До зарѣзу мнѣ деньги нужны.

— А я, было, думалъ—всѣ пять тысячъ изъ долгу вычесть.

— Шутишь. Я, братъ, и самъ съ усамъ. Какая же мнѣ выгода задаромъ лѣсъ отдавать, коли я и такъ могу денегъ тебѣ не платить.

Ермолаевъ съ минуту колеблется, но, наконецъ, рѣшается.

— Что съ вами дѣлать! Только для васъ...—произноситъ онъ съ усиліемъ.—Долгу-то много еще останется: слишкомъ четыре тысячи.

— Я ихъ тебѣ на томъ свѣтѣ каленными орѣхами отдамъ. Къ Раздинымъ поѣдешь?

— Какъ же-съ; пустошоночка-то все-таки нужна.

— Ну, счастливо. Дорого не давай — ей деньги нужны. Прощай! Да и ты, Карпычъ, домой ступай. У меня для тебя обѣда не припасено; а вотъ когда я съ него деньги получу — синенькую тебѣ подарю. Ермолаичъ! ужъ и ты расшибись! выброси ему синенькую на бѣдность!

Ермолаевъ вынимаетъ изъ-за пазухи бумажникъ и выдаетъ просимую сумму.

Карѣичъ уходитъ домой, обрадованный и ободренный. Грубо выпроводилъ его отъ себя Струнниковъ, но онъ не обижается: знаетъ, что самъ виноватъ. Прежде онъ часто у патрона своего обѣдывалъ, но однажды случился съ нимъ грѣхъ: не удержался, въ салфетку высморкался. Разумѣется, патронъ разсвирѣпѣлъ.

— Коли ты, свинтусъ, въ салфетки сморкаться выдумалъ, такъ ступай изъ-за стола вонъ!—крикнулъ онъ на него:—и не смѣй на глаза мнѣ показываться!

И съ тѣхъ поръ, какъ только наступаетъ обѣденный часъ, такъ Струнниковъ безпощадно гонитъ Карѣича домой.

Обѣдать приходится самъ-другъ; но на этотъ разъ Ѳедоръ Васильичъ даже доволенъ, что нѣтъ постороннихъ: надо объ „дѣлѣ“ съ женой переговорить. Начинается сцена объясненія. Къ удовольствію Струнникова, Александра Гавриловна даже не задумывается.

— Гдѣ же это... Красный-Рогъ?—спрашиваетъ она совершенно равнодушно.

— А тамъ... не доходя, прошедши,—шутитъ онъ въ отвѣтъ.

— Много ли же Ермолаевъ даетъ?

— Четыре тысячи. Три тысячи долга похерить, а тысячу—тебѣ... чистоганомъ.

— Стало быть, за тысячу рублей?

— Говорятъ: за четыре. Долгъ-то вѣдь тоже когда-нибудь платить придется.

— Все равно. денегъ только тысяча рублей будетъ.

Струнниковъ начинаетъ безпокоиться. Съ Александрой Гавриловной это бываетъ: завернетъ совсѣмъ неожиданно въ сторону—и не вытащишь ее оттуда. Поэтому онъ не доказываетъ, что долгъ—тѣ же деньги, а пытается какъ-нибудь замять встрѣтившееся препятствіе, чтобъ жена забыла о немъ.

— Ну, да,—говоритъ онъ.—всѣ тысячу рублей разомъ и получишь. Накупишь въ Москвѣ токовъ *) и будешь здѣсь зимой на балахъ щеголять.

— Ужъ, конечно, ни копѣйки тебѣ не отдамъ.

---

*) Токъ—головной уборъ.

— Мнѣ на что! у меня своихъ денегъ дѣвать некуда.

Препятствіе устранилось. Мысли Александры Гавриловны разбрелись въ разныхъ направленіяхъ.

— Однако, дуракъ онъ! —произноситъ она, аппетитно свертывая тоненькій ломтикъ ветчины.

— Кто дуракъ?

— Да Ермолаевъ твой. Всѣ его умнымъ человѣкомъ прославили, а по моему онъ просто дуракъ. Даетъ тысячу рублей за лѣсъ, а кому онъ нуженъ?

— И на старуху бываетъ поруха. Вотъ про меня говорятъ, что я простыня, а я, между прочимъ, умнаго-то человѣка въ лучшемъ видѣ обвелъ. Такъ какъ же, Сашенька,—по рукамъ?

— Мнѣ что-жъ! только ежели условіе будемъ писать, такъ чтобъ онъ какъ можно скорѣе лѣсъ срубилъ.

— Это ужъ само собой.

Супруги выходятъ изъ-за стола довольные другъ другомъ. Александра Гавриловна мечтаетъ, что, получивши деньги, она на пятьсотъ рублей закажетъ у Сихлерши два платья. Въ одномъ появится 31-го декабря у себя на балу, когда сосѣди съѣдутся къ нимъ Новый годъ встрѣчать, въ другомъ—въ субботу на масляницѣ, когда у нихъ назначается folle journée. Первое будетъ свѣтло-лиловое, атласное, второе—изъ синяго гроденапля. Платья будутъ стоить не больше пятисотъ рублей, а на остальные пятьсотъ она брильянтиковъ купитъ. Надо же парюры освѣжить. Кстати: взглянуть, каковы-то у нея цвѣты? Она вынимаетъ изъ шифоньерки нѣсколько коробокъ съ искусственными цвѣтами и разсматриваетъ, можно ли будетъ употребить ихъ въ дѣло. Оказывается, что цвѣты еще совсѣмъ свѣжи, точно сейчасъ изъ магазина вышли. Она считаетъ себя экономною, и находка очень ее радуетъ. Она подходитъ къ зеркалу и заранѣе отыскиваетъ мѣсто для цвѣтовъ. Вотъ этотъ букетъ она приколетъ къ корсажу: вотъ эту гирлянду — по юбкѣ пуститъ. Хорошо, что она сохранила цвѣты, а то, пожалуй, на два платья пятисотъ рублей и не хватило бы. Рѣшено. Осенью она ѣдетъ въ Москву и все устроитъ. А Ѳедору Васильичу ни копѣйки не дастъ. Будетъ. Пускай откуда хочетъ, оттуда и достаетъ—ей что за дѣло!

Струнниковъ, съ своей стороны, тоже доволенъ. Но онъ не мечтаетъ, во-первыхъ, потому, что отяжелѣлъ послѣ обѣда и едва мо-

жетъ добрести до кабинета, и, во-вторыхъ, потому, что мечтанія вообще не входятъ въ его жизненный обиходъ; онъ предпочитаетъ проживать деньги какъ придется, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Придя въ кабинетъ, онъ снимаетъ платье, надѣваетъ халатъ и бросается на диванъ. Черезъ минуту громкій храпъ возвѣщаетъ, что излюбленный человѣкъ въ полной мѣрѣ воспользовался послѣобѣденнымъ отдыхомъ.

Въ шесть часовъ онъ проснулся, и изъ кабинета раздается протяжный свистъ. Вбѣгаетъ буфетчикъ, неся на подносѣ графинъ съ холоднымъ квасомъ. Ѳедоръ Васильичъ выпиваетъ сряду три стакана, отфыркивается и отдувается. До чаю еще остается цѣлый часъ.

— Каково на дворѣ?

— Солнышко. Тепло-съ.

— У васъ всегда тепло. Шкура толста, не проймешь. Никто не пріѣзжалъ?

— Никого не было-съ.

— Ахъ, пёсъ ихъ возьми! Именно, какъ псы, по конурамъ попрятались. Ступай. Сегодня я одѣваться не стану; и такъ похожу. Хоть бы чай поскорѣе!

Струпниковъ начинаетъ расхаживать взадъ и впередъ по анфиладѣ комнатъ. Онъ заложилъ руки назадъ; халатъ распахнулся и раскрылъ нижнее бѣлье. Ходитъ онъ и ни о чемъ не думаетъ. Проноетъ: „Спаси, Господи, люди Твоя“, потомъ „Слава Отцу“, потомъ вспомнитъ, какъ протодіаконъ въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ, многолѣтіе возглашаетъ, оттопыритъ губы и старается подражать. По временамъ заглянетъ въ зеркало, увидитъ: вылитый монсъ! Проходя по залѣ, посмотритъ на часы и обругаетъ стрѣлку.

— Ишь вѣдь, бредетъ не бредетъ! какъ стояла на четверть-седьмомъ, такъ и теперь четверть седьмого показываетъ. А та бестія, часовая, и совсѣмъ не двигается.

Но вотъ уже близко. Раздается свистъ.

— Неужто никто не пріѣзжалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Да вы, вороны, не просмотрѣли ли? Позвать Снегубова.

— Они, Ѳедоръ Васильичъ, лыка не вяжутъ-съ.

— Пьянъ?—ну, чортъ съ нимъ!.. О-о-охъ!

Бьетъ семь. Приходится пить чай самъ-другъ.

Самоваръ поданъ. На столѣ цѣлая груда чищенной клубники, печенье, масло, сливки и окорокъ ветчины. Струниковъ съѣдаетъ глубокую тарелку ягодъ со сливками и выпиваетъ двѣ большихъ чашки чая, заѣдая каждый глотокъ ветчиной съ масломъ.

— А я ужъ распорядилась съ деньгами, — сообщаетъ Александра Гавриловна.

— Ну, и слава Богу.

— Осенью въ Москву поѣду и закажу у мадамъ Сихлеръ два платья. Это будетъ рублей пятьсотъ стоить, а на остальныя бриллянтиковъ куплю.

— Отлично.

— Только если этихъ денегъ недостанетъ, такъ ты ужъ доплати.

— Непремѣнно... послѣ дождичка въ четвергъ. Вотъ, коли родишь мнѣ сына, тогда и еще тысячу рублей дамъ.

— Опять ты за свои глупости принялся!

— Ей-Богу, дамъ. А дочь родишь—бѣленькую дамъ. Такой ужъ уговоръ. Такъ ты, говоришь, въ Москву поѣдешь?

— Разумѣется. Не дома же платья шить.

— Ладно; и я съ тобою поѣду... О-о-охъ! чтой-то мнѣ словно душно!

— Еще бы! хоть бы ты на воздухъ вышелъ.

— Это куда?

— Въ садъ, что-ли. Походилъ бы.

— Что я тамъ позабылъ!

Чай выпитъ; дѣлать рѣшительно нечего.

— Эй, кто тамъ? староста не приходилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Хороводится тамъ... Саша! давай въ дураки играть!

— Давай.

Начинается игра. Струниковъ играетъ равнодушно; Александра Гавриловна, напротивъ, кипятится и на каждомъ шагу уличаетъ мужа въ плутняхъ.

— Это что за мода такая! началъ ужъ разомъ съ шести картъ ходить!

— Ну-ну, не важность. Вотъ ты мнѣ тройку подвалила.—

развѣ такія тройки бываютъ! Десятка съ девяткой—ахъ ты, сдѣлай милость!—отставь назадъ.

Но именно потому, что Александра Гавриловна горячится, она проигрываетъ чаще, нежели мужъ. Оставшись нѣсколько разъ сряду дурой, она съ сердцемъ бросаетъ карты и уходитъ изъ комнаты, говоря:

— Вотъ ужъ правду пословица говоритъ: дуракъ спитъ, а счастье у него въ головахъ стоитъ. Не хочу играть.

— И не надо; для тебя же вѣдь я... О-о-охъ, что-то мнѣ нынче съ утра душно!

„Динь-динь-динь!“—раздается вдругъ колокольчикъ. Струнниковъ стремительно вскакиваетъ и прислушивается.

— Девятый часъ. Кого это нелегкая въ такую пору принесла! —ворчитъ онъ.

— Становой пріѣхалъ! — докладываетъ лакей: — одѣваться изволите?

— И такъ хорошъ. Зови.

Должность станового тогда была еще вновѣ; но ужъ съ самаго начала никто на этотъ новый институтъ упованій не возлагалъ. Такое ужъ было неуповательное время, что какъ, бывало, ни переименовываютъ—все проку нѣтъ. Были дворянскіе засѣдатели—ихъ куроцапами звали; вмѣсто нихъ, становыхъ приставовъ завели—тоже куроцапами зовутъ. Ничего не подѣлаешь.

Входитъ становой, пожилой человѣкъ довольно жалкаго вида. На немъ вицъ-мундиръ, который онъ, повидимому, надѣлъ, въѣзжая въ околицу села. Ведетъ онъ себя передъ предводителемъ смиренно, даже робко.

— А, господинъ становой! тебя только недоставало! Сейчасъ будемъ ужинать,—куда Богъ несетъ?

— Господинъ исправникъ на завтра въ городъ вызываютъ.

— Зачѣмъ?

— И самъ, признаться, не знаю. Не объясняютъ.

— А коли вызываетъ да не объясняетъ, зачѣмъ—значитъ, пиши пропало. Это ужъ вѣрно.

— За что бы, кажется...

— За пакостныя дѣла—больше не за что. За хорошія дѣла не вызовутъ, потому не за чѣмъ. Вотъ, напримѣръ, я: сижу смирно,

свое дѣло дѣлаю—зачѣмъ меня вызывать! Курица мнѣ въ супъ понадобилась, молока горшокъ, яйца—я за все деньги плачу. О чемъ со мной разговаривать! чего на меня смотрѣть! Лицо у меня чистое, безъ отмѣтинъ—ничего на немъ не прочтешь. А у тебя на лицѣ узоры написаны.

— Чтой-то ужъ, Ѳедоръ Васильичъ!

— Нечего „чтой-то“! Я, братъ, насквозь вижу. У меня, что-ли, ночевать будешь?

— Никакъ не возможно-съ. Въ Кувшинниково еще заѣхать нужно. Палъ слухъ, будто мертвое тѣло тамъ открылось. А завтра, чуть свѣтъ, въ городъ поспѣвать.

— Вотъ хоть бы мертвое тѣло. Кому горе, а тебѣ радость. Умеръ человѣкъ; поди, плачутъ по немъ, а ты веселишься. Пріѣдешь, всѣхъ куръ по дворамъ перешаришь, въ лоскъ деревню-то разоришь... за что, про что?

— Помилуйте, неужто же я злодѣй!

— И не злодѣй, а привычка у тебя пакостная: не можешь видѣть, гдѣ плохо лежитъ. Ну, да будетъ. Жаль, братъ, мнѣ тебя, а понадешь ты подъ судъ—вѣрное слово говорю. Эй! кто тамъ! накрывайте живѣе на столъ!

Покуда накрываютъ ужинать, разговоръ продолжается въ томъ же тонѣ и духѣ. Безсвязный, безтолковый, грубо-назойливый.

Ужинъ представлялъ собой подобіе обѣда, начиная съ супа и кончая пирожнымъ. Ѳедоръ Васильичъ безпрестанно потчуетъ гостя, но такъ потчуетъ, что у того коломъ въ горлѣ кусокъ становится.

— Ѣшь, братъ,—говоритъ онъ:—у меня свое, не краденое! Я не то, что другіе-прочіе: я за все чистыми денежками плачу. Коли своихъ куръ не случится—покупаю; коли яицъ нѣтъ—покупаю! Меня, братъ, въ городъ не вызовутъ.

Или:

— Пей водку. Самъ я не пью, а для пьяницъ—держу. И за водку деньги плачу. Ты отъ откупщика даромъ ее получаешь, а я покупаю. Дворянинъ я—оттого и веду себя благородно. А еслибы я приказной строкой былъ, можетъ быть, и я водку бы жралъ да по кабакамъ бы христарадничалъ.

Словомъ сказать, насилу несчастный земскій чинъ конца до-

ждался. Но и на прощанье Струниковъ не удержался и пустилъ ему въ догонку:

— Провожать я тебя не выйду—это ужъ, братъ, ау! А ежели со службы тебя выгонятъ—синенькую на бѣдность пожертвую. Прощай.

Пора спать. Ѳедоръ Васильичъ съ трудомъ вылѣзаетъ изъ кресла и, пошатываясь, направляется въ общую спальню.

— Староста дожидается,—напоминаетъ лакей.

— Некогда. Скажи, чтобъ завтра пришелъ.

Я могъ бы привести еще нѣсколько примѣрныхъ дней—пріѣздъ гостей, званые обѣды, балы и т. д.—но полагаю, что изложеннаго выше вполнѣ достаточно, чтобы обрисовать моего героя. Сосѣди ѣзжали къ Струниковымъ часто и охотно, особенно по зимамъ, такъ какъ усадьба ихъ, можно сказать, представляла собой въѣзжій домъ, въ которомъ всякій ѣлъ, пилъ и жилъ сколько угодно. Ѣздили и въ одиночку, но больше сговаривались компаніей, потому что хозяинъ на народѣ просить деньги взаймы совѣстился. Наѣзды эти производили въ домѣ невообразимую суматоху; но послѣдняя уже сдѣлалась какъ бы потребностью праздной жизни, такъ что не она дѣйствовала угнетающимъ образомъ на нервы, а порядокъ и тишина.

Самъ Ѳедоръ Васильичъ очень рѣдко ѣзжалъ къ сосѣдямъ, да, признаться сказать, никто особенно и не жаждалъ его посѣщеній. Во-первыхъ, пріемъ такого избалованнаго идола требовалъ издержекъ, которыя не всякому были по карману, а во-вторыхъ, пріѣдетъ онъ, да пожалуй еще нагрубитъ. А не нагрубитъ, такъ денегъ выпроситъ,—а это ужъ упаси Богъ!

Шли годы; Струниковъ изъ трехлѣтія въ трехлѣтіе переходилъ въ званіи предводителя, словно оно приросло къ нему. Явился-было однажды конкурренть, въ лицѣ обрусѣлаго француза Галопена, владѣльца—тоже по женѣ—довольно большого оброчнаго имѣнія, который вознамѣрился „освѣжить“ нашъ край, возложивъ на себя бремя его представительства. Но успѣха „поджарый французъ“ не имѣлъ, а только денегъ понапрасну цѣлую уйму извелъ. Пріѣхалъ онъ въ уѣздный городъ (устроенной усадьбы у него въ имѣніи не было) мѣ-

сяца за два до выборовъ, нанялъ просторный домъ, убралъ его коврами и объявилъ открытый столъ для господъ дворянъ. И ѣли, и пили у него за это время съ три-пропасти, но когда наступилъ срокъ выборовъ, то въ губернскій городъ отправились все тѣ же выборные элементы, какъ и всегда, и поднесли Ѳедору Васильичу на блюдѣ бѣлые шары. Это до того умилило Струнникова, что онъ прослезился и всѣхъ заслюнявилъ, цѣлуясь. А Галкинъ такъ съ пустомъ и уѣхалъ во-свояси.

Въ 1848 году показалось, однако, чуть замѣтное движеніе, которое возвѣстило Струнникову, что и для излюбленныхъ людей проходитъ пора беспечальнаго житія. Въ губернію пріѣхалъ новый губернаторъ и погрозилъ оттолѣ. Помѣщику Григорію Александровичу Перхунову, о которомъ дошло до свѣдѣнія, что онъ шумаркаетъ, велѣно было внушить, чтобы сидѣлъ смирно. А въ заключеніе, предводитель получилъ бумагу съ надписью: „весьма секретно“, въ которой уже настойчиво требовались свѣдѣнія о духѣ, господствующемъ въ уѣздѣ, и впервые упоминалась кличка: „соціалисть“.

— Скажи ты мнѣ, что за специалисты такіе проявились?—тоскливо допытывался Ѳедоръ Васильичъ у Синегубова.

— Не знаю-съ. Стало быть, „специями“ занимаются,—отвѣтилъ Иванъ Ѳомичъ.

Однако, спустя короткое время, пронесся разъяснительный слухъ, что въ Петербургѣ накрыли тайное общество злонамѣренныхъ молодыхъ людей, которые въ карты не играютъ, по трактирамъ не ходятъ, шпинбаловъ не посѣщаютъ, а только книжки читаютъ и промежду себя разговариваютъ. Струнниковъ серьезно обезпокоился и самолично полетѣлъ къ Перхунову, который, какъ объ этомъ упомянуто выше, уже былъ однажды заподозрѣнъ въ вольнодумствѣ.

— Брось ты это, сдѣлай милость!—приступилъ онъ къ вольнодумцу.

— Что̀ такое „это“?

— Книжки брось!

— У меня и книжекъ въ заводѣ нѣтъ. Купить—не на что: выпросить—не у кого.

— Ну, разговаривать брось.

— Неужто и разговаривать нельзя?

— Стало быть, нельзя. Вотъ, я тебя до сихъ поръ умнымъ че-

ловѣкомъ считалъ, а выходитъ, что ни капельки въ тебѣ ума нѣтъ. Говорятъ, нельзя—ну, и нельзя.

Однако кутерьма кое-какъ улеглась, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что хотя опасность грозила немалая, но начальственная бдительность задушила гидру въ самомъ зародышѣ. Струпниковъ уже снова вналъ-было въ забытье, какъ вдругъ зашумѣлъ турка, а велѣдъ за тѣмъ открылась англо-французская кампанія. Прогремѣлъ Синопъ; за нимъ Альма, Севастополь...

Рекрутскіе наборы слѣдовали одинъ за другимъ; раздался призывъ къ ополченію; предводители получали бумаги о необходимости поднятія народнаго духа вообще и дворянскаго въ особенности: помѣщики оживились, откупщики жертвовали винныя порціи... Каждому уѣзду предстояло выставить почти цѣлую армію, одѣтую, обутую, снабженную продовольствіемъ.

Я не говорю, чтобы Струпниковъ пользовался чѣмъ-нибудь отъ всѣхъ этихъ снабженій, но на глазахъ у него происходило самое наглое воровство, въ которомъ принималъ дѣятельное участіе Снегубовъ, а онъ между тѣмъ считался главнымъ распорядителемъ дѣла. Воры дѣйствовали такъ нагло, что чуть не въ глаза называли его колпакомъ (въ нынѣшнее время сказали бы, что онъ стоитъ не на высотѣ своего призванія). Ему, впрочемъ, и самому нерѣдко казалось, что кругомъ происходитъ что-то неладное.

— Неразбериха пошла! въ отставку подавать пора!—твердилъ онъ, уныло поникая головой.

Но, разумѣется, въ отставку не подалъ, да и помѣщики наши не допустили бы его до этого, хотя Галошенъ, по случаю ополченія, опять посѣтилъ нашъ край, предлагая свои услуги.

Но все на свѣтѣ кончается; наступилъ конецъ и тревожному времени. Въ 1856 году Ѳедоръ Васильичъ съѣздилъ въ Москву. Тамъ уже носились слухи о предстоящихъ реформахъ, но онъ, конечно, не повѣрилъ имъ. Цѣлый годъ послѣ этого просидѣлъ онъ спокойно въ Словущенскомъ, унитывая свое тѣло, прикармливая сосѣдей и строго наблюдая, чтобы никто „объ этомъ“ даже заикнуться не смѣлъ. Какъ вдругъ пришло достовѣрное извѣстіе, что „опо“ рѣшено и подписано.

Первый сообщилъ ему эту вѣсть вольнодумецъ Перхуновъ.

— Слышали?—произнесъ онъ шопотомъ, чуть не на цыпочкахъ входя въ кабинетъ.

— Чего слышать! всѣхъ глупостей не переслушаешь!—отрѣзалъ Струнниковъ совершенно увѣренно.

— Волю даютъ!

— А ты знаешь ли, что я тебя за эти слова къ исправнику отправлю, да напишу, чтобы онъ хорошенько тебя поучилъ!—пригрозилъ Ѳедоръ Васильичъ, не теряя самообладанія.

— Мнѣ что жъ... отправляй, пожалуй! Я собственными глазами, два часа тому назадъ, въ „Вѣдомостяхъ“ читалъ.

— И это совралъ. Не могъ ты читать, потому что *этого* нѣтъ. А чего нѣтъ, такъ и въ „Вѣдомостяхъ“ того не можетъ быть.

— Да говорятъ же тебѣ...

— Нѣтъ этого... и быть не можетъ—вотъ тебѣ и сказъ. Я тебя умнымъ человѣкомъ считалъ, а теперь вижу, что ни капельки въ тебѣ ума нѣтъ. Не можетъ этого быть, потому ненатурально.

— Напечатано, тебѣ говорятъ.

— И напечатано, а я не вѣрю. Коли напечатано, такъ всему и вѣрить? Всегда были рабы, и всегда будутъ. Это щелкоперы французы выдумали: перметте-бонжуръ да команъ ву порте ву—имъ это позволительно. Бѣгаютъ, куцые, да лягушатину жрутъ. А у насъ государство основательное, настоящее. У насъ, братъ, за такія слова и въ кутузкѣ поспдѣть недолго.

Но не прошло и четверти часа, какъ прикатилъ Петръ Васильичъ Кутянинъ. И онъ вошелъ на цыпочкахъ, словно остерегался, чтобы даже шаги его не были услышаны, кому вѣдать о семъ не надлежитъ.

— Волю... волю дали!—началъ онъ, притаивъ дыханіе.

— Да что вы, взбеленились, что-ли?—прикрикнулъ Струнниковъ, наступая на Кутянина, такъ что тотъ попятился.

— Въ газетахъ... помилуйте!

За Кутянинымъ съ села прибѣжали: Карпычъ, два брата Безкормицыны, Анна Ивановна Зацѣпова. Эти не читали въ газетахъ, но тоже слышали.

— Что жъ это такое, Ѳедоръ Васильичъ, съ нами будетъ?—приставала госпожа Зацѣпова.

— Что будетъ, то и будетъ—только и всего! Отстаньте, безъ васъ тошно!

Струнниковъ продолжалъ стоять на своемъ, но вѣтникамъ

гибели все-таки удалось настолько его разбудить, что онъ взволновался.

— Эй, кто тамъ! водки и закуски. Гоните вѣстового къ старику Бурмакину! Сказать, что Ѳедоръ Васильичъ, молъ, кланяется и проситъ газету почитать.

Увы! „оно“ было дѣйствительно напечатано. Хотя, повидимому, дѣло касалось только западныхъ губерній, а все-таки... Однако, Струнниковъ и тутъ не убѣдился.

— Ну что-жъ, такъ и есть! на мое и вышло!—торжествовалъ онъ:—тамъ поляки; они бунтовщики, имъ такъ и нужно. А мы сидимъ смирно, властямъ повинуемся—насъ обижать не за что.

— Ладно; надѣйся!—поддразнивалъ Перхуновъ:—ты же все твердилъ: молчи да не разсуждай!—вотъ и домолчались.

— А по моему, за то что мы болтали да вкривь и вкось разсуждали—за это насъ Богъ и наказываетъ!

— За то ли, за другое ли, а теперь дожидайся отъ губернатора бумаги. Ужъ не объ томъ будутъ спрашивать, зачѣмъ ты вольный духъ распускаешь, а объ томъ, отчего у тебя въ уѣздѣ его нѣтъ. Да изъ предводителей-то тебя за это—по шапкѣ!

И дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ Ѳедоръ Васильичъ получилъ оффиціальное приглашеніе пожаловать въ губернію. Вспомнились ему въ ту пору его же вѣщія слова, которыми онъ нѣкогда напутствовалъ станового пристава: за хорошими дѣлами вызывать не будутъ.

Когда онъ пріѣхалъ въ губернскій городъ, всѣ предводители были уже на-лицо. Губернаторъ (изъ военныхъ) принялъ ихъ сдержанно, но учтиво; изложилъ *непремѣнныя* намѣренія правительства и изъявилъ надежду и даже увѣренность, что господа предводители поспѣшатъ пойти на встрѣчу этимъ намѣреніямъ. Случай для этого представился отличный: черезъ мѣсяцъ должно состояться губернское собраніе, на которомъ и предоставлено будетъ господамъ дворянамъ высказать одушевляющія ихъ чувства.

— А теперь, господа, возвратитесь въ свои уѣзды,—сказалъ губернаторъ въ заключеніе:—и подготовьте вашихъ достойныхъ собратій. Прощайте, господа! Богъ да благословитъ ваши начинанія!

— Вы бы, вашество, заступились за насъ,—молвилъ Струнниковъ среди общаго молчанія.

— Чего-съ?

— Попросили бы, вашество, за насъ!

— Ахъ, Ѳедоръ Васильичъ, Ѳедоръ Васильичъ!—сообразилъ, наконецъ, губернаторъ:—я самъ дворянинъ, самъ помѣщикъ—неужто же я не понимаю! Н-н-н-о!

Онъ поднялъ указательный палецъ, развелъ руками и удалился. Совѣщаніе кончилось.

Въ половинѣ декабря состоялось губернское собраніе, которое на этотъ разъ было особенно людно. Даже нашъ уѣздъ, на что былъ лѣнивъ, и тотъ почти поголовно поднялся, не исключая и матушки, которая, несмотря на слабѣющія силы, отправилась въ губернскій городъ, чтобы хоть съ хоръ послушать, какъ будутъ „судить“ дворянъ. Она все еще надѣялась, что господа дворяне очнутся, что начальство прозрѣетъ и что „злодѣйство“ пройдетъ мимо.

Послѣдовалъ церемоніалъ открытія собранія. Очередныя дѣла, а въ томъ числѣ и баллотировку, обработали живо. Черезъ трое сутокъ наступилъ судный день. Всѣ съѣхавшіеся были къ полудню на-лицо въ залѣ собранія, такъ что яблоку было упасть негдѣ. Гулъ отъ множества голосовъ волнами ходилъ по обширной залѣ, тотъ смутный гулъ, въ которомъ ни одного членораздѣльнаго звука различить нельзя. Изъ буфета доносились соблазнительные звуки приготовляемой закуски. Наконецъ, изъ общей толпы выдѣлился почтенный старичокъ, губернскій предводитель, и мѣрными шагами началъ всходить на возвышеніе, къ губернскому столу. Въ залѣ мгновенно воцарилась мертвая тишина.

— Господа! я имѣю предложить на ваше обсужденіе очень важное сообщеніе, — началъ губернскій предводитель взволнованнымъ голосомъ:—прикажете прочитать?

— Читайте! читайте!

Предводитель медленно, съ разстановкой, прочиталъ бумагу, въ которой присутствующіе приглашались къ принесенію очень важной жертвы, и высказывалась надежда, что они и на этотъ разъ, какъ всегда, явятъ похвальный примѣръ единодушія и содѣйствія.

— Господа! безъ преній! — провозгласилъ предсѣдатель собранія:—пусть каждый поступитъ, какъ ему Богъ на сердце положитъ!

И прослезился.

— Безъ преній! безъ преній!—загудѣло собраніе.

Предводитель прочиталъ другую бумагу — то былъ проектъ адреса. Въ немъ говорилось о прекрасной зарѣ будущаго и о могущественной длани, указывающей на эту зарю. Первую привѣтствовали съ восторгомъ, передъ второю — преклонялись и благоговѣли. И вдругъ кто-то въ дальнемъ углу зала пропѣлъ:

Заря утренняя взошла,
Съ собой радость принесла...

— Кто тамъ поетъ? стыдно-съ!—разсердился старичокъ-предводитель и продолжалъ:—господа! кому угодно? Милости просимъ къ столу! подписывать!

Всѣ какъ одинъ снялись съ мѣстъ и устремились впередъ, перебѣгая другъ у друга дорогу. Вокругъ стола образовалась давка. Въ какихъ-нибудь полчаса вопросъ былъ рѣшенъ. На хорахъ не ждали такой быстрой развязки, и съ нѣкоторыми дамами сдѣлалось дурно.

— Ай да голубчики! въ одночасье продали!—раздался съ хоръ чей-то голосъ.

Но излюбленные люди уже не обращали вниманія ни на что. Они торопливо подписывались и скрывались въ буфетъ, гдѣ черезъ нѣсколько минутъ уже гудѣла цѣлая толпа и стоялъ дымъ коромысломъ.

— А какую мнѣ икру зернистую сегодня изъ Москвы привезли!—хвастался содержатель буфета:—балыкъ! семга! словомъ сказать, отдай все да и мало!

Дѣйствительно, икра оказалась такая, что хоть какое угодно горе за ней забыть было можно. Струнниковъ одинъ цѣлый фунтъ съѣлъ.

Зала опустѣла. Только немногіе старички бродили по опустѣлому пространству и уныло между собой переговаривались.

— Бѣжали?—укоризненно говорилъ одинъ, указывая на буфетъ:—то-то вотъ и есть! Водка да закуска—только на это насъ и хватаетъ!

— Похоже на то!

— Позвольте!—убѣждалъ другой:—если ужъ безъ того нельзя... ну, положимъ! Пристроили крестьянъ—надо же и господъ пристроить! Неужто-жъ мы такъ останемся?—Рабамъ—права, и намъ—права!

— Это ужъ опосля!

— То-то вотъ „опосля“! Опосля да опосля—смотришь, и такъ изморомъ изноетъ!

— Нѣтъ, вы мнѣ вотъ что̀ скажите!—ораторствовалъ третій: —Слышалъ я, что вознагражденіе дадутъ... положимъ! Дадутъ мнѣ теперича цѣлый ворохъ бумажекъ—не долго ихъ напечатать! Что̀ я съ ними дѣлать стану? Сѣсть на нихъ да сидѣть, что-ли?

— Въ ломбардъ положите...

— А ломбардъ что̀ съ ними будетъ дѣлать?

— Ну, ломбардъ найдетъ мѣсто...

— Вѣдь намъ теперича въ усадьбы свои носа показать нельзя, —безпокоился четвертый: — ну, какъ я туда явлюсь? ни папъ, ни хлопъ, ни въ городѣ Иванъ, ни въ селѣ Селифанъ. Покуда вверху трутъ да мнутъ, а насъ „вольные“-то люди въ лоскъ положатъ! Еще когда-то дѣло сдѣлается, а они сразу вѣдь ошалѣютъ!

— Ну, въ случаѣ чего и станового позвать можно!

— Дожидайтесь! пріѣдетъ онъ къ вамъ! да онъ ихъ же науськивать будетъ—вотъ увидите...

И такъ далѣе.

Вечеромъ того же дня въ залѣ собранія состоялся балъ. Со всѣхъ концовъ губерніи съѣхались дамы и дѣвицы, такъ что образовался очаровательный цвѣтникъ. Съѣхались и офицеры расквартированной въ губерніи кавалерійской дивизіи; стало быть, и въ кавалерахъ недостатка не было. Туалеты были прелестные, совсѣмъ свѣжіе, такъ что и въ столицѣ не стыдно въ такихъ щегольнуть. Попечительныя мамеки разсчитывали на сбытъ дочерей, а потому послѣдняя копѣйка ставилась ребромъ. На хорахъ игралъ бальный оркестръ одного изъ полковъ; въ залѣ было шумно, весело, точно утромъ ничего не произошло. Разумѣется, и Струнниковы присутствовали на балѣ. Александра Гавриловна, все еще замѣчательно красивая, затмѣвала всѣхъ и заставляла биться сердца.

Но Ѳедоръ Васильичъ, по обыкновенію, не воздержался отъ нахальныхъ привычекъ. Не будучи пьянъ, онъ прислонился къ одной изъ колоннъ и громогласно твердилъ:

— Рубашку сняли! шкуру содрали!

Ну, разъ сказалъ, другой сказалъ — можно бы и остепениться, а онъ куда тебѣ! заладилъ одно, да и кричитъ во всеуслышаніе, не переставаючи:—содрали!

На его несчастіе, тутъ же по близости стоялъ „имѣющій уши да слышитъ“ (должность такая въ старину была); стоялъ, стоялъ, да и привязался.

— Вы это объ комъ изволите говорить?—полюбопытствовалъ онъ.

Струнниковъ вытаращилъ глаза, но не струсилъ. Побѣжалъ къ губернскому предводителю и пожаловался. Губернскій предводитель побѣжалъ къ губернатору.

— Помилуйте, вашество! — роптали излюбленный человѣкъ всей губерніи:—мы жертвуемъ достояніемъ... на призывъ стремимся... Наконецъ, это наша зала, нашъ балъ...

— Успокойтесь! я все устрою! Ѳедоръ Васильичъ! прошу васъ! тутъ вкралось какое-нибудь недоразумѣніе!

— Какое недоразумѣніе! Я объ заимодавцѣ объ одномъ говорилъ, что онъ шкуру съ меня содралъ, а „онъ“ скандалы мнѣ дѣлаетъ!—солгалъ Струнниковъ.

Губернаторъ поманилъ пальцемъ „имѣющаго уши да слышитъ“ и пошептался съ нимъ. Затѣмъ послѣдній съ минуту какъ бы колебался и вдругъ исчезъ безъ остатка.

— Такъ-то, братъ, лучше, впередъ умнѣе будешь! — процѣдилъ ему въ догонку Струнниковъ.

Справедливость требуетъ сказать, что Ѳедоръ Васильичъ восторжествовалъ и въ вышей инстанціи. Неизвѣстно, не записали ли его за эту продѣлку въ книгу живота, но во всякомъ случаѣ, черезъ недѣлю, „имѣющій уши да слышитъ“ былъ переведенъ въ другую губернію, а къ намъ прислали другого такого же.

Однако мрачныя предчувствія помѣщиковъ не сбылись. И крестьяне, и дворовые, точно сговорились вести себя благородно. Возвратившись домой, матушка даже удивилась, что „дѣвки“ еще усерднѣе стараются услуживать ей. Разумѣется, она нашла этому явленію вполнѣ основательное, по ея мнѣнію, толкованіе.

— Остались у меня все старыя да хворыя,—говорила она:—хоть сейчасъ имъ волю объяви — куда онѣ пойдутъ! Повиснутъ у меня на шеѣ—пои да корми ихъ!

Тѣмъ не менѣе, нельзя было отрицать, что черная кошка ужъ пробѣжала. Какъ ни притихли рабы, а все-таки возникали отдѣльные случаи, которые убѣждали, что тишина эта выжидательная.

Помѣщики приподнимали завѣсу будущаго и, стараясь оградить себя отъ предстоящихъ столкновеній, охотно прибѣгали къ покровительству закона, разрѣшавшаго ссылать строптивыхъ въ Сибирь. Но этому скоро былъ положенъ предѣлъ. Закона не отмѣнили, а распорядились административно, чтобы каждый подобный случай сопровождался предварительнымъ изслѣдованіемъ.

Лѣтомъ 1858 года произошли по уѣздамъ выборы въ крестьянскій комитетъ. Струнникова выбрали единогласно, а вторымъ членомъ, въ качествѣ „занозы“, послали Перхунова. Ѳедоръ Васильичъ, надо отдать ему справедливость, настоятельно отпрашивался.

— Увольте, господа! — взывалъ онъ: — усталъ, мочи моей нѣтъ! Шутка сказать, осьмое трехлѣтіе въ предводителяхъ служу! Не гожусь я для нынѣшнихъ кляузныхъ дѣлъ. Все жилъ благородно, и вдругъ теперь кляузничать начну!

— Просимъ! просимъ! — раздался въ отвѣтъ общій голосъ: — у кого же намъ и заступы искать, какъ не у васъ! А ежели трудно вамъ будетъ, такъ Григорій Александрычъ пособитъ.

— Радъ стараться! — отозвался Перхуновъ, которому улыбалась перспектива всегда готоваго стола у патрона.

Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что Струнниковъ прослезился. Съ лѣтами онъ пріобрѣлъ слезный даръ и частенько-таки поплакивалъ. Иногда просто присядетъ къ окну и въ одиночку всплакнетъ, иногда позоветъ камердинера Прокофья и поведетъ съ нимъ разговоръ:

— Радъ, Прокошка?

— Чему, сударь, радоваться!

— По глазамъ вижу, что радъ. Дашь ты стречка отъ меня!

— Неужто, сударь, вы такъ обо мнѣ полагаете? Кажется, я...

И такъ далѣе.

Поговоривъ немного, Ѳедоръ Васильичъ отошлетъ Прокофья и всплакнетъ:

— Добрый онъ! добрые-то и всѣ такъ... А вотъ Петрушка... этотъ какъ разъ... Что тогда дѣлать! Сбѣжитъ Петрушка, сбѣжитъ ключница Степанида, сбѣжитъ поваръ... Кто будетъ кушанье готовить? полы мыть, самоваръ подавать? Поваръ-то сбѣжитъ, да и поваренка сманитъ...

Посидитъ, потужитъ — и опять всплакнетъ.

Струниковъ еще не старъ—ему сорокъ лѣтъ съ небольшимъ, но онъ преждевременно обрюзгъ и отяжелѣлъ. Отъ чрезмѣрной ли ѣды это съ нимъ сталось, или отъ того, что реформа пристигла—сказать трудно, но во всякомъ случаѣ онъ не только наружно, но и внутренно измѣнился. Никогда въ жизни онъ ничѣмъ не тревожился, и вдругъ почувствовалъ, что все его существо переполнилось тревогой. Всего больше его мучило то, что долги стало труднѣе дѣлать. Сосѣди говорятъ: такое ли теперь время, чтобы деньги въ долги распускать! Богатѣи изъ крестьянъ тоже развязнѣе сдѣлались. Отказываютъ безъ разговоровъ, точно и не понимаютъ, что ему до-зарѣза деньги нужны. А нѣкоторые, которымъ онъ долженъ былъ по простымъ запискамъ, даже потребовали, чтобы росписки были замѣнены настоящими документами. Намедни сунулся онъ къ Ермолаеву, а тотъ ему:

— Нѣтъ, Ѳедоръ Васильичъ, вы и безъ того мнѣ десять тысячъ серебрецомъ должны. Будетъ.

Такъ и не далъ. Насилу даже всталъ, такой-сякой, какъ онъ къ нему въ избу вошелъ. Забылъ, подлая душа, что когда ополченіе устраивалось, онъ ему поставку портянокъ предоставилъ...

Благо еще, что ко взысканію не подаютъ, а только документы изъ года въ годъ переписываютъ. Но что, ежели вдругъ взбеленятся да потребуютъ: плати! А по нынѣшнимъ временамъ только этого и жди. Никто и не вспомнитъ, что ежели онъ и занималъ деньги, такъ за это двери его дома были для званаго и незваного настежъ открыты. И самъ онъ жилъ, и другимъ давалъ жить... Все позабудется: и пиры, и банкеты, и оркестръ, и пѣвчіе; одно не позабудется—жестокое слово: „плати!“

Чѣмъ жить?—этотъ вопросъ становился ребромъ. И безъ этого онъ кругомъ обрѣзалъ себя: псарный дворъ уничтожилъ, оркестръ и пѣвчихъ распустилъ,—не жить же ему, какъ какой-нибудь Карнѣичъ живетъ! И никто ему не поставитъ въ заслугу, что онъ, напримѣръ, на масляницѣ, ради экономіи, folle journée у себя отмѣнилъ; никто не скажетъ: вотъ какъ Ѳедоръ Васильичъ нынче себя благоразумно ведетъ—надо ему за это вздохнуть дать! Нѣтъ, прямо такъ-таки въ судъ и поволокутъ. Хорошо, что еще судья свой братъ—дворянинъ, не сразу въ обиду дастъ, а что ежели его шарахнутъ? Ахъ, жестокія нынче времена, немилостивыя!

Чѣмъ жить?—Въ Чухломѣ что было залишняго—все продано;

въ Арзамасѣ деревнюшка была—тоже продали. И продавать больше нечего. Александра Гавриловна, правда, еще крѣпится, не позволяетъ пустошѝ продавать, да какая же корысть въ этихъ пустошахъ! Рыжикъ да бѣлоусъ на нихъ ростутъ—только слава, что земля! Да и она крѣпится единственно потому, что не знаетъ дѣйствительнаго положенія вещей. Вѣдь она почти по всѣмъ обязательствамъ поручительницей подписалась—будьте покойны, потянутъ и ее! И его чухломскіе мужики, и ея словущенская усадьба—все въ одну прорву пойдетъ. Вотъ теперь крестьянъ освобождать вздумали—можетъ быть, деньги за нихъ выдадутъ... Да и тутъ опять: выдадутъ изъ казны деньги, а ихъ тутъ же по рукамъ расхватаютъ. И теперь ужъ, поди, сторожатъ.

Да, всплакнешь, ой-ой-ой, какъ всплакнешь, коли голова съ утра до ночи только такими мыслями и полна!

Между тѣмъ дѣло освобожденія ужъ началось. Съ изнурительною медленностью тянулось межеумочное положеніе вещей, испытуя терпѣніе заинтересованныхъ сторонъ. Шли пререканія; ходили по рукамъ анекдоты; отъ дѣла не бѣгали и дѣла не дѣлали. Вся несостоятельность русскаго культурнаго общества того времени выступила съ поразительною яркостью. Несмотря на то, что вопросъ поставленъ былъ безповоротно и угрожалъ въ корнѣ измѣнить весь строй русской жизни, всѣ продолжали жить спустя рукава, за исключеніемъ немногихъ; но и эти немногіе сосредоточили свои заботы лишь на томъ, что подъ шумокъ переселяли крестьянъ на неудобныя земли, и тѣмъ уготовали себѣ въ будущемъ репрессаліи. Хорошо еще, что программу для собесѣдованій заранѣе сверху прислали, а то, кажется, въ губерніяхъ пошелъ бы такой разладъ, что и не выбраться оттуда.

Наконецъ, однако, наступилъ вожделѣнный день 19-го февраля 1861 года.

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, русскій народъ!“ – раздалось въ церквахъ, и вслѣдъ за этими словами по всей Россіи пронесся вздохъ облегченія.

Пріѣхали на мѣста мировые посредники, дѣти отцовъ своихъ, и привезли съ собой старыя пререканія, на новый ладъ выстроенныя. Открылись судбища, на которыхъ ежедневно возникали совсѣмъ неожиданныя подробности. Въ особенности помѣщиковъ волновалъ вопросъ о дворовыхъ людяхъ, къ которому, въ теченіе предшество-

вавшихъ трехъ лѣтъ, никто не приготовился. Сроки службы, установленные „Положеніемъ“, оказались обязательными только на бумагѣ, а на дѣлѣ заинтересованныя стороны толковали ихъ каждая по своему. Бывали случаи, когда посредники разомъ увольняли въ какомъ-нибудь помѣщичьемъ домѣ всѣхъ дворовыхъ, такъ что домъ внезапно превращался въ пустыню. Но всего больше возмущало то, что посредники говорили „хамамъ“ *вы* и во время разбирательствъ сажали ихъ рядомъ съ бывшими господами.

Струнниковъ притихъ. Отсидѣвъ положенный срокъ въ губернскомъ комитетѣ, онъ воротился въ Словущенское, но жизнь его уже потекла по иному. Предчувствія не обманули его: Прокофій остался, но главнаго повара посредникъ отсудилъ раньше обязательнаго срока за то, что Ѳедоръ Васильичъ погорячился и далъ ему *одну* плюху (а поваръ на судбищѣ солгалъ и показалъ *три* плюхи).

— Это за плюху!—негодовалъ Струнниковъ:—да еслибы и всѣ три, что же такое!

Онъ, впрочемъ, и на судбище не явился, такъ что приговоръ состоялся заочный. Вообще онъ сразу сталъ съ посредникомъ въ контры и, по обыкновенію, во всеуслышаніе городилъ о немъ всякую чепуху. А тотъ, въ отместку, повара у него отнялъ, а у Митрофана Столбнякова не отнялъ, хотя послѣдній *навьрное* далъ три плюхи, а не одну. Не мѣшаетъ, однакожъ, прибавить, что Струнниковъ отчасти былъ даже радъ этой невзгодѣ, потому что она освобождала его отъ обязанности дѣлать пріемы, которые были ему уже не подъ силу. Приходилось ограничиться поваренкомъ, который умѣлъ готовить одни битки.

— Надо объ этомъ подумать,—говаривалъ онъ по временамъ женѣ:—битки да битки —развѣ это ѣда! Да и Арсюшка, того гляди, стречка дастъ.

— Ничего! Мнѣ сестра пишетъ, что у нея въ Москвѣ кухарка на примѣтѣ есть отличнѣйшая!

— Кухарка-то?—не вѣрю! Скажите на милость! жилъ-жилъ, поваровъ да кондитеровъ держалъ—и вдругъ кухарка! Несогласенъ.

— А несогласенъ, такъ ѣшь Арсюшкины битки.

Скучно становилось, тоскливо. Помѣщики, написавши уставныя грамоты, покидали родныя гнѣзда и устремлялись на поиски за чѣмъ-то невѣдомымъ. Только мелкота крѣпко засѣла, потому что идти было

некуда, да Струнниковъ не уѣзжалъ, потому что несъ службу, да и кредиторы слѣдили за нимъ. На новое трехлѣтіе его опять выбрали *всьми* шарами, но на слѣдующее выбрали уже не его, а Митрофана Столбнякова. Наступившая судебная реформа начала оказывать свое дѣйствіе.

Вслѣдъ за окружнымъ судомъ губернія покрылась цѣлою сѣтью мировыхъ учрежденій. Хотя неудача на выборахъ не особенно взволновала Ѳедора Васильича, но, сопоставляя ее съ прочими обстоятельствами, онъ почувствовалъ, что она предвѣщаетъ ему скорый и немилостивый конецъ.

Кредиторы зашевелились. Только немногіе согласились переписать заемныя обязательства, а главная масса прямо подала ко взысканію. На первыхъ порахъ, дѣлъ въ новыхъ судахъ было немного. и на Струнниковѣ почти на первомъ имъ пришлось выказать быстроту и правильность своихъ рѣшеній. Лично онъ въ судъ не являлся, а далъ довѣренность Спегубову, словно и самъ не сомнѣвался, что окончательно пропалъ. Дѣла ускореннымъ аллюромъ рѣшались одно за другимъ въ пользу истцовъ. и судебный приставъ то-и-дѣло ѣздилъ въ Словущенское съ исполнительными листами, назначая сроки для описи, оцѣнки и т. д.

Не снимая халата, Ѳедоръ Васильичъ бродилъ съ утра до вечера по опустѣлымъ комнатамъ и весь міръ обвинялъ въ неблагодарности. Въ особенности негодовалъ онъ на Ермолаева, который съ неутомимымъ безсердечіемъ его преслѣдовалъ, и обѣщалъ себѣ, при первой же встрѣчѣ, избить ему морду до крови („права-то у насъ еще не отняли!“ утѣшалъ онъ себя); но Ермолаевъ этого не желалъ и отъ встрѣчъ уклонялся.

— Смотрите, какія моды пошли! — громко роптalъ Струнниковъ на свою оброшенность: — нили-ѣли, и вдругъ всѣ бросили! Хоть бы-те одна собака забѣжала! Хоть бы одна христіанская душа нашлась, чтобъ сказать: вотъ вамъ, Ѳедоръ Васильичъ! въ виду прослуженныхъ вами девяти трехлѣтій и временныхъ затрудненій, которыя вы испытываете — извольте получить заимообразно кушъ! Нѣтъ-таки! никто! Получаютъ-себѣ выкупныя ссуды, и никому въ голову не придетъ предложить! Помилуйте! развѣ я не отдамъ! Развѣ у меня нѣтъ имѣній! Стоитъ только на выкупъ подать — вотъ я и съ капиталомъ! Бери сколько хочешь; и долгъ, и проценты — все получай!

На выкупъ онъ, однакожъ, не шелъ; боялся, что выкупную ссуду подстерегутъ. Долговъ-то, пожалуй, не покроютъ, а его послѣдняго куска лишатъ, да еще несостоятельнымъ объявятъ... Но и тутъ фортель нашелся. Ждали-ждали кредиторы, да и потребовали принудительнаго выкупа. Получивши это извѣстіе, онъ совсѣмъ растерялся. Бездна разоренья, темная и зіяющая, разверзлась передъ нимъ во всемъ ужасѣ нищеты. Онъ сидѣлъ, уставившись въ даль неподвижными глазами и шепталъ безсвязныя слова.

Но если великъ былъ переполохъ, застигнувшій Ѳедора Васильича, то изумленіе Александры Гавриловны было просто-на-просто безпредѣльно. Разумѣется, ей было извѣстно, что мужъ по уши запутался въ долгахъ, но она и въ подозрѣніи не имѣла, что и ей придется отвѣчать за эти долги. Послѣдовалъ рядъ бурныхъ домашнихъ сценъ, но справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ испытаніи жена оказалась неизмѣримо выше мужа. Она не только съумѣла овладѣть собой, но и рѣшилась всецѣло раздѣлить общую участь. Въ домѣ настала мертвая тишина, и пока Ѳедоръ Васильичъ роптalъ и малодушествовалъ, Александра Гавриловна дѣятельно приготовлялась. Ждать было нечего. Покуда производились описи да оцѣнки, Струниковы припрятали кой-какія цѣнности, безъ шума переправили ихъ въ Москву, а вслѣдъ затѣмъ и сами туда же уѣхали. Проводовъ, разумѣется, не было; хорошо, что хоть кредиторы не задержали. Только Ермолаевъ (тогда ужъ первой гильдіи купецъ), притаившись въ одномъ изъ флигелей господской усадьбы, въ догонку крикнулъ:

— Ни ложки, ни плошки не оставили! Полонъ домъ серебра былъ, самоваръ серебряный былъ, сколько брильянтовъ, окромя всего прочаго,—все припрятали! Плакали наши денежки! дай Богъ двадцать копѣекъ за рубль получить!

Словомъ сказать, супруги ободрились. Какъ будто давившій ихъ столько лѣтъ кошмаръ внезапно разсѣялся, и передъ глазами ихъ открылся совсѣмъ новый просвѣтъ.

— Вотъ ты мнѣ говорилъ иногда, что я на браслеты да на фермуары деньги мотаю—аль и пригодились!—весело приговаривала дорогой Александра Гавриловна: — въ чемъ бы мы теперь уѣхали, кабы ихъ не было?

— Умница ты у меня! умница!—отзывался Ѳедоръ Васильичъ, любовно цѣлуя ручки жены и прижимаясь головой къ ея плечу.

Но угрозы еще не кончились. Нашлись безсердечные кредиторы, которые заговорили объ утайкѣ вещей и возбудили вопросъ о злостномъ банкротствѣ.

Какъ вдругъ разнесся слухъ, что Струнниковы исчезли изъ Москвы.

Года черезъ четыре послѣ Струнниковскаго погрома мнѣ случилось прожить нѣсколько дней въ Швейцаріи на берегу Женевскаго озера. По временамъ мы цѣлой компаніей дѣлали экскурсіи по окрестностямъ и однажды посѣтили небольшой городокъ Эвіанъ, стоящій на французскомъ берегу. Войдя въ садъ гостинницы, мы, по обыкновенію, были встрѣчены цѣлой толпой гарсоновъ, и безпредѣльно было мое удивленіе, когда, всмотрѣвшись пристально въ гарсона, шедшаго впереди всѣхъ, я узналъ въ немъ... Струнникова!

Да, это былъ онъ. По прежнему онъ смотрѣлъ мопсомъ, но мопсомъ веселымъ, дѣятельнымъ и бодрымъ. Не только онъ не постарѣлъ, но даже словно лѣтъ десять у него съ плечъ скинули. Брюшко выдавалось впередъ и было натянуто какъ барабанъ: значитъ, онъ былъ сытъ; глаза смотрѣли расторопно; круглая, остриженная подъ гребенку голова, какъ и въ прежніе годы, казалась только-что вышедшею съ токарнаго станка. Съ удивительною ловкостью игралъ онъ салфеткой, перебрасывая ее съ руки на руку; черный, съ чужого плеча и потертый по швамъ фракъ, съ нумеромъ въ петлицѣ, вмѣсто ордена, какъ нельзя больше шелъ ему къ лицу.

Я, впрочемъ, не повѣрилъ бы глазамъ своимъ, еслибы онъ самъ не убѣдилъ меня, что съ моей стороны нѣтъ ошибки,—воскликнувъ на чистѣйшемъ русскомъ діалектѣ:

— Узнали, небось! да, онъ самый и есть!

— Батюшка! Оедоръ Васильичъ! неужто вы?! — воскликнулъ я, въ свою очередь.

— Онъ самый. Господа, милости просимъ кушать ко мнѣ! вотъ мое отдѣленіе—тамъ!—пригласилъ онъ насъ, указывая на довольно отдаленный уголъ сада.

Разумѣется, мы послѣдовали за нимъ.

— Да разскажите же...—началъ-было я, но онъ не далъ мнѣ продолжать и заспѣшилъ.

— Некогда, некогда — послѣ! Теперь я вамъ, господа, menu raisonné составлю. Вамъ какой обѣдъ? въ среднихъ цѣнахъ?

— Да, средній.

— Можно. Potage Julienne? идетъ?

— Ѳедоръ Васильичъ! Жюльенъ да жюльенъ... Кабы вы насъ разсольничкомъ побаловали, да съ цыпленочкомъ!

— Мало чего нѣтъ! Что было, то прошло! — молвилъ онъ и поникъ головой. Очевидно, воспоминанія роями хлынули и пронеслись передъ его глазами. — Здѣсь суп ъ только для проформы подаютъ. На второе что? Хотите pièce de résistance, или съ рыбы начать?

— Лучше съ рыбы, не такъ обременительно.

— Ну, sole au gratin. „Соль“ свѣжая, сегодня только изъ Парижа привезли. А на жаркое—canard de Dijon, или пуле?...

— Утку! утку!

— На пирожное—разумѣется, мороженое. Вино какое будете пить? Понте-Канé... рекомендую! Ну, а теперь сѣшу!

— Да постойте! Александра Гавриловна... здѣсь?

— Со мной; въ кастеляншахъ здѣсь служитъ,—отвѣтилъ онъ ужъ на ходу.

Живо мы пообѣдали. Онъ служилъ расторопно и, несмотря на тучность и немолодыя лѣта, какъ муха леталъ изъ сада въ ресторанъ и обратно, ничего не уронивъ. Когда подали кофе, мы усадили его съ собой и, разумѣется, приступили съ разспросами.

— Все обошлось какъ по писаному, — повѣдалъ онъ намъ: — Прослышалъ я, что судить меня хотятъ; думаю: нѣтъ, братъ, это ужъ дудки! этакъ и въ Сибирь угодить не трудно! — и задумалъ планъ кампаніи. Продали мы серебро да Сашины брильянтики, выправили заграничный паспортъ—и удрали. Денегъ въ рукахъ собралось около двадцати тысячъ франковъ. Разумѣется, первымъ дѣломъ въ Парижъ. Остановились въ Grand-Hôtel'ѣ—куда обѣдать идти? Дней пять за табльдотъ ходили: сервируютъ чисто, порядокъ образцовый, столовая богатая, не хуже, чѣмъ во дворцѣ; но ѣда не важная. Встанемъ изъ-за стола впроголодь, купимъ у ротиссёра пуле и съѣдимъ на ночь.—Нѣтъ, говорю, Александра Гавриловна, ежели ты хочешь настоящую парижскую ѣду узнать, такъ надо по ресторанамъ походить. Взяли Бедекера, увидѣли, гдѣ звѣздочка поставлена—туда и идемъ. И у Бребана, и у Фуа, и у Маньи, и въ Maі

son d'Or—вездѣ побывали. Надо честя французамъ приписать—хорошо кормятъ. Только ходили мы такимъ манеромъ по ресторанамъ да по театрамъ мѣсяца три — смотримъ, а у насъ уже денегъ на донышкѣ осталось. Стали мы себя сокращать, изъ Гранд'-Отеля къ „Мадленѣ" въ chambres meublées перебрались! вмѣсто Café Anglais, начали къ Дюрану ходить: тоже недурной ресторанъ, и тѣмъ выгоденъ, что тамъ за пять франковъ можно цѣлый обѣдъ получить. Ходимъ каждый день, платимъ исправно; я, съ своей стороны, стараюсь вниманіе хозяина на себя обратить. Подойду послѣ обѣда и начну разсказывать, какія у насъ въ Россіи кушанья готовятъ. Вижу, что человѣкъ съ толкомъ, даже ботвинью понялъ: можно бы, говоритъ, вмѣсто осетрины тюрбо въ дѣло употребить, только вотъ квасу никакимъ манеромъ добыть нельзя. Пожуировали такимъ родомъ еще съ мѣсяцъ—видимъ, совсѣмъ матъ. Тогда я рѣшился. Собрался утромъ пораньше, когда еще публики мало, и, не говоря худого слова, прямо къ Дюрану. Такъ и такъ, говорю, не можете ли вы меня въ ресторанъ гарсономъ опредѣлить? Онъ, знаете, глаза на меня выпучилъ, думалъ, что я съ ума спятилъ. Какъ, говоритъ, un boyard russe! Да, говорю, былъ boyard russe, да весь вышелъ. Разсказалъ я тутъ, какъ насъ начальство обидѣло, какъ я въ Словущенскомъ открытый столъ держалъ, поилъ-кормилъ, и какъ меня за это отблагодарили. А теперь, говорю, пропадать приходится. И еслибы не Дюранъ—истинно бы пропалъ! Выслушалъ онъ меня, видитъ, что я дѣло смыслю, толкъ изъ меня будетъ—и принялъ участіе. „У себя,—говоритъ,—я вамъ ничего предоставить не могу, а есть у меня родственникъ, который въ Ниццѣ ресторанъ содержитъ, такъ я съ нимъ списусь". И точно, дня черезъ четыре получается изъ Ниццы резолюція: ѣхать мнѣ туда въ качествѣ гарсона, а женѣ —кастеляншей. „Богъ да благословитъ васъ на новую жизнь! — сказалъ мнѣ мой благодѣтель:—неопытны вы, да съ вашими способностями скоро привыкнете!" Съ тѣхъ поръ я и скитаюсь. Зимой—на Ривьеру, лѣтомъ — въ Германію, либо сюда, на озеро. Цѣлой артелью съ мѣста на мѣсто переѣзжаемъ.

— Ахъ, Оедоръ Васильичъ! точно волшебную сказку вы намъ разсказали!

— Что сказка. Да ничего, привыкли. По началу, дѣйствительно, совѣстно было... Ну, да вѣдь не въ нигилисты же, въ самомъ дѣлѣ, идти!

— Это ужъ упаси Богъ! А помните, какъ вы, бывало, посвистывали?

— Было время, и всѣ посвистывали. А теперь самъ держу ухо востро, не послышится ли гдѣ: pst! pst!

— Но что же вамъ за охота въ такую трущобу, какъ Эвіанъ, забираться?

— Недурно и тутъ. Русскихъ вездѣ много, а съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что соотечественникъ въ гарсонахъ здѣсь служитъ, такъ нарочно смотрѣть ѣздить начали. Даже англичане любопытствуютъ.

— Положеніе у васъ хорошее?

— Положеніе среднее. Жалованье маленькое, за битую посуду больше заплатишь. Пурбуарами живемъ. Дай Богъ здоровья, русскіе господа не забываютъ. Только разъ одна русская дама въ Эмсѣ повадилась ко мнѣ въ отдѣленіе утромъ кофе пить, а тринкгельду два пфенига даетъ. Я, было, ей назадъ: возьмите, молъ, на бѣдность себѣ! — такъ хозяину, шельма, пажаловалась. Чуть-было меня не выгнали.

— А насчетъ ѣды какъ?

— И насчетъ ѣды... Разумѣется, остатками питаемся. Вотъ вы давеча крылышко утки оставили, другой—ножку пулѐ на тарелкѣ сдастъ; это ужъ мое. Поехлынетъ публика—я сяду въ уголку и поѣмъ.

— Не безпокоятъ васъ кредиторы?

— Первое время тревожили. Пыталъ я бѣгать отъ нихъ, да ужъ губернатору написалъ. Я, говорю, все, что у меня осталось—все кредиторамъ предоставилъ, теперь трудомъ себѣ хлѣбъ добываю, неужто-жъ и это отнимать! Стало быть, усовѣстилъ; теперь затихло...

— Вотъ и прекрасно... Батюшка! да вѣдь у васъ ордена были! —вдругъ вспомнилось мнѣ.

— Какъ же!.. Какъ же! Станислава вторыя, Анны...

— Надѣваете вы ихъ когда-нибудь?

— Надѣваю... Вотъ на будущей недѣлѣ хозяинъ гулять отпуститъ, поѣдемъ съ женой на ту сторону, я и надѣну. Только обидно, что на шеѣ здѣсь ордена носить не въ обычаѣ: въ петличку... ленточки однѣ!

Словомъ сказать, мы цѣлый часъ провели и не замѣтили, какъ время прошло. Къ сожалѣнію, раздалось призывное: pst!—и Струнниковъ стремительно вскочилъ и исчезъ. Мы, съ своей стороны, поки-

нули Эвіанъ и, переѣзжая на пароходѣ, разсуждали о томъ, какъ пріятно встрѣтить на чужбинѣ соотечественника.

Прошло и еще нѣсколько лѣтъ. Выдержавши курсъ водъ въ Эмсѣ, я пріѣхалъ въ Баденъ-Баденъ. И вдругъ, однажды утромъ, прогуливаясь по Лихтенталевой аллеѣ, очутился лицомъ къ лицу... съ Александрой Гавриловной!

Она еще была очень свѣжа; лицо ея по прежнему было красиво, только волосы совсѣмъ посѣдѣли. Въ рукахъ она держала большую корзину и, завидѣвъ меня, повернула-было въ сторону, но я не выдержалъ и остановилъ ее.

— Какъ вы устроились?—спросилъ я послѣ короткихъ взаимныхъ привѣтствій.

— Устроилась, слава Богу. Вотъ здѣсь, у князя М. М., въ экономкахъ служу.—Она указала на великолѣпную виллу, въ глубинѣ сада, обнесеннаго каменнымъ заборомъ.—По крайней мѣрѣ мѣсто постоянное. Переѣзжать не надо.

— И Ѳедоръ Васильичъ съ вами?

— Ахъ, нѣтъ... да откуда же, впрочемъ, вамъ знать? — онъ прошлой весной скончался. Годъ тому назадъ мы здѣсь въ Hôtel d'Angleterre служили, а съ осени онъ заболѣлъ. Такъ на зиму въ Ниццу и не попали. Кой-какъ мѣсяца съ четыре здѣсь пробились, а въ мартѣ я его въ Гейдельбергъ, въ тамошнюю клинику свезла. Тамъ онъ и померъ.

— Ну, а вы какъ? въ Россію возвратиться не разсчитываете?

— Что я тамъ забыла... срамъ одинъ! Здѣсь-то я хоть и въ экономкахъ служу, никому до меня дѣла нѣтъ, а тамъ... Нѣтъ, видно, пословица правду говоритъ: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

XXVIII.—Образцовый хозяинъ.

Іюль въ началѣ. Солнце еще чуть-чуть начинаетъ показываться однимъ краешкомъ; скучившіяся на восточной окраинѣ горизонта янтарныя облака такъ и рдѣютъ. За ночь выпала обильная роса и улила траву; весь лугъ кажется усѣяннымъ огненными искрами; на дворѣ свѣжо, почти холодно; ядрёный утренній воздухъ наполненъ запахомъ увлаженныхъ листьевъ березы, зацвѣтающей липы и скошеннаго сѣна.

Часы показываютъ: три, но Арсеній Потапычъ Пустотѣловъ уже на ногахъ. Съ деревни до слуха его доносятся звуки отбиваемыхъ косъ, и онъ спѣшитъ въ поле. Наскоро сполоснувши лицо водой, онъ одѣвается въ бѣлую пару изъ домотканнаго полотна, выпиваетъ большую рюмку звѣробойной настойки, заѣдаетъ ломтемъ чернаго хлѣба, другой такой же ломоть, густо посоленный, кладетъ въ сѣтчатую сумку, подпоясывается ремнемъ, за который затыкаетъ нагайку, и выходитъ въ гостиную. Тамъ двери уже отперты настежъ, и на балконѣ сидитъ жена Пустотѣлова, Филаппда Протасьевна, въ одной рубашкѣ, съ накинутымъ на плечи старымъ прадедамовымъ платкомъ и въ стоптанныхъ башмакахъ на босу ногу. Передъ балкономъ столпилось господское стадо—слишкомъ сто штукъ,—и барыня наблюдаетъ за доеніемъ коровъ. Этимъ дѣломъ, кромѣ двухъ скотницъ, занято около десяти крестьянскихъ бабъ, и съ балкона то-и-дѣло слышится окликъ:

— Чище! чище выдаивайте! чтой-то Голубка словно скучна нынче? а?

— Ничего Голубка...—доносится голосъ скотницы снизу.

— То-то ничего! у тебя всегда ничего! Коли что случится, ты въ отвѣтѣ.

Арсеній Потапычъ заглядываетъ на балконъ и здоровается съ женой.

— Что, какъ Новокупленка?—интересуется онъ.

— Привыкаетъ понемногу. Сегодня ужъ полъ-ендовы молока надоила.

— Ну, и слава Богу. Прощай, душа моя, я въ деревню спѣшу, а ты, какъ отдоятъ коровъ, ляг въ постельку, понѣжься.

Пустотѣловы—небогатые помѣщики. У мужа въ нашихъ мѣстахъ восемьдесятъ душъ крестьянъ, которыхъ онъ безъ отдыха томитъ на барщинѣ; у жены—гдѣ-то далеко запропастилась деревушка душъ около двадцати, которыя обложены сильнымъ оброкомъ и нищенствуютъ. Жить потихоньку было бы можно, но Богъ наградилъ ихъ семьею въ двѣнадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ только двое мальчиковъ, а остальныя — дѣвочки. Почти всѣ дѣти погодки; мальчиковъ успѣли сбыть въ аракчеевскій кадетскій корпусъ, но дѣвочки остались на рукахъ, и изъ нихъ двѣ настолько уже выровнялись, что хоть сейчасъ замужъ выдавай. А такъ какъ и мать, и отецъ еще не стары, то и отъ дальнѣйшаго приращенія семьи не застрахованы. Поэтому оба бьются какъ рыба объ ледъ; сами смотрятъ за всѣмъ хозяйствомъ, никому ни малѣйшей хозяйственной подробности не довѣряютъ. Зато хозяйство у нихъ идетъ не въ примѣръ исправнѣе, чѣмъ у сосѣдей, и они по всей округѣ слывутъ образцовыми хозяевами.

Усадьба Пустотѣловыхъ, Послѣдовка, находится въ самомъ, какъ говорится, медвѣжьемъ углу нашего захолустья. Просторный домъ постепенно распространялся пристройками, и потому представляетъ собой неуклюжую груду срубовъ. Ни рощи, ни сада при усадьбѣ нѣтъ; ничего, кромѣ миніатюрнаго круга, посыпаннаго пескомъ и обсаженнаго старыми липами, да обширнаго огорода, въ которомъ разводится всякій овощъ, необходимый для зимняго запаса. По бокамъ господскаго дома — множество хозяйственныхъ построекъ, по большей части исправныхъ, свидѣтельствующихъ, что помѣщикъ живетъ запасливый.

Саженяхъ въ ста отъ усадьбы, какъ на ладони, видѣется деревнюшка, а за нею тянутся поля, расположенныя по далеко раскинувшейся и совершенно ровной плоскости. На самомъ краю плоскости видѣется небольшой лѣсъ, который Арсеній Потапычъ бережетъ какъ зѣницу ока. Земли у него довольно; поэтому онъ постепенно увеличиваетъ запашку и теперь довелъ ее до шестидесяти десятинъ въ каждомъ полѣ. При восьмидесяти душахъ онъ, конечно, не могъ бы сладить съ такою запашкой, но, по счастью, верстахъ въ пяти находится большое и малоземельное экономическое село. Раза четыре въ лѣто сзываетъ онъ помочи—преимущественно жней—варитъ брагу, печетъ пироги и при содѣйствіи трехсотъ, четырехсотъ бабъ успѣваетъ въ три-четыре праздничныхъ дня сдѣлать столько работы,

сколько одна барщина и въ двѣ недѣли не могла бы сработать. Благодаря этому, житво у него всегда кончается во-время и зерно не утекаетъ.

Несмотря на суровыя матеріальныя условія, семья Пустотѣловыхъ пользуется сравнительнымъ довольствомъ, а зимой живетъ даже весело, не хуже другихъ. Но на все лишнее, покупное, въ домѣ наложенъ строжайшій карантинъ. Чай, сахаръ и пшеничную муку держатъ только на случай пріѣзда гостей; варенье и другое лакомство заготовляются на меду изъ собственныхъ ульевъ, съ солью обходятся осторожно; даже свѣчи ухитрились лить дома, тонкія, онлывающія, а покупныя подаютъ только при гостяхъ. Благодаря этимъ систематическимъ лишеніямъ и урѣзкамъ, удается настолько свести концы съ концами, чтобы скромненько обшить и обуть семью и заплатить жалованье дешевенькой гувернанткѣ.

Покуда Арсеній Потапычъ дошелъ до деревни, послѣдняя ужъ опустѣла. Бабы, которымъ еще нечего дѣлать на барской работѣ, погнали въ стадо коровъ; мужики—ушли поголовно на барщину. Почти у самой околицы, около сорока косцовъ (Пустотѣлову на этотъ счетъ удача: мужички тянутся исправно, голова на голову) обкашиваютъ довольно большой лугъ, считающійся лучшимъ въ цѣломъ имѣніи. Значительная часть его скошена еще вчера, остальную предстоитъ докосить сегодня. Лугъ еще влаженъ, и работа идетъ споро; косы быстро, въ тактъ, мелькаютъ въ воздухѣ, издавая рѣзкій свистъ. Трава нынче выросла хорошая; густые и плотные валы ложатся одинъ возлѣ другого, радуя сердце образцоваго хозяина. Онъ подходитъ то къ одному, то къ другому валу, перевернетъ палкой и посмотритъ, чисто ли скошено, нѣтъ ли махровъ. Ничего, кажется, все исправно.

— Чище косите! чище! чтобы не было ни махровъ, ни огрѣховъ! всякій огрѣхъ—на спинѣ!—кричитъ онъ вслѣдъ косцамъ.

Затѣмъ онъ укладываетъ кошшку скошенной травы, постилаетъ сверху обрывокъ старой клеенки и садится, закурпвая коротенькую трубочку. Курить онъ самый простой табакъ, какіе-то корешки; не разъ закаивался и эту роскошь бросить, но привычка взяла свое, да притомъ же трубка и пользу приноситъ, не даетъ ему задремать. Попыхиваетъ онъ изъ трубочки, а глазами далеко впереди видитъ. Вонъ Митрошка словно бы заминаться сталъ, а Лукашка такъ и вовсе попусту косой машетъ. Вскакиваетъ Арсеній Потапычъ и бѣжитъ.

Какъ у образцоваго хозяина, у него все приведено въ систему. За первую вину — пять ударовъ нагайкой, за вторую — десять, за третью—пятнадцать, а за четвертую—не прогнѣвайся, счета не полагается.

Раздается крикъ, и черезъ минуту все приходитъ въ порядокъ.

Выкурилъ Арсеній Потапычъ трубку, выкурилъ другую и начинаетъ клевать носомъ. Задремлетъ чуточку—и сейчасъ же вздрогнетъ и протретъ глаза. Онъ мало спалъ ночью, и въ глазахъ у него мутится; чтобы развлечь себя, онъ вынимаетъ изъ сумки кусокъ хлѣба и ѣстъ, потомъ опять закуриваетъ трубку, и опять. Тоскливо, а уйти раньше восьми часовъ нельзя: самое благопріятное время для косьбы упустишь. Безпрестанно справляется онъ съ старинной серебряной луковицею, но убѣждается, что до урочнаго времени еще куда далеко. Солнышко хоть и согрѣло ужъ воздухъ, но ползетъ вверхъ съ удивительной медленностью. Отъ времени до времени онъ отлучается въ сосѣднее поле посмотрѣть, какъ наливается рожь, но сейчасъ же возвращается назадъ и опять начинаетъ ходить взадъ и впередъ по рядамъ валовъ, поглядывая въ то же время впередъ. Ему кажется, что косцы начинаютъ приставать, что косы двигаются вяло, и валы укладываются не съ прежней быстротой.

— Пошевеливайся, ребята! пошевеливайся, пока трава не обсохла!—то-и-дѣло покрикиваетъ онъ.

Наконецъ, урочное время настало. Баринъ провозглашаетъ: шабашъ! и барщинѣ дается часъ для завтрака и отдыха.

Время, назначенное для отдыха, Арсеній Потапычъ проводитъ дома. Онъ завтракаетъ, обѣдаетъ и кончаетъ день одновременно съ мужиками, потому что иначе нарушился бы правильный надзоръ. Дома все уже готово. По срединѣ ничѣмъ непокрытаго стола, на деревянномъ кругѣ, лежитъ громадная ватрушка изъ ржаной муки, изрѣзанная на куски. Это завтракъ семьи, а глава семейства довольствуется большой кружкой снятого молока, которое служитъ ему вмѣсто завтрака и вмѣсто чая, такъ какъ онъ, вставши утромъ, выпилъ только рюмку водки и поѣлъ чернаго хлѣба. Но ему не сидится на мѣстѣ; наскоро позавтракавши, онъ безпрестанно вынимаетъ изъ кармана луковицу и ровно въ девять часовъ снова появляется на лугу.

Косцы ужъ взмахиваютъ косами, и такъ какъ лугъ совсѣмъ об-

сохъ, то прибѣжали съ деревни и бабы, и разворачиваютъ скошенные наканунѣ валы. Солнце такъ и поливаетъ сверху зноемъ, и въ то же время съ сѣвера подуваетъ вѣтерокъ; вообще сушка предвидится отличная. Работа идетъ въ глубокомъ безмолвіи, потому что Арсеній Потапычъ празднословія не терпитъ. Онъ не сторонникъ веселой работы; любитъ, чтобъ дѣло шло ходко и бойко, а для этого не нужно разговоровъ, а требуется, напротивъ, чтобы все вниманіе рабочей силы обращено было на одну точку. Онъ проходитъ, посвистывая, между рядами бабъ, которыя, въ одѣхъ рубашкахъ, прилипшихъ къ потному тѣлу, высоко вскидываютъ граблями. Онъ не торопитъ ихъ, потому что покуда онѣ дойдутъ отъ начала луга до конца, нужно, чтобъ верхній слой первыхъ becъ сколько-нибудь прожарился. Только тогда работа пойдетъ безостановочно и не дастъ бабамъ понапрасну заспиживаться.

Побродивши по лугу съ полчаса, онъ чувствуетъ, что зной начинаетъ давить его. Видитъ онъ, что и косцы позамялись, черезчуръ часто косы оттачиваютъ, но понимаетъ, что сухую траву и коса не скоро беретъ: станутъ торопиться—пожалуй, и покосъ перепортятъ. Поэтому онъ не кричитъ: „пошевеливайся!“ а только напоминаетъ: „чище, ребята! чище косите!“ и подходитъ къ рядамъ косцовъ, чтобы лично удостовѣриться въ чистотѣ работы.

Ничего, все идетъ какъ слѣдуетъ. Нагайка хоть кого выучитъ исправности. Изнемогая отъ жара, весь въ поту, возвращается онъ къ давешней копнушкѣ и закуриваетъ трубку. Мысль, что передъ его глазами работаютъ люди, которые тоже изнемогаютъ отъ жары, не приходитъ ему въ голову. Можетъ быть, въ былое время, когда онъ только-что на хозяйство сѣлъ, она временами и мелькала, но теперь онъ ужъ привыкъ. И они, думается ему, привыкли: не у него, такъ у себя въ такой же зной и такимъ же манеромъ работали бы. Всего лучше объ этомъ не думать, потому что безъ чего нельзя, такъ нельзя. Еслибъ была другая работа, въ родѣ пахоты, напримѣръ, онъ, конечно, въ такой жаръ на сѣнокосъ людей не послалъ бы, но въ началѣ іюля, кромѣ косьбы, и въ поле выходить не зачѣмъ.

— Чище, ребята, чище косите!—машинально покрикиваетъ онъ, чтобы подкрадывающаяся дремота не застигла его предательски врасплохъ.

А солнышко, между тѣмъ, дошло до зенита и стоитъ, словно деревянное, не опускается.

Арсеній Потапычъ надвигаетъ плотнѣе бѣлый картузъ на голову и сгибается, подставляя спину дѣйствію солнечныхъ лучей. Ему кажется, что въ этомъ положеніи лицо и грудь менѣе страдаютъ отъ зноя. Онъ складываетъ руки между колѣнъ и задумывается. Къ далекому прошлому мысль его ужъ не обращается: оно исчезло изъ памяти, словно его и не было. Да и въ самомъ дѣлѣ, что тамъ такое было? какая-то глупость—вотъ все, что можно отвѣтить. Но въ настоящемъ что-то есть. По крайней мѣрѣ, онъ можетъ опредѣлительно сказать, что и вчера онъ колотился, и сегодня колотится, и завтра будетъ колотиться. За это его и называютъ образцовымъ хозяиномъ. Теперь идетъ сѣнокосъ, потомъ бабы рожь жать начнутъ, потомъ паровое поле подъ озимь двоить будутъ, потомъ сѣвъ, яровое жать, сноны возить, молотить. А рядомъ съ этимъ, въ домѣ идетъ варенье, соленье, настаиваются водки, наливки. Вездѣ—онъ, вездѣ—его хозяйскій глазъ нуженъ. Проходятъ въ его воображеніи перспективы трудовыхъ дней. Новаго ничего не представляется; но такъ какъ онъ однажды вошелъ въ колею и другой не знаетъ, то и повторенія достаточно, чтобъ занять его мысль. Въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ надо все до послѣдняго огурца къ зимѣ припасти. Онъ повторяетъ въ умѣ количество домашней птицы, предназначенной на убой, и высчитываетъ, какой можетъ произойти до осени въ птичьемъ стадѣ уронъ. Потомъ мысль его переносится на скотный дворъ и опредѣляетъ количество молочныхъ сколовъ, сколько для домашняго обихода потребуется, сколько на продажу останется. И вотъ, наконецъ, наступаютъ и заморозки: надо птицу подкармливать. Всякая крошка у него на счету: всѣ остатки отъ трапезы господъ и дворовыхъ, все бережно собирается въ кучу и вмѣстѣ съ сывороткой и лишнимъ творогомъ превращается въ птичій кормъ. Зима все съѣстъ, да, кромѣ домашняго запаса, и денегъ не мало потребуетъ. Надо женѣ и дочерямъ хоть по одному повенькому платью сшить, а двумъ невѣстамъ, пожалуй, и по два. Надо хоть два фунта чаю да двѣ головы сахару купить, водки, вина недорогого, свѣчей. Онъ высчитываетъ предполагаемый урожай, старается заранѣе угадать цѣны, опредѣляетъ доходъ и расходъ и, наконецъ, сводитъ концы съ концами. Много труда ему предстоитъ, но за то зимой онъ отдохнетъ. Домъ его наполнится

веселымъ шумомъ, и онъ, какъ и въ прежніе годы, на практикѣ докажетъ сосѣдямъ, что и отъ восьмидесяти душъ, при громадной семьѣ, можно и себѣ, и другимъ удовольствіе доставить.

— Шабашъ!—кричитъ онъ, выходя изъ задумчивости и убѣждаясь, что часовая стрѣлка показываетъ ужъ часъ пополудни.

Косы и грабли мгновенно опускаются, и онъ спѣшитъ домой, гдѣ, наскоро пообѣдавши, ложится отдыхать, наказывая разбудить себя невступно въ три часа.

Покуда онъ отдыхаетъ, и на лугу царитъ глубокій сонъ. Надобно сказать, что въ имѣніи Пустотѣлова заведенъ такой порядокъ, что крестьянамъ разрѣшается топить печи только по воскресеньямъ. Распоряженіе это сдѣлано подъ предлогомъ устраненія пожарныхъ случаевъ, но, въ сущности, для того, чтобъ ни одной минуты барской работы, даже для приготовленія пищи, не пропадало, такъ какъ и мужики, и бабы всю недѣлю ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ ходятъ на барщину. Поэтому крестьяне горячей пищей пользуются только по праздникамъ, а въ будни довольствуются исключительно тюрей изъ чернаго хлѣба, размоченнаго въ водѣ.

Вообще, заведенные Арсеніемъ Потапычемъ порядки крайне суровы. Онъ всецѣло овладѣлъ рабомъ въ свою пользу и даетъ ему управляться у себя лишь урывками. По праздникамъ (а въ будни только по ночамъ) мужики и бабы вольны управляться у себя, а затѣмъ, пока тягловые рабочіе томятся на барщинѣ, мальчики и дѣвочки работаютъ дома легкую работу: сушатъ сѣно, вяжутъ снопы и проч. Почти нѣтъ той минуты въ сутках, чтобы въ послѣдовскихъ поляхъ не кипѣла работа; три часа въ теченіе дня и немногимъ болѣе въ теченіе ночи—вотъ все, что остается крестьянину для отдыха. Но, сверхъ того, Пустотѣловъ и прихотливъ. Онъ требуетъ, чтобъ мужичокъ выходилъ на барщину въ чистой рубашкѣ, чтобъ дома у него было все какъ слѣдуетъ, и хлѣба доставало до новаго, чтобъ и рабочій скотъ, и инструментъ были исправные, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, черезъ каждыя двѣ недѣли посѣщалъ храмъ Божій (приходъ за четыре версты) и смотрѣлъ бы весело. Онъ желаетъ, чтобъ про него говорили, что онъ не только образцовый хозяинъ, но и попечительный распорядитель.

Въ три часа Арсеній Потапычъ опять на своемъ посту. Рабочіе и на этотъ разъ упредили его, такъ что ему остается только при-

знать, что заведенная имъ дисциплина принесла надлежащій плодъ. Онъ ходитъ взадъ и впередъ по разбросанному сѣну и удостовѣряется, что оно уже достаточно провяло, и завтра, пожалуй, можно будетъ приступить къ уборкѣ. Подходитъ къ косцамъ, съ удовольствіемъ видитъ, что къ концу вечера и лугъ будетъ совсѣмъ выкошенъ.

— Старайся, братцы, старайся!—поощряетъ онъ мужичковъ:—ежели раньше выкосите—домой отпущу!

Жаръ помаленьку спадаетъ; косцы, въ виду барскаго посула, удваиваютъ усилія, а около шести часовъ и бабы начинаютъ сгребать сѣно въ кошунки. Еще немного, и весь лугъ усѣется съ одной стороны валами, съ другой—небольшими копнами. Пустотѣловъ усѣлся на старомъ мѣстѣ и на этотъ разъ позволяетъ себѣ настоящимъ образомъ вздремнуть; но около семи часовъ его будитъ голосъ:

— Готово, Арсеній Потапычъ!

Лугъ выкошенъ окончательно; сѣно тоже сгребено въ кошы: сердце образцоваго хозяина радуется.

— Спасибо, молодцы!—произноситъ онъ благосклонно:—теперь можете свою работу работать!

— Ужъ и трава нынѣче уродилась—изъ годовъ вонъ!—хвалятъ мужички.

— Да, хороша трава; далъ бы только Богъ высушить да убрать безъ помѣхи.

Онъ обращаетъ глаза къ западу и внимательно смотритъ, какъ садится солнышко. Словно бы на самомъ краешкѣ горизонта тучка показывается... или это только такъ кажется?

— Смотри, ребята, какъ бы солнышко въ тучку не сѣло!—безпокоится онъ.

— Помилуйте, Арсеній Потапычъ! какъ есть чисто садится! Самый завтра настоящій день для сушки будетъ!

— Ну, спасибо! расходись по домамъ!

По уходѣ крестьянъ образцовый хозяинъ съ четверть часа ходитъ по лугу и удостовѣряется, все ли исправно. Встрѣчаются по мѣстамъ небольшіе махры, но вообще лугъ скошенъ отлично. Наконецъ онъ, вяло опираясь на палку, направляется домой, проходя мимо деревни. Но она ужъ опустѣла; крестьяне отъужинали и исчезли на свой сѣнокосъ.

— Богъ труды любитъ,—говоритъ онъ, и чувствуя, какъ

всѣмъ его тѣломъ овладѣла истома, прибавляетъ: — однако, какъ меня сегодня разломало!

— Что сегодня больно рано? неужто ужъ попабашили?—встрѣчаетъ его Филанида Протасьевна.

— Кончили. Усталъ до смерти. Хорошо бы теперь чайку горяченькаго испить.

— Что-жъ, можно самоваръ поставить велѣть...

— Нѣтъ, что ужъ! не велики бара, некогда съ чаями возиться. Дай рюмку водки—вотъ и будетъ съ меня!

Пустотѣловъ выходитъ на балконъ, садится на кресло и отдыхаетъ. День склоняется къ концу, въ воздухѣ чувствуется роса, солнце дошло до самой окраины горизонта и къ великому удовольствію Арсенія Потапыча садится совсѣмъ чисто. Вотъ ужъ и стадо гонятъ домой; его застилаетъ громадное облако пыли, изъ котораго доносится блеянье овецъ и мычанье коровъ. Быкъ, въ качествѣ должностного лица, идетъ сзади. Образцовый хозяинъ зорко всматривается въ даль, и ему кажется, что быкъ словно прихрамываетъ.

— Филандушка!—зоветъ онъ жену:—смотри, никакъ быкъ-то хрàмлетъ!

— Ничего не хрàмлетъ — такъ тебѣ показалось... быкъ какъ быкъ!—успокаиваетъ мужа Филанида Протасьевна, тоже всматриваясь въ даль.

— Эй, смотри, не храмлетъ ли?

На этомъ быкѣ лежатъ всѣ упованія Пустотѣловыхъ. Они купили его, лѣтъ шесть тому назадъ, въ „Отрадѣ“ (богатое имѣніе, о которомъ я упоминалъ выше) еще теленкомъ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ на дѣйствительную службу, стадо замѣтно начало улучшаться.

Черезъ четверть часа стадо ужъ передъ балкономъ. Къ счастью, Арсеній Потапычъ ошибся; быкъ не только не хромаетъ, но сердито роетъ копытами землю и, опустивши голову, играетъ рогами. Какъ есть красавецъ!

Повторяется тотъ же процессъ доенія коровъ, что и утромъ, съ тою лишь разницею, что при немъ присутствуетъ самъ хозяинъ. Филанида Протасьевна тщательно записываетъ удой и приказываетъ налить нѣсколько большихъ кружекъ парного молока на ужинъ.

Ужинаютъ на воздухѣ, подъ липами, потому что въ комнатахъ

[illegible] Филицата Прохоровна [illegible] отчетъ за свой хозяйственный день.

— [illegible]

— Ты бы [illegible]

— [illegible]

— Умница ты у меня.

— [illegible]

— [illegible]

[illegible]

— [illegible]

— Ничего... не дурно.

— [illegible]

— [illegible]

[illegible]

[illegible] повеселѣютъ, и остальное.

— [illegible]

не выйдетъ?.. Такой ли на нихъ нынче ленъ выскочилъ! Щетка щеткой.

— Ну, и слава Богу, что ошиблась. И съ масломъ будемъ, и съ пряжей. Въ поляхъ-то какъ?

— И въ поляхъ хорошо. Рожь ужъ обозначилась; самъ-семь, самъ-восемь ожидать можно. Только бы Богъ благополучно свершить помогъ.

— А помнишь... три года назадъ?

— Да, тоже надѣялись...

Арсеній Потапычъ даже вздрагиваетъ при этомъ напоминаніи. И три года тому назадъ, въ это самое время, все шло весело, какъ вдругъ, въ самый разгаръ надеждъ, откуда ни возьмись, градъ, и весь хлѣбъ въ одночасье въ грязь превратилъ. Уцѣлѣло только дальнее поле, мало удобренное, на которомъ едва на сѣмена собрали. Какъ только ихъ Богъ въ ту пору спасъ—онъ и не понимаетъ. Всю зиму онъ тогда колотился; скотъ чуть не переморилъ, держа на одной соломѣ, а для собственнаго продовольствія призанялъ у сосѣдей ржи, да и заперся въ усадьбѣ. Ни самъ никуда не ѣздилъ, и у себя никого не принималъ, а дочки въ затрапезѣ проходили.

Ахъ, жизнь, жизнь! все равно какъ платье. Все цѣло да цѣло, и вдругъ гдѣ-нибудь лопнетъ. Хорошо еще, ежели лопнетъ по шву —зачинить легко; а ежели по цѣлому мѣсту—ничи пропало! Какъ ни чини, ни заштопывай, а оно все дальше да дальше врозь ползетъ. И заплатки порядочной поставить нельзя: нитка не держитъ. Господи, да неужто жъ Богъ такъ немилостивъ, во второй разъ такое же испытаніе пошлетъ! Онъ ли не старается! онъ ли не выбивается изъ силъ!

Но нѣтъ, унывать не слѣдуетъ. Покуда еще все идетъ благополучно; отчего же и впредь такъ же не идти? Незачѣмъ заранѣе пугать себя да всякія напасти придумывать—грѣхъ.

Арсеній Потапычъ начинаетъ разсчитывать, какъ оно выйдетъ, если надежды на хорошій исходъ лѣта оправдаются. Сколько чего онъ продастъ, сколько чего купить придется, не предстоитъ ли чего экстреннаго. Вонъ въ скотной избѣ одинъ уголь совсѣмъ на бокъ накренился—придется вѣнца три новыхъ подрубить. Своихъ плотниковъ у него въ деревнѣ нѣтъ, надо со стороны нанимать. И на конюшнѣ не все исправно: старый корепникъ припадать началъ. Свои

подростки хоть и есть, да молоды и не съѣзжены—не миновать лишнюю лошадь прикупить. И въ домѣ покрышка на мебели въ гостиной совсѣмъ обилась... Ахъ, много прорѣхъ собралось,—и не сообразишь сразу, сколько! Разсчитываетъ, разсчитываетъ Арсеній Потапычъ, даже на пальцахъ машинально выкладки дѣлаетъ, но въ заключеніе успѣваетъ-таки свести концы съ концами. Прекрасно. Успѣетъ онъ этотъ годъ уравновѣсить приходъ съ расходомъ... если лѣто сойдетъ съ рукъ благополучно... но и только. А потомъ наступитъ и еще годъ, и опять придется задумываться, опять разсчитывать...

— Ахъ, жизнь, жизнь!—произноситъ онъ вслухъ, вставая.—Поздно ужъ, Филанидушка, спать пора!

Супруги крестятъ другъ друга и отправляются на покой въ общую спальню.

Такъ проходитъ, день за днемъ, лѣто... ежели все обстоитъ благополучно. Къ концу страды образцовый хозяинъ худѣетъ и устаетъ, словно онъ самолично и пахалъ, и сѣялъ, и жалъ, и косилъ. Но иногда случается и не совсѣмъ благополучно. Недѣли двѣ сряду, напримѣръ, идетъ въ природѣ невообразимая путаница. Польютъ дожди, ни къ чему рукъ приложить нельзя, такъ что барщина сама собой упраздняется. Мужики отдыхаютъ и управляются около домовъ; Арсеній Потапычъ тоже отдыхаетъ, но при этомъ глубоко страдаетъ. Съ досады онъ беретъ въ руку лукошко и отправляется въ лѣсъ по грибы. Все-таки хоть что-нибудь да достанетъ на зиму.

Но зато, какъ только выпадетъ первый вёдреный день, работа закипаетъ не на шутку. Разворачиваются почернѣвшіе валы и копны; просушиваются намокшіе снопы ржи. Ни пощады, ни льготы—никому. Ежели и двойную работу мужикъ сработалъ, все-таки, покуда не зашло солнышко, баринъ съ поля не спуститъ. Одну работу кончилъ—маршъ на другую! На то онъ и образцовый хозяинъ, чтобъ про него говорили:

— Ужъ на что, кажется, незадачное лѣто нынче было, а онъ, смотрите, какъ убрался!

Слава Богу, лѣто кончилось благополучно: все хорошо уродилось и исправно убрано. Подходитъ конецъ сентября: ужъ двѣ недѣли какъ началась молотьба, и пробные умолоты оказались превосходными.

Воздухъ посвѣжѣлъ; раздаются удары цѣповъ, слышится запахъ гари, несущейся изъ риги. Бабы ужъ выколотили льняное сѣмя и намяли льну. Сѣмя начнутъ постепенно возить на ближайшую маслобойню: и масла, и избоины — всего будетъ вдоволь. Избоиной хорошо коровъ съ новотелу покармливать; но и дворовые охотно ее ѣдятъ; даже барышни любятъ изрѣдка полакомиться ею, макая въ свѣжее льняное масло. А лень-стланецъ раздадутъ на пряжу—будетъ чѣмъ занять въ зимніе вечера и сѣнныхъ дѣвушекъ, и ткачихъ. А покуда всѣ дворовые заняты въ огородѣ; роютъ послѣдній картофель, срѣзываютъ капусту. По вечерамъ изъ застольной доносятся звуки сѣчекъ, ударяемыхъ о корыта; это рубятъ капусту; верхніе листы отдѣляютъ для людскихъ щей; плотные кочни откладываютъ на бѣлыя щи для господъ; кочерыжки приносятъ въ домъ, и барышни охотно ихъ кушаютъ. Словомъ сказать, тяжелая работа свалена, наступило почти-что веселье.

Сердце Пустотѣлова радостно бьется въ груди: теперь ужъ никакой неожиданности опасаться нельзя. Онъ зорко слѣдитъ за молотьбой, но дни становятся все короче и короче, такъ что приходится присутствовать на гумнѣ не больше семи-восьми часовъ въ сутки. И чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ легче. Пора и отдохнуть.

— Кажется, заслужилъ?—шутитъ образцовый хозяинъ, обращаясь къ женѣ.

— Заслужилъ, мой голубчикъ! Посмотри на себя: весь ты залѣто извелся.

— А коли заслужилъ, можно меня и лишней рюмочкой водки побаловать.

Но для Филаниды Протасьевны пора отдыха еще не наступила. Она больше, чѣмъ лѣтомъ, захлопоталась, потому что теперь-то, пожалуй, настоящая „припасуха“ и пошла въ развалъ. Бѣгаетъ она, какъ молоденькая, изъ дома въ застольную, изъ застольной въ погребъ. Вездѣ посмотритъ, вездѣ спроситъ: боится, чтобы даже крошка малая зря не пропала.

— Намедни, квасъ сливали — куда ты гущу изъ-подъ кваса дѣвалъ?—спрашиваетъ она повара.

— Птицѣ, сударыня, снесъ.

— Тебѣ велѣно птичницѣ съ рукъ на руки отдавать. Кому ты отдалъ?

— Простите, сударыня, самъ птицѣ въ корыто вылилъ.

— Врешь, негодяй, слопалъ!

— Помилуйте... зачѣмъ же мнѣ?

— По глазамъ вижу, что слопалъ! Вотъ скажу ужо Арсенію Потанычу, какъ ты барское добро бережешь — раздѣлается онъ съ тобой!

Побранившись съ поваромъ, побѣжитъ на скотную, велитъ отворить дверь чулана, гдѣ хранится мякина и шелёва, вороха которыхъ ежедневно приносятъ съ гумна.

— Словно бы сегодня шелёвы меньше, чѣмъ вчера?

— Помилуйте, сударыня, куда-жъ ей дѣваться!

— Куда дѣваться! извѣстно, въ деревню къ родёнькѣ въ подолахъ носите... Вотъ ужо раздѣлается съ вами Арсеній Потанычъ!

Со скотнаго двора въ застольную.

— Долго ли вы, команда безпорточная, съ капустой возиться будете?—покрикиваетъ она на сѣнныхъ дѣвушекъ:—за пряжу приниматься давно пора, а онѣ—патко!—ушли въ застольную да пѣсни распѣваютъ!

— И безъ пѣсенъ тошнёхонько!—огрызается старая Агафья, которая нѣкогда выпестовала Арсенія Потаныча, а теперь состоитъ въ домѣ ключницей.

— Ты что, старая корга, грубишь! вотъ ужо раздѣлается съ тобой Арсеній Потанычъ!

И т. д.

Съ наступленіемъ октября начинаются первые серьезные морозы. Земля закоченѣла, трава по утрамъ покрывается инеемъ, вода въ канавкахъ затягивается тонкимъ слоемъ льда; грязь на дорогахъ до того сковало, что ѣзда въ телѣгахъ и экипажахъ сдѣлалась невозможною. Но за то черностопъ образовался отличный; гуляй мужичокъ да погуливай. Кабы на промерзлую землю да снѣжку Богъ послалъ—лучше бы не надо.

Въ усадьбѣ и около нея съ каждымъ днемъ становится тише; домашняя припасуха уже кончилась, только молотьба еще въ полномъ ходу и будетъ продолжаться до самыхъ святокъ. Въ домѣ зимнія рамы вставили, печки топить начали; послѣ обѣда, часовъ до шести сумеричаютъ, а потомъ и свѣчи зажигаютъ; сѣнныя дѣвушки уже больше недѣли какъ усѣлись за пряжу и работаютъ до пѣтуховъ, а

утромъ, чуть свѣтъ забрезжитъ, и опять на ногахъ. Наконецъ, въ половинѣ октября выпадаетъ первый снѣгъ — прямо на мерзлую землю.

— Заданный нынѣшній годъ вышелъ!—радуется Арсеній Потапычъ:—и лѣто свершить удалось хорошо, и на озими надѣяться можно, не подопрѣютъ.

— Погоди еще хвалиться; пожалуй, еще оттепели пойдутъ.

— Нѣтъ, оттепелей не будетъ; это ужъ я замѣчалъ. Коли осень студеная стоитъ, да снѣгъ раньше ноября выпалъ—стало быть, и санный путь установится сразу.

Днемъ Арсеній Потапычъ ведетъ обычную дѣятельную жизнь. Съ ранняго утра надѣваетъ полушубокъ и большіе, смазанные ворванью сапоги и отправляется въ ригу. Отдыха теперь полагается всего какихъ-нибудь полчаса для обѣда; поэтому, за шумомъ и стукомъ цѣповъ, не видишь, какъ и время летитъ. Но длинные вечера наводятъ на Пустотѣлова тоску. Къ несчастью, онъ въ послѣднее время попивать началъ. Стоитъ у него въ залѣ, въ шкафчикѣ, графинчикъ съ настойкой: вотъ онъ походитъ-походитъ, да нѣтъ-нѣтъ и подкрадется къ шкафчику. И до тѣхъ поръ подкрадывается, пока до дна графинчика не очиститъ.

— Не будетъ ли?—отъ времени до времени остерегаетъ его Филанида Протасьевна.

— Не бось, пьяницей не сдѣлаюсь. Водка полезна для меня; звѣробой мокроту гонитъ.

— А по моему, выпилъ рюмку, выпилъ другую, и довольно. Привыкнешь, такъ послѣ трудно отвыкать будетъ.

— Такъ ты бы не цѣлый графинъ наливала: выпилъ бы я въ пропорцію, сколько, по твоему, слѣдуетъ, и шабашъ.

— И то буду полъ-графина ставить.

— Скучно вѣдь, матушка! дорогъ настоящихъ нѣтъ, цѣны неизвѣстны... разсчитываешь, разсчитываешь—инда тоска возьметъ.

— Возьми терпѣнье, займись чѣмъ-нибудь. Не тоскую же я: у меня всегда дѣло найдется.

И дѣйствительно, у Филаниды Протасьевны дѣло, точно безконечная нитка, тянется. Покончивши съ домашними заготовками, она принимается за обшиваніе домочадцевъ. Всѣмъ нужно бѣлье подновить, а дочерямъ, на первое время, хоть ситцевыя платья для вся-

каго дня сшить. Вынула она изъ сундука нѣсколько новинъ полотна, вспомнила, что отъ прошлаго года цѣлый кусокъ ситца остался, выпросила у сосѣдей выкроечекъ и теперь сидитъ въ залѣ, кроитъ и рѣжетъ вмѣстѣ съ двумя швеями-мастерицами. Старшенькимъ, конечно, и получше платьица понадобятся, да за бездорожицей въ городъ ѣхать еще нельзя, а сверхъ того и денегъ пока нѣтъ.

Будутъ деньги, будутъ. Въ концѣ октября санный путь ужъ установился, и Арсеній Потапычъ то-и-дѣло посматриваетъ на дорогу, ведущую къ городу. Наконецъ пріѣзжаютъ одинъ за другимъ прасолы, но цѣны пока даютъ невеселыя. За четверть ржи двѣнадцать рублей, за четверть овса—восемь рублей ассигнаціями. На первый разъ, впрочемъ, образцовый хозяинъ рѣшается продешевить, лишь бы дыры заткнуть. Продалъ четвертей по пятидесяти ржи и овса, да маслица, да яицъ—вотъ онъ и съ деньгами.

Супруги ѣдутъ въ городъ и дѣлаютъ первыя закупки. Мужъ беретъ на себя что нужно для пріема гостей; жена занимается исключительно нарядами. Объѣзжаютъ городскихъ знакомыхъ, въ особенности полковыхъ, и всѣмъ напоминаютъ о наступленіи зимы. Арсеній Потапычъ справляется о цѣнахъ у настоящихъ торговцевъ и убѣждается, что хоть онъ и продешевилъ на первой продажѣ, но немного. Наконецъ, вороха всякой всячины укладываются въ возокъ, и супруги, веселые и довольные, возвращаются во-свояси. Слава Богу! теперь хоть кого не стыдно принять.

И въ самомъ дѣлѣ, ноябрь еще въ половинѣ, барышнямъ едва успѣли новенькія платьица пошить, какъ ужъ по дорогѣ къ Послѣдовкѣ начинаютъ позвякивать колокольчики. Сначала пріѣзжаютъ полковые изъ эскадрона, расположеннаго по деревнямъ, да ближайшіе сосѣди. Въ домѣ становится шумно; единственный лакей, Ясонъ, съ ногъ сбился, несмотря на то, что въ помощь ему дали двухъ мальчиковъ. Съ утра идетъ хлѣбосольство: чаи, завтраки, обѣды. Только не взыщите, а запасовъ, слава Богу, про всѣхъ хватитъ. Вечеромъ дешевенькая гувернантка на фортепіанахъ играетъ, а барышни и кавалеры танцуютъ. Въ большинствѣ случаевъ гости остаются ночевать: мужчины располагаются спать въ залѣ и въ гостиной вповалку на разостланныхъ по полу перинахъ; женскій полъ разводятъ по комнатамъ барышень, на антресоляхъ. Иные дня по два и по три гостятъ, съ прислугой и лошадьми; по хозяевамъ это не только не въ

тягость, а даже удовольствіе доставляетъ: вѣдь и они, въ свою очередь, у сосѣдей по два и по три дня веселиться будутъ.

Пріѣзды не мѣшаютъ, однакожъ, Арсенію Потапычу слѣдить за молотьбой. Всѣ знаютъ, что онъ образцовый хозяинъ, и понимаютъ, что кому другому, а ему нельзя не присмотрѣть за работами; но, сверхъ того, наступили самые короткіе дни, работа идетъ не больше пяти-шести часовъ въ сутки, и Пустотѣловъ къ обѣду ужъ совсѣмъ свободенъ. Иногда, впрочемъ, онъ и совсѣмъ освобождаетъ себя отъ надзора; придетъ въ ригу на какой-нибудь часъ, скажетъ мужичкамъ:

— Смотри у меня, ребята! чтобы все до послѣдняго зерна было цѣло! — и уйдетъ домой, увѣренный, что умолотъ будетъ весь на-лицо.

Но все это только цвѣточки. Приближается 13-е декабря, день ангела Арсенія Потапыча. Къ этому дню приготовляются очень дѣятельно, такъ какъ изстари заведено, что у Пустотѣловыхъ къ именинамъ хозяина съѣзжается цѣлая масса гостей. Филанида Протасьевна наскоро объѣзжаетъ сосѣдей и всѣмъ напоминаетъ о предстоящемъ празднествѣ. Арсеній Потапычъ тѣмъ временемъ продаетъ еще партію хлѣба и ѣдетъ въ городъ для новыхъ закупокъ.

13-го декабря, сейчасъ послѣ обѣдни, въ домѣ именинника происходитъ сущее свѣтопреставленіе. Гости наѣзжаютъ одни за другими; женской и мужской прислуги набирается столько, что бо́льшую часть ея отсылаютъ въ застольную: экипажи и лошади тоже, за недостаткомъ мѣста, размѣщаются въ деревнѣ по крестьянскимъ дворамъ.

Я не буду, впрочемъ, описывать здѣсь подробности праздника. Хлѣбосольство въ то время справлялось вездѣ одинаково, и потому составитъ предметъ особой главы, въ которой я намѣренъ изобразить общее пошехонское раздолье.

Зима живо проходитъ въ безпрерывныхъ пріемахъ и выѣздахъ, но въ особенности весело проводятся святки и масляница.

Дня за три до святокъ обмолачиваются послѣдніе снопы овса; стукъ цѣповъ на барской ригѣ смолкаетъ, и Арсеній Потапычъ на цѣлыхъ три мѣсяца можетъ считать себя вольнымъ казакомъ. Онъ пополнѣлъ: загаръ съ его лица исчезъ, даже заботливое выраженіе пропало. Ни одного съѣзда у сосѣдей не обходится безъ Пустотѣловыхъ: вездѣ они дорогіе гости, несмотря на то, что пріѣзжаютъ цѣлой гурьбой. Но, кромѣ сосѣдей, ѣздятъ и въ городъ, гдѣ господа

офицеры устроили клубъ и даютъ въ немъ, отъ времени до времени, танцовальные вечера, для которыхъ барышни-невѣсты приберегаютъ свои лучшія платьица.

Пустотѣловымъ и насчетъ дочерей везетъ. Благодаря ловкости и гостепріимству, они успѣваютъ пристроить, въ теченіе зимы, двухъ старшихъ барышенъ. Одну за полкового лекаря помолвили, другую—за уѣзднаго стряпчаго Стрѣльбищева. Оба люди бѣдные, но нужда научитъ деньгу добывать. Зато они богатаго приданаго не требуютъ. Сшила невѣстамъ Филанида Протасьевна по два лишнихъ платьица, бѣлья прибавила, да серебреца по полдюжинѣ столовыхъ и чайныхъ ложекъ купили—вотъ и все. У другихъ и съ богатымъ приданымъ Богъ дочкамъ судьбы не посылаетъ, а Пустотѣловы всего-на-все двѣ зимы своихъ невѣстъ вывозили, и ужъ успѣли ихъ съ рукъ сбыть. Двухъ сбыли, а потомъ постепенно и остальныхъ сбудутъ. А все отъ того, что Арсеній Потапычъ умѣетъ во-время послѣднюю копѣйку ребромъ поставить, а Филанида Протасьевна приласкать и принять мастерица.

Одна бѣда: чѣмъ больше идетъ зима вглубь, тѣмъ меньше стапо-вится запасъ продуктовъ, назначенныхъ на продажу. Къ концу мясоѣда, Пустотѣловы продали остатки хлѣба, отложивъ только то, что потребуется на сѣмена и на собственное продовольствіе, и засѣли на масляницу дома. Даже на folle journée къ Струнниковымъ не поѣхали, подъ предлогомъ, что барышни пожелали провести послѣдніе дни передъ постомъ съ женихами. Но годъ все-таки оправдалъ ожиданія образцоваго хозяина; онъ не только свелъ концы съ концами, но успѣлъ отложить небольшую сумму и для предстоящихъ свадебныхъ торжествъ.

Наконецъ наступаетъ и чистый понедѣльникъ. И Арсеній Потапычъ, и вся семья говѣютъ на первой недѣлѣ, изъ опасенія, чтобы бездорожье не воспрепятствовало исполнить христіанскій долгъ позднѣе. Постъ соблюдается строго; за столъ подаются исключительно грибы, картофель, капуста, рѣдька и вообще самое неприхотливое кушанье: только два раза, въ Благовѣщенье да въ Вербное воскресенье, господа позволяютъ себѣ рыбой побаловаться, но и этимъ лакомствомъ Пустотѣловъ заранѣе запастись успѣлъ. Еще осенью, съ наступленіемъ первыхъ заморозковъ, выпросилъ у сосѣда Гусницына позволенье въ его озерѣ рыбки половить, а у другого сосѣда

неводомъ раздобылся. И такъ какъ онъ былъ на всѣ руки мастеръ, то ловля вышла обильная. И щукъ, и окуней, и язей насолили и заморозили пудовъ двадцать; всю масляницу и сами ѣли, и въ застольную отпускали, а остатки будутъ постомъ доѣдать.

Святая недѣля проходитъ тихо. Наступаетъ полное бездорожье, такъ что въ Свѣтлое воскресенье семья вынуждена выѣхать изъ дома за-свѣтло и только съ помощью всей барщины успѣваетъ попасть въ приходскую церковь къ заутренѣ. А съ бездорожьемъ и гости притихли; сосѣди заперлись по домамъ и отдыхаютъ; даже женихи пріѣхали изъ города, рискуя на каждомъ шагу окунуться въ зажорѣ.

На красную горку Пустотѣловы справляютъ разомъ обѣ свадьбы. Но ни пріемовъ, ни выѣздовъ по этому случаю не дѣлается, во-первыхъ, потому что рабочая пора недалеко, а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, потому, что денегъ мало.

Утромъ, сейчасъ послѣ обѣдни, происходитъ вѣнчальный обрядъ, затѣмъ у родителей подается ранній обѣдъ, и вслѣдъ за нимъ новобрачные уѣзжаютъ въ городъ, *къ себѣ*.

Двѣ дочери съ плечъ долой: остается еще восемь.

Но ни Арсенію Потапычу, ни Филанидѣ Протасьевнѣ скучать по дочерямъ некогда. Слава Богу! родительскій долгъ выполнили, пристроили — чего жъ больше! А сверхъ того, и страда началась, въ яровое поле ужъ выѣхали съ боронами мужички. Какъ образцовый хозяинъ, Пустотѣловъ еще съ осени вспахалъ поле, и теперь приходится только боронить. Вскорѣ послѣ Николина дня поле засѣютъ овсомъ и опять вспашутъ и заборонятъ.

Словомъ сказать, постепенно подкрадывается лѣто, а вмѣстѣ съ нимъ и безконечный рядъ дней, въ теченіе которыхъ Арсенію Потапычу, по примѣру прошлаго года, придется разрѣшать мучительную загадку, свершитъ онъ, или не свершитъ, сведетъ ли концы съ концами, или не сведетъ.

— Вотъ, Филанидушка, и опять лѣто-припасуха настало! — говоритъ онъ женѣ, стараясь сообщить своему голосу бодрость.

Но въ дѣйствительности тревога уже заползла въ его сердце и не покинетъ его вплоть до осени.

Крестьянская реформа застала Пустотѣлова, какъ и большинство помѣщиковъ нашего захолустья, врасплохъ. Несмотря на кровавыя

изобличенія кампаніи 1853—55 гг., которая представляла собой лишь великій прологъ къ великой драмѣ освобожденія, ничто не предупредило тупо-самодовольный людъ, никогда не умѣвшій постигнуть внутренній смыслъ развертывающихся передъ его глазами событій. Корни жизни слишкомъ глубоко погрязли въ тинѣ крѣпостной уголовщины, чтобъ можно было сразу перемѣстить ихъ на новую почву. Тина эта питала прошлое, обезпечивала настоящее и будущее — какъ отказаться отъ того, что̀ изстари служило регуляторомъ всѣхъ поступковъ, составляло основу всего существованія? какъ, вмѣсто довольства и обезпеченія, представить себѣ такой порядокъ, который долженъ, въ самомъ корнѣ, подсѣчь прочно сложившійся обиходъ, погубить всѣ надежды? Естественно, что при такой беззавѣтной вѣрѣ въ непогрѣшимость старыхъ устоевъ, даже очевидность должна была представляться чѣмъ-то въ родѣ призрака, на который стоило только дунуть, чтобъ онъ мгновенно разсѣялся.

Пуще всего пугало будущее дѣтей. Положимъ, старики виноваты: не всѣ они олицетворяли собой типъ благонопечительныхъ патріарховъ—въ этомъ ужъ почти единодушно стали сознаваться—но за что же дѣти будутъ страдать? А на нихъ, между тѣмъ, и обрушатся всею тяжестью послѣдствія новоявленныхъ и ничѣмъ не вызванныхъ фантазій. Старики-то ужъ отжили вѣкъ, попользовались; имъ, пожалуй и на погостъ пора, но дѣти... Развѣ они причастны прошлому? Несомнѣнно, что когда придетъ ихъ очередь сѣсть на хозяйство, они человѣчнѣе отнесутся къ крѣпостной практикѣ. Съ ихъ появленіемъ исчезнетъ крѣпостная уголовщина, отношенія пріобрѣтутъ характеръ правомѣрности, выраженіе: „вы наши отцы, мы ваши дѣти“ сдѣлается правдою. Чего еще нужно? Вотъ и теперь: сѣлъ на хозяйство молодой Бурмакинъ,—у него и въ заводѣ нагайки нѣтъ. Лаской да добрымъ словомъ довольствуется—и все идетъ какъ слѣдуетъ. И вездѣ постепенно разведутся Бурмакины, потому что время къ тому идетъ. Нехорошо драться, нехорошо мужиковъ и бабъ на барской работѣ безъ отдыха изнурять, да вѣдь Бурмакинъ и не дѣлаетъ этого; стало быть, можно и при крѣпостномъ правѣ по хорошему обойтись.

Но, кромѣ того, ежели вѣрить въ новоявленныя фантазіи, то придется вѣру въ святое писаніе оставить. А въ писаніи именно сказано: рабы! господамъ повинуйтесь! И у Авраама, и у прочихъ

патріарховъ были рабы, а они съумѣли же угодить Богу. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, ради пустой похвальбы, дозволительно и вѣру нарушить, и завѣты отцовъ на поруганье отдать? Для чего? для того, чтобъ стремглавъ кинуться въ зіяющую пучину, въ которой все темно, все непзвѣстно?

Нѣтъ, нѣтъ! не можетъ этого статься! Рѣшимости не достанетъ, чтобъ безъ всякаго повода бросить въ народную массу такой злой и безумный переполохъ!

Такъ думало въ то время большинство, а Арсеній Потапычъ шелъ, пожалуй, дальше другихъ. Онъ былъ человѣкъ не глупый и между сосѣдями слылъ даже умницей. Но въ подобныхъ рѣшительныхъ случаяхъ на умниковъ находитъ затмѣніе легче, чѣмъ на самыхъ простодушныхъ людей. Постоянная увѣренность въ собственныхъ поступкахъ и намѣреніяхъ воспитываетъ упорство, съ которымъ трудно справиться. Поэтому Пустотѣловъ не только не измѣнилъ своего образа дѣйствій, въ виду возрастающихъ слуховъ, но просто-напросто называлъ послѣдніе ахинеей. Гоголемъ расхаживалъ онъ по полямъ и помахивалъ нагайкой, ни на іоту не отступая отъ исконнаго урочнаго положенія: за первую вину—пять ударовъ, за вторую—десять и т. д.

А молва продолжала расти. Въ сентябрѣ 1856 года нѣкоторые сосѣди, ѣздившіе на коронацію, возвратились въ деревню и привезли новость, что вся Москва только и говоритъ, что о предстоящей реформѣ.

— Всѣхъ бы я васъ за языки перевѣшалъ, да и московскихъ тявкушъ кстати!—безъ церемоніи откликался на это извѣстіе Арсеній Потапычъ.—Тяфъ да тяфъ, только и знаютъ, что лаютъ дворняжки! Надо, чтобъ всѣ съ ума сошли, чтобъ этому статься! А покуда до этого еще не дошло.

— Чудакъ ты, братецъ! точь въ точь Струпниковъ! тому, что ни говори, онъ все свое долбитъ!—убѣждаетъ его Григорій Александрычъ Перхуновъ.

— Струпникова хоть и называютъ глупымъ, а, по моему, онъ всѣхъ васъ умнѣе.

— Разсуди, однако. Кабы ничего не готовилось, развѣ позволило бы начальство вслухъ о такихъ вещахъ говорить? Вспомни-ка. Вѣдь въ прежнее время за такія рѣчи ссылали туда, гдѣ Макаръ

телять не гонялъ, а нынче всякій щенокъ ротъ разѣвать: волю нужно дать, волю! — А начальство сидитъ да по головкѣ гладитъ!

— Белиберда пошла—отъ того. Возжи распустили, бомбошкой заманиваютъ... Всегда такъ на первыхъ порахъ бывало.

— И я знаю, что белиберда, да къ белибердѣ-то къ этой готовиться надобно. Упадетъ она какъ снѣгъ на голову; очнуться придется, туда-сюда—анъ поздно!

— Отстань!.. Сказалъ, что никогда этому не бывать—и не будетъ! Не къ чему готовиться.

Однимъ словомъ, ничто не могло его сломить. Даже Филанида Протасьевна, всегда безусловно вѣрившая въ правоту мужа — и та поколебалась. Но разувѣрять его не пробовала, потому что боялась, что это только поведетъ къ охлажденію дружескихъ отношеній, изстари связывавшихъ супруговъ.

Въ то время старики Пустотѣловы жили одни. Дочерей всѣхъ до одной повыдали замужъ, а сыновья съ отличіемъ вышли изъ корпуса, потомъ кончили курсъ въ академіи генеральнаго штаба и ужъ занимали хорошія штабныя мѣста.

— Жить бы теперь да радоваться, —тосковала Филанида Протасьевна:—такъ нѣтъ же! послалъ подъ конецъ Богъ напасть!

И написала сыновьямъ, чтобъ хорошенько обо всемъ разузнали и осторожно увѣдомили отца.

Дѣйствительно, оба сына, одинъ за другимъ, сообщили отцу, что дѣло освобожденія принимаетъ все болѣе и болѣе серьезный оборотъ, и что ходящіе въ обществѣ слухи объ этомъ предметѣ имѣютъ вполнѣ реальное основаніе. Получивши первое письмо, Арсеній Потапычъ задумался и дня два сряду находился въ величайшемъ волненіи; но, въ заключеніе, бросилъ письмо въ печку и отвѣтилъ сыну, чтобъ онъ никогда не смѣлъ ему о пустякахъ писать.

Наконецъ въ газетахъ появился извѣстный рескриптъ генералъ-губернатору западнаго края. Полковникъ Гуслицынъ прислалъ Пустотѣлову нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ которомъ былъ напечатанъ рескриптъ, такъ что, по настоящему, не оставалось и мѣста для какихъ бы то ни было сомнѣній.

— Вотъ видишь!—осмѣлилась замѣтить мужу по этому поводу Филанида Протасьевна.

— Что вижу! что слѣдуетъ видѣть, то и вижу! — огрызнулся

онъ точь-въ-точь какъ Струшниковъ:—извѣстно, полячишки! Бунтуютъ—вотъ имъ за это и...

Рескринтъ, можно сказать, даже подстрекнулъ его. Увѣрившись, что слухъ о предстоящей волѣ уже начинаетъ проникать въ народъ, онъ призвалъ станового пристава и обругалъ его за слабое смотрѣніе, потомъ съѣздилъ въ городъ и назвалъ исправника колпакомъ и такимъ женскимъ именемъ, что тотъ съ минуту колебался, не обидѣться ли ему.

— Вотъ я самъ за дѣло возьмусь, за всѣхъ за васъ наблюдать начну!—пригрозилъ онъ:—и перваго „тявкушу“, какого встрѣчу—мой ли онъ, чужой ли—сейчасъ на конюшню драть. Скажите на милость, во все горло чепуху по всему уѣзду городятъ, а они, хранители-то наши, сидятъ спустя рукава да посвистываютъ!

И дѣйствительно, онъ началъ наблюдать и прислушиваться. Въ Послѣдовкѣ страхъ покамѣстъ еще не исчезъ, и крестьяне безмолвствовали, но на сторонѣ ужъ крупненько поговаривали. И вотъ онъ однажды заманилъ одного „тявкушу“ и выпоролъ. Конечно, это сошло ему съ рукъ благополучно — сосѣдъ, владѣлецъ „тявкуши“, даже поблагодарилъ—но всѣ ужъ начали потихоньку надъ нимъ посмѣиваться.

— Посмотри на себя, на что ты похожъ сталъ!—упрекалъ его Перхуновъ:—точно баба! только бабы нынче *этому* не вѣрятъ, а ты все уменъ да уменъ былъ, и вдругъ колесомъ ходить началъ! Струшниковъ—и тотъ надъ тобой смѣется!

Наконецъ онъ надумалъ рѣшительную мѣру. Призвалъ приходскаго батюшку и предложилъ ему въ первый же праздникъ сказать въ церкви проповѣдь на тему, что никогда *этого* не будетъ. Но батюшка былъ изъ небойкихъ, отъ роду проповѣдей не сочинялъ, а потому и на этотъ разъ затруднился. Тогда онъ предложилъ собственныя услуги. И дѣйствительно, не теряя лишней минуты, засѣлъ за дѣло, а часа черезъ два проповѣдь ужъ была готова. Въ ней онъ изложилъ, что и у Авраама были рабы, и у Исаака, и у Іакова, а у Іова было рабовъ даже больше, нежели овецъ. Однимъ словомъ, доказалъ все такъ ясно, что малому ребенку не понять нельзя.

Въ первое же воскресенье церковь была биткомъ набита народомъ. Съѣхались послушать не только прихожане-помѣщики, но и дальніе. И вотъ, въ урочное время, передъ концомъ обѣдни, батюшка

подошелъ къ поставленному на амвонѣ аналою и мягкимъ голосомъ провозгласилъ:

— Господа, мужички!---прошу подойти ближе! подходите ближе!

Толпа заколыхалась. Мужички слушали съ вниманіемъ и, повидимому, поняли; но — увы! — поняли какъ разъ наоборотъ ожиданіямъ Арсенія Потапыча.

Велѣдъ затѣмъ Струнниковъ съѣздилъ въ губернскій городъ на общее совѣщаніе предводителей и возвратился оттуда. Дальнѣйшія сомнѣнія сдѣлались ужъ невозможными...

Пустотѣловы заперлись въ Послѣдовкѣ, и сами никуда не ѣздили, и къ себѣ не принимали. Въ скоромъ времени Арсеній Потапычъ и хозяйство запустилъ: пошелъ слухъ, что онъ серьезно сталъ попивать.

— Вотъ онъ, образцовый-то хозяинъ! — говорили о немъ сосѣди:—и всѣ мы образцовые были, покуда свои мужички задаромъ работали, а вотъ, поди-ка, теперь похозяйничай!

— -

Въ 1865 году мнѣ пришлось побывать въ нашемъ захолустьи. Въ одинъ изъ небольшихъ церковныхъ праздниковъ отправился я къ обѣднѣ въ тотъ самый приходъ, къ которому принадлежали и Пустотѣловы. Церковь была совершенно пуста: кромѣ церковнаго причта да старосты, я замѣтилъ только двухъ богомольцевъ, стоявшихъ на небольшомъ возвышеніи, обтянутомъ потемнѣвшимъ и продыравленнымъ краснымъ сукномъ. То были старики Пустотѣловы.

Послѣ обѣдни я подошелъ къ нимъ и удивился перемѣнѣ, которая произошла въ Арсеніи Потапычѣ въ какихъ-нибудь два-три года. Правая нога почти совсѣмъ отнялась, такъ что Филанида Протасьевна вынуждена была безпрестанно поддерживать его за локоть: языкъ заплетался, глаза смотрѣли мутно, слухъ притупился. Несмотря на то, что день только-что начался, отъ него ужъ слышался запахъ водки.

— Арсеній Потапычъ! Филанида Протасьевна! наконецъ-то случай насъ свелъ!—привѣтствовалъ я знакомыхъ.

Филанида Протасьевна, увидѣвшись со мной, молча указала на мужа и заплакала; но онъ повидимому не узналъ меня. Неподвижно уставивъ впередъ мутные глаза, онъ, казалось, вглядывался въ какой-то призракъ, который ежеминутно угнеталъ его мысль.

— Арсюша! старый знакомый съ тобой говоритъ! — крикнула ему въ ухо жена.

Онъ медленно повернулъ голову въ мою сторону и чуть слышно, косѣющимъ языкомъ пролепеталъ:

— Умп-рать...

XXIX.—Валентинъ Бурмакинъ.

Валентинъ Осипычъ Бурмакинъ былъ единственный представитель университетскаго образованія, которымъ обладало наше захолустье.

Еще когда онъ посѣщалъ университетъ, умерла у него старуха бабушка, оставивъ любимцу внуку въ нашихъ мѣстахъ небольшое, но устроенное имѣніе, душъ около двухсотъ. Тамъ онъ, окончивши курсъ, и пріютился, отказавшись въ пользу сестеръ отъ своей части въ имѣніи отца и матери. Пріѣхавши, сдѣлалъ сосѣдямъ визиты, заявляя, что ни въ казнѣ, ни по выборамъ служить не намѣренъ, совершенно ни для кого не явится, а будетъ жить въ своемъ Веригинѣ вольнымъ казакомъ.

Сосѣди ему не понравились, и онъ не понравился сосѣдямъ. Думали: вотъ явится женихъ, будетъ по зимамъ у сосѣдей на вечеринкахъ танцы танцовать, барышнямъ комплименты говорить, а вмѣсто того пріѣхалъ молодой человѣкъ молчаливый, неловкій и даже застѣнчивый. Какъ есть рохля. По началу его, однакожъ, зазывали, посылали приглашенія: но онъ ѣздилъ въ гости рѣдко, отказываясь подъ разными предлогами, такъ что скоро сдѣлалось ясно, что зимнее пошехонское раздолье напрасно будетъ на него разсчитывать.

Запершись онъ въ Веригинѣ, книжекъ навезъ, сидитъ да почитываетъ. Даже въ хозяйство не вошелъ. Призвалъ старосту Власа, который еще при бабушкѣ вѣрой и правдой служилъ, и повелъ съ нимъ такого рода разговоръ:

— Слушай, Власъ! Вѣдь ты честный человѣкъ? да?

Староста изумился при этомъ вопросѣ и во всѣ глаза смотрѣлъ на молодого барина.

— Я тебя не подозрѣваю, а только спрашиваю: вѣдь ты честный человѣкъ?—да?—приставалъ Бурмакинъ.

— Съ чего бы, кажется...—пробормоталъ Власъ.

— Вотъ и прекрасно. И ты честный человѣкъ, и я честный человѣкъ, и всѣ мы здѣсь честные люди! Я и тебѣ, и всѣмъ... довѣряю!

Валентинъ Осипычъ протянулъ руку, конечно для пожатія, но староста кинулся со всѣхъ ногъ и поцѣловалъ ее.

— Ахъ, что ты! я совсѣмъ не для того... Пожалуйста, ты эти глупости оставь!

Очень возможно, что разговоръ этотъ былъ нѣсколько прикрашенъ кѣмъ-нибудь изъ остряковъ-сосѣдей, но въ примѣненіи къ Бурмакину онъ представлялся настолько вѣроподобнымъ, что обошелъ всю округу и составилъ предметъ общаго увеселенія.

Къ счастію, бабушкинъ выборъ былъ хорошъ, и староста, дѣйствительно, оказался честнымъ человѣкомъ. Такъ что при молодомъ баринѣ хозяйство пошло тѣмъ же порядкомъ, какъ и при старухѣ-бабушкѣ. Доходовъ получалось съ имѣнія немного, но для одинокаго человѣка, который особенныхъ требованій не предъявлялъ, вполнѣ достаточно. Валентинъ Осипычъ нашелъ даже возможнымъ отдѣлять частичку изъ этихъ доходовъ, чтобы зимой погостить мѣсяцъ или два въ Москвѣ и отдохнуть отъ назойливой сутолоки роднаго захолустья.

Это была чистая, высоко-нравственная, почти непорочная личность. Бурмакинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ беззавѣтныхъ идеалистовъ, благодаря которымъ во тьмѣ сороковыхъ годовъ просіялъ лучъ свѣта и заставилъ волноваться отзывчивыя сердца. Впервые, послѣ многихъ лѣтъ забитости, почувствовалось, что доброе и человѣческое не до конца изгибло, что человѣческій образъ, даже искаженный, не перестаетъ быть человѣческимъ образомъ. Разумѣется, возникшее въ этомъ смыслѣ движеніе сосредоточивалось исключительно въ литературѣ да въ стѣнахъ университета; разумѣется, оно высказывалось случайно, урывками, но эта случайность пробивалась наружу въ такомъ вооруженіи страстности и убѣжденности, что неизбѣжно оставляла по себѣ горячій слѣдъ. Свѣточъ горѣлъ одиноко, но настолько ярко, что впослѣдствіи, когда дальнѣйшее горѣніе было признано неудобнымъ, потребовались уже нѣкоторыя усилія, чтобъ потушить его.

Бурмакинъ былъ ученикъ Граповскаго и страстный почитатель Бѣлинскаго. Не будучи „учеными“, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, эти люди будили общественное чувство и въ высшей мѣрѣ обладали даромъ жечь глаголомъ сердца. А для того времени это было всего нужнѣе. На призывъ ихъ проповѣди откликнулась безвѣстная масса современной молодежи и, въ свою очередь, сѣяла горячее слово добра, человѣчности, любви. Сѣяла на свой рискъ, не останавливаясь ни передъ подозрительностью, которая встрѣчала проповѣдническій подвигъ, ни передъ мыслью о пучинѣ безвѣстности, въ которой этому подвигу предстояло утонуть.

Валентинъ еще въ университетѣ примкнулъ къ этому кружку страстныхъ и убѣжденныхъ людей, и искренно привязался къ нему. Онъ много читалъ, изрѣдка даже пробовалъ писать, но, надо сказать правду, выдающимися талантами не обладалъ. Это былъ отличный второстепенный дѣятель и преданнѣйшій другъ. Такъ понимали его и члены кружка, глубоко цѣнившіе его честныя убѣжденія.

Но какъ ни безупречна была, въ нравственномъ смыслѣ, убѣжденная восторженность людей кружка, она въ то же время страдала существеннымъ недостаткомъ. У нея не было реальной почвы. Истина, добро, красота — вотъ идеалы, къ которымъ тяготѣли лучшіе люди того времени, но, къ сожалѣнію, осуществленія ихъ они искали не въ жизни, а исключительно въ области искусства, одного безпримѣснаго искусства.

Это было, впрочемъ, понятно. Жизнь того времени представляла собой запертую храмину, ключъ отъ которой былъ отданъ въ безконтрольное завѣдываніе табели о рангахъ, и послѣдняя настолько ревниво оберегала ее отъ сторонихъ вторженій, что самое понятіе о „реальномъ“ какъ бы исчезло изъ общественнаго сознанія. Музыка, литература, театръ стояли на первомъ планѣ и служили предметомъ пламенныхъ и безкорыстныхъ состязаній. Всѣмъ памятны споры о Мочаловѣ, Каратыгинѣ, Щепкинѣ и т. д., каждый жестъ которыхъ порождалъ цѣлую массу страстныхъ комментаріевъ. Даже въ балетѣ усматривали глашатая добра, истины и красоты. Имена Санковской и Гериновой раздавались во всѣхъ кофейняхъ, на всѣхъ дружескихъ бесѣдахъ. Это были не просто танцовщикъ и танцовщица, а пластическіе разъяснители „новаго слова“, заставлявшіе по произволенію радоваться или скорбѣть.

Оторванность отъ реальной почвы производила печальное двоегласіе и въ существованіи отдѣльныхъ индивидуумовъ. Крѣпостное право было ненавистно, но такихъ героевъ, которые отказались бы отъ пользованія имъ, не отыскивалось. Однажды установившаяся степень довольства и перспектива обезпеченнаго досуга были слишкомъ привлекательны, чтобы въ виду ихъ даже избранникъ рѣшился взять посохъ въ руки и идти въ потѣ лица спискивать хлѣбъ свой. Такимъ образомъ, жизнь сама собой раскалывалась на двѣ половины: одна была отдана Ормузду, другая—Ариману.

Но, кромѣ двогласія въ личномъ существованіи, представлялась еще другая опасность, которую приводило за собой отсутствіе реальныхъ интересовъ... Опасность эту представляло вторженіе нѣкоторыхъ противорѣчивыхъ примѣсей, которыя угрожали возможностью измѣнъ въ будущемъ.

Одною изъ завѣтныхъ формулъ того времени была „святая простота“. Въ ней заключалось нѣчто непререкаемое и при упоминовеніи объ ней оставалось только преклоняться. Но употребляли ее неразборчиво и нерѣдко смѣшивали съ пошлостью и невѣжествомъ. Это ужъ было заблужденіе, которое грозило послѣдствіями очень сомнительнаго свойства. Крестьянство задыхалось подъ игомъ рабства, но за то оно было sancta simplicitas; чиновничество погрязало въ лихоимствѣ, но и это было своего рода sancta simplicitas; невѣжество, мракъ, жестокость, произволъ господствовали всюду, но и они представляли собой одну изъ формъ sancta simplicitas. Среди этихъ разнообразныхъ проявленій простоты дышать было тяжело, но поводовъ для привлеченія къ отвѣтственности не существовало.

Затѣмъ, рядомъ съ легендой о святой простотѣ, выработалась еще другая, гласившая, что существующее уже по тому одному разумно, что оно существуетъ. Формула эта свидѣтельствовала, что самая глубокая восторженность не можетъ настолько удовлетвориться исключительно своимъ собственнымъ содержаніемъ, чтобы не чувствовать потребности въ прикосновеніи къ дѣйствительности, и въ то же время она служила какъ бы объясненіемъ, почему люди, внутренно чуждающіеся извѣстнаго жизненнаго строя, могутъ, не протестуя, жить въ немъ. Разумѣется, это было возможно только при цѣлой системѣ такихъ оправданій и примиреній, откуда было недалеко и до совер-

щенной путаницы понятій. И будущее доказало, что измѣна очень ловко воспользовалась этими оправданіями.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни оторванъ былъ отъ жизни идеализмъ сороковыхъ годовъ, но лично своимъ адептамъ онъ доставлялъ по истинѣ сладкія минуты. Мысли горѣли, сердца учащенно бились, все существо до краевъ переполнялось блаженствомъ. Спасибо и за это. Бываютъ сермяжныя эпохи, когда душа жаждетъ, чтобы хоть шопотомъ кто-нибудь произнесъ: sursum corda!—и не дождется...

. . . . . .

Итакъ, Бурмакинъ поселился въ родномъ гнѣздѣ и нимало не роптал на одиночество. Онъ читалъ, переписывался съ друзьями и терпѣливо выжидалъ тѣхъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, въ которые положилъ себѣ переѣзжать на житье въ Москву.

Какъ ни ревниво, однакожъ, ограждалъ онъ свое уединеніе, но совсѣмъ уберечься отъ общенія съ сосѣдями уже по тому одному не могъ, что по близости жили его отецъ и мать, которыхъ онъ обязанъ былъ посѣщать.

Старики Бурмакины жили радушно, и гости ѣздили къ нимъ часто. У нихъ были двѣ дочери, объ на выданьѣ: надо же было барышнямъ развлеченье доставить. Правда, что между помѣщиками женіховъ не оказывалось, кромѣ закоренѣлыхъ холостяковъ, погрязшихъ въ гаремной жизни; но въ уѣздномъ городѣ и по деревнямъ расквартированъ былъ кавалерійскій полкъ, а между офицерами и женіховъ присмотрѣть не въ рѣдкость бывало. Стало быть, безъ пріемовъ обойтись никакъ нельзя.

Поэтому въ домѣ стариковъ было всегда людно. Пріѣзжая туда, Бурмакинъ находилъ толпу гостей, преимущественно офицеровъ, юнкеровъ и барышенъ, которыми нашъ уѣздъ всегда изобиловалъ. Валентинъ былъ сдержанъ, но учтивъ; къ себѣ не приглашалъ, но не могъ уклониться отъ знакомствъ, потому что родные почти насильственно ему ихъ навязывали.

— Онъ у насъ бука,—говорили они,—а вы соберитесь компаніей, да и растормошите его!

Въ числѣ наиболѣе частыхъ посѣтительницъ стариковскаго дома была помѣщица Калерія Степановна Чепракова съ четырьмя дочерьми. Она была вдова и притомъ бѣдная (всего пятьдесятъ душъ, да и тѣ разоренныя), такъ что положеніе ея, при большомъ семействѣ, состо-

явшемъ изъ одинѣхъ дочерей, было очень незавидное. Усадьба ея была расположена на высокомъ берегу рѣки Вопли, но домъ былъ до того ветхъ, что ежеминутно грозилъ развалиться. Сосѣди называли его старымъ аббатствомъ и удивлялись, какъ она не боится въ немъ жить. Полы ходуномъ ходили; изъ оконъ и изъ щелей стѣнъ дуло; зимой никакими способами ухитриться было нельзя. Ремонтировать домъ было не на что, да, пожалуй, и незачѣмъ; надо новый домъ строить, а у вдовы не только денегъ, а и лѣсу своего нѣтъ.

Однакожъ вдова не унывала. Дочери у нея были погодки и всѣ очень красивыя, въ особенности младшая, которой только-что минуло семнадцать лѣтъ. Всѣ офицеры, и молодые, и старые, поголовно влюблялись въ нихъ, а маіоръ Клобутицынъ даже основалъ дивизіонную штабъ-квартиру въ селѣ, гдѣ жили Чепраковы. Тамъ, притаившись въ отведенной ему крестьянской избѣ, онъ, въ обществѣ избранныхъ субалтенъ-офицеровъ, засматривался на Чепраковскихъ барышенъ, покуда онѣ рѣзвились, купаясь въ Воплѣ, и нельзя поручиться, чтобъ барышни, въ свою очередь, не знали, что за ними слѣдятъ любопытные глаза.

По поводу этихъ наблюденій носились слухи, что вдова не очень разборчива на средства, лишь бы „разсовать“ дочерей; но сосѣди относились къ этому снисходительно, понимая, что съ такой обузой справиться не легко.

— Извольте-ка,—говорили они,—отъ пятидесяти душъ экую охапку дѣтей содержать! Накормить, напоить, одѣть, обуть да и въ люди вывезти. По-неволѣ станешь въ рѣкѣ живыя картины представлять!

Неизвѣстно, до сыта ли кормила вдова дочерей, но всѣ четыре были настолько въ тѣлѣ, что ничто не указывало на недостатокъ питанія; неизвѣстно, въ какихъ платьяхъ онѣ ходили дома, но въ люди показывались одѣтыми не хуже другихъ. Вдова была изобрѣтательна: перешивала, перекраивала, выворачивала—и всегда у нея выходило хоть куда. Одно горе—отъ пріемовъ она должна была совсѣмъ отказаться: и средствъ нѣтъ, и домъ никуда не годится. Впрочемъ, господа офицеры изрѣдка все-таки заглядывали къ Чепраковымъ и проводили время не скучно. Только вмѣсто чаю пили молоко, вмѣсто пшеничныхъ булокъ ѣли черный хлѣбъ съ масломъ.

Положеніе Калеріи Степановны было тѣмъ болѣе непріятно, что

у нея существовало сытое и привольное прошлое. Сама она принадлежала къ семьѣ Курильцевыхъ, изстари славившейся широкимъ гостепріимствомъ, а мужъ ея до самой смерти былъ такимъ же безсмѣннымъ исправникомъ, какимъ впослѣдствіи сдѣлался Метальниковъ. Весело имъ жилось, привольно; Чепраковъ добывалъ денегъ много и тратилъ безъ разсчета. Мужъ пилъ; жена рядилась и принимала гостей. Казалось, и конца раздолью не будетъ. Домъ ужъ и въ то время обращался въ руины, такъ что неминучее дѣло было затѣвать новый, а Чепраковъ все откладывалъ да откладывалъ —съ тѣмъ и на тотъ свѣтъ отправился, оставивши вдову съ четырьмя дочерьми. Умеръ онъ внезапно, ударомъ, запутавши дѣла до того, что и похоронить было не на что. День днемъ очищался, а о запасной копѣйкѣ и въ помыслахъ не держали. Еще наканунѣ домъ довольствомъ кишѣлъ, а на утро—хоть шаромъ покати.

Это случилось лѣтъ десять тому назадъ. Полились вдовьи слезы. Не скоро поняла Калерія Степановна свое положеніе: къ хозяйству она не привыкла, жила на всемъ готовомъ—натурально, что при первомъ же испытаніи совсѣмъ растерялась. Хорошо еще, что дѣти были невелики, большихъ расходовъ не требовали, а то просто хоть съ сумой побираться иди. Однако пришлось понять, что прежнее приволье кануло безповоротно въ пучинѣ прошлаго, и что впереди ждетъ совсѣмъ новая жизнь. И надо отдать вдовѣ справедливость: хоть и не сразу, но она поняла.

Пришлось обращаться за помощью къ сосѣдямъ. Больше другихъ выказали вдовѣ участіе старики Бурмакины, которые однажды, подъ видомъ гощенія, выпросили у нея младшую дочь Людмилу, да такъ и оставили ее у себя воспитывать вмѣстѣ съ своими дочерьми. Дочери между тѣмъ росли и изъ хорошенькихъ дѣвочекъ сдѣлались красавицами-невѣстами. Въ особенности, какъ я ужъ сказалъ, красива была Людмила, которую весь полкъ называлъ не иначе, какъ Милочкой. Надо было думать о женихахъ, и тутъ началась для вдовы цѣлая жизнь тревожныхъ испытаній.

Взоры ея естественно устремились на квартирующій полкъ, но военная молодежь охотно засматривалась на красавицъ, а сватовства не затѣвала. Даже старые холостяки изъ штабъ-офицеровъ — и тѣ только шевелили усами, когда Калерія Степановна, играя масляными глазами — она и сама еще могла нравиться,—заводила разговоры о

скукѣ одиночества и о томъ, какъ она счастлива, что у нея четыре дочери—и все ангелы.

— Посмотрю я на васъ, Семенъ Семенычъ, — обольщала она маіора Клобутицына: — все-то вы одни да одни! Хоть бы къ намъ ночанце заходили, а то живете черезъ улицу, въ кои-то вѣки заглянете.

— Я, сударыня, готовъ-съ.

— А готовы, такъ за чѣмъ же дѣло стало! У меня дочки... пѣсенокъ для васъ попоютъ, на фортепьянахъ поиграютъ... Заходите-ка вечеркомъ, мы васъ расшевелимъ!

Дѣйствительно, на слѣдующій же день послѣ этого разговора, маіоръ нарядился, надушился и явился около семи часовъ вечера въ аббатство. Дѣло шло уже къ осени, сумерки спустились рано; въ большой залѣ аббатства было сыро и темно. Не встрѣтивши въ передней прислуги, маіоръ, покашливая и громко сморкаясь, ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, въ ожиданіи хозяекъ. Въ головѣ у него бродила своекорыстная мысль: хорошо бы вотъ этакую дѣвицу, какъ Марья Андреевна (старшая дочь), да не жениться бы, а такъ... чтобы чай разливала. Минутъ съ десять онъ такимъ образомъ мечталъ, пока, наконецъ, его заслышали.

— А! Семенъ Семенычъ! къ намъ, въ гостиную! — кричала въ дверяхъ Калерія Степановна: — у насъ уютнѣе!

Подали двѣ сальныхъ свѣчи, а затѣмъ, играя и рѣзвясь, прибѣжали и всѣ четыре дочери. Маіоръ щелкалъ шпорами и игралъ зрачками.

— Чѣмъ васъ потчивать? — захлопоталась вдова. — Мужчины, я знаю, любятъ чай съ ромомъ пить, а у насъ, извините, не то что рому, и чаю въ заводѣ нѣтъ. Не хотите ли молочка?

— Помилуйте! зачѣмъ же-съ?

Вдова начала горько жаловаться на судьбу. Все у нихъ при покойномъ мужѣ было: и чай, и ромъ, и вино, и закуски... А лошади какія были, особливо тройка одна! Эту тройку покойный мужъ цѣлыхъ два года подбиралъ и, наконецъ, въ именины подарилъ ей... Она сама, бывало, и правитъ ею. Соберутся сосѣди, заложатъ телѣжку, сядетъ человѣка четыре кавалеровъ, кто прямо, кто сбоку, и поѣдутъ кататься. Шибко-шибко. Кавалеры, бывало, трусятъ, кричатъ: „тише, Калерія Степановна, тише!“ — а она нарочно все шибче да шибче...

— Хорошо тогда жилось, весело. Всего, всего вдоволь было, только птичьяго молока недоставало. Чай пили, кто какъ хотѣлъ: и съ ромомъ, и съ лимономъ, и со сливками. Только, бывало, наливаешь да спрашиваешь: вы съ чѣмъ? вы съ чѣмъ! съ лимономъ? съ ромомъ? И вдругъ — точно сорвалось... Даже попотчивать дорогого гостя нечѣмъ!

Вдова поникла головой и исподлобья взглядывала на маіора, не выкажетъ ли онъ сочувствія къ ней.

— Не позволите ли мнѣ, сударыня, фунтъ чаю?.. — наконецъ вымолвилъ онъ: — да кстати ужъ и рому бутылку велю захватить.

— Ахъ, что вы! какъ же это такъ! А впрочемъ, развѣ для васъ! по крайней мѣрѣ, вы пунш себѣ сдѣлаете, какъ дома. А намъ не нужно: мы отъ чаю совсѣмъ отвыкли!

— Ничего съ. Богъ дастъ, и опять привыкнете.

Эти слова были добрымъ предзнаменованіемъ, тѣмъ болѣе, что, произнеся ихъ, Клобутицынъ такъ жадно взглянулъ на Марью Андреевну, что у той по всему тѣлу краска разлилась. Онъ вышелъ на минуту, чтобъ распорядиться.

— Смотри же, Маша, не упускай!—шепнула Калерія Степановна дочери.

Заварили маіорскій чай, и, несмотря на отвычку, всѣ съ удовольствіемъ приняли участіе въ чаепитіи. Маіоръ пилъ пунш за пуншемъ, такъ что Калеріи Степановнѣ сдѣлалось даже жалко. Вѣдь онъ ни чаю, ни рому назадъ не возьметъ — имъ бы осталось — и вдругъ, пожалуй, всю бутылку заразъ выпьетъ! Хоть бы на гогель-могель оставилъ! А Клобутицынъ продолжалъ пить, и въ то же время все больше и больше въ упоръ смотрѣлъ на Машу, и про себя разсуждалъ:

— Хорошо бы этакую штучку... да не для женитьбы, а такъ... Она бы чай разливала, а я бы вотъ такимъ же образомъ пунш пилъ...

Разумѣется, царицей импровизированнаго вечера явилась Марья Андреевна. Она пропѣла: „Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою“, и съ такимъ чувствомъ произнесла: „заря меня не нарумянитъ, роса меня не напоитъ“, что маіора слеза прошибла. Затѣмъ она же сыграла на старыхъ-старыхъ фортепьянахъ, которыя дребезжали какъ гусли, варіаціи на тему: „Ты не повѣришь“, и маіоръ опять прослезился. Онъ такъ жадно смотрѣлъ на дѣвушку, что Калерія Степановна ужъ

подумывала. не оставить ли ихъ однихъ; но взглянула на Клобутицына и убѣдилась, что онъ совсѣмъ пьянъ.

— Прощайте-съ! — вдругъ молвилъ онъ, въ самый разгаръ матримоніальныхъ мечтаній Калеріи Степановны.

И съ этими словами, едва держась на ногахъ, вышелъ изъ гостиной.

Маіоръ зачастилъ. Каждый разъ, приходя въ аббатство, онъ приносилъ бутылку рома, а чаю черезъ каждыя двѣ недѣли фунтъ. Такое ужъ онъ, повидимому, придумалъ „положеніе“. Вдова радовалась, что дѣло идетъ на ладъ, и все дальше углублялась въ матримоніальныя мечты.

— Скучновамъ, Семенъ Семенычъ, одинмъ? Сознайтесь... скучно? —приставала она.

— Скучновато-съ.

— Вы бы женились! Мало ли у насъ невѣстъ — цѣлый цвѣтникъ!

Маіоръ загадочно улыбался, но молчалъ.

— Право! вы бы службой занимались, а молодая жена хозяйничала бы. Неужто вамъ деньщикъ и чай наливаетъ?

— Деньщикъ-съ.

— Вотъ видите! А тогда сидѣли бы вы вечеромъ такимъ же манеромъ, какъ теперь, жена бы чай разливала, а вы бы пушь пили.

— Хорошо бы-съ.

— Зачѣмъ же дѣло стало?

— Хорошо бы... да не такъ, а этакъ-съ...

Вдова вскидывала на маіора удивленные глаза и не понимала. Но вскорѣ все объяснилось. Клобутицынъ сталъ дѣлать такіе прозрачные намеки, которые даже сомнѣній не допускали...

Надежды на маіорское сватовство рухнули. Но вдова не унималась и дѣятельно предпринимала одинъ матримоніальный походъ за другимъ. Она появлялась всюду, гдѣ можно было встрѣтить военныхъ людей; и сама заговаривала съ ними, и дочерей заставляла быть любезными; словомъ сказать, изъ послѣдняго билась, чтобы товаръ лицомъ показать. Но ей положительно не везло. Самые невинные корнеты — и тѣ какъ-то загадочно косили глазами на красавицъ-невѣстъ, словно говорили: хорошо-то бы, хорошо, да не такъ, а вотъ этакъ. Аббатство одинаково пугало и старыхъ, и молодыхъ.

Появленіе молодого Бурмакина какъ разъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда Калерія Степановна начинала терять всякую надежду. Увидѣвъ Валентина Осипыча, она встрепенулась. Тайный голосъ шепнулъ ей: вотъ онъ... женихъ!—и она съ такою увѣренностью усвоила себѣ эту мысль, что оставалось только рѣшить, на которой изъ четырехъ дочерей остановится выборъ молодого человѣка.

Младшая дочь, Людмила, была красивѣе всѣхъ. Она не обладала ни дебелостью, ни крутыми бедрами, которыми отличались сестры; напротивъ того, была даже нѣсколько худощава, но въ мѣру, насколько приличествуетъ красотѣ, которая обѣщаетъ надолго сохраниться въ будущемъ. Высокая, стройная, съ едва намѣченною, дѣвственною грудью, она напоминала Венеру, выходящую изъ морской волны. Прелестное личико имѣло слегка избалованное выраженіе и было увѣнчано густой золотистой косой, которая падала ниже пояса. Вся ея фигура дышала женственностью, и это было тѣмъ привлекательнѣе, что она съ необыкновенной простотой носила свою красоту. Она не шла на встрѣчу восторгамъ, а предоставляла любоваться собой и чуть замѣтно улыбалась, когда на нее заглядывались, какъ будто ее даже удивляло, что въ глазахъ молодыхъ людей загорались искры, когда они, во время танцевъ, прикасались къ ея таліи.

Но насколько плѣнительна была Милочкина внѣшность, настолько же она сама была необразованна и неразвита, настолько же во всемъ ея существѣ была разлита глубокая безсознательность. Разговора у нея не было, но она такъ красиво молчала, что, кажется, вѣкъ бы подлѣ нея, тоже молча, просидѣлъ, и было бы не скучно.

— Что вы, Людмила Андреевна, молчите? скажите что-нибудь! —приставали къ ней кавалеры:—ну, напримѣръ, я васъ лю...

— Ахъ, нѣтъ, оставьте!.. мнѣ лѣнь,—отвѣчала она, закрывая глаза, точно собираясь уснуть:—какіе вы говорите пустяки!

И кавалеры оставляли ее въ покоѣ, и даже находили, что молчаніе составляетъ одну изъ ея привилегій. Еще Богъ знаетъ, что она скажетъ, если заговоритъ, а тутъ сиди и любуйся ею—вотъ и все!

Даже когда офицеры называли ее въ глаза „Милочкой", она и тогда не обижалась, а только пожималась, словно ее пощекотали.

— Людмила Андреевна! Милочка... вѣдь вы Милочка!

Молчаніе.

— Милочка! мы всѣ въ васъ влюблены!

— Вотъ нашли!

Встрѣтившись съ Людмилой въ домѣ своихъ стариковъ. Бурмакинъ сразу былъ пораженъ ея красотой. Красота была для него святыней, а „женственное“—святыней сугубой. Отъ вниманія его, конечно, не ускользнула крайняя неразвитость дѣвушки, но это была „святая простота“ и тоже принадлежала къ числу идеаловъ, составлявшихъ культъ молодого человѣка. Одно не нравилось: господа военные какъ-то ужъ черезъ-чуръ безцеремонно льнули къ красавицѣ, и она, повидимому, была не въ состояніи дать имъ отпоръ. Но вѣдь и это „святая простота“, передъ которою преклоняться слѣдуетъ, принимая всецѣло, какъ она есть, и не анализируя. Придетъ время —сердце ея само забьетъ тревогу, и она вдругъ прозрѣетъ и „въ небесахъ увидитъ Бога“; но покуда ея часъ не пробилъ, пускай это сердце остается въ покоѣ, пускай эта красота довлѣетъ сама себѣ.

Старики Бурмакины хвалили Милочку. Они отзывались о ней какъ о дѣвушкѣ тихой, уживчивой, которая нѣсколько лѣтъ сряду была почти членомъ ихъ семьи, и никогда никакой непріятности они отъ нея не видали. Правда, что она какъ будто простовата,—ну, да это пройдетъ. Выйдетъ замужъ за хорошаго человѣка и разомъ очнется.

Говоря такимъ образомъ, они любовно посматривали на сына, словно угадывали зарождающееся въ немъ чувство и были не прочь поощрить его.

Калерія Степановна, въ свою очередь, почуявши въ Бурмакинѣ жениха, старалась вывести Милочку изъ оцѣпенѣнія.

— Ты что же, рохля, зѣваешь!—говорила она ей:—во снѣ мужа не добудешь!

— Я, маменька, кажется, ничего...

— То-то, что ничего! Ничего-то ничѣмъ и кончается. А ты умѣй человѣку отличіе показать. Прочимъ ничего, а ему —чего! Умная-то дѣвица ежели и лишненькое основательному человѣку позволитъ, такъ и то не бѣда; а она сидитъ какъ царевна да ожидается!

Вообще, сближеніе между молодыми людьми произошло не скоро. Несмотря на материнскія наставленія, Милочка туго пробуждалась изъ состоянія вялости, которое присуще было ея природѣ. Бурма-

кинъ тоже былъ застѣнчивъ и лишь изрѣдка перебрасывался съ красавицей двумя-тремя незначащими словами...

Но вотъ, наконецъ, его день наступилъ. Однажды, зная, что Милочка гоститъ у родныхъ, онъ пріѣхалъ къ нимъ и, вопреки обыкновенію, не засталъ въ домѣ никого постороннихъ. Былъ темный октябрьскій вечеръ; комната едва освѣщалась экономно разставленными сальными огарками; старики отдыхали: даже сестры точно сговорились и оставили Людмилу Андреевну одну. Она сидѣла въ гостиной въ обычной лѣнивой позѣ, и не то дремала, не то о чемъ-то думала.

— О чемъ задумались?—спросилъ онъ, садясь возлѣ нея.

— Такъ... ни о чемъ...

— Нѣтъ, я желалъ бы знать, что въ васъ происходитъ, когда вы, задумавшись, сидите одинъ.

— Чему же во мнѣ происходить?..

Она сдѣлала движеніе, чтобы поплотнѣе закутаться въ старый прадедамовый платокъ, натянутый на ея плечи, и прижалась къ спинкѣ дивана.

— Васъ ничто никогда не волновало? ничто не радовало, не огорчало?—продолжалъ допытываться онъ.

— Чему радоваться... вотъ мамаша часто бранитъ,—ну, разумѣется...

— За что же она васъ бранитъ?

— За все... за то, что я мало говорю, занять никого не умѣю...

— Ну такъ что-жъ за бѣда!

— Нехорошо это. Она о насъ заботится, а я сама себѣ добра не желаю.

Бурмакинъ умилился.

— Милочка!—онъ, какъ и всѣ въ домѣ, называлъ ее уменьшительнымъ именемъ:—вы святая!

Она вскинула на него удивленные глаза.

— Да, вы святая!—повторилъ онъ восторженно:—вы сами не сознаете, сколько въ васъ женственнаго, непорочнаго! вы святая!

— Ахъ, что вы! развѣ такія святыя бываютъ! Святыя-то круглый годъ постятся, а я и въ великій постъ скоромное ѣмъ.

Несмотря на явное простодушіе, отвѣтъ этотъ еще болѣе умилилъ Бурмакина.

— Вы олицетвореніе женственности, чистоты и красоты!—твердилъ онъ: — вы та святая простота, передъ которой, въ благоговѣніи, преклоняются лучшіе умы!

— И мамаша тоже говоритъ, что я проста.

— Ахъ, нѣтъ, я не въ томъ смыслѣ! я говорю, что въ васъ нѣтъ этой вычурности, дѣланности, лжи, которыя такъ поражаютъ въ другихъ дѣвушкахъ. Вы сама правда, сама непорочность... сама простота!

Онъ взялъ ее за руку, которую она безъ ужимокъ отдала ему.

— Скажите!—продолжалъ онъ: —вы никогда не думали о человѣкѣ, который отдалъ бы вамъ свою жизнь, который лелѣялъ бы, холилъ васъ, какъ святыню?

— Ахъ, что̀ вы!

— Скажите, въ состояніи ли вы были бы полюбить такого человѣка? раскрыли ли бы передъ нимъ свою душу? сердце?

Она молчала; но въ лицѣ ея мелькнуло что-то похожее на застѣнчивое пробужденіе.

— Скажите!—настаивалъ онъ:—еслибъ этотъ человѣкъ былъ я; еслибъ я поклялся отдать вамъ всего себя; еслибъ я, ради васъ, былъ готовъ погубить свою жизнь, свою душу...

Онъ крѣпко сжималъ ея руку, силясь разгадать, какое дѣйствіе произвело на нее его страстное изліяніе.

— А вы будете часто со мной въ гости ѣздить? будете меня въ платьица наряжать?

Она выговорила эти слова такъ увѣренно, словно только одни они и назрѣли въ глубинахъ ея „святой простоты“.

Даже Бурмакина удивила форма, въ которую вылились эти вопросы. Еслибъ она спросила его, будетъ ли онъ ее „баловать“ —о! онъ навѣрное отвѣтилъ бы:—баловать! ласкать! любить! и, можетъ быть, даже бросился бы передъ ней на колѣни... Но „ѣздить въ гости“. „наряжать“! Что-то ужъ черезъ-чуръ обнаженное слышалось въ этихъ словахъ...

Онъ всталъ и въ волненіи началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Увы! дуновеніе жизни, очевидно, еще не коснулось этого загадочнаго существа, и весь вопросъ заключался въ томъ, способно ли сердце ея хоть когда-нибудь раскрыться на встрѣчу этому дуновенію. Цѣлый рой противорѣчивыхъ мыслей толпился въ его головѣ, но

толпился въ такомъ безпорядкѣ, что ни на одной изъ нихъ онъ не могъ остановиться. Разумѣется, побѣду все-таки одержало то рѣшеніе, которое уже заранѣе само собой созрѣло въ его душѣ и намѣтило своего рода обязательную перспективу, обѣщавшую успокоеніе взволнованному чувству.

— Людмила Андреевна!—сказалъ онъ, торжественно протягивая ей руку:—я предлагаю вамъ свою руку, возьмите ее! Это рука честнаго человѣка, который бодро поведетъ васъ по пути жизни въ тѣ высокія сферы, въ которыхъ безраздѣльно царитъ истина, добро и красота. Будемте мужъ и жена передъ Богомъ и людьми!

— Мамаша...

— Ахъ, нѣтъ, не упоминайте о мамашѣ! Пускай настоящая минута останется свѣтла и безъ примѣси. Я уважаю вашу мамашу, она достойная женщина! но пускай мы одинъ себѣ, одинъ внезапно раскрываемымъ сердцамъ нашимъ будемъ обязаны своимъ грядущимъ счастіемъ! Вѣдь вы мнѣ дадите это счастіе? дадите?

Она томно улыбнулась въ отвѣтъ и потянула его за руку къ себѣ. И вслѣдъ затѣмъ, какъ бы охваченная напливомъ чувства, она сама потянулась къ нему и поцѣловала его.

— Вотъ вамъ!—произнесла она, закрасивѣвшись.

Когда старики Бурмакины проснулись, сынъ ихъ уже былъ женихомъ. Дали знать Калеріи Степановнѣ, и вечеръ прошелъ оживленно въ кругу „своихъ“. Валентинъ Осиповичъ вышелъ изъ обычной застѣнчивости и охотно дозволялъ шутить надъ собой, хотя отъ нѣкоторыхъ шутокъ его изрядно коробило. И такъ какъ приближались филипповки, то рѣшено было играть свадьбу въ рождественскій мясоѣдъ.

Бурмакинъ былъ наверху блаженства. Онъ потребовалъ, чтобъ невѣста его не уѣзжала въ аббатство, и каждый день видѣлся съ нею. Оба уединялись гдѣ-нибудь въ уголокъ: онъ безъ умолку говорилъ, стараясь ввести ее въ кругъ своихъ идеаловъ; она прислонялась головой къ его плечу и томно прислушивалась къ его говору.

— Истина, добро, красота — вотъ тріада, которая можетъ до краевъ переполнить существованіе человѣка, и обладая которой онъ имѣетъ полное основаніе считать себя обезпеченнымъ отъ всевозможныхъ жизненныхъ невзгодъ. Служеніе этимъ идеаламъ даетъ ему убѣжище, въ которомъ онъ укроется отъ лицемѣрія, злобы и безобразія,

царствующихъ окрестъ. Для того и даются избраннымъ натурамъ идеалы, чтобъ ихъ жизни не прикасалось къ нимъ. Что такое жизнь, лишенная идеаловъ? Это совокупность развращающихъ мелочей, и только. Струниковы, Пустотѣловы, Нерхуновы—вотъ люди, которыхъ можетъ удовлетворять такая жизнь и которые съ наслажденіемъ погрязаютъ въ тинѣ ея... Нѣтъ, мы не такъ будемъ жить. Мы пойдемъ на встрѣчу сочувствующимъ людямъ, и въ обмѣнѣ мыслей, въ общемъ служеніи идеаламъ будемъ искать удовлетворенія высокимъ инстинктамъ, которые заставляютъ биться честныя сердца... Милочка! вѣдь ты пойдешь за мною? пойдешь?

— Я поѣду всюду, куда ты поѣдешь...

— Ахъ, нѣтъ, не то! я хотѣлъ спросить: понимаешь ты меня! понимаешь?

— Голубчикъ! вѣдь я еще глупенькая... приласкай меня!

— Нѣтъ, ты не глупенькая, ты святая! Ты истина, ты добро, ты красота, и все это—облеченное въ покровъ простоты! О, святая! То, что таится во мнѣ только въ формѣ броженія, ты вполотила въ жизнь, возвела въ перлъ созданія!

Онъ бралъ ея руки и страстно ихъ цѣловалъ.

— Скучно тебѣ со мной?—спрашивалъ онъ ее:—скучно?

— Нѣтъ, а такъ...

— Ну, вотъ, послѣ свадьбы поѣдемъ въ Москву, я тебя познакомлю съ моими друзьями. Повеселимъ тебя. Я вѣдь понимаю, что тебѣ нужны радости... Серьезное придетъ въ свое время, а покуда ты молода, пускай твоя жизнь течетъ радостно и свѣтло.

Покуда они разговаривали, между стариками завязался вопросъ о приданомъ. Калерія Степановна находилась въ большомъ затрудненіи. У Милочки даже бѣлья сноснаго не было, да и подвѣнечное платье сшить было не на что. А платье нужно шолковое, дорогое—самое простое приличіе этого требуетъ. Она не разъ намекала Валентину Осиповичу, что бываютъ случаи, когда женихи и т. д., но женихъ никакихъ намековъ рѣшительно не понималъ. Наконецъ, старики Бурмакины взяли на себя объясниться съ нимъ.

— Вѣдь невѣсть-то подвѣнечное платье сшить нужно.—сказала ему мать.

— А развѣ то, которое на ней, не хорошо? спросилъ онъ удивленно.

— Ничего, платье какъ платье. Но подвѣнечное платье особенное. Да и вообще мало ли что нужно. И бѣлье, и еще три-четыре платьица, да и тебѣ не мѣшаетъ о собственной обстановкѣ подумать. Все жилъ холостой, а теперь семьей обзаводишься. Такъ и разсчитывать надо...

— Что же нужно?—скажите!

— Перво-на-перво, для невѣсты приданое нужно; хоть простенькое, а все-таки... А потомъ, и у себя въ домѣ надо кой-что освѣжить... для молодой жены гнѣздышко устроить. Деньги-то есть ли у тебя?

— Есть рублей триста, которые на поѣздку въ Москву отложилъ.

Триста мало, хоть по старому счету это цѣлая тысяча. Даже на поѣздку въ Москву мало, потому что до сихъ поръ ты ѣздилъ одинъ, а теперь поѣдешь самъ-другъ. А кромѣ того, предстоятъ и свадебные расходы. Нужно, по крайней мѣрѣ, тысячи двѣ.

— Гдѣ же ихъ взять?

— Для такого случая разсчитывать на себя не приходится: можно или перехватить гдѣ-нибудь, или что-нибудь продать. Занимать, впрочемъ, не совѣтую; не трудно и запутаться. Продай лучше пустошечку, хоть Филищево, напримѣръ; тысячи полторы тебѣ съ удовольствіемъ Ермолаевъ дастъ. Вотъ ты и при деньгахъ.

Такъ и сдѣлали. Изъ полученныхъ за пустошь денегъ Валентинъ Осиповичъ отложилъ нѣсколько сотенъ на поѣздку въ Москву, а остальныя вручилъ Калеріи Степановнѣ, которая съ этой минуты водворилась въ Веригинѣ, какъ дома. Обивали мебель, развѣшивали гардины, чистили старинное бабушкино серебро, прикупали посуду и въ то же время готовили для невѣсты скромное приданое.

Это было первое серьезное столкновеніе молодого Бурмакина съ дѣйствительностью. Онъ охотно, впрочемъ, примирился съ нимъ, радуясь, что все устраивается помимо него, и не загадывая, что будущее готовитъ ему цѣлый рядъ подобныхъ же столкновеній.

— Какой ты, однакожъ, добрый!—сказала ему однажды Милочка:—прямо такъ и отдалъ деньги маманѣ въ руки!

— Какъ же иначе можно было поступить?

— Ты могъ бы свою маменьку попросить заняться. Навѣрное мамаша и для сестеръ изъ этихъ же денегъ туалеты подновитъ.

— Милочка! какія подозрѣнія... фуй! Бѣдная моя! надобно

какъ можно скорѣе вырвать тебя изъ этой порочной среды... Воздуху надо! воздуху! Милочка! никогда такъ не говори! прошу тебя... никогда!

— Ахъ, Боже, да вѣдь это я такъ...

— Довольно объ этомъ. Грязи и мрака и безъ того черезъ-чуръ достаточно. Ты должна оставаться чистою, непорочною, святою, какъ тотъ идеалъ, который свѣтитъ мнѣ среди тьмы.

По обыкновенію, Бурмакинъ забылъ объ исходной точкѣ и ударился въ сторону. При такихъ условіяхъ, Милочка могла говорить что̀ угодно, оставаясь неприкосновенною въ своей невмѣняемости. Все ей заранѣе прощалось ради „святой простоты“, которой она была олицетвореніемъ, и ежели порою молодому человѣку приводилось испытывать нѣкоторую неловкость, выслушивая ея наивныя признанія, то неловкость эта почти моментально утопала въ превыспренностяхъ, которыми полна была его душа.

Въ началѣ рождественскаго мясоѣда сыграли свадьбу. Валентинъ заявлялъ желаніе, чтобы посажонымъ отцомъ у него былъ староста Власъ, а посаженой матерью ключница Непила; но тутъ ужъ и старики Бурмакины взбунтовались, а Милочка даже расплакалась.

— Они честные люди! — восклицалъ онъ: — и въ ту минуту, когда я вступаю на новый жизненный путь, благословеніе честныхъ людей для меня дороже, нежели генеральское!

Наплу его уломали, доказавъ, что когда родные отецъ и мать на-лицо, то въ посажоныхъ и необходимости нѣтъ. Но онъ все-таки настоялъ, чтобы свадьба была сыграна утромъ и совсѣмъ просто, и чтобъ къ вѣнчальному торжеству были приглашены только самые необходимые свидѣтели.

— Такъ, какъ мѣщанишекъ какихъ-нибудь, и обвели кругомъ налоя, — горько жаловалась впослѣдствіи Калерія Степановна: — и зачѣмъ только подвѣнечное платье шили! Даже полюбоваться собой при свѣчахъ бѣдной дѣвочкѣ не дали!

Молодые заперлись въ Веригинѣ и цѣлую недѣлю безвыѣздно выжили тамъ. То была недѣля восторговъ и святыхъ упоеній, передъ которыми умолкла даже говорливая экспансивность Валентина Осиповича...

По истеченіи недѣли Бурмакины исчезли въ Москву.

Москва была полна шума и гвалта, свидѣтельствовавшихъ, что зимній сезонъ въ полномъ разгарѣ. Милочку, которая никогда не выѣзжала изъ родного захолустья, сутолока московскихъ улицъ сразу ошеломила. Притомъ же Бурмакинъ, какъ человѣкъ небогатый и нетребовательный, остановился у Сухаревой, въ „номерахъ“, гдѣ тоже было шумно и вдобавокъ тѣсно и непріятно. Тотчасъ же по пріѣздѣ у Милочки разболѣлась голова. Конечно, и она не была избалована, живя въ аббатствѣ, но тамъ все-таки былъ просторъ, тишина и воздуху много. А тутъ — шумъ, тѣснота, вонь и какая-то загадочная слякоть, отъ которой тошнило. Сквозь запыленныя и захватанныя стекла оконъ съ трудомъ можно было разобрать, что дѣлается на площади, да впрочемъ и интереснаго эта площадь представляла мало. Съ утра до вечера гудѣлъ на ней базаръ, стояли ряды возовъ, около которыхъ сновали мужики и мѣщане.

— Я думала, что у тебя квартира въ Москвѣ,— брезгливо молвила Милочка, оглядывая номеръ, въ которомъ ей предстояло прожить около мѣсяца.

Бурмакинъ точно отъ сна очнулся. Въ самомъ дѣлѣ, это было что-то чудовищное. Такая красота, такая святыня и въ такой ужасной обстановкѣ! Это чудовищно, это почти преступленіе!

— Дѣйствительно, тѣсновато,—всхлопотался онъ; —но я къ этимъ номерамъ привыкъ, да и хозяинъ здѣшній хорошій, справедливый человѣкъ. Хочешь, я сосѣдній номеръ велю отворить, тогда у насъ будутъ двѣ комнаты, вмѣсто одной.

— Помилуй, здѣсь жить нельзя! грязь, вонь... Ахъ, зачѣмъ ты меня въ Москву везъ! Теперь у насъ дома такъ весело... у сосѣдей собираются, въ городѣ танцовальные вечера устраиваютъ...

Увы! онъ даже объ обѣдѣ для Милочки не подумалъ. Но такъ какъ, пріѣзжая въ Москву одинъ, онъ обыкновенно обѣдалъ въ „Британіи“, то и жену повезъ туда же. Извозчики по дорогѣ попадались жалкіе, о какихъ теперь и понятія не имѣютъ. Шершавая крестьянская лошаденка, порванная сбруя и лубочныя сани безъ полости — вотъ и все. Милочка на-отрѣзъ отказалась ѣхать.

— Помилуй, тутъ вдвоемъ усѣсться нельзя; я на первомъ ухабѣ вылечу вонъ,—чуть не плача, говорила она.

Пришлось бѣжать на „биржу“, нанимать лихача.

Въ „Британіи“ дымъ стоялъ коромысломъ. Толпа студентовъ,

бывшихъ и настоящихъ, шла, ѣла и въ то же время громко разговаривала. Шла рѣчь объ искусствѣ, о попыткѣ Мочалова сыграть роль короля Лира, о послѣдней статьѣ Бѣлинскаго, о предстоящемъ диспутѣ Грановскаго и т. д. Большинство присутствующихъ было знакомо Бурмакину и встрѣтило его съ распростертыми объятіями. Съ нѣкоторыми онъ познакомилъ и жену; двое-трое даже подсѣли къ ихъ столу. Бурмакинъ былъ счастливъ; атмосфера студенчества обступила его со всѣхъ сторонъ, разговоры затронули самыя живыя струны его существа. Онъ весь отдался во власть переполнившему его чувству, безпрестанно вскакивалъ съ мѣста, подбѣгалъ къ другимъ столамъ, вмѣшивался въ разговоры, и вообще велъ себя такъ, какъ будто совсѣмъ забылъ о женѣ. Милочка блѣдиѣла и кусала себѣ губы, едва отвѣчая на вопросы, которые любезно предлагали ей новые знакомцы.

Наконецъ, обѣдъ кончился; Милочка заторопилась.

— Ну, братъ, убилъ бобра!—молвилъ Бурмакину шепотомъ Быстрицынъ, закоренѣлый студентъ-медикъ, который ужъ шесть лѣтъ посѣщалъ университетъ, словно намѣреваясь окаменѣть въ званіи студента.

— Помилуй! святая!

— Задастъ тебѣ конотри эта святая! Нѣтъ, другъ любезный! въ нашемъ званіи обзаводиться женой, да еще красавицей—не приличествуетъ!

Милочка вышла изъ трактира недовольная, измученная. Она не шла, а бѣжала по улицѣ.

— Неужели мы всякій день въ этотъ кабакъ ходить будемъ?—спросила она гадливо.

— Развѣ тебѣ не понравилось?

— Чему же тутъ нравиться! шумъ, вонь, грязь... голова заболѣла.

— Ну, вотъ, пріѣдемъ домой, тамъ отдохнемъ.

— Это куда же „домой“?—опять въ номера? изъ одной вони въ другую?

— Милочка! другъ мой! имѣй теріѣнье! Мнѣ обѣщали завтра же насъ въ центрѣ города устроить. Номера чистые, и насчетъ обѣда можно будетъ съ хозяйкой условиться, ежели ты не хочешь ходить въ „Британію“.

Это была первая размолвка, но она длилась цѣлый день. Воро-

тившись къ Сухаревой, Милочка весь вечеръ проплакала и осыпала мужа укорами. Очевидно, душевныя ея силы начали понемногу раскрываться, только совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ ждалъ ее Бурмакинъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, ероша волосы и не зная, что̀ предпринять.

— Ну, прости! — говорилъ онъ, становясь на колѣни передъ „святыней“:—я глупецъ, ничего не понимающій въ дѣлахъ жизни! Постараюсь встряхнуться, вотъ увидишь!

На другой день около обѣда Валентинъ Осиповичъ перевезъ жену въ другіе номера. Новые номера находились въ центрѣ города, на Тверской, и были достаточно чисты; за то, за двѣ крохотныхъ комнатки приходилось платить втрое дороже, чѣмъ у Сухаревой. Обѣдъ, по условію съ хозяйкой, былъ готовъ.

Милочка нѣсколько успокоилась. Покуда лакей и горничная разбирались съ вещами, она согласилась прогуляться съ мужемъ по Тверской. На дворѣ было уже темно; улица тускло освѣщалась масляными фонарями; въ окнахъ немногихъ магазиновъ и полпивныхъ уныло мерцалъ свѣтъ зажженныхъ лампъ. Но вечернее уличное движеніе было въ полномъ разгарѣ, и Людмила Андреевна безпрестанно вскрикивала, боясь, что на нее налетятъ сани. Зашли въ кондитерскую, выпили по чашкѣ шоколада, но молча, словно обоихъ приводила въ смущеніе непривычная обстановка.

Прошло нѣсколько дней, унылыхъ, однообразныхъ. Бурмакинъ сводилъ жену въ театръ. Давали „Гамлета“. Милочку прежде всего удивило, что мужъ ведетъ ее не въ ложу, а куда-то въ мѣста за креслами. Затѣмъ, Мочаловъ ей не понравился, и знаменитое „башмаковъ еще не износила“, приведшее ея мужа въ трепетъ (онъ даже толкнулъ ее локтемъ, когда трагикъ произнесъ эти слова), пропало совсѣмъ даромъ.

— Ну, что? ты поражена?—допрашивалъ онъ ее, возвращаясь домой.

— Да... ничего...—отвѣтила она вяло.

— „Ничего“!—развѣ можно такъ говорить! Это чудно, дивно, божественно! Никогда Мочаловъ не былъ такъ въ ударѣ, какъ сегодня! Иногда онъ бываетъ неровенъ, но нынче... Отъ перваго до послѣдняго слова все было въ немъ божественно! Къ сожалѣнію, онъ, кажется, запивать началъ.

— Ну, видишь ли... пьяница, а ты хвалишь!

— Я не пьяницу хвалю, а художника. Милочка! другъ мой! что съ тобой?

— Мнѣ... скучно...

— Ну, погоди. Вотъ черезъ три дня „Скупого“ даютъ; Щепкина тебѣ покажу.

— Тоже... пьяница?

Бурмакинъ смирился. Онъ молча довелъ жену домой и, сказавъ ей, что хочетъ пройтись, оставилъ одну.

Цѣлыхъ два часа бродилъ онъ по умолкнувшимъ улицамъ, стараясь дать себѣ отчетъ въ пропшедшемъ. Въ головѣ его все перепуталось. И Милочка, и Мочаловъ, и „пьяница“, и „башмаковъ еще не износила“. Трудно было разобраться въ этой путаницѣ, хотя онъ чувствовалъ, что началось нѣчто такое, что угрожало сразу нарушить его душевное равновѣсіе.

Ему сдѣлалось жутко. Что-то неясное, но въ высшей степени жестокое промелькнуло въ его головѣ и острою болью отозвалось въ сердцѣ. Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того какъ ходьба утомляла его, путаница, царившая въ головѣ, улеглась, и онъ немного успокоился.

— Какой я, однакожъ, глупецъ!—сказалъ онъ себѣ: —женился, и не подумалъ, что она еще ребенокъ, что ей нужны радости... Подавая ей руку, я обѣщалъ, что эта рука поведетъ ее по пути жизни, и, какъ честный человѣкъ, долженъ сдержать свое слово. Я долженъ исполнить не то, что нужно для меня, уже надломленнаго жизнью человѣка, а то, чего жаждетъ ея чистая, непорочная душа. И я обязанъ выполнить эту задачу, хотя бы мнѣ пришлось ради этого отказаться отъ самыхъ дорогихъ привязанностей, отъ всего, на что донынѣ я смотрѣлъ какъ на святыню сердца! Милочка — вотъ моя святыня! она, одна она! И зачѣмъ только я въ Москву ѣхать затѣялъ! Вотъ ужъ именно некстати блажная мысль въ голову забрела!

Хотя послѣднее восклицаніе вырвалось случайно, но оно заключало въ себѣ горькую правду. Москва сразу раскрыла то, что, вѣроятно, еще долгое время таилось бы подъ спудомъ. Покуда Милочка жила въ Веригинѣ, ничто необычное не возбуждало ее. Обоимъ было тамъ тепло и уютно; по цѣлымъ часамъ ходили они обнявшись изъ комнаты въ комнату, смотрѣли другъ другу въ глаза и насмотрѣться не могли. И вдругъ—Москва, вонючіе номера, „Британія“, Мочаловъ—

это и болѣе крѣпкую натуру опеломить могло! Ему-то хорошо; онъ здѣсь въ родной атмосферѣ, а каково ей, одинокой, затерянной среди чужихъ людей, лишенной занятія, которое могло бы наполнить ея досугъ!..

Да, это была съ его стороны грубая ошибка, и онъ глубоко негодовалъ на себя, что не предвидѣлъ ея послѣдствій... Но въ то же время въ головѣ его назойливо складывалась мысль: общая жизнь началась такъ недавно, а раздѣльная черта ужъ обозначилась!

Когда онъ воротился въ номера, Милочка уже спала. Онъ потихоньку раздѣлся и, чтобъ не тревожить жену, улегся на диванъ.

Прошло еще нѣсколько дней. Свозилъ Бурмакинъ жену еще разъ въ театръ, но на вопросъ, понравился ли ей Щепкинъ въ „Скупомъ“, встрѣтилъ прежній отвѣтъ:

— Да... ничего...

Не разъ предлагалъ онъ познакомить ее съ семейными домами, въ которыхъ онъ былъ радушно принятъ, но Милочкѣ всегда было некогда. Вставши поздно утромъ, она бродила по комнатѣ, не то думая о чемъ-то, не то просто „такъ“. А онъ въ это время объѣзжалъ знакомыхъ, вспоминалъ студенческіе годы и незамѣтно проводилъ время въ разговорахъ. Обѣдали они вмѣстѣ, хотя его такъ и порывало въ „Британію“. Наступалъ вечеръ, становилось тоскливо. Первые дни онъ разговаривалъ охотно, потомъ уже принуждалъ себя разговаривать и, наконецъ, сталъ въ тупикъ. Словъ не нашлось. Однажды вечеромъ онъ исчезъ и воротился домой уже далеко за полночь.

— Милочка! что мнѣ сдѣлать, чтобы развеселить тебя?—приставалъ онъ къ ней.

— Мнѣ скучно... домой хочется,—отвѣчала она уныло.

Наконецъ, однимъ утромъ къ нимъ пріѣхала Лариса Максимовна Каздоева, жена одного изъ самыхъ старыхъ друзей Бурмакина, и такъ убѣдительно просила Милочку посѣтить ихъ вечеромъ, что пришлось согласиться. На вечерѣ было людно и оживленно. Собралось довольно много молодыхъ людей, которые сгруппировались около Милочки и употребляли всѣ усилія, чтобъ расшевелить ее. И мужчины, и дамы—всѣ находили, что она красавица, и открыто выражали ей свое восхищеніе. Повидимому, это поклоненіе ея красѣ, со стороны совсѣмъ новыхъ лицъ, польстило ей, такъ что къ концу вечера она и сама оживилась.

— Ну, что, весело тебѣ было? — спрашивалъ, возвращаясь домой, Бурмакинъ.

— Такъ... ничего,— отвѣтила она, впадая въ обычную вялость, но сейчасъ же спохватилась и продолжала:—да, весело... ничего! Только я хочу тебя объ одномъ попросить, да не знаю...

— Не просить, а приказывать ты должна!—воскликнулъ онъ восторженно:—говори! повелѣвай!

— Вотъ видишь... у всѣхъ дамъ сегодня туалеты были... ахъ, впрочемъ, нѣтъ! я такая еще глупенькая...

— Милочка! ради Бога! я горю нетерпѣніемъ...

— Хорошо, только ты не разсердись. У всѣхъ нынче плечи на платьяхъ гладкія, а мнѣ наша уѣздная портниха съ эполетцами сдѣлала.

— Новаго платьица захотѣлось? Что-жъ ты давно не сказала мнѣ? Завтра же поѣдемъ къ Сихлершѣ и по послѣдней картинкѣ закажемъ!

Платье заказали, но черезъ-чуръ роскошное. Знакомые у Бурмакина были простые, и вечера у нихъ тоже простые. Понадобилось другое платье, простенькое. Бурмакинъ и тутъ не разсчиталъ. За другимъ платьемъ понадобилось третье, потому что нельзя же все въ одномъ и томъ же платьѣ ѣздить...

Выѣзды участились. Вечеринки слѣдовали одна за другой. Но онѣ уже не имѣли того праздничнаго характера, который носилъ первый вечеръ, проведенный у Каздоевыхъ. Восхищеніе красотой Милочки улеглось, а споры о всевозможныхъ отвлеченностяхъ снова вошли въ свои права. Милочка прислушивалась къ нимъ, даже принуждала себя понять, но безуспѣшно. Одиночество и скука начали мало-по-малу овладѣвать ею.

Съ своей стороны, Бурмакинъ съ ужасомъ замѣтилъ, что взятыя имъ на прожитокъ въ Москвѣ деньги исчезали съ изумительной быстротой. А такъ какъ по заранѣе начертанному плану предстояло прожить въ Москвѣ еще недѣли три, то надобно было серьезно подумать о томъ, какъ выйти изъ затрудненія.

Очевидно, что Милочка запасалась туалетомъ не ради Москвы, которую не взлюбила, а ради роднаго захолустья, въ которомъ она надѣялась щегольнуть передъ кавалерами болѣе ей родственными по душѣ. Въ разсчетѣ добыть денегъ, Бурмакинъ задумалъ статью:

„О прекрасномъ въ искусствѣ и въ жизни“, но едва успѣлъ написать: „Ежели прекрасное само собой и, такъ сказать, обязательно входитъ въ область искусства, то къ жизни оно прививается лишь постепенно. по мѣрѣ распространенія искусства, и производитъ въ ней полный переворотъ“,—какъ догадался, что когда-то еще статья будетъ написана, когда-то напечатается, а деньги нужны сейчасъ, сію минуту... Кое-какъ, однакожъ, съ помощью друзей. дѣло сладилось. и Бурмакинъ, ни слова не говоря женѣ, раздобылся небольшою суммою, которая, по разсчетамъ его, была достаточна на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ издержекъ.

Но тутъ опять случилась неожиданность: Милочка до такой степени затосковала, что отказалась отъ вечеровъ. а за нѣсколько дней до масляницы окончательно стала собраться въ деревню.

— Ты доставилъ себѣ удовольствіе,—говорила она:—насмотрѣлся на своихъ пріятелей, наговорился съ ними—надо же и мнѣ что-нибудь... Позволь хоть послѣдніе-то дни передъ постомъ повеселиться!

— А здѣсь!!—удивленно воскликнулъ Бурмакинъ.

— А здѣсь ужъ ты, коли хочешь, веселись.

Приходилось покориться.

Когда молодые воротились въ Веригино. захолустье гудѣло раздольемъ. Отъ сосѣдей переѣзжали къ сосѣдямъ. пили. ѣли, плясали до позднихъ нѣтуховъ, спали въ-повалку и т. д. Кромѣ того, въ уѣздномъ городѣ, господа офицеры устраивали на масляницѣ большой танцовальный вечеръ, на который былъ приглашенъ рѣшительно весь уѣздъ, да предстоялъ folle journée у предводителя Струнникова.

Во всѣхъ этихъ веселостяхъ Бурмакины приняли дѣятельное участіе. Милочка совсѣмъ оживилась и очень умно распоряжалась своими туалетами. Платья, сшитыя передъ свадьбой, надѣвала въ дома попроще. а московскіе туалеты приберегала для важныхъ оказій. То первое платье, которое было сшито у Сихлеръ и для московскихъ знакомыхъ оказалось слишкомъ роскошнымъ. она надѣла на folle journée къ Струнниковымъ и рѣшительно всѣхъ затмила. Даже Александра Гавриловна замѣтила:

— Вотъ какъ Валентинъ Осипычъ васъ балуетъ. Сейчасъ видно. что туалетъ вашъ у Сихлеръ сдѣланъ.

Вообще, она рѣзвилась, танцовала, любезничала съ кавалерами и говорила такія же точно слова, какъ и другіе. И даже, отъ времени до времени, въ самый разгаръ танцевъ подбѣгала къ мужу, цѣловала его и опять убѣгала.

— Смотрите, какъ Милочка вдругъ развернулась!—удивлялись кругомъ:—откуда что̀ берется!

Наконецъ, и послѣдній день масляницы канулъ въ вѣчность.

— Весело тебѣ было?—спросилъ Бурмакинъ, когда утромъ въ чистый понедѣльникъ они очутились одни въ Веригинѣ.

— Ахъ, какъ весело!—отвѣтила она, ласкаясь къ мужу:—спасибо! я вѣдь тебѣ всѣмъ этимъ обязана! Теперь я буду цѣлую недѣлю отдыхать и поститься, а со второй недѣли и опять можно будетъ... Я нѣкоторыхъ офицеровъ къ намъ пригласила... вѣдь ты позволишь?

— Помилуй! какъ тебѣ угодно!

Прошелъ мѣсяцъ, другой, и скромнаго веригинскаго дома нельзя было узнать. Веригино отстояло отъ города всего въ двѣнадцати верстахъ, и это было очень удобно. Утро господа офицеры отдавали службѣ, производили проѣздки, выѣздки, маршировали пѣшій по конному; къ обѣду они были уже свободны и могли разъѣзжать по гостямъ. Каждый день человѣкъ пять-шесть, а иногда и больше, наѣзжало въ Веригино, пило, ѣло и веселилось у Бурмакиныхъ. Съ своей стороны, и вдова Чепракова распорядилась очень удобно. Она не водворялась совсѣмъ у дочери, а раздѣлила семью на двѣ партіи. Въ воскресенье пріѣзжали двѣ сестры, а въ слѣдующее она привозила третью, а первыхъ двухъ увозила на недѣлю въ аббатство. Устраивались танцы, и такъ какъ дамъ не всегда доставало, то, въ случаѣ недостатка, мужчина шелъ за даму, и это производило путаницу и общее веселье.

Бурмакинъ затворился въ кабинетѣ. Онъ видѣлъ жену только до обѣда, да и то урывками, потому что по комнатамъ безпрестанно мелькали сестрицы, неодѣтыя, нечесаныя, немытыя, да и сама Милочка рѣдко вставала съ постели раньше полудня, вознаграждая себя за вчерашнюю суматоху. Къ обѣду онъ, конечно, выходилъ въ столовую, прислушивался къ общему разговору и даже пытался при-

нять въ немъ участіе, но изъ этихъ попытокъ какъ-то ничего не выходило. Не было ни одной общей точки соприкосновенія между нимъ и гостями; говорили они все объ чемъ-то такомъ, что̀ было для него совершенной загадкой. Никогда онъ не жилъ въ этомъ мірѣ, никогда подобныхъ разговоровъ не говаривалъ. Быть можетъ, съ его стороны это было непростительное самомнѣніе, но, во всякомъ случаѣ, онъ не въ силахъ былъ побороть свою изолированность и чувствовалъ себя совсѣмъ лишнимъ.

Иногда, въ самый разгаръ веселья, прибѣгала къ нему въ кабинетъ жена и звала къ гостямъ.

— Повеселись съ нами!—убѣждала она:—что̀ ты все одинъ да одинъ! Это, наконецъ, и невѣжество: дома гости, а хозяинъ спрятался, никому слова привѣтливаго не скажетъ.

Она брала его за руку и насильно увлекала въ залъ. Его ставили въ пару и заставляли протанцовать кадриль. Но, исполнивши прихоть жены, онъ незамѣтно скрывался къ себѣ и уже не выходилъ вплоть до самой ночи.

— Ахъ, какъ было весело!—слышалось ему поздно, когда онъ уже засыпалъ въ постели.

Это означало, что гости разъѣхались или разбрелись по комнатамъ и жена пришла въ общую спальню.

Новые порядки волновали его. Офицеры не отходили отъ Милочки и не скрывали наглаго вожделѣнія, которое искрилось въ ихъ глазахъ. Не то чтобы онъ ревновалъ жену, но безцеремонность, которой онъ былъ свидѣтелемъ, возмущала его, опротивѣла, надоѣла. Въ особенности надоѣли ему три пана: Туровскій, Бандуровскій и Мазуровскій. Они ѣздили въ Веригино чуть не каждый день, и, за неимѣніемъ въ городѣ конфектъ, потчивали Милочку финиками, изюмомъ и пастилою. Однажды, выйдя случайно изъ кабинета, онъ засталъ слѣдующую сцену: въ гостиной, Милочка, держа съ одной стороны за руку пана Туровскаго, съ другой—пана Бандуровскаго, отплясывала передъ тремя пятую фигуру кадрили. Сзади, панъ Мазуровскій откалывалъ уморительныя колѣнца, а сестрицы, пріютившись въ уголку, безъ умолку хохотали.

— Ахъ, какъ весело!—вскрикнула Милочка, увидѣвъ его.

Онъ запальчиво хлопнулъ дверью въ отвѣтъ и исчезъ.

Да, она развилась. Всѣ данныя ей природой способности раскри-

лись виолнѣ, и ничего другого ждать было нечего. Но какъ быстро все объяснилось! какъ жестока судьба, которая разомъ сняла покровы съ его дорогихъ заблужденій, не давши ему даже возможности вдоволь налюбоваться ими! Ему и укрыться некуда. Вездѣ, въ самомъ отдаленномъ уголку дома, его настигаетъ нахальный смѣхъ паповъ Туровскаго, Бандуровскаго и Мазуровскаго.

Онъ вспомнилъ, что еще въ Москвѣ задумалъ статью „О прекрасномъ въ искусствѣ и въ жизни", и сѣлъ за работу. Первую половину тезиса, гласившую, что прекрасное присуще искусству, какъ обязательный элементъ, онъ, съ помощью амплификацій, объяснилъ довольно легко, хотя развитіе мысли заняло не больше одной страницы. Но вторая половина, касавшаяся вліянія прекраснаго на жизнь, не давалась какъ кладъ. Какъ ни поворачивалъ Бурмакинъ свою задачу, выходилъ только голый тезисъ — и ничего больше. Даже амплификаціи не приходило на умъ.

— Но вѣдь это само по себѣ ясно! это и доказательствъ не требуетъ! — волновался Валентинъ Осиповичъ.

А тайный голосъ въ это время нашептывалъ:

Положимъ, что ясно, но какая же это будетъ „статья"... въ нѣсколько печатныхъ строкъ! развѣ такую статью гдѣ-нибудь напечатаютъ!

Промелькнули въ его воображеніи образы Мочалова, Щепкина, Санковской; но все, что онъ могъ сказать объ нихъ, уже давно было сказано другими.

Такъ и вынужденъ онъ былъ окончательно бросить свое предпріятіе.

Тѣмъ не менѣе, домашняя неурядица была настолько невыносима, что Валентинъ Осиповичъ, чтобъ не быть ея свидѣтелемъ, на цѣлые дни исчезалъ къ роднымъ. Старики Бурмакины тоже догадались, что въ домѣ сына происходятъ нелады, и даже воздерживались отпускать въ Вергино своихъ дочерей. Но, не одобряя поведенія Милочки, они въ то же время не оправдывали и Валентина.

— Такъ по-людски не живутъ,— говорилъ старикъ-отецъ:— она еще ребенокъ, образованія не получила, никакого разговора, кромѣ самаго обыкновеннаго, не понимаетъ, а ты къ ней съ высокими мыслями пристаешь, молишься на нее. Оттого и глядите вы въ

разныя стороны. Только ужъ что-то рано у васъ нелады начались: не надо было ей позволять гостей принимать.

— Помилуйте! я не брался играть роль тюремщика у своей жены!—возражалъ молодой Бурмакинъ.

— Не роль тюремщика, а надо было съ ней тѣмъ языкомъ говорить, который она понимаетъ. И въ Москву не слѣдовало ѣздить. Только избаловалъ бабенку да израсходовался. Сосчитай, сколько ты денегъ на свадьбу да на поѣздку истратилъ, а теперь пріемы эти пошли. Этакъ и разориться не долго.

Но всѣ эти совѣты и предостереженія были такъ безсодержательны, а главное, настолько запоздали, что никакого практическаго вывода изъ нихъ не вытекало.

И между сосѣдями разошлись слухи о несогласіяхъ въ молодой семьѣ Бурмакиныхъ. Но тутъ уже положительно во всемъ обвиняли Валентина, а къ женѣ его относились болѣе, нежели снисходительно.

— Бабочка молодая,—говорили кругомъ,—а мужъ какой-то шалый да ротозѣй. Смотритъ по верхамъ, а что подъ носомъ дѣлается, не видитъ. Чѣмъ бы первое время послѣ свадьбы посидѣть дома да въ кругу близкихъ повеселить молодую жену, а онъ въ Москву ее повезъ, со студентами сталъ сводить. Городятъ студенты промежъ себя чепуху, а она сидитъ, глазами хлопаетъ. Домой воротился, и дома опять чепуху понесъ. „Святая“ да „чистая“ — только и словъ; а ей на эти слова плюнуть да растереть. Ну, натурально, молодка взбеленилась.

Съ наступленіемъ лѣта Бурмакинъ нѣсколько отдохнулъ. Полкъ ушелъ далеко, въ лагери; въ Веригинѣ стало тихо. Бурмакинъ вновь пытался сблизиться съ женой; но такъ какъ попытки эти носили тотъ же выспренній характеръ, какъ и прежде, то Милочка ихъ не поняла. Притомъ же, на ней уже легло клеймо, которое неизбѣжно налагаетъ продолжительное обращеніе въ черезъ-чуръ веселомъ обществѣ. Почувствовавши себя одинокою, она снова сдѣлалась вялою, тоскливо бродила цѣлыми днями по комнатамъ и на ласки мужа отвѣчала точно съ просонья. То душевное оживленіе, которое раскрылось въ кругу родственныхъ по духу людей, вдругъ снова закрылось.

Между тѣмъ и по хозяйству дѣла шли плохо. Чтобы раздѣ-

латься съ долгами, пришлось продать и другую пустошь. А такъ какъ имѣніе было небольшое, то пустошь эта была послѣдняя, и затѣмъ оставалась только земля, замежеванная въ одной окружной межѣ, и рвать ее на клочки, для продажи частями, представлялось неудобнымъ. Староста Власъ выражалъ опасеніе, что съ продажей пустошей, пожалуй, и корма для скота не хватитъ. Но Валентинъ, вмѣсто того, чтобы общими силами разсудить, какъ помочь горю, по обыкновенію, взвился на дыбы и заговорилъ совсѣмъ о другомъ.

— Власъ! ты честный человѣкъ!—апострофировалъ онъ его: —ты понимаешь меня! ты понимаешь, какъ я глубоко-глубоко несчастливъ!

— Это точно; и всѣ мы видимъ, что вамъ не пофартило...

— Ну вотъ. А ты говоришь, что корму для скота не хватитъ!.. Развѣ я могу объ этомъ думать! Ахъ, голова у меня... Каждый день, голубчикъ! каждый день одно и то же съ утра до вечера...

— Да, это точно-что...

Власъ уходилъ, оставляя барина въ добычу тоскливому одиночеству.

Однакожъ, и то относительное спокойствіе, которымъ пользовался Бурмакинъ въ теченіе лѣта, постепенно приближалось къ концу. Наступилъ сентябрь, и полкъ снова расположился на зимнихъ квартирахъ. Первыми прилетѣли въ Веригино паны Туровскій, Бандуровскій и Мазуровскій, затѣмъ и сестрицы Чепраковы; гвалтъ возобновился въ той же силѣ, какъ и до лагерей. Валентинъ совсѣмъ потерялъ голову.

— Я уѣду въ Москву,—высказался онъ однажды отцу.

Старикъ задумался.

— Соскучишься, голубчикъ!—сказалъ онъ, покачивая головой.

— Помилуйте! о какой скукѣ можетъ быть рѣчь! Я каждый день только того и жду, что съума сойду!

— Ну, положимъ, уѣдешь ты; а вдругъ и она вслѣдъ за тобой въ Москву пріѣдетъ!

— Она! никогда!

— А можетъ и вотъ еще что случиться: ты уѣдешь, а вмѣсто тебя тещи въ Веригинѣ поселится. Вѣдь она въ одинъ годъ все размотаетъ.

— И пускай. Неужели вы думаете, что это меня заботитъ!

— Все-таки, надобно и тебѣ чѣмъ-нибудь въ Москвѣ жить.

— Обо мнѣ безпокоиться нечего. Меня друзья какъ-нибудь пристроятъ. Ежели я къ литературной работѣ неспособенъ, то уроки давать могу.

— Коли такъ, то пожалуй... Чѣмъ мучиться, лучше и взаправду уйти. Только я совѣтую дать мнѣ довѣренность на управленіе имѣніемъ: я все-таки хоть сколько-нибудь Калерію Степановну уйму.

Нѣкоторое время Бурмакинъ, однакожъ, откладывалъ рѣшеніе, а сосѣди между тѣмъ уже громко говорили, что Милочка вошла въ интимную связь съ паномъ Мазуровскимъ, и что послѣдній даже хвалится этимъ. Старикъ Бурмакинъ не выдержалъ и пріѣхалъ въ Веригино.

— Уѣзжай!—сказалъ онъ сыну.

— Что такъ приспѣло?

— Уѣзжай. Нехорошо.

Валентинъ понялъ. Ему вдругъ сдѣлалось гнусно жить въ этомъ домѣ. Наскоро съѣздилъ онъ въ городъ, написалъ довѣренность отцу и началъ исподволь собираться. Затѣмъ онъ воспользовался первымъ днемъ, когда жена уѣхала въ городъ на танцовальный вечеръ, и исчезъ изъ Веригина.

Милочка возвратилась изъ города уже къ утру слѣдующаго дня и узнала объ отъѣздѣ мужа только проснувшись. Въ первую минуту эта вѣсть заставила ее задуматься, но Калерія Степановна тотчасъ же подоспѣла съ утѣшеніями.

— Помилуй!—сказала она:—да намъ безъ него еще лучше будетъ! Нашла о комъ жалѣть... о дуракѣ!

Къ обѣду пріѣхали паны Туровскій. Бандуровскій и Мазуровскій, и Милочка окончательно повеселѣла.

Что сталось впослѣдствіи съ Бурмакинымъ, я достовѣрно сказать не могу. Ходили слухи, что московскіе друзья помогли ему опредѣлиться учителемъ въ одну изъ самыхъ дальнихъ губернскихъ гимназій, но куда именно—неизвѣстно. Конечно, отецъ Бурмакинъ имѣлъ положительныя свѣдѣнія о мѣстопребываніи сына, но на всѣ вопросы объ этомъ онъ непремѣнно отвѣчалъ:

— Въ Москвѣ еще... Никакъ устроиться не можетъ.

Милочка не сдобровала. Подъ руководствомъ мамаши, она завела такое веселье въ Веригинѣ, что и вмѣшательство старика Бурмакина не помогло. Сумма долговъ, постепенно возрастая, дошла наконецъ до того, что потребовалось продать Веригино. Разумѣется, Валентинъ Осипычъ изъявилъ полное согласіе, чтобы осуществить продажу.

Покуда шла эта неурядица, Калерія Степановна какъ-то изловчилась перестроить старое аббатство. Туда и переселилась Милочка, по продажѣ Веригина, такъ какъ мужъ рѣшительно отказался принять ее къ себѣ. Вмѣстѣ съ нею перенесли въ аббатство свои штабъ-квартиры и паны Туровскій, Бандуровскій и Мазуровскій.

А невдолгѣ послѣ этого старики Бурмакины умерли, предварительно выдавши дочерей замужъ. И такимъ образомъ фамилія Бурмакиныхъ совсѣмъ исчезла изъ нашего уѣзда.

XXX.—Словущенскія дамы и проч.

Я разумѣю здѣсь помѣщицъ-вдовъ, занимавшихся хозяйствомъ самостоятельно.

Ихъ было въ Словущенскомъ двѣ: Степанида Михайловна Слѣпушкина и Марья Марѣвна Золотухина, и обѣ жили черезъ дорогу, другъ противъ друга.

Слѣпушкина была одна изъ самыхъ бѣдныхъ дворянокъ нашего захолустья. За ней числилось всего пятнадцать ревизскихъ душъ, все дворовые, и не больше ста десятинъ земли. Жила она въ маленькомъ домикѣ, комнатъ въ шесть, довольно ветхомъ; передъ домомъ былъ разбитъ крошечный палисадникъ, сзади разведенъ довольно большой огородъ; по бокамъ стояли службы, тоже ветхія, въ которыхъ помѣщалось большинство дворовыхъ.

Несмотря на недостатки, она, однакожъ, не запиралась отъ гостей, такъ что отъ времени до времени къ ней наѣзжали сосѣди. Угощенье подавалось такое же, какъ и у всѣхъ, свое, некупленное; только ночлега въ своемъ тѣсномъ помѣщеніи она предложить не

могла. Но такъ какъ въ Словущенскомъ существовало около десяти дворянскихъ гнѣздъ, и въ томъ числѣ усадьба самого предводителя, то запоздавшіе гости обыкновенно размѣщались на ночь у сосѣднихъ помѣщиковъ, да кстати и слѣдующій день проводили у нихъ же.

Степанида Михайловна рано осиротѣла. Восемнадцати лѣтъ она уже сдѣлалась вполнѣ самостоятельной хозяйкой и принялась за дѣло съ такимъ умѣньемъ, что всѣ сосѣди дивились ей. При старикахъ (оба, и отецъ, и мать, были пьяненькіе) хозяйство пришло въ упадокъ, такъ что надо было совсѣмъ новые порядки завести. Съ величайшимъ рвеніемъ погрузилась она въ массу хозяйственныхъ подробностей, и онѣ полюбились ей. Съ утра до вечера, въ лѣтнюю пору, расхаживала она по своимъ владѣніямъ, разспрашивала, совѣтовалась, а порой и сама совѣтъ давала. Дворовые полюбили ее. Хоть положеніе ихъ было нелегкое, но барышня обращалась съ ними такъ просто и ласково, была такая веселая и бодрая, что, глядя на нее, и подневольнымъ людямъ становилось веселѣе. И барышня, и дворовые жили вмѣстѣ, въ одной усадебной оградѣ, общею жизнью. Даже въ нищѣ Степанида Михайловна старалась не отличаться отъ дворовыхъ. Словомъ сказать, ее называли не иначе, какъ веселою барышней, и въ будущемъ, когда ее посѣтилъ тяжелый недугъ, это общеніе сослужило ей великую службу.

За тѣмъ да за сѣмъ (какъ она выражалась) веселая барышня совсѣмъ позабыла выйти замужъ и, только достигши тридцати лѣтъ, догадалась влюбиться въ канцелярскаго чиновника уѣзднаго суда, Слѣпушкина, который былъ моложе ея лѣтъ на шесть и умеръ чахоткой, года полтора спустя послѣ свадьбы, оставивъ жену беременною. Мужа она страстно любила, и все время, покуда его точилъ жестокій недугъ, самоотверженно за нимъ ухаживала.

Это былъ кроткій молодой человѣкъ, блѣдный, худой, почти ребенокъ. Покорно переносилъ онъ иго болѣзненнаго существованія и покорно же угасъ на рукахъ жены, на которую смотрѣлъ не столько глазами мужа, сколько глазами облагодѣтельствованнаго человѣка. Считая себя какъ бы виновникомъ предстоящаго ей одиночества, онъ грустно вперялъ въ нее свои взоры, словно просилъ прощенія, что встрѣча съ нимъ не дала ей никакихъ радостей, а только внесла безплодную тревогу въ ея существованіе.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того какъ она осталась вдовой,

у нея родилась дочь Клавденька, на которую она перенесла свою страстную любовь къ мужу. Но больное сердце не забывало, и появленіе на свѣтъ дочери не умпротворило, а только еще глубже растравило свѣжую рану. Степанида Михайловна долгое время тосковала и наконецъ стала искать забвенія...

Забвеніе это она обрѣла въ винѣ, и изъ года въ годъ недугъ ея принималъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры.

Пила она не постоянно, а запоемъ. Каждые два мѣсяца дней на десять она впадала въ настоящее бѣшенство, и въ теченіе этого времени домъ ея наполнялся чисто адскимъ гвалтомъ. Утративши всякое сознаніе, она бѣгала по комнатамъ, выкрикивала безсмысленныя слова, хохотала, плакала, ничего не ѣла, не спала напролетъ ночей.

Даже зимой, несмотря на двойныя рамы, крики ея слышались на улицѣ и пугали прохожихъ. Но что̀ всего хуже, подъ этотъ безумный гвалтъ росла ея дочь.

Клавденькѣ шелъ ужъ восемнадцатый годъ. Вышла она вся въ отца, такая же блѣдная, худенькая, деликатная. Училась, конечно, поверхностно, ходя ежедневно къ сосѣдямъ, у которыхъ была гувернантка, за что̀, впрочемъ, мать ежегодно вносила извѣстное вознагражденіе домашними припасами. Поначалу пьяные припадки матери пугали ее, но чѣмъ болѣе приближалась она къ сознательному возрасту, тѣмъ больше испугъ уступалъ мѣсто глубокому состраданію. Она въ свою очередь была страстно привязана къ матери, и сердце ея наполнялось безпредѣльнымъ жалѣніемъ, какъ только показывались первые признаки приближающагося припадка.

Начиналось обыкновенно съ того, что все существо Степаниды Михайловны проникалось тревогой. Она пряталась отъ дочери, избѣгала свѣта, безпрестанно ощипывала и обдергивала на себѣ платье и дико озиралась, словно чего-то ища. Наконецъ, запиралась въ спальнѣ, откуда вслѣдъ за тѣмъ начинало раздаваться безсвязное бормотанье. Дочь молча плакала, но не пыталась стучаться въ дверь, зная, что въ подобныя минуты самое сердечное и мягкое вмѣшательство можетъ только раздражить. Дней черезъ пять, когда пароксизмъ доходилъ до высшей точки и наступало настоящее бѣшенство, Степанида Михайловна съ шумомъ отворяла дверь своей спальни и прибѣгала къ дочери.

— Клавдюшка! подлячка у тебя мать? говори! подлячка?— раздавался во всѣхъ углахъ дома ея рѣзкій крикъ.

Этотъ страшный вопросъ повторялся въ теченіе дня безпрерывно. Повидимому, несчастная даже въ самыя тяжелыя минуты не забывала о дочери, и мысль, что единственное и страстно любимое дѣтище обязывается жить съ срамною и пьяною матерью, удвоивала ея страданія. Въ трезвые промежутки она не разъ настаивала, чтобы дочь, на время запоя, уходила къ сосѣдямъ; но послѣдняя не соглашалась.

— Нѣтъ, маменька, мнѣ дома лучше,—отвѣчала она, и въ безконечной деликатности даже не объясняла причинъ своего отказа, опасаясь, чтобы объясненіе не придало преувеличеннаго значенія ея жертвѣ.

Когда кончался запой, Степанида Михайловна приказывала истопить баню и парилась. Дня два послѣ этого она бродила по комнатамъ, тоскуя и не приступая ни къ какому дѣлу. Осунувшееся лицо выражало глубокое утомленіе, руки и ноги дрожали, глаза безъ мысли смотрѣли въ даль. Вино сразу дѣлалось ей противнымъ, аппетитъ и сонъ черезъ-чуръ медленно вступали въ свои права. Мало-по-малу, однакожъ, все приходило въ порядокъ. Она принималась за хозяйство, но это была ужъ не та бодрая, совѣстливая и веселая барышня, какою ее знали лѣтъ двадцать тому назадъ. Такъ что ежели дѣло не совсѣмъ приходило въ упадокъ, то именно благодаря тому, что сами дворовые поддерживали установившіеся порядки.

— Марья Маревна! —отъ времени до времени перекликалась черезъ дорогу съ Золотухиной, своею сосѣдкой, Сѣнушкина:—зашла бы ты ко мнѣ.

Золотухина приходила, и между сосѣдками завязывалась бесѣда.

— Хоть бы ты къ себѣ Клавдюшку-то уводила, покуда я колоброжу,—совѣтовала Степанида Михайловна.

— И то сколько разъ пыталась, да никакъ уломать не могу. „Мое, говоритъ, мѣсто при матери“.

— Срамная я...

— Чего ужъ хуже! Воли надъ собой взять не можешь... Не вели вина давать—вотъ и вся недолга!

— А лучше будетъ, ежели я въ кабакъ дебоширствовать убѣгу?

— Чтой-то ужъ и въ кабакъ... спаси Богъ!

— Было уже со мной это—неужто не помнишь? Строго-настрого запретила я въ ту пору, чтобъ и не нахло въ домѣ виномъ. Только пришло мое время, я кричу: вина!—а мнѣ не даютъ. Такъ я изъ окна ночью выпрыгнула, убѣжала къ Троицѣ, да цѣлый день тамъ въ одной рубашкѣ и чудесила, покуда меня не связали да домой не привезли. Нѣтъ, видно, мнѣ съ тѣмъ и умереть. Того гляди, сбѣгу опять ночью, да гдѣ-нибудь либо въ рѣкѣ утоплюсь, либо въ канавѣ закоченѣю.

— Ахъ, грѣхъ какой!

— Ничего не подѣлаешь. Я, впрочемъ, не о себѣ, а объ дочкѣ хотѣла съ тобой поговорить. Не нравится мнѣ она.

— Чему-жъ въ ней не нравиться—дѣвица какъ дѣвица. Смотрите! родная дочка уже разонравилась!

— Не о томъ я. Не нравится мнѣ, что она все одна да одна, живетъ съ срамною матерью да хирѣетъ. Посмотри, на что она похожа стала! Блѣдная, худая да хилая, все на грудь жалуется. Боюсь я, что и у нея та же болѣзнь, что у покойнаго отца. У Бога милостей много. Мужа отнялъ, меня разума лишилъ—пожалуй, и дочку къ себѣ возьметъ. Живи, скажетъ, подлая, одна въ кромѣшномъ аду!

— Ишь вѣдь ты какая! и въ Бога-то вѣрить перестала!

— Вѣрила я...

Слѣпушкина не доканчивала и задумывалась.

— Ничего, все обойдется благополучно,—утѣшала ее Марья Маревна.—Никакой болѣзни у Клавденьки нѣтъ—что пустяки говорить! Вотъ, черезъ годъ мой Мишáнка изъ-за границы воротится, въ побывку къ матери пріѣдетъ. Увидитъ Клавденьку, понравятся другъ дружкѣ—вотъ и женихъ съ невѣстой готовы!

— Ахъ, кабы...

Сосѣдки расходились, и въ сердцѣ пьяницы поселялась робкая надежда. Давно, признаться, она ужъ начала мечтать о Михайлѣ Золотухинѣ—вотъ бы настоящій для Клавденьки мужъ!—да посмотритъ, посмотритъ на дочку, вспомнитъ о покойномъ мужѣ да и задумается. Что, ежели въ самомъ дѣлѣ отецъ свой страшный недугъ дочери передалъ? что, если она умретъ? Куда она тогда съ своей пьяной головой дѣнется? неужто хоть одну минуту такое несчастье переживетъ?!

Къ сожалѣнію, пьяная мать оказалась права. Несомнѣнно, что Клавденька у всѣхъ на глазахъ сгорала. Еще когда ей было не больше четырнадцати лѣтъ, показались подозрительные припадки кашля, которые съ каждымъ годомъ усиливались. Наслѣдственность брала свое, и такъ какъ помощи ни откуда ждать было нельзя, то дѣвушка неминуемо должна была погибнуть.

Повидимому, она и сама это подозрѣвала. Отъ нея не умѣли скрыть, какимъ недугомъ умеръ ея отецъ, и она знала, что это недугъ наслѣдственный. Тѣмъ не менѣе, жажда жизни горѣла такъ сильно, что она даже въ самыя тяжелыя минуты не переставала вѣрить и надѣяться.

Ноги начинали подкашиваться, багровыя пятна на щекахъ рдѣли, голова тяжелѣла и покрывалась потомъ, а ей казалось, что на встрѣчу идетъ чудо, которое вотъ-вотъ сниметъ съ нея чары колдовства.

Наконецъ и двигаться стало не въ мочь. Ее усадили въ кресло, неподалеку отъ окна, изъ котораго былъ виденъ палисадникъ и сквозь чащу акацій мелькала избушка Золотухиной, обложили подушками и для послугъ приставили ея любимую горничную.

— Ты бывала когда-нибудь больна, Паша?—спрашивала она свою собесѣдницу.

— Сколько разъ, барышня!

— Нѣтъ, вотъ такъ, какъ я?

— Во сто разъ хуже... какая ваша болѣзнь!

— Отъ этой болѣзни, говорятъ, спасенья нѣтъ. Чахотка. Покойный папенька въ чахоткѣ умеръ. Вонъ какія у меня на щекахъ красныя пятна выступили!

— Что вы, Христосъ съ вами! такъ, неможется вамъ... Простудились, должно быть. И пятенъ на щекахъ нѣтъ!—просто румянчикъ! Красавица вы у насъ!

Въ постепенномъ увяданіи прошло цѣлое лѣто. Съ наступленіемъ зимы пришлось закупориться; и палисадникъ, и улицу занесло снѣгомъ, такъ что и глазамъ не на что было порадоваться. Отсутствіе свѣта, духота комнатъ давили сильнѣе и сильнѣе. Настали изнурительныя безсонныя ночи, и такъ какъ молодое существованіе еще не успѣло запастись внутреннимъ содержаніемъ, то ни о чемъ другомъ не думалось, кромѣ представленія о зіяющей безднѣ, которая съ каждымъ днемъ выступала яснѣе и яснѣе, ежеминутно готовая поглотить ее. Ужели

судьба такъ жестока! безпрестанно жаловалось тоскующее сердце:— ужели она не приготовила ей никакихъ радостей, одну только смерть!..

— Тяжело, Паша, умирать?—спрашивала она.

— Не знаю, не умирала,—отдѣлывалась Паша шуткой:—да что̀ вы, барышня, все про смерть да про смерть! Вотъ ужо̀ весна придетъ, встанемъ мы съ вами, пойдемъ въ лѣсъ по ягоды... Еще такъ отдохнемъ, что лучше прежняго заживемъ!

Но положеніе, по истинѣ, дѣлалось страшнымъ, когда у матери начинался пьяный запой. Домъ наполнялся безсмысленнымъ гвалтомъ, проникавшимъ во всѣ углы; обезумѣвшая мать врывалась въ комнату больной дочери и бросала въ упоръ одинъ и тотъ же страшный вопросъ:

— Подлячка у тебя мать? говори! подлячка?

Пробовали запирать Степаниду Михайловну въ спальнѣ, но больная всякій разъ приказывала отворить дверь.

— Пускай походитъ! ей легче, когда она на свободѣ,—говорила она:—а я ужъ привыкла.

Наступило тепло. Въ воображеніи больной рисовалось родное село, поле, луга, солнце, просторъ. Она все чаще и чаще заговаривала о томъ, какъ ей будетъ хорошо, если даже недугъ не сразу оставитъ ее, а позволитъ хоть вынести въ креслѣ въ палисадникъ, чтобы свѣжимъ воздухомъ подышать.

Призвали, наконецъ, и доктора, который своимъ появленіемъ только напугалъ больную. Это былъ одинъ изъ тѣхъ неумѣлыхъ и неразвитыхъ захолустныхъ врачей, которые изъ всѣхъ затрудненій выходили съ честью при помощи формулы: „въ извѣстныхъ случаяхъ наша наука безсильна“. Эту формулу высказалъ онъ и теперь; высказалъ самоувѣренно, безапелляціонно и, принявъ изъ рукъ Степаниды Михайловны (на этотъ разъ трезвой) красную ассигнацію, уѣхалъ обратно въ городъ.

Оставалось умереть. Всѣ съ часу на часъ ждали роковой минуты, только сама больная продолжала мечтать. Поле, цвѣты, солнце... и много-много воздуха! Точно живительная влага изъ полной чаши, льется ей воздухъ въ грудь, и она чувствуетъ, какъ подъ его дѣйствіемъ стихаютъ боли, организмъ крѣпнетъ. Она дѣлаетъ надъ собой усиліе, встаетъ съ своего одра, отворяетъ двери и бѣжитъ, бѣжитъ...

Вотъ она встала и озирается. Еще рано, но окна ужъ побѣлѣли, и весеннее солнце не замедлитъ позолотить ихъ. Рядомъ съ ея кресломъ сидитъ Паша и дремлетъ; нѣсколько поодаль догораетъ сальный огарокъ, и желтое пламя чуть-чуть выдѣляется изъ утреннихъ сумерекъ. Ей становится страшно; она протягиваетъ руку, чтобы разбудить Пашу, хочетъ крикнуть—и въ изнеможеніи падаетъ...

Смерть застигла ее какъ разъ во время запоя матери. Собрались сосѣди и съ помощью дворовыхъ устроили похороны. На этотъ разъ къ Степанидѣ Михайловнѣ приставили прислугу и не выпускали ея изъ спальни, такъ что неизвѣстно, поняла ли она что-нибудь, когда мимо ея оконъ проносили на погостъ гробъ...

Когда запой кончился, старуха, по обыкновенію, вымылась въ банѣ, потомъ зашла къ дочери и, увидѣвъ ея опустѣлую комнату, поняла.

— Ну, теперь и мнѣ готовиться надо,—пропзнесла она чуть слышно и на цѣлыя сутки заперлась въ спальнѣ. Никто не видѣлъ ея слезъ, не слышалъ ея жалобъ; многіе думали, что она опять запила.

Но, повидимому, у нея уже задолго до того, въ виду возрастающаго недуга дочери, созрѣла завѣтная мысль, и теперь она торопилась осуществить ее.

Дня черезъ два она уѣхала въ городъ и всѣмъ дворовымъ дала отпускныя. Потомъ совершила на ихъ имя дарственную запись, которою отдавала дворовымъ, еще при жизни, усадьбу и землю въ полную собственность, а съ нихъ взяла частное обязательство, что до смерти ея они останутся на прежнемъ положеніи.

Сдѣлавши эти распоряженія, она спокойно стала ждать роковой минуты. Запой не замедлилъ. Несчастная кричала и бурлила больше обыкновеннаго, и хотя дворовые даже строже, чѣмъ прежде, наблюдали за нею, но на этотъ разъ она съумѣла обмануть ихъ бдительность.

Въ одну изъ ночей, въ самый пароксизмъ запоя, страшный, удручающій гвалтъ, наполнявшій домъ, вдругъ смѣнился гробовою тишиной. Внезапно наступившее молчаніе пробудило дремавшую около ея постели прислугу; но было уже поздно: „веселая барышня“ въ лужѣ крови лежала съ перерѣзаннымъ горломъ.

Въ виду всѣмъ извѣстнаго болѣзненнаго состоянія, ее похоро-

нили не какъ самоубійцу, а по христіанскому обряду. Все село собралось на погребеніе, а въ томъ числѣ и сосѣди. Говорили преимущественно о „страшномъ“ распоряженіи, которое сдѣлала покойная относительно своего имѣнія.

— Нашего полку прибыло! вотъ и еще дворяне проявились у насъ на селѣ!—поздравляли другъ друга сосѣди.

Марья Маревна Золотухина была еще бѣднѣе Слѣпушкиной. Имѣніе ея заключалось всего изъ четырехъ ревизскихъ душъ (дворовыхъ) при сорока десятинахъ земли, да еще предводитель Струниковъ подарилъ ей кучеренка Прошку, но документа на него не далъ, такъ что Золотухина находилась въ постоянномъ недоумѣніи —чей Прошка, ея или Струниковскій.

— Стану я въ городъ ѣздить, да купчія совершать!—отзывался Струниковъ на ея настоянія закрѣпить за ней Прошку: —живетъ онъ у тебя—и будетъ.

Усадьбу ея, даже по наружному виду, нельзя было назвать господской; это была просторная изба, раздѣленная на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной, „черной“, помѣщалась стряпущая и дворовые, а въ другой, „чистой“, состоявшей изъ двухъ комнатъ, жила она съ дѣтьми.

Когда-то изба была покрыта тесомъ, но отъ времени тесъ сопрѣлъ, и новую крышу сдѣлали уже соломенную, такъ что и съ этой стороны жилье перестало отличаться отъ обыкновенной крестьянской избы. Даже палисадника не существовало: только сбоку былъ разведенъ небольшой огородъ, въ которомъ росли лишь самыя необходимыя въ хозяйствѣ овощи. При такой бѣдности и въ то дешевое время существовать было трудно.

Происходила Золотухина изъ духовнаго званія. Отецъ ея, Марій (по просту Марѣй) Семенычъ Скорбященскій до конца жизни былъ настоятелемъ словущенской церкви и слылъ опытнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ. Марья Маревна никогда не могла назваться красивою, но полюбилась Гервасію Ильичу Золотухину, захудалому дворянину, родъ котораго издавна поселился въ Словущенскомъ. Она была уже немолода, когда выходила замужъ, а Золотухинъ лѣтъ на двадцать былъ старше ея и, кромѣ того, пивалъ. Долгое время дѣвица Скорбященская не рѣшалась отдать ему руку и сердце.

— Колотить ты меня, пожалуй, подъ пьяную руку, будешь?— говорила она своему обожателю.

— Ахъ, голубка! да ты мнѣ тогда...

— То-то! ты у меня это помни! я и сама одной рукой трехъпудовую гирю поднять могу! такъ тебя кулачищемъ окрещу, что свѣта не взвидишь!

Сдѣлавшись дворянкою, Марья Маревна прежде всего занялась перевоспитаніемъ стараго мужа. Держала его дома, не давала вина, а когда ему удавалось урваться на свободу и онъ возвращался домой пьяный, то въ наказаніе связывала ему руки, а иногда и просто-на-просто била. Перевоспитаніе дѣйствительно удалось: Гервасій Ильичъ совсѣмъ пересталъ пить, но въ то же время заскучалъ и началъ хирѣть. Человѣкъ онъ былъ смирный, какъ листъ дрожалъ передъ женой, и потому въ избушкѣ, за рѣдкими исключеніями, господствовала полная тишина. И хозяйствомъ, и домоводствомъ полновластно распоряжалась жена, а мужъ по цѣлымъ днямъ уныло бродилъ по единственной свободной горницѣ, бормоча безсвязныя слова и завидливо прислушиваясь, не доносится ли съ Слѣпушкиной усадьбы гвалта, свидѣтельствующаго о началѣ запоя. По временамъ онъ выбѣгалъ въ сѣни, пріотворялъ дверь въ стрянущую и, просунувъ плѣшивую голову, шопотомъ обращался къ стрянухѣ:

— Ты бы, Непилушка, хоть полстаканчика водки у вѣдьмы на кушанье выпросила!

Но на его горе всегда въ такихъ случаяхъ словно изъ-подъ земли выростала Марья Маревна и въ одинъ мигъ водворяла его на чистую половину.

— Вотъ тебѣ „вѣдьма“! вотъ тебѣ за „вѣдьму“!—кричала она, выталкивая его могучими руками въ шею и въ спину, такъ что онъ ежеминутно рисковалъ растянуться на полу и, пожалуй, расшибиться.

Результатъ этой системы перевоспитанія не заставилъ себя долго ждать. Не прошло и трехъ лѣтъ совмѣстной жизни супруговъ, какъ Гервасій Ильичъ умеръ, оставивъ на рукахъ жены двухъ мальчиковъ-близнецовъ. Снесла Марья Маревна мужа на погостъ и, какъ говорится, обѣими руками перекрестилась.

— Ну, теперь я, по крайности, хоть дѣтьми займусь!—сказала она себѣ, и дѣйствительно всю страстность горячаго материнскаго сердца отдала этимъ дѣтямъ.

По странному капризу, она дала при рожденіи дѣтямъ почти однозвучныя имена. Перваго, увидѣвшаго свѣтъ, назвала Михаиломъ, второго—Мисаиломъ. А въ умепьшительномъ кликала ихъ: Мишàнка и Мисàнка. Старалась любить обоихъ сыновей одинаково, но, помимо ея воли, безотчетный материнскій инстинктъ все-таки болѣе влекъ ее къ Мишàнкѣ, нежели къ Мисàнкѣ.

Несмотря на то, что смерть мужа въ значительной мѣрѣ развязала ей руки, вдова очень скоро убѣдилась, что при той бѣдности, на которую она осуждена, ей ни подъ какимъ видомъ не сдобровать. Будущее дѣтей наполняло ея сердце безконечной тревогой. Покуда они были малы, жизнь еще представлялась возможною, но вѣдь какія-нибудь пять-шесть лѣтъ пролетятъ такъ быстро, что и не замѣтишь. Подойдетъ „наука“, и вотъ тогда-то начнется настоящее непсходное вдовье горе. Происходя изъ духовнаго званія, она хоть и смутно, но понимала, что мальчикамъ безъ „науки“ не прожить. У нея было четыре брата, изъ которыхъ двое ужъ кончили курсъ въ семинаріи, а двое еще учились; было двѣ сестры замужемъ за священниками (одна даже въ губернскомъ городѣ), которые тоже считали себя причастными наукѣ. Самъ отецъ Маріи хоть и позабылъ многое, а все-таки въ свое время кончилъ въ семинаріи курсъ, а иногда и теперь рисковалъ просклонять: mensa, mensae и т. д. Да и она была грамотная, и по части церковной и даже гражданской печати могла хоть кого угодно за поясъ заткнуть.

Да, нужна наука, нужна; и время, когда азбука всевластно опутаетъ существованіе невинныхъ дѣтей, подкрадется невидимо, яко тать въ нощи.

И дѣйствительно, оно наступило, когда мальчикамъ минуло шесть лѣтъ. Можно было бы, конечно, и повременить, но Марья Маревна была нетерпѣлива, и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, сама начала учить дѣтей грамотѣ.

Марья Маревна учила толково, но тутъ между дѣтьми сказалась значительная разница. Тогда какъ Мишàнка быстро переходилъ отъ азбуки къ складамъ, отъ складовъ къ изреченіямъ, и съ какимъ-то упоеніемъ выкрикивалъ самыя неудобопроизносимыя сочетанія буквъ, Мисáнка то-и-дѣло тормозилъ успѣшный ходъ учёбы своею тупостью. Нѣкоторыхъ буквъ онъ совсѣмъ не понималъ, такъ что приходилось подниматься на хитрость, чтобы заставить его усвоить ихъ.

Въ особенности его смущали буквы *э*, *ѳ* и *г*.

— Какой ты, однако, глупый!—сердилась мать:—ну, помнишь пѣсню! *Эко сердце, эко сердце, эко бѣдное мое! Эко!* чувствуешь: *Э*...ко? ну вотъ оно самое и есть!

Или:

— Ѳедора Васильича, предводителя, знаешь? Ѳедоръ... Фё-фё-фё... ѳё-ѳё-оё... вотъ эта самая ѳпта и есть!

Или:

— А пжицу самъ заномнп. Вотъ она! стоитъ растопырей словно вилы, которыми сѣно на стогъ подаютъ!

Разумѣется, въ концѣ концовъ Мисàнка усвоилъ-таки „науку“, только съ опгой долго не могъ справиться и называлъ ее не ппаче какъ Ѳедоромъ Васильичемъ и паоборотъ. Однажды онъ даже не мало огорчилъ мать, увпдѣвъ черезъ окно проѣзжавшаго по улицѣ Струнникова и закричавъ во все горло:

— Мамка! Ѳита ѣдетъ! Ѳпта!

Марья Маревна не на шутку перепугалась и, чтобы окончательно запечатлѣть образъ опты въ умѣ Мисàнки, тутъ же высѣкла его.

Въ предвпдѣнiи предстоящей дѣтской учёбы, Золотухина заранiше устраивала себѣ связи въ помѣщичьей средѣ. Дома ей рѣшительно не у чего было хозяйствовать, а съ смертью мужа и жить на одномъ мѣстѣ, пожалуй, не представлялось надобностп. Поэтому она почти постоянно разъѣзжала въ рогожной кибитчёнкѣ, запряженной парой рабочихъ лошадокъ, по помѣщичьимъ усадьбамъ, и у нѣкоторыхъ сосѣдей, въ семействахъ которыхъ жили гувернантки или окончившiе курсъ семинаристы, заживалась подолгу. Пріѣдетъ и ребятишекъ съ собой привезетъ; сама около хозяйки дома пристроится, разговорами занимаетъ, семейныя жалобы выслушиваетъ, домашнiя несогласiя умпротворяетъ, по хозяйству полезные совѣты подаетъ. Попросятъ ее на скотный дворъ сходить присмотрѣть—она сходитъ; попросятъ въ амбарѣ зерно перемѣрить—перемѣритъ.

— Заждались мы тебя! — говорятъ хозяева, привѣтствуя ея пріѣздъ:—слова молвить безъ тебя не съ кѣмъ, даже хозяйство черезъ пень колоду пошло!

А мальчики между тѣмъ, усѣвшись въ классной комнатѣ вмѣстѣ съ хозяйскими подростками, на практикѣ познаютъ, что ежели корни ученiя горьки, зато плоды его сладки.

Ѣздила она такимъ образомъ да ѣздила — и добилась своего. Хотя ученье, по причинѣ частыхъ кочеваній, вышло нѣсколько разношерстное, а все-таки, черезъ года два-три, и Мишàнка, и Мисàнка умѣли и по-французски, и по-нѣмецки нѣсколько ходячихъ фразъ безъ ошибки сказать, да и изъ прочихъ наукъ начатки усвоили. Имъ еще только по десятому году пошло, а хоть сейчасъ вези въ Москву да въ гимназію отдавай.

Конечно, этотъ результатъ достался не легкой цѣной, но ужъ и то было счастье, что среди постоянныхъ скитаній она удержалась на извѣстной чертѣ и не перешла въ буфонство. Это доказывало присутствіе въ ней такта, очень рѣдкаго въ бѣдной мелкопомѣстной средѣ, всецѣло, ради сладкаго куска, отдающей себя на потѣху болѣе зажиточной собратіи. Она была толковита, совѣстлива, осторожна. Не всякое слово, какое на языкъ попадалось, выкладывала, вѣстей изъ дома въ домъ не переносила и вообще старалась держать себя не какъ приживалка, а какъ гостья, на равной ногѣ съ хозяевами. Много ей въ этомъ случаѣ помогалъ Мишàнка, ласковый и экспансивный мальчикъ, всѣхъ приводившій въ восторгъ. Его не только нигдѣ не считали лишнимъ, но нерѣдко даже упрашивали мать оставить его погостить на продолжительное время. Но Марья Маревна пуще всего боялась, чтобы изъ сына не выработался заурядный приживалецъ, а сверхъ того у нея ужъ созрѣлъ насчетъ обоихъ дѣтей особенный планъ, такъ что она ни на какія упрашиванія не сдавалась.

— Нѣтъ, что ужъ!—обыкновенно отговаривалась она:—и надоѣстъ онъ вамъ, да и не слѣдъ дѣтямъ отъ матери отвыкать.

И возвращалась на короткое время домой или переѣзжала, по очереди, къ другимъ сосѣдямъ.

Повторяю: во всякомъ случаѣ Золотухина съумѣла оградить себя отъ тѣхъ надруганельствъ, которыя такъ часто испытываетъ бѣдный людъ въ невѣжественномъ и грубомъ захолустномъ кругу. Только однажды предводитель Струнниковъ позволилъ себѣ сыграть надъ ней пошлую шутку, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ.

4-го іюля, въ день именинъ Струнникова, въ предводительскомъ домѣ давали обѣдъ. Народа собралось не меньше пятидесяти человѣкъ, а въ томъ числѣ и Золотухина. По окончаніи обѣда начали разносить десертъ, и между прочимъ испанскія вишни, которыя въ эту пору года только-что появились. Набралось небольшое блюдо,

ягодъ около полутораста, такъ что гости брали по одной и по двѣ ягоды, только чтобы отвѣдать. Но Марья Маревна не сообразила этого и, когда дошла до нея очередь, взяла съ блюда цѣлую горсть, да и за другою полѣзла. Разумѣется, Струшниковъ не выдержалъ.

— Я знаю, Марья Маревна, что ты не для себя берешь, а дѣтокъ побаловать хочешь,—сказалъ онъ:—такъ я послѣ обѣда велю полную коробьюшечку ягодъ набрать, да и отправлю къ тебѣ домой. А тѣ, что взяла, ты опять на блюдо положи.

Марья Маревна сконфузилась, но какъ женщина справедливая, поняла, что сдѣлала ошибку, и безпрекословно положила обратно на блюдо свою добычу. Возвратившись домой, она прежде всего поинтересовалась узнать, прислалъ ли Струшниковъ обѣщанную коробьюшку, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, приказала подать ее.

Увы! коробьюшка была дѣйствительно полна вишнями... но мокрыми, побѣлѣвшими, изъ-подъ прошлогодней наливки!

Конечно, Золотухина и на этотъ разъ вынуждена была промолчать, но она кровно обидѣлась, не столько, впрочемъ, за себя, сколько за дѣтей. И къ чести ея слѣдуетъ сказать, что съ тѣхъ поръ нога ея не бывала въ предводительскомъ домѣ.

Наконецъ Марья Маревна сдѣлала рѣшительный шагъ. Мальчикамъ приближалось уже одиннадцать лѣтъ, и все, что захолустье могло ей дать въ смыслѣ обученія, было уже исчерпано. Приходилось серьезно думать о продолженіи воспитанія, и, натурально, взоры ея прежде всего обратились къ Москвѣ. Неизвѣстно, сама ли она догадалась, или надоумилъ ее отецъ, только въ одно прекрасное утро, одѣвши близнецовъ въ новенькія курточки, она забрала ихъ съ собой и раннимъ утромъ отправилась въ Отраду.

— Вы смотрите, чаще у княгинюшки ручки цѣлуйте!—твердила она дѣтямъ дорогой.

Владѣлецъ Отрады, князь Андрей Владимірычъ Кузьминъ-Перекуровъ, по зимамъ обыкновенно жилъ въ своемъ домѣ въ Москвѣ *), а лѣтомъ пріѣзжалъ въ Отраду вмѣстѣ съ женой, бывшей французской актрисой, Селиной Архиповной Бульминь. Жили они роскошно, дѣтей не имѣли, принимали въ имѣніи московскихъ друзей, но съ сосѣдями по захолустью не знались. Князь былъ однимъ изъ тѣхъ

*) Въ первой главѣ былъ ошибочно названъ Петербургъ.

разслабленныхъ и чванныхъ представителей старинныхъ родовъ, которые, повидимому, отстаиваютъ корпоративную связь, но, въ сущности, пресмыкаются и ползаютъ, исключительно посвящая свою жизнь поддерживанію дворскихъ и высоко-бюрократическихъ отношеній. Онъ прошелъ всю школу благовоспитанныхъ и богатыхъ идіотовъ. Родился въ Парижѣ, воспитывался въ Оксфордѣ, прослужилъ нѣкоторое время въ качествѣ attaché при посольствѣ въ Берлинѣ, по далѣе по службѣ не пошелъ, и наконецъ поселился въ Москвѣ, гдѣ корчилъ изъ себя англомана и писалъ сочиненіе подъ названіемъ: „Рѣка времетеченія“, въ которомъ каждый вечеръ, ложась спать, прибавлялъ по одной строчкѣ. И наружность онъ имѣлъ нелѣпую: ходилъ не сгибая ногъ и выпятивъ грудь и чванно несъ на длинной шеѣ несоразмѣрно большую голову съ лошадинаго типа лицомъ, расцвѣченнымъ желто-красными подпалинами, какъ у гнѣдого мерина. Ни въ какія распоряженія по имѣнію онъ не входилъ, ничего въ хозяйствѣ не смыслилъ и предоставилъ управляющему и бурмистру устраиваться какъ хотятъ, наблюдая только, чтобы малѣйшее желаніе Селины Архиповны было выполняемо точно и безотговорочно.

Золотухиной, которая вообще въ своихъ предпріятіяхъ была удачлива, посчастливилось и на этотъ разъ. Когда она явилась въ Отраду, супруги были одни и скучали. Впрочемъ, князь, услышавъ, что пріѣхала „въ гости“ какая-то вдова Золотухина, да притомъ еще Марья Маревна, хотѣлъ-было отпетиниться, но, по счастью, Селина Архиповна была въ добромъ расположеніи духа и приказала просить.

Марья Маревна вошла въ роскошную княжескую гостиную, шурша новымъ ситцевымъ платьемъ и держа за руки обоихъ дѣтей. Мишàнка, завидѣвъ Селину Архиповну, тотчасъ же подбѣжалъ къ ней и поцѣловалъ ручку; но Мисàнка, красный какъ ракъ, уцѣпился за юбку материнскаго платья и съ вызывающею закоснѣлостью оглядывалъ незнакомую обстановку.

— Иди, душенька, иди!—поощряла его мать:—поцѣлуй у княгинюшки ручку.

— Не пойду!—упорствовалъ Мисàнка, зарывая лицо въ складки платья.

— Не безпокойте его!—вступилась за Мисàнку Селина Архиповна:—онъ у васъ дикарь, не привыкъ. Вотъ познакомимся поко-

роче, онъ и самъ увидитъ, что во мнѣ ничего страшнаго нѣтъ. Но какой у васъ этотъ прелестный мальчикъ!—прибавила она, любуясь Мишàнкой:—просто заглядѣнье! какъ его зовутъ?

— Михайломъ, ваше сіятельство!

— Прелестное имя. Michel! вы меня будете любить?

— Я и теперь васъ люблю, ваше сіятельство!

— Ну, вотъ видите. И вы меня любите, и я васъ люблю. Вы добрый мальчикъ, ласковый. Я увѣрена, что мы подружимся.

Словомъ сказать, Мишàнка сразу заполонилъ сердце добродушной француженки, тогда какъ Мисàнка своею неблаговоспитанностью въ такой же мѣрѣ оттолкнулъ ее отъ себя.

Марья Маревна объяснила свой пріѣздъ настойчивостью дѣтей. Они такъ много наслышались объ Отрадѣ и ея чудесахъ, что непремѣнно требовали, чтобы мать показала имъ, какъ живутъ вельможи. Объясненіе это видимо польстило Селинѣ Архиновнѣ, которая вызвалась сама показать пріѣзжимъ и садъ, и паркъ, и оранжереи.

— Надѣюсь, что передъ этимъ вы съ нами позавтракаете,—любезно прибавила она.

— А я между тѣмъ распоряжусь, чтобъ вашъ экипажъ отложили,—съ своей стороны отозвался князь:—вѣдь вы издалека?

— Верстъ двадцать-пять, ваше сіятельство, будетъ. Да какой у меня экипажъ! Кибитчёнка рогожная—только и всего. Я ее на селѣ у мужичка покинула.

Селина Архиновна удивилась: дворянка—и въ рогожной кибиткѣ ѣздитъ! Но удивленіе ея возросло еще болѣе, когда Золотухина прибавила:

— Горевая я, ваше сіятельство, дворянка! и всего-то имѣнія у меня четыре души да сорокъ десятинъ земли—тутъ и въ пиръ, и въ міръ!

— Ахъ, Боже! четыре души... est-ce possible! Но какъ же вы живете?

— Таковская ужъ и жизнь, ваше сіятельство. Не живемъ, а колотимся. Дѣтей вотъ жалко.

Селина Архиновна совсѣмъ растерялась. Недоумѣло переглядывалась она съ мужемъ, и наконецъ изъ груди ея вырвался вопль:

— Но что же смотритъ правительство? Ахъ, какъ мнѣ жаль васъ! André! вѣдь правительство обязано поддержать дворянское

сословіе? вѣдь дворяне — это опора? Ты, конечно, напишешь объ этомъ въ своемъ сочиненіи... n'est-ce pas? Ахъ, какъ мнѣ жалко, какъ жалко васъ!

За завтракомъ Марья Маревна разсказала всѣ подробности своей скитальческой жизни, и чѣмъ больше развертывалась передъ глазами радушныхъ хозяевъ повѣсть ея неприглядная существованія. тѣмъ больше загоралось въ сердцахъ ихъ участіе къ бѣдной страдалицѣ-матери.

Однимъ словомъ, день кончился полнымъ тріумфомъ для Золотухиной. Селина Архиповна сама показала гостямъ чудеса Отрады. и не только накормила ихъ обѣдомъ, но и оставила ночевать. Но что́ всего важнѣе, въ этотъ же день была рѣшена участь Минàнки и самой Марьи Маревны. Перваго князь взялся опредѣлить на свой счетъ въ московскій дворянскій институтъ; второй Селина Архиповна предложила мѣсто экономки въ московскомъ княжескомъ домѣ.

— Такимъ образомъ, воспитаніе вашего сына будетъ обезпечено,—сказала она:—а въ то же время и вы будете неразлучны съ вашимъ сокровищемъ.

Объ Мисáикѣ въ этихъ переговорахъ ни словомъ не было упомянуто: очевидно, мальчикъ-дикарь не понравился. Съ своей стороны, и Марья Маревна не настаивала на дальнѣйшихъ милостяхъ...

Само собою разумѣется, впрочемъ, она не забыла и о другомъ сынѣ; но оказалось, что у нея внезапно сложилась въ умѣ комбинація, съ помощью которой можно было и Мисáику легко пристроить. Одна изъ сестеръ Золотухиной, какъ я уже упомянулъ выше, была выдана замужъ въ губернскій городъ за приходского священника, и Марьѣ Маревнѣ пришло на мысль совершенно основательное предположеніе, что добрые родные, какъ люди зажиточные и притомъ бездѣтные, охотно согласятся взять къ себѣ въ домъ племянника и помѣстить его въ губернскую гимназію приходящимъ ученикомъ. И, какъ въ скоромъ времени оказалось, надежда не обманула ея.

Такимъ образомъ, оба мальчика были пристроены, и Марья Маревна свободно вздохнула. Въ концѣ августа она собралась изъ Словущенскаго: чистую половину въ избѣ заколотила и надзоръ за хозяйствомъ и дворовыми поручила старику-отцу. Цѣлыхъ семь лѣтъ, покуда длился учебный искусъ дѣтей, она только изрѣдка лѣтомъ навѣщала родное гнѣздо изъ Отрады, куда, въ качествѣ экономки,

пріѣзжала вмѣстѣ съ „господами“ изъ Москвы. Жилось ей, повидимому, недурно; „господа“ дорожили ею, жалованье она получала хорошее, такъ что явилась возможность копить. Съ своей стороны, и старикъ-отецъ продавалъ оставшіеся за прокормленіемъ дворовыхъ сельскіе продукты и тоже копилъ.

Черезъ семь лѣтъ Мишàнка кончилъ университетскій курсъ первымъ кандидатомъ и былъ посланъ на казенный счетъ за границу. Очевидно, въ недальнемъ будущемъ его ожидала профессура. Мисàнка, конечно, отсталъ, однакожъ и онъ усѣлъ-таки, почти одновременно, кончить курсъ въ гимназіи, но въ университетъ не дерзнулъ, а поступилъ на службу въ губернское правленіе.

Разставшись съ Мишàнкой иославъ Мисàнкѣ заочно благословеніе, Золотухина оставила княжескій домъ и вновь появилась въ Словущенскомъ. Но уже не ѣздила кормиться по сосѣдямъ, а солидно прожила лѣтъ шесть своимъ домкомъ и при своемъ капиталѣ. Умирая, она была утѣшена, что оба сына ея пристроены. Мишàнка имѣлъ каѳедру въ московскомъ университетѣ, а Мисàнка, въ чинѣ губернскаго секретаря, пользовался благоволеніемъ начальства и репутаціей примѣрнаго столоначальника.

На погребеніе его пріѣхали оба сына. Подѣливши между собою наличный капиталъ (около пяти тысячъ), они рѣшили отпустить дворовыхъ на волю, безвозмездно предоставивъ имъ усадьбу со всей землей.

Послѣ Слѣпушкиной это былъ второй примѣръ помѣщичьяго великодушія въ нашемъ захолустьѣ.

Описанныя въ настоящей и трехъ предыдущихъ главахъ личности наиболѣе прочно удержались въ моей памяти. Но было и еще нѣсколько сосѣдей, о которыхъ я считаю нелишнимъ вкратцѣ упомянуть, ради полноты общей картины.

Прежде всего укажу на Перхунова и Метальникова, изъ которыхъ первый, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, представлялъ собой либеральный элементъ, а второй — элементъ консервативный.

Собственно говоря, кличекъ этихъ въ то время не существовало, потому что ни о какой сословной или партійной рознѣ и въ поминѣ не было. Время было глухое и темное. Правительство называли „на-

чальствомъ", а представленіе о внутренней политикѣ исчерпывалось выраженіями: „ежовыя рукавицы" и „канцелярская тайна". Послѣдняя покрывала все своимъ непроницаемымъ пологомъ и лишь изрѣдка нарушалась откровеніями „Московскихъ Вѣдомостей" о цѣлодневномъ звонѣ съ Иваповской и иныхъ колоколенъ, да зрѣлищемъ торговой казни, производимой публично черезъ палача, на городской площади. Однакожъ и тогда по мѣстамъ прорывались усобицы, которыя имѣли не столь низменный характеръ, какъ обыкновенныя захолустныя пререканія, и доказывали, что, несмотря на суровую регламентацію, изъ подъ спуда общаго знаменателя все-таки порой выдѣлялись какіе-то тенденціозные пустяки, которые сообщали взаимнымъ отношеніямъ обывателей нѣкоторую партійную окраску.

Григорій Александрычъ Перхуновъ жилъ въ старинной родовой усадьбѣ неподалеку отъ Словущенскаго. Это былъ уже пожилой и закоренѣлый холостякъ, имѣвшій довольно хорошее состояніе, что давало ему возможность считать себя независимымъ. Отъ природы онъ былъ надѣленъ однимъ изъ тѣхъ непосѣдливыхъ темпераментовъ, которые заставляютъ человѣка тормошиться даже безъ особенно побудительныхъ поводовъ. Канцелярская тайна, царствовавшая окрестъ, подстрекала его любопытство и заставляла доискиваться смысла ежовыхъ рукавицъ, а эти исканія сообщали его личности нѣкоторыя своеобразныя черты, которыя до извѣстной степени выдѣляли его изъ общей массы собратій-помѣщиковъ.

Въ кругу „своихъ" онъ слылъ вольнодумцемъ и острякомъ („бритва—язычокъ", говорили про него), хотя, въ дѣйствительности, лишь въ самой слабой степени оправдывалъ эту репутацію.

Вольнодумство его ограничивалось довольно низменнымъ и неопрятнымъ кощунствомъ да назойливымъ критиканствомъ, для котораго онъ находилъ легкую пищу въ малограмотности и мелкихъ беззаконіяхъ и плутняхъ мѣстной администраціи.

Домъ его служилъ центромъ, изъ котораго выходили разнообразнѣйшія розсказни о дѣйствіяхъ приказной братіи, начиная съ судьи и исправника и кончая подъячими низшаго разряда. Къ сожалѣнію, онъ не отступалъ отъ анекдотовъ собственнаго изобрѣтенія, что въ значительной мѣрѣ подрывало вѣру въ состоятельность его критикъ и сообщало имъ характеръ (какъ тогда выражались) шумаранья и фардыбаченья. Но, во всякомъ случаѣ, за предѣлы за-

холустной мурьи онъ не выходилъ, во-первыхъ потому, что у него не было достаточной подготовки для оцѣнки явленій высшаго порядка, а во-вторыхъ и потому, что кругъ этихъ послѣднихъ былъ такъ прочно замкнутъ, что не только въ захолустья, но и повыше ничего оттуда не проникало. Тѣмъ не менѣе, несмотря на безобидность его критическихъ упражненій, начальство смотрѣло на него косо и держало на счету безпокойныхъ людей. Нерѣдко ему даже дѣлали, черезъ предводителя, репримянды и указывали перстомъ въ ту сторону, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Послѣ такихъ указаній онъ временно притихалъ, но потомъ опять принимался за прежнее, и къ общему удивленію прожилъ свой вѣкъ благополучно...

Что касается до остроумія, то въ этомъ отношеніи Перхуновъ вполнѣ удовлетворялъ неприхотливымъ представленіямъ, сложившимся въ затхлой мурьѣ, въ которой онъ жилъ. Онъ коверкалъ имена и фамиліи, изобрѣталъ клички и былъ неистощимъ на проказы, отъ которыхъ, несмотря на ихъ незатѣйливость, иногда приходилось жутко. Прозоветъ Калерію Степановну Чепракову—Кавалеріей Степановной; Тараса Прохорыча Метальникова—Тарантасомъ Прохорычемъ—и всѣмъ любо. Или судью Глазатова наградитъ кличкою „дѣвицы вольнаго поведенія“—и еще того всѣмъ любѣе. А если ночью въ гостяхъ кому-нибудь изъ „простенькихъ“ подложитъ подъ подушку кусочекъ вонючаго сыра или посыплетъ простыню солью, то и конца края общему веселью нѣтъ. Разсказываютъ другъ другу о случившемся, шепчутся, хохочутъ...

За всѣмъ тѣмъ, репутація вольнодумца и острякa сослужила Перхунову существенную службу. Благодаря ей, когда наступила крестьянская реформа, онъ, въ качествѣ „занозы“, былъ избранъ отъ нашего уѣзда въ губернскій крестьянскій комитетъ, а оттуда пробрался даже въ редакціонныя коммисіи.

Тарасъ Прохорычъ Метальниковъ представлялъ совершенную противоположность Перхунову. Насколько послѣдній былъ недостовѣренъ и проказливъ, настолько же первый отличался достовѣрностью и серьезностью не только помысловъ, но и тѣлодвиженій. Все въ его міросозерцаніи было ясно, внушительно и безспорно; все доказывало, что онъ заранѣе намѣтилъ себѣ колею, которая, такъ сказать, сама собой оберегала его отъ уклоненій вправо и влѣво. Въ вѣрноподданнической задумчивости онъ шелъ по жизненному пути, инстинктивно

угадывая, гдѣ слѣдуетъ остановиться, чтобы упереться лбомъ въ стѣну. И тамъ, гдѣ Перхуновъ тормошился и восклицалъ: „на что похоже!“ —онъ учительно и вполнѣ убѣжденно утверждалъ: „съ насъ будетъ и этого!“

Разумѣется, начальство репримандовъ ему не дѣлало, но благосклонно предоставляло совершать жизненный путь, на ряду съ другими, въ сладкомъ сознаніи, что если онъ никого не тронетъ, то и его никто не тронетъ (таковъ былъ тогдашній идеалъ мирнаго житія, которому большинство, отчасти добровольно, отчасти страха ради іудейска, подчинялось). Что касается до собратій-помѣщиковъ, то въ ихъ средѣ Метальниковъ слылъ мужемъ совѣта, и вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, его принимали съ радушіемъ и почетомъ. Это общее уваженіе наглядным образомъ выразилось въ томъ, что Тарасъ Прохорычъ нѣсколько трехлѣтій подъ рядъ былъ избираемъ исправникомъ съ такимъ единодушіемъ, что о конкуррентахъ и рѣчи быть не могло.

Перхуновъ и Метальниковъ постоянно враждовали другъ съ другомъ и рѣдко встрѣчались. Но за то когда встрѣчались, то начиналась безконечная потѣха. Задирой являлся, конечно, Перхуновъ, а Метальниковъ только щетинился; но оба были такъ „уморительны“, что встрѣчи эти надолго оставляли по себѣ веселый слѣдъ, сообщавшій живость и разнообразіе неприхотливымъ собесѣдованіямъ, оглашавшимъ стѣны помѣщичьихъ гнѣздъ въ длинные зимніе вечера.

Затѣмъ могу указать еще на братьевъ Урванцовыхъ, ближайшихъ нашихъ сосѣдей, которые остались у меня въ памяти, потому что во всѣхъ отношеніяхъ представляли очень курьезную аномалію.

Отецъ ихъ, Захаръ Кантоничъ Урванцовъ, одинъ изъ бѣднѣйшихъ помѣщиковъ нашего края, принадлежалъ, подобно Перхунову, къ числу „проказниковъ“, которыми, за отсутствіемъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ, такъ таровата была тогдашняя безпросвѣтная жизнь. Но проказливость его была уже до того назойлива и цинична, что даже наше захолустье не признало его своимъ. Одиноко прозябалъ онъ въ своей берлогѣ, не принимая никакого участія въ общемъ помѣщичьемъ раздольѣ и растрачивая свою озорливость среди безотвѣтныхъ дворовыхъ, не щадя даже кровной семьи.

Двоихъ близнецовъ-сыновей, которыхъ оставила ему жена (она умерла родами), онъ назвалъ Захарами, а когда они пришли въ возрастъ, то опредѣлилъ ихъ юнкерами въ одинъ и тотъ же полкъ. Мало

того: умирая, оставилъ завѣщаніе, которымъ подѣлилъ между сыновьями имѣніе (оно было, по несчастью, благопріобрѣтенное) самымъ возмутительнымъ образомъ. Господскій домъ раздѣлилъ на-двое съ такимъ разсчетомъ, что одному брату достались такъ-называемыя парадныя комнаты, а другому—жилыя: двадцать-три крестьянскихъ двора распредѣлилъ черезъ дворъ: одинъ дворъ одному брату, другой—рядомъ съ первымъ—другому и т. д. И что всего обидѣе—о двадцать-третьемъ дворѣ ничего не упомянулъ.

Результатъ этихъ проказъ сказался, прежде всего, въ безконечной ненависти, которую дѣти питали къ отцу, а по смерти его, опутанныя устроенною имъ кутерьмою, перенесли другъ на друга. Оба назывались Захарами Захарычами; оба одновременно вышли въ отставку въ одномъ и томъ же поручичьемъ чинѣ и носили одинъ и тотъ же мундиръ; оба не могли опредѣлить границъ своихъ владѣній, и передъ обоими, въ видѣ неразрѣшимой и соблазнительной загадки, стоялъ вопросъ о двадцать-третьемъ дворѣ.

Къ довершенію всего, какъ это часто бываетъ между близнецами, братья до такой степени были схожи наружностью, что не только сосѣди, но и домочадцы не могли отличить ихъ другъ отъ друга. Да и въ духовномъ смыслѣ, въ большинствѣ случаевъ, оба жили и дѣйствовали подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же наитій.

Положеніе было безвыходное, почти трагическое, и служило предметомъ безконечныхъ розсказней, въ которыхъ играла главную роль мучительная семейная свара, въ смѣшливый часъ устроенная безпутнымъ старикомъ.

Я помню, что и въ нашемъ домѣ разсказывались по этому поводу совершенно невѣроятные анекдоты, особенно въ первое время послѣ смерти старика, когда путаница только-что еще разгоралась.

— Намедни́сь, такая ли перестрѣлка въ Вялицынѣ (такъ называлась усадьба Урванцовыхъ) была—какъ только до убійства не дошло!—сообщалъ кто-нибудь изъ пріѣзжихъ гостей.—Вышли оба брата въ березовую рощу грибковъ побирать. Одинъ съ одного конца взялся, другой—съ другого. Идутъ задумавшись на встрѣчу и не замѣчаютъ другъ друга. Какъ вдругъ столкнулись. Смотрятъ другъ дружкѣ въ глаза—онъ ли, не онъ ли?—никто не хочетъ первый дорогу дать. Ну, и пошло тутъ у нихъ, и пошло...

— Нѣтъ, вы подумайте, каково положеніе крестьянъ!—пере-

бивалъ другой гость:—намеднѝсь одинъ братъ взялъ да всѣхъ мужиковъ у другого перепоролъ, а тѣ, дурачье, думаютъ, что ихъ *свой* баринъ сѣчетъ...

— Вотъ такъ маскарадъ!

Или:

— Встанутъ съ утра, да только о томъ и думаютъ, какую бы родному брату накость устроить. Услышитъ одинъ Захаръ, что братъ съ вечера по хозяйству распоряженіе сдѣлалъ—пойдетъ и отмѣнитъ. А въ то же время другой Захаръ подъ другого брата такую же штуку подводитъ. До того дошло, что теперь мужики, какъ завидятъ, что не дорогѣ идетъ Захаръ Захарычъ—свой ли, не свой ли—во всѣ лопатки прочь бѣгутъ!

Или, наконецъ:

— Въ завѣщаніи-то старый пакостникъ такъ дѣтей подѣлилъ: такой-то крестьянскій дворъ—сыну моему Захару Урванцову *первому*, а такой-то—сыну моему Захару Урванцову *второму*. Вотъ судья, пріѣхавши ихъ дѣлить, и говоритъ: „ужъ вы, господа, какъ-нибудь уладьтесь! вы, Захаръ Захарычъ, будьте первый Урванцовъ, а вы, Захаръ Захарычъ,—Урванцовъ второй". И что-жъ, не успѣлъ судья отвернуться, анъ и самъ не знаетъ, котораго Захаръ-Захарыча онъ назвалъ первымъ, котораго—вторымъ. Наконецъ догадался: взялъ да бумажки съ нумерами тому и другому на грудь пришѝлилъ. Только такимъ манеромъ и успѣлъ раздѣлъ совершить.

И такъ далѣе...

Очевидно, что при такихъ чудовищныхъ условіяхъ совмѣстное существованіе было немыслимо. Поэтому Урванцовы не долго выдержали. Проживъ въ нашихъ мѣстахъ не больше двухъ лѣтъ, они одновременно и неизвѣстно куда исчезли, оставивъ и отческій домъ, и деревнюшку на волю случайности.

Въ заключеніе, скажу нѣсколько словъ еще о Петрѣ Антонычѣ Грибковѣ, котораго всѣ единогласно называли Псомъ Антонычемъ.

Лично я его никогда не видалъ, но то немногое, что̀ привелось мнѣ въ дѣтствѣ слышать о немъ, было по истинѣ ужасающее. Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, извергъ, превосходившій въ этомъ отношеніи даже тетеньку Анфису Порфирьевну. Въ особенности возмутительны были подробности гаремной жизни, которую онъ велъ. Вслѣдствіе этого изъ сосѣдей не только никто не водилъ съ нимъ

знакомства, но даже говорить о немъ избѣгали: какъ будто боялись, что одно упоминовеніе его имени произведетъ смуту между домочадцами. Нѣсколько разъ его судили, неоднократно устраивали опеку и выселяли изъ имѣнія съ воспрещеніемъ въѣзда, но, благодаря ослабленіямъ опекуновъ и отдаленному родству съ предводителемъ Струнниковымъ, онъ преспокойно продолжалъ жить въ своемъ Олонкинѣ и безчинствовать. Но наконецъ его постигла казнь, еще болѣе жестокая, нежели та, жертвою которой сдѣлалась Анфиса Порфирьевна. Ночью человѣкъ тридцать крестьянъ (почти вся вотчина) оцѣпили господскій домъ, ворвались въ спальню и, повѣсивъ барина за ноги, зажгли домъ со всѣхъ сторонъ. Къ утру Олонкинская усадьба представляла уже груду развалинъ. Только немногія изъ гаремныхъ узницъ успѣли спастись и впослѣдствіи явились по дѣлу доказчицами.

Я помню, однажды семейный обѣдъ нашъ прошелъ совершенно молчаливо. Отецъ былъ блѣденъ, у матушки по временамъ вздрагивали губы... Очевидно, совершилось нѣчто такое, что̀ надлежало сохранить отъ насъ въ тайнѣ. Но ничто не могло укрыться отъ любознательности брата Степана, который и на этотъ разъ такъ изловчился, что къ вечеру намъ, дѣтямъ, были уже извѣстны всѣ подробности олонкинской катастрофы.

О прочихъ сосѣдяхъ умалчиваю, хотя ихъ была цѣлая масса. Въ памяти моей осталось о нихъ такъ мало опредѣленнаго, что обременять вниманіе читателей воспоминаніемъ объ этой безличной толпѣ было бы совершенно излишне.

XXXI.—Заключеніе.

Изъ элементовъ, съ которыми читатель познакомился въ теченіе настоящей хроники, къ началу зимы образовывалось такъ-называемое пошехонское раздолье. Я не стану описывать его здѣсь во всѣхъ подробностяхъ, во-первыхъ, изъ опасенія повтореній, и, во-вторыхъ потому, что порядочно-таки утомился и желаю какъ можно скорѣе придти къ вожделѣнному концу. Во всякомъ случаѣ, предупреждаю

читателя, что настоящая глава будетъ имѣть почти исключительно перечневой характеръ.

Мы, дѣти, еще съ конца сентября начинали загадывать объ ожидающихъ зимою увеселеніяхъ. На первомъ планѣ въ этихъ ожиданіяхъ, конечно, стояла перспектива свободы отъ ученья, а затѣмъ шумныя встрѣчи съ сверстниками, вкусная ѣда, бѣготня, пляска и та общая праздничная суета, которая такъ соблазнительно дѣйствуетъ на дѣтское воображеніе.

Въ особенности волновался предстоящими веселыми перспективами братъ Степанъ, который, несмотря на осеннее безвременье, безъ шапки, въ одной курткѣ, убѣгалъ изъ дома по направленію къ погребамъ и кладовымъ и тщательно слѣдилъ за процессомъ припасанія, какъ главнымъ признакомъ предстоящаго раздолья.

— Капусту рубленную въ прокъ набиваютъ!—возвѣщалъ онъ намъ:—въ маленькія кадушки—для господъ, въ чаны—для людей!

Или:

— Вчера изъ Васютина цѣлую бычью тушу привезли, а сегодня ее на части для солонины разрубаютъ! Пожирнѣе—намъ, а жилы да кости—людямъ. Сама мать на погребъ въ кацавейкѣ засѣдаетъ.

И, наконецъ:

— Ну, братцы, кажется, наше дѣло скоро совсѣмъ выгоритъ! Самъ сейчасъ слышалъ, какъ мать приказаніе насчетъ птицы отдавала, которую на племя оставить, которую бить. А ужъ если птицу велятъ бить, значитъ конецъ и дѣлу вѣнецъ. На все лѣто полотковъ хватитъ—съ голоду не помремъ.

Иногда съ Покрова выпадалъ снѣгъ и начинались серьезные морозы. И хотя въ большинствѣ случаевъ эти признаки зимы оказывались непрочными, но при наступленіи ихъ сердца наши били усиленную тревогу. Мы съ любопытствомъ слѣдили изъ оконъ, какъ на прудѣ, подъ надзоромъ ключницы, дворовыя женщины замакивали въ водѣ и замораживали ощипанную птицу, и заранѣе предвкушали то удовольствіе, которое она доставитъ намъ въ вареномъ и жареномъ видѣ въ праздничные дни.

— Гусь-то! гусь-то!—по временамъ восклицалъ въ азартѣ Степанъ:—вотъ такъ гусь! Ахъ, хорошъ старикъ!

Санный путь чаще всего устанавливался около 15-го ноября, а вмѣстѣ съ нимъ открывался и сезонъ увеселеній. Наканунѣ Вве-

деньева дня нашъ околотокъ почти поголовно (очень часто больше пятидесяти человѣкъ) былъ въ сборѣ у всенощной въ церкви села Лыкова, гдѣ на завтра предстоялъ престольный праздникъ, и церковнымъ старостой состоялъ владѣлецъ села, полковникъ суворовскихъ временъ, Ѳома Алексѣичъ Гуслицынъ. Натурально, домъ послѣдняго служилъ убѣжищемъ для съѣхавшейся массы сосѣдей, большинство которыхъ оставалось гостить здѣсь на два и на три дня.

На этомъ первомъ сезонномъ праздникѣ я остановлюсь нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онъ служилъ, такъ сказать, прототипомъ всѣхъ остальныхъ.

Раннее утро, не больше семи часовъ. Окна еще не начали бѣлѣть, а свѣчей не даютъ; только нагорѣвшая свѣтильня лампадки, съ вечера затепленной въ углу передъ образомъ, разливаетъ въ жарко натопленной дѣтской меркнущій свѣтъ. Двѣ дѣвушки, ночующія въ дѣтской, потихоньку поднимаются съ войлоковъ, разостланныхъ на полу, всемѣрно стараясь, чтобы неосторожнымъ движеніемъ не разбудить дѣтей. Черезъ пять минутъ онѣ накидываютъ на себя затрапезныя платья и уходятъ внизъ доканчивать туалетъ.

Но дѣти уже не спятъ. Ожиданіе предстоящаго выѣзда спозаранку волнуетъ ихъ, хотя выѣздъ назначенъ послѣ ранняго обѣда, часовъ около трехъ, и до обѣда предстоитъ еще провести нѣсколько скучныхъ часовъ за книжкой въ классѣ. Но имъ уже кажется, что на конюшнѣ запрягаютъ лошадей, чудится звонъ бубенчиковъ и даже голосъ кучера Алемпія.

По уходѣ дѣвушекъ, они въ восторгѣ вскакиваютъ съ кроватей и начинаютъ кружиться по комнатѣ, раздувая рубашонками. Топотъ, нѣнье нѣсенъ, крики „ура“ наполняютъ дѣтскую.

— Чу, колокольчикъ звякнулъ!—сообщаетъ Гриша, внимательно прислушиваясь.

— Запрягаютъ—это вѣрно!—подтверждаетъ Степанъ;—еще намедни я слышалъ, какъ мать Алемпію приказывала: „въ пятницу, говоритъ, вечеромъ у престольнаго праздника въ Лыковѣ будемъ, а по дорогѣ къ Боровковымъ обѣдать заѣдемъ“.

— Ѣдемъ! ѣдемъ!

Но восторги наши непродолжительны. Черезъ четверть часа уже раздаются въ корридорѣ шаги, заслышавъ которые, мы проворно пря-

чемся подъ одѣяла. Входитъ матушкина наперсница Ариша и объявляетъ:

— Маменька велѣли сказать, что сейчасъ съ розгой придутъ.

Разумѣется, это только угроза, но она уничтожаетъ всякій поводъ для дальнѣйшихъ самообольщеній. Какъ и въ прошлые годы, насъ засадятъ съ утра за книжку и вплоть до обѣда заставятъ томиться.

Утро проходитъ тоскливо. Къ счастью, Марья Андреевна на этотъ разъ снисходительна и безпрестанно выходитъ изъ классной посмотрѣть, какъ бы, укладывая, не смяли ея „матерчатаго“ платья, которое у нея всего одно и бережется для выѣздовъ. Мы отвѣчаемъ уроки машинально, заглядывая въ окно и прислушиваясь къ шуму, который производятъ сборы.

Нетерпѣніе наше ростетъ съ каждой минутой, такъ какъ все обѣщаетъ, что поѣздка предстоитъ благопріятная. Отецъ еще за чаемъ объявилъ, что на дворѣ всего три градуса холода, а такъ какъ санный путь только-что сталъ, то лошади навѣрное побѣгутъ бойко и незамѣтно доставятъ насъ въ Лыково. Ни одного ухаба, дорога какъ полъ; въ тихомъ воздухѣ гулко раздается звонъ колокольчиковъ и громыханье бубенчиковъ... Для такихъ несчастныхъ узниковъ, какими были мы, поѣздка въ подобныхъ условіяхъ сама по себѣ представляла цѣлую перспективу наслажденій. Ахъ, кабы поскорѣе! Поскорѣе бы вырваться изъ этого постылаго Малиновца!

Наконецъ, бьетъ часъ, подаютъ обѣдать. Всѣ ѣдятъ наскоро, точно боятся опоздать; только отецъ, словно нарочно, медлитъ. Всегда онъ такъ. Тутъ, того гляди, къ третьему звону ко всенощной не попадемъ, а онъ въ каждый кусокъ вилкой тыкаетъ, каждый глотокъ разговоромъ пересыпаетъ.

— А послѣ обѣда одѣваться да умываться начнетъ! — ворчитъ сквозь зубы братъ Степанъ.

И дѣйствительно, къ тремъ часамъ вся семья, укутанная по дорожному, уже въ сборѣ въ лакейской, а изъ отцовской спальни все еще доносятся звуки приводимаго въ движеніе рукомойника.

— Скоро ли?—въ нетерпѣніи кричитъ матушка.

Но вотъ укутали и отца. На дворѣ уже сгустились сумерки, но у насъ и люди и лошади привычные, и въ потьмахъ дорогу сыщутъ. Свѣжій, крѣпительный воздухъ съ непривычки волнуетъ намъ кровь.

Но ощущенье это скоро уляжется, потому что черезъ минуту насъ затискаютъ въ крытый возокъ, и такъ, въ закупоренномъ видѣ, и доставятъ по назначенію.

— Какъ бы вѣтеръ не разыгрался! — выражаетъ опасеніе матушка.

— Не знаю какъ сказать, — отвѣчаетъ Алемпій: — крутитъ по дорогѣ, да и сверху мжица мжитъ. Не впервые; Богъ милостивъ!

— Еще бы! цѣлый часъ напенька около рукомойника валандался! тутъ хоть какая угодно погода испортится! — негодуетъ братъ Степанъ.

— Цыцъ... пострѣленокъ!

До Лыкова считаютъ не больше двѣнадцати верстъ; но такъ какъ лошадей берегутъ, то этотъ небольшой переѣздъ беретъ не менѣе двухъ часовъ. Тѣмъ не менѣе, мы пріѣзжаемъ на мѣсто, по крайней мѣрѣ, за часъ до всенощной и останавливаемся въ избѣ у мужичка, гдѣ происходитъ процессъ переодѣванія. Къ Гуслицынымъ мы поѣдемъ по окончаніи службы и останемся тамъ гостить два дня.

Гуслицыны, бездѣтные старикъ и старуха, принадлежатъ къ числу зажиточнѣйшихъ помѣщиковъ нашего околотка. И Ѳома Алексѣичъ, и жена его Александра Ивановна очень усердные прихожане, и потому церковь залита огнями по праздничному. Почти всѣ гости ужъ на-лицо: Пустотѣловы, Боровковы, Корочкины, Чепраковы, маіоръ Клобутицынъ и съ нимъ человѣка четыре офицеровъ. Господа стоятъ впереди, одѣтые по праздничному; глубина церкви кишитъ простонародьемъ. Служба происходитъ парадная въ такъ-называемой „настоящей“ церкви (у праздника), которая, по случаю зимы, черезъ недѣлю закроется вплоть до Пасхи.

По окончаніи всенощной, всѣ подходятъ къ хозяевамъ съ поздравленіями, а дѣти по очереди цѣлуютъ у старой полковницы ручку. Старушка очень привѣтлива, всякому найдетъ доброе слово сказать, всякаго спроситъ: „хорошо ли, душенька, учишься? слушаешься ли папеньку съ маменькой?“ — и, получивъ утвердительный отвѣтъ, потреплетъ по щекѣ и перекреститъ.

Въ просторномъ домѣ Гуслицыныхъ уже все готово къ пріему дорогихъ гостей. Стѣны (по старинному нештукатуренныя) и полы тщательно вымыты; въ комнатахъ слегка накурено ладаномъ: по угламъ, передъ образами теплятся лампадки. Въ большомъ залѣ на-

крытъ ужинъ, а для желающихъ подается и чай. Но конецъ вечера проходитъ тихо, почти въ безмолвіи. Во-первыхъ, гости съ дороги устали, а во-вторыхъ такъ ужъ изстари заведено, что большіе праздники встрѣчаютъ въ благоговѣйномъ умиленіи, избѣгая разговоровъ. Въ десять часовъ всѣ расходятся на покой, причемъ только самымъ почетнымъ гостямъ отводятся особыя комнаты, а прочихъ укладываютъ, какъ попало, по диванамъ и въ-повалку на полу.

На другой день съ утра начинается сущее столпотвореніе. Пріѣзжая прислуга перебѣгаетъ съ рукомойниками изъ комнаты въ комнату, разыскивая господъ. Изо всѣхъ угловъ слышатся возгласы:

— Параша! скоро ли умываться?

— Ѳеша! гдѣ же мой корсетъ?

— Маланья! опять мочалку забыла?

А въ залѣ, гдѣ размѣстили на ночь подростковъ, они повскакали съ разостланныхъ на полу пуховиковъ и въ одѣхъ рубашкахъ, съ крикомъ и хохотомъ, перебѣгаютъ изъ конца въ конецъ, по неровной поверхности, образуемой подушками и перинами, на каждомъ шагу спотыкаясь и падая. При этомъ происходитъ словесная перестрѣлка, настолько нецѣломудренная, что дѣвушки, стоящія у рукомойниковъ, безпрестанно покрикиваютъ:

— Ишь вѣдь что говорятъ... безстыдники!

Кстати скажу здѣсь: вообще въ мое время дѣти были очень невоздержны на языкъ, и лексиконъ срамныхъ словъ самаго послѣдняго разбора былъ достаточно между ними распространенъ. Къ счастію, брань слетала съ языка скорѣе машинально, по наслышкѣ, въ родѣ хвастовства, нежели сознательно, такъ что дѣйствительное значеніе ея оставалось загадкой. По крайней мѣрѣ, мнѣ помнится, что когда я, будучи десяти лѣтъ, поступилъ въ московскій дворянскій институтъ, гдѣ всякое срамное слово уже произносилось съ надлежащимъ смакомъ, то ровно ничего не понималъ, хотя самыя слова мнѣ были давно извѣстны.

По пріѣздѣ отъ обѣдни, начинается безпрерывная ѣда, такъ какъ въ этомъ, собственно говоря, и состояло наше захолустное раздолье. За чаемъ слѣдуетъ закуска, которая не снимается со стола вплоть до обѣда; послѣ обѣда особо подаютъ десертъ, затѣмъ наужинъ и т. д. до самой ночи. Въ особенности барыни, какъ усядутся въ гостиной кругомъ стола съ закуской, такъ и не оторвутся отъ

него. Изрѣдка ѣда перемежается тѣмъ, что кто-нибудь изъ барышенъ или изъ офицеровъ сядетъ за старыя клавикорды и споетъ романсъ. Любимыми романсами въ то время были: „Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою“, „Не шей ты мнѣ, матушка“, „Что затуманилась, зоренька ясная“, „Талисманъ“, „Черная шаль“ и т. д. Я. впрочемъ, не помню, чтобы встрѣчались хорошіе голоса, но хуже всего было то, что и пѣвцы, и пѣвицы пѣли до крайности вычурно: глотали и коверкали слова, картавили, закатывали глаза и вообще старались дать понять, что, въ случаѣ чего, недостатка по части страстности опасаться нѣтъ основанія. Заслышавши пѣніе, маменьки выползаютъ изъ гостиной въ залъ и устраиваютъ уже настоящую выставку талантовъ, а солидные мужчины, неохотники до дивертисментовъ, забираются въ бильіардную, гдѣ тоже ставится закуска и водка. У всякой барышни есть какой-нибудь танецъ, въ которомъ она спеціально отличается. Вѣрочка Чепракова танцуетъ „По улицѣ мостовой“; одной ручкой подбочинится, другую подниметъ вверхъ и скруглитъ; затѣмъ поплыветъ по залѣ и пошевеливаетъ плечиками, подманивая прапорщика Синеусова, который изо всѣхъ силъ стучитъ сапогами, стараясь изобразить лихого русскаго парня. Ѳенечка Боровкова отлично пляшетъ по-цыгански. Откинетъ головку назадъ, разбѣжится изъ одного конца залы въ другой, потомъ обратно, потомъ начнетъ кружиться, а за ней то же самое повторяетъ прапорщикъ Завулоновъ, и никакъ не можетъ Ѳенечку изловить... Разумѣется, покуда дочки показываютъ товаръ лицомъ, маменьки хлопаютъ въ ладоши и по очереди поздравляютъ другъ друга.

Такимъ образомъ, утро проходитъ довольно однообразно. Гости, очевидно, еще не вошли въ праздничную колею. Барышни, показавши таланты, начинаютъ попарно ходить взадъ и впередъ по анфиладѣ комнатъ, перешептываясь съ офицерами; маменьки, похваставшись дочерьми, снова присаживаются поближе къ закускѣ; даже между дѣтьми оживленія не видать. Хотя старая полковница уже нѣсколько разъ предлагала имъ побѣгать и поиграть, но они не успѣли еще возобновить между собой знакомства, прерваннаго продолжительнымъ уединеніемъ, въ которомъ ихъ держала все лѣто сельско-хозяйственная страда. Чинно и смирно бродятъ они слѣдомъ за барышнями и разсказываютъ другъ другу небылицы въ лицахъ. Ваня Боровковъ сообщаетъ, что ихній кучеръ Пармёнъ недавно на

всемъ скаку зайца кнутомъ пополамъ перерѣзалъ; Сашенька Пустотѣлова—что у нихъ корова Бѣлогрудка цѣлыхъ три года пропадала, и вдругъ прошлымъ лѣтомъ пошли въ лѣсъ, а она забралась въ самую чащу и ужъ съ тремя телятами ходитъ.

— Такъ безъ быка и отелилась?—удивляется Сонечка Корочкина.

— Нѣтъ, послѣ узнали, что быкъ къ ней въ гости ходилъ. Замѣтили, что онъ часто изъ стада пропадаетъ, и начали слѣдить...

— Нѣтъ, это что!—прерываетъ Петя Корочкинъ:—вотъ у насъ кучеръ такъ молодецъ! Прошлаго года зимой попалъ со всей тройкой и съ санями въ прорубь; видитъ—бѣда неминучая, взялъ да и разогналъ подо льдомъ лошадей... И вдругъ выскочилъ изъ другой проруби!

Наконецъ, братъ Степанъ разсказываетъ, что въ малиновецкомъ саду такая лягушка завелась, что какъ только прыгнетъ, такъ изъ нея червонецъ вылетитъ.

— И много ты такихъ червонцевъ набралъ?—завидуютъ ему.

— То-то, братцы, что штука эта не простая. Пытался я хоть одну монетку подтибрить, да только-что наклонюсь, анъ она въ моихъ глазахъ и растаетъ!

Вообще, хвастовство, какъ и сквернословіе, въ большомъ ходу между дѣтьми. Повидимому, они наслѣдовали это качество отъ отцовъ и значительно пріумножали это наслѣдіе позаимствованіями, сдѣланными у челядинцевъ.

Насъ, дѣтей Затрапезныхъ, сверстники не долюбливаютъ. Быстрое обогащеніе матушки вызвало зависть въ сосѣдяхъ. Старшіе, конечно, остерегаются высказывать это чувство, но дѣти не чинятся. Они пристаютъ къ намъ съ самыми ехидными вопросами, сюжетомъ для которыхъ служатъ скопидомство матушки и та приниженная роль, которую играетъ въ домѣ отецъ. Въ особенности непріятна въ этомъ отношеніи Сашенька Пустотѣлова, шустрая дѣвочка, которую всѣ боятся за ея злой языкъ.

— Правда ли, что у васъ недавно бунтъ былъ изъ-за того, что ваша мамаша велѣла больную корову зарѣзать и людямъ въ застольную отдать?—пристаетъ она къ намъ.

Или:

— Правда ли, что папенька вашъ изъ старыхъ писемъ сургуч-

ныя печати вырѣзываетъ, а на внутренней сторонѣ конвертовъ письма старшимъ дѣтямъ пишетъ?

Нерѣдко приставанья эти длятся цѣлое утро. Поэтому понятно, что первое время мы ходимъ нѣсколько сконфуженно и ждемъ не дождемся обѣда, послѣ котораго обыкновенно затѣваются игры и заставляютъ нашихъ сверстниковъ и сверстницъ позабыть о Малиновцѣ и его порядкахъ.

Обѣдъ подается по праздничному, въ три часа, при свѣчахъ, и длится, по крайней мѣрѣ, полтора часа. Цѣлая масса лакеевъ, своихъ и чужихъ, служитъ за столомъ. Готовятъ три повара, изъ которыхъ одинъ отличается по части старинныхъ русскихъ кушаньевъ, а двое обучались въ Москвѣ у Яра и выписываются въ деревню зимою на нѣсколько недѣль. Сверхъ того, для пирожныхъ имѣется особенный кондитеръ, который учился у Педотти и умѣетъ дѣлать конфекты. Вообще, въ кулинарномъ отношеніи Гуслицыны не уступаютъ даже Струнниковымъ.

Разнообразная и вкусная ѣда на первыхъ порахъ оттѣсняетъ на задній планъ всякіе другіе интересы. Среди общаго молчанія слышно, какъ гости жуютъ и дуютъ. Только съ половины обѣда постепенно разыгрывается обычная бесѣда, темой для которой служатъ выяснившіеся результаты лѣтняго урожая. Оказывается, что лѣто прошло благополучно, и потому всѣ лица сіяютъ удовольствіемъ, и собесѣдники не прочь даже прихвастнуть.

— И урожай хорошъ, и заготовки вышли удачныя, только вотъ грибовъ не родилось: придетъ великій постъ, во щи покинуть нечего! И замѣтьте, ужъ третій годъ безъ грибовъ сидимъ, а рыжика такъ и въ поминѣ давнымъ давно нѣтъ,—что бы за причина такая?

— А та и причина, что настоящихъ грибныхъ дождей не бывало!—разрѣшаетъ какая-нибудь опытная хозяйка.

— Нѣтъ, кажется, и дождей не мало прошлымъ лѣтомъ было, —возражаетъ другая опытная хозяйка: —а такъ, должно быть, не къ году...

— Были дожди, да не грибные,—настаиваетъ первая:—иной разъ цѣлое лѣто льютъ дожди, а грибами и не пахнетъ. А отчего? —оттого, что дожди не тѣ! И вдругъ подъ самый конецъ грянетъ грибной дождикъ—и пойдетъ, и пойдетъ! И рыжики, и грузди, и бѣлые грибы... обсру нѣтъ!

— Дивны дѣла Твои, Господи! вся премудростію сотворилъ еси! —отзывается голосъ съ мужского конца стола.

Наконецъ подаютъ нетерпѣливо ожидаемое дѣтьми пирожное. Оно двухъ сортовъ. Сначала разносятъ фигурные вѣнчики, сдѣланные изъ нарѣзаннаго миндаля; потомъ—желѐ малиноваго цвѣта съ прилѣпленною во внутренней пустотѣ восковою свѣчей. Эффектъ, производимый этимъ своеобразнымъ освѣщеніемъ, всѣхъ приводитъ въ восторгъ.

— Ишь вѣдь, до чего дошли!—любуется Надежда Игнатьевна Корочкина:—не только для вкуса, да и для глазъ чтобы пріятно было! Скоро ладиколономъ вспрыскивать будутъ, чтобъ и пахло хорошо!

— Эту новинку нашъ Сидорка-кондитеръ изъ Москвы принесъ, — сообщаетъ хозяйка:—нынче, говоритъ, у главнокомандующаго всегда за парадными обѣдами такое желе́ подаютъ.

— Это еще что̀! каклеты въ папильёткахъ выдумали! —прибавляетъ полковникъ:—возьмутъ, въ бумагу каклетку завернутъ, да вмѣстѣ съ соусомъ и жарятъ. Мнѣ, признаться, Сенька-поваръ вызвался сдѣлать, да я только рукой махнулъ. Думаю: что̀ ужъ на старости лѣтъ новыя моды заводить! А впрочемъ, коли угодно, завтра велю изготовить.

— Вели, сударь, вели! пускай дорогіе гости попробуютъ!— рѣшаетъ старушка-полковница.

Но вотъ гости съ шумомъ отодвигаютъ стулья и направляются въ гостиную, гдѣ уже готовъ дессертъ: моченыя яблоки, финики, изюмъ, смоква, разнообразное варенье и проч. Но солидные гости и сами хозяева не прикасаются къ сластямъ и скрываются на антресоли, чтобы отдохнуть часика два вдали отъ шума. Внизу, въ парадныхъ комнатахъ остаются только молодые люди, гувернантки и дѣти. Начинается дѣтская кутерьма.

Дѣтскія игры того времени были очень неразнообразны и притомъ совершенно чужды мысли о соединеніи забавнаго съ полезнымъ. Я помню только слѣдующія: въ лошадки, фанты, жмурки и „снижу-поснижу“.

Первая была самая любимая, потому что въ ней принимали участіе исключительно дѣти, что̀ совершенно устраняло какія-либо стѣсненія. Подбирались тройки, причемъ коренныхъ лошадей и куче-

ровъ изображали мальчики, а пристяжныхъ — дѣвочки. Коренники ржали и „шалили“, не сразу трогались съ мѣста, перемѣняли аллюры, бѣжали и вскачь, и рысью, и шоходью; пристяжныя отвѣчали тоненькими голосами ржанью коренниковъ и скакали, завиваясь въ кольцо; кучера махали веревочными кнутами. Поднимался невообразимый гвалтъ. Тройки вскачь неслись по корридорамъ и комнатамъ; шагомъ взбирались по лѣстницамъ, изображавшимъ собой горы, и наконецъ, наскакавшись и набѣгавшись, останавливались на кормежку, причемъ „лошадей“ разставляли по угламъ, а кучера отправлялись за „овсомъ“ и, раздобывшись сластями, одѣляли ими лошадей.

Въ фантахъ принимали участіе и взрослые. Обыкновенно въ углу залы садилась одна изъ гувернантокъ и выкликала: „ворона летитъ! воробей летитъ!“ — и вдругъ, совсѣмъ неожиданно: „Анна Ивановна летитъ!“ Ежели слово „летитъ“ было употреблено въ примѣненіи къ дѣйствительно летающему предмету, то играющіе должны были поднимать руку; если же оно было употреблено неподлежательно, то руку поднимать не слѣдовало. Преступавшіе это правило платили „фантъ“, заключавшійся въ нѣніи какого-нибудь романса, въ чтеніи стиховъ, а иногда и въ томъ, чтобъ по очереди перецѣловать всѣхъ играющихъ.

Въ жмуркахъ и въ „сижу-посижу“ одному изъ играющихъ по жребію завязывали платкомъ глаза. Въ первой игрѣ участвующіе бѣгали по комнатѣ, а играющій съ завязанными глазами долженъ былъ „ловить“ и угадать, кого онъ поймалъ. Во второй участвующіе разсаживались по стульямъ, а играющій съ завязанными глазами садился по очереди ко всѣмъ на колѣни, и долженъ былъ угадать, у кого онъ сидитъ. Эту послѣднюю игру особенно любили барышни-невѣсты (а иногда и молодыя замужнія женщины), которыя подолгу засиживались на колѣняхъ у кавалеровъ. При этомъ нерѣдко кто-нибудь изъ дѣтей цинично восклицалъ:

— Что, словно налимъ о плотину, трешься! небось отлично знаешь, у кого на колѣнкахъ сидишь!

Къ семи часамъ, когда молодежь успѣла ужъ набѣгаться и наиграться, сходятъ съ антресолей солидные гости. Появляются лакеи съ подносами, уставленными чашками съ чаемъ; за ними другіе разносятъ цѣлыя груды разнообразнаго печенья; десертъ въ гостиной освѣжается. Словомъ сказать, полагается начало новой ѣдѣ, ко-

торая ужъ и не прекращается до глубокой ночи. Послѣ чаю хозяйка предлагаетъ молодежи протанцовать; за старыя клавикорды усаживаютъ одну изъ гувернантокъ, и пары танцующихъ съ шумомъ разстанавливаются вдоль и поперекъ большой залы.

Изъ мелкихъ танцевъ въ то время извѣстенъ былъ только вальсъ, который танцовался чинно подъ музыку на мотивъ: „Ach, mein lieber Augustin“. Фундаментальными танцами считались: французская кадриль и мазурка, которыя существуютъ и понынѣ. Кромѣ того, танцевали „экоссезъ“ и „русскую кадриль“ (послѣднюю я, впрочемъ, только по имени помню), нынѣ совсѣмъ оставленные. Въ мазуркѣ принимали участіе и солидные гости, а въ особенности отличался Григорій Александрычъ Перхуновъ. Онъ облекался для этого въ польскій костюмъ, лихо стучалъ по полу каблуками и по окончаніи фигуры становился на колѣни, подавая руку своей дамѣ, которая кружилась около него, выдѣлывая ногами. Дама, съ своей стороны, бросала ему платокъ, который онъ ловилъ налету, и, быстро вставши съ колѣнъ, дѣлалъ новый кругъ по залѣ, размахивая лѣвой рукой, въ которой держалъ свой трофей.

— Ни дать, ни взять, полякъ! — восклицали присутствующіе.

— Браво! браво, панъ Перхуновскій! — въ восторгѣ гудѣла вся зала, хлопая въ ладоши и передѣлывая на польскій манеръ фамилію расходившагося барина.

Около полуночи веселье прекращалось, и день заключался ужиномъ.

Слѣдующій день былъ повтореніемъ предыдущаго, но проводился нѣсколько проще. Во-первыхъ, было не такъ людно, потому что часть гостей ужъ разъѣхалась, а во-вторыхъ, и оставшіеся гости чувствовали утомленіе послѣ вчерашней ночной кутерьмы. Зато ѣда какъ будто ожесточалась еще болѣе. Вечеромъ танцы хотя возобновлялись, но не надолго, и къ десяти часамъ гости уже расходились на ночлегъ, предварительно попрощавшись съ гостепріимными хозяевами, такъ какъ завтра утромъ часамъ къ девяти предполагалось выѣхать изъ Лыкова, а старики въ это время очень часто еще нѣжились въ постели.

По дорогѣ въ Малиновецъ мы обыкновенно заѣзжали къ Боровковымъ, у которыхъ проводили цѣлыя сутки, отъ Боровковыхъ къ Корочкинымъ и т. д., такъ что домой возвращались нерѣдко черезъ

недѣлю. Затѣмъ, отдохнувши нѣсколько дней, объѣзжали другую сторону околотка, гостили у Пустотѣловыхъ и забирались въ Словущенское, гдѣ, начиная съ предводителя Струпникова, не пропускали никого и изъ мелкопомѣстныхъ.

Вездѣ пили и ѣли, но всего искреннѣе веселились въ Словущенскомъ, гдѣ, за исключеніемъ Струпниковыхъ, помѣщики были побѣднѣе и съ ними меньше чинились. У Слѣпушкиныхъ, напримѣръ, хотя и не танцовали, по причинѣ тѣсноты помѣщенія, но зато изо всѣхъ усадебъ собирали сѣнныхъ дѣвушекъ, которыя пѣли подблюдныя пѣсни (мнѣ помнится, это развлеченіе нравилось даже болѣе, нежели танцы). На ночь всѣ размѣщались по разнымъ усадьбамъ, и такимъ образомъ нѣсколько дней сряду переходили изъ дома въ домъ.

Собирались раза два-три въ зиму и въ Малиновцѣ, и я долженъ сказать правду, что въ этихъ случаяхъ матушка измѣняла своимъ экономическимъ соображеніямъ и устраивала праздники на славу. Да и нельзя было иначе. Домъ былъ громадный, помѣщенія для всѣхъ вдоволь, запасовъ—тоже. Притомъ же сами всюду ѣздили и веселились—стыдно было бы и сосѣдямъ не отплатить тѣмъ же.

Дней за пять до Рождества раздолье на время прекращалось, и помѣщики разъѣзжались по своимъ усадьбамъ, чтобъ встрѣтить праздникъ въ тишинѣ, среди семействъ.

— En classe! en classe!—провозглашали гувернантки, къ великому горю дѣтей, которымъ даже ономнится послѣ длиннаго ряда праздниковъ не давали.

За нѣсколько дней до праздника весь малиновецкій домъ приходилъ въ волненіе. Мыли полы, обметали стѣны, чистили мѣдные приборы на дверяхъ и окнахъ, перемѣняли шторы и проч. Потоки грязи лились по комнатамъ и корридорамъ; цѣлые вороха паутины и жирныхъ оскребковъ выносились на дѣвичье крыльцо. Въ воздухѣ послѣдя запахъ прокислыхъ помоевъ. Словомъ сказать, вся нечистота, какая таилась подъ спудомъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ (съ послѣдняго Свѣтлаго праздника, когда происходила такая же чистка), выступала наружу.

Въ кулинарномъ отношеніи приготовленія были не такъ сложны. Откармливался на скотномъ дворѣ боровъ на буженину и ветчину, да для отца ѣздили въ городъ за свѣжей говядиной. Только и всего.

Ни ёлки, ни праздничныхъ подарковъ, ничего такого, что̀ предназначалось бы спеціально для дѣтей, не полагалось. Дѣти въ нашемъ семействѣ были не въ авантажѣ.

Къ сочельнику все было готово, и этотъ день проводили уже въ абсолютномъ бездѣйствіи и тишинѣ. Даже сѣнныя дѣвушки были освобождены отъ урочныхъ работъ и праздно толпились въ дѣвичьей и сосредоточенно вздыхали, словно ожидая, что съ минуты на минуту отдернется завѣса, скрывающая какую-то великую тайну. Никто, не исключая и дѣтей, до звѣзды не ѣлъ; обѣдать подавали не ранѣе пятаго часа, но отецъ обыкновенно и къ обѣду не выходилъ, а ограничивался двумя чашками чая, которыя выпивалъ послѣ всенощной на сонъ грядущій. Обѣдъ былъ строго постный и преимущественно состоялъ изъ сладкихъ блюдъ. Вмѣсто супа подавали „взварецъ“ изъ сушеныхъ грушъ, чернослива и изюма; затѣмъ слѣдовали пудинги, облитые моремъ, и наконецъ овсяный кисель съ медовою сытою.

Около семи часовъ, служили въ домѣ всенощную. Образная, сосѣднія комнаты и коридоры наполнялись молящимися. Не только дворовые были на-лицо, но приходили и почетнѣйшіе крестьяне изъ села. Всенощную служили чинно съ муропомазаніемъ, а за нею слѣдовалъ длинный молебенъ съ водосвятіемъ и чтеніемъ трехъ-четырехъ акаѳистовъ. Служба кончалась поздно, не раньше половины десятаго, послѣ чего на-скоро пили чай и спѣшили въ постели.

Рождественское утро начиналось спозаранку. Въ шесть часовъ, еще далеко до свѣту, весь домъ былъ въ движеніи; всѣмъ хотѣлось поскорѣе „отмолиться“, чтобы разговѣться. Обѣдня начиналась ровно въ семь часовъ и служилась наскоро, потому что священнику, независимо отъ поздравленія помѣщиковъ, предстояло обойти до обѣда „со святомъ“ все село. Церковь, разумѣется, была до тѣсноты наполнена молящимися.

По пріѣздѣ отъ обѣдни, дѣти цѣловали у родителей ручки, а иногда произносили поздравительные стихи. Къ чаю въ этотъ день вся семья собиралась вмѣстѣ, не исключая даже тетенекъ-сестрицъ. Старались провести время безъ ссоръ и избѣгали всякихъ поводовъ къ столкновенію. Матушка ласково заговаривала съ золовками; послѣднія умильно на нее посматривали. Отецъ, очень рѣдко обращавшій вниманіе на дѣтей, на этотъ разъ измѣнялъ своему обычаю и

шутилъ съ нами. Но въ то же время было замѣтно, что всѣ спѣшили отпить чай поскорѣе, чтобы какъ-нибудь ненарокомъ не проронить слова, которое праздничную идиллію какъ бы волшебствомъ обратило бы въ обыкновенную будничную свару.

Праздновали Рождеству три дня; въ теченіе этого времени дворня раздѣлялась на три смѣны, изъ которыхъ каждой предоставлялось гулять на селѣ по одному дню. Но мы, дѣти, надо сказать правду, проводили эти дни очень невесело. Безъ дѣла слонялись по парадныхъ комнатамъ, ведя между собой безсвязные и вялые разговоры, опасаясь замарать или разорвать хорошее платье, которое, ради праздника, надѣвали на насъ, и избѣгая слишкомъ шумныхъ игръ, чтобы не нарушать праздничное настроеніе. Все въ домѣ смотрѣло сонно, начиная съ матушки, которая, не принимая никакихъ докладовъ, не знала, куда дѣваться отъ скуки, и разъ по пяти на дню ложилась отдыхать, и кончая сѣнными дѣвушками, которыя, сидя праздно въ дѣвичьей, съ утра до вечера дремали. Таковъ былъ общій тонъ, съ которымъ обязательно и мы должны были согласовать свое поведеніе.

Новый годъ весь уѣздъ встрѣчалъ у предводителя Струнникова, который давалъ по этому случаю балъ. Вереница экипажей съѣзжалась 31-го декабря со всѣхъ сторонъ въ Словущенское, причемъ помѣщики покруннѣе останавливались въ предводительскомъ домѣ, а бѣдные—на селѣ у мелкопомѣстныхъ знакомыхъ. Впрочемъ, о предводительскомъ балѣ я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ, и болѣе распространяться объ этомъ предметѣ не считаю нужнымъ.

Въ продолженіе всего рождественскаго мясоѣда безъ перемежки шли съѣзды и гощенія, иногда многолюдные и парадные; но бо́льшею частью запросто, въ кругу близкихъ знакомыхъ. Въ числѣ этихъ собраній въ особенности выдавался балъ, который давалъ въ городѣ расквартированный въ нашемъ уѣздѣ полкъ. Этотъ балъ и новогодній предводительскій считались кульминантными точками захолустнаго раздолья.

Словомъ сказать, цѣлыхъ три мѣсяца сряду захолустье ѣло, пило и гудѣло, какъ пчелы въ ульѣ. Въ это же время и молодые люди сходились между собой. Происходили предварительныя ухаживанья, затѣвались свадьбы, которыя отчасти игрались въ рождественскій мясоѣдъ, отчасти отлагались на красную горку.

Масляницу проводили дома. Всѣ были настолько возбуждены, что казалось рискованнымъ перейти прямо къ безмолвію и сосредоточенности великаго поста. Поэтому масляницей пользовались какъ удобнымъ переходнымъ временемъ, чтобы отдохнуть отъ трехъ-мѣсячной сутолоки и изгнаніемъ мяса изъ кулинарнаго обихода подготовить желудокъ къ принятію грибной пищи.

Блины, блины и блины! Блины гречневые, пшеничные (красные), блины съ яйцами, съ снѣтками, съ лукомъ...

На первой недѣлѣ великаго поста отецъ говѣлъ вмѣстѣ съ тетеньками-сестрицами. Въ чистый понедѣльникъ до усадьбы доносился звонъ маленькаго церковнаго колокола, призывавшій къ часамъ и возвѣщавшій конецъ пошехонскому раздолью...

Post-scriptum.—*Отъ автора.* Здѣсь кончается первая часть записокъ Никанора Затрапезнаго, обнимающая его дѣтство. Появится ли продолженіе хроники — обѣщать не могу; но ежели и появится, то, конечно, въ менѣе обширныхъ размѣрахъ, всего скорѣе въ формѣ отрывковъ. Я чувствую, что уже послѣднія главы написаны слабо и небрежно, но прошу читателей отнестись къ этому снисходительно. Масса образовъ и фактовъ, которую пришлось вызвать, подѣйствовала настолько подавляющимъ образомъ, что явилось невольное утомленіе. Поэтому я и кончилъ, быть можетъ, раньше, нежели предполагалъ, — но во всякомъ случаѣ съ полнымъ и непритворнымъ удовольствіемъ пишу здѣсь:—*Конецъ!*

28 января 1889 г.

БРУСИНЪ

РАЗСКАЗЪ

М. Е. Салтыкова

1849 года

Настоящій разсказъ имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе какъ новый матеріалъ для литературной біографіи М. Е. Салтыкова. Въ его столѣ, послѣ его смерти, найдена была, между прочимъ, старая рукопись, тщательно и собственноручно переписанная авторомъ на обыкновенной писчей бумагѣ большого формата и составляющая тетрадь въ 156 страницъ, въ изящномъ шагреневомъ переплетѣ. Только одна заглавная ея страница не написана, а напечатана въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она воспроизведена на оборотѣ. Одинъ изъ молодыхъ собесѣдниковъ въ разсказѣ— очевидно, самъ авторъ, которому тогда едва исполнилось 23 года. Разсказъ написанъ въ первый же годъ службы М. Е. Салтыкова въ канцеляріи вятскаго губернатора.

Вечеръ былъ пасмурный; дождикъ шелъ на дворѣ какъ изъ ведра; вѣтеръ безпрестанно захлопывалъ ставнями окна нашей дачи; взглянешь на небо — небо все въ тучахъ: видно, надолго зарядило непастье; на дворѣ сыро и холодно; баба идетъ по задворкамъ и, заворотивши подолъ до колѣнъ, флегматически шлепаетъ босыми ногами по густой грязи...

Мы сидѣли кружкомъ противъ горящаго камина; разговоръ былъ вялъ и тяжеловѣсенъ; и форма, и содержаніе его прямо согласовались съ цѣпенящимъ настроеніемъ безъ сравненія гнусной и безконечно мерзостной петербургской природы. Чувство жизни гасло подъ бременемъ этого удушья, какъ будто и оно, вмѣстѣ съ бабой, заворотившей подолъ, вязло въ сѣрой грязи, замокло на дождѣ и отупѣло подъ тяжелыми тучами гадкаго петербургскаго неба. И въ самомъ дѣлѣ, рѣчь шла о скукѣ, этой прародительницѣ „всякаго дыханія“, хвалящаго Господа.

Вѣроятно, и вамъ не разъ случалось встрѣтиться съ нею, благосклонный читатель; это — дама чрезвычайно скромная, съ потупленными глазками, съ опущенной на лицо вуалью и въ до крайности сѣренькомъ платьицѣ: она вѣчно ходитъ съ вами подъ руку: сопровождаетъ васъ на службу, читаетъ съ вами „Сѣверную Пчелу“, засыпаетъ съ вами въ Александринскомъ театрѣ и охотно раздѣляетъ ваше одинокое ложе. Однимъ словомъ, таинственная незнакомка дѣлается неизмѣнною подругой вашей жизни. Но кто эта незнакомка, гдѣ родилась она, какое солнце пригрѣло и воспитало ее? Люди мы всѣ молодые, и всѣ рѣшительно согласились, что у общей нашей пріятельницы, какъ и всѣхъ вообще пріятельницъ, есть своего особаго рода маменька, тоже дама, по преимуществу сѣренькая, называющаяся — бездѣятельностью.

Но, рѣшивши такимъ образомъ вопросъ, мы тутъ же весьма кстати догадались, что вовсе ничего не рѣшили, и что, для удовлетворительнаго разъясненія этого запутаннаго дѣла, нужно добраться до того, отчего дѣятельность-то наша такъ бѣдна и ничтожна, или лучше, отчего мы цѣлый вѣкъ какъ будто толчемся и движемся, а результаты выходятъ все самые крохотные, самые обидные.

Предположенія на этотъ счетъ были совсѣмъ разнообразныя. Одни приписывали это воспитанію, другіе — непониманію дѣйствительныхъ интересовъ; третьи, наконецъ, тому, что въ самой дѣйствительности слишкомъ мало силъ, вызывающихъ и поддерживающихъ истинную дѣятельность.

Одинъ Николай Иванычъ, общій нашъ пріятель и человѣкъ бывалый, ходилъ по комнатѣ и въ глубокомысленномъ молчаніи покручивалъ усы. Онъ глядѣлъ на всѣхъ насъ какъ-то особенно затѣйливо, и вся его физіономія какъ будто превратилась въ одно длинное и глубокозначительное—„гм“.

— Да, странные бываютъ случаи!—разразился онъ, наконецъ: —чортъ его знаетъ, иной съ виду, кажется, и порядочный человѣкъ, и говоритъ какъ будто дѣло, и на вещи смотритъ по-человѣчески, а вотъ какъ дойдетъ до практики, тутъ разомъ дрянь-то вся и выльется наружу, тутъ и окажется вся гнусность, да еще и не простая гнусность, а съ затѣями, съ прибаутками...

Николай Иванычъ усиленно зашагалъ по комнатѣ и зло началъ крутить усы.

— Да вѣдь до чего доходитъ! — продолжалъ онъ, спустя нѣсколько секундъ:—не только другимъ, и себѣ, самому себѣ, съ какимъ-то дикимъ остервенѣніемъ начинаетъ человѣкъ гадить да понемножку на маломъ огнѣ себя жарить, какъ будто всѣмъ и каждому на стѣнкѣ зарубить хочетъ: смотрите, дескать, добрые господа, какъ я себя исказилъ и изуродовалъ, на что, моль, я теперь похожъ?!

— Ну, вѣрно, у Николая Иваныча какая-нибудь новая исторія въ подтвержденіе старой идеи, что нужно всегда пребывать въ золотой серединѣ, избѣгать крайностей и такъ далѣе... Знаемъ, знаемъ мы всѣ эти погудки, и не разъ ужъ, кажется, вы были биты на этомъ полѣ. A bas Николая Иваныча! не нужно намъ золотой посредственности!

Николай Иванычъ остановился посреди комнаты и окинулъ насъ

взоромъ сожалѣнія, какъ будто вызывая на бой того дерзновеннаго, который бы осмѣлился сразиться съ нимъ на поприщѣ силлогизмовъ. Мы всѣ были люди молодые; онъ же былъ хоть и не старъ, а все-таки пожилыхъ лѣтъ, да притомъ же и волоса на головѣ рѣденьки какъ-то стали. Но по какому-то особенному инстинкту онъ всегда чувствовалъ себя какъ-то лучше, когда находился въ обществѣ молодыхъ людей, и тщательно избѣгалъ своихъ ровесниковъ, открыто называя ихъ существами, погрязшими въ болотѣ предразсудковъ и покрытыми тиною привычки.

— То-то вотъ, молодые люди!—сказалъ онъ:—вѣдь только глумитесь вы надо мной съ вашей золотой посредственностью, а того и не подумаете, что не въ названьѣ сила. Пожалуй себѣ, самую почтенную вещь можно назвать шутовскимъ именемъ, да стыдно-то будетъ не ей, а тому, кто далъ ей глупое прозвище... Я говорилъ и теперь утверждаю, что каждое дѣйствіе свое надо обдумать, сообразить съ обстоятельствами, выяснить себѣ его послѣдствія, а не бросаться въ воду, не спросясь броду... Если вы это называете золотой посредственностью,—быть по вашему: я не нахожу ничего безчестнаго въ этомъ названіи.

— Однакожъ, не легкую вы опеку навлзали человѣку, почтеннѣйшій Николай Иванычъ,—возразилъ одинъ изъ присутствовавшихъ, весьма молодой человѣкъ:—вѣдь подумаешь, маленькая какая задача: поди-ка, сообрази сперва съ обстоятельствами, да потомъ обсуди, какія будутъ послѣдствія... Да покуда все это соображаешь да обсуживаешь, такъ и время, пожалуй, уйдетъ... Этакъ намъ съ вами всю жизнь придется сидѣть сложа руки да снаряжаться на великіе подвиги, которые, къ несчастью, никогда не будутъ совершены.

— Лучше мало дѣлать, но дѣлать съ увѣренностью и основательно,—возразилъ Николай Иванычъ и, какъ въ неприступной крѣпости, заперся въ своей фразѣ.

— Скажите лучше: не „мало“, а просто ничего не дѣлать; это будетъ добросовѣстнѣе,—отозвался въ свою очередь молодой человѣкъ.

— Пожалуй, хоть и ничего; по моему, даже это сноснѣе. Что изъ того, что мы дѣлаемъ, безпрестанно дѣлаемъ? менѣе ли скаредна отъ этого жизнь наша? легче ли намъ отъ того, что мы безпрерывно толчемся? Для дѣятельности надобна цѣль, надобно будущее, а дѣя-

тельность для одной дѣятельности... какъ хотите, а это, во времена оны, называлось романтизмомъ или самоудовлетвореніемъ.

— Позвольте, Николай Иванычъ, тутъ дѣло идетъ не о дѣятельности для дѣятельности—на этотъ предметъ мы смотримъ такъ же, какъ и вы,—а объ томъ, отчего безплодно направлена наша дѣятельность? Вы приписываете это винѣ самого человѣка, непониманію какихъ-то „дѣйствительныхъ интересовъ“; мы же относимъ это къ тому, что самая дѣйствительность запираетъ человѣку всѣ выходы для обнаруженія полезной дѣятельности. Вотъ положеніе вопроса.

— Эй, господа, берегитесь романтизма!—прервалъ Николай Иванычъ, очевидно уклоняясь отъ прямого пути:—это такая заразительная болѣзнь, которая стоитъ иной проказы... Время турнировъ и рыцарей прошло, да не въ турнирахъ дѣло; и во фракѣ случается иной разъ видѣть такого рыцаря, который сдѣлалъ бы честь варварской памяти среднимъ вѣкамъ; оболочка только измѣнилась, слова другія, а сущность все та же; прежде дѣлала романтикомъ любовь, чувство рыцарской чести; нынче... да нынче на всякомъ шагу обязанъ быть романтикомъ: живешь въ обществѣ—ты гражданинъ; женишься—семьянинъ; служишь—товарищъ. Такъ и обхватываетъ съ самой колыбели, такъ и пронизываетъ насквозь романтизмомъ. Идолы, идолы и идолы... Созданъ, господа, человѣкъ такъ, что безъ божка, хоть крошечнаго, обойтись никакъ не можетъ!

— Да нѣтъ,—подхватилъ молодой человѣкъ, завязавшій споръ:—вы намъ сперва докажите, что можно что-нибудь дѣлать, какъ вы говорите, соображаясь съ обстоятельствами, обсудивши напередъ послѣдствія.

— Дѣлать немного, но твердо и основательно,—возразилъ Николай Иванычъ.—Вы хотите вдругъ все выворотить наизнанку, а того и не возьмете въ толкъ, что въ мірѣ все дѣлается постепенно, и что нуженъ великій запасъ терпѣнья, если хочешь быть сколько-нибудь полезнымъ.

— Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faule Leute! Знаете ли вы, чья добродѣтель терпѣнье, Николай Иванычъ? А впрочемъ зачѣмъ же васъ обижать! я берусь безъ шутокъ доказать вамъ, что ваше терпѣнье ведетъ къ насильственному бездѣйствію.

— Любопытно было бы знать ваши доказательства.

— Да дѣло очень просто: на практикѣ ваше золотое правило

рѣшительно никуда не годится; еслибы намъ вѣчно обдумывать послѣдствія своихъ дѣйствій, вѣчно сидѣть надъ собою съ пучкомъ розогъ, то это едва-ли бы не значило постоянно приговаривать себѣ: этого не дѣлай, къ этому не прикасайся, того не моги... Потому что много ли изъ насъ, да полно, есть ли еще хоть одинъ, кто могъ бы съ увѣренностью сказать: вотъ на это я имѣю право, вотъ это мнѣ принадлежитъ? Не справедливѣе ли, что каждый изъ насъ имѣетъ тысячу поводовъ сказать себѣ: имѣю ли я на это право? Итакъ, еслибы всѣ дѣйствовали по вашей теоріи, не значило ли бы это, спрашиваю я васъ, умышленно наполнить себѣ жизнь такими ужасами, которые, въ самомъ большомъ смѣльчакѣ, могутъ навѣки убить охоту дѣйствовать хоть какъ-нибудь.

— Романтизмъ, мой милый, романтизмъ!—торжественно вскричалъ Николай Иванычъ:—только больная голова не можетъ вынести дѣйствительности, а здоровая никогда не наполнится ужасами при взглядѣ на нее.

— Въ томъ-то и дѣло, что вы совершенно напрасно называете ваше воззрѣніе на жизнь здоровымъ. То, что вы величаете здоровымъ анализомъ дѣйствительности, есть не что иное, какъ больная, очень больная ваша мнительность. Хорошъ анализъ, когда человѣкъ, открывши на тѣлѣ рану, ограничивается тѣмъ, что констатируетъ ея существованіе, уясняетъ себѣ происхожденіе ея и обсуживаетъ, какія могутъ быть отъ того послѣдствія! И не поднять руки, чтобы завязать эту рану? И не позволить сердцу даже содрогнуться при видѣ этого безобразія? И отчего? оттого, что все это, изволите видѣть, романтизмъ, романтизмъ, романтизмъ!

— Однакожъ, вы не станете пить холодную воду, когда разгорячены,—возразилъ Николай Иванычъ побѣдоносно.

— Экую хитрую штуку вы сказали! конечно, не стану, да вѣдь тутъ результатъ мнѣ положительно извѣстенъ, а въ жизни много ли такихъ случаевъ? Соображать свою жизнь съ обстоятельствами! предвидѣть послѣдствія! да спрашиваю я васъ: гдѣ вы найдете указаніе на всѣ подробности жизни, какъ предугадаете послѣдствія? Еслибы все повиновалось опредѣленному закономъ—à la bonne heure! вы были бы правы! а то, видите ли, нынче и природа-то дѣйствуетъ какъ будто со сна: вотъ теперь должно бы быть лѣту, а у насъ осень; мы и дрожимъ противъ камина отъ холода.

Николай Иванычъ молчалъ.

— Вы вообразите себѣ,—продолжалъ молодой человѣкъ, — что вы, въ самомъ дѣлѣ, поставлены въ необходимость все взвѣшивать и обдумывать; вѣдь вамъ жить будетъ невозможно. Если у васъ есть сегодня кусокъ хлѣба, чтобы утолить голодъ, вы не будете его ѣсть: кто знаетъ, можетъ быть, сегодня же васъ обокрадутъ, лишатъ возможности купить другой кусокъ хлѣба... И вы не смѣете ѣсть, вы морите себя голодомъ въ томъ разсчетѣ, что вамъ, *можетъ быть*, завтра еще понадобится этотъ самый кусокъ хлѣба... А завтра что? да вѣдь и завтра не легче, потому что изъ-за завтра... глядитъ столь же черное и чреватое разными невзгодами послѣ-завтра... Нѣтъ, Николай Иванычъ, птицамъ небеснымъ не слѣдуетъ думать о завтрашнемъ днѣ, а мы всѣ, въ настоящую минуту, болѣе или менѣе птицы небесныя! Это неутѣшительно, но несомнѣнно.

— A bas Николая Иваныча! à bas золотую посредственность, ослиныя добродѣтели!—закричали хоромъ присутствующіе.

— Да вѣдь этакъ-то,—началъ тотъ же юноша,—вы, пожалуй, всю вину свалите на человѣка; этакъ, если я оборванъ да оголоданъ, такъ я отчета нигдѣ попросить не могу, отчего, дескать, я оголоданъ: пеняй, моль, самъ на себя, самъ во всемъ виноватъ. Гнусно, Николай Иванычъ, ужасно гнусно!

— Гнусно, Николай Иванычъ!—кричала толпа.

Николай Иванычъ ходилъ по комнатѣ и только отдувался, теребя усы.

— Однакожъ, Николай Иванычъ, вы что-то начали говорить о людяхъ, которые сами себѣ съ особеннымъ удовольствіемъ накостятъ,—замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ:—вѣрно, у васъ въ запасѣ какая-нибудь исторія. Не ради принципа, а ради скуки, спѣдающей насъ, разскажите намъ ее.

— Нѣтъ, это было простое воспоминаніе... да притомъ же вѣдь это дѣло конченное: я побитъ, слѣдовательно и разсказывать не для чего,—сказалъ Николай Иванычъ обиженнымъ тономъ, не лишеннымъ, однакожъ, легкаго сардоническаго оттѣнка, какъ будто бы въ самомъ-то дѣлѣ онъ и не былъ побитъ.

— Ну, вотъ, вы и обидѣлись! Сжальтесь надъ нами! посмотрите, какая на дворѣ гадость—не умирать же намъ здѣсь отъ скуки —разскажите свою исторію!

Николай Иванычъ началъ.

— Исторія моя, будь она издана лѣтъ безъ малаго сотню тому назадъ, навѣрное имѣла бы заглавіемъ: „Пагубныя послѣдствія праздной жизни, или какимъ образомъ человѣкъ самъ сознательно устраиваетъ собственное свое несчастье“...

...Въ мое время, господа, молодые люди жили въ Петербургѣ какъ-то особенно странно. То-есть, если я говорю вамъ: „молодые люди“, то разумѣю подъ этимъ названіемъ только извѣстный кружокъ такихъ людей, людей близкихъ между собою по убѣжденіямъ, по взгляду на вещи, по болѣе или менѣе смѣлымъ и не совсѣмъ удобоисполнимымъ теоріямъ, которыя они себѣ составили,—однимъ словомъ, кружокъ, къ которому принадлежалъ я самъ.

Жизнь мы вели совершенно затворническую; большую часть дня сидѣли дома, а по вечерамъ собирались другъ у друга. Сначала-то оно шло хорошо; люди были мы всѣ молодые, сошедшіеся не случайно; покуда запасъ новостей не истощился, покуда мы не узнали еще другъ друга вполнѣ, намъ весело было собираться вмѣстѣ по вечерамъ. Само собою разумѣется, на этихъ сборищахъ не было ни тѣни буйства, то-есть, если хотите, оно и было, но только въ области мысли, гдѣ мы рѣшительно не признавали никакой опеки,—а отнюдь не въ дѣйствіяхъ. Дѣло ограничивалось обыкновенно неизбѣжной чашкой чаю и разговоромъ... зато разговоръ выкупалъ собою невинность чашки чаю. Но все это было сносно только сначала; мало-помалу всѣ личности, составлявшія этотъ кружокъ (а ихъ было очень немного), сдѣлались извѣстны другъ другу въ такой изумительной подробности, что общество наше совершенно упало духомъ и готово было распасться. Было извѣстно, напримѣръ, что въ такой-то день М-нь будетъ упрекать М-ва за его систематическую, ребяческую непосредственность, за его безразсудное, ни къ чему не ведущее и немного скиоское удальство, и что всего хуже—извѣстно было даже и то, что М-въ будетъ возражать на подобныя обвиненія. Однимъ словомъ, мы страшно скучали, потому что наизусть знали другъ друга. Въ понедѣльникъ будутъ говорить о послѣдней книжкѣ любимаго журнала: во вторникъ М**** будетъ развивать какой-нибудь экономической вопросъ; въ среду—вопросъ психологическій; въ четвергъ —что дѣлается за границей и хорошо ли дѣлается, и т. д.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ и всѣ люди праздные,

мы много занимались сочувствіемъ, и радовались паденію какого-нибудь нелюбимаго министерства съ такою глубокою искренностью, какъ будто бы случай этотъ самимъ намъ открывалъ дорогу въ министры. Иногда, впрочемъ, для разнообразія порядокъ измѣняли, и экономическіе вопросы развивались въ понедѣльникъ, тогда какъ толки о послѣдней книжкѣ журнала отлагались на самый конецъ недѣли. Но, при всей непринужденности отношеній, мы какъ-то все еще боялись сознаться въ этомъ другъ другу, и всякій разъ съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ тотъ изъ насъ, который былъ завтра на очереди, уходя домой и обращаясь къ присутствующимъ, говорилъ: „а что, господа, такъ завтра у меня?“ И всѣ съ неменьшимъ самоотверженіемъ отвѣчали: „да, у тебя; будемъ, непремѣнно будемъ“.—„То-то, смотрите же, я буду ждать“, отвѣчалъ очередной, и накрѣпко наказывалъ всѣмъ, чтобы не забыли, что у него, дескать, будетъ собраніе, а не у С. или у М... Теперь, когда я обдумываю свое прошедшее (вы извините мнѣ, господа, это маленькое отступленіе отъ скуки), мнѣ дѣлается яснымъ, какимъ образомъ зародилось въ нашихъ сношеніяхъ это коррозивное начало всего сущаго, называемое скукой. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ мы собирались? чтобы сообщать другъ другу свои наблюденія? да вѣдь эти наблюденія надобно было дѣлать надъ чѣмъ-нибудь живымъ, дѣйствительнымъ, а мы имѣли только книги. Да и узнанное нами изъ книгъ не могло быть интереснымъ предметомъ для нашихъ вечернихъ бесѣдъ, съ тѣхъ поръ, какъ личность каждаго изъ насъ была намъ совершенно подробно извѣстна. Читали мы все больше одни и тѣ же книги; образомъ мысли, характерами такъ близко подходили другъ къ другу, что извѣстная мысль производила почти одно и то же впечатлѣніе на всѣхъ насъ. Одно только и могло бы истинно заинтересовать насъ—это наблюденія, извлеченныя изъ практической дѣятельности нашей, а ихъ-то именно и недоставало. Кто его знаетъ, мы ли сами насильно оторвались отъ общества, или общество оторвало насъ отъ себя, только—практической дѣятельности ни у одного изъ насъ не было никакой. Эта-то наслѣдственная скудость живой дѣйствительности и, напротивъ того, чрезмѣрное, болѣзненное обиліе дѣйствительности чисто-книжной и было тѣмъ зломъ, которое неутомимо грызло цѣпь, долго всѣхъ насъ связывавшую. Положимъ, что нѣкоторые изъ насъ далеко пошли въ сферѣ мысли—да гдѣ же факты для подтвержденія

смѣлыхъ теорій, которыя каждый изъ насъ болѣе или менѣе создавалъ или скорѣе вычиталъ себѣ изъ книгъ? Гдѣ земля, на которую можно смѣло упереться? Никакихъ, рѣшительно никакихъ положительныхъ знаній мы не имѣли, и потому по-неволѣ должны были пробавляться общими мѣстами и безплодной силлогистикой. Многіе, напримѣръ, изъ насъ весьма отчетливо могли себѣ представить будущность человѣчества, а не видѣли, что̀ дѣлается у нихъ подъ руками, не могли бы сказать, какъ нужно дѣйствовать въ данную минуту, въ данной средѣ...

Кто виноватъ въ этой праздности—предоставляю судить вамъ самимъ, господа. Достовѣрно извѣстно, что мы, дѣйствительно, наконецъ, страшно облѣнились и находили неистовое удовольствіе въ сознательномъ переливаніи изъ пустого въ порожнее; но достовѣрно извѣстно и то, что и мы не всегда были такъ апатичны, что и въ насъ когда-то была жажда дѣятельности, да по какимъ-то независящимъ (отъ кого?) обстоятельствамъ, въ одно прекрасное утро, оказалась выписанною изъ наличности.

Жизнь есть рядъ вопросительныхъ знаковъ, господа.

Такъ вотъ такую-то удивительную жизнь вели мы во время оно.

Въ послѣднее время, критики наши ввели похвальный обычай нападать на тѣ произведенія литературы, въ которыхъ изображаются такъ-называемые „больные“, то-есть полоумные и юродивые. Дѣйствительно, ничего не можетъ быть презрѣннѣе, нелѣпѣе „разочарованныхъ“. Это, по большей части, школьники, въ юныхъ лѣтахъ вкусившіе трубки, вина и женщинъ и воображающіе, что внѣ этихъ трехъ капитальныхъ факторовъ жизни человѣческой остальная вселенная есть не что иное, какъ tabula rasa. Люди эти всего болѣе боятся всякаго увлеченія, называя это дѣтскими игрушками, а сами и не догадываются, что ихъ разочарованіе есть тоже игрушка (да притомъ еще и какая дѣтская!), и что ихъ вполнѣ вѣрно можно опредѣлить, назвавъ „очарованными разочарованными“... Итакъ, критика очень хорошо дѣлаетъ, выказывая всю пошлость подобныхъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ она крайне неправа, обвиняя литераторовъ въ пристрастіи къ изображенію характеровъ подобнаго рода. Если правда, что литература должна быть зеркаломъ современнаго общества, то люди, одержимые тихимъ помѣшательствомъ, должны составить капитальное ея достояніе. Видовъ этого помѣшательства

ужасно много, и ихъ тѣмъ труднѣе подмѣтить, что нерѣдко они имѣютъ всѣ признаки нормальнаго, здороваго состоянія. Нѣкоторые помѣшаны на самопожертвованіи, другіе — на нравственности; третій желалъ бы, чтобъ всѣ люди, не исключая даже чиновъ петербургской полиціи, были добродѣтельны; четвертый — чтобы всѣ были счастливы, не исключая даже князя Чернышева. Основаніемъ всѣхъ этихъ желаній служитъ извѣстное сочиненіе Тредьяковскаго: „Ѣзда въ островъ любви“. Гдѣ взять здоровыхъ людей? По-неволѣ придется заниматься уродами, тѣмъ болѣе, что naturalia non sunt turpia.

На одномъ изъ такихъ пріятныхъ вечеровъ, которые я вамъ сейчасъ описывалъ, явилось однажды новое лицо, Александръ Андреичъ Брусинъ. Въ маленькихъ кружкахъ, гдѣ собираются все знакомыя, примелькавшіяся лица, явленіе новаго человѣка всегда производитъ порядочную кутерьму. Въ этого человѣка вглядываются особенно пристально, допытываютъ, такъ сказать, обнюхиваютъ его, узнаютъ всѣ мелкія подробности жизни, и когда, наконецъ, всѣ члены кружка удостовѣрятся, что новаго собственно эта новая личность ничего не представляетъ, тогда всѣ успокаиваются и кружокъ умножается еще однимъ членомъ. Деспотизмъ такого рода кружковъ доходитъ даже до того, что если новобранецъ оказываетъ хотя малѣйшее поползновеніе выбраться изъ колеи затѣйливыхъ, но безплодныхъ желаній, то, бываетъ, безвозвратно исключается, какъ недостойный и недостаточно развитый, чтобъ стать въ уровень съ членами кружка.

Такого же рода испытанію подвергнутъ былъ и Брусинъ. Оказалось, что онъ удовлетворялъ даже самымъ строгимъ требованіямъ: мечтательности, стремленія строить утопіи была доза препорядочная; практическаго смысла — нисколько. Какъ и всѣ мы, онъ мечталъ про какія-то отдаленныя времена, которыя должны были придти послѣ скончанія вѣковъ, съ удивительною легкостью устраивалъ счастье и будущія судьбы человѣчества, и между тѣмъ не могъ предложить ни одного средства, какимъ образомъ нужно бы вести человѣка къ этимъ „будущимъ судьбамъ“. А безъ этого всякая утопія — нелѣпость, потому что человѣкъ ужъ такъ устроенъ, что и на счастье-то какъ будто неохотно и недовѣрчиво смотритъ, такъ что и счастье ему надо навязывать!..

Я сошелся съ Брусинымъ скоро и близко, и не мудрено: насъ

связывали не только одинаковыя убѣжденія, не только одинаковый образъ жизни, но и одинаковое сознаніе глубокой безполезности этой жизни, сознаніе того, что мы начали читать, не научившись азбукѣ, начали ходить, не научившись твердо стоять.

Мы поселились вмѣстѣ и, отъ нечего-дѣлать, по цѣлымъ днямъ вздыхали надъ нашей собственной инерціей. Когда запасъ нашихъ взаимныхъ изліяній истощился, то и къ намъ змѣей подползла скука и грозила тѣми же грустными результатами, которые ужъ осуществились надъ небольшимъ кружкомъ нашимъ. Тысячу разъ мы давали другъ другу твердое обѣщаніе бросить эту праздную жизнь и приняться за дѣло. Но вопросъ: какъ приняться за дѣло? какое это дѣло? И мы по прежнему пребывали въ косности.

Брусинъ былъ романтикъ въ душѣ, романтикъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Обстоятельства ли его такъ изуродовали, или ужъ въ колыбели судьба задумала доставить себѣ невинную утѣху, создавъ нравственнаго уродца,—право, не могу достовѣрно сказать вамъ. Это такія темныя, запутанныя дѣла, надъ которыми тысячи здоровыхъ и счастливо организованныхъ головъ сломаются прежде, нежели будутъ хоть на шагъ подвинуты къ вожделѣнному рѣшенію. Пріятель мой весь былъ составленъ изъ противорѣчій. Послушать, бывало, его, такъ всякій подумаетъ: „вотъ, наконецъ, хоть одинъ человѣкъ, одаренный высокимъ практическимъ смысломъ“. Онъ до такой степени легко усвоивалъ себѣ всякую прекрасную идею, что она внезапно становилась его собственностью, являлась его уму со всѣми мельчайшими подробностями, со всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ, со всѣмъ практическимъ примѣненіемъ. Въ воображеніи его мигомъ устраивалась жизнь дѣятельная, кипучая, въ которой ни одной минуты нѣтъ праздной, въ которой нѣтъ возможности опомниться человѣку: до того полна она, до того поглощаетъ всего человѣка. Но все это только въ будущемъ, все это не обусловлено ни пространствомъ, ни временемъ, а потому тамъ легко и удобно распоряжаться по усмотрѣнію. Въ настоящемъ же дѣло гораздо труднѣе и туже дѣлается. Тутъ безпрестанно встрѣчаемъ на пути такъ-называемые faits accomplis, съ которыми не легко бороться, которые глубоко пустили корни. Жизнь есть пробный камень больныхъ натуръ.

И дѣйствительно, рѣдко случалось мнѣ встрѣтить человѣка, до такой степени негоднаго для жизни, какъ Брусинъ. Онъ былъ кап-

ризенъ и требователенъ до ребячества; повелителенъ до деспотизма, непостояненъ и измѣнчивъ до самаго узкаго эгоизма. А всему причиной было ложное воспитаніе, которое получилъ онъ, подобно всѣмъ намъ, и которое развило въ насъ только потребности и стремленія, а не указывало на средства удовлетворить имъ. Слѣдствіемъ такого направленія было то, что мы до того забѣжали впередъ, до того разошлись съ дѣйствительностью, что не имѣли ни одной точки, на которой бы могли безъ тягостнаго чувства помириться съ нею. Изъ всего воспитанія мы видѣли только конецъ, а начала и средины для насъ не существовало.

— Вы спросите меня, быть можетъ, почему же я, сознавая столь ясно его глубоко безсильную и извращенную натуру, такъ сильно привязался къ нему? Отвѣтъ на это очень простъ. Во-первыхъ, я самъ, въ то время, недалеко ушелъ отъ него въ этомъ отношеніи. Во-вторыхъ, несмотря на всѣ его яркіе недостатки, рѣдко можно было встрѣтить въ чьемъ-либо характерѣ столько симпатіи ко всему страждущему и воюющему, сколько нашелъ я въ немъ. Малѣйшее чужое горе, малѣйшее угнетеніе или несправедливость глубоко и искренно терзали его. Еще больше гнело его въ этомъ случаѣ сознаніе его собственнаго безсилія въ дѣлѣ помощи, и онъ, дѣйствительно, бывалъ глубоко и тяжко несчастливъ. Хотя, конечно, все это несчастіе ограничивалось одними жалобами, но за намѣреніе многое прощается, господа.—Такъ вотъ гдѣ тайна моей привязанности къ Брусину.

Жизнь наша въ ту пору была самая горькая и тяжелая. Я ужъ далъ вамъ нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ образомъ мы проводили время, но это только нравственная сторона вопроса; матеріальная была едва-ли еще не плоше. Я-то, правда, служилъ да и отъ отца получалъ немного; слѣдовательно, могъ еще какъ-нибудь пробиваться; но Брусинъ никакъ не хотѣлъ вступить на службу, а между тѣмъ собственныя его средства были самыя ничтожныя: всего тысячи двѣ или полторы ассигнаціонныхъ рублей въ годъ. Согласитесь, чѣмъ же тутъ существовать?

А потребности были у него гигантскія, какъ у всѣхъ людей, у которыхъ воображеніе развито на счетъ разсудка. Воспитанъ же онъ былъ въ какомъ-то заведеніи или пансіонѣ, въ кругу разныхъ баловней фортуны; тамъ-то именно и вшились въ него разныя претензіи, —а ужъ куда какъ худо, какъ бѣдень человѣкъ да еще и затѣи

разныя въ головѣ заводятся. Да при этомъ еще и безпечность, или не то что безпечность, а равнодушіе какое-то дьявольское ко всякой работѣ, которою можно было бы доставить себѣ кусокъ хлѣба, какъ будто родился этотъ человѣкъ на то, чтобъ жить ему на всемъ готовомъ. А иной разъ—кто его знаетъ—начнетъ, бывало, безпокоиться и цѣлый день жалуется, цѣлый день мучитъ себя и все придумываетъ различныя средства добыть себѣ денегъ, и все-таки остановится на томъ, что сложитъ себѣ руки и начнетъ клясть часъ своего рожденія, жаловаться на людей, на какія-то обстоятельства, будто бы отбившія его отъ честнаго труда, называть себя безталантнымъ, ни на что негоднымъ человѣкомъ.

Это бывали едвали не самыя грустныя минуты нашей жизни вдвоемъ. Тщетно упрашивалъ я его успокоиться, тщетно доказывалъ, что жалобы ни къ чему не ведутъ, а развѣ еще больше раздражаютъ воображеніе; что если онъ дѣйствительно не находитъ для себя приличной сферы дѣятельности, то нечего объ этомъ говорить, такъ какъ это дѣло ужъ конченное, а надобно покориться обстоятельствамъ и отъ обстоятельствъ же ждать наступленія лучшей поры...

Однажды, однакожъ, мнѣ удалось склонить его вступить на службу. Сначала онъ принялся, было, съ рвеніемъ, сильно занимался и даже надоѣлъ мнѣ своими разговорами о службѣ. Черезъ два-три мѣсяца, смотрю, малый-то начинаетъ сидѣть по утрамъ дома, дѣлъ къ себѣ на квартиру ужъ не беретъ.—Что-жъ, почтеннѣйшій Александръ Андреичъ, или ужъ вамъ надоѣло?—спрашиваю я его.— „Да нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ мнѣ,—это не мое призваніе; я тутъ ничего не могу сдѣлать“.—Да гдѣ же вы надѣетесь что-нибудь сдѣлать, Александръ Андреичъ?— „А вотъ подумаю; можетъ быть, и нигдѣ; нельзя же мнѣ брать вознагражденіе за трудъ, къ которому я не чувствую ни охоты, ни привязанности“. И вѣдь вышелъ въ отставку.

Великій онъ былъ романтикъ, господа. На все смотрѣлъ сквозь увеличительныя стекла, вездѣ хотѣлъ совершить что-то гигантское, удивить міръ какимъ-то необычайнымъ подвигомъ, а того не могъ понять, что то дѣло только и прочно, которое трудно и помаленьку дѣлается, что тѣ только и могутъ назваться истинными дѣятелями, которые неутомимо на всѣхъ пунктахъ равно преслѣдуютъ свою цѣль. Да притомъ же на всякое свое дѣйствіе смотрѣлъ онъ какъ на совершеніе какой-то священной обязанности, гнушался личнымъ инте-

ресомъ и никакъ не могъ свыкнуться съ тою весьма простой и ходящей по рукамъ мыслью, что исполненіе обязанности нисколько не мѣшаетъ обдѣлыванію своихъ собственныхъ дѣлишекъ. Бруснинъ создалъ себѣ великое множество всякаго рода призраковъ и самъ же былъ первый страдалецъ своего затѣйливаго воображенія. Онъ никогда не хотѣлъ взяться за вещь прямо; нѣтъ, онъ подходилъ къ ней издалека, заранѣе преувеличивалъ себѣ ея важность; отъ этого и выходило всегда такъ, что начнетъ-то онъ, бывало, превеликолѣпно, а кончатся всегда эти пышныя приготовленія преобидно: или жалобами на судьбу, или самою ничтожною любовишкой...

Теперь позвольте мнѣ описать вамъ его наружность. Роста былъ онъ довольно высокаго, чрезвычайно строенъ, но худъ и хрупокъ до крайности; я помню, разъ какъ-то, въ шутку, я поднялъ его къ себѣ на руки и самъ удивился его легковѣсности. Лицо его было тоже худощаво и очень блѣдно, но это была нѣжная, матовая блѣдность, отъ которой такъ и вѣяло теплотой жизни; глаза были каріе и постоянно задумчивые; углы рта нѣсколько опущены внизъ, что̀ въ особенности правилось женщинамъ; лобъ высокій, подбородокъ круглый,—чтобы кончить мое паспортное описаніе. Однимъ словомъ, ни одна часть его лица не выдавалась рѣзко впередъ, не представляла угловатости, и оттого въ лицѣ его не было никакого особенно-энергическаго выраженія, а все оно дышало какою-то кроткою, но тѣмъ не менѣе недозрѣвшею, преждевременною задумчивостью.

Но что̀ особенно хорошо было въ немъ, и даже болѣе, чѣмъ хорошо,—великолѣпно, такъ это его густые темные волосы. И надо сказать правду, онъ распоряжался ими съ особенной любовью и даже кокетствомъ; за то, по истинѣ, такихъ волосъ я никогда, даже ни у одной женщины, не встрѣчалъ. Однажды даже какъ-то... но впрочемъ, что̀ объ этомъ и говорить... тѣмъ болѣе, что это обстоятельство касается собственно одного меня.

Вы меня извините, господа, за эти мелочи; въ свое время человѣкъ этотъ былъ очень, очень мнѣ дорогъ.

И онъ не неглижировалъ своей наружностью, а, напротивъ того, занимался ею очень тщательно; я думаю даже, что бо̀льшая часть его расходовъ именно на то шла, чтобы добыть хорошее бѣлье и хорошее платье.

Такъ жили мы съ нимъ около года. Вдругъ я началъ замѣчать,

что пріятель мой что-то часто подходитъ къ окну, застаивается на одномъ мѣстѣ и все кого-то высматриваетъ папскоссокъ. Я обратилъ на это вниманіе. Дѣйствительно, въ той сторонѣ дома (мы жили на дворѣ), въ окнѣ, начала показываться чья-то стройненькая талія, чье-то розовенькое личико... Сначала личико какъ будто кокетничало, задергивало занавѣску, потупляло застѣнчиво глаза въ пяльцы, въ которыхъ, повидимому, съ незапамятныхъ временъ вышивалась извѣстная пара туфель, въ подарокъ дорогому другу; но, несмотря на эти уловки, мнѣ удалось, однакожъ, замѣтить, что уголокъ ревнивой занавѣски почасту робко и какъ будто невзначай поднимался, и два зоркихъ и быстрыхъ глаза смотрѣли въ окно къ Брусину. Я молчалъ и ждалъ, что̀ изъ этого будетъ. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, вижу, что личико ужъ не скрывается за занавѣской и не потупляется стыдливо въ завѣтную пару туфель, что глазки прямо и смѣло смотрятъ на моего сожителя, что и губки какъ-то особенно лукаво улыбаются, и что къ нимъ, розовымъ губкамъ, по какому-то странному случаю, бываетъ очень часто подносима крошечная и самая аппетитная ручка. Часто даже случалось мнѣ замѣтить между Брусинымъ и сосѣдкой самую короткую степень дружественности. Такъ, иногда движенія ея были особенно живы; она дѣлала моему пріятелю самые выразительные жесты, отрицательно качала головой, какъ будто выговаривая ему; иногда проскакивали даже минуты какой-то необыкновенно-граціозной bouderie: она отворачивала отъ окна голову, углублялась въ свое шитье, или даже совсѣмъ задергивала занавѣску и надувала при этомъ такъ мило свои розовенькія губки и дѣлала такой жестъ, такой жестъ... „Вотъ, молъ, вамъ за то, что вы дурно себя ведете“... За одинъ этотъ жестъ, за одно это граціозно-гнѣвное выраженіе губокъ, чортъ знаетъ, чего бы я не отдалъ, господа... И все я, бывало, допытывался, что̀ бы это за причина такая, что они вдругъ поссорились. Загляну̀ть къ нему въ комнату—онъ тоже сидитъ задомъ къ окну и какъ будто читаетъ книгу, а самъ то-и-дѣло поглядываетъ искоса на окошко сосѣдки. А впрочемъ, не успѣвалъ я опять подойти къ пункту моихъ наблюденій, ужъ разговорка и кончилась, занавѣска снова отдернута, и снова сосѣдка стоитъ у окна, и смѣется, и грозитъ ему пальчикомъ. „Что, наказаны вы? будете впередъ слушаться? а не то, смотрите, сейчасъ же опять занавѣску на мѣсто, да еще и всю штору, пожалуй, спущу—вотъ какъ!“

Зло меня взяло, господа. Надо вамъ сказать, что человѣкъ—животное, по преимуществу, завистливое и безпокойное, и этими только качествами собственно и отличается отъ безсловесныхъ. Характеръ ли мой дикій тому причиной, или наружность моя—право, не знаю, какъ тутъ растолковать, но только такая ужъ случилась, видно, со мной оказія, что женщины вообще какъ-то мало привязывались ко мнѣ. Не знаю, какъ это мнѣ Богъ помогаетъ, но всякій разъ, какъ я соберусь сказать женщинѣ какую-нибудь любезность, непремѣнно скажу или страшную грубость, или глупость. И не то чтобы нарочно, а такъ ужъ несчастье такое: что́ ни скажу, все невпопадъ. Одну даму, помню, спросилъ я объ здоровьи мужа, а почтенный Прохоръ Семенычъ, между тѣмъ, съ недѣлю только-что отошелъ въ вѣчность. Выходитъ, я посмѣялся надъ горестью неутѣшной вдовы, раскрылъ еще незакрывшіяся раны горести, отчаянья. У другой, однажды, спросилъ, давно ли она ѣздила верхомъ, а она ужъ девятый мѣсяцъ носила слѣды ревностнаго исполненія супружескаго долга. Посмѣялся, слѣдовательно, надъ священнѣйшей изъ обязанностей, уничтожилъ однимъ разомъ семейство, нравственность, права природы, права супруга. И потому я, большею частью, старался молчать при женщинахъ или говорить только о погодѣ, въ томъ вниманіи, что эта благонамѣренная дама, повидимому, не отправляетъ никакихъ супружескихъ обязанностей и ничѣмъ не оскорбляется.

А вѣдь, какъ хотите, холостая жизнь хоть кого взбеленитъ! Все одинъ да одинъ; вздуришься и пошелъ чертить. Вотъ оттого-то и досадно мнѣ было, что живетъ со мной человѣкъ рядомъ, и на него умильно посматриваютъ, за нимъ приволакиваются, а ко мнѣ въ окно хоть бы однимъ глазкомъ взглянули.

Однакожъ я все выжидалъ, не скажетъ ли мнѣ чего самъ Брусинъ, и между тѣмъ замѣчалъ, что и съ его стороны производятся кой-какія отвѣтныя эволюціи руками, глазами и такъ далѣе.

Дѣйствительно, однажды, послѣ обѣда, онъ подвелъ меня къ окну. Время было лѣтнее; жильцы побогаче всѣ разъѣхались на дачи; домъ, въ которомъ мы жили, былъ невеликъ и имѣлъ всего два этажа; слѣдовательно, мы почти одни и жили въ это время въ цѣломъ домѣ, да еще мастеровые какіе-то занимали нижній этажъ. Окно наискосокъ было отворено, и тѣ же плутовскіе глазенки глядѣли прямо на насъ.

Когда мы подошли къ окну, хорошенькая головка улыбнулась и высунулась изъ окошка.

— Видишь?—спросилъ меня Брусинъ.

Я не только видѣлъ, но даже злился пуще, нежели когда-нибудь: до того хороша была она. На ней было простенькое голубое ситцевое платье; на шеѣ повязанъ маленькій шолковый платочекъ—но какъ онъ былъ повязанъ, этотъ платочекъ, какъ кокетливо глядѣло все на ней, какъ все было у мѣста!

— Это Николай Иванычъ,— сказалъ Брусинъ, указывая на меня.

— А, такъ вы Николай Иванычъ? очень рада съ вами познакомиться, сосѣдъ!—отозвался маленькій, но хорошенькій голосокъ.

Я только и дѣлалъ, что кланялся.

— Вотъ вы ходите на службу каждое утро, вамъ не скучно,—продолжалъ тотъ же голосокъ,—а мнѣ одной, не повѣрите, какая тоска! вотъ мы съ Александромъ Андрѣичемъ и переговариваемся отъ скуки... право!

— Право? и давно вы такъ переговариваетесь? — спросилъ я.

— Да, право, не знаю... спросите у него. Да вы то гдѣ жъ бываете, что васъ никогда не видно?

— А онъ занятъ важными дѣлами, онъ трудится на государственной службѣ,—отвѣчалъ Брусинъ.

— Сдѣлайте одолженіе, не съ вами, сударь, говорятъ; разумѣется, они заняты службой... Это не то, что есть другіе, которые цѣльный день сидятъ у окошка да выглядываютъ дѣвушекъ... да-съ; смѣйтесь, смѣйтесь; лучше бы вы мѣсто себѣ пріискали—вотъ что!

— Ну, хорошо; я буду искать себѣ мѣста.

— И лучше сдѣлаете, гораздо лучше...

И все это было сказано такимъ тономъ, что слѣдовало, тысячу разъ слѣдовало расцѣловать губки, произнесшія эти слова.

— Хоть бы вы, право, посмотрѣли за нимъ.—продолжала сосѣдка, обращаясь ко мнѣ:—такой негодный; просто, покою не даетъ... Я, знаете, сначала изъ любопытства, да къ тому же вижу, что молодой человѣкъ все одинъ да одинъ: скучно, думаю, ему, жалко мнѣ стало; я и начала разговаривать, а онъ и взаправду подумалъ... Такъ нѣтъ же, сударь, ошибаетесь! вы противный, вы гадкій! я совсѣмъ, совсѣмъ,

вотъ ни на столько не хочу любить васъ... Да и хотѣла бы, такъ не могу... вотъ вамъ!

И она показала самую крошечную часть на мизинцѣ; я взглянулъ на Брусина: грудь его поднималась высоко; онъ впился въ нее глазами и, казалось, всѣмъ существомъ своимъ любовался каждымъ ея движеніемъ.

— Оля! голубчикъ ты мой!—едва могъ онъ проговорить задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— „Оля"! вотъ еще новости! покамѣстъ еще Ольга Николаевна —прошу помнить это!

— Знаете что!—продолжала она, обращаясь снова ко мнѣ:—отведите-ка его отъ окна и будемте говорить съ вами: а то вѣдь есть такіе дерзкіе молодые люди, которые —маленькое имъ снисхожденіе сдѣлай,—такъ ужъ и Богъ знаетъ что возьмутъ себѣ въ голову.

— А я такъ думаю, не пріятнѣе ли вамъ будетъ, если я самъ, вмѣсто него, отойду отъ окна.

— Съ чего вы это взяли? ужъ не думаете ли вы...

— Да, я думаю, и очень думаю...

— Напрасно вы думаете, и если вамъ это сказали нѣкоторые господа, такъ скажите этимъ господамъ, что это неправда, и что они напрасно воображаютъ себѣ...

— Ну, такъ я отойду,—сказалъ Брусинъ.

Оля молчала.

— Вамъ, можетъ быть, доставитъ удовольствіе, если я не буду у окна?—снова началъ Брусинъ.

— Сдѣлайте одолженіе, съ вами не говорятъ; дѣлайте какъ угодно; стойте тутъ, если хотите; ни удовольствія, ни неудовольствія это мнѣ не сдѣлаетъ... пожалуйста!

Брусинъ отошелъ; Оля разсмѣялась.

— А какая у васъ миленькая квартирка!—сказала она:—мнѣ все видно къ вамъ въ комнаты: да вотъ теперь, какъ ни посмотришь, все встрѣчаешь въ окнѣ нѣкоторыхъ несносныхъ господъ... Такая, право, досада! на дворъ посмотрѣть нельзя—все эти господа на глазахъ.

Брусинъ снова подошелъ къ окну.

— А кто же вамъ велитъ смотрѣть въ окна чужой квартиры? —сказалъ онъ.

Оля затопала ножками.

— Не вамъ, не вамъ, сударь, говорятъ! Пожалуйста, избавьте меня отъ своихъ разговоровъ... Да отведите, сдѣлайте милость, отъ окна этого господина!

Брусинъ опять удалился. Послѣдовало нѣсколько секундъ молчанія. Пріятель мой, ходившій въ это время въ глубинѣ комнаты, началъ снова, мало-по-малу, приближаться и наконецъ очутился у самаго окна.

— Ну, миръ, Оля?—сказалъ онъ нѣжно.

— Вотъ еще! съ чего вы это взяли, что я съ вами ссорилась! развѣ мы друзья, чтобы намъ ссориться!

Оля отворотила головку, а все-таки мы слышали очень явственно, что она тамъ втихомолку смѣялась.

— Да вѣдь ты сама смѣешься, Оля!—сказалъ Брусинъ.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Да я слышу...

— Совсѣмъ нѣтъ, и очень серьезно говорю, что это просто ни на что не похоже.

— Что ни на что не похоже?

— Да то, что не даете мнѣ покою...

— Да полно же, Оля; вѣдь тебѣ самой, плутовка, хочется, чтобъ тебѣ не давали покою.

Снова послышался смѣхъ.

— Ну, миръ что-ли, Оля? да отвѣчай же!

— Не стоите вы, право...

Но хотя онъ и не стоилъ, а все-таки личико понемногу оборачивалось къ намъ. Когда они посмотрѣли другъ на друга, то оба, неизвѣстно почему, разсмѣялись, и я снова увидѣлъ тотъ жестъ, про который говорилъ вамъ и который ясно обозначалъ: „что, натерпѣлся ты? будешь ты впередъ слушаться?“ хотя я рѣшительно не понимаю, какъ можно не слушаться подобнаго ангела!

— За что же ты сердишься на меня, дурочка?—спросилъ Брусинъ.

— Ахъ, отстань отъ меня! ты глупый и ничего не понимаешь.

Оля потупилась.

— Благодарю за комплиментъ.

— Это не комплиментъ, а правда. Не правда ли, Николай Иванычъ, вѣдь онъ глупый?

— Не знаю; я такъ думаю, что не совсѣмъ...

— Ну, вотъ вы какіе, и вы за этого негоднаго!.. А право, премиленькая у васъ квартирка...

Молчаніе. Видно было, что ей ужасно хотѣлось, чтобъ ее пригласили на эту миленькую квартирку.

— Оля! а Оля!—молвилъ Бруснинъ.

— Ну, что̀ еще?

— Знаешь ли, что̀ я вздумалъ?

— Вотъ какой глупый! развѣ я Анна-пророчица, чтобы знать, что̀ ты думаешь! И онъ не глупъ послѣ этого, Николай Иванычъ?

— А я думаю, кабы ты...

— Вотъ еще вздоръ какой! пойду я къ тебѣ на квартиру! съ меня и своей довольно...

— Да я и не думалъ тебѣ предлагать...

Оля зардѣлась и топнула съ досады ножкой.

— Совсѣмъ и не думалъ! — продолжалъ Бруснинъ, въ свою очередь кокетничая и дразня Ольгу:—И съ чего берутъ, право, эти дѣвушки!.. А я просто-на-просто хотѣлъ попросить запереть окошко.

— А вамъ что̀ за дѣло до моего окошка?

— Да такъ; видишь нѣкоторыя лица... непріятно! Право, заперла бы ты окно, Оля!

— Ну, вотъ, теперь ужъ ты началъ бѣсить меня! Мало мы ссорились! довольно, что и я иногда пристаю къ тебѣ!

— А! попалась, попалась же ты, плутовка! Ну, за это надѣвай же шляпку да и маршъ къ намъ на квартиру!

— Зачѣмъ же шляпку?.. я и такъ...

— Безъ шляпки? смотрите, какъ теперь спѣшитъ!

— Да я совсѣмъ не къ тебѣ, а къ нимъ... да, къ Николаю Иванычу—вотъ же тебѣ!

— Ну, хорошо, хорошо; только, пожалуйста, поскорѣе, а то все черезъ дворъ переговаривайся... такая скука!

— Она ужъ была у тебя? — спросилъ его, покуда Оля собиралась.

— Нѣтъ; это въ первый разъ.

— Хорошая дѣвушка!

— Не правда ли? и какое сердце! я когда-нибудь разскажу ея исторію... она мнѣ все съ перваго же раза пересказала.

— Поздравляю тебя...

— А ты и не замѣтилъ ничего? ужъ мы давно...

— Какъ же, какъ же! куда мнѣ замѣтить что-нибудь...

Въ это время Оля проходила по двору.

— Посмотри, какая славная дѣвушка! — сказалъ онъ мнѣ, а потомъ закричалъ ей: — А каковъ Николай-то, Оля: вѣдь онъ давно ужъ все знаетъ, а мнѣ и виду не подавалъ... право!

Оля улыбнулась и погрозила мнѣ пальчикомъ.

Черезъ нѣсколько секундъ она была ужъ у насъ. Пріятель мой былъ внѣ себя; онъ цѣловалъ ея руки, цѣловалъ ея губы, глаза, прижималъ ее къ сердцу, и потомъ опять цѣловалъ, опять обнималъ, до того даже, что мнѣ сдѣлалось тошно.

— Да полно же тебѣ, Александръ! — говорилъ я: — ты точно ребенокъ.

— За дѣло ему, за дѣло! — отзывалась Оля: — покою мнѣ не даетъ: такой негодный!

А между тѣмъ нисколько не противилась ласкамъ Брусина, а только еще пуще раззадоривала его.

Наконецъ онъ выпустилъ ее изъ рукъ; съ ребяческимъ любопытствомъ начала она оглядывать каждый уголокъ нашей квартиры. Квартира была, какъ и всѣ петербургскія квартиры, назначенныя для храненія капиталистовъ; всего двѣ комнаты: одна моя, другая — Брусина, и обѣ довольно скудно убраны; но Ольга осталась очень довольна и замѣтила, что такой удобной квартиры не только въ Петербургѣ, но даже и у француза нѣтъ. Въ особенности нравилась ей комната Брусина. Она непремѣнно садилась то на диванъ, то на кресла, и все находила превосходнымъ. Стала даже, мало-по-малу, давать совѣты, какъ бы все получше устроить, и весьма удивлялась, какъ это у Александра нѣтъ въ заводѣ кровати, и тотчасъ же изъявила сомнѣніе въ удобности дивана.

— Да вѣдь я не женатъ, — говорилъ Брусинъ: — зачѣмъ же мнѣ кровать?

Она покраснѣла слегка и погрозила ему.

— То-то вотъ и есть, не умѣете вы ничего сдѣлать, — говорила она: — вотъ я бы поставила тамъ у задней стѣны кровать: купила бы ширмочки; тутъ бы диванъ и столъ, тамъ кресла...

— Такъ ты бы намъ все и устроила, Оля...

— Это что̀ выдумалъ! вѣдь я тебѣ чужая.

— Да ты не будь мнѣ „чужая“.

— Какъ же это можно! вѣдь я тебѣ не сестра.

Оля плутовски посмотрѣла на Брусина.

— Да ты будь... моей женой.

Оля засмѣялась.

— Вотъ прекрасно! сдѣлайте одолженіе, Александръ Андрепчъ! вѣдь я не какая-нибудь, я и дядюшкѣ, пожалуй, сейчасъ пожалуюсь —вотъ какъ!

— А! у васъ есть и дядюшка?—спросилъ я.

— Да, и пресердитый; онъ теперь въ Москвѣ, а то бы...

— Ну, что-жъ, еслибъ онъ былъ здѣсь?—спросилъ Александръ и протянулъ руку, чтобы обнять ея талію.

— А то, сударь,—отвѣчала она, ударивъ его по рукѣ и увертываясь отъ его объятій,—что онъ не позволилъ бы всякому негодному мальчишкѣ не давать покою честной дѣвушкѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ Брусинъ и быстро поцѣловалъ ее въ самыя губы.

— Ахъ, да что-жъ это за негодный такой!—говорила Оля притворно жалобнымъ тономъ.—Уведите его, Николай Иванычъ; посмотрите, пожалуйста, все платье на мнѣ измялъ... Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ за это, скверный мальчишка!..

И она пребольно выдрала его за ухо; но онъ ничего, даже схватилъ наказывавшую его ручку и съ большимъ аппетитомъ поцѣловалъ. Правда, что ручка-то была такая маленькая да пухленькая...

Такъ проболтали мы цѣлый вечеръ и, право, превесело провели время; Ольга разливала намъ чай, а Брусинъ весь растаялъ отъ удовольствія. Я, впрочемъ, давно уже думалъ, что въ немъ есть сильное поползновеніе къ „фамилизму“.

Подъ конецъ Оля даже развернулась и выказала себя опредѣленнѣе; она закурила папироску и затягивалась не совсѣмъ дурно, потомъ начала класть ногу на ногу и опираться рукою въ колѣно съ какою-то особенной граціей, свойственной только извѣстнаго рода женщинамъ.

Однакожъ совсѣмъ у насъ не осталась, какъ я сначала, было, думалъ; да впрочемъ и Брусинъ не настаивалъ много на этотъ разъ.

На другой день она опять пришла къ намъ; тѣ же самыя сцены повторились, что и наканунѣ, съ тою только разницей, что она рас-

порядилась въ нашей квартирѣ какъ полная хозяйка: все передвигала съ мѣста на мѣсто, безпрестанно дразнила и затрогивала Брусина, заставляла его бѣгать; однимъ словомъ, подняла такую кутерьму, которой, вѣрно, наша скромная квартира никогда не видала въ стѣнахъ своихъ. Въ этотъ вечеръ также она окончательно отдалась моему пріятелю.

Съ тѣхъ поръ Брусинъ началъ жить совершенно новою жизнью; онъ съ мѣсяцъ былъ въ какомъ-то чаду; цѣлые дни просиживалъ дома и ни на шагъ не отпускалъ ее отъ себя. И она тоже души въ немъ не слышала; цѣлый день все пѣла да прыгала около него; украдкой подползала къ нему сзади, какъ кошка взбиралась къ нему на плечи, закрывала ему ручонками глаза и ужъ цѣловала его, цѣловала его! А сама такъ и заливается звонкимъ веселымъ смѣхомъ.

Да и онъ-то, впрочемъ, хорошъ былъ! сидитъ, бывало, и книгу въ рукахъ держитъ, какъ бы имъ и не замѣчалось, что она подкрадывается сзади. А самъ вѣдь все видитъ и знаетъ напередъ, что вотъ она вспрыгнетъ къ нему на плечи и будетъ его цѣловать. Да и книгу-то только для виду держалъ въ рукахъ, а самъ и не смотрѣлъ въ нее.

Но, признаюсь, мое положеніе было самое скверное. Быть дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ случаѣ, можетъ быть, и очень пріятно —я противъ этого не спорю,—но зрителемъ быть, смотрѣть, какъ люди цѣлуются и любовь водятъ! Да къ тому-жъ они какъ-то совсѣмъ наизнанку вывороти ли мой прежній образъ жизни. Бывало, жизнь моя шла по заведенному порядку; я зналъ, что вотъ тогда-то я буду то-то дѣлать, что такая-то вещь или книга лежитъ у меня тамъ-то; а теперь, примешься за дѣло, ашъ у сосѣдей стукъ и возня; хватишься какой-нибудь вещи, а она въ углу гдѣ-нибудь заброшена. И все эта негодная Ольга! ужасно не любила книгъ, настоящій Омаръ въ юбкѣ! Я, было, вздумалъ однажды серьезно выбранить ихъ, да прошу покорно сохранить серьезное выраженіе съ такими сорванцами! Ольга съ перваго же раза зажала мнѣ ручкой ротъ, повисла мнѣ на шею и, чтобы окончательно сбить меня съ толку, даже поцѣловала меня въ губы. Да, поцѣловала, господа, и она даже весьма часто цѣловала меня, да только безъ всякой задней мысли... безъ малѣйшей, увѣряю васъ! Меня очень многія женщины цѣловали, и всегда безъ задней мысли: такова, видно, судьба моя.

Когда же я не переставалъ ворчать, Ольга соблазняла меня обѣщаніемъ познакомить когда-нибудь съ одной изъ своихъ подругъ, которыя, разумѣется, были всѣ прехорошенькія... Противъ такого аргумента я тоже оказывался совершенно безоружнымъ.

Когда она уходила хоть на минутку къ себѣ на квартиру или со двора, Брусинъ дѣлался скученъ, и тогда ему приходили въ голову самыя дикія мысли, то-есть, не то чтобы мысли эти были дики въ существѣ своемъ, а — vu les circonstances — это были мысли несбыточныя, насквозь пронизанныя романтизмомъ, идеализмомъ и прочими отвлеченными „измами“.

Однажды мы какъ-то сидѣли вдвоемъ; Брусинъ вскочилъ съ дивана и подбѣжалъ ко мнѣ, будто озаренный какою-то необычайной мыслью.

— Знаешь,—сказалъ онъ мнѣ,—знаешь, какая мысль у меня?

— Что такое? вѣрно, какая-нибудь страшная несообразность? —сказалъ я, зѣвая и потягиваясь въ креслахъ, потому что мыслей, и притомъ самыхъ разнообразныхъ, являлась у него куча, и я имѣлъ ужъ достаточно времени, чтобъ привыкнуть къ нимъ.

— Я хочу сдѣлать изъ нея женщину.

— Да она, кажется, и такъ женщина, природа создала ее такою: чего-жъ тебѣ еще хочется?

— Ахъ, ты меня не понимаешь!.. Я хочу сдѣлать изъ нея женщину въ высокомъ значеніи этого слова.

— А какое же высокое значеніе этого слова?

— Да я хочу ее образовать; хочу пробудить въ ней сознаніе ея назначенія.

— Фу, какой вздоръ вы несете, Александръ Андреичъ! Стоило же изъ такихъ пустяковъ прерывать мои мечтанія!

Брусинъ оскорбился.

— Отчего-жъ это вздоръ?—сказалъ онъ обиженнымъ тономъ: —я не вижу тутъ ничего несбыточнаго.

— Помилуйте, Александръ Андреичъ, вѣдь она не ребенокъ: почему же вы полагаете, что она живетъ безсознательною жизнью?

— Да она не сознаетъ своей жизни: она несчастна и между тѣмъ не понимаетъ своего собственнаго несчастія.

— Полноте, другъ мой, кто же вамъ сказалъ, что тутъ есть несчастіе! Вы, кажется, въ пылу своего романтизма, надѣляете ее

несчастіемъ, которое существуетъ только въ вашемъ воображеніи. Живетъ себѣ дѣвушка беззаботно и весело, такъ нѣтъ же: вздоръ все! совсѣмъ она не счастлива! и если, дескать, она весело смотритъ да не жалуется на судьбу свою, такъ это потому, изволите видѣть, что она не понимаетъ своего несчастія! Да ну, не понимаетъ, чортъ возьми! что-жъ, лучше что-ли ей-то собственно будетъ оттого, что она, вмѣсто того, чтобы быть безсознательно счастливой, будетъ сознательно несчастна? Ахъ, Александръ Андреичъ, Александръ Андреичъ!

Онъ задумался и быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, ты все не то, ты все что-то не такъ разсуждаешь, —отвѣчалъ онъ на мои возраженія.

— Ну, да, положимъ, что твое перевоспитаніе можетъ принести ей пользу, дастъ ей, какъ ты выражаешься, сознаніе ея назначенія. Но надобно вѣдь прежде знать, приметъ ли она это перевоспитаніе?.. Ты, кажется, забываешь, что ея жизнь совершенно иная, нежели какъ ты, можетъ быть, рисуешь ее въ воображеніи своемъ. Да притомъ, что̀ это за слова: сознаніе своего назначенія? ты подумай, что̀ ты говоришь! Гдѣ это назначеніе, въ чемъ состоитъ оно? растолкуйте мнѣ, Александръ Андреичъ! А мнѣ такъ кажется, что вы забѣжали что-то слишкомъ впередъ. То-то вотъ все утопіи; падѣлаете вы вздору съ вашими „въ высокомъ значеніи этого слова“!

Но онъ-таки не послушался меня, и, къ удивленію моему, въ квартирѣ нашей начало появляться великое множество всякихъ азбукъ, между которыми, впрочемъ, красовался какой-то курсъ психологіи, вѣроятно тоже предназначенный для Ольги. И она, увидѣвъ эти приготовленія, испугалась не менѣе моего; ея здравый смыслъ очень ясно говорилъ ей о дикости затѣи моего пріятеля.

Какимъ-то образомъ, однакожъ, она умѣла отлавировать отъ перевоспитанія; чуть, бывало, Александръ за книжку, она къ нему на колѣни, щипletъ его, задираетъ, а впрочемъ никогда прямо не отказывается отъ ученія, а только задираетъ его. Тѣмъ это перевоспитаніе и кончилось.

Въ другой разъ ея какъ-то цѣлый вечеръ не было дома (это было ужъ мѣсяца два послѣ короткаго ихъ знакомства). Брусинъ все сидѣлъ въ углу такой угрюмый и ни слова не говорилъ. Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ.

— Какъ ты думаешь?—спросилъ онъ меня:—счастлива она со мной?

— Право, не знаю; тебѣ, кажется, лучше слѣдуетъ это видѣть.

Онъ началъ ходить по комнатѣ, какъ это всегда дѣлывалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

— Да.—говорилъ онъ сквозь зубы, какъ будто размышляя самъ съ собой:—однакожъ, вотъ ужъ цѣлый вечеръ ея нѣтъ съ нами.

Я расхохотался.

— Что-жъ ты смѣешься? развѣ мое предположеніе не можетъ быть справедливымъ?

— Странно, однакожъ, изъ того, что она одинъ вечеръ проводитъ безъ тебя, заключать, что она тебя разлюбила!

Онъ снова началъ ходить, и только урывками я могъ слышать, что онъ ворчалъ себѣ подъ носъ: „однакожъ она прежде ни одной минуты не хотѣла быть безъ меня, а вотъ теперь ужъ и цѣлый вечеръ“... И безпрестанно поглядывалъ на часы.

Потомъ вдругъ опять остановился передо мной.

— Знаешь ли что? у меня явилась мысль.

— Опять мысль? ну, говори, что еще такое?

— Не сдѣлать ли мнѣ ей какой-нибудь сюрпризъ?

— То-есть, что-жъ такое „сюрпризъ“?

— Ну, подарить что-нибудь... платьице, мантильку.

Я глядѣлъ на него во всѣ глаза.

— Это, вѣрно, для того, чтобъ возвратилась ея нѣжность къ вамъ, Александръ Андреичъ?

Онъ оскорбился.

— Съ тобой, право, ни о чемъ серьезно говорить нельзя.— сказалъ онъ обиженнымъ тономъ.

— Одно меня только удивляетъ тутъ, Александръ Андреичъ: зачѣмъ вы себя мучите безпрестанно, зачѣмъ пугаете себя разными пугалами? Вѣдь этакъ, знаете, не мудрено, что она и въ самомъ дѣлѣ перестанетъ любить васъ.

— Это какъ?

— Да очень ясно; вотъ вы теперь ни изъ-за чего, просто изъ какого-то дикаго удовольствія волнуете себѣ кровь. Что, если она воротится домой? Вы думаете, что ваши химеры не отразятся на вашемъ обхожденіи съ ней? Вы думаете, что это не наложитъ печати

принужденія на ваши взаимныя отношенія? А вѣдь отъ принужденія куда какъ недалеко до равнодушія! Эй, берегитесь, Александръ Андреичъ: опасную игру вы затѣяли!

Но онъ никакъ не хотѣлъ убѣдиться и все продолжалъ пичкать себѣ голову всякими дикостями. Ужъ я не могу вамъ пересказать, чего онъ ни передумалъ: ужъ и разлюбила-то она его, да и не любила совсѣмъ, а такъ только отдалась, въ надеждѣ поживиться отъ него чѣмъ-нибудь. Даже досадно и обидно было слышать, какъ человѣкъ такъ глубоко унижаетъ себя. Иногда вдругъ снова начиналъ придумывать средства возбудить въ ней quasi-остывшую нѣжность, и тутъ была тьма-тьмущая всякихъ нелѣпостей. То хотѣлъ онъ ей купить платье, то свозить на Крестовскій, то конфектъ фунтъ подарить. А надо вамъ сказать, что о будущности женщины онъ имѣлъ самыя широкія понятія,—да вотъ то-то и есть: всѣ они таковы, романтики! Какъ на словахъ, такъ хоть кого за поясъ заткнутъ, а дойдетъ до дѣла...

Какъ я предугадывалъ, такъ и случилось, и въ отношеніяхъ ихъ поселилась совершенная холодность. Я рѣшительно не могъ понять этого человѣка, несмотря на то, что часто и пристально вглядывался въ него. Съ одной стороны, мнѣ казалось, что онъ вовсе никогда и не любилъ Ольгу, что весь этотъ чадъ восторговъ и упоеній, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, былъ не что иное, какъ болѣзненное раздраженіе воображенія. Но, съ другой стороны, отчего эти мученія, отчего эта ревность? зачѣмъ преслѣдовалъ онъ ее, и, признаюсь, преслѣдовалъ иногда такъ, что обхожденіе его глубоко оскорбляло меня?..

Воспитаніе, господа, воспитаніе извратило его умъ и сердце, а онъ не имѣлъ силы пересоздать себя. Воспитаніе сдѣлало то, что онъ ни на чемъ не могъ остановиться и безпрестанно кидался въ крайности. То чувствовалъ онъ порывы лихорадочной дѣятельности, то вдругъ погружался въ самую болѣзненную апатію. То же самое было и въ любви; ни смѣло любить, ни смѣло отказаться отъ любви онъ не могъ, потому что воспитаніе чудовищно развило въ немъ одно только качество — мнительность, которая и сдѣлалась господствующимъ дѣятелемъ всей его жизни. Видимой причины разлюбить Ольгу не было (по крайней мѣрѣ, въ то время), но ему непремѣнно нужна была какая-нибудь причина, чтобъ удовлетворить этой мни-

тельности, и онъ самъ настегивалъ себѣ воображеніе, чтобы создать себѣ тысячи придирокъ. Къ тому же и самое содержаніе этой любви было такъ скудно, и при томъ съ такою безумною непредусмотрительностью расходовано, что чрезъ полтора мѣсяца отъ прежняго упоенія не осталось и слѣдовъ. Другой съумѣлъ бы выйти изъ ложнаго положенія, нашелъ бы силу отказаться отъ этой любви, и все-таки остался бы счастливымъ, а онъ не могъ этого сдѣлать, потому что не имѣлъ никакой точки опоры, потому что и внѣ этой любви его ожидала та же неопредѣленность, тѣ же страданія. Эта-то неизвѣстность, въ которой онъ постоянно находился, и была причиной всѣхъ его колебаній; а если и рѣшался онъ на какой-нибудь шагъ, то ужъ какой работы это ему стоило, чрезъ какой тугой и трудный процессъ колебаній нужно было перейти этому рѣшенію! Не знаю, сколько разъ онъ ненавидѣлъ Ольгу и сколько разъ снова возвращался къ любви. Иногда онъ цѣлые дни, шагъ за шагомъ, преслѣдовалъ ее. И это не было преслѣдованіе смѣлое и открытое, а какое-то уклончивое и мелочное, свойственное только слабымъ людямъ и женщинамъ, которыхъ (то-есть, сихъ послѣднихъ) въ настоящее время еще надобно тщательно отличать отъ „людей“. Напримѣръ, онъ не считалъ за нужное отвѣчать на ея вопросы, смѣялся надъ ея нѣсколько легкими манерами, надъ ея наивными и дѣйствительно слишкомъ неразвитыми понятіями. Замѣтьте, впрочемъ, что въ другое время всѣ эти наивности возбудили бы въ немъ неистовый восторгъ и одни были бы достаточны, чтобъ заставить его стать передъ ней на колѣни и до истощенія цѣловать ея ноги.

По временамъ сцена перемѣнялась: онъ вдругъ начиналъ плакать, рвалъ на себѣ волосы, называлъ себя безчестнымъ и негоднымъ человѣкомъ, просилъ у Ольги прощенія, и снова на цѣлыя сутки оба были счастливы... Но со временемъ и эти рѣдкія минуты самообольщенія стали все рѣже и рѣже. Ольга тоже начала плакать, такъ что я вдругъ, вмѣсто квартиры веселья и любви, очутился въ квартирѣ скорби и скрежета зубовъ. По временамъ она какъ будто возмущалась и хотѣла свергнуть съ себя иго деспотизма, и часто, когда онъ ужъ слишкомъ давалъ волю своему подозрительному воображенію, изъ ихъ комнаты долетали до моего слуха ея слова: „да что-жъ, крѣпостная я ваша что-ли, что вы мной такъ командуете!“ —но этимъ все и ограничивалось: до того справедливо изреченіе,

освященное мудростью вѣковъ, что женщину, что̀ хорошую собаку, чѣмъ болѣе бьешь, тѣмъ привязанѣе она къ своему господину...

Разъ какъ-то, послѣ такого возраженія, Брусинъ, убѣжавъ изъ своей комнаты, явился въ мой кабинетъ; настегавъ все количество пафоса, которымъ онъ могъ распоряжаться, и ставъ въ приличную трагическую позу, онъ обратился ко мнѣ съ видимымъ отчаяньемъ.

— Вы слышали? вы слышали, что̀ сказала эта женщина?

Я не отвѣчалъ.

— И я могъ любить ее! я могъ любить женщину, которая не стыдится дѣлать подобные отвѣты!

— Да что̀ жъ она сказала такого оскорбительнаго?

— Какъ? вы не слышали? она не постыдилась сказать мнѣ, что она не крѣпостная! Какъ будто я раздѣляю людей на крѣпостныхъ и не-крѣпостныхъ!

— Да, не крѣпостная, не крѣпостная я ваша, что вы надо мной такъ куражитесь! — послышался изъ другой комнаты голосъ Ольги.

— Вы слышите?—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— А вы не слышите, что она плачетъ?—спросилъ я.

Онъ сконфузился.

— Плачетъ? — сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ: — да развѣ она понимаетъ, о чемъ плачетъ, развѣ ее можетъ оскорбить что-нибудь...

— И вы это отъ чистаго сердца говорите, Александръ Андреичъ?

— Да, я говорю это, хотя мнѣ и больно сознаться въ томъ, что я встрѣтилъ грубость и тупоуміе тамъ, гдѣ ожидалъ найти...

— Что̀?

Онъ смѣшался и не отвѣчалъ.

— Грустно мнѣ, Александръ Андреичъ, обидно мнѣ слышать ваши оскорбленія! Когда вы полюбили ее, развѣ вы не знали, куда вы идете, на что̀ рѣшаетесь и съ кѣмъ имѣете дѣло...

— Да какъ же я могъ знать это?

— А! по вашему лучше сдѣлать несчастье бѣдной дѣвушки, принести ее въ жертву своему уродливому самолюбію, нежели, какъ слѣдуетъ всякому честному человѣку, обдумать шагъ, на который вы

рѣшаетесь! Спрашиваю я васъ опять: чего, какой особенной любви вы ожидали отъ нея?

Онъ молчалъ.

— А вѣдь она, между тѣмъ, дала вамъ всю любовь свою! А вы не можете простить ей неразвитости ума, васъ оскорбляетъ малѣйшій промахъ въ ея манерахъ! Да не въ тысячу ли разъ она болѣе въ правѣ упрекать васъ въ скудости и развращенности чувства? Не въ правѣ ли она обвинять васъ въ томъ, что вы каждую минуту съ какимъ-то дикимъ остервенѣніемъ отравляете ея жизнь?

— Да что же мнѣ дѣлать, что дѣлать мнѣ, когда меня все это глубоко оскорбляетъ?

— Да кто жъ виноватъ-то въ этомъ, Александръ Андреичъ? вѣдь она даетъ вамъ, что можетъ, и не обязывалась никогда осуществлять въ себѣ тотъ идеалъ женщины, который вамъ угодно было состроить въ своемъ воображеніи. Не видите ли вы, что вы одинъ виновникъ вашего несчастія, потому что смотрите на вещи не обыкновенными глазами, а сквозь увеличительныя стекла?..

Замѣчательно, что, несмотря на оправдывающую ее сторону моихъ словъ, Ольга едва-ли не болѣе оскорблялась ими, нежели обиднымъ обхожденіемъ Брусина. Ея простой, но чрезвычайно здравый смыслъ очень ясно понималъ, что въ этихъ словахъ заключалась и другая сторона, клонившая прямо къ тому, чтобы разорвать эту странную, больную связь... Поэтому-то, когда разговоръ нашъ принималъ такой оборотъ, она уводила его отъ меня и ужъ цѣлый вечеръ ластилась около него и кое-какъ старалась замазать брешь, причиненную моими словами въ его сердцѣ.

По истинѣ увѣряю васъ, никакъ не могу и до сихъ поръ объяснить себѣ причину этой живучей привязанности! Развѣ ужъ принять въ соображеніе то мудрое, освященное вѣками, изреченіе, о которомъ я вамъ упоминалъ.

Такимъ-то образомъ они и перебивались кой-какъ, то огрызаясь другъ на друга, то взаимно прося другъ у друга прощенія, пока, наконецъ, одно обстоятельство окончательно не рѣшило этого затруднительнаго и сложнаго вопроса.

Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда Ольга казалась Брусину въ розовомъ цвѣтѣ, мы рѣшились отправиться на Острова. Я не понимаю, какъ она не нашла въ себѣ довольно ума, чтобы отклонить эту по-

ѣздку! Дѣло было въ августѣ. День стоялъ жаркій, въ городѣ духота страшная; въ улицахъ вездѣ пусто, только и видишь, что мастеровые шныряютъ, да и тѣ такіе блѣдные, испитые... Однимъ словомъ, такъ и рветъ все за городъ, на вольный воздухъ, гдѣ и груди дышать привольнѣе, и мыслямъ есть гдѣ успокоиться. Оля сама напросилась на эту прогулку, и цѣлый день были у нея все сборы да приготовленія—точно къ празднику. Все пѣла да прыгала и такъ была весела, что пріятель мой растаялъ совсѣмъ, да и я съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ея рѣзвость.

Поѣхали мы въ лодкѣ въ Кушелеву саду. Ольга ни минуты не оставалась въ покоѣ: то брызгала въ насъ водою, то раскачивала нарочно лодку, такъ что нѣсколько разъ чуть было не опрокинула ея. Все это, впрочемъ, и меня, и Брусина чрезвычайно радовало, потому что мы выѣхали изъ дому съ намѣреніемъ веселиться и ужъ во что бы то ни стало дали себѣ слово исполнить это намѣреніе.

День былъ воскресный, и дѣло шло ужъ къ вечеру, но гуляющихъ было немного; по срединѣ одной площадки стоялъ хоръ военныхъ музыкантовъ и наяривалъ какую-то дикую арію. Гуляющіе были большею частью изъ нѣмцевъ, по той причинѣ, что музыка играла даромъ, садъ былъ тоже открытъ даромъ, а нѣмецъ, какъ извѣстно, никакъ не пропуститъ случая воспользоваться чѣмъ-нибудь даромъ. Мнѣ кажется даже, что еслибы нѣмцу сказали, что въ такомъ-то мѣстѣ будутъ его бить *даромъ*, то онъ и тутъ не отказалъ бы себѣ въ даровомъ удовольствіи: это ужъ, извольте видѣть, національный характеръ такой: нѣмцы по большей части сидѣли по скамьямъ, покуривали превонючія конфетныя сигары и занимались молчаніемъ. Гуляло также нѣсколько чиновниковъ изъ живущихъ на дачахъ. Эти господа, несмотря на жаркую погоду, были одѣты всѣ въ черномъ и гуляли, повидимому, только потому, что, живши на дачѣ, нельзя ужъ не гулять. Нѣкоторые изъ нихъ водили за руки сынка или дочку, по временамъ останавливались и, указывая возлюбленнымъ дѣтищамъ на небо, преподавали имъ уроки астрономіи, ограничивавшіеся по большей части тѣмъ, что этотъ дескать, душенька, шаръ, который вонъ-вонъ тамъ далеко на ниточкѣ у Бога виситъ, называется солнцемъ, и что есть на землѣ люди, не то мартинисты, не то коммунисты (преглупѣйшій, душенька, народъ, и за счастье, умница, почитай, что мы не въ той сторонѣ, а въ нашей любезной матушкѣ Россіи родились),

которые солнцу молебны служатъ и обѣдни поютъ... По сторонамъ стояли группы кормилецъ и нянекъ съ золотушными, слюнявыми и пребезобразными дѣтьми, и тоже хранили молчаніе. Изрѣдка только, когда безобразное дитя желало учинить какую-нибудь кувырколлегію, слышался дряблый голосъ няньки: „а вотъ погоди, я тебя рогатому нѣмцу отдамъ“, и безобразное дитя немедленно дѣлалось тише воды, ниже травы. Однимъ словомъ, тутъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, было мѣсто примѣнить извѣстный разговоръ, подписанный подъ одной карикатурою: „Кого здѣсь хоронятъ? — Помилуйте, здѣсь гуляютъ!“

Зато палатка, въ которой находился трактиръ, была полна народу; въ бильярдной дымъ стоялъ такой, что у непривычнаго выжималъ изъ глазъ слезы и не позволялъ ясно различать предметы. Мы сѣли за особый столъ и насилу добились себѣ чаю. Я началъ ужъ проклинать всѣ эти загородныя такъ-называемыя удовольствія, и твердо рѣшился, напившись чаю, немедленно уѣхать домой, что̀ и было одобрено моими спутниками. Но пока я хлопоталъ около чаю, успѣло произойти многое; какъ-то нечаянно взглянулъ я на Ольгу: она сидѣла блѣдная и потупивъ глаза; Александръ тоже напрасно хотѣлъ казаться хладнокровнымъ; по стиснутымъ его губамъ и мертвенной блѣдности лица я угадывалъ, что въ немъ происходило что-то не совсѣмъ хорошее. Въ самомъ дѣлѣ, невдалекѣ отъ насъ стояли у окошка двое военныхъ, которые, указывая на Ольгу и на насъ, перешептывались между собою. Мнѣ даже показалось, что одинъ изъ нихъ былъ нѣсколько веселѣе обыкновеннаго и слегка кивнулъ Ольгѣ головой.

— Пойдемте домой,—сказалъ я, не ожидая ничего хорошаго отъ этой встрѣчи.

Ольга поспѣшно начала собираться.

— Нѣтъ, зачѣмъ же домой!—отвѣчалъ Брусинъ дрожащимъ голосомъ и притоптывая отъ волненія ногой.—Зачѣмъ домой?—останемся лучше здѣсь! Ольга Николаевна встрѣтила здѣсь старыхъ и, повидимому, весьма пріятныхъ знакомыхъ—зачѣмъ же лишать ее этого невиннаго удовольствія?

Ольга молчала; военные все перешептывались и искоса поглядывали на насъ.

— Что-жъ вы не идете къ знакомымъ-то, Ольга Николаевна?—

злобно шепталъ между тѣмъ Брусинъ:—вѣдь мы вамъ можемъ дать только чаю, а они, вѣрно, напоятъ васъ виномъ... Ступайте же...

Она бросила на него умоляющій взглядъ. Военные господа отошли въ сторону, но все-таки поглядывали искоса на насъ. Вѣроятно, эти господа думали, что когда они отойдутъ въ другой уголъ комнаты, то мы ужъ будемъ въ невозможности замѣчать ихъ дьявольски-плутовскихъ взглядовъ и канальски-лукавыхъ улыбокъ. Такъ красивый, но глупый страусъ, спрятавъ голову свою подъ крыло, ни о чемъ не безпокоится, полагая, что если охотнику не видна его голова, то и все его туловище останется незамѣченнымъ.

Я самъ былъ такъ сконфуженъ неожиданностью этой встрѣчи, что рѣшительно не находилъ словъ для оправданія Ольги.

— Однакожъ, — сказалъ Брусинъ, смѣясь насильственнымъ смѣхомъ:—эти господа и на насъ что-то поглядываютъ, какъ будто и мы принадлежимъ къ почтенному сословію... Вотъ что̀ значитъ быть въ хорошей компаніи!

Слова эти были сказаны такъ громко, что всѣ курившіе и некурившіе, нѣмцы и не-нѣмцы, посмотрѣли въ нашу сторону. Ольга вся вспыхнула и отшатнулась отъ него въ сторону, но онъ былъ внѣ себя; давно накипѣвшая въ сердцѣ его горечь должна была выразиться; онъ взялъ ея руку и съ бѣшенствомъ стиснулъ такъ крѣпко въ своей рукѣ, что бѣдная едва не заплакала отъ боли.

— Такимъ образомъ мстятъ женщинѣ только негодяи, — сказалъ я ему шопотомъ, теряя наконецъ всякое терпѣніе.

— Съ низкою тварью и поступать нужно низко, — отвѣчалъ онъ ужъ не то что со злобою, а даже съ нѣкоторымъ самодовольствомъ.

— Въ такомъ случаѣ ваше правило можетъ быть примѣнено къ вамъ первымъ,—сказалъ я ему, и потомъ, обращаясь къ Ольгѣ, прибавилъ: —Пойдемъ отсюда: отъ подобныхъ людей, кромѣ безславія, нельзя ничего ожидать, потому что они, повидимому, находятся въ вѣчномъ чаду.

Онъ вспыхнулъ, потому что и я въ свою очередь началъ говорить громко.

— Позвольте, однакожъ, вамъ замѣтить, — сказалъ онъ весь блѣдный и дрожащій отъ бѣшенства: — что прежде, чѣмъ уводить отъ меня мою любовницу, вы должны спросить ее, согласна ли еще будетъ она идти съ вами.

Я посмотрѣлъ на Ольгу; она потупила глаза и снова опустилась на лавку. Онъ торжествовалъ.

— Послушайте, однакожъ, — сказалъ я, снова обращаясь къ нему: — прежде нежели мучить ее и безславить публично, вы должны бы были, по крайней мѣрѣ, удостовѣриться, точно ли она такъ виновата, какъ вы предполагаете.

Ольга съ ужасомъ взглянула на меня.

— Мнѣ кажется, — отвѣчалъ онъ, иронически улыбаясь: — достаточно взглянуть на лицо Ольги Николаевны, чтобы удостовѣриться въ истинѣ моихъ предположеній. А впрочемъ, чтобы доставить вамъ удовольствіе, я готовъ...

И онъ отправился прямо къ тому мѣсту, гдѣ стояли военные.

— Что вы надѣлали! — говорила мнѣ между тѣмъ Ольга, вся трепеща отъ ужаса: — ради Бога! уведите, увидите меня отсюда: онъ убьетъ меня!

Положеніе мое было просто невыносимо; дѣло запутывалось все болѣе и болѣе, такъ что я съ минуты на минуту могъ ожидать вмѣшательства постороннихъ и во всѣхъ случаяхъ жизни всегда и вездѣ равно пакостныхъ лицъ. Не думая лишней секунды, я взялъ ее подъ руку и вышелъ въ садъ.

Выходя, я видѣлъ, однакожъ, что Брусинъ подошелъ къ одному изъ военныхъ, и слышалъ даже мелькомъ начало ихъ разговора.

Разговоръ этотъ былъ такого рода:

— Позвольте узнать, — спросилъ Александръ: — вамъ знакома женщина, которая сію минуту находилась со мной?

Офицеръ двусмысленно улыбнулся.

— А хоть бы и знакома, вамъ на что? — отвѣчалъ онъ.

— Да я бы желалъ знать, какого рода именно было это знакомство?..

— Вы довольно любопытны; я полагаю, впрочемъ, что такого же рода, какъ и ваше...

— Я ея любовникъ, — сказалъ Брусинъ.

— Ну, и я тоже, — отвѣчалъ офицеръ и поклонился.

Кругомъ все захохотало; но что было затѣмъ, мнѣ неизвѣстно: я скорѣе спѣшилъ выбраться изъ этого ада и попасть домой.

Мы сѣли въ лодку и отправились; Ольга закрыла себѣ лицо бру-

ками и всю дорогу плакала. Я тоже сначала рѣшился-было молчать, но потомъ мнѣ стало и жалко, и досадно на нее.

— Ну что-жъ ты плачешь?—говорилъ я ей.—Есть о чемъ плакать! связалась ты съ дуракомъ...

Ольга молчала и плакала еще пуще.

— Зачѣмъ же ты скрывала отъ него, что у тебя есть другіе?

— Да какъ же я могла сказать ему,—отвѣчала она прерывающимся отъ слезъ голосомъ:—вѣдь онъ не сталъ бы любить меня...

— А развѣ лучше, что̀ теперь случилось?

Молчаніе.

— Ужъ если ты любишь его, если не можешь разстаться съ нимъ, хоть бы другихъ-то бросила...

Этотъ разговоръ я передаю вамъ въ совершенной точности, не щадя своего собственнаго самолюбія. Дѣйствительно, я явился въ этомъ случаѣ довольно въ невыгодномъ свѣтѣ касательно изобрѣтательности и совѣтовъ, но въ моемъ положеніи рѣшительно ничего иного выдумать не было возможности.

Но что̀ я ни говорилъ,—никакъ не могъ добиться отъ нея никакого отвѣта. Ясно было для меня только то, что Ольга принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя въ любви не держатся никакихъ предразсудковъ, не хотятъ никакъ во что бы то ни стало видѣть въ ней тягостную и утомительную работу сердца, а напротивъ того, привязываются легко, хотя и искренно.

— По крайней мѣрѣ, на будущее-то время старайся какъ-нибудь избѣгать этого,—сказалъ я.

— Постараюсь,—отвѣчала она сквозь слезы.

— Ну, что̀ жъ ты намѣрена теперь дѣлать?—спросилъ я ее, когда мы пришли къ нашему дому.

Она опустила глаза.

— Я бы совѣтовалъ тебѣ отправиться къ себѣ.

— А онъ?—спросила она робко.

— Ахъ, право, онъ мнѣ надоѣлъ съ своими глупостями, и я рѣшительно хочу разстаться съ нимъ,

— А онъ-то какъ же?—снова спросила она, поблѣднѣвъ.

— Да какъ хочетъ: мнѣ что за дѣло!

— Да какъ же это? вѣдь онъ не можетъ жить одинъ...

Я посмотрѣлъ на нее съ невольнымъ удивленіемъ, хотя послѣ

всего видѣннаго и слышаннаго мною въ теченіе этого вечера довольно странно было чему-нибудь удивляться.

— Видно, мало онъ тебя еще мучитъ,—сказалъ я съ нѣкоторою досадою.

Мы вошли во дворъ.

— Рѣшайся, однакожъ, на что-нибудь: къ себѣ ты пойдешь или къ намъ?

Она снова потупила глазенки, и мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно жалко ее.

— Ну, какъ хочешь,—сказалъ я ей:—глупенькая ты, право, глупенькая: вѣдь опять будешь плакать! Ты видишь, каковъ онъ; что жъ путнаго можешь ожидать ты отъ своей любви?

Черезъ часъ явился и Брусинъ. Мы пробыли нѣсколько времени вмѣстѣ, и мнѣ показалось, что онъ нѣсколько успокоился. Проглядывала, правда, въ его обхожденіи съ Ольгой какая-то принужденность, но послѣ всѣхъ сценъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, нельзя было и требовать, чтобы онъ былъ откровененъ по прежнему. Черезъ полчаса я оставилъ ихъ и сѣлъ заниматься.

Вдругъ онъ явился ко мнѣ.

— Нѣтъ ли у тебя десяти рублей?—спросилъ онъ меня.

Я далъ ему.

— Да на что они тебѣ?

— Да такъ... нужно...

Я пошелъ за нимъ.

— Возьмите!—сказалъ онъ, подходя къ Ольгѣ и подавая ей ассигнацію

Она поблѣднѣла и только могла пробормотать:—Зачѣмъ?

— Это за вашу снисходительность,—сказалъ онъ совершенно равнодушно.

Она вся вспыхнула и вскочила какъ ужаленная; глазенки ея блестѣли какъ два горящихъ угля, ноздри поднимались, губы дрожали.

„Славно!—подумалъ я:— ай-да Ольга, давно бы такъ!“

— За мою снисходительность?—говорила она между тѣмъ:—такъ знайте же, что моя снисходительность дороже десяти рублей продается! А за то, что я для васъ дѣлала и отъ васъ вытерпѣла... у васъ слишкомъ мало денегъ, чтобъ заплатить мнѣ...

И она бросила ему деньги въ лицо; онъ, въ свою очередь, поблѣднѣлъ, губы его судорожно сжались; я видѣлъ даже, что онъ одну минуту поднималъ ужъ руку... Но все это было только минутно; онъ не могъ болѣе вынести нравственнаго своего изнеможенія и почти безъ чувствъ повалился на диванъ. Ольга ушла.

Нѣсколько времени спустя онъ снова пришелъ ко мнѣ.

— Что, дождались вы, наконецъ?—сказалъ я ему.

Онъ молча сѣлъ въ кресло неподалеку отъ меня.

— Я еще удивляюсь, какъ она давно не бросила васъ...

Онъ все молчалъ.

— Что же мнѣ дѣлать?—сказалъ онъ наконецъ:—что-жъ дѣлать, коли у меня такой несчастный характеръ?!

— Согласитесь, однакожъ, Александръ Андреичъ, изъ того, что у васъ, какъ вы говорите, несчастный характеръ, слѣдуетъ ли, чтобъ она терпѣла всѣ оскорбленія, которыми вы ее съ какимъ-то дикимъ удовольствіемъ столько времени преслѣдовали?

— Что-жъ дѣлать мнѣ! научите меня, что̀ мнѣ дѣлать! Къ чему мнѣ ваши упреки, когда я самъ очень хорошо вижу, что я виноватъ передъ нею! Какъ же поправить это?

— Послушайте, Александръ Андреичъ, мнѣ ужъ надоѣло разыгрывать съ вами роль Здравомысла или Добросерда, да и вамъ пора бы перестать представлять изъ себя Ловеласа, мучителя сердецъ... Замѣтьте, что она вѣдь не Кларисса...

— Однакожъ, вѣдь вы очень хорошо знаете, что я не по своей волѣ играю эту роль.

— Въ такомъ случаѣ, право, не знаю, что̀ вамъ совѣтовать.

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

— Другому я принялся бы, можетъ быть, объяснять, что изъ того, что его любитъ женщина, вовсе не слѣдуетъ, чтобы эта же женщина не могла полюбить другого, что во всякомъ случаѣ она ничѣмъ ему не обязана... Другой, можетъ быть, и послушался бы меня и принялъ бы вещь, какъ она есть, а вы вѣдь и сами очень хорошо все это знаете,—что-жъ я могу вамъ сказать новаго?

— Однакожъ, предположимъ, что я послушаюсь вашего совѣта...

— Зная вашъ характеръ, я думаю, что для васъ было бы полезнѣе разстаться съ ней навсегда... Но совѣтовать, впрочемъ, ни-

чего не могу, потому что напередъ знаю, что вы все-таки не оставите ея...

Онъ задумался и долго не говорилъ ни слова; наконецъ, всталъ и сказалъ мнѣ твердымъ голосомъ.

— Рѣшено! я перестаю о ней думать.

Однакожъ минуты черезъ двѣ опять задумался и снова опустился въ кресло. Я ждалъ, что̀ отъ него будетъ.

— Нѣтъ, не могу,—сказалъ онъ наконецъ слабымъ голосомъ: —не могу, это выше силъ моихъ.

Я посмотрѣлъ на него и покачалъ головою.

— Говорите, что̀ хотите: я самъ чувствую, что я слабъ, что я достоинъ презрѣнія... но не могу иначе!

— И замѣтьте, Александръ Андреичъ,—сказалъ я,—что не въ одной любви вы такъ поступаете; во всей вашей жизни вы точно такъ же вѣчно колеблетесь и вѣчно какъ будто бы умышленно насмѣхаетесь надъ самимъ собою.

— Да что-жъ мнѣ дѣлать, коли я такъ несчастно устроенъ?

— Ужъ я не знаю, устроены ли вы отъ природы несчастно, обстоятельства ли васъ сдѣлали такимъ, или вы сами себя изуродовали, только я вижу, что вы до сихъ поръ ничего не сдѣлали, хотя за многое принимались.

Молчаніе.

— А я такъ думаю,—продолжалъ я,—что все ваше несчастіе происходитъ оттого, что вы никогда не дадите себѣ труда обдумать ваше положеніе... Вы человѣкъ небогатый, а ведете себя какъ будто бы у васъ Богъ знаетъ какіе доходы... Есть же, наконецъ, предѣлъ этой праздности! Вѣдь вы не ребенокъ, чтобы васъ водить на помочахъ; пора вамъ понять свои обязанности къ самому себѣ и перестать вѣчно полагаться на другихъ.

Онъ вспыхнулъ.

— Что̀ вы разумѣете,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ,—подъ словами: „полагаться на другихъ“?

— Вы напрасно сердитесь,—отвѣчалъ я, теряя всякое терпѣнье:—я говорю вамъ правду.

— Зачѣмъ же вы давно не сказали мнѣ эту правду? я бы не заставилъ васъ повторять ее.

И онъ вышелъ отъ меня, хлопнувъ дверью. Я думалъ, что онъ

выѣдетъ, и ужъ началъ-было раскаиваться въ своихъ неосторожныхъ словахъ, но, къ великому удивленію, утромъ на другой день онъ пришелъ опять ко мнѣ весь въ слезахъ, началъ просить меня забыть прошедшее, обвиняя во всемъ самого себя, обѣщалъ разорвать всѣ сношенія съ Ольгой и приняться за дѣло...

Вы меня извините, господа, что я, можетъ быть, утомляю васъ всѣми этими подробностями, но тутъ онѣ только и важны. Происшествія этой любви такъ просты и такъ бѣдны сами по себѣ, что вы, я думаю, давно ужъ угадали, чѣмъ кончится вся эта исторія. Поэтому первое мѣсто въ разсказѣ моемъ занимаютъ не факты, а, такъ сказать, внутренній процессъ фактовъ, и именно такимъ образомъ человѣкъ довелъ себя до того, что самъ надъ собою сознательно и даже какъ будто умышленно издѣвался.

Я вамъ говорилъ, что онъ рѣшился разстаться съ Ольгой и приняться за дѣло. Онъ обѣщалъ мнѣ это такъ искренно и притомъ съ такою твердою рѣшимостью, что я не могъ не повѣрить ему. И дѣйствительно, онъ досталъ себѣ работу въ какой-то журналъ, обложилъ себя книгами и занялся компилированіемъ какой-то статьи.

Иногда онъ прочитывалъ мнѣ свою работу. Вы по опыту, можетъ быть, знаете, какая это скука быть оффиціальнымъ слушателемъ какого-нибудь сочинителя, но я, признаюсь вамъ, выслушивалъ его съ участіемъ, во-первыхъ потому, что мнѣ интересно было слѣдить за нимъ въ этомъ новомъ направленіи его дѣятельности, а во-вторыхъ, дѣйствительно, все, за что бы онъ ни взялся, необходимо принимало какую-то особую жизненную печать, облекалось въ необыкновенно ясныя и образныя формы.

Вообще онъ сдѣлался и веселъ, и дѣятеленъ, иногда только вспоминалъ объ Ольгѣ, но безъ горечи, да и то потому только, что натура того требовала.

— Вѣдь вотъ, право, —говорилъ онъ мнѣ иногда шутя,—какъ ни запирайся внутри себя, а отъ себя, видно, никакъ уйти нельзя.

— А что?—спрашивалъ я.

— Да вотъ не знаю, какъ бы натуру-то свою...

— Ну, ужъ ты самъ озаботься объ этомъ... и я тоже не знаю...

Разъ какъ-то возвращаюсь ужъ довольно поздно отъ должности, смотрю—Иванъ, нашъ фактотумъ, отворяя мнѣ дверь, дѣлаетъ многозначительный жестъ, указывая на комнату Александра.

Дѣйствительно, онъ былъ не одинъ; противъ него сидѣла какая-то краснощекая и полная дѣвица, которая при моемъ появленіи отвернула голову и закрыла себѣ платкомъ лицо. Это, изволите видѣть, ей стыдно было чужого человѣка!

— А, очень радъ!—сказалъ Александръ, вставая:—рекомендую тебѣ: повелительница острова Стультиціи!..

Я откланялся; но прекрасная царица никакъ не хотѣла отнять отъ лица своего платокъ, который закрывалъ его.

— Достойная супруга великаго Комуса!—продолжалъ Брусинъ, становясь передъ нею на колѣни:—удостойте вашего лицезрѣнія бѣднаго смертнаго, который жаждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ, чтобъ на него упалъ хоть одинъ животворный лучъ вашихъ божественныхъ глазъ!

Но супруга Комуса барахталась, безпрестанно испуская изъ-подъ платка легонькія „ги-ги-ги!“

— Ахъ, отстаньте!—говорила она, закрываясь все пуще и пуще въ платокъ.

— Сдѣлайте одолженіе!—приставалъ Александръ.

— Никакъ нельзя.

— Отчего же нельзя?

— Да никакъ не можно.

— Да отчего же не можно?

— Да мнѣ стыдно; они чужіе.

— Скажите пожалуйста, они чужіе!

И онъ вырвалъ у нея платокъ.

— Ахъ, какіе безстыдники! ахъ, какіе озорники!—возопила королева, въ свою очередь овладѣвая платкомъ и снова закрывая имъ лицо свое.

— Это, изволите видѣть, маленькій образчикъ нашего милаго кокетства,—сказалъ Брусинъ, обращаясь ко мнѣ.

Мы сѣли обѣдать. Она долго и за обѣдомъ не соглашалась открыть свое лицо, но вдругъ, когда мы перестали даже и думать объ ней, услышали мы легонькое: „ахъ!“ Это, изволите видѣть, она рѣшилась показать намъ свое личико и внезапно сама испугалась своей смѣлости.

— Ахъ!—сказалъ Брусинъ, передразнивая ее:—это вамъ такъ стыдно?

— Да, конечно, стыдно...

— Кого же вамъ такъ стыдно?

— Да вотъ ихъ...

— Скажите, пожалуйста!.. То-есть, что̀ можетъ быть наивнѣе и прелестнѣе!—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Чѣмъ же вы занимались?—спросилъ я.

— Ахъ, какіе вы насмѣшники!

— Что жъ тутъ смѣшного?—сказалъ Брусинъ.

— Извѣстно что̀!

— Такъ вы смѣшнымъ занимались?—сказалъ я:—хорошо!

— Да, мы препріятно провели съ нею время! — отвѣчалъ Брусинъ. — Право! посидимъ, посидимъ, да помолчимъ, а потомъ, помолчавши, займемся этакъ наглядною и осязательною анатоміею! Ты хочешь учиться анатоміи?

— Благодарствуй...

— Жаль, а преполезная наука, и какъ легко и понятно: разомъ весь курсъ пройти можно! Спроси ее!

— Вы все смѣетесь надо мной!

— Какъ это можно!

— Да вы такіе озорники!..

— Вы гдѣ живете?—спросилъ я.

— У родителей.

— И часто вы этакъ прогуливаетесь?

— Какъ это можно! У меня родители такіе строгіе, цѣльный день меня все бранятъ.

— Ну, и этакъ бываетъ?—спросилъ Брусинъ, сдѣлавъ рукою значительное движеніе сверху внизъ.

— На то они родители!—отвѣчала она, закрываясь платкомъ. —Да вы все надо мною смѣетесь!

— Какъ это можно!

Онъ расхохотался.

— Прелесть ты моя!—сказалъ онъ:—золото ты мое! вѣдь выкопалъ же я тебя себѣ на отраду!

— А знаешь, что̀ мнѣ вздумалось, — обратился онъ ко мнѣ, когда мы встали изъ-за стола:—ты видишь Ольгу?

— Вижу, а что̀?

— Мнѣ ужасно хочется подойти къ окну и показать ей супругу Комуса.

— Зачѣмъ это?

— Да пусть хоть немножко побѣсится.

— Не знаю, какъ хочешь!

— Право, такъ!

И мы всѣ трое подошли къ окну.

— Здравствуйте!—сказалъ Александръ.

— Здравствуйте!—отвѣчалъ знакомый голосокъ.

— Рекомендую!—продолжалъ онъ, указывая на повелительницу острова Стультиціи.

— Очень рада! Что это—Николай-Иваныча?

— Нѣтъ-съ, моя...

— А! ваша!.. Дяденька! дяденька! Прохоръ Макарычъ!

Намъ послышались приближающіеся тяжелые шаги, и вслѣдъ затѣмъ въ окнѣ появилась тяжелая и неуклюжая фигура.

— Рекомендую!—сказала Ольга, указывая на фигуру.

Я наблюдалъ за лицомъ Александра; оно, по прежнему, осталось весело и спокойно, но все-таки, хоть на мгновенье, хоть слегка, щеки его поблѣднѣли.

— Очень радъ!—сказалъ онъ въ свою очередь.—Вы давно изволили возвратиться изъ вояжа?..

Но дяденька не отвѣчалъ, а только раскланивался.

— Да отвѣчайте же, дяденька!—сказала Оля. —Вы его извините: онъ у меня такой стыдливый, не привыкъ съ чужими.

Дяденька все еще кланялся: Ольга провела рукою по его лицу, дернула за усы и хлопнула пальчиками по лбу.

— Ну, ступай, спи, дяденька!—сказала она.

Дяденька раскланялся и исчезъ.

— Каковъ у меня дяденька?—спросила Ольга.

— А какова у меня тетенька?—отвѣчалъ Александръ.

— Я вамъ совсѣмъ не тетенька,—замѣтила супруга Комуса: —вотъ еще что выдумали!

Ольга улыбнулась, Александръ тоже улыбнулся; но Александръ не вытерпѣлъ и послалъ ей рукою поцѣлуй; она отвернулась.

— Не стойте вы!—сказала она.—Эй, Амишка! Амишка!

Амишка вскочила на окно и замахала хвостомъ.

— Гдѣ ты, негодница, была?—выговаривала ей Оля:—другихъ, вѣрно, лучше меня нашла, капризная собачонка! Отвѣчай, мерзкая!

Амишка залаяла.

— Оленька!—сказалъ умоляющимъ голосомъ Александръ.

Я дернулъ его за полу сюртука.

— Что жъ ты, въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я:—опять за свои глупости принимаешься! Отойдемъ отъ окна.

— Сейчасъ, сейчасъ...

— Такъ вотъ же, гадкая ты! злая ты! я не хочу любить тебя! —продолжала Ольга, по прежнему выговаривая собачонкѣ;—и если ты думаешь, что мнѣ тебя жалко, такъ нѣтъ же, ошибаетесь, сударыня, очень ошибаетесь! не надо мнѣ васъ, у меня есть дяденька, вотъ что!

— Оленька! голубчикъ ты мой!—задыхающимся голосомъ говорилъ Брусинъ.

— Пошла прочь, мерзкая собачонка, пошла, пошла прочь! Прощайте, Александръ Андреичъ, желаю вамъ покойной ночи!

Окно ея захлопнулось. Александръ стоялъ на мѣстѣ какъ ошибенный; наслу-то я могъ кое-какъ оторвать его отъ окна.

Впрочемъ вечеръ прошелъ безъ дальнѣйшихъ приключеній; чрезъ нѣсколько времени Александръ даже сдѣлался веселъ по прежнему и безпрестанно повторялъ:

— А! какова Ольга-то! ужъ у ней и дяденька явился! Что-жъ, у меня тетенька есть и, вѣрно, получше ея дяденьки. Да здравствуетъ высокомощная повелительница острова Стультиціи!..

Такимъ образомъ мы жили около мѣсяца. Супруга Комуса по прежнему посѣщала Александра, и всякій разъ, когда она уходила, Брусинъ давалъ ей денегъ и говорилъ:

— Ты приходи этакъ черезъ недѣлю; раньше, я думаю, мнѣ не будетъ надобности.

Я одобрялъ такое поведеніе, потому что оно было и неубыточно, да и занятіямъ не мѣшало. Вообще я держусь такого правила, что молодому человѣку, небогатому и занятому, въ дѣлахъ любви нужно какъ можно избѣгать всякой серьезной и продолжительной привязанности: не то какъ разъ облѣнишься, обабишься и пропадешь ни за грошъ.

Итакъ, я былъ совершенно спокоенъ, тѣмъ болѣе, что у насъ ужъ и двойныя рамы вставили, и, слѣдовательно, сообщеніе съ Ольгою сдѣлалось еще затруднительнѣе. Однакожъ, на всякій случай велѣлъ фактотуму Ивану присматривать, и если что̀ окажется, то немедленно донести.

Разъ какъ-то, возвращаясь отъ должности, я ужъ началъ-было входить по лѣстницѣ, какъ вдругъ мнѣ послышался голосъ Ольги. Я остановился и сталъ прислушиваться; дѣйствительно, это была она, да еще и не одна, а съ Брусинымъ. Оба они всходили по лѣстницѣ къ нашей квартирѣ...

— Только ты, пожалуйста, Оля, скажи ему, что ты сама ко мнѣ пришла,—говорилъ Александръ.

— А будешь капризничать?

Мнѣ послышался звонкій поцѣлуй.

— А глупая королева будетъ къ тебѣ ходить?

— Не будетъ, Оленька, не будетъ, голубчикъ мой!

Дернули за звонокъ.

— Никогда?

— Никогда, голубчикъ ты мой, никогда!

— Ну, то-то же!

— Такъ ты такъ ему и скажи, Оля, что сама пришла ко мнѣ, а то онъ мнѣ покою не дастъ.

— Ужъ я скажу, только ты... Смотри же у меня, не капризничать!

Въ это время дверь отворилась, и они вошли. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ; мнѣ было, съ одной стороны, и досадно такое нелѣпое ребячество, а съ другой стороны — и смѣшно. Я подождалъ минутъ съ пять на лѣстницѣ и позвонилъ.

Вѣрный Иванъ сдѣлалъ значительный знакъ рукою.

— Вотъ мы и помирились! —сказала Ольга, подавая мнѣ руку.

— А мнѣ что̀ за дѣло!—отвѣчалъ я сухо и прошелъ къ себѣ въ комнату, не дотрогиваясь до ея руки.

— Какъ вамъ угодно!

Послѣ обѣда она, однакожъ, пришла ко мнѣ; Александръ заранѣе ушелъ со двора.

— За что-жъ ты на меня сердишься?—сказала она.

— Я сержусь? нимало! какое мнѣ дѣло!

— Да то-то и есть, что мы не хотимъ, чтобы тебѣ не было до насъ дѣла...

Она сѣла ко мнѣ на колѣни и обхватила рукою мою шею. Прошу покорно возражать что-нибудь въ подобномъ плѣну!

— Ну, говори же, за что ты надулъ губы!

— А зачѣмъ вы обманываете меня?

— Какъ обманываемъ!

— А что вы говорили на лѣстницѣ! вѣдь я все слышалъ.

— А! ты слышалъ! такъ только-то! ну, цѣлуй же меня!

Я повиновался.

— Вотъ сюда!—и она подставила шейку.

Я опять повиновался.

— Куда же дѣвался Александръ?—спросилъ я.

— Да онъ боится тебя! ушелъ гулять, покуда я буду тутъ тебя соблазнять! Ну, а я безстрашная, я тебя не боюсь! Правда? я безстрашная?

И она топнула ногой.

— Только смотри, безстрашная,—сказалъ я:—чтобы не было между вами по прежнему.

Пришелъ Александръ; мы послали за бутылкой шампанскаго, и Иванъ съ превеликимъ удивленіемъ смотрѣлъ на меня, никакъ не будучи въ состояніи понять, отчего и я пью вмѣстѣ съ ними, да едва ли еще и не больше ихъ.

И снова началась у нихъ, какъ въ первое время ихъ любви, возня и стукотня. Однакожъ онъ занимался по прежнему, и Ольга не цѣлые дни проводила у насъ. Я смотрѣлъ иногда къ ней въ окно и нерѣдко видѣлъ въ ея комнатахъ толстую фигуру стыдливаго дядюшки, но Брусинъ, повидимому, сталъ смотрѣть на это обстоятельство какъ на неизбѣжное зло.

Вдругъ Ольга приходитъ къ намъ и объявляетъ, что у нея будетъ балъ!!.. Цѣлую недѣлю потомъ она прожужжала намъ уши, разсказывая, какіе будутъ у нея музыканты, какія дѣвицы, что будетъ стоить входъ... Иногда она задумывалась очень долго.

— О чемъ ты думаешь, Оля?—спрашивалъ я ее.

— Да я все думаю, не лучше ли балъ съ ужиномъ? А? Какъ вы думаете?

— Да, балъ съ ужиномъ хорошо...

— Можно будетъ по цѣлковому за входъ прибавить...

— Стоитъ ли объ такихъ пустякахъ говорить! — вступался обыкновенно Александръ.

— Тебѣ все о пустякахъ! Что жъ, по твоему, не пустяки? Сейчасъ видно, что не любишь меня.

И она дула на него цѣлый вечеръ губки.

Наконецъ онъ насталъ, этотъ давно ожидаемый день бала. Въ ея маленькой залѣ о трехъ окнахъ собралась довольно большая куча всякаго народу, и танцы уже начались, когда мы вошли съ Александромъ. Дѣвицы въ бѣлыхъ, черныхъ и разныхъ цвѣтныхъ платьяхъ, кавалеры въ сюртукахъ и даже бархатныхъ архалукахъ выдѣлывали ногами и плечами такія удивительныя штуки, какихъ намъ и во снѣ не удавалось видѣть. Мы стали въ углу, вмѣстѣ съ двумя-тремя другими молодыми людьми, и смотрѣли. Танцовали собственно кадриль, но тутъ я не узналъ ее; я не могъ себѣ вообразить, чтобъ этотъ созерцательный, цѣломудренный танецъ могъ сдѣлаться до такой степени буйнымъ и двусмысленнымъ. Всѣ лица танцующихъ дышали какимъ-то особеннымъ, безотчетнымъ весельемъ; смотря на нѣкоторыхъ кавалеровъ, мнѣ казалось, что всѣ члены ихъ какъ будто развинчены: до того живы и бойки были всѣ ихъ движенія; безпрестанно слышалось то притоптыванье каблука, то хлопанье руки о колѣно, то прищелкиванье пальцевъ... и при этомъ корпусъ гнулся, гнулся—ну, точно старая, истертая ветошка.

Черезъ полчаса подошла къ намъ Ольга.

— Ну, что, вамъ скучно?—сказала она.

— Нѣтъ, мнѣ очень любопытно,—отвѣчалъ я:—я никогда еще не бывалъ на такихъ вечерахъ.

— Да это что еще: это только начало; погоди, что потомъ будетъ!

— Это только начало?—спросилъ я удивленный.

— Да, это все нѣмцы; они только танцуютъ; а вотъ погоди пріѣдетъ Надя со своими, да Катя со своими...

— Тогда что жъ будетъ?..

— Тогда будетъ кутежъ... Дай мнѣ затянуться!..

Она взяла у меня папироску, затянулась, подняла руку вверхъ и сдѣлала на одной ножкѣ пируэтку, между тѣмъ какъ другая рука готова была сдѣлать извѣстное движеніе, столь милое всякому посѣтителю шикарныхъ баловъ...

— Ты сегодня, просто, восхитительна до невѣроятности, Оля! —сказалъ я, невольно залюбовавшись ею.

— Право? да это еще ничего; погоди, вотъ когда Надя да Катя... вотъ тогда ты что̀ скажешь!

— Да, право, я не знаю, что̀ жъ будетъ тогда?

— Ну, да ужъ увидишь; извѣстно, будетъ кутежъ.

И, немного погодя, прибавила:

— А теперь что̀! это все нѣмцы!

— Да развѣ нѣмцы не кутятъ?

— Нѣтъ; они любятъ больше танцовать; то-есть, видишь ли, и они тоже кутятъ, да все на чужой счетъ.

— Ну, а Надя и Катя? хорошенькія онѣ?

— Ужъ, разумѣется, хорошенькія, когда у нихъ своя компанія есть!

— Ты меня когда-нибудь познакомь съ ними, Оля!

— Позвольте васъ ангажировать на вальсъ,—сказалъ какой-то бѣлокурый сынъ Эстляндіи, достаточно снабженный угрями, приблизившись къ Ольгѣ.

— Нѣтъ-съ, я съ нѣмцами не танцую.

— Однакожъ, вы танцовали кадриль съ господиномъ Зималь?

— Онъ не нѣмецъ... онъ полу-русскій-съ.

— Однакожъ, отчегожъ вы не хотите танцовать съ нѣмцемъ?

— Оттого, что между нѣмцами мастеровыхъ много.

Бѣлокурый господинъ сконфузился; еслибъ Ольга была безъ „компаніи“, то, конечно, она рисковала бы получить отъ него всякую горькую непріятность, но она знала натуру бѣлокурыхъ господъ, и потому, опираясь на „компанію“, смѣло могла натягивать имъ носы.

— Такъ ты меня познакомишь съ Катей и съ Надей?—спросилъ я снова, когда бѣлокурый господинъ удалился.

— Да; а ты не танцуешь?

— Нѣтъ.

— Жалко: вотъ кабы ты танцовалъ, такъ и самъ бы познакомился; вѣдь у насъ не по вашему.

— А которая лучше: Надя или Катя?

— Надя будетъ понаряднѐе.

— Однакожъ, лучше этихъ?—спросилъ я, указывая на проходившихъ дѣвицъ.

— Эти что! это прихвостницы! я такъ, только изъ состраданія, позвала ихъ на балъ. Да куда жъ дѣвался Александръ?

— Не знаю, онъ сейчасъ былъ со мною.

— Ну, поди же, ищи его; скажи, что мнѣ теперь некогда, а что ужъ я его послѣ за то поцѣлую.

— Зачѣмъ же послѣ? лучше теперь!

— Да гдѣ его сыщешь?

— Да ты послала бы съ кѣмъ-нибудь.

— Ужъ не съ тобой ли?.. Смотри, какой лакомка! Ну, да хорошо, поди скажи ему, что я его вотъ такъ, крѣпко-крѣпко цѣлую.

Она поцѣловала меня и исчезла.

Александръ сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ и вертѣлъ отъ скуки въ рукахъ цѣпочку.

— Пойдемъ домой!—сказалъ онъ, когда я подошелъ.

— Это зачѣмъ?

— Да мнѣ больно видѣть...

— Что жъ ты нашелъ тутъ для себя оскорбительнаго?

Онъ смѣшался.

— Видно, опять у тебя въ головѣ пугалы? Что жъ тебѣ больно видѣть?

— Да она все танцуетъ...

— Не сидѣть же сложа руки, коли ты не умѣешь танцовать.

— Да... да вонъ видишь... этотъ мальчишка накостный... видишь, какъ онъ ее крѣпко обнялъ?

— Коли здѣсь обычай такой!

— Да мнѣ это больно...

— Чортъ знаетъ что такое!

Въ дверяхъ показалась жирная фигура стыдливаго дядюшки.

— А, Прохоръ Макарычъ! кстати, подите-ка сюда! вотъ мой пріятель скучаетъ: развеселите-ка его!

Дядюшка приблизился.

— Кажется, имѣлъ честь...—проговорилъ онъ, конфузясь.

— Какъ же, какъ же... помните у окна? еще такая славная погода была? помните?

— Да-съ, хорошая! но у меня въ деревнѣ...

И снова сконфузился. Меня всегда особенно удивляло, какъ такое огромное тѣло могло такъ легко конфузиться?

— Что жъ у васъ въ деревнѣ, Прохоръ Макарычъ?—сказалъ я.—Да вы не конфузьтесь, Прохоръ Макарычъ!

— Погода бываетъ лучше,—проговорилъ онъ.

— А! а у васъ много деревень?

— Три-съ...

— А много вы получаете доходу?

— Пятнадцать тысячъ-съ...

— Такъ этакъ вы, чай, и шампанское пьете?

— Какъ же-съ; это мнѣ все наплевать...

— Скажите, пожалуйста! да не подать ли ужъ теперь! Какъ вы думаете?

— Я съ удовольствіемъ-съ; мнѣ все это наплевать...

— А между тѣмъ вотъ и онъ развеселится, да и вы перестанете конфузиться. Такъ что-ли. Прохоръ Макарычъ?

Подали вина; Прохоръ Макарычъ скоро развеселился, сдѣлался сообщителенъ и безпрестанно упрашивалъ Александра пить, по чести увѣряя его, что ему наплевать, и что мужички его сотни такихъ бутылокъ вынесутъ.

Между тѣмъ къ намъ присоединилось еще нѣсколько молодыхъ людей съ заспанными лицами, которые тоже спросили пить. Оля шепнула мнѣ на ухо, чтобъ я остерегался, потому что это, дескать, сочинители, которые все, что ни на есть смѣшного на свѣтѣ, сейчасъ замѣтятъ, да послѣ въ книжкѣ и напишутъ.

Я помню, что въ простодушіи своемъ я тогда весьма удивлялся, какъ могутъ люди съ заспанными лицами что-нибудь подмѣтить... Ихъ было всего трое и всѣ, какъ кажется, связаны святыми узами убѣжденій и происшедшей отъ того дружбы. Одинъ, однакожъ, повидимому, считался между ними геніемъ, потому что двое другихъ подобострастно глядѣли ему въ глаза и, при всякомъ мало-мальски остромъ его словѣ, считали за нужное тутъ же залиться самымъ пріятнымъ хохотомъ. И видно было, что уваженіе ихъ къ генію было нелицемѣрно и хохотъ истиненъ, потому что и на лицахъ ихъ выражалось при этомъ совершенное свѣтлое воскресеніе. Одинъ даже, казалось, такъ издавна напрактиковался въ этой роли поклонника, что никакъ не могъ ужъ и обойтись безъ господина, и даже побѣлѣлъ весь отъ рабства.

— Я художникъ! — говорилъ геній сильнымъ голосомъ, когда

выпито было ужъ значительное число бутылокъ. — Отчего и ты, и ты, и вы всѣ (онъ обратился ко всѣмъ намъ, хотя мы и не имѣли чести быть съ нимъ знакомыми) видите во мнѣ главу? Оттого, что я художникъ, и какъ художникъ—творю безсознательно... Попробуй ты творить безсознательно — выйдетъ дрянь, или лучше сказать... ну, да ужъ просто дрянь выйдетъ... а я художникъ, пророкъ, и творю безсознательно... Вотъ что!

Одинъ изъ поклонниковъ подлилъ вина въ стаканъ генія.

— Вотъ у меня бываютъ иногда сны,—продолжалъ геній:— удивительные сны! Сперва явится женщина съ аллигаторской рожей —отвррратительно! потомъ аллигаторъ съ женскимъ лицомъ—мерррзость!.. Да ты подожди: это все чистилище, чрезъ которое, такъ сказать, проходитъ откровеніе... Третій разъ ужъ явится тебѣ не аллигаторъ, а женщина, братецъ, женщина такая, что магнетизмъ и электричество такъ и текутъ изъ очей ея свѣтлыми струями, такъ и слышишь, какъ она шевелитъ въ тебѣ то неопредѣленное чувство, которое подступаетъ все выше и выше и, наконецъ, давитъ тебѣ горло... Такъ вотъ какая женщина, братецъ, ко мнѣ является, а я, просто, сижу себѣ да записываю...

За симъ геній понесъ такую ерунду, что я почелъ за нужное поскорѣе удалиться.

Танцы продолжались по прежнему, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что народу было еще болѣе, затѣмъ что прибыли Надя и Катя съ своими. Александръ стоялъ со мною въ сторонѣ и наблюдалъ за танцующими. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ.

И дѣйствительно, смотря въ ту сторону, гдѣ танцовала Ольга, я самъ видѣлъ, какъ г. Зималь поцѣловалъ ее въ губы.

— Пойдемъ домой!—сказалъ мнѣ Брусинъ.

— Подожди немного; вотъ пусть Ольга познакомитъ меня съ Катей,—отвѣчалъ я, какъ будто вовсе не подозрѣвая, въ чемъ дѣло.

— Я не могу здѣсь быть...

— Ну, такъ ступай одинъ; развѣ необходимо нужно, чтобъ я шелъ вмѣстѣ съ тобою!

Я остался еще нѣсколько времени, но послѣ не вытерпѣлъ и пошелъ-таки за нимъ. Надо вамъ сказать, что я этого человѣка любилъ какъ сына, ибо материнскія чувства развиты во мнѣ особенно сильно. И меня всегда за-живое трогало, что онъ несчастливъ, да еще и по

своей волѣ... Иногда даже я обвинялъ въ этомъ несчастьи самого себя, потому что вѣдь какъ бы то ни было, а мнѣ казалось, что я имѣю на него какое-нибудь вліяніе, а вдругъ на повѣрку выходило, что вліянія тутъ вовсе никакого нѣтъ...

Онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и плакалъ. Это меня еще больше сконфузило: я шелъ-было къ нему съ наставленіями и при случаѣ, пожалуй, даже съ строгою рѣчью, и вдругъ человѣкъ плачетъ; сами посудите, до выговоровъ ли тутъ!

Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Послушай,—сказалъ онъ мнѣ:—переѣдемъ изъ этого дома.

— Переѣдемъ, коли ужъ нечего дѣлать, — отвѣчалъ я; — а жалко! и квартира такая удобная, да и зима же теперь...

— Я чувствую, что мнѣ нельзя больше здѣсь оставаться.

— Да, переѣдемъ, переѣдемъ; разумѣется, тутъ нечего разсуждать, коли необходимость велитъ...

На другой же день нанялъ я квартиру и сталъ собираться. Александра съ утра ужъ не было дома. Вдругъ вижу—бѣжитъ къ намъ черезъ дворъ Ольга. „Ну, опять слезы, опять объясненія!“ подумалъ я.

— Это вы выѣзжаете? —спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Да.

— То-есть, ты выѣзжаешь, а Александръ остается по прежнему здѣсь?

— Нѣтъ, и Александръ со мною.

Она поблѣднѣла.

— А я-то какъ же?—спросила она, какъ будто еще не понимая, въ чемъ дѣло.

Я молчалъ.

— Такъ это онъ меня и оставитъ?.. Да отвѣчай же мнѣ: бросить, что-ли, онъ меня хочетъ?

Но я все-таки не зналъ, что отвѣчать. Она постояла, постояла, пошла-было къ двери, но потомъ воротилась, упала на диванъ и горько заплакала.

Признаюсь, и во мнѣ таки-шевельнулось сердце.

Вдругъ она вскочила съ дивана и бросилась ко мнѣ на шею.

— Голубчикъ ты мой, упроси его! скажи ему, чтобъ онъ этого не дѣлалъ со мною... что я всѣхъ брошу, хлѣбъ съ водой буду ѣсть...

а! поди же, ради Бога... только чтобъ онъ не бросалъ меня... хоть за прежнюю любовь мою!

— Послушай, Оля, что-жъ это такое будетъ? Сколько разъ вы ужъ мирились... Вѣдь ты видишь, что онъ не можетъ...

— Да нѣтъ, я сама во всемъ виновата... Ну, пожалуйста, прошу тебя! скажи ему, что я совсѣмъ буду другая...

— Какъ же ты можешь ручаться за себя, Оля? вѣдь ужъ это не въ первый разъ.

Она посмотрѣла на меня пристально и поблѣднѣла.

— Такъ не хочешь для меня этого сдѣлать?

Я не отвѣчалъ.

— Звѣрь ты! каменное въ тебѣ сердце! это ты его всему научилъ! Смотри же, не будетъ тебѣ за это счастья ни въ чемъ... Встрѣчусь я съ тобой когда-нибудь... увидишь!

Чортъ знаетъ что такое! ни тѣломъ, ни душою не виноватъ человѣкъ, а осыпаютъ со всѣхъ сторонъ проклятіями!

Наконецъ мы переѣхали. Александръ опять принялся за работу. Ольга нѣсколько разъ навѣдывалась-было къ намъ, но я приказалъ Ивану не впускать ее. Однажды утромъ, иду я на службу, смотрю: у воротъ нашего дома стоитъ Ольга и злобно смотритъ на меня. Я хотѣлъ-было пройти мимо, какъ будто никогда и не зналъ ея, но она остановила меня.

— Что, любо тебѣ, небось, — сказала она мнѣ: — любо, что успѣлъ насъ поссорить?

— Ахъ, оставь меня въ покоѣ! никогда я не думалъ васъ ссорить; сами вы грызлись между собою.

— Сами!.. вотъ какъ! А кто велѣлъ не пускать меня въ квартиру? сами!.. Да вотъ же не удастся тебѣ! Хоть цѣлый день простою здѣсь, да увижу его! Тогда посмотримъ, чья возьметъ!

— Въ такомъ случаѣ. я пойду, попрошу его, чтобъ онъ не выходилъ,—сказалъ я сухо, возвращаясь домой.

— Небось, не пойдешь! — говорила она мнѣ съ насмѣшкой велѣдъ: — ты вѣдь знаешь, что если скажешь ему хоть слово объ томъ, что я жду его здѣсь, такъ онъ—мой!

Разсудивъ, что она говорила правду, я пошелъ своей дорогой на службу.

Когда я воротился, Иванъ ждалъ меня въ дверяхъ.

— Ольга Николаевна тутъ,—сказалъ онъ.

— Сама пришла?

— Нѣтъ, съ Александромъ Андрепчемъ.

— И давно она тутъ?

— Да съ самаго утра.

Я велѣлъ ему собрать мои пожитки и въ тотъ же день переѣхалъ въ нумеръ.

Съ тѣхъ поръ я потерялъ Брусина изъ виду; слышалъ, что будто онъ опять поссорился съ Ольгой, связался съ какой-то актрисой, и ту будто бы бросилъ... Но на службу не вступилъ, и статьи, которую при мнѣ началъ, не кончилъ никогда.

Недавно, впрочемъ, какой-то знакомый говорилъ мнѣ, что онъ встрѣтилъ его въ Москвѣ, что будто бы Брусинъ живетъ тамъ съ родителями, которые водятъ его по воскресеньямъ къ обѣднѣ, къ Николѣ-Явленному...

Николай Иванычъ кончилъ—и задумчиво покручивалъ себѣ усы.

— Такъ вотъ, господа,—сказалъ онъ, спустя нѣсколько секундъ,—какъ нѣкоторые люди безпрестанно кричатъ о жаждѣ дѣятельности, жалуются на какія-то препоны,—а на повѣрку выходитъ, что вся эта жажда дѣятельности ограничивается какою-нибудь любовишкой,—да какъ еще обидно, нелѣпо ограничивается!

Мы молчали.

— А отчего эта неспособность? отчего это нравственное безсиліе?—оттого, что мы не можемъ покончить съ нашимъ прошедшимъ; оттого, что мы, видя всю гнусность такъ-называемаго спекулятивно-энциклопедическаго образованія нашего, не имѣемъ силы пересоздать себя. А потомъ жалуемся на другихъ, на судьбу и Богъ знаетъ еще на что!

Николай Иванычъ вошелъ въ азартъ.

— Вездѣ идолы, вездѣ пугалы—и, главное, что обидно? обидно то, что мы сами знаемъ, что это идолы, глупые, деревянные идолы, и все-таки кланяемся имъ. Однажды, помнится, встрѣтился я въ обществѣ съ однимъ форменнымъ господиномъ. Человѣкъ онъ оказался хорошій, и мы превесело проболтали съ нимъ цѣлый вечеръ. Вдругъ, ужъ подъ конецъ, когда намъ нужно было раз-

статься, онъ говоритъ мнѣ:—„Такая, право, досада: черезъ недѣлю или черезъ двѣ придется быть въ одномъ мѣстѣ, гдѣ, чего добраго, если головы не размозжатъ, такъ изуродуютъ всего“.—А вы не ѣздите въ это мѣсто, сказалъ я.—„Какъ это можно! да это мой долгъ,—говоритъ:—что скажутъ про меня другіе!“—Странный вы человѣкъ! да что вамъ за дѣло, что скажутъ про васъ другіе!—„Оно конечно,—отвѣчалъ онъ:—глупо вѣкъ руководиться чужимъ мнѣніемъ, особливо если доказалъ себѣ, что мнѣніе это ложно,—да что же прикажете дѣлать?“—Однакожъ, что вамъ дороже: жизнь ваша или общественное мнѣніе, которое вы, замѣтьте, сами не хотите признать за непреложное.—„Да нѣтъ, все-таки какъ-то неловко“.—Но вы рискуете потерять жизнь вашу!—„Знаю, да что жъ мнѣ дѣлать“.—Ну, въ такомъ случаѣ, отъ души желаю вамъ быть убитымъ!—И дѣйствительно, вѣдь убили его! А хорошій былъ молодой человѣкъ!

— Нравоученіе, Николай Иванычъ! нравоученіе!—закричала толпа.

— А нравоученіе вотъ какое: во-первыхъ, предметовъ для дѣятельности много, такъ много, что стоитъ лишь нагнуться, чтобы наполнить жизнь свою; если мы ничего не дѣлаемъ, то никто другой, кромѣ насъ, въ этомъ не виноватъ, и жаловаться въ этомъ случаѣ совершенно безполезно; во-вторыхъ, весьма часто мы жалуемся на отсутствіе счастья, а на повѣрку выходитъ, что не насъ несчастье ищетъ, а мы сами себѣ его устраиваемъ. Вотъ хоть бы и Брусинъ: онъ, пожалуй, и счастливъ былъ, и любилъ, и любимъ былъ—да испортилъ же самъ все дѣло.

— Ну, нѣтъ, я никакъ не могу вывести этого нравоученія изъ вашего разсказа,—сказалъ молодой человѣкъ.

— Это какъ?

— Да все оттого, что мы разнимся съ вами въ главномъ: въ воззрѣніи на вещи. Вы всю вину сваливаете на личность человѣка, а я утверждаю, что человѣкъ тутъ вовсе не виноватъ, что виноватаго тутъ надобно искать гдѣ-нибудь подальше—гдѣ? достовѣрно сказать вамъ не могу, но думаю—въ воздухѣ... Вотъ хоть бы и въ разсказѣ вашемъ: гдѣ причина этой упорной неспособности Брусина къ какой бы то ни было положительной дѣятельности? гдѣ, какъ не въ уродливомъ воспитаніи, которое ровно ничему не учитъ? Вы и

сами соглашаетесь съ этимъ, но прибавляете, что должно имѣть силу пересоздать себя? Да вѣдь для этого надобно не только родиться героемъ, но и чтобъ обстоятельства расположились такъ, чтобы сдѣлать изъ васъ героя. А что вы будете дѣлать, когда воспитаніе, вмѣсто того, чтобы закалить васъ и сдѣлать изъ васъ стоика, вложило въ ваше сердце потребности, мягкость эпикурейца, да когда еще вы, къ вашему горю, пришли къ признанію законности этой мягкости и этихъ потребностей?

— Да вѣдь человѣкъ животное разумное: онъ долженъ отличать условное отъ безусловнаго, долженъ понимать, гдѣ дѣйствительный его интересъ и гдѣ ложный.

— Долженъ?! вотъ грустное слово, которое, признаюсь, всегда сжимаетъ мнѣ сердце холодомъ... Для чего же все „долженъ“? Для чего не „хочу“ или „желаю“? А между тѣмъ героевъ такъ мало, такъ мало, а грѣшныхъ, слабыхъ натуръ такъ много!.. Да притомъ же, слова: „дѣйствительный интересъ“, сколько я понимаю, означаютъ то, что приноситъ человѣку пользу и удовольствіе. Какъ скоро одного изъ этихъ условій недостаетъ, дѣйствительный интересъ нарушенъ. Въ идеѣ долга я вижу одну пользу... Вы не любите идоловъ, Николай Иванычъ, а между тѣмъ создаете себѣ самый ужасный, самый мертвящій изъ всѣхъ—идолъ долга.

Николай Иванычъ сконфузился.

— Я согласенъ,—сказалъ онъ черезъ минуту:—что и та жизнь, которую я защищаю, далеко не полна; но такъ какъ надобно выбирать непремѣнно изъ двухъ золъ, то я всегда предпочту такой образъ дѣйствія, который, по крайней мѣрѣ, дастъ спокойствіе моей совѣсти, поселитъ во мнѣ сознаніе, что не понапрасну потратилъ я свою жизнь, а сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ быть полезнымъ.

— Да; это было бы справедливо, еслибъ выборъ той или другой дороги былъ въ нашей власти; но вѣдь тутъ фатализмъ, Николай Иванычъ, и мы совершенно безсильны! Я радъ бы, напримѣръ, сдѣлать какое-нибудь чудо, но чѣмъ же я виноватъ, если у меня руки не поднимаются, ноги не ходятъ? Чѣмъ я виноватъ, что весь распался и превратился въ живую рану?

Молчаніе.

— Что же касается до второго пункта вашего правоученія, то-есть, до того, что Брусинъ самъ сознательно устранялъ свое не-

счастье, то и тутъ вы неправы: Брусинъ былъ счастливъ, какъ только могъ быть счастливымъ.

Николай Иванычъ изумился.

— Да, его болѣе плѣнила его безпокойная, судорожная любовь, нежели скаредное, болотное счастье, составленное по вашему реценту. Что до того, что онъ страдалъ?—коли въ этомъ страданьи была вся его жизнь? Вѣдь вы же толковали ему, чтобъ онъ поступалъ такимъ-то и такимъ-то образомъ, если хочетъ быть счастливымъ. Отчего же онъ не послушался васъ? Не дуракъ же онъ былъ, чтобы не понять, что его счастье не есть счастье. Нѣтъ, онъ очень хорошо понималъ это, да, видно, сила не въ томъ, какимъ образомъ быть счастливымъ, а въ томъ, чтобъ хоть какимъ бы ни было образомъ да быть счастливымъ.

— Однакожъ вы, пожалуй, скажете мнѣ, что и тотъ, кто будетъ сдирать съ себя живого кожу, тоже будетъ счастливъ.

— Отчего нѣтъ? какъ вы не хотите понять, что въ ненормальной средѣ одна неестественность только и можетъ быть названа нормальною? Нѣтъ, Николай Иванычъ, повѣрьте, укоры и нравоученія безполезны, когда возможности къ исправленію не представляется никакой, когда мы всѣ скованы, спутаны обстоятельствами. Закинь васъ судьба въ какой-нибудь скверный уѣздный городишко—что нужды, что вы будете презирать всѣхъ этихъ глупыхъ, жирныхъ людей, у которыхъ о нравственности и тѣни понятія нѣтъ!—вы все-таки принуждены якшаться съ ними, потому что вы—человѣкъ...

— Такъ, по вашему, приходится сложить руки и смотрѣть равнодушно на всѣ уродства и нелѣпости?

— О, нѣтъ, сохрани Боже! Нужно дѣйствовать, какъ можно больше дѣйствовать! Но я хочу, чтобы каждому оставили полную свободу жить, какъ онъ понимаетъ, а не навязывались съ своими теоріями, которыя только раздражаютъ. Я иду за вами слѣдомъ въ отрицаніи идоловъ, но постунаю откровеннѣе васъ, потому что не хочу ровно никакого идола, даже... идола пользы. Я той вѣры, что самое лучшее въ этомъ случаѣ—поставить себѣ девизомъ: *живи—какъ живется, дѣлай—какъ можется.*

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА (Н. ЩЕДРИНА)

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

— въ двѣнадцати томахъ обыкновеннаго формата:

Томъ I.—Губернскіе очерки.—Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова, съ портретомъ автора, его факсимиле и могильнымъ памятникомъ.
— II.—Господа Головлевы.—Сатиры въ прозѣ.
— III.—Помпадуры и помпадурши.—Невинные разсказы.
— IV.—Благонамѣренныя рѣчи.—Культурные люди.
— V.—Мелочи жизни.—Сборникъ.
— VI.—Сказки.—Пестрыя письма.—Недоконченныя бесѣды.
— VII.—Исторія одного города.—Убѣжище Монрепо.—Признаки времени.
— VIII.—Дневникъ провинціала.—За рубежемъ.
— IX.—Господа Ташкентцы. — Пошехонскіе разсказы. — Круглый годъ.
— X.—Въ средѣ умѣренности и аккуратности.—Письма о провинціи.—Итоги.
— XI.—Современная идиллія.—Письма къ тетенькѣ.
— XII.—Пошехонская старина.—Брусинъ, разсказъ.

Каждый томъ—1 руб. 75 коп., съ перес. 2 руб.

По подпискѣ на 12 томовъ—**18** р., съ перес.—**21** р.

Складъ изданія:

въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича,

Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

ГПБ Русский фонд
18.268.5.1/12